

Я. И. Алфионов

**ИМПЕРАТОР
ЮЛИАН
И ЕГО ОТНОШЕНИЕ
К ХРИСТИАНСТВУ**

Издание третье

Алфионов Яков Иванович

Император Юлиан и его отношение к христианству. Изд. 3-е.

М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 472 с.

(Академия фундаментальных исследований: история.)

Вниманию читателей предлагается книга российского историка и педагога Я. И. Алфионова, посвященная изучению личности и политической деятельности последнего языческого римского императора Юлиана II, известного в истории христианства под именем Юлиана Отступника. Автор проводит анализ предпосылок языческих реформ императора и попыток преобразования им язычества на основе неоплатонизма. Значительное место в книге уделено исследованию литературной полемики Юлиана с христианством.

Книга, впервые вышедшая в 1877 г., до сих пор является одним из наиболее полных исследований деятельности императора Юлиана II. Она будет интересна как специалистам — историкам, религиоведам, философам, так и широкому кругу читателей.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 29,5. Зак. № ЖХ-83.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-02379-5

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2011

10780 ID 150482

ИМПЕРАТОРЪ ЮЛІАНЪ

И

ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ХРИСТІАНСТВУ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Инспектора классовъ Оренбургскаго Николаевскаго Института

МАГІСТРА

Якова Алфіонова.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Ромънъ, на Арбатѣ, домъ Карянской.

1890.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Предлагаемое благосклонному вниманію публики изслѣдованіе является въ свѣтъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было напечатано въ первый разъ въ 1877 г. въ Казани. Первоначально авторъ думалъ переработать нѣкоторые отдѣлы своего труда и дополнить его приложеніемъ въ русскомъ переводѣ сочиненій Юліана, имѣющихъ историческій и литературный интересъ. Но прямыя служебныя обязанности автора и невозможность имѣть подъ руками всѣ необходимыя для такой работы источники и пособія, вслѣдствіе отдаленности отъ центровъ просвѣщенія, не дозволили ему выполнить свой планъ.

Я. Алфимовъ.

Оренбургъ, 3-й Іюля 1880 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Трудно встрѣтить въ исторіи личность, о которой существовали бы столь различные и противоположные отзывы и сужденія, какъ объ императорѣ Юліанѣ. Между тѣмъ какъ подъ перомъ однихъ историческихъ писателей онъ является какъ императоръ-философъ, въ избыткѣ одаренный всѣми достоинствами и добродѣтелями, другіе изслѣдователи не находятъ достаточно словъ, чтобы изобразить его личность и дѣятельность въ самыхъ мрачныхъ и непривлекательныхъ чертахъ. Если св. Григорій Богословъ сравниваетъ Юліана съ нечестивыми царями израильскими — Ахаавомъ и Іеровоамомъ, называетъ его Фараономъ и Навуходоносоромъ¹⁾, если онъ приходитъ въ живѣйшій восторгъ отъ паденія этого «дракона», «отступника», «великаго демона» и по этому случаю призываетъ къ общей радости небо и землю, всѣ народы и языки, всѣхъ людей и даже ангеловъ²⁾, то, напротивъ, языческій риторъ Ливаній не находитъ словъ изобразить въ надлежащемъ свѣтѣ всѣ добродѣтели этого императора, называя его другомъ самихъ небожителей³⁾.

Во всякомъ случаѣ личность Юліана представляетъ со-

¹⁾ Твор. Гр. Бог. Сл. 2 облич. на царя Юліана. М. 1843 г. ч. 1. стр. 181.

²⁾ Ibid. стр. 84—85.

³⁾ Liban. Orat. parental. in Julian. См. Fabric. Bibliotheca Graeca T. VI, p. 377.

бою явленіе весьма замѣчательное въ исторіи. По своимъ природнымъ способностямъ и развитію, талантамъ опытнаго полководца, замѣчательнаго государственнаго человѣка и писателя онъ безспорно занимаетъ на тронѣ римскихъ цезарей одно изъ видныхъ мѣстъ. Но при всѣхъ этихъ достоинствахъ, которыхъ не въ состояніи отнять у него самые ожесточенные его противники, онъ не оставилъ послѣ себя добраго воспоминанія въ исторіи и сошелъ со сцены, заклеянный на вѣки позорнымъ именемъ отступника. Его измѣна христіанству и переходъ на сторону язычества въ связи съ веденною имъ борьбою противъ религіи, въ которой онъ родился и былъ воспитанъ, едва ли когда нибудь найдутъ оправдательный приговоръ въ глазахъ исторіи. Дѣйствительно, трудно было ожидать, чтобы послѣ объявленія христіанства господствующею религіею въ Римской имперіи, завершившаго окончательно вѣковую борьбу христіанства съ язычествомъ полнѣйшею побѣдою его надъ этимъ послѣднимъ, послѣ того, какъ династія Константина Великаго тѣсными узами связала свою судьбу съ судьбами вѣры и церкви, среди этой династіи явился императоръ, враждебно расположенный къ христіанству. Если обратить еще вниманіе на то, что нравственное превосходство христіанства предъ язычествомъ въ то время сознавали даже многіе изъ самихъ язычниковъ, то еще болѣе покажется страннымъ и непонятнымъ, какимъ образомъ Юліанъ, человѣкъ обладавшій безспорно замѣчательными талантами, значительно выдававшійся среди современниковъ своимъ развитіемъ, съ дѣтства воспитанный въ христіанствѣ, вдругъ рѣшился измѣнить ему, вступить съ нимъ въ борьбу и посвятить всѣ свои политическія и нравственныя силы на возстановленіе отжившаго язычества.

Отсюда неудивительно, что личность Юліана и его от-

ношеніе къ христіанству во всѣ времена привлекали къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Изслѣдованія объ немъ составили цѣлую значительную литературу, которой нельзя миновать безъ разсмотрѣнія ни одному новому изслѣдователю эпохи Юліана.

Считаемъ нужнымъ перечислить здѣсь по крайней мѣрѣ важнѣйшія сочиненія, которыя служили источниками и пособіями для нашего труда. Сочиненія эти весьма удобно распадаются на два класса: христіанскія и языческія, рѣзко расходящіяся во взглядѣ на Юліана. Въ то время, когда христіанскіе писатели не находятъ для себя достаточно словъ, чтобы представить въ самыхъ мрачныхъ и непривлекательныхъ чертахъ личность Юліана и его дѣятельность, въ глазахъ языческихъ писателей онъ является послѣднимъ, геніальнымъ и блестящимъ представителемъ древняго гелленизма, личностію трагическою, непонятою и неоцѣненною своими современниками.

Между христіанскими писателями, произведенія которыхъ служатъ главнѣйшими источниками при изученіи личности Юліана и его отношенія къ христіанству, св. Григорій Богословъ долженъ безспорно занимать первое мѣсто ¹⁾, такъ какъ онъ былъ не только современникомъ, но и сверстникомъ Юліана, былъ знакомъ съ нимъ лично въ юношескіе годы своей жизни, на ученической скамьѣ въ Аѳинахъ ²⁾, и пережилъ его лишь нѣсколькими годами. Такимъ образомъ отъ св. Григорія, какъ человѣка, находившагося въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Юліану, какъ проникательнаго наблюдателя и тонкаго знатока человѣческаго сердца, не могли избѣгнуть самыя сокровенныя тайны и изгибы души

¹⁾ Gregorii Theologi vulgo Nasianzeni opera, quae exstant omnia, rec. I. P. Migne. Paris. 1857. Рус. перев. М. 1843—44. Ч. 1 и 2.

²⁾ Твор. Гр. Бог. ч. 1. Сл. 2 облич. на царя Юліана, стр. 197—198.

императора ¹⁾. «Обличительныя слова» св. Григорія «на царя Юліана» имѣють своею цѣлію выставить на судъ современниковъ и потомства личность этого императора, равно какъ разборъ и обсужденіе всѣхъ правительственныхъ мѣръ, принятыхъ имъ въ отношеніи къ христіанству. Въ первомъ изъ нихъ св. отецъ представляетъ историческій очеркъ нечестивыхъ распоряженій Юліана, направленныхъ ко вреду церкви, причемъ вся дѣятельность императора разсматривается исключительно какъ непрерывный рядъ дѣйствій и мѣропріятій, прямо враждебныхъ христіанству. Юліанъ представляется здѣсь столь опаснымъ врагомъ церкви и благочестія, что сравнивается, какъ мы уже видѣли, съ ветхозавѣтными нечестивыми царями, совмѣстившимъ въ своемъ лицѣ всѣ ихъ пороки: «отступничество Іеровоамово, непотребное убійство Ахаавово, ожесточеніе Фараоново, святотатство Навуходоносорова, и нечестіе всѣхъ вообще» ²⁾. По взгляду св. Григорія, въ этомъ отношеніи неизмѣримо выше Юліана стоитъ императоръ Констанцій, не смотря на всю приверженность его къ аріанской ереси и гоненія, воздвигнутыя имъ на православіе ³⁾. Съ особенною энергіею св. отецъ возстаетъ противъ эдикта Юліана, воспрещавшаго христіанскимъ наставникамъ преподаваніе въ школахъ, видя въ этомъ злой умыселъ со стороны императора, чрезъ лишеніе вѣрующихъ образованія, отнять у нихъ средства для борьбы съ языческою мудростію ея же собственнымъ оружіемъ ⁴⁾. Вообще первое обличительное слово св. Григорія «на царя Юліана» имѣетъ весьма важное значеніе для изслѣдователя лич-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Твор. Григор. Богосл. Слово 2-е облич. на царя Юліана, ч. 1. стр. 181.

³⁾ Ibid. Слово 1-е, стран. 85.

⁴⁾ Ibid. Стр. 155—178.

ности этого императора и его борьбы противъ христiанства, особенно въ томъ отношенiи, что проливаетъ не мало свѣта на причины, побудившія его отступить отъ христiанства и перейти на сторону язычества. Во второмъ своемъ «обличительномъ словѣ на царя Юліана» св. Григорій задается цѣлю изобразить праведный судъ Божій надъ нечестивымъ отступникомъ ¹⁾. Достоверность свѣдѣній, сообщаемыхъ св. отцемъ, помимо его святительскаго авторитета, основывается еще на томъ фактѣ что оба его слова на царя Юліана предназначены были имъ для публичнаго произнесенія предъ собравшимися слушателями, большая часть которыхъ была современниками и очевидцами описанныхъ въ нихъ событій. Правда, рѣчь св. Григорія не всегда отличается спокойнымъ тономъ и, повидимому, безпристрастнымъ сужденіемъ, но всѣ содержащіяся въ ней рѣзкіе отзывы и сильныя порицанія становятся вполне понятными, если обратить вниманіе на обстоятельства того времени. «Характеръ дѣйствій Юліана, замѣчаетъ Ульманъ, вызывалъ всякаго, кому только дорого было христiанство, на борьбу съ нимъ, и кто рѣшался на нее, долженъ былъ дѣйствовать сильно и рѣшительно, чтобы утратить всякаго дерзкаго, кто бы снова осмѣлился возстать на церковь Христову. Полагая въ христiанствѣ спасеніе, самый дорогой оплотъ человечества, могъ ли онъ равнодушно относиться къ тому человѣку, который хотѣлъ отнять у него это дорогое наслѣдіе? Притомъ же, когда писалъ св. Григорій, весь христiанскій міръ былъ объятъ ужасомъ, возбужденнымъ царствованіемъ Юліана, подобно злобѣщему метеору явившагося на христiанскомъ горизонтѣ, и потому естественно въ рѣчахъ его выразилось состояніе еще свѣжаго огорченія, обнимавшаго большую часть вѣрующихъ. Въ эту эпоху великой, ве-

¹⁾ Ibid. стр. 179.

денной на жизнь и смерть борьбы между язычествомъ и христіанствомъ, невозможно было ожидать хладнокровной оцѣнки человѣка, который, стоя во главѣ языческой партіи, угрожалъ гибелью христіанству, или же она требовала сверхъ-естественной умѣренности и осторожности» ¹⁾).

Послѣ твореній св. Григорія Богослова между христіанскими источниками, сообщающими свѣдѣнія относительно личности Юліана и его борьбы противъ христіанства, особеннаго вниманія заслуживаетъ полемическое произведеніе св. Кирилла, архіепископа александрійскаго: «десять книгъ противъ Юліана» ²⁾). Оно важно въ томъ отношеніи, что служитъ главнѣйшимъ и единственнымъ источникомъ для знакомства съ религіозно-философскими воззрѣніями и литературной полемикой Юліана противъ христіанства, доставляя возможность ознакомиться съ подлинными отрывками полемическаго труда императора, специально направленнаго въ опроверженіе христіанства и не дошедшаго въ полномъ своемъ видѣ до нашего времени.

Подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ Юліанѣ и его отношеніи къ христіанству сообщаютъ древніе церковные историки — Сократъ, Созоменъ и блж. Θεодоритъ. — Сократъ ³⁾ подробно передаетъ всѣ замѣчательные факты, относящіеся къ жизни императора, и обстоятельно излагаетъ его правительственныя мѣры, клонившіяся ко вреду церкви. Онъ усерднѣе Созомена

¹⁾ D. C. Ullmann, Gregorius von Nazianz, der Theologe. Darmstadt. 1825 г. p. 102.

²⁾ Cyrilli Alexandriae Archiepiscopi operum tomus sextus. Cura et studio Joannis Auberti. Paris 1838. Juliani imp. opera omnia, ed. Ezech. Spanheimi. Lipsiae, 1696 г. p. 1—362.

³⁾ Socratis Scholastici et Hermiae Sosomeni Historia Ecclesiastica, ed. Henrichus Walesius. Moguntiae, 1677. Рус. перев. Спб. 1850 стр. 251—316.

и бл. Феодорита старается представить какъ личность, такъ и всю дѣятельность Юліана въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, вслѣдствіе чего не хочетъ оставить ему даже и тѣхъ достоинствъ, которыя находили въ немъ нѣкоторые изъ христіанскихъ современниковъ ¹⁾, отзываясь объ нихъ съ тайною или явною ироніей. Онъ ни во что не ставитъ обширное знакомство Юліана съ философіею и древнею литературою и, при оцѣнкѣ его политической дѣятельности, не только не видитъ въ немъ сноснаго правителя, но и достаточно послѣдовательнаго, серьезнаго человѣка, представляя его не болѣе какъ только мелкимъ эгоистомъ и смѣшнымъ честолюбцемъ ²⁾. Юліанъ является въ глазахъ Сократа неопытнымъ, увлекшимся юношей, который безъ философа Максима, вѣроятно, никогда и не подумалъ бы ни о перемѣнѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій, ни объ императорскомъ достоинствѣ. Въ своихъ стремленіяхъ возстановить и оживить язычество и въ своей борьбѣ противъ христіанства Юліанъ, по словамъ этого историка, оказывается тѣмъ же безхарактернымъ, увлекающимся, пылкимъ юношей, неосмотрительнымъ по своей горячности, тщеславнымъ по своему образованію, и достойнымъ презрѣнія по своему притворному смиренію ³⁾. Очевидно, въ такомъ одностороннемъ изображеніи Юліана нельзя не видѣть крайней нерасположенности историка къ описываемому имъ лицу. Задавшись разъ цѣлію представить этого императора въ высшей степени горячимъ, легкомысленнымъ, крайне самолюбивымъ и тщеславнымъ юношею, Сократъ старается подогнать къ этой рамкѣ всѣ факты его политической дѣятельности и отношенія къ христіанству, придавая имъ своеобразное освѣщеніе.

¹⁾ Твор. Гр. Бог. Сл. 1 облич. на царя Юліана стр. 105.

²⁾ Сокр. Ц. И. III, 1 стр. 258—259, по р. перев.

³⁾ Сокр. Ц. И. III, 21, стр. 300.

Созоменъ ¹⁾ въ своихъ сужденіяхъ объ Юліанѣ является гораздо всестороннѣе своего предшественника. Въ глазахъ его Юліанъ представляется не такимъ безхарактернымъ, увлекающимся юношей, какимъ онъ описывается у Сократа, но человѣкомъ, обладающимъ прекрасными умственными дарованіями ²⁾, который при помощи хитрой политики, приправляемой очень часто нечистыми уловками ³⁾, старается осуществить свою завѣтную мысль — отвоевать язычеству у христіанства его древнія права. Для достиженія этой цѣли Юліанъ держится сначала самой строгой тактики — одною рукою стараясь притѣснять христіанство, а другою возвышать и возстановлять язычество. Поднимать открытое гоненіе на церковь онъ, по взгляду Созомена, не имѣлъ возможности, такъ какъ опытъ предшествовавшихъ государей наглядно показывалъ, что такого рода образъ дѣйствій не приводилъ къ желаннымъ результатамъ и кромѣ того могъ вооружить противъ императора множество недовольныхъ имъ христіанскихъ подданныхъ, чего онъ конечно не желалъ по своимъ политическимъ соображеніямъ. Достигнуть той же самой цѣли для Юліана, по словамъ Созомена, казалось гораздо удобнѣе безъ кровавыхъ гоненій, посредствомъ хитрой политики, заявляя себя всегда и вездѣ усерднымъ язычникомъ, показывая, насколько возможно было, прелести язычества и недостатки христіанства, поселяя, наконецъ, распри и раздоры между вѣрующими, даровавши для этого полную свободу представителямъ разныхъ церковныхъ партій и расколовъ. Въ видахъ достиженія той же самой цѣли Юліанъ, по словамъ Созомена, старался отнимать данныя его пред-

¹⁾ Socrati Scholastici et Hermiae Sosomeni Historia Ecclesiastica. Ed. H. Walesius. Moguntiae 1617. Русск. перев. Спб. 1851 г. стр. 302—380.

²⁾ Созом. Ц. И. V. 2, стр. 310 по р. перев.

³⁾ Созом. Ц. И. V, 4, стр. 319, 321.

шественниками вѣрующимъ права и привилегіи, въ то же время давать привилегіи язычникамъ, тормозить среди вѣрующихъ просвѣщеніе, усиливать нравственное вліяніе языческихъ жрецовъ на народъ, возвышать ихъ образованіе и нравственность, наконецъ, возбуждать среди народа любовь къ политеизму посредствомъ собственнаго своего примѣра и пышныхъ религіозныхъ церемоній. Дѣйствуя такимъ образомъ, Юліанъ, по взгляду Созомена, думалъ твердо держаться на императорскомъ престолѣ и въ то же время вести успѣшную борьбу противъ христіанства. Такимъ образомъ въ глазахъ нашего историка это былъ вовсе не легкомысленный и безразсудный юноша, а человѣкъ самостоятельный, съ одною строго опредѣленною идеею въ своей головѣ, которую онъ послѣдовательно старался провести въ жизнь и осуществить, человѣкъ, зрѣло обдумавшій свое историческое призваніе и принявшійся за его осуществленіе съ твердою вѣрою въ свои силы. Но при этой, вѣрной въ общемъ, характеристикѣ Юліана Созоменъ не мало теряетъ въ частностяхъ. Особенно бросается въ глаза замѣчаемая у него неосмотрительность въ подборѣ сообщаемыхъ имъ фактовъ, такъ какъ рядомъ съ несомнѣнными историческими событіями онъ сообщаетъ не мало такихъ, которыя въ его время передавались не болѣе какъ только въ формѣ слуховъ и потому не могутъ быть признаваемы за вполне достовѣрные. Впрочемъ, упомянутый недостатокъ не представляетъ собою особенности одного только Созомена, но составляетъ также удѣлъ Сократа и бл. Феодорита, съ тѣмъ только различіемъ, что у Созомена онъ замѣчается гораздо чаще, нежели у другихъ его сотоварищей. Нельзя также не замѣтить, что въ своемъ разсказѣ объ обстоятельствахъ правленія Юліана и его отношеніи къ христіанству Созоменъ позволяетъ себѣ нѣкотораго рода неточно-

сти. — Такъ онъ въ привлекательныхъ чертахъ описываетъ пребываніе Юліана въ каппадокійскомъ замкѣ Макеллѣ ¹⁾, что прямо противорѣчитъ собственному свидѣтельству императора въ его письмѣ къ сенату и народу аѳинскому ²⁾. Онъ также смѣшиваетъ сестру императора Констанція Елену, бывшую въ замужествѣ за Юліаномъ, съ его дочерью, супругою императора Граціана ³⁾. Извѣстіе, сообщаемое Созоменомъ, объ отказѣ Юліана подать помощь жителямъ города Низибиса сирійскаго ⁴⁾ едва ли справедливо, такъ какъ объ этомъ событіи умалчиваетъ Амміанъ Марцеллинъ и такъ какъ подобнаго рода обвиненіе противорѣчитъ походу императора противъ персовъ, который доставилъ этому городу просимую имъ помощь.

Изложенію исторіи Юліана и его правительственныхъ распоряженій въ отношеніи къ церкви блаж. Θεодоритъ посвящаетъ третью книгу своего историческаго труда ⁵⁾. Какъ вообще въ своей исторіи, такъ и въ изложеніи фактовъ, относящихся къ борьбѣ Юліана противъ христіанства, онъ является сокращеніемъ обоихъ своихъ предшественниковъ, вслѣдствіе чего излагаетъ не всѣ факты, сообщаемые Сократомъ и Созоменомъ, но только тѣ изъ нихъ, которые казались на его взглядъ наиболѣе важными и необходимыми. Подобно Сократу, бл. Θεодоритъ въ своихъ сужденіяхъ объ Юліанѣ отличается враждебностію, называетъ его «дикимъ вепремъ», «опустошителемъ града Божія», «тираномъ», «безумнымъ и безразсуднымъ противникомъ Христа» ⁶⁾.

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 2 стр. 308.

²⁾ Julian. Epist. ad S. P. Q. Atheniensem, p. 271, ed. Spanheim.

³⁾ Созом. Ц. И. V, 2 стр. 311.

⁴⁾ Ibid. V, 3 стр. 314.

⁵⁾ Theodoretī episcopi Cyri Ecclesiasticae historiae libri quinque. Rec. Th. Gaysford. Oxford 1854. Рус. пер. Спб. 1852 г. стр. 196—232.

⁶⁾ Θεод. Ц. И. III, 8 стр. 206; 12 стр. 211; 25 стр. 230.

Филосторгій въ своей церковной исторіи сообщаетъ не мало извѣстій объ Юліанѣ и его отношеніи къ христіанству ¹⁾. Онъ излагаетъ сообщаемые имъ факты въ томъ же самомъ видѣ, какъ передаютъ ихъ собственныя сочиненія Юліана, Амміанъ Марцеллинъ и указанные древніе церковные историки. Будучи аріаниномъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, Филосторгій обращаетъ свое вниманіе на тѣ распоряженія императора, которыя имѣли непосредственное отношеніе къ послѣдователямъ аріанской ереси. Указанный историкъ вообще враждебно относится къ Юліану, изображаетъ всю его дѣятельность въ самыхъ непривлекательныхъ чертахъ и произноситъ надъ императоромъ строгій судъ исторіи.

Историческіе труды Руфина ²⁾ имѣютъ также немало-важное значеніе при изученіи личности Юліана и характера его борьбы противъ христіанства, особенно потому, что этотъ церковный писатель ближе другихъ церковныхъ историковъ жилъ къ описываемымъ имъ событіямъ. Труды Руфина весьма полезно руководствоваться для провѣрки извѣстій, сообщаемыхъ Сократомъ, Созоменомъ, бл. Θεодоритомъ и Филосторгіемъ. Подобно указаннымъ церковнымъ историкамъ, Руфинъ также проникнутъ враждебнымъ отношеніемъ къ Юліану.

Для изученія собственно правительственныхъ распоряженій Юліана относительно церкви главнѣйшимъ источникомъ служить кодексъ Θεодосія, изд. въ 438 г. ³⁾ и

¹⁾ Philostorgii Cappadocis, veteris sub Theodosio Iuniore scriptoris, Ecclesiasticae historiae a Constantino Ariquo initis ad sua usque tempora libri XII, a Photio Patriarcha Constantinopolitano in Epitomen contracti. Editi a Jacobo Gothofredo. Genf. 1643 г.

²⁾ 1) De fine Constantii imperatoris et ortu Juliani. 2) De persecutionibus Juliani blandis et callidis. 3) De Judaeorum conatibus, qui a Juliano decepti templum in Jerosolimis reaedificant. Общее изд. соч. Руф. у I. P. Migne Patrologie cursus completus. Paris, 1849, p. 464—539.

³⁾ Codex Theodosianus Jacobi Gothofredi in sex tomos divisus. Lipsiae, 1736—1745.

такъ называемая *Notitia Dignitatum*, въ которыхъ помѣщены важнѣйшія законодательныя постановленія Юліана, направленные къ ослабленію христіанства и къ возстановленію язычества. Необходимо замѣтить, что многія правительственныя распоряженія, помѣщенные въ упомянутомъ кодексѣ, хотя и носятъ имя Юліана, однако не принадлежатъ ему, но изданы его преемникомъ Іовіаномъ. Созвучіе именъ обоихъ императоровъ, слишкомъ кратковременное царствованіе Іовіана, обнимавшее собою почти одну только вторую половину 363 г., между тѣмъ какъ первая принадлежала его предшественнику—все это какъ нельзя болѣе способствовало смѣшенію именъ императоровъ, которымъ принадлежатъ вышеупомянутыя законодательныя постановленія. Отсюда всѣ правительственныя распоряженія, изданныя по смерти Юліана съ 26-го іюня 363 г. безъ всякаго сомнѣнія должно отнести къ его преемнику, хотя они и изданы подъ его именемъ. Всѣ правительственныя мѣры Юліана относительно церкви и язычества, имѣвшія цѣлю возстановить въ имперіи религіозный порядокъ вещей, предшествовавшій Константину Великому, въ изданіи кодекса Θεодосія подъ редакціей Готтофреда занимаютъ слѣдующія мѣста: 1) 122. 166. 252. 281. 503.—2) 131. 146. 298. 300. 541. 543. 544.—3) 156. 359.—4) 57. 58. 103. 128. 151. 177. 202. 261. 262. 263. 411. 413. 415. 417. 418. 421. 425. 599. 638.—5) 8. 34. 35. 317. 318. 320. 384.—Что касается до упомянутаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ *Notitia Dignitatum* ¹⁾, составленнаго въ V стол. и служащаго добавленіемъ кодекса Θεодосія, то онъ представляетъ собою довольно обстоятельный

¹⁾ *Notitia Dignitatum et administrationum omnium tam civilium, quam militarium in partibus orientis et occidentis. Recensuit commentariis indicisque illustravit Eduardus Boecking. Bonnae, 1839—1853.*

комментарій при изученіи историковъ IV стол. особенно для знакомства съ гражданскимъ и военнымъ состояніемъ Рима въ то время. Безъ пользованія этимъ сборникомъ очень многіе факты изъ политической дѣятельности Юліана и его борьбы противъ христіанства легко могутъ оставаться не вполне понятными и выясненными.

Между языческими источниками, сообщающими свѣдѣнія объ Юліанѣ и его отношеніи къ христіанству, на первомъ планѣ стоятъ собственныя сочиненія императора. Въ этомъ отношеніи вниманія со стороны изслѣдователя заслуживаютъ его сатирическія произведенія: «Цезари» (Καίσαρες, Caesares) ¹⁾ и «Мисопогонъ» (Μισώπων ἢ Ἀντιοχικός, Misopogon vel Antiochensis) ²⁾, далѣе его панегирики ³⁾, письма ⁴⁾, мистикотеологическія произведенія ⁵⁾, сочиненія философскія ⁶⁾, апологія къ сенату и народу аѳинскому ⁷⁾, отрывки изъ недошедшаго до насъ полемико-религіознаго произведенія «противъ христіанъ» (κατὰ τῶν χριστιανῶν) ⁸⁾. Литературныя произведенія Юліана проливаютъ не мало свѣта на многіе факты изъ его жизни и дѣятельности, о которыхъ не упоминаютъ древніе писатели.

Весьма важный источникъ для знакомства съ личностію Юліана и характеромъ отношенія его къ христіан-

¹⁾ Juliani imper. opera omnia ed. Ezech. Spanheimi. Lipsiae 1696. p. 307—336. Juliani imp. Caesares. Rec. Joh. Mechael Heusinger. Gothae 1736. Juliani imp. Caesares ex recensione et cum adnotationibus Th. Christ. Harles. Erlangae, 1785.

²⁾ Juliani imp. opera omnia, ed. Spanheimi p. 337—371. P. Martin Ἰουλιανὸς τοῦ Αὐτοκράτορος Μισώπωνος καὶ Ἐπιστολαί. Parisiis, 1566.

³⁾ Juliani imp. opera omnia ed. Spanheimi p. 1—101.

⁴⁾ Ibid. p. 372—452. Juliani imp. Epistolae, rec. L. H. Heyler. Moguntiae, 1828.

⁵⁾ Juliani imp. opera omnia, ed. Spanh. p. 130—180.

⁶⁾ Ibid. p. 180—268.

⁷⁾ Ibid. p. 268—288.

⁸⁾ Ibid. p. 1—362. Cyrilli Alexandriae archiepiscopi operum tomus sextus. Cura et studio Ioannis Auberti. Paris, 1638.

ству представляют собою сочиненія софиста Ливанія ¹⁾. Ливаній былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ друзей Юліана, вслѣдствіе чего имѣлъ возможность знать самыя сокровенныя мысли и желанія императора и потому онъ въ своихъ произведеніяхъ передаетъ не мало такого рода извѣстій, которыхъ нельзя найти ни въ собственныхъ сочиненіяхъ Юліана, ни у другихъ древнихъ писателей. Кромѣ писемъ Ливанія, сообщающихъ не мало весьма интересныхъ свѣдѣній для знакомства съ личностію Юліана, особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ его рѣчи. Такъ рѣчь, говоренная этимъ софистомъ къ Юліану по случаю вступленія его на престолъ, содержитъ чрезвычайно мѣткую характеристику императора, хотя здѣсь ораторъ нерѣдко доходитъ до крайностей, слишкомъ идеализируя добродѣтели своего питомца ²⁾. Въ рѣчи, обращенной Ливаніемъ къ Юліану, 1 января 363 г., можно встрѣтить не мало очень интересныхъ свѣдѣній о походахъ императора въ Галлію и Германію ³⁾, рассказъ о которыхъ во всемъ почти сходенъ съ собственными свидѣтельствами Юліана и съ извѣстіями, сообщаемыми Амміаномъ Марцеллиномъ ⁴⁾. Онъ не страдаетъ ни прикрасами, ни преувеличеніями, которыхъ естественно ожидать отъ Ливанія, какъ человѣка вообще пристрастнаго въ сужденіяхъ о своемъ любимцѣ. Но особенно важное значеніе для знакомства съ личностію Юліана и характеромъ его отношенія къ христіанству имѣетъ надгробная рѣчь Ливанія надъ своимъ любимымъ ученикомъ ⁵⁾, гдѣ онъ обстоятельно

¹⁾ I. C. Wolf, *Anecdota Graeca ex codicibus manu exaratis nunc primum edita*. Hamburgi 1722. J. J. Reiske, *Libanii Sophistae orationes et declamationes*. Altenburg, 1784. 1791—1797.

²⁾ Liban. orat. et. declam., ed. Reiske, p. 36.

³⁾ Ibid. p. 161.

⁴⁾ Amm. Marcell. *Rerum Gestarum* XVI, XVII, XVIII.

⁵⁾ *Ἐπιτάφιος ἐπὶ Ἰουλιανῷ* ed. Reiske p. 229.

разсматриваетъ жизнь и политическую дѣятельность Юліана съ ранняго его дѣтства и до самой смерти въ персидскомъ походѣ. Заключение рѣчи состоитъ изъ громкихъ сожалѣній о героѣ, погибшемъ столь раннею смертію. Хотя въ началѣ панегирика самъ ораторъ замѣчаетъ, что онъ не задается цѣлю дать вѣрное историческое представленіе о жизни и дѣятельности своего любимца, но имѣетъ въ виду воздвигнуть почетный памятникъ своему герою, который бы возвѣстилъ славу его дѣлъ въ отдаленномъ потомствѣ, при всемъ томъ это риторически-художественное произведеніе имѣетъ весьма важное историческое достоинство. Изъ него можно почерпнуть нѣкотораго рода свѣдѣнія, которыхъ не даютъ ни Амміанъ Марцеллинъ, ни Зосимъ и которыхъ бы мы напрасно стали искать въ собственныхъ сочиненіяхъ Юліана. Хотя Ливаній вообще въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ является одностороннимъ панегиристомъ своего любимаго героя, при всемъ томъ его сочиненія, при помощи надлежащей критики, могутъ служить источникомъ весьма цѣннымъ по своему достоинству, такъ какъ заключающіяся въ нихъ извѣстія во многомъ согласны съ свидѣтельствами, сообщаемыми отцами церкви и древними церковными писателями.

Въ контрастъ Ливанію, сообщавшему въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ довольно пристрастныя свѣдѣнія относительно жизни и политической дѣятельности Юліана, извѣстія, передаваемые въ этомъ отношеніи другимъ языческимъ писателемъ, Амміаномъ Марцеллиномъ, отличаются необыкновенною правдивостью и безпристрастіемъ ¹⁾. Въ своихъ извѣстіяхъ о жизни и дѣя-

¹⁾ Кромѣ перваго изданія трудовъ Марцеллина въ Римѣ, въ 1474 г., наполненнаго пропусками и ошибками, существуютъ еще слѣд. изд. его сочиненій: 1) изданіе Эразма въ *Базелѣ*, 1518 г.; 2) изд. Ф. Линдebroга,

тельности Юліана Амміанъ такъ далекъ отъ всякихъ пристрастныхъ выводовъ и сужденій, что трудно узнать, язычникъ ли онъ былъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ или христіанинъ. Вполнѣ безпристрастный, чуждый духа партій, онъ передаетъ разсказъ исключительно только о тѣхъ событіяхъ, которыя видѣлъ собственными глазами или въ которыхъ самъ принималъ дѣятельное участіе. Должность императорскаго тѣлохранителя доставляла ему полную возможность знать Юліана какъ въ частной домашней его жизни, такъ и въ сферѣ официальныхъ отношеній. Отдавая должную дань замѣчательнымъ умственнымъ дарованіямъ Юліана, его талантамъ полководца и опытнаго администратора, Амміанъ въ тоже самое время весьма строго осуждаетъ его дѣятельность, направленную на борьбу противъ христіанства и возстановленіе язычества, въ тѣхъ случаяхъ, когда она принимала характеръ нетерпимости, проникаясь духомъ гоненія и фанатизма ¹⁾).

Слѣдующій языческій писатель, Зосимъ ²⁾), является такимъ же жаркимъ почитателемъ Юліана, какъ Ливаній, и раболѣпно преклоняется предъ его талантами. Въ своихъ похвалахъ любимому герою онъ нерѣдко доходитъ до крайностей и преувеличеній, сравнивая его побѣды надъ галльскими и германскими народами съ славными подвигами Александра Македонскаго и усваяя

въ Гамбургѣ, 1609 г.; 3) А. В. Эрнсти, въ Лейпцигѣ, 1773 г.; 4) I. А. Вагнера и Г. А. Эрфурдта, въ Лейпцигѣ, 1808 г.; наконецъ, 5) изд. Низара въ Парижѣ, 1845 г. Изданіе Вагнера представляетъ собою самое лучшее изъ всѣхъ явившихся доселѣ изданій полнаго собранія сочиненій Марцеллина.

¹⁾ Amm. Marcell. XVI, 7, 6; XX, 8, 18; XXI, 2, 4, 5. 10, 7. 8; XXII, 3. 7—9. 7, 3. 9, 1. 10, 6. 7. 12, 6. 7. 14, 1. 2; XXIII, 1, 2; XXIV, 7, 3. 8; XXV, 4, 16—21.

²⁾ Zosimus ex recognitione Immanuelis Bekkeri. Bonnae, 1837. Кромѣ того существуютъ изд. Рейтмейера и Гейне. Лейпцигъ, 1784.

ему даже названіе великаго ¹⁾). Между тѣмъ какъ Амміанъ, лично знавшій Юліана, изображаетъ его жизнь и политическую дѣятельность со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ, не щадя при этомъ никакихъ упрековъ и порицаній, Зосимъ удовлетворяется однимъ молчаніемъ о слабостяхъ своего героя и описываетъ только его добродѣтели, повсюду преслѣдуя одну завѣтную цѣль — возбудить въ потомствѣ благоговѣйное воспоминаніе о благодѣяніяхъ, дарованныхъ побѣдами Юліана всей Римской имперіи.

Точно такимъ же крайне-пристрастнымъ характеромъ въ отношеніи къ Юліану отличаются извѣстія, сообщаемыя Гимеріемъ ²⁾, Евнапіемъ ³⁾, Едесіемъ, Максимомъ Ефесскимъ, Хрисанфіемъ Лидскимъ и др.

Что касается до важнѣйшихъ пособій, сообщающихъ свѣдѣнія объ Юліанѣ и его борьбѣ противъ христіанства, то въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія сочиненія:

1) Gottfried Arnold, Unpartheiische Kirchen- u. Ketzer-Historien. Francf. am M. 1688 и 1700 гг. t. I. Сочиненіе Арнольда замѣчательно по оригинальности высказаннаго въ немъ взгляда на характеръ Юліана и его борьбы противъ христіанства. Будучи усерднымъ приверженцемъ піетизма и видя истинное христіанство только въ разнаго рода ересьяхъ и расколахъ древней церкви, Арнольдъ, какъ и слѣдовало ожидать, относится къ Юліану слишкомъ снисходительно и сочувственно. По

¹⁾ Zosim. V, 2, 247.

²⁾ Himerii Sophistae oratio, qua laudes urbis Constantinopoleos et Juliani Augusti celebrantur, e recensione et cum commentario G. Wernsdorfii. Ed. T. C. Harles Erlangae, 1785.

³⁾ Eunapii historiarum quae supersunt ex recensione im. Bekkeri et B. G. Nibuhrii. Bonnae, 1829. Eunapii sardiani vitae Sophistarum et fragmenta historiarum recensuit, notisque illustravit I. F. Bousnade. Accedit annotatio Dan. Vittenbachii, Amsterdami, 1822.

его мнѣнію, главными виновниками вѣроотступничества императора были современные ему православные епископы, благодаря своимъ догматическимъ спорамъ и преслѣдованіямъ разнаго рода еретиковъ. Онъ даже выражаетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы Юліанъ могъ явиться гонителемъ христіанства, и скорѣе готовъ допустить противное. Надобно замѣтить, что Арнольдъ, излагая исторію церкви IV в., на каждомъ почти шагу постоянно ведетъ борьбу съ лютеранскою ортодоксіею своего времени, погрузившеюся въ служеніе мертвой буквѣ и жадной ко всякаго рода религіознымъ преслѣдованіямъ и фанатизму. Аріане, валентиніане, новатіане и донатисты въ его глазахъ имѣютъ чрезвычайно поразительное сходство съ піетистами его времени и потому возбуждаютъ въ немъ живое сочувствіе къ себѣ; самые язычники, какъ гонимая и преслѣдуемая секта, также пріобрѣтаютъ не менѣе сильныя симпатіи съ его стороны. Отсюда понятно, что Юліанъ, пытавшійся, по взгляду Арнольда, уничтожить мнимый тиранническій гнетъ церкви и провозглашавшій принципъ религіозной свободы и терпимости, въ его глазахъ долженъ заслуживать скорѣе похвалу и одобреніе, нежели порицаніе, хотя онъ несчастнымъ образомъ принадлежалъ къ самой дурной изъ сектъ — языческой.

2) J. M. Schröck, *Christliche Kirchengeschichte*. Sechster Theil, 2. Aufl. Leipz. 1784. Шрöккъ задался цѣлью по возможности подробно и обстоятельно представить личность Юліана и характеръ его отношенія къ христіанству и язычеству, воспользовавшись для этого всѣми доступными ему средствами. Особенное значеніе для автора въ этомъ отношеніи имѣютъ свидѣтельства отцевъ церкви и церковныхъ историковъ V столѣтія, между тѣмъ какъ языческими писателями, особенно Амміаномъ Марцеллиномъ, онъ пользуется лишь отчасти, приводя изъ

него свидѣтельства только въ тѣхъ случаяхъ, когда они казались необходимыми для уясненія тѣхъ или другихъ фактовъ, о которыхъ указанные историки сообщаютъ слишкомъ краткія и недостаточныя извѣстія. Впрочемъ, задавшись цѣлью написать правдивый историческій очеркъ отношенія Юліана къ христіанству по документальнымъ источникамъ, Шрёккъ, не смотря на то, въ своемъ изложеніи очень часто бываетъ не свободенъ отъ крайностей и преувеличеній, слишкомъ идеализируя личность императора и его достоинства. «Необычайныя дарованія Юліана, замѣчаетъ онъ, въ связи съ его разнообразными и многосторонними знаніями, его славныя дѣянія и всегда одинаковое и неизмѣнное поведеніе, при самомъ первомъ знакомствѣ съ нимъ, ясно показываютъ въ немъ великаго человѣка. Еслибъ европейская наука до сихъ поръ оставалась въ обладаніи языческихъ ученыхъ, то она, безъ всякаго сомнѣнія, назвала бы Константина отступникомъ, а Юліана предала бы памяти потомства съ почетнымъ именемъ великаго, какъ его дѣйствительно и называетъ Зосимъ ¹⁾. Онъ былъ гораздо выше Константина по своимъ военнымъ талантамъ, воздержанію отъ роскоши, пышности и даже обыкновенныхъ житейскихъ удовольствій, точно также, какъ по своему блестящему образованію, остроумію и талантамъ замѣчательнаго писателя. Онъ окончилъ свою жизнь, исполненную великими и славными подвигами, въ томъ возрастѣ, когда его дядя только что сталъ пріобрѣтать себѣ извѣстность въ мірѣ. Погибши во цвѣтъ лѣтъ, онъ весьма рано снискалъ себѣ заслуженную славу героя и мудреца. Въ томъ возрастѣ, когда еще человѣкъ такъ мало бываетъ способенъ строго относиться къ самому себѣ, онъ былъ господиномъ надъ большею частію сво-

¹⁾ Zosimus ex recognitione J. Bekkeri, Bonnae. 1837. V, 2, 247.

ихъ страстей и весьма значительно возвышался своимъ философскимъ образованіемъ надъ всѣми древними монархами»¹⁾).

3) M. Albert de Broglie, *L'Eglise et l'Empire Romain IV siècle*. T. III и IV. Paris, 1866. Богатство и разнообразіе историческаго матеріала и множество подробныхъ извлеченій, дѣлаемыхъ изъ первоисточниковъ, составляютъ характерныя особенности и существенныя достоинства этого сочиненія. Брольи подробно и обстоятельно изображаетъ какъ внутреннее состояніе церкви и язычества, предшествовавшее выступленію Юліана на политическое поприще, такъ и правительственную борьбу его противъ христіанства. Изслѣдованіе Брольи, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ англійскій журналъ, представляетъ собою трудъ, который долженъ по справедливости занимать почетное мѣсто въ христіанской исторической литературѣ и который способенъ возбуждать сильнѣйшій интересъ въ читателѣ сколько своими учеными и литературными достоинствами, столько же, если не больше, и личными взглядами и сужденіями автора²⁾. Къ слабымъ сторонамъ указаннаго сочиненія можно отнести слишкомъ большую растянутость и отсутствіе въ немъ изложенія литературной полемики Юліана противъ христіанства. Взамѣнъ того Брольи весьма подробно и обстоятельно описываетъ условія, среди которыхъ совершалось воспитаніе и образованіе Юліана и подъ влияніемъ которыхъ сложилось постепенное отпаденіе его отъ христіанства и переходъ на сторону язычества.

4) A. Beugnot, *Histoire de la destruction du paganisme en Occident*. Paris, 1835 г. T. I. Сочиненіе Беньо замѣчательно по оригинальности высказаннаго въ немъ

¹⁾ Schröck; *Christliche Kirchengeschichte*. T. VI, p. 383.

²⁾ *Edinburg Revier*, 1860 г.

взгляда на характер отношенія Юліана къ язычеству своего времени. Беньѡ не раздѣляетъ общепринятаго мнѣнія въ исторической наукѣ, что Юліанъ старался преобразовать язычество по духу евангельскаго ученія съ цѣлью противопоставить его христіанству. «Христіанство, замѣчаетъ этотъ писатель, представлялось въ глазахъ Юліана религіею невѣждъ и безумцевъ. При такого рода воззрѣніяхъ, понятно, преобразовывать язычество по образцу христіанства значило бы только искажать и обезображивать его»¹⁾. Выходя изъ такихъ основаній, Беньѡ совершенно отвергаетъ мысль о преобразованіи Юліаномъ язычества согласно съ христіанскими идеями, хотя такого рода взглядъ прямо противорѣчитъ очевидному свидѣтельству св. Григорія Богослова²⁾ и Созомена³⁾, сомнѣваться въ истинѣ котораго рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній. Кромѣ того, Беньѡ совершенно упускаетъ изъ виду, что намѣреніе Юліана преобразовать язычество по духу евангельскаго ученія очень ясно проглядываетъ въ собственныхъ его сочиненіяхъ⁴⁾.

5) H. Kellner, Hellenismus u. Christenthum oder die geistige Reaction des antiken Heidenthums gegen das Christenthum. Mit besonderer Rücksicht auf die christenfeindliche Literatur des classischen Alterthums so wie auch der Gegenwart. Köln, 1866 г. Изслѣдованіе Кельнера по своему характеру имѣетъ весьма много сходнаго съ вышеупомянутымъ сочиненіемъ Беньѡ. Оно сообщаетъ весьма важныя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи современнаго Юліана язычества и описываетъ его

¹⁾ Beugnot, Histoire de la destruction du paganisme en Occident, Paris, 1835 г., t. I, p. 204—206.

²⁾ Твор. Гр. Бог. Т. I. 1 облич. слово на царя Юліана, стр. 165.

³⁾ Созом. II. II. V, 16, стр. 347 и 351.

⁴⁾ Julian. Fragment. p. 301. Epist. XLIX ad Arsac. p. 429—432, Epist. LVI ad Ecdic. p. 442—443, ed. Spanheim.

реакцію въ отношеніи къ христіанству, особенно подробно и обстоятельно изображая научную борьбу его съ этимъ послѣднимъ. Съ неменьшею подробностію авторъ описываетъ также отношеніе къ христіанству неоплатонизма и его попытку къ преобразованію одряхлѣвшихъ и устарѣвшихъ формъ политеизма. Особенно важное значеніе изслѣдованіе Кельнера имѣетъ въ томъ отношеніи, что оно весьма подробно излагаетъ литературную полемику Юліана противъ христіанства, знакомитъ съ его сочиненіями и представляетъ вѣрную характеристику этихъ послѣднихъ.

6) A. Neander: 1) Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche. IV. Aufl. Gotha, 1864. T. III. 2) Über den Kaiser Julianus u. sein Zeitalter. Leipz. 1812, 2. Aufl. Gotha, 1867. Неандеръ относится къ Юліану вообще очень сочувственно и старается оправдать всѣ его дѣйствія по отношенію къ христіанству исключительно вліяніемъ его слишкомъ живаго религіознаго чувства, которое не могло быть удовлетворено догматами христіанскаго вѣроученія, составлявшими въ его время предметъ ожесточенныхъ споровъ, и которое естественно влекло его къ вѣрованіямъ и преданіямъ политеизма, гдѣ онъ надѣялся найти полное удовлетвореніе своимъ религіознымъ потребностямъ. Вліяніемъ исключительно одного только этого живаго религіознаго чувства, по взгляду Неандера, обусловливалось какъ вѣроотступничество, такъ и вся политическая и литературная борьба Юліана противъ христіанства. Но Неандеръ забываетъ, что этотъ императоръ въ своемъ отношеніи къ христіанству руководствовался не одними своими исключительно религіозно-философскими воззрѣніями, какъ дѣлали это другіе противники христіанства, въ родѣ императора Марка Аврелія и софиста Ливанія, но и обязанностью государя, возлагаемою на

него какъ на преемника римскихъ цезарей. Организація римскаго общественнаго и государственнаго строя, съ самаго основанія Вѣчнаго Города, какъ извѣстно, внутреннимъ и самымъ тѣснѣйшимъ образомъ была связана съ преданіями и вѣрованіями политеизма, какъ общенациональной государственной религіи, такъ что императоръ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ верховнымъ первосвященникомъ (*Pontifex Maximus*), долженъ былъ поступать не иначе, какъ Юліанъ, если онъ вообще считалъ за обязанность правителя поддержаніе древнихъ государственныхъ вѣрованій и политическихъ учрежденій. Правительственныя распоряженія Юліана, направленные къ ослабленію христіанства, въ глазахъ Неандера представляются весьма снисходительными и не заслуживаютъ съ его стороны ни малѣйшаго осужденія. Всѣ эти мѣры исходили, по его мнѣнію, исключительно изъ одной религіозной точки зрѣнія императора и носили на себѣ характеръ снисходительности вслѣдствіе не только его государственной мудрости, но и чистаго религіознаго образа его мыслей. Если же Неандеръ иногда и замѣчаетъ въ правительственныхъ мѣрахъ Юліана по отношенію къ христіанству насиліе и нѣкоторую жестокость, то пытается объяснить слишкомъ суровое выполненіе этихъ мѣръ дурною волею чиновниковъ или народною яростію, находившею для себя достойный предметъ подражанія въ прежнихъ жестокихъ поступкахъ христіанъ съ язычниками.

7) *M. l'Abbé de la Bleterie, Vie de l'Empereur Julien. Reims, 1810 г.* Этотъ трудъ отличается большимъ богатствомъ и разнообразіемъ собраннаго въ немъ матеріала, заимствованнаго большею частію изъ документальныхъ источниковъ, хотя и безъ всякаго критическаго отношенія къ этимъ послѣднимъ. Въ особенную заслугу автору можно поставить то, что для подтвержденія спра-

ведливости своихъ выводовъ и сужденій онъ всегда приводитъ довольно длинные отрывки какъ изъ собственныхъ сочиненій Юліана, такъ и изъ древнихъ языческихъ и церковныхъ историковъ, оставившихъ извѣстіе о жизни и дѣятельности этого императора.

8) J. E. Auer, Kaiser Julian der Abtrünnige im Kampfe mit den Kirchenvätern seiner Zeit. Wien, 1855. Изслѣдованіе Ауэра представляетъ собою трудъ весьма почтенный по своему внѣшнему объему (452 стр. въ большую 8°) и принадлежитъ перу католическаго ученаго. Авторъ задался цѣлью изобразить жизнь и дѣятельность Юліана въ контрастъ съ дѣятельностію отцовъ церкви его времени, но въ выполненіи своей задачи нерѣдко доходитъ до крайностей и увлеченій, дѣлаетъ не мало произвольныхъ выводовъ и сужденій, не подтверждая ихъ рѣшительно никакими ссылками на документальные источники. Въ своемъ отношеніи къ Юліану Ауэръ вообще отличается крайнею враждебностію и нетерпимостію, которыя рельефно проглядываютъ почти на каждой страницѣ его сочиненія.

9) F. A. Mücke, Flavius Claudius Julianus. Nach den Quellen. I—II. Abtheil. Gotha, 1867—1869. Сочиненіе Мюкке состоитъ изъ двухъ отдѣленій, изъ которыхъ въ первомъ авторъ подробно и обстоятельно описываетъ походы Юліана противъ франковъ и аллемановъ въ Галліи и Германіи, равно какъ и событія веденной имъ персидской войны, а во второмъ изображаетъ отношеніе Юліана къ христіанству, язычеству и іудейству его времени, и излагаетъ его литературную дѣятельность. Авторъ съ необыкновеннымъ усердіемъ и трудолюбіемъ собралъ въ своемъ сочиненіи всѣ разнообразныя отзывы и сужденія о Юліанѣ и характеръ его борьбы противъ христіанства, которые только явились до сего времени. Къ слабымъ сторонамъ изслѣдованія Мюкке

можно отнести его односторонность, въ силу которой этотъ писатель питаетъ особенное пристрастіе къ свидѣтельствамъ Амміана Марцеллина, которыя, какъ думаетъ онъ, должны служить основнымъ, пробнымъ камнемъ при изслѣдованіи всѣхъ источниковъ, относящихся къ разсматриваемому имъ предмету. По мнѣнію Мюкке, весьма многія извѣстія о политической и литературной борьбѣ Юліана противъ христіанства, которыя сообщаются церковными писателями и о которыхъ умалчиваетъ Амміанъ, не имѣютъ рѣшительно никакого права разсчитывать на историческую достовѣрность. Вообще въ своихъ выводахъ и сужденіяхъ объ Юліанѣ названный авторъ отличается сильнымъ пристрастіемъ къ личности этого императора и его симпатіи въ этомъ отношеніи заходятъ такъ далеко, что онъ готовъ даже бываетъ отрицать существованіе самаго факта гоненія, воздвигнутаго имъ на церковь Божію. Что касается, наконецъ, до послѣдней части изслѣдованія Мюкке, гдѣ онъ разсматриваетъ дѣятельность Юліана, какъ писателя, то и здѣсь онъ не удерживается, чтобъ не высказать преувеличеннаго взгляда на литературное значеніе его произведеній, стараясь ихъ поставить гораздо выше сочиненій Ливанія, Гимерія, Θεμισтія и другихъ риторовъ и софистовъ, бывшихъ современниками и учителями Юліана.

10) D. F. Straus. *Der Romantiker auf dem Throne der Cäsaren, oder Julian der Abtrünnige*. Mannheim, 1847. Сочиненіе Штрауса, незначительное по своему объему (оно занимаетъ всего 79 стр. въ 8°, большая часть которыхъ занята примѣчаніями), весьма важно при изученіи Юліана и его времени, такъ какъ оно представляетъ собою краткій сводъ различныхъ сужденій о личности этого императора начиная съ древнихъ церковныхъ и языческихъ писателей и оканчивая Шлоссеромъ.

Наконецъ кромѣ указанныхъ пособій, слѣдуетъ упомя-

нуть еще нѣкоторыя сочиненія, которыя также проливаютъ не мало свѣта на личность Юліана и характеръ его отношенія къ христіанству. Сочиненія эти слѣдующія; 1) Gibbon, Geschichte d. Verfalles u. Unterganges des Römischen Weltreiches. Deutsche Ausg. J. Sporschil. Leipzig, 1837. 2) M. Tillemont, Histoire des Empereurs. Paris, 1823 г. Т. IV. 3) A. F. Gfrörer, Geschichte d. christlichen Kirche. Stuttgart, 1841 г. Т. II. 4) F. Ch. Baur, Geschichte d. christlichen Kirche. Tübingen, 1863 г. Т. II. 5) F. L. Stolberg, Geschichte d. Religion Jesu Christi. Wien, 1817 г. Т. XI. 6) G. Weber, Allgemeine Weltgeschichte. Leipzig, 1863 г. Т. IV. 7) H. Richter, Das Weströmische Reich, besonders unter den Kaisern Gratian, Valentinian II. und Maximus (375—388). Berlin, 1865. 8) Ernst v. Lasaulx, Der Untergang des Hellenismus u. die Einziehung seiner Tempelgüter durch die christlichen Kaiser. Ein Beitrag zur Philosophie d. Geschichte. München, 1854. 9) C. G. Seibert, Griechenthum u. Christenthum oder der Vorhof des Schönen u. das Heiligthum d. Wahrheit in ihrem gegenseitigen Verhältniss. Barmen, 1857. 10) F. C. Schlosser, Archiv für Geschichte u. Literatur Т. I. Frankfurt a. M. 1830. 11) H. Schulze, De Juliani philosophia et moribus. Stralsunder Programm, 1839. 12) Pfauler, Julian der Abtrünnige. Marburg, 1871. 13) C. U. Ulmann, Gregorius von Nazianz, der Theologe. Ein Beitrag zur Kirchen- u. Dogmengeschichte d. vierten Jahrhunderts. Darmstadt, 1825. 14) L'Amé, Julien l'Apostat. Paris, 1861. 15) B. G. Niebuhr, Vorträge über Römische Geschichte, an der Universität zu Bonn gehalten. Herausg. von M. Isler. Berlin, 1848. 16) Ph. Schaff, Geschichte d. Alten Kirche. II. Abtheil. Leipz. 1869. 17) E. Chastel, Histoire de la destruction du paganisme dans l'Empire d'Orient. Paris, 1850. 18) I. H. Kurtz, Handbuch d. allgem. Kirchengeschichte. Ersten Bandes zweite Abtheilung. Mi-

tau, 1853. 19) Herzog, Real-Encyclopädie für Protestantische Theologie u. Kirche. Stuttgart u. Hamburg, 1857. T. VII и др.

І.

Внѣшнее и внутреннее состояніе Христіанской церкви и язычества предъ выступленіемъ Юліана въ борьбу противъ Христіанства.

Предъ выступленіемъ Юліана на борьбу противъ христіанства, церковь Христова испытывала не мало внутреннихъ смуть и нестроеній, нарушавшихъ ея миръ и возбуждавшихъ въ ея врагахъ ложное убѣжденіе въ ея внутренней слабости. На такое положеніе церковныхъ дѣлъ особенно сильное вліяніе оказывали аріанскіе споры не только не прекратившіеся вслѣдствіе никейскаго осужденія ереси, но еще болѣе усилившіеся съ теченіемъ времени. Въ послѣдніе годы жизни Константина Великаго аріанской партіи удалось пріобрѣсти его благосклонность и получить даже свободный доступъ къ императорскому двору¹⁾. Представители ея, разумѣется, очень хорошо сѣумѣли воспользоваться такимъ благопріятнымъ для себя положеніемъ дѣлъ въ видахъ ослабленія православія, тѣмъ болѣе, что между ними было довольно людей, вполне изучившихъ всѣ слабыя стороны тогдашней придворной жизни²⁾. Не надѣясь одержать побѣду надъ своими противниками чисто духовнымъ оружіемъ, они нисколько не стѣснялись для осуще-

¹⁾ Аѳан. Александр. Защит. слово противъ аріанъ. Твор. въ р. перев. М. 1851. Ч. 1, стр. 198.

²⁾ Beugnot, Histoire de la destruction du paganisme en Occident. Paris 1835 г. Т. I. p. 146. Chastel, Histoire de la destruction du paganisme dans l'empire d'Orient. Paris 1850, p. 77.

ствленія своихъ завѣтныхъ цѣлей прибѣгать ко всѣмъ средствамъ, обыкновенно употребляющимся въ страстной борьбѣ ¹⁾). Съ одной стороны низкая лѣсть и заискиванье, а съ другой самая наглая ложь, клевета и обманъ служили аріанамъ самыми обыкновенными средствами въ борьбѣ съ ихъ противниками ²⁾).

Раздоры между православными и аріанами, начавшіеся при жизни Константина Великаго особенно усилились при его преемникѣ, императорѣ Констанціѣ, усердномъ приверженцѣ аріанской ереси ³⁾). Подпавши вліянію одного аріанскаго пресвитера ⁴⁾), Констанцій не замедлил въ скоромъ времени сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ аріанской партіи и поднялъ жестокое гоненіе на православныхъ ⁵⁾). Православные епископы, твердые въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, были повсюду лишаемы своихъ кафедръ и отправляемы въ ссылку, а ихъ мѣста предоставляемы аріанскимъ епископамъ ⁶⁾). Православные храмы и совершаемыя въ нихъ священнодѣйствія подвергались наглому расхищенію и оскверненію, а ихъ читатели испытывали самыя возмутительныя насилія и притѣсненія, заключались въ темницы и лишаемы были жизни ⁷⁾). Благодаря такого рода

¹⁾ Сокр. Ц. И. I, 37, стр. 117. Аван. Александр. Защит. слово противъ аріанъ, ч. I, стр. 192, 204.

²⁾ Аван. Александр. *ibid.* стр. 194--195.

³⁾ Rufin. Hist. Eccl. LI, с. 11. Сокр. Ц. И. II, 2, стр. 127. Созом. Ц. И. III, 17, стр. 213. Θεόδωρ. Ц. И. II, 3, стр. 112.

⁴⁾ Θεόδωρ. Ц. И. *ibid.* Созом. Ц. И. II, 27, стр. 144.

⁵⁾ Θεόδωρ. Ц. И. II, 4, стр. 113. Аван. Александр. Посланіе къ монахамъ объ аріан. ереси. Твор. ч. 2, р. перев. стр. 103.

⁶⁾ Θεόδωρ. Ц. И. II, 4, стр. 113; II, 13, стр. 139. Сокр. Ц. И. II, 16, стр. 146; II, 26, стр. 182; II, 31, стр. 196. Созом. Ц. И. II, 35, стр. 140; IV, 11, стр. 244. Аван. Александр. Защит. слово противъ аріанъ, ч. I, стр. 194, 233, 240.

⁷⁾ Сокр. Ц. И. II, 16, стр. 147. Θεόδωρ. Ц. И. II, 5, стр. 115; II, 13, стр. 139--142. Созом. Ц. И. IV, 9, стр. 239.

насильственному образу дѣйствій, аріанская партія успѣла одержать на нѣкоторое время верхъ надъ православіемъ не только на востокѣ, но и на западѣ ¹⁾. Жестокое гоненіе, поднятое аріанами на православныхъ, особенно усилилось въ послѣдніе годы царствованія императора Констанція и сдѣлалось, наконецъ, совершенно нестерпимымъ для этихъ послѣднихъ ²⁾. Правда церковь не замедлила выставить изъ среды себя множество твердыхъ защитниковъ истинъ своего вѣроученія и мужественныхъ борцовъ за православіе въ лицѣ св. Аванасія, архіепископа александрійскаго, Осія кордубскаго, Ливерія римскаго и другихъ, но въ ихъ распоряженіи для этой борьбы было только исключительно одно нравственное средство — слово и убѣжденіе, которое мало могло вліять на императора Констанція, всѣ дѣйствія котораго по отношенію къ церкви исключительно обуславливались вліяніемъ приближенныхъ аріанскихъ совѣтниковъ ³⁾. Противодѣйствіе только еще болѣе раздражало гнѣвъ императора противъ неустрашимыхъ защитниковъ православія, чѣмъ легко можно объяснить постоянныя изгнанія и преслѣдованія тѣхъ православныхъ епископовъ, которыхъ ни лъстивыя обѣщанія, ни настойчивыя угрозы и жестокія преслѣдованія правительственной власти не могли заставить отречься отъ ихъ убѣжденій ⁴⁾. Правда, въ большинствѣ случаевъ Констанцій старался оправдывать свои

¹⁾ Сокр. Ц. И. II, 37, стр. 219.

²⁾ Сокр. Ц. И. II, 37, стр. 219; II, 38 стр. 221; II, 27, стр. 184; II, 28, стр. 185. Θεοδωρ. Ц. И. II, 14, стр. 142.

³⁾ Аван. Александр. Защит. слово противъ аріанъ, стр. 198. Посланіе къ монахамъ о томъ, что сдѣлано аріанами при Констанціѣ. Твор., ч. II, стр. 113. Θεοδωρ. Ц. И. II, 3, стр. 112; II, 8, стр. 118; II, 5, стр. 115. Сокр. Ц. И. II, 16, стр. 148. Созом. Ц. И. III, 9, стр. 182.

⁴⁾ Сокр. Ц. И. II, 28, стр. 185; II, 38, стр. 221. Θεοδωρ. Ц. И. II, 14, стр. 142—143. Созом. Ц. И. III, 6, стр. 175, IV, 9, стр. 239.

строгія мѣры въ отношеніи къ православнымъ наружнымъ видомъ законности, предоставляя рѣшеніе спорныхъ вопросовъ въ подрывъ православію соборамъ, которые при немъ созывались неоднократно ¹⁾, но по своей горячности и, будучи не въ состояніи совладѣть съ своимъ самолюбіемъ, онъ постоянно измѣнялъ себѣ и проявлялъ свой церковный деспотизмъ въ самой грубой формѣ. Такъ онъ не стѣснился однажды публично, предъ лицомъ цѣлаго собора, заявить, что не церковные каноны, но одна только его всесильная воля должна имѣть значеніе нерушимаго закона въ дѣлѣ религіи ²⁾.

Подчинившись сильному вліянію аріанской партіи, императоръ Констанцій почти все время своего царствованія жилъ одною завѣтною мыслию — всѣми зависящими отъ него средствами ввести въ ученіе церкви аріанскія заблужденія. При этомъ самъ онъ ясно не представлялъ, что аріанская ересь по существу своему была прямымъ отрицаніемъ самаго христіанства, не понималъ истиннаго смысла противодѣйствія со стороны православныхъ и думалъ побѣдить это противодѣйствіе одними внѣшними средствами своей императорской власти ³⁾. Въ силу этого онъ старался всѣми зависящими отъ него мѣрами парализовать самостоятельную дѣятельность церкви, поставляя на мѣсто ея авторитета свой собственный авторитетъ ⁴⁾ и въ силу его стараясь свое личное мнѣніе сдѣлать убѣжденіемъ всѣхъ вѣрующихъ, нормою той вѣры, которую они должны были исповѣдывать. Всѣми указан-

¹⁾ Θεод. Ц. И. II, 26, стр. 174; II, 27, стр. 177; II, 31, стр. 190. Сокр. Ц. И. II, 36, стр. 203—204. 37, 205—220. Созом. Ц. И. IV, стр. 236; IV, 9, стр. 237.

²⁾ Alzog, Histoire universelle de l'église. Paris, 1849. T. I, p. 376.

³⁾ Alzog, *ibid.*

⁴⁾ Созом. Ц. И. IV, 6, стр. 230—234. Ср. Baur, Geschichte d. Christlichen Kirche. Tübingen, 1863. T. II, p. 85—88.

ными средствами Констанцій безуспѣшно старался возстановить нарушенное единство церковной вѣры, такъ какъ при этомъ въ основу единства онъ полагалъ тѣже самыя причины, которыя нарушали его. Изданные по его приказанію символы ¹⁾, заключавшіе въ себѣ аріанскія заблужденія, очевидно, не могли возстановить нарушеннаго религіознаго единства, которое можетъ основываться только на истинныхъ началахъ христіанскаго вѣроученія. Вслѣдствіе этого многочисленные соборы, созываемые Констанціемъ ²⁾, не только не возстановляли желаемаго имъ церковнаго мира и религіознаго единства, но еще болѣе возмущали его. Правда на нѣкоторыхъ соборахъ императору удавалось послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія путемъ насилія склонить епископовъ къ подписи предложенныхъ его волею символовъ ³⁾, но это вынужденное согласіе со стороны православныхъ епископовъ очевидно не могло служить основаніемъ церковнаго единенія, такъ какъ насильственными средствами едва ли возможно было заставить епископовъ дѣйствительно измѣнить свои православныя убѣжденія. Оттого нерѣдко случалось, что тотчасъ же по окончаніи соборовъ, на которыхъ императорская власть провозглашала церковное единство, православные епископы по прежнему чуждались общенія съ представителями аріанской партіи. Насильственныя мѣры и усилія правительства не могли уничтожить этого антагонизма, потому что на сторонѣ православныхъ епископовъ, лишенныхъ всякой внѣшней опоры,

¹⁾ Θεод. Ц. И. II, 26, стр. 174; II, 27, стр. 178; II, 31 стр. 190—193. Созом. Ц. И. II, 6, стр. 232.

²⁾ Созом. Ц. И. IV, 8, стр. 236; IV, 9, стр. 237—238. Сокр. Ц. И. II, 30, стр. 203—204.

³⁾ Сокр. Ц. И. II, 31, стр. 197—198, II, 40, стр. 237. Аѳан. Александр. Посланіе къ монахамъ о томъ, что сдѣлано аріанами при Констанціѣ, стр. 105. Созом. Ц. И. IV, 6, стр. 231.

была внутренняя живая сила, сообщаемая имъ правотою ихъ дѣла, за которую они стояли и отъ которой они не могли отказаться, не смотря не на какія насилія со стороны свѣтской власти. Самые слабые изъ нихъ подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ могли подчиниться распоряженію этой власти только однимъ внѣшнимъ образомъ, безъ всякаго внутренняго убѣжденія.

При такомъ положеніи церковныхъ дѣлъ свободою въ отправленіи богослуженія въ царствованіе Констанція пользовались только тѣ изъ православныхъ, которые внутренно, или только внѣшнимъ образомъ держались аріанскихъ заблужденій, между тѣмъ какъ истинно-православные, твердо сохранявшіе чистоту своихъ религіозныхъ убѣжденій, подвергались всякаго рода стѣсненіямъ въ этомъ отношеніи ¹⁾. Констанцій лишилъ православный клиръ многихъ правъ и привилегій, которыми пользовалось аріанское духовенство ²⁾. Ссылка, конфискація имѣній и мучительныя пытки служили самыми обыкновенными средствами, которыми послѣдователи аріанской ереси пытались привлечь на свою сторону православныхъ и принудить ихъ отречься отъ своихъ убѣжденій ³⁾. «По городамъ, говоритъ Сократъ, для подкрѣпленія царскихъ постановленій отправлялись отряды войскъ. Исповѣдующіе единосущіе были изгоняемы не только изъ преквей но и изъ городовъ. Сперва заботились только объ изгнаніи ихъ: когда же зло усилилось,—стали принуждать къ общенію съ аріанами, нисколько не думая о церквахъ, и принужденіе было не меньше прежняго, предписывавшаго поклоняться идоламъ, по-

¹⁾ Феодор. Ц. И. II, 13, стр. 140; II, 8, стр. 126. Созом. Ц. И. IV, 9, стр. 239.

²⁾ Аван. Алекс. Защит. слово противъ аріанъ, стр. 233.

³⁾ Феодор. Ц. И. II, 14, стр. 12. Сокр. Ц. И. II, 27, стр. 184; II, 28, стр. 185—186. Аван. Алекс. Защит. слово противъ аріанъ, стр. 233—234.

тому что употребляли и побои всякаго рода и различныя пытки, и отнятіе имѣній. Многіе сосланы были въ ссылку, тѣ умерли среди мученій, иные погибли на пути въ ссылку. Такъ было во всѣхъ восточныхъ городахъ, преимущественно же въ Константинополѣ¹⁾. Въ послѣднемъ по приказанію аріанскаго епископа Македонія, употребляемы были всевозможнѣйшія пытки и на силія, чтобы заставить твердыхъ приверженцевъ православія принимать св. таинства изъ рукъ аріанскихъ священниковъ. «Многіе, замѣчаетъ тотъ же историкъ, славившіеся благочестіемъ, были схвачены и сѣчены за то, что не хотѣли имѣть съ Македоніемъ общенія. Мужчинъ, высѣкши, принуждали силою принимать св. Тайны: имъ разводили уста палкою и влагали причастіе,—и подвергшіеся такому насилію считали это наказаніемъ тягчайшимъ изъ всѣхъ мученій. Такимъ же образомъ производилось сообщеніе св. Таинствъ женщинамъ и дѣтямъ: ихъ схватывали и подвергали принужденію; за сопротивленіемъ тотчасъ слѣдовали побои, потомъ узы, темницы и другія мученія. У женщинъ, не хотѣвшихъ принимать св. Таинъ, сдавливали и терзали груди; у другихъ тѣже члены отнимали желѣзомъ, или отжигали ржскаленными до высочайшей степени ядрами. Такое-то, и у язычниковъ неслыханное, мученіе употребляли люди, называвшіе себя христіанами»²⁾. Насильственные дѣйствія аріанъ не ограничивались только православными, но касались также новатіанъ за ихъ приверженность къ никейскому исповѣданію вѣры. Съ этою цѣлью въ Пафлагонію, главное мѣстопробываніе новатіанской партіи, были отправлены четыре отряда войска и дѣло дошло до открытой кровавой схватки между солдата-

¹⁾ Сокр. Ц. И. II, 27, стр. 183—184.

²⁾ Сокр. Ц. И. II, 38, стр. 221. Ср. Созом. Ц. И. IV, 20, стр. 274.

ма и еретиками, при чемъ императорское войско при-
нуждено было отступить ¹⁾). Не менѣе жестокое гоненіе
со стороны аріанъ на православныхъ происходило въ
Александріи по инициативѣ тамошняго аріанскаго епи-
скопа Георгія, который едва только успѣлъ прибыть въ
этотъ городъ, какъ не замедлилъ поднять жестокое гове-
ніе противъ православія. Онъ, по словамъ Сократа, «не-
медленно же по вступленіи въ должность сталъ ввергать
дѣвъ въ темницы; епископовъ водили воины связанными;
сиротъ и вдовъ лишали домашняго крова и насущнаго
хлѣба, вторгались въ дома, православныхъ выносили
ночью на кладбище, дома запечатывались и братья кли-
риковъ терпѣли за братій. Въ недѣлю по Пятидесятницѣ
военачальникъ Севастіанъ, по наущенію Георгія, взявъ
множество воиновъ, вооруженныхъ обнаженными мечам-
и, луками и стрѣлами, бросился на народъ и сдѣлалъ
то, чего и должно было ожидать отъ такого рода лю-
дей. Онъ зажегъ костеръ, и, поставивъ противъ огня
дѣвъ, принуждалъ ихъ признавать себя аріанками; ког-
да же увидѣлъ, что онѣ побѣждаютъ угрозы и нисколь-
ко не боятся огня, то обнажилъ ихъ и такъ избилъ,
что чрезъ долгое время едва можно было узнать ихъ» ²⁾).

Своими законодательными постановленіями императоръ
Констанцій вообще поощрялъ подобнаго рода насиль-
ственные мѣры противъ всѣхъ православныхъ, которые
добровольно не соглашались вступить въ общеніе съ
аріанами. Жестокое гоненіе, воздвигнутое на православіе
со стороны аріанъ, какъ мы видѣли, не отличалось лишь
однимъ мѣстнымъ характеромъ, но состояло обыч-
ное явленіе во всѣхъ областяхъ и городахъ восточ-

¹⁾ Ibid. стр. 224 — 225.

²⁾ Сокр. Ц. И. II, 28, стр. 185. Аван. Алекс. Защит. слово противъ
аріанъ, стр. 210. Ср. Θεодор. Ц. И. II, 14, стр. 141—142.

ной половины имперіи. Что касается до западныхъ провинцій, то въ нихъ императоръ долгое время воздерживался отъ насильственныхъ гоненій на православныхъ и началъ дѣйствовать такимъ образомъ только въ послѣдніе годы своего царствованія ¹⁾.

При такомъ характерѣ отношенія императора Констанція къ церкви положеніе этой послѣдней при вступленіи на престолъ Юліана нисколько не отличалось отъ того состоянія, въ которомъ находилась она подъ властью языческихъ государей, если даже не было хуже ²⁾. Гоненія, поднимаемая на церковь со стороны языческихъ императоровъ, не только не ослабляли ея силы, но, напротивъ, еще содѣйствовали быстрому и успѣшному ея распространенію, тогда какъ насильственное вмѣшательство Констанція въ церковныя дѣла и его борьба противъ православія сильно унижали авторитетъ христіанства въ глазахъ язычниковъ и замедляли его успѣхи въ борьбѣ съ язычествомъ ³⁾. Особенно насильственные перемѣщенія епископовъ съ одной кафедрой на другую и ихъ ссылки служили немалымъ соблазномъ для новообращенныхъ и были предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія со стороны язычниковъ ⁴⁾. Въ то же время ожесточенная борьба аріанства противъ православія не могла не выставить наружу слабыя стороны жизни нѣкоторыхъ членовъ современнаго христіанскаго общества. Почти всякій христіанскій городъ раздѣлялся на два враждебныхъ лагеря, взаимная ненависть которыхъ другъ противъ друга была настолько

¹⁾ Созом. Ц. И. II, 12, стр. 248; II, 19 стр. 271. Θεοδωρ. Ц. И. II, 15, стр. 144—147.

²⁾ Stolberg. Т. XI. р. 328.

³⁾ Твор. Григ. Бог. ч. 1. Слово первое, стр. 8.

⁴⁾ Аѳан. Александ. Защит. слово противъ аріанъ, ч. 1, стр. 210.

сильна, что требовался самый незначительный поводъ для возбужденія открытой вражды ¹⁾.

Кромѣ внутреннихъ раздоровъ, производимыхъ въ церкви аріанскими спорами, она испытывала еще другія нестроенія. Какъ скоро христіанство было признано оффиціальною государственною религіею въ Римской имперіи, его стали принимать многіе люди безъ всякаго искренняго убѣжденія, руководствуясь при этомъ случаѣ исключительно одними внѣшними разсчетами и соображеніями ²⁾. Едва только Константинъ Великій объявилъ открыто свой переходъ въ христіанство, какъ его дворецъ не замедлил наполниться новообращенными, которые очень часто проявляли лишь одно наружное благочестіе съ цѣлью удобнѣе заслужить довѣріе императора, а императоръ, какъ справедливо замѣчаетъ Евсевій, не всегда имѣлъ разборчивость, необходимую для того, чтобы распознать корыстные разсчеты, которые влекли къ нему этихъ людей. Въ царствованіе Константина Великаго этотъ историкъ «замѣчалъ владычество двухъ тяжкихъ пороковъ: разрушительную силу ненасытныхъ и лукавыхъ людей, расхищавшихъ чужое имущество, и невыразимое притворство обманщиковъ, лицемѣрно присоединившихся къ церкви и ложно носившихъ имя христіанъ. Человѣколюбіе и добролюбіе, искренность вѣры и прямодушіе располагали царя довѣрять людямъ, бывшимъ повидимому только христіанами и подъ маскою притворства старавшимся снискать себѣ истинное его расположеніе» ³⁾.

Ближайшіе преемники Константина Великаго, его сыновья, значительно уступавшіе своему отцу въ жи-

¹⁾ Θεοδωρ. Π. Ι. ΙΙΙ, 4, стр. 199 — 201.

²⁾ Евсевій, Жизнь Константина. Русск. перев. Спб. 1849 г. Томъ II, 54, стр. 271.

³⁾ Евсевій, Жизнь Константина, IV, 54, стр. 271.

тейской опытности и благоразуміи, тѣмъ болѣе были вводимы въ обманъ людьми, притворно принимавшими христіанство подѣ влияніемъ своекорыстныхъ расчетовъ и соображеній¹⁾. Вокругъ нихъ тѣснилось немало честолюбивыхъ духовныхъ лицъ, помогавшихся полученія видныхъ мѣстъ въ церковной іерархіи и съ этою цѣлью принявшихъ священное званіе, ихъ окружало множество царедворцевъ, принявшихъ новую религію исключительно въ видахъ пріобрѣтенія расположенія со стороны двора и участія въ расхищеніи языческихъ храмовъ²⁾. Въ эпоху предшествовавшихъ гоненій, воздвигаемыхъ на церковь Божію ея врагами, только одни люди, твердые своею вѣрою, имѣли мужество признавать себя исповѣдниками Христа и охотно жертвовали своею жизнію за Его имя. Отсюда понятно, что христіанское общество того времени отличалось необыкновенною чистотою и святостію жизни своихъ членовъ. Теперь же, съ объявленіемъ христіанства государственною религіею Римской имперіи, когда званіе вѣрующаго болѣе уже не стало соединяться ни съ какими притѣсненіями и опасностями, а, напротивъ, пользовалось многими привилегіями и милостями со стороны гражданской власти³⁾, не мало людей стало принимать новую религію, руководствуясь при этомъ случаѣ исключительно одними своекорыстными расчетами⁴⁾. Понятно, что такого рода новые члены христіанскаго общества въ своихъ внутреннихъ убѣжденіяхъ оставались тѣми же самыми язычниками, какими они были прежде, и при перемѣнѣ политическихъ об-

¹⁾ Chastel, p. 77.

²⁾ Ibid. Cp. G. Stolberg. Geschichte d. Religion Jesu Christi. T. XI, p. 311.

³⁾ Евсев. Ц. И. X, 5—6, русск. перев. Спб. 1848, стр. 576—586.

⁴⁾ Евсев. Жизнь Константина. III, 21, стр. 185.

стоятельствъ отъ нихъ легко можно было ожидать скорого возвращенія къ ихъ прежнимъ религіознымъ убѣжденіямъ. «Милости императоровъ (Константина Великаго и его сыновей), справедливо замѣчаетъ Брольи, ежедневно умножали число христіанъ безъ всякой пользы для церкви. Казаться убѣжденнымъ въ истинахъ христіанства было самымъ лучшимъ средствомъ заслужить благоволеніе императоровъ и всякій проницательный придворный спѣшилъ сдѣлаться по наружности вѣрующимъ, такъ какъ съ этимъ соединялись почести, богатство, полученіе видныхъ должностей и благосклонность двора.

Далѣе, такъ какъ клирики были освобождены отъ обязанностей муниципальных и куріальныхъ¹⁾, весьма обременительныхъ въ то время²⁾, то вслѣдствіе этого множество зажиточныхъ людей стремилось поступать въ клиръ. При такого рода выгодныхъ условіяхъ стремленіе вступить въ число клириковъ было на столько сильно, что возбуждало не мало протестовъ со стороны городовъ, лишавшихся чрезъ это многихъ гражданъ, способныхъ къ управленію городскихъ должностей³⁾, такъ что потребовалось особымъ правиломъ строго опредѣлить количество священниковъ въ каждомъ городѣ⁴⁾. Понятно, что такіе люди, слабые въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, при своей многочисленности не могли не оказывать вреднаго вліянія на ослабленіе нравственной строгости въ жизни вѣрующихъ и не вносить въ нее чуждаго мірскаго духа. Св. Аѳанасій Александрійскій свидѣтельствуетъ, что въ его время не мало было личностей, ко-

¹⁾ Евсев. Ц. И. X, 7, стр. 586. Cod. Theodos. l. XVII. t. 2, l. 2.

²⁾ Beugnot, t. I, p. 78.

³⁾ Ibid. p. 79.

⁴⁾ A. Broglie, l'Eglise et l'Empire Rom. au IV Siècle. Paris, 1866 г. Т. II, p. 79—83.

торыя, ради полученія духовныхъ должностей, свободы отъ государственныхъ налоговъ и податей, были готовы довольствоваться всякимъ родомъ вѣроученія ¹⁾). Наконецъ, многіе изъ вѣрующихъ, принявшіе христіанство не по искреннему убѣжденію, а только изъ внѣшнихъ расчетовъ и соображеній, вели жизнь далеко несообразную съ своимъ высокимъ званіемъ, предавались разнаго рода суевѣріямъ и гаданіямъ наравнѣ съ язычниками ²⁾), продолжали участвовать въ языческихъ играхъ и праздникахъ, призывали нерѣдко въ клятвахъ имена языческихъ боговъ. На своихъ праздникахъ въ честь мучениковъ они распѣвали языческіе гимны и совершали пляски вокругъ базиликъ по примѣру язычниковъ. Въ духовенствѣ того времени, особенно западномъ, была замѣтна сильная склонность къ роскошной и богатой жизни ³⁾).

Такимъ образомъ, раздираемая аріанскими смутами и ослабляемая другими нестроеніями, церковь казалась мало приготовленною къ угрожавшей ей при Юліанѣ послѣдней борьбѣ съ язычествомъ. Въ то же время всѣ описанныя явленія во внутренней ея жизни не могли не возбуждать въ язычникахъ и въ самомъ императорѣ ложнаго убѣжденія, что она сама начала ослабѣвать и распадаться, и легко могли внушить надежду уничтожить христіанство безъ особенныхъ затрудненій, а на развалинахъ его возстановить политеизмъ во всемъ его древнемъ величіи.

Что касается до состоянія язычества въ разсматриваемое время, то оно представляло двоякаго рода явленіе. Со внѣшней стороны политеизмъ утрачивалъ все

¹⁾ Аван. Алекс. Посланіе къ монахамъ о томъ, что сдѣлано аріанами при Констанціѣ, стр. 175, р. перев.

²⁾ Schrock. T. VI, р. 276.

³⁾ Mucke, F. C. Julianus, Gotha, 1869, II Abtheil., р. 92.

болѣе и болѣе правъ и преимуществъ, между тѣмъ какъ во внутренней продолжалъ обнаруживать еще не мало признаковъ жизни, хотя они и были лишь результатами его предсмертной агоніи.

Съ объявленіемъ христіанства господствующею религіею въ Римской имперіи, политеизмъ, какъ извѣстно, утратилъ свое значеніе въ смыслѣ оффиціального государственнаго культа и его права и привиллегіи были переданы новой государственной религіи ¹⁾. Впрочемъ отношеніе къ язычеству перваго христіанскаго императора отличалось большою терпимостью и умѣренностію. Онъ видимо щадилъ культъ, съ которымъ тѣсно были связаны общественныя и государственныя симпатіи язычниковъ, и старался представить ему возможность спокойно умереть своею естественною смертію безъ особенно сильныхъ внѣшнихъ потрясеній. Объявляя христіанство господствующею религіею въ Римской имперіи, Константинъ Великій тѣмъ не менѣе не рѣшался приступить къ открытому преслѣдованію и подавленію политеизма, потому что очень хорошо понималъ его національное значеніе и еще сохранившуюся въ немъ живую силу ²⁾. Отсюда отношеніе перваго христіанскаго императора къ политеистическимъ вѣрованіямъ и преданіямъ вообще показываетъ въ немъ мудрую осторожность и большую снисходительность. До насъ не сохранилось ни одного изъ его эдиктовъ, который бы прямо говорилъ о положительномъ запрещеніи вѣрованій политеизма и стѣсненіи свободы открытаго отправленія его обрядовъ. Если въ этомъ отношеніи и было имъ издано нѣсколько указовъ, то они касались по большей части только тѣхъ языческихъ культовъ

¹⁾ Евс. Ц. И. X, 5—7, стр. 576—586. Cod. Theodos. I. XVI, t. II, I. 2. Лактанцій, о смерти гонителей. Русск. перев. М. 1783, гл. 48, стр. 496—500. Феодор. Ц. И. 1, 15, 16, стр. 73—76.

²⁾ Chastel, p. 54.

и обрядовъ, которые навлекали на себя обвиненія вслѣдствіе своей безнравственности ¹⁾. Константинъ Великій въ своей религіозной ревности къ церкви не могъ идти далѣе объявленія свободы и равноправности какъ христіанства, такъ и язычества. Препятствія и опасности, которыя онъ видѣлъ вокругъ себя, невольно заставляли его отказаться отъ исполненія самыхъ горячихъ своихъ стремленій къ подавленію язычества, какія только могли у него быть въ душѣ ²⁾. Онъ очень хорошо понималъ всю опасность насильственныхъ мѣръ въ отношеніи къ язычеству, и потому долженъ былъ сообразовать свое поведеніе съ указаніями умѣренности и благоразумія. Стѣсненный національными римскими учрежденіями, подозрительный къ аристократіи, въ рукахъ которой, особенно на западѣ, находилась истинная власть надъ обществомъ и которая очень хорошо понимала, что уничтоженіе національнаго культа влекло за собою потерю ея вѣковыхъ привилегій, Константинъ Великій видѣлъ, что новый путь, на который онъ вступилъ, принявши христіанство, представляетъ собою не мало препятствій, которыя едва ли были въ состояніи преодолѣть его мужество и рѣшимость. Вслѣдствіе этого онъ необходимо долженъ былъ постоянно сдерживать свою религіозную ревность и до самой своей смерти оставался вѣрнымъ принципу религіозной свободы и вѣротерпимости, провозглашенному имъ вмѣстѣ съ Лицініемъ еще въ 313 году.

Первые эдикты Константина Великаго, относящіеся къ язычеству, были изданы въ 319 г. ³⁾. Въ нихъ строго

¹⁾ Евсев., Жизнь Константина. III, 54, стр. 208—210; 55, стр. 210—211; 56, стр. 211—212; 58, стр. 212—213; IV, 25, стр. 247—248.

²⁾ Beugnot, T. I. p. 70.

³⁾ Евсев. Ц. И. X, 5, стр. 576. Beugnot. T. I. p. 108.

запрещалось только совершеніе такъ называемыхъ магическихъ жертвоприношеній и соединенныхъ съ ними тайныхъ гаданій ¹⁾. Въ силу этихъ эдиктовъ ни одинъ гаруспексъ не долженъ былъ переступать порогъ чужаго дома, — въ противномъ случаѣ подвергался смертной казни, а кто призывалъ его въ свой домъ, наказывался отнятіемъ имущества. Надобно замѣтить, что у римлянъ существовало два рода гаданій, одинаковыхъ по своей цѣли, но различныхъ по средствамъ своего выполненія, изъ которыхъ одинъ былъ легальный и общественный, а другой признавался тайнымъ и запрещеннымъ ²⁾. Первый родъ гаданій совершался публично особо для того предвѣщенныхъ авгурами, на обязанности которыхъ лежало совѣщаться съ богами именемъ государства и мнѣніе которыхъ въ глазахъ общества пользовалось большимъ уваженіемъ. Авспиціи втораго рода совершались тайно магиками, колдунами, чревоѣщателями и астрологами, которые, не смотря на всю строгость законовъ, противъ нихъ издаваемыхъ, поддерживали сильное суевѣріе во всѣхъ классахъ римскаго общества. Оставляя дозволеннымъ первый родъ гаданій и воспрещая послѣдній, Константинъ Великій тѣмъ самымъ нисколько не посягалъ на права язычества и не стѣснялъ свободы открытаго совершенія его обрядовъ ³⁾, но лишь возобновлялъ постановленія закона XII таблицъ и эдикты императора Тиберія, опредѣлявшіе смертную казнь за тайное совершеніе тѣхъ же самыхъ гаданій, нерѣдко употреблявшихся съ преступною цѣлью во вредъ частныхъ лицъ или государствен-

¹⁾ Cod. Theod. I. IX, t. 16, l. 1 и 2.

²⁾ Beugnot, t. I. p. 81.

³⁾ Adite aras publicas atque delubra, говоритъ онъ язычникамъ, et consuetudinis vestrae celebrate solemnia: nec enim prohibemus praeteritae usurpationis officia libera luce tractari. Cod. Theod. I. IX. t. XVI, l. 2.

ной безопасности ¹⁾. Воспрещая совершеніе послѣдняго рода гаданій и жертвоприношеній тайно въ частныхъ домахъ, Константинъ Великій въ тоже самое время формально подтвердилъ врежнюю свободу гадать публично по авспіціямъ въ храмахъ, и потому въ новомъ своемъ эдиктѣ отъ 22 іюня 321 г. онъ объявилъ, что «на сколько должно быть строгимъ къ тѣмъ, которые употребляютъ магію въ видахъ недозволенныхъ или преступныхъ, на столько же должно позволять употребленіе невинныхъ средствъ, будетъ ли то для излеченія больныхъ, или для отвращенія несчастій, или чтобъ увѣриться въ счастливомъ сборѣ жатвы» ²⁾.

Факты, на которые можно было бы указать въ доказательство той мысли, будто Константинъ Великій все-таки нерѣдко совершенно уклонялся отъ провозглашеннаго имъ принципа религіозной свободы въ отношеніи къ язычеству, не имѣютъ рѣшительнаго значенія для подобнаго заключенія. Такъ, по словамъ Евсевія, онъ положительно запретилъ назначаемымъ имъ государственнымъ чиновникамъ совершеніе языческихъ жертвоприношеній.— «Императоръ, говоритъ этотъ историкъ, отправилъ къ народамъ, раздѣленнымъ на провинціи, такихъ правителей, которые большею частію посвятили себя спасительной вѣрѣ, а кто казался язычникомъ, тому воспрещалъ приносить жертвы. Если они были христіане, то онъ внушалъ имъ вести себя соотвѣтственно своему имени, а когда находились въ иномъ расположеніи, повелѣвалъ оставить идолопоклонство» ³⁾. Но указанный законъ на практикѣ едва ли исполнялся такъ строго, какъ думаетъ Евсевій. Будучи вынужденъ из-

¹⁾ Rudiger, De statu et conditione paganorum sub imperatoribus christianis post Constantinum Magnum. Wratislaviae, 1825, p. 7—9.

²⁾ Cod. Theod. I. IX. t. 16. l. 3.

³⁾ Евсев. Жизнь Константина, II, 44. стр. 139—140.

бирать государственных чиновниковъ изъ среды знатныхъ патриціанскихъ семей, усердно преданныхъ древнему отечественному культу, Константинъ Великій по необходимости долженъ былъ игнорировать ихъ приверженность къ древнимъ политеистическимъ вѣрованіямъ и преданіямъ¹⁾. Далѣе, Евсевій сообщаетъ извѣстія, что многіе языческіе храмы по приказанію Константина были заперты и разрушены и многіе языческіе культы уничтожены²⁾. «Вслѣдствіе царскаго указа, говоритъ онъ, притворы городскихъ капищъ, чрезъ снятіе дверей, справедливо были обнажаемы, потолочные своды, по сломкѣ кровли надъ ними, портились, мѣдныя изваянія, которыя долгое время чествовало заблужденіе древнихъ, были вынесены и разставлены на показъ по всѣмъ площадямъ Царьграда. Зрители встрѣчали, какъ позорное зрѣлище, въ одномъ мѣстѣ Пивеія, въ другомъ — Сминта, въ самомъ циркѣ — дельфійскій треножникъ, а во дворцѣ — Гелликонскихъ Музъ. Вообще весь соименный царю городъ былъ наполненъ искуснѣйшими мѣдными изваяніями, которыя почитались священными у всѣхъ народовъ. Одержимые недугомъ заблужденія, люди поздно уразумѣли, что въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ они тщетно приносили многочисленныя жертвы и всесоженія своимъ идоламъ подъ именемъ боговъ, — уразумѣли тогда уже, когда эти самыя изображенія царь обратилъ въ игрушки для забавы и смѣха зрителей»³⁾.

При такомъ посмѣяніи языческихъ храмовъ и поруганіи языческихъ святынь, замѣчаетъ Евсевій, не было недостат-

¹⁾ Rudiger, p. 15—17.

²⁾ Евсев. Жизнь Константина, III, 54, стр. 208—210; 55, стр. 210—211; 56, стр. 211—212; 57, стр. 212—213; 58, стр. 213—215.

³⁾ Евсев. Жизнь Константина. III, 54, стр. 208.

ка въ оскорбленіяхъ, дѣлаемыхъ жрецамъ. Исполнители царской воли, по словамъ этого историка, «воодушевленные благочестіемъ царя и своимъ собственнымъ благоговѣніемъ къ святому дѣлу, являлись среди многочисленныхъ народныхъ общинъ и по всѣмъ городамъ и областямъ истребляли застарѣлое заблужденіе. Повелѣвая самимъ жрецамъ, при громкомъ смѣхѣ и срамѣ, выносить мнимыхъ боговъ изъ темныхъ ущелій на свѣтъ, они разоблачали эти призраки и открывали всѣмъ безобразіе, скрывавшееся подъ расписанными ихъ изображеніями. Затѣмъ, отдѣляя вещества, повидимому годныя, и испытывая ихъ плавкою и огнемъ, все полезное и нужное складывали для сбереженія въ безопасное мѣсто, а оставшееся затѣмъ бесполезное, въ память стыда, возвращали нечестивцамъ. Когда мертвые идолы изъ драгоценнаго вещества были такимъ образомъ разложены, — они приступили и къ идоламъ, вылитымъ изъ мѣди; и эти также узники, — боги старыхъ сказокъ, — увозимы были, опутанные волосяными веревками. Все это совершалось, по словамъ историка, безъ помощи вооруженной силы, немногими людьми, которые проникали въ среду языческаго населенія, сильные своею собственною ревностію и ревностію императора» ¹⁾).

Но, безъ сомнѣнія, Евсевій значительно преувеличиваетъ описанную имъ картину разрушенія языческихъ капищъ, такъ какъ оно никакъ не могло совершаться подобнымъ образомъ во всѣхъ провинціяхъ Римской имперіи. По всей вѣроятности было разрушено нѣсколько языческихъ храмовъ въ Палестинѣ, Финикии, Египтѣ, также въ нѣкоторыхъ городахъ Малой Азіи и Греціи, гдѣ, при быстро уменьшающемся количествѣ языческаго населенія, не представлялось болѣе надобности въ этихъ святили-

¹⁾ Евсев. Жизнь Константина. III. 54, стр. 209.

ствахъ для совершенія богослуженія¹⁾. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ язычники продолжали еще показывать свою ревность къ древнимъ политеистическимъ вѣрованіямъ, и гдѣ они имѣли преобладающее значеніе по своей численности, строгія мѣры императора относительно разрушенія языческихъ храмовъ естественно не могли имѣть прямого приложенія. Въ западныхъ провинціяхъ имперіи эдикты Константина Великаго, предписывающіе разрушеніе языческихъ капищъ, о которыхъ упоминаетъ Евсевій, вовсе не были приводимы въ исполненіе²⁾. Въ то время какъ на востокѣ императоръ повелѣвалъ уничтожать и разбивать языческіе портики, срывать крыши храмовъ и разбивать изображенія языческихъ боговъ, Римскій Сенатъ, въ 331 и 332 г. издалъ повелѣніе возстановить храмъ Конкордіи³⁾, Авицій Пробіанъ (Apidius Probianus), соорудилъ алтарь въ честь Юноны, а консулъ Авицій Фавстъ Павлинъ (Apidius Faustus Paulinus) посвятилъ прекрасный жертвенникъ «непобѣдимому Геркулесу»⁴⁾. Желая обогатить новую свою столицу драгоценными произведеніями языческихъ храмовъ, Константинъ Великій преимущественно тѣ изъ нихъ подвергалъ разрушенію, которые своими развратными культами оказывали чрезвычайно вредное вліяніе на народную нравственность. Такъ онъ повелѣлъ разрушить храмъ Венеры — Ураніи въ Афакѣ, на одной изъ вершинъ Ливана⁵⁾, уничтожилъ гнусную проституцію, совершаемую въ Геліополисѣ⁶⁾, въ Египтѣ отмѣнилъ постыдный культъ Нила, совершаемый жрецами-герма-

¹⁾ La Bastie, Mem. Acad. des inscrip. t. XV, p. 93.

²⁾ Beugnot, t. I, p. 105.

³⁾ Tillemont, Histoire des Empereurs. Paris, 1823. T. IV, p. 202.

⁴⁾ Beugnot, t. I, p. 106.

⁵⁾ Евсев. Жизнь Константина. III, 55 стр. 210—211.

⁶⁾ Ibid. III, 58, стр. 213—215.

фродитами ¹⁾), наконецъ, въ киликійскомъ городѣ Эгинѣ разрушилъ храмъ Эскулапа, знаменитый своимъ оракуломъ, гдѣ, по увѣренію тамошнихъ жрецовъ, многіе, приходившіе туда, больные получали исцѣленіе ²⁾). Правда, нѣкоторыя письма Ливанія показываютъ, что упомянутый храмъ Эскулапа былъ разрушенъ уже въ царствованіе императора Констанція, но легко допустить, что онъ былъ возстановленъ въ промежуточное время на богатыя приношенія больныхъ, искавшихъ здѣсь исцѣленія.

Брольи пытается объяснить и оправдать разрушеніе нѣкоторыхъ языческихъ капищъ въ царствованіе Константина Великаго слѣдующимъ образомъ: «Едва ли былъ языческій храмъ, въ таинственномъ закоулкѣ котораго не совершалось бы какихъ нибудь непристойныхъ или кровавыхъ обрядовъ. Язычество представляло вездѣ только одну огромную картину систематической и освященной безнравственности, и только религіозный авторитетъ, освящавшій эту безнравственность, могъ усыплять общественную совѣсть. Авторитетъ язычества уже палъ для самихъ язычниковъ и въ язычествѣ остался одинъ соблазнъ. Съ того времени, какъ язычники перестали приближаться къ алтарямъ Венеры, Пріапа и Цибелы съ благоговѣйно опущенными взорами, — прекратилась возможность смотрѣть на нихъ безъ стыда и негодованія. Евангеліе, подобно восходящему солнцу, освѣтило своими лучами языческіе храмы, убѣжища священнѣхъ роощъ, нечистыхъ идоловъ и мрачныя церемоніи — эту истинную школу преступленій и разврата, и общество удивилось, что оно такъ долго терпѣло все это» ³⁾).

Одинаковымъ съ указанными эдиктами характеромъ

¹⁾ Ibid. IV, 25, стр. 247—248.

²⁾ Ibid. III, 56, стр. 211—212.

³⁾ Broglie. t. I. стр. 346.

отличается и законъ Константина Великаго ¹⁾, «возбравшій, по словамъ Евсевія, отвратительные обряды идольскаго служенія, совершавшагося нѣкогда въ городахъ и селахъ, чтобы никто не дерзалъ воздвигать новыхъ статуй, заниматься предсказаніями и иными пустыми дѣлами, вообще, чтобы никто не приносилъ жертвъ... дабы въ то время когда, можно сказать, почти всѣ люди будутъ приходить къ Богу, многобожное безуміе было изгнано совершенно» ²⁾. Указанный законъ не сохранился до нашего времени въ своемъ подлинникѣ, но эдиктъ сыновей Константина Великаго, изданный въ 341 г., ясно намекаетъ на его содержаніе: «Да прекратится суевѣреніе, безуміе жертвъ да будетъ уничтожено (*Cesset superstitio, sacrificiorum aboleatur insania*), говорится въ этомъ эдиктѣ, а потому всякій, кто осмѣлится, вопреки закону нашего отца и нашему запрещенію, совершать жертвоприношенія, да будетъ наказанъ сообразно своей винѣ и приговоръ суда будетъ совершенъ надъ нимъ безотлагательно» ³⁾.

Правда, нѣкоторые изслѣдователи въ приведенномъ законѣ Константина Великаго видятъ прямое запрещеніе свободнаго отправленія обрядовъ языческаго культа ⁴⁾, но при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ нельзя не убѣ-

¹⁾ Rudiger, (p. 19) и Неандеръ (*Allgem. Geschichte Christl. Relig. u. Kirche*, 3 Aufl. Gotha, 1864 г. т. III, p. 34) относятъ изданіе упомянутаго закона къ концу царствованія Константина Великаго, между тѣмъ какъ разсказъ Евсевія даетъ полное основаніе отнести время происхожденія его къ срединѣ (Евсев., *Жизнь Константина*. II, 45, стр. 140—141). По Сократу, онъ былъ изданъ непосредственно послѣ никейскаго собора, на 20 году царствованія Константина, когда императоръ обратилъ свое вниманіе на построеніе церквей (Сокр. Ц. И. 1. 16, стр. 74).

²⁾ Евсев., *Жизнь Константина*. II, 45, стр. 140—141.

³⁾ *Cod. Theod.* I, XVI, t. 10. l. 2.

⁴⁾ Neand. T. III, p. 34. Chastel, p. 62. E. Lasaulx, *Der Untergang d. Hellenismus u. die Einziehung seiner Tempelgüter durch die Christliche Kaiser*. München, 1854, p. 60.

даться, что онъ представляетъ собою не болѣе, какъ только повтореніе и возобновленіе закона, изданнаго въ 319 г., противъ тайныхъ жертвъ ¹⁾, и что онъ имѣлъ скорѣе всего отношеніе не къ подавленію свободы публичнаго отправленія церемоній языческаго культа, но только воспрещалъ совершеніе суевѣрныхъ ночныхъ обрядовъ, недозволенныхъ занятій магіею, проникавшихъ въ культъ безпорядковъ (*τὰ μυστῆρα τῆς εἰσωλόλατρείας*) и вообще всякихъ тайныхъ жертвоприношеній въ частныхъ домахъ. Справедливость подобнаго пониманія указаннаго закона Константина Великаго легко подтверждается, если мы обратимъ вниманіе на выраженія Евсевія и выраженія эдикта сыновей Константина, которыми обозначаются указанные жертвоприношенія. Слово «суевѣріе» (*superstitio*) было понимаемо у римлянъ въ дурномъ смыслѣ и обозначало безнравственный культъ, церемоніи и тайныя жертвы, совершаемыя частными лицами и неимѣющія общественнаго характера. Что касается до выраженія: «безуміе жертвъ да будетъ уничтожено» (*sacrificiorum aboleatur insania*), то подъ нимъ легко можно понимать магическія и теургическія операциі, безумную вѣру въ предсказанія тѣхъ, которые, съ цѣлью удовлетворить безпокойному любопытству людей, тайно продолжали проходить запрещенную профессію предсказыванія будущаго чрезъ разсматриваніе внутренностей жертвенныхъ животныхъ и которые иногда въ своемъ сумасбродствѣ доходили до того, что закалывали для этого человѣческія жертвы, — можно, наконецъ, разумѣть разныя ночныя жертвоприношенія, покровительствовавшія всѣмъ родамъ распутства. Противъ такого рода злоупотребленій и былъ направленъ упомянутый законъ Константина Великаго, въ сущности ничѣмъ не отличав-

¹⁾ Walesius, Calc. Eus. Hist. p. 194.

шійся отъ его эдикта 319 г. противъ тайныхъ гаданій и, слѣдовательно, не имѣющій никакого права на занятіе особаго мѣста въ законодательномъ кодексѣ ¹⁾. Справедливость высказанной мысли, что упомянутый законъ Константина Великаго нисколько не стѣснялъ свободы открытаго отправления обрядовъ языческаго культа, ясно подтверждается также свидѣтельствомъ Ливанія, который прямо говоритъ, что, завладѣвая приношеніями и доходами языческихъ храмовъ, Константинъ нисколько не стѣснялъ языческихъ священныхъ обрядовъ ²⁾.

Такимъ образомъ Константинъ Великій, не смотря на нѣкоторыя, повидимому строгія мѣры въ отношеніи къ язычеству, до конца своей жизни оставался вѣренъ принципу религіозной свободы и вѣротерпимости ³⁾, который провозглашенъ былъ сначала миланскимъ эдиктомъ, а затѣмъ подтвержденъ въ указѣ, обращенномъ къ жителямъ провинцій востока. «Хочу, чтобы для общей пользы міра и всѣхъ людей, народъ Твой, Боже, наслаждался спокойствіемъ и безмятежностію, говорить онъ здѣсь; хочу, чтобы, подобно вѣрующимъ, пріятности мира и тишины радостно вкушали и заблуждающіе: ибо такое возстановленіе общенія можетъ вывести на путь истины. Пусть никто не беспокоитъ другаго; пусть каждый дѣлаетъ, чего хочетъ его душа. Люди здравомыслящіе должны знать, что только тѣ будутъ жить свято и чисто, кого Ты самъ призовешь почитать подъ святыми Твоими законами: а отвращающіеся отъ нихъ пусть, если угодно, владѣютъ жребіемъ своего лжеученія» ⁴⁾. Въ своемъ отношеніи къ язычеству Константинъ Великій

¹⁾ Beugnot, t. 1. p. 100.

²⁾ Liban. orat. pro templis, p. 162.

³⁾ Beugnot, t. 1. p. 108.

⁴⁾ Евсев. Жизнь Константина. II, 56 стр. 147—148.

не могъ идти далѣе объявленія равенства правъ языскаго культа съ христіанствомъ. Возведя послѣднее на степень государственной религіи, онъ не могъ, хотя на время, не оставить на той же степени и старой государственной религіи, — языческой. Вслѣдствіе этого, по примѣру своихъ предшественниковъ, онъ и по принятіи христіанства все еще продолжалъ носить титулъ верховнаго жреца (*Pontifex Maximus*), какъ почетнаго блюстителя и покровителя языческаго культа ¹⁾, хотя въ торжественные дни уже болѣе не входилъ въ Капитолій и не читалъ будущаго своей имперіи въ книгахъ Сивиллъ. Онъ позволялъ также, чтобъ ему, какъ и его предшественникамъ, давали титулъ божественнаго (*divus*), чтобъ декреты, обнародованные подъ его именемъ, обозначались, какъ «небесныя постановленія», или «божественныя изреченія», чтобъ воины привѣтствовали его по старому: «Августъ! да хранятъ тебя боги!» ²⁾, чтобъ на медаляхъ, отчеканенныхъ въ Римѣ, на оборотной сторонѣ, читалось: «Юпитеру или Марсу — сохранителю, Геркулесу-побѣдителю, Геліосу — непреодолимому, Генію народа римскаго» и чтобъ, наконецъ, его самого изображали среди языческихъ эмблемъ, въ костюмѣ жреца ³⁾.

Преемники Константина Великаго, его сыновья — Константинъ II, Констанцій и Константъ, раздѣлившіе между собою управленіе имперіею, въ своихъ отношеніяхъ къ язычеству въ большинствѣ случаевъ продолжали поддерживать ту же мудрую и осторожную политику, какой слѣдовалъ ихъ отецъ ⁴⁾, хотя многіе изъ

¹⁾ Beugnot, t. 1, p. 94.

²⁾ La Bastie. Mem. Acad. des inscr. t. XV, p. 103.

³⁾ Museum Pisanum, t. II, p. 71. Occon. et Mediobarb. Impp. rom. numism. p. 459—469. Chastel, p. 76.

⁴⁾ Beugnot, t. 1. p. 101.

вѣрующихъ того времени и желали перейти отъ нея къ болѣе прямымъ насильственнымъ мѣрамъ для совершеннаго низверженія ненавистой въ глазахъ ихъ древней религіи ¹⁾. Подобнаго рода духъ нетерпимости къ языческому культу проглядываетъ во многихъ произведеніяхъ христіанской письменности разсматриваемаго времени, принадлежащихъ, впрочемъ, не отцамъ и учителямъ церкви, но перу частныхъ лицъ. Такъ между 340 и 350 гг. нѣкто Юлій Фирмикъ Матернъ (*Julius Firmicus Maternus*) ²⁾, въ своемъ сочиненіи «о заблужденіи нечестивыхъ религій» (*De errore profanarum religionum*) настойчиво убѣждаетъ императоровъ Констанція и Константа принять самыя энергическія мѣры къ уничтоженію язычества. «На васъ, говоритъ онъ, лежитъ обязанность совершенно искоренить зло, и потому законъ Всевышняго повелѣваетъ вамъ преслѣдовать порокъ идолослуженія всѣми средствами. Языческіе храмы должны быть уничтожены, чтобы такимъ образомъ ни одно заблужденіе не пятнало болѣе римскій міръ. Для того Всевышній и даровалъ вамъ власть, чтобы окончательно уврачевать этотъ недугъ. Немногого еще не достаетъ, чтобы ваши законы окончательно уничтожили древнее идолослуженіе. Итакъ, водрузите знамя вѣры, дарованное вамъ Богомъ для совершеннаго уничтоженія идолослуженія и его храмовъ! Бросьте храмовыя украшенія и изваянія идоловъ въ огонь и обратите все это въ монету, употребите приношенія, доставляемыя богамъ, въ свою пользу и даръ Господу! Какъ скоро совершенно будутъ разрушены храмы боговъ и когда не останется болѣе никакихъ слѣдовъ нечестія, сила Божія возвыситъ васъ, всѣ вра-

¹⁾ Beugnot, t. 1. p. 148—149.

²⁾ Neand. T. III, p. 45. Schröck, T. VI, p. 11.

ги ваши будутъ побѣждены и ваше царство далеко распространится¹⁾.

Впрочемъ необходимо замѣтить, что изложенное требованіе принадлежало перу придворнаго льстеца, между тѣмъ какъ истинно вѣрующіе чуждались духа религіозной нетерпимости и вовсе не думали прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ для насильственного подавленія языческаго культа. Сыновья Константина Великаго, въ своихъ отношеніяхъ къ язычеству, держась провозглашеннаго ихъ отцомъ принципа религіозной свободы и вѣротерпимости, энергически продолжали преслѣдовать только разнаго рода ворожбу, гаданія и колдовство, сопровождаемыя суевѣрными обрядами и жертвоприношеніями и совершаемыя по большей части по ночамъ, и притомъ въ тайныхъ мѣстахъ²⁾. Такъ императоры Констанцій и Константъ въ 341 г. подтвердили законъ своего отца противъ гадателей и совершаемыхъ ими ночныхъ жертвоприношеній³⁾. «Да прекратится суевѣріе, говорилось въ немъ, безуміе жертвъ да будетъ уничтожено, а потому всякій, кто, вопреки закону нашего отца и нашему запрещенію, осмѣлится совершать жертвоприношенія, да будетъ наказанъ за это сообразно своей винѣ и приговоръ суда будетъ совершенъ надъ нимъ безотлагательно⁴⁾. Сдѣлавшись единодержавнымъ властителемъ востока и запада имперіи, императоръ Констанцій въ 353 г. снова повторилъ законъ, воспрещавшій ночныя жертвоприношенія⁵⁾, дозволенныя на нѣкоторое время узурпаторомъ

¹⁾ J. Firmicus Maternus, De errore profanarum religionum. Lugd. Bat. 1672. p. 43, 59 и 63.

²⁾ Cod. Theod. l. XVI, t. 10, l. 2.

³⁾ Chastel, p. 78 Beugnot, t. 1. p. 148.

⁴⁾ Cod. Theod. l. XVI, t. 10, l. 2. Cesset superstitio, sacrificiorum aboleatur insania. Nam quicumque contra legem divi principis parentis nostri et hanc nostrae mansuetudinis ausus fuerit sacrificia celebrare, etc.

⁵⁾ Cod. Theod. l. XVI, t. 10, l. 5.

Магненціемъ ¹⁾). Въ 357 г. императоръ опять нашелся вынужденнымъ особымъ эдиктомъ обуздать сильную страсть своихъ подданныхъ къ суевѣрнымъ гаданіямъ такъ какъ предшествовавшія законодательныя постановленія приносили мало пользы въ этомъ отношеніи ²⁾). Въ слѣдующемъ году Констанцій издалъ въ томъ же духѣ новый законъ, направленный «противъ враговъ рода человѣческаго» (*humani generis inimicos*) ³⁾, которые, по словамъ императора, «*pulsant propèmodum majestatem*». Замѣчательно, что это древнее наименованіе христіанъ ⁴⁾ усвоится теперь колдунамъ и чародѣямъ съ цѣлію возбудить противъ нихъ народную ярость. Императоръ объявляетъ, что маги и чародѣи, обитавшіе въ его государствѣ и провинціяхъ, управляемыхъ Цезаремъ (Юліаномъ), будутъ предаваемы страшнымъ мученіямъ и что тѣ изъ нихъ, которые будутъ уличены, должны быть призываемы въ застѣнки и тамъ бока ихъ разрываемы раскаленнымъ желѣзомъ. Жестокость этихъ наказаній и быстрота, съ которою упомянутые законы одинъ за другимъ были издаваемы и повторяемы, ясно показываютъ, какую энергическую и упорную борьбу должны были предпринимать сыновья Константина Великаго противъ гадателей и ихъ тайнаго искусства. Шпіоны Констанція, разсѣявшись во множествѣ по всѣмъ почти провинціямъ имперіи, исправно доносили ему о всѣхъ, кто былъ изобличаемъ или подозрѣваемъ въ занятіяхъ магіею ⁵⁾).

Но, не смотря на всю строгость правительственныхъ мѣръ, суевѣрные обряды и тайныя жертвоприношенія

1) Chastel, p. 81. Beugnot, t. 1, p. 141.

2) Cod. Theod. l. IX, t. 16, l. 4.

3) Cod. Theod. l. IX, t. 16, l. 6.

4) Tacit. Annal. XXV, 44.

5) Chastel, p. 85.

по прежнему въ сильнѣйшей степени продолжали привлекать къ себѣ симпатіи языческаго общества. Надежды на возвращеніе прежняго порядка религіозныхъ дѣлъ, худо скрываемаыя, все еще продолжали бродить въ головѣ язычниковъ и они съ тревожнымъ волненіемъ старались изслѣдовать по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ и при помощи другихъ суевѣрныхъ обрядовъ, какая судьба ожидаетъ ихъ культъ въ будущемъ и долго ли еще продолжится враждебное для нихъ правленіе Констанція. Амміанъ Марцеллинъ свидѣтельствуетъ, что придворные, окружавшіе императора, по этому поводу внимательно наблюдали за полетомъ птицъ и совѣтовались съ гаруспексами¹⁾.

Дѣйствуя такъ строго по отношенію къ разнаго рода запрещеннымъ гаданіямъ и тайнымъ обрядамъ, сыновья Константина Великаго въ тоже самое время нисколько не старались стѣснять свободы открытаго отправленія обычныхъ обрядовъ языческаго культа. Жестокій и неумолимый въ своихъ эдиктахъ противъ колдуновъ и чародѣевъ, Констанцій, напротивъ, оказывалъ полное уваженіе представителямъ древняго отечественнаго культа. Въ 358 г. онъ адресовалъ намѣстнику Африки Марціану эдиктъ, который долженъ былъ содѣйствовать возвышенію общественнаго положенія языческихъ жрецовъ этой провинціи²⁾. Въ немъ императоръ выражаетъ желаніе, чтобы жрецы были избираемы въ свою должность собраніемъ адвокатовъ и чтобы ихъ выборъ распространялся на судей. Это значило отдавать въ руки дѣятельной корпораціи, очень вліятельной и очень преданной древнему отечественному культу, управление языческимъ жречествомъ, — привиллегія осо-

¹⁾ Amm. Marcell. XXI, 2, XXII, 1.

²⁾ Cod. Theod. I. XII, t. 1, l. 46.

бенно важная въ то время, когда язычество имѣло весьма большую нужду въ адвокатахъ и защитникахъ своихъ интересовъ въ борьбѣ съ новыми религіозными порядками. Сынѡвья Константина Великаго старались также обуздывать ревность нѣкоторыхъ изъ христіанъ къ разрушенію языческихъ гробницъ, которыя въ глазахъ грековъ и римлянъ пользовались весьма большимъ почетомъ и уваженіемъ, какъ памятники, воздвигнутые надъ прахомъ ихъ дорогихъ родственниковъ и друзей. Эдиктомъ, изданнымъ въ Миланѣ, 25 іюня 340 года, императоръ Константъ объявилъ, что всякій, изобличенный въ разрушеніи и расхищеніи языческихъ гробницъ, будетъ отправляемъ за это въ ссылку ¹⁾. Когда эти угрозы оказались слабыми, вышелъ вскорѣ другой эдиктъ, опредѣлявшій смертную казнь разрушителямъ языческихъ гробницъ ²⁾.

Въ 349 г. Константъ снова ослабилъ чрезвычайную строгость этого эдикта изданіемъ новаго закона, въ силу котораго виновные присуждались къ уплатѣ денежнаго штрафа ³⁾. Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этого закона въ провинціяхъ было поручено мѣстнымъ судьямъ, а въ Римѣ жрецамъ и городскому префекту. Въ томъ же году законъ этотъ былъ возобновленъ братомъ Константа — Констанціемъ ⁴⁾, но въ 356 г. Констанцій нашелъ нужнымъ снова воротиться къ прежнему наказанію виновныхъ вмѣсто штрафа смертной казнью ⁵⁾. Надобно замѣтить, что въ IV в. у римлянъ было издано не мало законовъ, которые, вслѣдствіе личнаго произвола судей, почти независимыхъ отъ

¹⁾ Cod. Theod. I. IX, t. 17, I. 1.

²⁾ Beugnot, t. 1. p. 137.

³⁾ Cod. Theod. I. IX, t. 17, I. 2.

⁴⁾ Ibid. I. IX, t. 17, I. 3.

⁵⁾ Ibid. I. 4.

центральной власти, нерѣдко оставались безъ исполненія, какъ простые выразители взглядовъ, воодушевлявшихъ главу государства, не имѣвшіе значенія въ практикѣ. Вотъ причина, почему сыновья Константина Великаго постоянно повторяютъ законодательныя постановленія, однажды уже ими изданныя и повидимому прочно гарантированныя.

Сыновья Константина Великаго заботились равнымъ образомъ о сохраненіи въ неприкосновенности языческихъ храмовъ, подвергавшихся разрушенію и расхищенію со стороны многихъ ревнителей ¹⁾. Съ этою цѣлью, въ 346 г. ²⁾, императоръ Константъ адресовалъ на имя Катулина, префекта Рима, законъ, который предписывалъ ему препятствовать разрушенію языческихъ храмовъ, находящихся въ окрестностяхъ столицы. «Хотя суетвѣріе должно быть уничтожено до конца, говорилось здѣсь, однако намъ угодно, чтобы храмы, расположенные внѣ стѣнъ Рима, оставались неприкосновенными; такъ какъ они одолжены своимъ происхожденіемъ играмъ и другимъ торжествамъ, то не слѣдуетъ разрушать того, что даетъ римскому народу привычное удовольствіе» ³⁾. Надобно замѣтить, что уже съ давнихъ поръ не мало храмовъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Рима, пришли въ запустѣніе, такъ какъ языческое населеніе предмѣстій Вѣчнаго Города значительно уменьшилось въ своемъ количествѣ. Содержаніе жрецовъ при этихъ храмахъ и издержки на поправленіе храмовъ считались для маги-

¹⁾ Juliani Epist. X. p. 379. Liban. Orat. pro Arist. p. 219, Epitaph. p. 288.

²⁾ Neander. t. III, p. 43. Гизелеръ относитъ изданіе этого эдикта нѣсколько ранѣе — къ 342 г. См. Lehrbuch d. Kirchen-Geschichte, t. 1. p. 344.

³⁾ Cod. Theod. I. XVI. t. 10. I, 3.

стратовъ тяжелымъ и невыносимымъ бременемъ. Отсюда есть основаніе думать, что упомянутый Катулинъ просилъ у императора позволеніе запереть и разрушить нѣкоторые изъ этихъ, оставленныхъ и запустѣвшихъ храмовъ, и упомянутый эдиктъ былъ отвѣтомъ на него Константа. Императоръ мотивируетъ свое желаніе оставить неприкосновенными упомянутые храмы главнымъ образомъ тѣмъ, что ихъ существованіе тѣсно связано было съ древними народными играми и зрѣлищами. Замѣчательно, что Катулинъ, бывшій авгуромъ ¹⁾, испрашивая у императора позволеніе на разрушеніе языческихъ храмовъ, ничего не находилъ въ этомъ поступкѣ предосудительнаго и противнаго интересамъ древняго отечественнаго культа, между тѣмъ какъ самъ Константинъ видѣлъ въ немъ непозволительное нарушеніе традицій, которые онъ желалъ оставить неприкосновенными.

Изъ сказаннаго очевидно, что въ своихъ отношеніяхъ къ язычеству сыновья Константина Великаго продолжали слѣдовать мудрой и осторожной политикѣ своего отца, нисколько не нарушая провозглашеннаго имъ принципа религіозной свободы и вѣротерпимости. Правда, нѣкоторые историки, напр. Неандеръ и Шатель ²⁾ утверждаютъ, будто бы императоръ Констанцій двумя своими законами отъ 353 ³⁾ и 356 гг. подъ страхомъ смертной казни положительно воспретилъ всякое отправление обрядовъ языческаго культа и отмѣнилъ

¹⁾ Beugnot, p. 139.

²⁾ Neander, T. III, p. 41—42. Chastel, p. 81—82.

³⁾ Cod. Theod. I. XVI. t. 10. I. 4 и 6. Placuit omnibus locis atque urbibus universis claudi protinus templa, et accessu vetitis omnibus licentiam delinquendi perditis abnegari. Volumus etiam cunctos a sacrificiis abstinere. Quod si quis aliquid forte hujusmodi perpetraverit, gladio sternatur: facultates etiam perempti fisco decernimus vindicari; et similiter adfligi rectores provinciarum si facinora vindicare neglexerint.

совершенство всякаго рода жертвоприношеній; но указанные изслѣдователи упускаютъ изъ вниманія то весьма важное обстоятельство, что если упомянутые законы дѣйствительно и были составлены императоромъ, то не были обнародованы при его жизни, а хранились въ императорскихъ архивахъ, откуда Θεодосій младшій повелѣлъ потомъ извлечь ихъ и включить въ свой кодексъ наравнѣ съ прочими императорскими эдиктами ¹⁾. Справедливость подобнаго взгляда относительно перваго изъ вышеупомянутыхъ законовъ одинъ изъ авторитетныхъ изслѣдователей въ области древности, Лябасти (La Bastie), подтверждаетъ: 1) ложностью числа, которое этотъ законъ носитъ и которое, какъ можно предполагать довольно основательно, вставлено въ него совершенно случайно, и 2) опущеніемъ указанія мѣста, гдѣ онъ былъ изданъ. Что касается до втораго закона, то, по мнѣнію того же изслѣдователя, онъ не могъ быть обнародованъ при жизни Констанція, потому что, вопреки общепринятому обычаю, не носитъ имени магистрата, къ которому былъ адресованъ ²⁾. Кромѣ того обнародованіе такого рода законовъ, положительно воспрепятствовавшихъ свободное отправление обрядовъ языческаго культа, стояло въ прямомъ противорѣчій съ осторожною политикою Констанція въ отношеніи къ язычеству; дозволяя себѣ подобнаго рода крутыя и энергическія мѣры, императоръ могъ возбудить ими противъ себя сильную реакцію со стороны язычниковъ, составлявшихъ въ то время весьма значительную массу въ населеніи имперіи ³⁾. Далѣе, многочисленные надписи на памятникахъ, дошедшія до насъ

¹⁾ Beugnot. t. I. p. 142.

²⁾ La Bastie, Mem. l'Acad. des inscr. t. XV, 98.

³⁾ Burckhardt, Die Zeit Constantin d. Grossen. Basel, 1853, p. 157.

изъ эпохи Констанція, очевидно свидѣтельствуютъ, что въ его царствованіе входъ въ языческіе храмы былъ открыто дозволенъ и что языческія жертвоприношенія свободно были совершаемы въ Римѣ, въ Италиі и вообще во всей западной половинѣ имперіи. Императоръ Констанцій, по словамъ Симмаха, «уважалъ привилегіи весталокъ, предоставлялъ жречество патриціямъ, давалъ деньги на церемоніи и, сопровождая сенатъ по улицамъ Рима, смотрѣлъ спокойнымъ взоромъ на святилища, читалъ надписи, которыя они носили въ честь боговъ, осѣдомлялся объ ихъ происхожденіи, хвалилъ ихъ основателей и, не смотря на свою приверженность къ другому культу, хранилъ ихъ для имперіи¹⁾. Еще болѣе обстоятельное свидѣтельство Амміана Марцеллина²⁾, вполне согласное съ извѣстіями Симмаха, и приведенные эдикты Констанція не оставляютъ никакого сомнѣнія вообще въ снисходительномъ и миролюбивомъ характерѣ отношеній этого императора къ язычеству, особенно въ западной половинѣ имперіи.

Такимъ образомъ, въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ язычество потеряло одно только внѣшнее свое значеніе, значеніе официальной государственной религіи, но продолжало сохранять неприкосновенность своихъ вѣрованій и свободу отправленія своего культа. Обряды языческаго культа совершались открыто и пользовались уваженіемъ со стороны государственной власти. Сами императоры продолжали носить титулъ Верховнаго жреца (*Pontifex Maximus*), по прежнему являлись въ глазахъ язычниковъ верховными защитниками и покровителями политеизма. Большинство высшихъ государственныхъ должностей

¹⁾ Symmach. Epist. 61.

²⁾ Amm. Marcell. XVI, 10.

занимали язычники. Сильное жречество, находившееся въ рукахъ могущественныхъ аристократическихъ фамилій, по прежнему сохраняло свое значеніе, права и привиллегіи. Языческое богослуженіе торжественно совершалось въ языческихъ храмахъ и при томъ не только на пожертвованія частныхъ лицъ, но и на счетъ государственной казны. Столица запада, Римъ, по прежнему продолжалъ быть колыбелью древнихъ національных вѣрованій и преданій; множество священныхъ традицій было тѣсно связано съ его политическими учрежденіями. Западные язычники продолжали смотрѣть на него, какъ на городъ священный, святилище своихъ завѣтныхъ надеждъ и упованій, какъ на пунктъ, къ которому устремлены были всѣ ихъ завѣтныя мечты и желанія, а греки видѣли въ немъ участокъ не земли, а самого неба ¹⁾. Здѣсь была резиденція могущественной аристократіи, славной своими древними преданіями и крѣпко приверженной къ политеистическимъ вѣрованіямъ, тѣсно связаннымъ съ правами и привиллегіями, которыми она пользовалась. Гордая своею блестящею, вѣковою цивилизаціею, эта аристократія съ презрѣніемъ и высокомеріемъ относилась къ послѣдователямъ бѣдной и ненавистной до того времени религіи, бывшей по преимуществу религіею однихъ низшихъ классовъ населенія и не имѣвшей на своей сторонѣ ни одного изъ тѣхъ славныхъ и знаменитыхъ именъ, которыя были извѣстны всему древнему міру ²⁾. Для нея казалось оскорбленіемъ видѣть, какъ простые и необразованные люди съ полною самоувѣренностію брались рѣшать такого рода возвышенные вопросы, которые тщетно пытались рѣшать языческіе философы. Поклонница грекоримской цивилизаціи,

¹⁾ Liban. Epist. p. 516.

²⁾ Beugnot, p. 34.

могла ли она промѣнять эту цивилизацію на религію варваровъ ¹⁾? Такимъ образомъ, потерявши внѣшнее покровительство и поддержку со стороны государственной власти, язычество тѣмъ не менѣе сохраняло еще не мало внутреннихъ силъ, при содѣйствіи которыхъ могло поддерживать упорную борьбу за свои права съ новою религіею не одними внѣшними и матеріальными средствами, какъ было до того времени, но и средствами духовными.

Въ этомъ отношеніи одними изъ самыхъ могучихъ защитниковъ упадавшаго политеизма явились наука и литература древняго міра, тѣсно связанныя съ его преданіями и вѣрованіями. Образованіе и школа находились тогда по преимуществу еще въ рукахъ язычества ²⁾. Языческія школы, руководимыя софистами, особенно школы Ефеса, Милета, Никоидіи, Кесаріи Каппадокійской, Александріи, многихъ городовъ Месопотаміи и Сиріи, главнымъ же образомъ школа аѳинская ³⁾ привлекали къ себѣ множество учениковъ, стекавшихся сюда со всѣхъ сторонъ для изученія древней литературы и краснорѣчія. Даже многіе изъ отцовъ и учителей церкви, какъ извѣстно, не гнушались посѣщать эти школы ⁴⁾ и знакомиться съ языческою наукою съ тою цѣлью, чтобы потомъ вести борьбу съ язычествомъ орудіемъ его же собственной мудрости. Изученіе древней литературы и вообще полученіе образованія въ школахъ риторовъ и софистовъ считалось насущною необходимостію для всякаго порядочнаго члена общества, вслѣдствіе чего никто не считался способнымъ проходить какую либо значительную общественную должность, если не получалъ

¹⁾ Origen. Contra Cels. 1. 2.

²⁾ Broglie, t. III, p. 142.

³⁾ Herzberg. Der Untergang d. Hellenismus u. die Universität Athen. Halle, 1875 г.

⁴⁾ Твор. Гр. Бог. Сл. 2 облич. на царя Юліана, стр. 197.

школьнаго обученія въ краснорѣчїи подь руководствомъ какого нибудь софиста ¹⁾. Право преподаванія риторики и краснорѣчія служило однимъ изъ весьма важныхъ преимуществъ, которое составляло предметъ жадныхъ домогательствъ со стороны многочисленныхъ искателей, и потому должность софиста въ большихъ городахъ нерѣдко была оспариваема съ такою же горячностію, какъ нѣкогда вѣнокъ на олимпійскихъ играхъ. Съ открытіемъ вакантной каѳедры софиста всегда являлось множество соискателей на эту должность, которые вступали между собою въ публичное состязаніе. При этомъ случаѣ нерѣдко поднимались такіе ожесточенные споры, и присутствовавшая публика принимала въ нихъ столь живое участіе, что часто чиновники были вынуждаемы принимать энергическія мѣры для возстановленія нарушаемаго порядка ²⁾. При этомъ надобно имѣть въ виду то, что софисты, завѣдывавшіе въ разсматриваемое время языческими школами, были вовсе не похожи на тѣхъ, которыя являлись въ Греціи въ эпоху Пелопонезской войны и ученіе которыхъ прямо вело къ подрыву и нравственныхъ и религіозныхъ основъ древней жизни ³⁾. Отдѣленные между собою весьма значительнымъ періодомъ времени, представители старой и новой софистики имѣютъ между собою только одно общее, — одинаково внимательное изученіе риторики и грамматики, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ существенно различаются одни отъ другихъ. Между тѣмъ какъ древніе софисты объявляли рѣшительную войну всему существовавшему порядку вещей и съ ожесточеніемъ подрывали народную религію и нравственность,

¹⁾ Broglie, t. III, p. 143.

²⁾ Chastel, p. 98.

³⁾ Шлоссеръ, Всемирн. Исторія. Слб. 1868 г. Т. 1, стр. 337—338.

позднѣйшіе ихъ преемники, напротивъ, старались всѣми доступными имъ средствами спасти отъ окончательнаго уничтоженія остатки древнихъ вѣрованій и учрежденій политеизма, которые еще не были принесены въ жертву всесокрушающему духу времени. Протагоръ и его со-товарищи открываютъ новый періодъ въ духовномъ развитіи греческаго народа, между тѣмъ какъ Ливаній, Гимерій, Θемистій и др. софисты IV в. его заканчиваютъ. Первые постепенно и послѣдовательно готовили разложеніе греческой духовной жизни и подрывали вѣрованія въ отечественныхъ боговъ, послѣдніе, напротивъ, употребляли всѣ усилія для того, чтобы задержать неизбежный упадокъ того и другаго. Одни своимъ отрицаніемъ вѣры въ народныхъ боговъ оказывали весьма значительную помощь въ дѣлѣ распространенія христіанства, между тѣмъ какъ другіе своимъ стремленіемъ сохранить въ цѣлости отечественный культъ представляли довольно серьезныя препятствія въ этомъ отношеніи. Софисты послѣднихъ временъ упадавшаго язычества пользовались весьма большимъ вліяніемъ среди языческаго общества, будучи его учителями и воспитателями. Каеэдръ софистовъ получали себѣ содержаніе изъ государственной казны и лица, ихъ занимавшія, назывались непосредственно императорами, которые нерѣдко приглашали ихъ къ своему двору и давали имъ мѣста придворныхъ панегиристовъ ¹⁾. Всѣ важнѣйшія должности въ государственной администраціи были заняты ихъ учениками, которые, до какихъ бы высокихъ степеней ни доходили потомъ въ жизни, всегда и вездѣ сохраняли самое благоговѣйное уваженіе къ своимъ бывшимъ воспитателямъ и служили весьма важною поддержкою умиравшаго язычества, защищая его интересы предъ правительствомъ ²⁾.

¹⁾ Eunap. in vit. Aedes.

²⁾ Broglie p., 151, t. III.

Самое тѣсное родство существовало между древнею литературою и древнею религіею, такъ что одно слово обозначало ту и другую ¹⁾. Гомеръ, первый изъ поэтовъ, былъ въ тоже самое время священнымъ пѣвцомъ грековъ и его эпопеи заключаютъ, какъ извѣстно, сборникъ ихъ религіозныхъ преданій. Предметы и украшенія для своихъ рѣчей риторы и софисты по преимуществу почерпали изъ мифологіи, особенно для рѣчей, предназначенныхъ къ произнесенію при открытіи какихъ нибудь священныхъ игръ и общественныхъ празднествъ. Отсюда понятно, какую важную роль играла въ преподаваніи софистовъ религія, тѣсно связанная съ изученіемъ памятниковъ древней цивилизаціи, и какую важную опору для политеизма представляли его школы и руководившіе ими наставники. Къ древнему культу эти послѣдніе обращали свои заветныя симпатіи и для поддержанія его отъ паденія употребляли всѣ зависящія отъ нихъ средства, усердно проводя свои убѣжденія во всѣ классы языческаго общества. Языческіе ученики, выходя изъ школъ софистовъ, выносили оттуда сильныя симпатіи къ древнимъ преданіямъ и вѣрованіямъ политеизма, тѣсно связаннымъ съ изучаемою тамъ древнею литературою. Даже изъ самихъ христіанъ, учившихся въ тѣхъ же школахъ, многіе, познакомыя подъ руководствомъ софистовъ съ прекрасными античными произведеніями грекоримской цивилизаціи, невольно проникались къ ней чувствомъ уваженія, хотя ихъ христіанскія убѣжденія требовали отъ нихъ отреченія отъ этой цивилизаціи и признанія ея ложною и грѣховною.

Немаловажною опорою для упадавшаго язычества служила также неоплатоническая философія, объеди-

¹⁾ Liban. Orat. Apol. p. 591.

нившая въ своей системѣ всѣ остатки его послѣднихъ духовныхъ силъ. Въ лицѣ неоплатонизма языческая философія, во многихъ своихъ направленіяхъ враждебно относившаяся къ политеистическимъ вѣрованіямъ и преданіямъ и сильно подрывавшая вѣру въ народныхъ боговъ, дружески подала умиравшему политеизму руку помощи съ цѣлью поддержать его въ предсмертной агоніи. На самое появленіе неоплатонической философіи оказало весьма существенное вліяніе сильное религиозное движеніе, проникшее во всѣ слои языческаго общества въ эпоху его паденія. Слава системъ Пиррона и Эпикура начала уже въ это время терять свою репутацію и люди сильно стали тяготиться тѣмъ жалкимъ матеріализмомъ и всеобщимъ скептицизмомъ, которые оставляли ихъ безъ всякой помощи и утѣшенія въ несчастіи. Въ замѣнъ того явилось сильное желаніе знанія вѣрныхъ истинъ, надежда поставить себя въ тѣсное соотношеніе съ Существомъ Высочайшимъ, опять завязать узы, порванные между небомъ, и землею, вновь завладѣть созерцаніемъ того идеальнаго міра, который философія послѣднихъ временъ существованія древняго міра сокрыла подъ густымъ мракомъ. Для удовлетворенія этой религиозной потребности неоплатонизмъ и поставилъ своею задачею создать такую религиознофилософскую доктрину, которая была бы въ состояніи совмѣстить въ себѣ всѣ лучшія философскія ученія греческихъ школъ и соединить въ одну стройную систему всѣ разнообразныя формы греческой мысли, чтобъ одновременно удовлетворить какъ потребностямъ знанія, такъ и нуждамъ религиознаго чувства. Пытаясь установить тѣсный союзъ между философіею и народною религіею, — неоплатоники поставили своею цѣлью примиреніе догматовъ греко-римскаго политеизма съ религиозными вѣрованіями и преданіями восточныхъ народовъ,

въ теософическихъ системахъ которыхъ они думали найти новый принципъ жизни — духовной и нравственной. Неоплатоникамъ казалось, что древнія святилища востока должны были скрывать въ себѣ источникъ всякой истины и мудрости, что въ знаніяхъ восточныхъ гіерофантовъ можно было найти и ту глубину мысли, которой не давали имъ болѣе ихъ собственныя системы, и тотъ духъ созерцанія, стремленія къ безконечному, который переноситъ человѣка отъ міра видимаго въ міръ духовный ¹⁾).

Вслѣдствіе соединенія въ своей системѣ философіи и религіи, неоплатоники основнымъ принципомъ своего философствованія поставляли идею о Богѣ, о Единомъ началѣ всего существующаго, изъ котораго одного произошли всѣ міры и вся полнота духовнаго и чувственнаго бытія. Изъ этого Единого или Божественной безконечной субстанціи, по ихъ мнѣнію, путемъ динамическаго истеченія произошелъ Умъ, сознающая сила Единого, а изъ послѣдняго Душа міра, творящая сила Ума. Умъ и Душа міра сосущественны Единому и другъ другу, но Умъ совершеннѣе Души и несовершеннѣе Единого. Изъ Души міра, по ученію неоплатониковъ, путемъ эманации происходитъ все различіе существъ интеллектуальныхъ, которымъ, сообразно съ воплощаемыми въ нихъ идеями, давались при этомъ имена боговъ, демоновъ, а затѣмъ изъ нихъ все безконечное разнообразіе существъ чувственныхъ. Такъ какъ совершенство всѣхъ сотворенныхъ вещей, по ученію неоплатониковъ, уменьшалось по мѣрѣ того, какъ они удалялись отъ своего Первоверховнаго Источника, то въ этой преемственной градации и слѣдуетъ искать начало зла. Душа человѣка хотя и тождественна съ Божествомъ по своей сущности, однако

¹⁾ Ritter, Histoire de la Philosophie. Paris, 1835. t. IV, p. 13—16. Jules Simon, Histoire l'Ecole Alexandr. t. 1, p. 101.

участвуетъ въ этомъ паденіи чрезъ свое соединеніе съ тѣломъ. При такихъ обстоятельствахъ для человѣка остается одно средство для спасенія — умерщвлять плоть воздержаніемъ и возводитъ самую душу до ея Источника посредствомъ созерцанія безконечнаго ¹⁾).

Очевидно, неоплатоническая философія образовалась подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, значительно распространенныхъ среди тогдашняго общества, и восточнаго мистицизма, заимствуя изъ теософическихъ системъ Индіи, Египта, Халдеи, александрійскихъ іудеевъ и каббалистовъ догматы пантеизма, троичности, эманации, паденія душъ и ихъ возвращенія къ Богу при посредствѣ аскетизма и экстаза. Нельзя также не замѣтить, какъ усердно старалась она удовлетворить нуждамъ и потребностямъ своего времени. Противопоставляя скептицизму, отнимавшему у людей всякую отраду въ жизни и отравлявшему все ихъ земное существованіе, самый строгій и отрѣшенный догматизмъ, своимъ аскетизмомъ стараясь освободить душу изъ подъ владычества матеріи, наконецъ, выводя все изъ одной Божественной субстанціи, въ которую все должно возвратиться впослѣдствіи, она претендовала удовлетворить тому стремленію къ единству, которое являлось характерною потребностію того времени. Неоплатоническая доктрина отличалась крайне мечтательнымъ, фантастическимъ характеромъ, а потому большая часть ея представителей, особенно Ямвлихъ, были гіерофантами и теургами, усердно занимаясь предсказаніями и чародѣйными искусствами. Суевѣрія и предрасудки, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, были весьма сильно распространены среди языческаго общества въ эпоху его паденія, и потому неоплатонизмъ, какъ нельзя болѣе, удовлетворялъ его потребностямъ.

¹⁾ Ritter, t. IV, p. 35—36.

Стремясь соединить религію съ философіею и заключить тѣсный союзъ между ними, неоплатоники единодушно возстали на защиту язычества съ цѣлью обновить и одухотворить его одряхлѣвшія формы, осмыслить ихъ и сообщить имъ жизненную силу ¹⁾. Усвояя въ свою систему народныя вѣрованія и преданія, они старались придать имъ своеобразное объясненіе, равно какъ осмыслить и самыя внѣшнія формы языческаго культа. Аллегорическій методъ толкованія, съ помощію котораго Филонъ думалъ найти у Моисея ученіе Платона, а каббалисты — доктрины восточной теософіи, при посредствѣ котораго древніе жрецы Египта и Индіи умѣли соединять съ народнымъ фетишизмомъ свои пантеистическія воззрѣнія, оказаль подобную же услугу и неоплатоникамъ. У первыхъ основателей неоплатонической школы, Плотина и Порфирія, аллегорическое толкованіе было лишь, такъ сказать, изысканною формою, въ которую они любили облекать свои доктрины; у ихъ преемниковъ оно явилось въ значеніи средства, употребляемаго систематически съ цѣлью прикрыть грубость народной религіи ²⁾. Съ этихъ поръ миѳы самые соблазнительные, обряды самые странные начинаютъ у неоплатониковъ получать глубокое значеніе. Подъ миѳическими формами они отыскивали особый смыслъ, будто бы давно уже забытый, высокія философскія истины, недоступныя для народа, а самимъ себѣ приписывали славу за то, что они первые сняли этотъ покровъ.

Соединеніемъ религіи и философіи и принятіемъ подъ свою защиту древнихъ народныхъ вѣрованій и преданій политеизма неоплатонизмъ возбуждалъ сильное религіоз-

¹⁾ Wacherot, Histoire de l'Ecole d'Alex. t. II, p. 63, 66. 119. Jules Simon. t. II, p. 187—190.

²⁾ Wacherot, t. II, p. 105, 111.

ное движеніе среди языческаго общества, которое увидѣло въ немъ опору для противодѣйствія усилившемуся скептицизму и средство для борьбы съ христіанствомъ. Вступая въ открытую полемику съ этимъ послѣднимъ, нѣкоторые изъ представителей неоплатонической школы старались показать языческому обществу, что его политеистическія вѣрованія и преданія заключаютъ въ себѣ еще достаточно внутренней силы для того, чтобы вести борьбу съ своимъ врагомъ. Своею неутомимою дѣятельностію, чистымъ и возвышеннымъ характеромъ, которымъ отличалось большинство представителей неоплатонической школы, эти послѣдніе были самыми жаркими защитниками вѣрованій и преданій политеизма, сообщая имъ особенную силу и обаяніе. Изъ среды ихъ умиравшее язычество пытавило самыхъ энергическихъ борцовъ въ предсмертной борьбѣ за свое существованіе.

Среди народной массы, которая не могла понимать неоплатоническихъ ученій, язычество располагало другими средствами и имѣло другихъ дѣятелей, поддерживавшихъ его существованіе. Здѣсь весьма важное значеніе для его поддержки имѣла склонность народной массы ко всему мистическому и таинственному, проникающая въ нее особенно сильно въ эпоху паденія древней цивилизаціи ¹⁾. Такъ какъ устарѣвшія религіозныя формы въ это время были уже не въ состояніи удовлетворять потребностямъ сильно возбужденнаго религіознаго чувства, то мѣсто ихъ заступили обряды суевѣрія и магіи, привлекавшіе къ себѣ народъ прелестью своей таинственности и новизны ²⁾. Всѣ почти тогдашнія литературныя произведенія были наполнены трактатами, содержащими

¹⁾ Broglie, t. III, p. 151.

²⁾ Broglie, t. III, p. 151.

вызыванія духовъ, таинственныя слова, произносимыя для заклинанія нечистыхъ силъ или для направленія ихъ къ предназначенной цѣли, разнаго рода чары и волшебные заговоры. Во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ римской имперіи можно было встрѣтить цѣлыя толпы странствующихъ людей, специальнымъ занятіемъ которыхъ было предсказываніе будущаго¹⁾. Тутъ можно было видѣть и астролога, объяснявшаго по относительному положенію небесныхъ свѣтилъ судьбу людей, особенно младенцевъ, и волшебниковъ, гадавшихъ будущее по костямъ, покрытымъ символическими фигурами, и гадателей, объясняющихъ таинственное значеніе различныхъ сновъ. Большая часть суевѣрій, распространившихся среди греко-римскаго языческаго общества, были восточнаго происхожденія и заимствовались главнымъ образомъ изъ Персіи²⁾. Не смотря на сильное противодѣйствіе, которое суевѣріе и таинственные обряды встрѣтили на первыхъ порахъ со стороны образованныхъ классовъ греко-римскаго общества, они тѣмъ не менѣе, съ теченіемъ времени, пріобрѣли всеобщія симпатіи со стороны народной массы и продолжали свое существованіе, какъ мы уже видѣли, не смотря на всѣ энергическія мѣры, принимаемыя для ихъ подавленія первыми христіанскими императорами. Разнаго рода гадатели, маги и чародѣи, не смотря на всю строгость направленныхъ противъ нихъ правительственныхъ постановленій, продолжали пріобрѣтать все большее и большее вліяніе среди народа и не замедлили вступить въ тѣсный союзъ съ жрецами языческой религіи, соединенными силами стараясь поддерживать ее отъ паденія и оказывая такимъ образомъ существенную помощь въ ея борьбѣ съ христіанствомъ.

¹⁾ Ibidem, p. 153.

²⁾ Ibidem, p. 156.

Другимъ могущественнымъ средствомъ, поддерживавшимъ сильное вліяніе политеизма среди народной массы, служили народныя зрѣлища и театры. Будучи тѣсно связаны своимъ происхожденіемъ съ особенно выдающимися событіями изъ жизни языческаго міра, они были какъ нельзя болѣе проникнуты его духомъ и характеромъ, и вся обстановка ихъ переносила зрителей въ глубокую древность, гдѣ политеизмъ являлся для нихъ во всемъ его величіи¹⁾. Мифологическія воззрѣнія языческаго міра, весь языческій складъ его мыслей и убѣжденій, его нравы и обычаи представлялись здѣсь какъ бы на картинѣ, и потому театры и совершаемыя въ нихъ зрѣлища по справедливости можно назвать такими же могучими разсадниками преданій и вѣрованій политеизма для народной массы, какими были школы для высшихъ образованныхъ классовъ греко-римскаго общества. Кромѣ того политеизмъ вообще такъ тѣсно сроднился съ духомъ и характеромъ жизни греко-римскаго общества, что въ силу привычки долгое время сохранялъ надъ нимъ свое могущественное вліяніе, такъ какъ государственный и общественный бытъ, домашняя жизнь, науки и искусства находились въ самой тѣсной и непосредственной связи съ его преданіями и вѣрованіями²⁾.

При такихъ условіяхъ политеизмъ и послѣ потери своего государственнаго значенія продолжалъ имѣть не мало усердныхъ послѣдователей и сохранилъ въ себѣ достаточно внутреннихъ средствъ для противодѣйствія успѣхамъ новой государственной религіи. Въ правленіе первыхъ христіанскихъ императоровъ еще повсюду въ весьма значительномъ количествѣ продолжали жить языч-

¹⁾ Broglie t. III, p. 139.

²⁾ Gerlach u. Bachoven, Geschichte d. Römer, t. I, Altheil. 2, p. 211.

ники¹⁾). Кромѣ людей, занимавшихся изученіемъ древней литературы и краснорѣчія, — риторовъ, софистовъ и философовъ, — усердными ревнителями древняго культа и рѣшительными врагами христіанства были жрецы, равнымъ образомъ большая часть войска и простаго народа, державшагося своихъ древнихъ религіозныхъ вѣрованій болѣе по привычкѣ, нежели вслѣдствіе разумнаго убѣжденія. Всѣ эти люди, составляя изъ себя весьма значительную партію, были одушевлены одною завѣтною цѣлью — при наступленіи внѣшнихъ благопріятныхъ обстоятельствъ возвратить древнему отечественному культу его прежнее значеніе и права государственной религіи. Впрочемъ лица, принадлежавшія къ этой партіи, будучи соединены между собою единствомъ цѣли, ими преслѣдуемой, въ то же время различались другъ отъ друга своими взглядами и убѣжденіями. Тутъ можно было встрѣтить фанатиковъ и въ то же время людей колеблющихся и двоедушныхъ, въ родѣ философа Максима, Приска, Евсевія и Хрисанфія. Сюда же принадлежали искренніе приверженцы язычества и его лучшіе и благородные предѣставители, какъ напр. Ливаній, Амміанъ Марцеллинъ и др. Снова возвести на императорскій тронъ древнюю религію и возвратить ей права государственнаго официальнаго культа казалось для всѣхъ этихъ представителей языческой пар-

¹⁾ По Штаудлину (Staudlin, *Universal-Gesch. d. Christl. Kirche*, 1833, p. 41) число христіанъ въ эпоху Діоклетіанова гоненія составляло половину всего населенія римской имперіи, по Маттеру (Matter, *Histoire de l'Eglise*, t. 1, p. 120) — нятую часть его, по Гиббону — только двадцатую (Gibbon, *Gesch. d. Verfalls. u. Unterg. d. R. Reich.*, p. 451), наконецъ, по Лябасти (La Bastie, *Du Souf. Pontif. des emp. rom. Acad. d. Inscr.* t. XII, p. 77) — двѣнадцатую. Количество христіанъ, жившихъ въ провинціяхъ римской имперіи въ указанное время, опредѣляемое послѣднимъ изслѣдователемъ, болѣе всего подходитъ къ истинѣ. Еще болѣе точно можно опредѣлить количество христіанъ для востока въ указанное время, какъ десятую часть всего населенія, а для запада — нятнадцатую.

тіи дѣломъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что народъ, увѣрившись въ политической мудрости первыхъ христіанскихъ императоровъ, легко могъ привыкнуть къ новымъ религіознымъ порядкамъ и примириться съ ними. Язычники съ нетерпѣніемъ ожидали только опытнаго и энергическаго вождя, чтобы возвратить политеизму его древнія права и привиллегіи и возстановить его въ прежнемъ величіи.

Такого рода энергичнымъ борцомъ и защитникомъ древнихъ политеистическихъ вѣрованій и явился на тронѣ римскихъ цезарей императоръ Юліанъ.

II.

Юліанъ и его политическая дѣятельность до окончательнаго разрыва съ языческимъ и христіанскимъ обществомъ въ Антиохіи.

Юліанъ былъ племянникъ Константина Великаго, сынъ его роднаго брата Юлія Констанція. Родившись въ Константинополѣ въ іюнѣ 331 г. ¹⁾, онъ, въ царствованіе своего дяди, вмѣстѣ съ другими родственниками императора пользовался тѣмъ почетомъ и уваженіемъ, на которое имѣлъ право по своимъ близкимъ связямъ съ царствующею династією. Но, какъ скоро Константинъ Великій 22 мая 337 г. скончался въ Никомидіи и его сыновья Константинъ II (337—340), Константъ (337—350) и Констанцій (337—361) раздѣлили между собою управленіе римскою имперією, ближайшіе родственники императорской фамиліи были умерщвлены возмущившимися солдатами. Въ этой кровавой рѣзнѣ погибли два брата Константина Великаго, изъ которыхъ

¹⁾ Tillemont, Histoire des Empereurs. Paris, 1823, t. IV, p. 483.

одинъ, Юлій Констанцій, былъ отцомъ Юліана, семь племянниковъ, между которыми самыми замѣчательными были Далмацій и Аннибалианъ и знатный патрицій, по имени Опатъ, женатый на сестрѣ умершаго императора ¹⁾. Юліанъ спасся отъ руки убійцы, благодаря своему дѣтскому возрасту, такъ какъ ему въ то время было не болѣе семи лѣтъ, а его старшій братъ Галль избѣжалъ смерти вслѣдствіе своей тяжелой болѣзни, которая, какъ замѣчаетъ Созоменъ, «и безъ того должна была умертвить его» ²⁾. Многіе изъ древнихъ писателей и историковъ новаго времени считаютъ императора Констанція главнымъ виновникомъ истребленія родотвенниковъ своей фамиліи и въ основаніе для подобнаго заключенія приводятъ тотъ фактъ, что во время совершенія кровавой драмы другіе сыновья умершаго императора находились въ отсутствіи ³⁾. Дѣйствительно, въ послѣдствіи времени Констанцій неоднократно раскаявался въ своемъ участіи въ жестокой рѣзнѣ, погубившей почти всѣхъ его родственниковъ, къ которой онъ былъ вынужденъ, по собственному сознанію, вѣроломными совѣтами приближенныхъ евнуховъ и возмущеніемъ солдатъ ⁴⁾.

Такимъ образомъ, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ Юліанъ вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ остались круглыми сиротами подъ опекою Констанція, бывшаго

¹⁾ Gibbon, Geschichte d. Verfalles u. Unterganges d. Römisch. Reichs. Deutsche Ausg. S. Sporsch. Leipz. 1837, p. 529—530.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 2, стр. 308. Сравни. Сокр. Ц. И. III, стр. 253.

³⁾ Gibbon, p. 530. Юліанъ въ своей анологіи къ сенату и народу военному сваливаетъ всю вину въ безпощадномъ истребленіи своихъ родственниковъ исключительно на одного Констанція (Julian Epist. ad S. P. Q. Atheniensem, p. 270). Тоже самое утверждаетъ и Зосимъ, между тѣмъ какъ Евтропій и Аврелій Викторъ ограничиваются выраженіями: «Sinente protinus, quam jubente», «incertum, quam suasore», «vi militum» и проч.

⁴⁾ Ibidem.

виновникомъ смерти ихъ отца и истребленія другихъ родственниковъ. Какъ слабыя и безпомощныя еще дѣти, они казались для императора неопасными и были по этому случаю пощажены. Но, спасая жизнь своихъ малолѣтнихъ родственниковъ и, повидимому, принимая живое участіе въ ихъ судьбѣ, Констанцій тѣмъ не менѣе успѣлъ принять съ своей стороны всѣ необходимыя мѣры для того чтобы держать ихъ подѣ самымъ строгимъ присмотромъ и старался дать имъ такое воспитаніе, которое бы лишало ихъ всякой возможности быть для него опасными. При такихъ условіяхъ Юліану и его брату съ самыхъ раннихъ лѣтъ приходилось испытывать весь гнетъ тяжелой императорской опеки, постоянно жить между страхомъ и надеждою и мучиться томительнымъ опасеніемъ, какъ бы не подвергнуться той злосчастной участи, которую испыталъ ихъ отецъ и другіе родственники. Воспитаніе обоихъ братьевъ отличалось одинаковымъ характеромъ и имѣло цѣлю приготовить ихъ не для трона или вообще занятія какихъ либо видныхъ мѣстъ въ государственной іерархіи, но скорѣе сдѣлать изъ нихъ духовныхъ лицъ¹⁾. Оба брата были ревниво охраняемы не только отъ всякихъ сношеній съ языческими наставниками²⁾, но и съ тѣми изъ христіанскихъ учителей, которые въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ расходились съ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ двора. Они были окружены аріанскими наставниками, которые по естественному порядку вещей и согласно съ взглядами императора, бывшаго, какъ мы видѣли, усерднымъ приверженцемъ аріанской ереси, прилагали свое стараніе сдѣлать ихъ при-

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 2, стр. 308—309. Θεοδωρ. Ц. И. III, II, стр. 196—197. Твор. Гр. Бог. слово 1 облич. на царя Юліана, стр. 97—98. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 255.

²⁾ Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 254.

верженцами своих заблуждений. Въ тоже время наставники эти, будучи не тверды въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и мѣняя ихъ сообразно желаніямъ двора, были не въ состояніи оказывать добраго нравственнаго вліянія на своихъ питомцевъ, смотрѣвшихъ на нихъ, какъ на своихъ притѣснителей и рабскихъ исполнителей воли Констанція ¹⁾. Религіозное обученіе играло главную роль въ воспитаніи обоихъ братьевъ. Оно заключалось главнымъ образомъ въ механическомъ сообщеніи имъ аріанскихъ тонкостей и заблуждений и въ приученіи ихъ къ точному исполненію внѣшнихъ обрядовъ религіи безъ всякаго отношенія къ внутреннему чувству и убѣжденію. Вслѣдствіе такого односторонняго религіознаго обученія оба брата получили одно поверхностное и притомъ неправильное представленіе о христіанствѣ, не въ состояніи будучи проникнуть въ самый духъ его и усвоить его животворную силу.

Забота о первоначальномъ воспитаніи Юліана была поручена императоромъ Констанціемъ, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, дальнему родственнику его по матери, Евсевію, епископу никомидійскому ²⁾, усердному приверженцу аріанской партіи и фанатичному защитнику ея интересовъ въ борьбѣ съ православіемъ ³⁾. Обращая все свое вниманіе исключительно на борьбу противъ православія, занятый интригами и происками враждебныхъ другъ другу религіозныхъ партій, Евсевій едва ли

¹⁾ Сокр. Ц. И. III, 13, стр. 284—285. Julian. Epist. ad S. P. Q. Atheniens, p. 2 3.

²⁾ Amm. Marcell. XXII, 9. Nicomedia ab Eusebio educatus episcopo, quem genere longius contingebat. Весьма вѣроятно, что Амміанъ Марцеллинъ здѣсь ошибается въ обозначеніи мѣста, такъ какъ въ описываемое время Евсевій занималъ кафедру епископа Константинополя, а не Никомидіи. См. Schröck, t. VI, p. 74.

³⁾ Созом. Ц. И. I. 15, стр. 59; II, 21, стр. 121, II, 32, стр. 158. Θεόδωρος. Ц. И. I, 5, стр. 37; I, 19, стр. 81; I, 21, стр. 84.

имѣлъ возможность удѣлять достаточно времени на воспитаніе своего ученика. Во всякомъ случаѣ религіозное обученіе, данное имъ Юліану, не могло оказывать облагораживающаго вліянія на его сердце и дать истинное направленіе его волѣ, такъ какъ оно состояло главнымъ образомъ въ сообщеніи тонкостей аріанскаго ученія. Знакомясь, такимъ образомъ, съ уроками христіанской вѣры и нравственности подъ руководствомъ усерднаго аріанскаго наставника, Юліанъ, естественно, не могъ узнать истиннаго духа и силы евангельскаго ученія, но усвоилъ его въ искаженной формѣ съ примѣсью аріанскихъ заблужденій.

По смерти Евсевія главное наблюденіе и надзоръ надъ воспитаніемъ Юліана были поручены одному придворному евнуху, по имени Мардонію ¹⁾. Новый воспитатель употреблялъ всѣ свои усилія внушить ввѣренному его надзору питомцу твердое убѣжденіе сохранять въ своей наружности важность и вмѣстѣ скромность, поставляя ему на видъ, что главная и высшая добродѣтель человѣка заключается въ самообладаніи. Всѣ воспитательныя средства были направлены для достиженія этой цѣли. Посѣщая подъ руководствомъ Мардонія разныя школы столицы, мальчикъ долженъ былъ ходить по улицѣ съ опущенными взорами и притомъ всегда по одному и тому же пути и не знать другаго, особенно скромно держать себя предъ театромъ и циркомъ, куда безъ оглядки стремились школьные его сотоварищи. Если Юліанъ, по примѣру этихъ послѣднихъ, изъявлялъ желаніе посѣтить ристалища цирка, видѣть фокусниковъ и танцоровъ, то педантичный наставникъ немедленно отсылалъ его къ Гомеру ²⁾, гдѣ онъ могъ читать разсказъ о знаменитомъ

¹⁾ Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 353, Julian. Misopogon, p. 351.

²⁾ Одисс. 1, 154, 325.

пѣвцѣ Ѳемиосѣ или о Ѳеакскомъ слѣпцѣ Демодокѣ¹⁾). Когда однажды Юліанъ заявилъ желаніе пѣбывать на свободѣ, видѣть свѣжую зелень и подышать чистымъ воздухомъ, Мардоній напомнилъ ему богатый роскошными деревьями островъ Калипсо, прекрасные гроты Цирцеи и богатые сады Алкиноя²⁾). Хотя религіозное обученіе и теперь продолжало играть главную роль въ воспитаніи Юліана, тѣмъ не менѣе ему позволено было изучать и другія науки, однако подъ необходимымъ условіемъ брать уроки въ нихъ у однихъ только приставленныхъ къ нему христіанскихъ учителей³⁾). Входить въ сношенія съ языческими риторамъ и софистамъ было строго воспрещено Юліану, такъ какъ Констанцій считалъ необходимымъ изъ политическихъ и религіозныхъ интересовъ держать его вдали отъ всякихъ соприкосновеній съ языческой партіей.

Грамматику изучалъ Юліанъ подъ руководствомъ лакедемонянина Никокла⁴⁾), который хотя по внѣшности и казался христіаниномъ, но въ душѣ былъ усерднымъ чителемъ древнихъ боговъ⁵⁾). По примѣру тогдашнихъ неоплатониковъ, онъ смотрѣлъ на Гомера какъ на руководителя къ высшей мудрости, и потому сопровождалъ свои уроки аллегорическимъ объясненіемъ ученія этого писателя о богахъ. Подъ руководствомъ Никокла въ душѣ Юліана впервые пробудилась любовь къ древней литературѣ, а затѣмъ уже и къ тѣсно соединеннымъ съ нею древнимъ вѣрованіямъ. Стѣсняемый даже въ самыхъ невинныхъ своихъ дѣйствіяхъ, окруженный общниками убійцы своихъ родственниковъ, ревниво на-

¹⁾ Одисс. 8, 44, 13, 27.

²⁾ Julian, Misopogon, p. 351.

³⁾ Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 253.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Neander. T. III, p. 51.

блюдавшими за его поведѣніемъ, онъ съ увлеченіемъ погружался въ гомерическій міръ, жилъ съ его богами и героями и думалъ встрѣтить здѣсь для себя единственную отраду и утѣшеніе, которыхъ не въ состояніи была дать ему окружавшая дѣйствительность. Нельзя не видѣть, что въ знакомствѣ Юліана съ произведеніями Гомера заключалась главная опасность для его христіанскихъ убѣжденій, еще не твердыхъ и при томъ внушенныхъ въ искаженной формѣ аріанскими наставниками. Если Юліанъ въ письмѣ своемъ къ александрійцамъ ¹⁾ увѣряетъ, что до двадцатилѣтняго возраста онъ былъ христіаниномъ, то едва ли его признаніе можно принять за вполнѣ справедливое, а скорѣе можно допустить, что перемѣна религіозныхъ убѣжденій въ душѣ его началась гораздо ранѣе, еще въ періодъ первоначальнаго воспитанія подъ руководствомъ Никокла, вслѣдствіе знакомства съ Гомеромъ.

Учителемъ Юліана въ риторикѣ былъ софистъ Экиволій ²⁾). Какое нравственное вліяніе могъ оказывать этотъ наставникъ на своего питомца — наглядно показываетъ фактъ постоянной перемѣны имъ своихъ религіозныхъ убѣжденій. Въ описываемое время, изъ угодливости къ Констанцію, Экиволій казался усерднымъ христіаниномъ ³⁾, но какъ скоро его ученикъ вступилъ на императорскій престолъ, онъ тотчасъ же измѣнилъ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, сталъ усерднымъ чтителемъ древнихъ боговъ и жестокимъ врагомъ христіанства. Наконецъ, по смерти Юліана, Экиволій снова раскаялся въ перемѣнѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій и употреб-

¹⁾ Julian. Epist. LI ad Alexandr. p. 434.

²⁾ Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 253.

³⁾ Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 253. Весьма мѣтко характеризуетъ Экиволія Ливаній: σοφιστής τις πονηρός τοῦ κακῶς ἀγορεύειν τοὺς θεοὺς μισθὸν εἶχε τὸν νόον. Liban. Epitaph. p. 526.

лялъ всѣ усилія для того, чтобы опять быть принятымъ въ церковное общеніе. Распростершись на землѣ предъ дверьми одного христіанскаго храма, онъ громко взывалъ къ присутствующимъ: попирайте меня ногами, какъ соль обуявшую ¹⁾!

Воспитаніе, полученное Юліаномъ въ Константинополѣ подъ руководствомъ Евсевія никомидійскаго и евнуха Мардонія, продолжалось недолго. Въ 343 г. онъ былъ внезапно удаленъ изъ столицы и вмѣстѣ съ своимъ братомъ отправленъ въ ссылку въ одинъ уединенный каппадокійскій замокъ, извѣстный подъ именемъ Макеллы (*fundus Macelli*) ²⁾. Причина внезапнаго удаленія Юліана изъ столицы заключалась въ томъ, что подозрительный и недовѣрчивый Констанцій имѣлъ основаніе опасаться, какъ бы его молодой родственникъ не возбудилъ къ себѣ сочувствія со стороны жителей Константинополя. Макелла была расположена въ сосѣдствѣ съ Кесаріею, въ живописной уединенной мѣстности, при подошвѣ горы Аргейской ³⁾. Здѣсь мѣстомъ заключенія императорскихъ родственниковъ былъ прекрасный царскій дворецъ, служившій прежде резиденціею древнихъ каппадокійскихъ царей, и они были окружены всею блестящею церемоніальностію и великолѣпною обстановкою придворной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишены всякой свободы и жили въ почетномъ заключеніи ⁴⁾. Цѣлыхъ шесть лѣтъ (343 — 349) пришлось Юліану провести въ Макеллѣ въ совершенномъ удаленіи отъ остальнаго міра подъ строгимъ присмотромъ

¹⁾ Сокр. Ц. И. III, 13, стр. 283—284.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 2, стр. 308. Julian. Epist. ad. S. P. Q. Atheniens. p. 271.

³⁾ Созом. Ц. И. V, 2, стр. 208.

⁴⁾ Твор. Гр. Бог., ч. 1. Сл. 1 на царя Юліана, стр. 97. Созом. Ц. И. V, 2, стр. 308.

окружавшихъ его евнуховъ, среди которыхъ онъ не находилъ ни одного человѣка, къ которому бы могъ привязаться и котораго могъ бы уважать¹⁾. Даже возможности серьезно продолжать свое образованіе Юліанъ былъ лишенъ здѣсь, такъ какъ окружавшіе его евнухи не могли оказывать ему надлежащаго руководства въ этомъ отношеніи²⁾. Въ своихъ сочиненіяхъ Юліанъ съ большимъ неудовольствіемъ вспоминаетъ свое пребываніе въ Макеллѣ и утверждаетъ, что спасся изъ тяжелаго почетнаго заключенія только при помощи боговъ³⁾. Лишенный всякихъ сношеній съ остальнымъ міромъ, стѣсняемый во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ подозрительностію окружавшихъ его царедворцевъ, онъ тѣмъ съ большею охотою и энтузіазмомъ продолжалъ въ своемъ заключеніи изученіе древней литературы и все болѣе и болѣе погружался въ античный міръ боговъ и героевъ, въ обращеніи съ которыми находила для себя удовлетвореніе его пылкая и впечатлительная душа. Въ то же время онъ положилъ начало знакомству своему съ философіею Платона и Аристотеля, хотя въ этомъ случаѣ долженъ былъ изучать ихъ произведенія тайно и притомъ безъ помощи руководителей⁴⁾.

Но наряду съ этими занятіями, которыя Юліанъ долженъ былъ скрывать, чтобы не возбудить подозрительности окружавшихъ его царедворцевъ, онъ продолжалъ получать религіозное обученіе⁵⁾, начало которому, какъ мы видѣли, положено было еще во время пребыванія его въ Константинополѣ. Впрочемъ это религіозное обученіе отли-

¹⁾ Julian Epist. ad S. P. Q. Atheniens. p. 271. Созом. Ц. И. V, 2, стр. 308.

²⁾ Julian. Epist. ad S. P. Q. Atheniens. p. 273.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Neander. III, p. 51.

⁵⁾ Созом. Ц. И. V, 2, стр. 308.

чалось прежнимъ характеромъ, давалось аріанскими наставниками и имѣло цѣлью одно — приученіе къ точному выполненію внѣшнихъ обрядовъ безъ всякаго отношенія къ внутреннему чувству и убѣжденію. Юліанъ въ точности исполнялъ обязанности христіанскаго благочестія, раздавалъ милостыню бѣднымъ, постоянно присутствовалъ при богослуженіи, посѣщалъ гробы мучениковъ ¹⁾. Въ то же время, по свидѣтельству св. Григорія Божеслова, Созомена и блаженнаго Теодорита, онъ вмѣстѣ съ братомъ былъ причисленъ къ сонму чтецовъ и при богослужебныхъ собраніяхъ читалъ народу священныя книги ²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ руководствомъ своихъ аріанскихъ наставниковъ Юліанъ продолжалъ внимательно изучать св. писаніе ³⁾, начатое еще въ Константинополѣ, и оказывалъ въ этомъ отношеніи весьма значительные успѣхи, какъ показываютъ его сочиненія. Но это изученіе было одно внѣшнее, механическое — Юліанъ изучалъ одну букву и былъ не въ состояніи проникнуть въ животворную силу писанія, какъ это можно наглядно замѣтить въ собственныхъ его литературныхъ произведеніяхъ. Получаемое Юліаномъ чисто внѣшнее механическое религіозное обученіе не могло доставить удовлетворенія потребностямъ страстно-впечатлительной и энергически воспріимчивой душѣ его и скорѣе приводило къ противоположнымъ результатамъ, нежели къ тѣмъ, которыхъ ожидали отъ него христіанскіе наставники. Оно возбуждало въ Юліанѣ холодность, внутреннее нерасположеніе къ христіанству, заставляло его хитрить, притворяться и показывать

¹⁾ Ibidem, стр. 309. Твор. Гр. Бог. Ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 98.

²⁾ Теодор. Ц. И. III, 1, стр. 197. Твор. Гр. Бог. Ч. 1, слово 1 облич. на царя Юліана, стр. 98. Созом. Ц. И. V, 2, стр. 308.

³⁾ Созом. Ц. И. V, 2, стр. 308.

себя по внѣшности усерднымъ христіаниномъ безъ всякаго внутренняго убѣжденія. Въ то время, какъ Юліанъ публично молился и постился, усердно отправлялъ обязанности, соединенныя съ званіемъ чтеца, посѣщалъ гробы мучениковъ, принималъ благословеніе отъ пустынниковъ¹⁾, тайно онъ продолжалъ съ энтузіазмомъ предаваться изученію древней литературы, и все болѣе и болѣе приобрѣталъ къ ней симпатіи. Его живое чувство, не удовлетворявшееся ни сухими безплодными уроками аріанскихъ наставниковъ, ни внѣшними обрядовыми формами религіи, которыя заставляли его исполнять, не объясняя ихъ внутренняго смысла и значенія, находило для себя болѣе достаточную пищу въ фантастическомъ мірѣ древнихъ боговъ и героев Гомера и другихъ представителей древней литературы. При указанныхъ условіяхъ, еще во время пребыванія въ Макеллѣ, въ душѣ Юліана мало по малу усиливалось внутреннее нерасположеніе къ христіанству, какъ къ религіи его притѣснителей, и любовь къ древнимъ политеистическимъ вѣрованіямъ, знакомство съ которыми шло рука объ руку съ изученіемъ древней литературы.

Не смотря на все искусство замаскировывать истинный религіозный образъ своихъ мыслей, для многихъ, еще во время пребыванія Юліана въ каппадокійскомъ заточеніи, была не тайной начинающаяся перемѣна религіозныхъ убѣжденій въ душѣ его²⁾, что особенно ясно открылось при двухъ случаяхъ, извѣстія о которыхъ сообщаютъ св. Григорій Богословъ, Созоменъ и блаженный Феодоритъ. Оба брата занимались по-

¹⁾ Твор. Гр. Бог. Ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 98. Феодор. Ц. И. III, 2, стр. 197. Созом. Ц. И. V, 2, стр. 308.

²⁾ Твор. Гр. Бог. Ч. 1, слово 1 облич. на царя Юліана, стр. 99. Созом. Ц. И. V, 2, стр. 309. Феодор. Ц. И. III, 2, стр. 197.

стройкою церкви надъ гробомъ св. мученика Маманта, стараясь превзойти другъ друга въ соревнованіи къ такому благочестивому дѣлу. При этомъ случаѣ самъ Богъ показывалъ чрезъ очевидныя знаменія и чудеса, что только одинъ изъ братьевъ принадлежитъ къ числу истинныхъ Его послѣдователей, между тѣмъ какъ другой показываетъ себя такимъ только внѣшнимъ образомъ. Наблюденіе надъ храмовыми работами было раздѣлено между братьями поровну. «Но такъ какъ труды ихъ происходили не отъ одинаковаго произволенія, говоритъ св. Григорій Богословъ, то и конецъ трудовъ былъ различенъ. Дѣло одного, разумѣю старшаго брата (Галла), шло успѣшно и въ порядкѣ, потому что Богъ охотно принималъ его даръ, какъ Авелеву жертву, и самый даръ былъ какъ бы нѣкоторымъ освященіемъ первороднаго, — а даръ другаго отвергъ Богъ мучениковъ, какъ жертву Каинову. Онъ прилагалъ труды, а земля изметала совершенное трудами. Онъ употреблялъ еще большія усилія, а земля отказывалась принимать въ себя основанія, полагаемыя человекомъ, зыблющимся въ благочестіи. Земля какъ бы вѣщала, какое будетъ произведено имъ потрясеніе, и вмѣстѣ воздавала честь мученикамъ безчестіемъ нечестивѣйшаго. Такое событіе было нѣкоторымъ пророчествомъ объ открывшемся со временемъ въ этомъ чело-вѣкѣ высокоуміи и высокоуміи, о непочтеніи его къ мученикамъ, о поруганіи имъ св. храмовъ — пророчествомъ, для другихъ невразумительнымъ, но заранее преслѣдовавшимъ гонителя и предзнаменовавшимъ, какое будетъ возмездіе нечестію» ¹⁾. «Описанный случай, замѣчаетъ Созоменъ, по справедливости наводилъ на всѣхъ страхъ и по сему событію многіе судили, а иные

¹⁾ Твор. Гр. Бог., сл. 1 обличит. на царя Юліана, стр. 99—100.

заклучали, что Юліанъ въ почитаніи Бога неискрененъ, что онъ только притворяется благочестивымъ. считая дѣломъ небезопаснымъ обнаруживать свои мысли предъ тогдашнимъ императоромъ-христіаниномъ»¹⁾).

Основываясь на указанномъ обстоятельстве и на объясненіи его, сдѣланномъ тогда же, можно полагать, что Юліанъ еще во время пребыванія своего въ Каппадокіи казался христіаниномъ только по одной виѣшности, но далеко былъ отъ этого высокаго званія по своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ. Кромѣ того, св. Григорій Богословъ передаетъ еще другой замѣчательный фактъ, вполне подтверждающій справедливость высказаннаго предположенія. «Бывали случаи, замѣчаетъ этотъ св. отецъ, при которыхъ Юліанъ обнаруживалъ тайныя мысли, особенно предъ людьми, болѣе расположенными къ нечестію. нежели къ благоразумію. Въ разговорахъ же съ своимъ братомъ даже сверхъ приличія защищалъ онъ язычниковъ, конечно подъ предлогомъ упражненія въ словѣ. посредствомъ споровъ, а въ дѣйствительности это было упражненіемъ въ противоборствѣ истинѣ»²⁾).

Въ продолженіи цѣлыхъ шести лѣтъ (343 — 349) Юліанъ вмѣстѣ съ братомъ долженъ былъ жить въ своемъ почетномъ каппадокійскомъ заключеніи, пока, наконецъ, не вспомнилъ объ нихъ императоръ Констанцій и не рѣшилъ облегчить ихъ незавидную участь. Въ 349 г. Галль получилъ позволеніе отправиться изъ Макеллы въ Ефесъ, откуда въ скоромъ времени былъ вызванъ къ императорскому двору, между тѣмъ какъ его братъ отправился въ Константинополь³⁾). Поли-

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 2, стр. 309—310. Сравни. Феодор. Ц. И. III, 2, стр. 197.

²⁾ Твор. Гр. Бог. ч. 1, сл. 1 обличит. на царя Юліана, стр. 102.

³⁾ Созом. Ц. И. V, 2, стр. 310. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 253.

тическія обстоятельства, среди которыхъ находился теперь Констанцій, были далеко неблагоприятны. Съ востока его имперіи угрожала большая опасность со стороны персовъ, между тѣмъ какъ западныя провинціи находились въ рукахъ узурпатора Магненція, война съ которымъ казалась особенно затруднительною. Въ такомъ критическомъ положеніи Констанцій чувствовалъ всю трудность управленія государственными дѣлами и рѣшился избрать себѣ соправителя съ титуломъ цезаря. Выборъ императора, какъ и слѣдовало ожидать, палъ на Галла, какъ на одного изъ оставшихся въ живыхъ членовъ императорской фамиліи¹⁾. Въ 351 г. Галлъ былъ назначенъ цезаремъ востока и его политическая связь съ Констанціемъ была закрѣплена женитьбой на сестрѣ императора — Константинѣ²⁾. Впрочемъ новый цезарь не оправдалъ надеждъ, возлагаемыхъ на него императоромъ. Галлъ не владѣлъ ни административными талантами, ни способностями опытнаго полководца. Кромѣ того, своимъ жестокимъ обхожденіемъ онъ въ самомъ скоромъ времени возбудилъ къ себѣ сильнѣйшее неудовольствіе со стороны жителей ввѣренныхъ его управленію провинцій. Обвиненный въ властолюбивыхъ замыслахъ, въ стремленіи захватить въ свои руки неограниченную власть на востокѣ, онъ, въ декабрѣ 354 г. былъ вызванъ къ императорскому двору въ Миланъ и здѣсь казненъ, какъ государственный измѣнникъ³⁾.

Между тѣмъ Юліанъ, изъ своего каппадокійскаго заключенія прибывши въ Константинополь⁴⁾, продол-

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 2, стр. 311. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 255. Θεοδωρ. Ц. И. III, 3, стр. 197.

²⁾ Amm. Marcell. XIV, 1. Zosim. 2, 45.

³⁾ Amm. Marcell. XVIII, 4. Julian. Epist. ad S. P. Q. Atheniens. p. 272. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 255.

⁴⁾ Созом. Ц. И. V, 2, стр. 310. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 253.

жалъ тамъ съ большимъ противъ прежняго усердіемъ заниматься изученіемъ философіи и древней литературы. Впрочемъ и теперь, не смотря на нѣкоторую полученную имъ свободу, онъ имѣлъ возможность посѣщать школы столицы и слушать уроки софистовъ не иначе какъ только подъ надзоромъ особо приставленныхъ къ нему евнуховъ. По свидѣтельству Евнапія, эти эвнухи, не въ состояніи будучи удовлетворить замѣчательной любознательности Юліана, выхлопотали ему у императора позволеніе отправиться въ Никомидію для слушанія тамъ уроковъ философіи и краснорѣчія¹⁾. Но это извѣстіе едва ли справедливо. Гораздо вѣроятнѣе извѣстіе, сообщаемое Сократомъ и Созоменомъ, что Юліанъ былъ удаленъ изъ столицы вслѣдствіе подозрительности и недовѣрія къ нему со стороны императора Констанція. «Всѣмъ извѣстно было, замѣчаетъ Созоменъ, что Юліанъ имѣлъ отъ природы прекрасныя дарованія и легко успѣвалъ въ наукахъ, и такъ какъ въ немъ сверхъ того видѣли брата государева и человѣка, казавшагося способнымъ управлять дѣлами государства, то толпа столицы, что обыкновенно бываетъ, ожидала его воцаренія и много толковала объ этомъ. Сдѣлавшись слишкомъ гласною, эта молва, наконецъ, стала беспокоить царя, вслѣдствіе чего онъ и отправилъ Юліана изъ своей столицы въ Никомидію»²⁾. Дѣйствительно, замѣчательныя природныя дарованія Юліана, его любовь къ научнымъ занятіямъ въ связи съ родствомъ съ императорскою фамиліею и несчастною судьбою дѣтства не могли не возбуждать къ нему большаго участія со стороны константинопольскаго населенія, въ силу чего

¹⁾ Eunapii Sardiani vitae Sophistarum et fragmenta historiarum recensuit notisque illustravit J. F. Bousnade. Accedit annotatio Dan. Wittenchii Amstelodami, 1822, p. 47.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 2, стр. 310, сравн. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 26.

многіе изъ жителей столицы прямо и открыто выражали свое желаніе имѣть его преемникомъ бездѣтнаго императора, котораго всѣ боялись, но не любили. Безъ сомнѣнія, все это не могло не возбуждать въ сильнѣйшей степени зависть и ненависть къ Юліану со стороны недовѣрчиваго и подозрительнаго Констанція. Къ тому же императоръ имѣлъ тѣмъ большее основаніе удалить своего брата изъ Константинополя въ Никомидію, что самъ онъ, вслѣдствіе своихъ враждебныхъ отношеній къ Магненцію, въ это время принужденъ былъ оставить столицу и отправиться въ походъ на западъ¹⁾.

Въ то время, когда Юліанъ прибылъ въ Никомидію, этотъ городъ пользовался извѣстностію по своимъ школамъ, въ которыя стекалось не мало молодыхъ людей изъ всѣхъ мѣстностей Малой Азіи, чтобы послушать уроки тамошнихъ софистовъ и риторовъ. Значеніе Никомидіи въ образовательномъ отношеніи возвысилось особенно съ тѣхъ поръ, какъ туда переселился и открылъ тамъ школу краснорѣчія софистъ Ливаній, снискавшій себѣ въ то время заслуженную извѣстность на всемъ востокѣ. Онъ славился, какъ одинъ изъ замѣчательныхъ ораторовъ своего времени, и отличался особенною преданностію къ политеизму²⁾. До сихъ поръ Ливаній съ большимъ успѣхомъ занимался преподаваніемъ краснорѣчія въ Константинополѣ³⁾, но, въ 345 г., вслѣдствіе происковъ своихъ враговъ, былъ изгнанъ изъ столицы и принужденъ удалиться въ Никомидію⁴⁾. Предъ отъѣздомъ Юліана изъ Константинополя императоръ взялъ съ него клятву не слушать въ Никомидіи уроковъ

¹⁾ Шлоссеръ, Т. II, стр. 211.

²⁾ Gröfer, Geschichte d. Christlichen Kirche. Т. II. Stuttgart, 1841 г. р. 153, 185.

³⁾ Sievers. Das Leben Libanius. Berlin 1868, p. 49.

⁴⁾ Ibidem, p. 61.

Ливанія, вліяніе котораго на релігійный образъ мыслей молодаго человѣка въ глазахъ Констанція казалось особенно опаснымъ¹⁾. Но подобное запрещеніе могло возбуждать въ душѣ Юліана только недовѣріе къ полученію имъ у своихъ наставниковъ релігійному обученію и тѣмъ сильнѣйшее желаніе слушать запрещенные уроки у человѣка, казавшагося опаснымъ двору. Впрочемъ, Юліанъ остался вѣренъ данному имъ предъ отъѣздомъ изъ столицы обѣщанію, не слушалъ уроки Ливанія публично, но внимательно изучалъ его произведенія на дому, посѣщалъ его тайно и вошелъ въ самыя близкія сношенія съ нимъ²⁾.

Мы уже имѣли случай видѣть, что языческіе софисты, риторы и философы служили одною изъ самыхъ крѣпкихъ опоръ умиравшему политеизму и энергическими защитниками его въ борьбѣ съ христіанствомъ и что они, въ описываемое время, соединившись съ жрецами языческой религіи, составляли изъ себя особую партію, поставившую своею завѣтною цѣлью возвратить язычеству права государственнаго культа и снова возвести его на тронъ. Ливаній былъ однимъ изъ лучшихъ представителей этой партіи. Кромѣ него, сторонниковъ языческой партіи, мечтавшей возстановить въ Имперіи релігійный порядокъ дѣлъ, предшествовавшій Константину Великому, было не мало разсѣяно во всѣхъ городахъ Малой Азіи. Особенно много можно было встрѣтить этихъ людей въ Ефесѣ, Пергамѣ, Милетѣ, гдѣ жили извѣстные въ то время представители неоплатонической школы — Эдесій, Хрисаной, Прискъ, Евсевій, Максимъ, Яввлихъ и другіе. Всѣ эти люди поддерживали самыя оживленныя сношенія съ никони-

¹⁾ Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 254. Liban. Orat. V, p. 174, ed. Morell. Amm. Marcell. XXIII, 9.

²⁾ Liban. Epitaph. p. 532. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 254. Julian. Epist. XL, p. 417; XLIV, p. 425.

дійскими язычниками и тѣсно соединены были между собою одною идеею — возвращенія политеизму правъ и привилегій государственнаго культа. Съ ними не замедлили познакомиться Юліанъ во время путешествій, совершаемыхъ имъ съ образовательною цѣлью изъ Никомидіи по городамъ Малой Азіи ¹⁾, и это знакомство имѣло роковое вліяніе на всю послѣдующую судьбу будущаго отступника отъ христіанства. Въ молодомъ родственникѣ господствующей династіи представители языческой партіи увидѣли самое лучшее орудіе для осуществленія своихъ завѣтныхъ замысловъ и потому постарались употребить съ своей стороны всѣ необходимыя для того средства. Предъ ними явился молодой талантливый человѣкъ, будущій наслѣдникъ престола, видѣвшій въ царствующемъ императорѣ убійцу своего отца и другихъ родственниковъ, а въ его придворныхъ — своихъ притѣснителей, — питавшій нерасположеніе къ догматамъ господствующей религіи, въ которой онъ былъ воспитанъ, и въ тоже время проникнутый сильною любовью къ древней литературѣ и соединеннымъ съ нею религіознымъ вѣрованіямъ. Такой человѣкъ въ собственномъ смыслѣ казался находкою для языческой партіи въ дѣлѣ осуществленія ея завѣтныхъ плановъ. Теперь для нея оставалось только окончательно упрочить въ душѣ Юліана любовь къ древнимъ политеистическимъ вѣрованіямъ съ тѣмъ, чтобы изъ него выработался энергическій защитникъ древняго культа на императорскомъ тронѣ. Указанной цѣли, какъ нельзя болѣе, достигли тѣ изъ приверженцевъ языческой партіи, которые, какъ мы видѣли, были вмѣстѣ съ тѣмъ одними изъ извѣстныхъ въ то время представителей неоплато-

¹⁾ Amm. Marcell. XV, 2. Твор. Гр. Бог. Ч. 1. Ст. 1 обличит. на царя Юліана, стр. 103. Созом. Ц. И. V, 2, стр. 311.

нической школы — Эдесій, Хрисанеій, Евсевій, Прискъ и особенно Максимъ. Они познакомили Юліана съ основными принципами своей доктрины, которые особенно прилипли къ душѣ ему и которыми остался онъ вѣренъ на всю свою жизнь. Въ особенности неоплатоническое ученіе о происхожденіи и природѣ души, ея паденіи и освобожденіи отъ узъ тѣла, природѣ боговъ и демоновъ, по свидѣтельству Ливанія, въ сильнѣйшей степени укрѣпляли энтузіазмъ Юліана къ древней религіи¹⁾. Въ тоже время неоплатоники постарались внушить Юліану мысль, что онъ самими богами предназначенъ царствовать для того, чтобы возстановить древній отечественный культъ на тронѣ римскихъ цезарей во всемъ его прежнемъ величіи²⁾.

Самое рѣшительное вліяніе оказалъ въ этомъ отношеніи на Юліана упомянутый нами философъ Максимъ, въ знакомствѣ съ которымъ, по свидѣтельству древнихъ церковныхъ историковъ³⁾ и языческихъ писателей⁴⁾, а также большинства новѣйшихъ изслѣдователей, и должно искать рѣшительную причину отступничества Юліана и его перехода на сторону язычества. Среди другихъ современныхъ себѣ представителей неоплатонической школы Максимъ пользовался извѣстностію усерднаго и опытнаго теурга и магика и не замедлилъ посвятить Юліана во всѣ тайны своего искусства⁵⁾, за что благодарный ученикъ всегда оказывалъ ему особенную внимательность и уваженіе, расточая лъстивыя похвалы въ своихъ письмахъ⁶⁾. Въ сопровожденіи Максима Юліанъ сходилъ въ подземные гроты и пещеры Ефеса, совершалъ тамъ теургическія и магическія опера-

¹⁾ Liban. Orat. Parent. p. 408

²⁾ Θεοδωρ. Ц. И. III, 3, стр. 198 Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 254.

³⁾ Θεοδωρ. Ц. И. III, стр. 198. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 254.

⁴⁾ Liban. Orat. Parent. p. 409.

⁵⁾ Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 254.

⁶⁾ Julian. Epist. XL, p. 417, XLIV, p. 425.

ціи и при посредствѣ ихъ входилъ въ сношеніе съ мнимыми богами или демонами. Посвятивъ Юліана въ тайны экстаза и теургіи, Максимъ тѣмъ самымъ доставилъ полное удовлетвореніе его сильно-возбужденному религіозному чувству, вообще склонному ко всему мистическому и, при содѣйствіи другихъ представителей языческой партіи, успѣлъ внушить ему, что онъ самими богами предназначенъ занять императорскій тронъ для возстановленія политеизма¹⁾. Надобно замѣтить, что въ описываемое время среди язычниковъ было не мало распространено пророчествъ, предсказывающихъ скорое паденіе христіанства и возвращеніе политеизму правъ государственной религіи²⁾. Эти мнимыя пророчества указывали ясно, что возстановитель стараго религіознаго порядка вещей снова будетъ обладать римскимъ міромъ, и потому Максимъ, при участіи другихъ сторонниковъ языческой партіи, постарался употребить съ своей стороны всѣ усилія истолковать ихъ примѣнительно къ Юліану съ цѣлью еще болѣе утвердить его въ мысли, что онъ самими богами предназначенъ снова возвести политеизмъ на тронъ римскихъ цезарей. Съ этихъ поръ Юліанъ былъ окончательно пріобрѣтенъ для языческой партіи и въ его головѣ утвердилась идея о своемъ высшемъ предназначеніи для возстановленія древняго отечественнаго культа во всемъ его прежнемъ величіи. «Азія стала для Юліана училищемъ нечестія, справедливо замѣчаетъ св. Григорій Богословъ, — всѣхъ бредней о звѣздочетствѣ, о дняхъ рожденія, о разныхъ способахъ гаданія, а также и о соединенной съ ними неразрывно магіи»³⁾. Въ своемъ письмѣ къ александрийцамъ Юліанъ открыто заявляетъ, что на двадцатомъ

¹⁾ Θεοδωρ. Π. Ι. ΙΙΙ, 3, стр. 198. Сокр. Π. Ι. ΙΙΙ, 1, стр. 254.

²⁾ Aug. De Civitate Dei. XVIII, 53.

³⁾ Твор. Григор. Богосл. Ч. 1, сл. 1 обличит. на царя Юліана, стр. 103.

году своей жизни онъ рѣшительно перешелъ на сторону политеизма¹⁾, и это время вполне совпадаетъ съ пребываніемъ Юліана въ Малой Азіи и знакомствомъ его съ представителями языческой партіи.

Мы видѣли, среди какихъ обстоятельствъ совершалось воспитаніе Юліана съ самыхъ раннихъ лѣтъ его жизни. Кровавая расправа, произведенная Констанціемъ надъ ближайшими родственниками Юліана, тяжелая опека, подозрительность и недовѣрчивость къ нему со стороны императора, постоянныя опасенія за свою собственную жизнь — все это, какъ нельзя болѣе, способствовало появленію въ душѣ его чувства ненависти къ Констанцію, а за тѣмъ и къ религіи, исповѣдуемой и такъ ревниво охраняемой послѣднимъ. При этомъ Юліанъ, какъ мы уже видѣли, получилъ отъ своихъ христіанскихъ наставниковъ весьма недостаточное и неправильное понятіе о христіанствѣ. Будучи аріанами по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ и притомъ людьми нетвердыми въ вѣрѣ²⁾, они, естественно, не могли представить Юліану христіанства во всемъ его величіи и нравственномъ превосходствѣ. Юліанъ смотрѣлъ на него только какъ на извращеніе іудейства³⁾. Для него казалось непонятнымъ божественное поклоненіе, воздаваемое вѣрующими Иисусу Христу, Который, по его ложному представленію, будто бы ничего не совершилъ въ своей жизни особеннаго, кромѣ того только, что исцѣлилъ нѣсколько слѣпыхъ, хромыхъ и успѣлъ убѣдить въ вѣрѣ въ Себя, какъ Мессію, немногихъ простыхъ людей⁴⁾. Непонятно для него было также и то, какимъ образомъ христіане отпали отъ вѣчныхъ боговъ и возвратились, по его

1) Julian. Epist. I. ad Alexandr. p. 432.

2) Сокр. Ц. И. III, 13, стр. 283.

3) Julian. ap. Cyrill. VII, p. 238.

4) Julian. ap. Cyrill. VI, p. 191, 213.

словамъ, къ мертвому іудею, что они не хотятъ почитать солнце и луну, посылающія людямъ свои благодѣянія, и въ тоже время почитаютъ Іисуса за Бога, Котораго ни сами они, ни ихъ отцы не видѣли¹⁾. Ему казалось, наконецъ, страннымъ божественное явленіе Христа въ міръ въ образѣ раба и все Его ученіе, облеченное въ простыя общепонятныя формы. Между тѣмъ наставники, давашіе Юліану уроки древней литературы и философіи, гораздо болѣе были способны возбуждать въ душѣ его любовь къ преподаваемымъ ими наукамъ и къ исповѣдуемымъ ими вѣрованіямъ. Нигдѣ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ Юліанъ не упоминаетъ съ благодарностію о Евсевіѣ и другихъ наставникахъ, дававшихъ ему христіанское обученіе, между тѣмъ какъ о своихъ учителяхъ въ философіи и древней литературѣ постоянно отзывается съ большою похвалою и одобреніемъ²⁾. Далѣе, въ самой природѣ Юліана, въ свойствахъ его страстно-впечатлительной и энергически воспріимчивой души заключалось нѣчто такое, что въ сильнѣйшей степени привлекало его симпатіи болѣе къ политеизму, нежели къ христіанству, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было ему представляемо аріанскими наставниками. Міръ греческихъ боговъ и героев со всѣми его причудливыми образами и богатою мифологіею гораздо болѣе давалъ простора пылкой и необузданной фантазіи Юліана, нежели теизмъ христіанскій, сообщаемый ему въ искаженной формѣ аріанизма. Съ этимъ міромъ политеизма, съ его заветными вѣрованіями, въ глазахъ Юліана неразлучно были связаны самыя тѣсныя узы всѣ великія произведенія античной цивилизаціи, къ которымъ онъ питалъ самое безграничное уваженіе³⁾. Не малую до-

¹⁾ Julian. Epist. LI ad Alexandr. p. 432. Julian. ap. Cyrill. VI, p. 194.

²⁾ Julian. Epist. XLIV, p. 425; XL p. 417.

³⁾ Julian. ap. Cyrill. V, VI, VII.

лю вліянiя на отступничество Юліана отъ христiанства оказывало также описанное нами современное состоянiе христiанской церкви, обуреваемой догматическими спорами аrianъ съ православными. Юліанъ, замѣчаетъ Амміанъ Марцеллинъ, имѣлъ случай видѣть, что самыя дикія животныя не бываютъ такъ непріязненны въ отношеніи къ людямъ, какъ представители различныхъ христiанскихъ партій другъ къ другу ¹⁾. Внутренніе раздоры и несогласія, господствовавшіе среди современнаго Юліану христiанскаго общества, могли легко внушить ему ложное убѣжденіе во внутренней слабости и несостоятельности самаго христiанства, о которомъ онъ не могъ имѣть истиннаго представленія.

При всеѣхъ томъ указанныя условія и обстоятельства только могли возбуждать въ душѣ Юліана холодность и недовѣріе къ христiанству и симпатіи къ древнимъ вѣрованіямъ. Окончательно же рѣшительный переходъ его на сторону политеизма совершился только уже вслѣдствіе указаннаго знакомства его съ языческою партіею въ Малой Азiи. Сильная любовь Юліана къ древней литературѣ и философiи, общая у него со всѣми молодыми и образованными людьми того времени, не заключала еще въ себѣ ничего особенно предосудительнаго и вреднаго для его христiанскихъ убѣжденій. Множество христiанскихъ юношей, изъ среды которыхъ впослѣдствіи времени вышло не мало свѣтильниковъ и мужественныхъ защитниковъ церкви, изучали языческую мудрость въ однихъ и тѣхъ же школахъ, слушали уроки однихъ и тѣхъ же наставниковъ, какъ и Юліанъ, изучали тѣхъ же самыхъ языческихъ поэтовъ, риторовъ и философовъ, не смотря на все это они на всю свою жизнь сохранили въ цѣлости чистоту и неприкосновенность своихъ христiан-

¹⁾ Amm. Marcell. XXII, 8.

скихъ убѣжденій¹⁾). Только въ тѣсномъ знакомствѣ Юліана съ представителями языческой партіи въ Малой Азій, особенно съ тѣми изъ нихъ, которые были усердными приверженцами неоплатонизма, должно искать главную причину окончательной и рѣшительной измѣны его христіанству²⁾). Посвящая Юліана въ знакомство съ основными принципами своей доктрины, неоплатоники въ тоже самое время всѣми зависящими отъ нихъ средствами старались укрѣплять въ немъ и безъ того уже довольно сильную любовь къ преданіямъ и вѣрованіямъ политеизма, внушали ему уваженіе къ обрядамъ языческаго культа и посвящали его въ тайны теургіи и экстаза, какъ нельзя болѣе удовлетворявшія потребностямъ его пылкой впечатлительной души, склонной ко всему мистическому. Какъ умный и образованный человѣкъ, Юліанъ не могъ имѣть особенно сильныхъ симпатій къ грубому вульгарному политеизму, господствовавшему среди народныхъ массъ, и потому очищенный и осмысленный при помощи аллегорическаго метода толкованія политеизмъ неоплатониковъ, какъ нельзя болѣе, въ состояніи былъ удовлетворить его наклонностямъ. Наконецъ, неоплатоники, при посредствѣ другихъ приверженцевъ языческой партіи, какъ мы видѣли, внушили Юліану мысль, что онъ самими богами предназначенъ занять тронъ римскихъ цезарей для возстановленія политеизма въ древнемъ его величіи и возвращенія ему прежняго государственнаго

¹⁾ Твор. Гр. Б. Сл. 1 облич. на царя Юліана, Ч. 1, стр. 97—98.

²⁾ Liban. Orat parent. p. 408: Καί ποτε τοῖς τοῦ Πλάτωνος γέμουσιν εἰς ταῦτόν ἐλθὼν ἀκούσας ὑπὲρ τε θεῶν καὶ δαιμόνων, — καὶ τί τε ἡ ψυχὴ καὶ πῶς ἔχει, καὶ ποῦ πορεύεται, καὶ τίς βραπτίζεται, καὶ τίς αἴρεται, — καὶ τί μὲν αὐτῇ θεσμός, τί δὲ ἐλευθερία, καὶ πῶς ἂν γένοιτο τὸ μὲν φυγεῖν, τοῦ δὲ τοχεῖν ἀλμυρὰν ἀκοήν ἐπεκλύσατο τῷ ποτίμῳ λόγῳ. Сравни. Созом. Ц. И. V, 2, стр. 310. Теодор Ц. И. III, 3, стр. 198. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 254. Твор. Гр. Бог. Ч. 1. Слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 103.

значенія. Эта идея на столько сильно утвердилась въ душѣ Юліана, что онъ поставилъ осуществленіе ея задачею всей своей послѣдующей жизни и политической дѣятельности. Такимъ образомъ, неоплатоники вполне достигли своей цѣли и въ скоромъ времени сдѣлали Юліана самымъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своей партіи, ревностнымъ читателемъ древнихъ боговъ и заклятымъ врагомъ христіанства.

При всей осмотрительности, осторожности и необыкновенномъ притворствѣ, съ помощію которыхъ Юліанъ умѣлъ скрывать истинный образъ своихъ мыслей, его путешествія по различнымъ городамъ Малой Азіи, въ связи съ оживленными сношеніями съ тамошними софистами, философами и другими представителями языческой партіи, не могли долгое время оставаться въ неизвѣстности. Братъ Юліана — Галлъ, жившій тогда въ Антиохіи, былъ сильно возмущенъ дошедшими до него слухами о тѣсной дружбѣ, заключенной Юліаномъ съ представителями языческой партіи. Въ то же время самому императору было сообщено о тѣсныхъ сношеніяхъ его брата съ языческими софистами и философами, о вліяніи, оказываемомъ послѣдними на религіозный образъ его мыслей, и о властолюбивыхъ замыслахъ, внушаемыхъ Юліану языческими прорицателями. Впрочемъ, какъ самъ Констанцій, такъ и Галлъ не замедлили въ скоромъ времени успокоиться, когда отправленный ими въ Никомидію одинъ аріанскій священникъ, по имени Азцій, съ цѣлью испытать истинность религіозныхъ убѣжденій Юліана, донесъ имъ, что ихъ братъ по прежнему остается твердымъ въ вѣрѣ, усердно посѣщаетъ храмы и гробницы мучениковъ и ревностно исполняетъ всѣ

1) Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 254. Созом. Ц. II, 2, стр. 310.

обязанности христіанскаго благочестія ¹⁾). При всемъ томъ, теперь Юліанъ съ гораздо большею осторожностію, нежели прежде, старался избѣгать всего того, что могло возбудить подозрѣніе въ искренности его религіозныхъ убѣжденій и вслѣдствіе того усиливать подозрѣніе и недовѣріе со стороны Констанція. Въ этихъ видахъ въ Никомидіи онъ съ прежнею ревностію продолжалъ отправлять должность чтеца, вести самую строгую аскетическую жизнь и даже обрилъ себѣ бороду, которую отпустилъ было по примѣру тогдашнихъ философовъ ²⁾).

Не смотря однако на всѣ указанныя средства, при помощи которыхъ Юліанъ думалъ скрыть совершившуюся въ его душѣ перемѣну религіозныхъ убѣжденій, его близкія сношенія съ представителями языческой партіи не могли долго оставаться тайными и не возбуждать въ императорѣ сильнѣйшаго безпокойства. Въ скоромъ времени обвиненный въ соучастіи во властолюбивыхъ замыслахъ своего брата, онъ, подъ сильнымъ военнымъ прикрытіемъ, какъ государственный преступникъ, въ 354 г. былъ внезапно удаленъ изъ Никомидіи и отправленъ въ Миланъ, гдѣ въ то время имѣлъ свое мѣстопробываніе императорскій дворъ ³⁾). Очень можетъ быть, что представители языческой партіи, увлекши на свою сторону Юліана, для осуществленія своихъ завѣтныхъ цѣлей въ дѣлѣ возстановленія политеизма хотѣли дѣйствовать путемъ насилія и замыслили возвести своего любимца на императорскій престолъ, не дожидаясь смерти бездѣтнаго Констанція. Вѣроятно, императору во время донесено было о тайныхъ замыслахъ языческой

¹⁾ Philostorg. Н. Е. III, 27.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 2, стр. 310. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 254.

³⁾ Amm. Marcell. XV, 2. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 255.

партіи и о продолжавшихся сношеніяхъ съ нею Юліана, и потому онъ немедленно же далъ приказаніе схватить своего брата и привести его къ себѣ для суда и наказанія.

Въ Миланѣ Юліанъ прожилъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ въ самомъ безвыходномъ и неопредѣленномъ положеніи, подъ самымъ строгимъ карауломъ, постоянно мучимый опасеніями, какъ бы не подвергнуться позорной казни, которая почти ежедневно постигала друзей и приверженцевъ его фамиліи ¹⁾. Множество шпионовъ, окружавшихъ Юліана, внимательно наблюдали за каждымъ его взоромъ, самыми малѣйшими тѣлодвиженіями, и доносили обо всемъ немедленно императору ²⁾. Теперь Юліану, какъ нельзя болѣе, пригодилося внутреннее ему еще давно Мардоніемъ умѣнье сохранять при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ присутствіе духа и не показывать въ своей внѣшности того, что онъ чувствовалъ и переживалъ въ душѣ. Онъ съ удивительнымъ искусствомъ сумѣлъ скрывать мучившее его томительное безпокойство и опасеніе за свою судьбу и ни разу не дозволилъ себѣ льстить императору требуемымъ отъ него одобреніемъ казни своего брата. Только въ вѣрѣ въ своихъ боговъ и въ теургическихъ операціяхъ находилъ онъ, по собственному своему признанію, единственную отраду и утѣшеніе среди своего безнадежнаго и безвыходнаго положенія ³⁾. Между тѣмъ въ государ-

¹⁾ Julian. Epist. ad S. P. Q. Atheniens. p. 273.

²⁾ Amm. Marcell. XV, 1, 3. Въ своей апологикѣ къ сенату и народу аѳинскому Юліанъ представляетъ чрезвычайно живое описаніе опасностей, которыя ему приходило испытывать въ Миланѣ во время шестимѣсячнаго заключенія подъ стражею. Впрочемъ здѣсь онъ нерѣдко слишкомъ преувеличиваетъ свои страданія и испытанныя имъ опасности, утверждая напр., будто бы его заключеніе подъ стражею въ Миланѣ продолжалось цѣлый годъ, хотя это извѣстіе прямо противорѣчитъ ясному и вѣрному хронологическому показанію Амміана Марцеллина.

³⁾ Julian. Epist. ad S. P. Q. Atheniens. p. 273.

ственномъ совѣтѣ, окружавшемъ Констанція, происходили оживленныя совѣщанія на счетъ участія Юліана въ заговорѣ Галла и наказанія, какое онъ заслуживалъ за свое преступленіе. Большинство министровъ и евнуховъ императора энергически настаивали на немедленной казни его молодого родственника, которая по ихъ мнѣнію, необходимо требовалась въ интересахъ государственнаго спокойствія. Но за Юліана подняла свой голосъ императрица Евсевія ¹⁾ и съ своей стороны стала употреблять всѣ усилія для освобожденія его отъ возводимыхъ обвиненій въ государственной измѣнѣ. Какими побужденіями руководствовалась императрица при настоящемъ случаѣ, — это понятно. Ни у покойныхъ братьевъ императора, Константина II († 340 г.) и Константа († 350 г.) не осталось наслѣдниковъ, ни у самого Констанція не было дѣтей, которыя бы могли наслѣдовать императорскій престолъ ²⁾. Такимъ образомъ, прежде столь многочисленная фамилія Константина Великаго теперь ограничивалась лишь однимъ царствующимъ императоромъ и его двоюроднымъ братомъ. Спасая жизнь послѣднему, императрица Евсевія естественно могла рассчитывать на благодарность съ его стороны въ послѣдствіи времени и на спокойное вдовство по смерти своего супруга. Долгое время Констанцій колебался и находился въ нерѣшительности, — послѣдовать ли настоячивымъ убѣжденіямъ своей супруги, или совѣтамъ приближенныхъ евнуховъ. Наконецъ, Евсевія, послѣ долгихъ и напряженныхъ усилій, удалось выхлопотать у своего супруга аудіенцію для Юліана, во время которой онъ имѣлъ бы возможность оправдаться отъ воз-

¹⁾ Julian. Epist. ad S. P. Q. Atheniens. p. 373. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 254. Созом. Ц. И. V, 2, стр. 311. Амм. Marcell. XV, 2.

²⁾ Плоссеръ, т. II, стр. 214.

водимыхъ на него обвиненій ¹⁾). Юліанъ съ достоинствомъ и большою свободою отрицалъ всякое участіе съ своей стороны во властолюбивыхъ замыслахъ своего брата, и императоръ выслушалъ его объясненія съ большимъ вниманіемъ и видимымъ сочувствіемъ. Съ этихъ поръ настойчивыя представленія и ходатайство Евсевіи взяли рѣшительный верхъ надъ происками враждебной къ Юліану придворной партіи. Онъ не только былъ освобожденъ отъ подозрѣнія въ своихъ властолюбивыхъ замыслахъ, — и былъ избавленъ отъ строгаго заключенія, въ которомъ провелъ около шести мѣсяцевъ, но и получилъ позволеніе отправиться въ скоромъ времени въ Аѣины для окончанія своего образованія ²⁾).

Кажется, трудно было выбрать болѣе выгодное и удобное мѣсто, гдѣ бы молодой родственникъ императора имѣлъ возможность удовлетворить своимъ симпатіямъ къ политеизму и продолжать оживленныя сношенія съ языческою партіею, какъ въ этомъ городѣ. Аѣины въ то время продолжали все еще быть центромъ упадавшаго язычества ³⁾ и мѣстопробываніемъ сильной языческой партіи, враждебной двору и мечтавшей, подобно язычникамъ Никомидіи, Пергама, Ефеса и Милета, возстановить политеизмъ въ прежнемъ его величіи и возвратить ему права официальнаго культа. Позволеніе, данное Юліану отправиться для окончанія своего образованія именно въ Аѣины, а не въ другое какое либо мѣсто, даетъ нѣкоторое, весьма вѣроятное основаніе для заключенія, что даже среди государственнаго совѣта, окружавшаго императора Констанція, находились тай-

¹⁾ Julian. Epist. ad S. P. Q. Atheniens. p. 274.

²⁾ Amm. Marcell. XV, 2. Созом. II. II. V, 2, стр. 311. Гокр. Ц. II. III, 1, стр. 255. Твор. Гр. Бор. ч. 1, слово 2 облич. на царя Юліана, стр. 197.

³⁾ Herzberg. Der Untergang d. Hellenismus u. die Universität Athen. Halle, 1875, p. 293.

ные приверженцы язычества, именъ которыхъ не сохранила исторія. Мы уже имѣли случай видѣть, что, въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ, не мало язычниковъ принимали христіанство не по внутреннему убѣжденію, но только вслѣдствіе корыстныхъ побужденій, изъ желанія пріобрѣсти себѣ расположеніе со стороны двора или получить какія либо важныя должности въ государственной іерархіи. Являясь въ своей внѣшности усердными христіанами, такіе люди по прежнему продолжали жить интересами язычества, и вмѣстѣ съ языческою партіею мечтали о возвращеніи прежняго религіознаго порядка въ государствѣ, предшествовавшаго Константину Великому. Очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ такихъ тайныхъ приверженцевъ язычества, окружавшихъ Констанція, вмѣстѣ съ Евсевіею старались выхлопотать у императора позволеніе отправиться Юліану въ Аѳины, въ тайной надеждѣ, что тамъ будущій наслѣдникъ престола найдетъ возможность сблизиться съ языческою партіею и чрезъ это сдѣлается весьма удобнымъ орудіемъ для выполненія ея завѣтныхъ замысловъ. Справедливость высказаннаго предположенія можетъ находить для себя нѣкоторое, вѣроятное основаніе въ свидѣтельствахъ св. Григорія Богослова и Созомена. «Двѣ были причины путешествія Юліана въ Элладу, замѣчаетъ св. отецъ, одна—благовидная—обозрѣть Грецію и ея школы, другая отдаленнѣйшая и немногимъ извѣстная—посоветоваться съ тамошними жрецами, потому что нечестіе еще не имѣло явной дерзости»¹⁾. «Предлогомъ къ этому путешествію, говоритъ Созоменъ, было занятіе греческими науками, а на самомъ дѣлѣ Юліану, говорятъ, хотѣлось бесѣдовать съ тамошними гадателями о своихъ дѣлахъ»²⁾.

¹⁾ Твор. Григор. Бог. сл. 2 обличит. на царя Юліана, ч. 1, стр. 197.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 2, стр. 311.

Аѳины все еще продолжали служить центромъ просвѣщенія для всего тогдашняго міра и какъ бы на переکورъ всеокрушающему духу времени гордились величественными произведеніями античнаго генія¹⁾. Здѣсь по прежнему продолжало существовать множество философскихъ школъ самыхъ различныхъ направленій, и сюда стекались со всѣхъ сторонъ молодые люди для слушанія уроковъ философіи и краснорѣчія у тамошнихъ наставниковъ²⁾. Великіе свѣтильники церкви,—Василій Великій и Григорій Богословъ,—являлись въ Аѳины для изученія мірской мудрости съ цѣлю вести потомъ борьбу съ язычествомъ орудіемъ его же собственной учености³⁾. Въ то же время Юліанъ, вдали отъ шума оружія и придворныхъ интригъ, прилежно изучалъ въ школахъ аѳинскихъ риторовъ и философовъ краснорѣчіе и діалектику, съ помощію которыхъ онъ надѣялся вести успѣшную борьбу противъ ненавистныхъ въ глазахъ его Галилеянъ (этимъ именемъ Юліанъ называлъ обыкновенно христіанъ). Въ самомъ скоромъ времени онъ вступилъ въ Аѳинахъ въ тѣсныя сношенія съ языческой партіей и, хотя тайно, заявилъ себя усерднымъ чителемъ древнихъ боговъ⁴⁾. Сопровождаемый жрецами, онъ посѣщалъ языческіе храмы, приносилъ въ нихъ жертвы, сожалѣлъ объ ихъ запустѣніи и выражалъ надежду на ихъ возстановленіе при наступленіи болѣе благопріятнаго положенія дѣлъ. Во время этихъ посѣщеній, въ душѣ Юліана живо воскресалъ политенизмъ во всемъ его древнемъ величіи, со всею его блестящею обстановкою и въ сильнѣйшей степени приковывалъ къ себѣ его симпатіи. Въ Аѳинахъ онъ тайно посвященъ былъ въ элев-

¹⁾ Julian. Orat. III, ad imperatr. Euseb. p. 118.

²⁾ Julian. Orat. III, ad imperatr. Euseb. p. 118.

³⁾ Твор. Григор. Богосл., ч. 1, сл. 2 обличит. на царя Юліана, стр. 197.

⁴⁾ Созом. II. II. V, 2 стр. 310.

зинскія мистеріи, которыя среди упадка греческаго культа въ глазахъ язычниковъ продолжали еще сохранять нѣкоторыя черты своей первоначальной святости¹⁾). Объ этомъ посвященіи любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ св. Григорій Богословъ и блаженный Θεодоритъ. «Приведши Юліана въ одно идольское капище, говоритъ Θεодоритъ, элевзинскій жрецъ указаль ему мѣсто среди самаго святилища и началъ вызывать лукавыхъ демоновъ. Когда же демоны явились въ обыкновенномъ своемъ видѣ, ужасъ невольно сообщился Юліану и заставиль его положить на челѣ своемъ крестное знаменіе. Увидѣвъ это знаменіе Христовой побѣды и собственнаго пораженія, демоны мгновенно исчезли. Волшебникъ узналъ о причинѣ ихъ бѣгства и сталъ укорять Юліана. Но тотъ признался ему въ своемъ испугѣ и при этомъ выразиль изумленіе,— какъ велика сила креста, если демоны не устояли предъ его изображеніемъ и разбѣжались. «Не думай такъ, добрый человекъ, отвѣчалъ обманщикъ: они ушли не вслѣдствіе боязни, а по отвращенію къ тому, что сдѣлано тобою! Обольстивъ такимъ образомъ этого бѣдняка, онъ ввелъ его въ таинства и исполнилъ беззаконіями»²⁾). Описанному посвященію Юліана въ элевзинскія мистеріи сторонники языческой партіи придавали большое значеніе и смотрѣли на него, какъ на актъ формальнаго вступленія императорскаго родственника въ ихъ общество. Самъ Юліанъ всегда сохранялъ большое уваженіе къ этимъ мистеріямъ и потому, во время похода своего противъ Констанція, въ 361 г., счелъ нужнымъ пригласить въ Галлію элевзинскаго жреца для совершенія надъ собою особаго таин-

¹⁾ Weber, Allgemeine Weltgeschichte. Leipzig, 1833. Т. IV, p. 547, Broglie, t. III, p. 285—287. Chastel. p. 130.

²⁾ Θεодор. Ц. И. III, 3, стр. 197—198. Сравни. Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 облич. на царя Юліана, стр. 117—118.

ственного обряда, которымъ онъ торжественно засвидѣтельствовалъ формальный актъ своего отреченія отъ христіанства и переходъ свой въ язычество¹⁾. Въ то же самое время во всей своей внѣшности Юліанъ продолжалъ быть самымъ ревностнымъ и усерднымъ христіаниномъ, посѣщалъ христіанскія церкви и въ точности исполнялъ всѣ обязанности истинно вѣрующаго.

Впрочемъ не смотря на всю осторожность, скрытность и лицемеріе, при помощи которыхъ Юліанъ старался замаскировывать истинность своихъ религіозныхъ убѣжденій, его переходъ на сторону языческой партіи въ то время не составлялъ уже болѣе тайны не только для язычниковъ, но и для христіанъ. Въ особенности отъ св. Григорія Богослова, учившагося въ то же время вмѣстѣ съ Юліаномъ въ Аѳинахъ, не могъ быть тайною сильнѣйшій энтузіазмъ послѣдняго къ древней религіи, который онъ выражалъ всѣмъ своимъ существомъ, хотя и употреблялъ всѣ усилія скрыть его. «Еще и тогда (во время пребыванія въ Аѳинахъ), замѣчаетъ св. отецъ, я не худо разгадалъ этого человѣка, хотя и не принадлежу къ числу людей, искусныхъ въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ не предвѣщало въ немъ ничего добраго: шея нетвердая, плечи движущіяся и выравнивающіяся, глаза бѣглыя, наглые и свирѣпыя, ноги нестоящія твердо, но сгибающіяся, носъ выражающій дерзость и презрительность, черты лица смѣшныя и тоже выражающія, смѣхъ громкій и неумѣренный, наклоненіе и откидываніе назадъ головы безъ всякой причины, рѣчь медленная и прерывистая, вопросы безпорядочные и несвязные, отвѣты ничѣмъ нелучшіе, смѣшиваемые одни съ другими, нетвердые и неподчиненные правиламъ. Но для чего описывать под-

¹⁾ Твор. Гр. Бог. сл. 1 обличит. на царя Юліана, стр. 197.

робно?... Такимъ же видалъ я его и прежде дѣлъ, какимъ узналъ и по дѣламъ. Если бы здѣсь находились нѣкоторые изъ бывшихъ со мною тогда и слышавшихъ мои слова, они безъ труда засвидѣтельствовали бы это. Ибо и тогда уже, какъ увидѣлъ это, сказалъ я имъ: какое зло воспитываетъ себѣ римская имперія! и предрекиши желалъ быть ложнымъ прорицателемъ¹⁾. Но, если такое впечатлѣніе получали вѣрующіе при встрѣчѣ съ Юліаномъ въ Аѳинахъ, заранѣе очень хорошо предугадывая, какое зло онъ сдѣлаетъ впослѣдствіи времени церкви Христовой, за то совершенно иныя чувства возбуждала его личность среди язычниковъ. Замѣчательныя природныя дарованія Юліана, его любовь къ научнымъ занятіямъ въ связи съ горячею преданностію къ древнимъ вѣрованіямъ и родствомъ съ императорскою фамиліею, въ самомъ скоромъ времени не замедлили привлечь къ нему сильнѣйшія симпатіи не только со стороны языческихъ жителей Аѳинъ, но и многихъ чужеземцевъ, явившихся туда для слушанія уроковъ тамошнихъ философовъ и ораторовъ²⁾. При такихъ обстоятельствахъ, Юліанъ не замедлилъ заключить съ аѳинянами самую тѣсную дружбу, которой онъ остался вполне вѣренъ на всю свою жизнь. Отправившись въ скоромъ времени въ Галлію на должность цезаря и будучи сильно смущенъ опасностями и неизвѣстностію новаго своего положенія, онъ, по собственному признанію, такъ сильно былъ тронутъ предстоящею разлукою съ жителями любимаго имъ города, что призывалъ боговъ, простирая руки свои къ акрополю, проливалъ горькія слезы и, въ отчаяніи, просилъ для себѣ у боговъ смерти, призывая народъ аѳинскій въ свидѣтели

¹⁾ Твор. Григ. Бог. ч. 1, слово 2 облич. на царя Юліана, стр. 197—198.

²⁾ Broglie, t. III, p. 285—287.

своей безутѣшной скорби¹⁾. Провозглашенный впослѣдствіи времени своими солдатами императоромъ и вовлеченный, вслѣдствіе этого, въ междоусобную борьбу съ Констанціемъ, Юліанъ, среди такихъ критическихъ обстоятельствъ, считалъ себя нравственно обязаннымъ въ особомъ посланіи, носившемъ характеръ апологіи, напомнить сенату и народу аѳинскому свои раннія симпатіи и заключенную съ ними самую тѣсную дружбу и вмѣстѣ оправдать въ ихъ глазахъ образъ своихъ дѣйствій по отношенію къ Констанцію²⁾. Аѳинскіе язычники видѣли въ Юліанѣ самаго усерднаго сторонника своей партіи, одушевленнаго сильнѣйшимъ энтузіазмомъ къ древнему культу, и изъявлявшаго надежду на его возстановленіе. Языческая партія въ Аѳинахъ волновалась тайною надеждою, что Юліанъ въ недалекомъ будущемъ явится тѣмъ самымъ возстановителемъ древняго культа, о которомъ въ то время было распространено, какъ мы уже имѣли случай видѣть, такъ много пророчествъ и страстно желала близкаго осуществленія своей завѣтной мечты.

Содѣйствуя отправленію Юліана въ Аѳины, тайные сторонники языческой партіи, засѣдавшіе въ совѣтѣ, окружавшемъ Констанція, преслѣдовали при этомъ одну главную цѣль, — чтобы онъ въ этомъ городѣ окончательно закрѣпилъ свои привязанности къ политеизму и вступилъ въ сношенія съ тамошними представителями языческой партіи. Шестимѣсячное пребываніе Юліана въ городѣ музъ, его знакомство съ тамошними жрецами, софистами и философами и, наконецъ, посвященіе въ элевзинскія мистеріи, — все это какъ нельзя болѣе могло убѣдить ихъ въ томъ, что въ молодомъ родственникѣ

¹⁾ Julian. Epist. ad S. P. Q. Atheniens. p. 271.

²⁾ Ibidem.

императора они имѣютъ самое лучшее орудіе для осуществленія завѣтной цѣли ихъ партіи, — возведенія язычества на императорскій тронъ и возвращенія ему прежняго государственнаго значенія. Теперь тайные друзья Юліана, засѣдавшіе въ государственномъ совѣтѣ, стали употреблять съ своей стороны всѣ усилія для того, чтобы доставить ему власть и политическое значеніе. Этимъ обстоятельствомъ только и можно объяснить быстрый и совершенно неожиданный поворотъ, совершившійся въ судьбѣ Юліана вскорѣ по удаленіи его изъ Аѳинъ и возвращеніи къ императорскому двору, въ Миланъ.

Политическія обстоятельства, какъ нельзя болѣе, благопріятствовали выполненію замысловъ тайныхъ друзей Юліана. Римская имперія находилась въ то время въ самомъ критическомъ положеніи, которое въ недалекомъ будущемъ грозило разразиться внезапной катастрофой. Галлія была наводнена многочисленными полчищами германцевъ, перешедшихъ чрезъ Рейнъ и опустошившихъ огнемъ и мечемъ большую часть этой богатой и цвѣтущей провинціи¹⁾. Сарматы обрушились страшною массою на границы Дуная; съ востока еще большая опасность угрожала со стороны персовъ, гордыхъ своими недавними побѣдами надъ римскими легіонами. Въ то же самое время, внутри, государство страшно страдало отъ разбойническихъ набѣговъ дикихъ исаврянъ и долго не могло оправиться отъ ужасныхъ опустошеній, причиненныхъ войною Констанція съ узурпаторами — Магненціемъ и Ветраніономъ²⁾. При такихъ обстоятельствахъ, когда присутствіе императора казалось одинаково необходимымъ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, друзья Юліана и тайные сторонники язы-

¹⁾ Amm. Marcell. XVI, 8.

²⁾ Шлоссеръ, т. II, стр. 211 и 212.

ческой партіи вмѣстѣ съ императрицею Евсевіею стали убѣждать Констанція раздѣлить бремя государственныхъ заботъ съ своимъ молодымъ родственникомъ и облечь его званіемъ цезаря¹⁾. Императоръ долгое время колебался послѣдовать ихъ совѣту, такъ какъ вслѣдствіе своей крайней подозрительности онъ способенъ былъ видѣть въ своихъ родственникахъ только враговъ, посягавшихъ на его верховныя права. Нерѣшительность Констанція, и безъ того уже сильная сама по себѣ, была поддерживаема въ значительной степени большинствомъ окружавшихъ его совѣтниковъ, имѣвшихъ основаніе опасаться, въ случаѣ политическаго возвышенія Юліана, мести съ его стороны за казнь Галла, совершенную по ихъ интригамъ и настоянію. Наконецъ, настойчивыя представленія Евсевіи одержали верхъ надъ подозрительностію Констанція и происками враждебной Юліану придворной партіи. Императрица успѣла разсѣять опасенія своего супруга на счетъ вѣрности его молодаго родственника и, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, представила ему такіе доводы, которые имѣли на него рѣшительное вліяніе. «Вручивши Юліану власть, говорила она Констанцію, ты достигнешь одного изъ двухъ: или онъ счастливо воспользуется ею и въ такомъ случаѣ принесетъ тебѣ несомнѣнную пользу, или же сдѣлаетъ ошибку, за которую поплатится жизнію. и тогда въ твоёмъ семействѣ не останется никого, кто бы могъ оспаривать у тебя обладаніе государствомъ»²⁾.

Римскіе императоры IV вѣка при избраніи себѣ цезарей не спрашивали согласія на это со стороны сената и народа, но заботились только о томъ, чтобы сообразовать свой выборъ съ желаніями и требованіями своей ар-

¹⁾ Amm. Marcell. XV, 6.

²⁾ Amm. Marcell. XV, 7.

ми. Такъ было и при назначеніи Юліана цезаремъ Галліи. Въ назначенный для того день, 6 ноября 355 года, были собраны войска, расположенныя въ Миланѣ и его окрестностяхъ. Предъ ними незамедлилъ явиться императоръ, держа за руку Юліана, и, занявши приготовленный заранѣе тронъ, держалъ къ войскамъ рѣчь, въ которой яркими чертами описалъ опасности, угрожавшія со всѣхъ сторонъ государственной безопасности, указалъ необходимость имѣть особаго цезаря для управленія западными провинціями имперіи и, наконецъ, выразилъ желаніе облечь въ это званіе своего двоюроднаго брата, если такое назначеніе не будетъ противно интересамъ арміи¹⁾. По окончаніи рѣчи, войска не замедлили выразить свое полное согласіе съ императорскимъ рѣшеніемъ ударомъ своихъ щитовъ о колѣна, и, такимъ образомъ, новый цезарь получилъ окончательную санкцію для своего вступленія въ должность²⁾. Вслѣдъ затѣмъ Констанцій постарался закрѣпить политическую связь съ своимъ двоюроднымъ братомъ женитьбою его на своей сестрѣ — Еленѣ.

Новое назначеніе, полученное теперь Юліаномъ, казалось, должно было въ высшей степени льстить его самолюбію, возбуждать въ немъ увѣренность въ сильномъ заступничествѣ тайныхъ сторонниковъ языческой партіи и внушать мысль, что теперь наступаютъ благоприятныя обстоятельства для осуществленія любимой его мечты возвратить политеизму его древнія права. Но въ то же самое время онъ не могъ не видѣть и не сознавать всей опасности своего положенія, соединеннаго съ новыми обязанностями, налагаемыми на него званіемъ

¹⁾ Amm. Marcell. XV, 8. Zosim III, p. 139.

²⁾ Amm. Marcell. XV, 8. Militares omnes horrendo fragore scuta genibus illidentes, quod est prosperitatis indicium plenum, nam contra cum hostis clypei feriuntur, irae documentum est et doloris.

цезаря¹⁾. Галлія, назначенная ему для управленія, находилась въ это время въ крайне незавидномъ положеніи и переживала самое трудное для себя время. Незадолго до назначенія Юліана въ цезари, безчисленные толпы франковъ и аллемановъ переправились чрезъ Рейнъ и внесли страшное опустошеніе въ эту провинцію, съ огнемъ и мечемъ пройдя большую часть ея территоріи. Болѣе пятидесяти городовъ, въ томъ числѣ Кюльнъ, Триръ, Вормсъ, Шпейеръ, Страсбургъ и другіе вмѣстѣ съ множествомъ мѣстечекъ, сель и деревень, были разграблены и обращены въ развалины²⁾. Жители, оставшіеся въ живыхъ, укрылись въ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктахъ и, будучи осаждены въ нихъ непріятелями, терпѣли всевозможныя лишенія. Арміи почти не существовало. Жалкіе остатки ея, запертые въ крѣпостяхъ, состояли по большей части изъ наемныхъ германскихъ дружинъ, которыя, не получая себѣ жалованья отъ правительства и испытывая крайній недостатокъ въ военныхъ запасахъ и продовольствіи, при всякомъ удобномъ случаѣ были готовы перейти на сторону непріятеля. Испытывая страшныя бѣдствія, вслѣдствіе опустошительныхъ набѣговъ сосѣднихъ германскихъ племенъ, Галлія въ тоже самое время не менѣе страдала отъ внутренней безурядицы, бывшей результатомъ неблагоразумнаго управленія ею намѣстниковъ Констанція. Страна была обременена тяжелыми налогами и пошлинами, сборъ которыхъ сопровождался страшными вымогательствами со стороны императорскихъ чиновниковъ и которые большею частію шли на обогащеніе этихъ послѣднихъ. Повсюду господствовалъ крайній произволъ и не было никакого уваженія къ правамъ и закону. Казалось, Галлія какъ будто бы совершенно была от-

¹⁾ Julian Epist. ad S. P. Q. Atheniens. p. 277.

²⁾ Amm. Marcell. XVI, 11. Julian Epist. ad S. P. Q. Atheniens. p. 277. Zosim. III, p. 140. Созом. Ц. И. V, 2, стр. 318.

дана Констанціемъ въ жертву варварамъ и предоставлена собственной своей участи.

Среди такихъ критическихъ обстоятельствъ управленіе этою провинціею вручается Юліану — еще молодому неопытному человѣку, нисколько незнакому ни съ военнымъ искусствомъ, ни съ дѣлами государственнаго управленія. До сихъ поръ мы видѣли его проводящимъ жизнь кабинетнаго ученаго, вдали отъ шума оружія и совершенно незнакомаго съ практическою жизнію, слушавшаго прилежно уроки софистовъ и философовъ и въ своихъ ученыхъ занятіяхъ имѣвшаго дѣло болѣе съ мертвыми, нежели съ живыми людьми. Теперь долженъ былъ совершиться неожиданный, громадный переворотъ въ его судьбѣ, — отъ него требовалось изъ скромнаго ученаго сдѣлаться въ самомъ непродолжительномъ времени храбрымъ воиномъ, искуснымъ полководцемъ и опытнымъ администраторомъ. Вслѣдствіе новаго назначенія, на него теперь возложена была трудная обязанность не только изгнать многочисленныхъ и опасныхъ враговъ изъ предѣловъ ввѣренной его управленію провинціи, но и водворить въ ней внутренній порядокъ, уваженіе къ законамъ и залечить всѣ ея раны, нанесенныя частыми и опустошительными набѣгами со стороны варваровъ. При такихъ обстоятельствахъ положеніе Юліана, безвыходное само по себѣ, казалось, еще болѣе опаснымъ вслѣдствіе крайней подозрительности и недовѣрчивости къ нему со стороны Констанція ¹⁾. Назначивъ своего брата цезаремъ Галліи, императоръ въ то же самое время постарался гарантировать свою безопасность отъ малѣйшаго обнаруженія съ его стороны властолюбивыхъ замысловъ. Въ этихъ видахъ Юліанъ былъ сдѣланъ только номинальнымъ предводителемъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ Галліи, между тѣмъ какъ вся власть надъ ними была ввѣ-

¹⁾ Julian. Epist. ad. S. P. Q. Atheniens. p. 278.

рена другимъ начальникамъ, обязаннымъ слѣдить за всѣми дѣйствіями новаго цезаря и оказывать ему явное неповиновеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сталъ бы дѣйствовать произвольно и притомъ вопреки императорскимъ распоряженіямъ¹⁾. Далѣе, въ тѣхъ же соображеніяхъ особа новаго цезаря была окружена цѣлымъ штатомъ шпионовъ, внимательно наблюдавшихъ за нимъ, перехватывавшихъ его письма и обо всемъ, ими замѣченномъ, немедленно доводившихъ до свѣдѣнія императора²⁾. Кромѣ того, въ первое время своего управленія Галліею, Юліанъ долженъ былъ терпѣть крайній недостатокъ рѣшительно во всемъ необходимомъ, — у него не было войска, не было денегъ, не было оружія, а между тѣмъ страшные враги со всѣхъ сторонъ нападали на ввѣренную его управленію провинцію.

Въ такомъ крайне безвыходномъ положеніи Юліанъ однако не потерялъ присутствія духа и того самообладанія, какое внушено было ему еще Мардоніемъ. Во время своего семилѣтняго управленія (355—362) Галліею онъ проявилъ необыкновенную, всестороннюю дѣятельность, развилъ въ себѣ блестящіе таланты храбраго полководца и опытнаго администратора. Новый цезарь прежде всего постарался составить себѣ правильно организованную армію и въ этомъ отношеніи въ самомъ скоромъ времени успѣлъ достигнуть изумительныхъ результатовъ. Далѣе, онъ освободилъ Галлію отъ аллеманновъ и франковъ, какъ мы уже видѣли, безнаказанно грабившихъ ея территорію, три раза побѣдоносно переходилъ чрезъ Рейнъ и перенесъ римское оружіе въ Германію³⁾. Своими побѣдами онъ заставилъ герман-

¹⁾ Ibidem. Amm. Marcell. XVII, 3, XVIII, 5.

²⁾ Julian. Epist. ad S. P. Q. Atheniens. p. 278.

³⁾ Amm. Marcell. XVII, XVIII, Zosim. III, p. 144. Julian. Epist. ad S. P. Q. Atheniens. p. 280. Созом. Ц. И. V, 2, стр. 312.

скія племена прекратить свои опустошительные набѣги на Галлію и на нѣкоторое время задержать паденіе западной имперіи.

Защищая такимъ образомъ мощною рукою ввѣренную его управленію провинцію отъ нападеній со стороны внѣшнихъ враговъ, Юліанъ въ тоже самое время своими благоразумными административными мѣрами старался уврачевать глубокія раны, нанесенныя ей опустошительными нападеніями германскихъ народовъ¹⁾. Въ этомъ отношеніи онъ обратилъ особенное свое вниманіе на возстановленіе городовъ, мѣстечекъ и деревень, опустошенныхъ и разрушенныхъ вслѣдствіе хищническихъ набѣговъ варваровъ²⁾. Далѣе, онъ уменьшилъ подати и налоги, лежавшіе тяжелымъ бременемъ на странѣ³⁾, и употреблялъ всѣ зависящія отъ него усилія для того, чтобы защитить ея жителей отъ страшныхъ притѣсненій и вымогательствъ со стороны корыстолюбивыхъ императорскихъ чиновниковъ⁴⁾. Заботы объ уваженіи къ законамъ и правильномъ судопроизводствѣ также не были упущены изъ вниманія Юліаномъ и онъ не замедлилъ въ самомъ скоромъ времени уничтожить существовавшія до него злоупотребленія въ этомъ отношеніи⁵⁾. Благодаря такой, въ высшей степени благоразумной и полезной, дѣятельности Юліана, Галлія въ его правленіе быстро начала поправляться отъ тяжелыхъ ранъ, нанесенныхъ ей непрерывными нападеніями варваровъ и управленіемъ намѣстниковъ Констанція.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Amm. Marcell. XVIII, 2.

³⁾ Ibidem. XVII, 3, 6. Julian Epist. ad S. P. Q. Atheniens. p. 280. Zosim III, p. 145.

⁴⁾ Amm. Marcell. XVII, 3.

⁵⁾ Ibidem.

Юліанъ вездѣ и во всемъ старался подавать подчиненнымъ добрый примѣръ собственнымъ своимъ поведеніемъ, велъ суровую жизнь простаго солдата, употреблялъ самую обыкновеную, даже скудную пищу, спалъ на звѣриной кожѣ, или же просто на голой землѣ¹⁾. Въ битвахъ его всегда видѣли впереди своихъ солдатъ, воодушевлявшіихъ ихъ мужество примѣромъ собственной храбрости и неустрашимости. Въ то же время среди тревогъ и безпокойствъ лагерной жизни среди шума битвъ, въ постоянныхъ занятіяхъ администраціею и судопроизводствомъ и заботъ объ улучшеніи ввѣренныхъ его управленію провинцій, Юліанъ умѣлъ находить время для своихъ любимыхъ занятій науками и продолжалъ вести оживленную переписку съ своими друзьями, особенно съ Максимомъ, Хрисаноемъ и другими представителями языческой партіи въ Малой Азіи²⁾. Армія безгранично была предана своему цезарю, находя въ немъ вполне достойнаго для себя предводителя, постоянно водившаго ее по пути побѣдъ и распространившаго славу римскаго имени среди страшныхъ для римлянъ германскихъ племенъ. Народъ питалъ къ нему самую искреннюю любовь, уваженіе и благодарность за доставленную безопасность и заботливость объ улучшеніи благосостоянія страны. Самые враги уважали Юліана за его храбрость, кроткое обхожденіе съ побѣжденными и вѣрность данному слову³⁾.

Между тѣмъ слухъ объ удачныхъ военныхъ подвигахъ Юліана въ борьбѣ со внѣшними врагами и его благоразумной административной дѣятельности въ Галліи въ самомъ непродолжительномъ времени не замедлилъ

¹⁾ Ibidem. XVI, 5, 1. Julian Misopogon p. 340.

²⁾ Amm. Marcell. XVI, 5. Julian. Epist. XXXVIII, XXXIX.

³⁾ Плоссеръ, т. II, стр. 213.

распространиться во всѣхъ предѣлахъ римской имперіи и повсюду производилъ самое благопріятное впечатлѣніе въ пользу молодаго цезаря. Взоры всѣхъ, не язычниковъ только, знавшихъ о тайномъ отступничествѣ Юліана, но и христіанъ, обратились теперь на даровитаго родственника Констанція, не безъ тайной радости видѣвшихъ въ немъ будущаго преемника бездѣтному императору¹⁾. Только въ одномъ Констанціѣ слава побѣдъ Юліана и его управленія Галліею, какъ и слѣдовало ожидать, способна была возбуждать неудовольствіе и усиливать его недовѣріе и подозрительность. Придворные, окружавшіе императора, большинство которыхъ было враждебно расположено къ Юліану, видя въ немъ будущаго мстителя за смерть Галла, изъ лести и желанія угодить Констанцію старались всѣми зависящими отъ нихъ средствами унизить въ глазахъ его славу побѣдъ молодаго цезаря, давая этому послѣднему насмѣшливыя названія Викторина, грязнаго крота, обезьяны въ пурпурѣ и т. п.²⁾. Въ скоромъ времени дѣло дошло до того, что Констанцій началъ отнимать у своего цезаря славу одерживаемыхъ имъ побѣдъ въ Галліи и Германіи и приписывать ихъ исключительно одному себѣ³⁾. Такъ, въ одномъ письмѣ, адресованномъ къ сенату константинопольскому, императоръ объявлялъ сенаторамъ, что побѣдоносныя римскія войска, подъ его личнымъ начальствомъ и притомъ благодаря исключительно его мудрости и распорядительности, въ одномъ сраженіи одержали блестящую побѣду надъ варварами, хотя самъ онъ вовсе не принималъ никакого участія въ битвѣ и находился въ 40 дняхъ пути отъ мѣста

¹⁾ Amm. Marcell. XVII, 11.

²⁾ Amm. Marcell. XVII, 11.

³⁾ Ibidem. XVI, 12.

военныхъ дѣйствій¹⁾. При всемъ томъ, Констанцій по прежнему продолжалъ смотрѣть подозрительно на все болѣе и болѣе усиливающееся политическое значеніе своего цезаря, ясно сознавалъ, что рано или поздно неминуемо должно будетъ произойти вооруженное столкновеніе между ними, и потому заранѣе рѣшилъ принять всѣ мѣры на случай предстоящей борьбы съ нимъ. Въ этомъ отношеніи спокойное состояніе Галліи и опасность, угрожавшая имеріи на востокъ со стороны персовъ, доставили Констанцію весьма благопріятный случай и послужили весьма благовиднымъ предлогомъ для ослабленія политическаго значенія Юліана. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ императоръ рѣшился обезоружить своего цезаря, отозвавъ для войны съ персами лучшіе его легіоны, храбро сражавшіеся до сихъ поръ противъ франковъ и германцевъ, опустошавшихъ Галлію

Во время пребыванія своего на зимнихъ квартирахъ. въ 360 г., Юліанъ совершенно неожиданно, получилъ императорскій приказъ немедленно отправить на востокъ четыре лучшихъ легіона галльской арміи — кельтовъ, петулянтовъ, батавовъ и геруловъ, присоединивъ къ нимъ по 300 отборныхъ воиновъ изъ прочихъ оставшихся въ Галліи легіоновъ²⁾. Въ распоряженіи императора Юліанъ увидѣлъ хитрость, уже однажды съ большимъ успѣхомъ употребленную въ отношеніи къ его брату — Галлу, и потому имѣлъ всѣ основанія къ справедливому опасенію, что Констанцій въ тѣхъ видахъ отзываетъ лучшіе его легіоны на востокъ, чтобы, лишивъ арміи, тѣмъ самымъ осудить его на неминуемую гибель въ неравной борьбѣ съ германскими народами, которые, узнавъ о критическихъ обстоятельствахъ цезаря, не замедлили бы въ

¹⁾ Amm. Marcell. XVI, 12.

²⁾ Amm. Marcell. XX, 4.

самомъ непродолжительномъ времени снова напасть на Галлію. Въ то же время императорскій приказъ привелъ въ сильное смущеніе легіоны, крайне недовольные предстоящею разлукою съ любимымъ начальникомъ, своими семействами и отправкою на дальній востокъ, на службу скупому и нелюбимому ими Констанцію, не особенно счастливому своими военными успѣхами въ борьбѣ съ внѣшними врагами¹⁾. Въ такихъ обстоятельствахъ Юліанъ увидѣлъ, что наступаетъ время для рѣшительныхъ дѣйствій по отношенію къ Констанцію и, какъ нельзя лучше, воспользовался возбужденнымъ состояніемъ солдатъ для осуществленія своихъ плановъ въ этомъ отношеніи. При этомъ случаѣ онъ, какъ и всегда, дѣйствовалъ съ необыкновеннымъ своимъ притворствомъ и хитростію, по наружности безпрекословно подчинялся императорскому приказу и прилагалъ всѣ заботы къ быстрому и безпрепятственному его выполненію²⁾, между тѣмъ какъ въ тайнѣ усиливалъ недовольство легіоновъ противъ Констанція. Среди солдатъ была распространена прокламація, возбуждавшая ихъ къ открытому неповиновенію волѣ императора и изображавшая въ самыхъ мрачныхъ чертахъ жестокость и скупость Констанція, пороки двора и злоупотребленія императорскихъ чиновниковъ и, въ заключеніи, требовавшая провозглашенія Юліана императоромъ³⁾. При такихъ обстоятельствахъ, недовольство войска, собраннаго въ Лютеціи (Парижѣ) и предназначеннаго къ отправленію на востокъ, проявилось открытымъ бунтомъ противъ Констанція. Солдаты подняли Юліана, по обычаю того времени, на щитъ и, среди радостнымъ восклицаній, провозгласили

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Amm. Marcell. XX, 4.

Августомъ, не смотря на притворное сопротивленіе съ его стороны¹⁾).

Древніе церковные исторники и языческіе писатели, равно какъ большинство новыхъ изслѣдователей эпохи Юліана, основываясь на свидѣтельствахъ Амміана Марцеллина и Зосима, стараются объяснить фактъ провозглашенія Юліана императоромъ исключительно какъ дѣло однихъ только солдатъ и не допускаютъ совершенно никакого участія въ этомъ отношеніи съ его стороны²⁾. Они представляютъ дѣло такимъ образомъ, что Юліану необходимо должно было или принять императорскую корону отъ своихъ легіоновъ или же, въ случаѣ отказа, погибнуть отъ рукъ возмущившихся собственныхъ воиновъ. Но такое мнѣніе едва ли справедливо и скорѣе можно допустить, что Юліанъ самъ, какъ мы уже замѣтили, принималъ дѣятельное участіе въ подготовленіи возмущенія, результатомъ котораго было провозглашеніе его императоромъ въ Лютетіи³⁾. Крайне натянутые отношенія Юліана къ Констанцію, особенно вслѣдствіе послѣдняго приказа императора, въ самомъ недалекомъ будущемъ неминуемо должны были вовлечь обоихъ соперниковъ въ междоусобную борьбу другъ съ другомъ, и потому Юліану казалось дѣломъ крайней необходимости воспользоваться возбужденнымъ состояніемъ своихъ

¹⁾ Amm. Marcell. XX, 4 Julian Epist. ad S. P. Q. Atheniens. p. 282. 284.

²⁾ Напримѣръ Созоменъ (Ц. И. V, 2, стр. 313). Сократъ (Ц. И. III. 1, стр. 257), Гиббонъ (стр. 673--676), Мюкке (стр. 45—51), Броули (стр. 78—82), Веберъ (Allgemeine Weltgeschichte t. IV. Leipzig, 1875, p. 544) и др. «Возвышеніе Юліана на императорскій тронъ, замѣчаетъ послѣдній, совершилось противъ его воли, по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ въ пользу противнаго заключенія.

³⁾ Св. Григорій Богословъ прямо обвиняетъ Юліана въ открытомъ возмущеніи (αὐθιμία, ἀπειρία, ἀσέβεια) противъ Констанція и называетъ его мятежникомъ. Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 облич. на царя Юліана, стр. 97.

легіоновъ для ослабленія противника и упроченія собственнаго положенія. Въ то время, когда друзья Юліана старались всѣми доступными имъ средствами усилить недовольство противъ Констанція въ войскахъ, предназначенныхъ къ отправленію на востокъ¹⁾, самъ онъ лично употреблялъ всѣ усилія съ своей стороны достигнуть той же цѣли посредствомъ оживленной рѣчи, говоренной солдатамъ наканунѣ возмущенія въ Лютеціи²⁾. Вслѣдъ затѣмъ онъ пригласилъ къ себѣ на пирь начальниковъ легіоновъ, отправлявшихся на востокъ, и въ дружеской задушевной бесѣдѣ съ ними старался напомнить имъ славные военные подвиги, совершенные подъ его начальствомъ, и выражалъ сожалѣніе о предстоящей разлукѣ съ ними³⁾. Все это не могло не произвести рѣшительнаго дѣйствія на легіонеровъ, умы которыхъ и безъ того уже были въ сильнѣйшей степени возбуждены предстоящею разлукою съ своимъ любимымъ начальникомъ, своими семействами и трудностями предстоящаго похода на дальній востокъ. При такихъ обстоятельствахъ недовольство войска, усиливаемое самимъ Юліаномъ, на другой же день не замедлило проявиться открытымъ бунтомъ противъ императора, которымъ Юліанъ и успѣлъ воспользоваться для выполненія своихъ властолюбивыхъ замысловъ.

Принявъ императорскій титулъ, Юліанъ необходимо долженъ былъ въ самомъ непродолжительномъ времени вступить во враждебное столкновеніе съ Констанціемъ. Онъ придавалъ этой междоусобной войнѣ религіозный характеръ и смотрѣлъ на нее, какъ на борьбу древняго государственнаго культа съ новымъ христіанскимъ изъ

¹⁾ Amm. Marcell. XX, 2. Zosim III, 9.

²⁾ Amm. Marcell. XX, 4.

³⁾ Ibidem. XX, 4.

за обладанія надъ римскимъ міромъ¹⁾. Во время своего восьмилѣтняго пребыванія въ Галліи, по вѣѣшности, онъ продолжалъ быть усерднымъ христіаниномъ. Только врачу Орибазію, Префекту Саллюстію, и тремъ вѣрнымъ служителямъ былъ извѣстенъ переходъ его къ язычеству, и вмѣстѣ съ ними совершалъ онъ языческіе обряды и теургическія операціи²⁾. Уже во время похода своего противъ Констанція Юліанъ окончательно сбросилъ съ себя маску³⁾, которую такъ долго носилъ, и всему міру открылъ тайну своего отступничества, которую до сихъ поръ довѣрялъ только немногимъ избраннымъ друзьямъ. Въ то же время онъ формально подтвердилъ свое отступничество отъ христіанства и переходъ въ язычество совершеніемъ надъ собою особаго таинственнаго обряда, извѣстнаго подъ именемъ тавроболіума или кріоболіума, который культъ Миеры распространилъ въ то время по всей римской имперіи, при помощи котораго онъ думалъ смыть съ себя воду св. крещенія⁴⁾. Человѣкъ, рѣшавшійся исполнить надъ собою этотъ оригинальный обрядъ, обыкновенно становился въ глубокую яму, покрытую деревянною рѣшоткою, чрезъ которую на всѣ члены его должна была течь кровь заколотаго жертвеннаго животнаго. Если при этомъ случаѣ приносился въ жертву быкъ, то указанный обрядъ назывался тавроболіумомъ, напротивъ получалъ названіе кріоболіума, если для той же самой цѣли употреблялся баранъ. «Юліанъ, замѣчаетъ по поводу совершенія надъ нимъ этого обряда

1) Julian. Epist. ad S. P. Q. Atheniens. p. 280.

2) Amm. Marcell. XVI, 5.

3) Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 257.

4) Нѣкоторые изслѣдователи, какъ напримѣръ Мюкке, отрицаютъ фактъ крещенія, совершенный надъ Юліаномъ. Но такое мнѣніе противорѣчитъ ясному свидѣтельству Сократа, который прямо утверждаетъ, что *христіανός ἦν ἔξ ἀρχῆς Ἰουλιανός* (Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 251. Сравни. Созом. Ц. И. V, 2, стр. 307).

св. Григорій Богословъ, воду крещенія смываетъ скверною кровію, наше таинственное совершеніе замѣняя своимъ мерзкимъ, творить очищеніе своими руками, чтобы очиститься отъ безкровной жертвы, чрезъ которую дѣлаемся мы участниками со Христомъ въ страданіяхъ и божествѣ¹⁾).

Заявивши такимъ образомъ открыто всеуміру формальнымъ актомъ свое отреченіе отъ христіанства, Юліанъ, на походъ противъ Констанція, незамедлилъ показать себя самымъ усерднымъ чителемъ древнихъ боговъ и проявить необычайную ревность къ возстановленію ихъ культа. Языческіе храмы, встрѣчавшіеся на пути, по приказанію императора были немедленно возстановляемы изъ своего запустѣнія и въ нихъ со всею пышностію стали приноситься цѣлыя гекатомбы въ честь боговъ²⁾. Многіе города незамедлили послѣдовать примѣру Юліана и точно также начали проявлять свое усердіе къ возстановленію древняго культа. Такъ аѳиняне отворили знаменитый храмъ Паллады, величественные остатки котораго до сихъ поръ продолжаютъ возбуждать удивленіе своею громадностію и художественностію отдѣлки, и храмъ въ честь олимпійскихъ боговъ³⁾. Въ то же время коринѳяне возобновили торжественныя жертвоприношенія въ честь Нептуна истмійскаго⁴⁾. Самъ подавая своимъ подданнымъ примѣръ къ возстановленію древняго отечественнаго культа и совершая постоянно жертвоприношенія въ честь боговъ, Юліанъ при этомъ случаѣ съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ внутренности жертвенныхъ жи-

¹⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 116.

²⁾ Julian. Epist. XXXVIII, p. 414—415. Сокр. Ц. И. III, стр. 257. Созом. Ц. И. V, 3, стр. 313.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem.

вотныхъ и занимался совершеніемъ теургическихъ операцій, думая при помощи всѣхъ этихъ средствъ узнать исходъ своей борьбы съ Констанціемъ ¹⁾. Преждевременная и неожиданная смерть этого послѣдняго, 3 Ноября 361 г. въ киликійскомъ мѣстечкѣ Мопсукренахъ ²⁾ развязала Юліану руки и спасла римскую имперію отъ ужасовъ гражданскихъ междоусобій. По свидѣтельству Амміана Марцеллина, предъ своею смертію Констанцій, въ полномъ сознаніи, назначилъ Юліана своимъ преемникомъ ³⁾.

Теперь Юліанъ безпрепятственно сдѣлался единодержавнымъ властителемъ судебъ римскаго міра и могъ безпрепятственно занять престолъ, которымъ преемственно въ теченіе полувѣка владѣли христіанскіе императоры. Съ нимъ политеизмъ снова вошелъ на тронъ римскихъ цезарей, чтобы, послѣ кратковременнаго обладанія имъ, навсегда сойти съ исторической сцены, открыто заявивъ всему міру свою внутреннюю несостоятельность и неспособность къ дальнѣйшему существованію.

По вступленіи на императорскій престолъ Юліанъ не замедлил проявить усиленную и многостороннюю дѣятельность, во многихъ отношеніяхъ весьма полезную и благотворную для благосостоянія государства. Дѣятельность эта была до чрезвычайности изумительна ⁴⁾, и новый императоръ предавался ей съ увлеченіемъ, рѣшительно не зная ни малѣйшей усталости и не давая себѣ почти никакого отдыха отъ своихъ многосложныхъ занятій. Въ одинъ и тотъ же день онъ давалъ по нѣ-

¹⁾ Твор. Григор. Бог. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 116. Созом. Ц. И. V, 3, стр. 313.

²⁾ Amm. Marcell. XXII, 2. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 258.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ 'Αὐτὸς γὰρ εἶχεν ἐν χερσίν ἡ βιβλος ἡ πλκ, замѣчаетъ Ливаній. Liban. Epitaph. p. 546.

скольку аудіенцій иноземнымъ посламъ и диктоваль множество писемъ полководцамъ, гражданскимъ чиновникамъ и друзьямъ, въ тоже время выслушивая не мало разныхъ просьбъ и накладывая на нихъ соотвѣтствующія рѣшенія. Между тѣмъ какъ министры императора въ послѣобѣденное время предавались отдохновенію, самъ онъ, послѣ скромнаго обѣда, переходилъ отъ одной работы къ другой и удалялся для занятій въ бібліотеку, пока государственныя дѣла, отложенныя до вечера, снова не прерывали его ученыхъ занятій¹⁾. Немногіе свободные часы и ночное время, когда министры и слуги императора предавались сну или удовольствіямъ, онъ посвящалъ научнымъ занятіямъ и литературнымъ трудамъ. Нѣкоторыя изъ рѣчей Юліана, его сатирическія произведенія — Цезари и Мисопогонъ, равно какъ его полемико-религіозное сочиненіе «противъ христіанъ» (*κατὰ τῶν χριστιανῶν*) обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно длиннымъ зимнимъ ночамъ, проведеннымъ имъ въ Антіохіи²⁾. Только единственный отдыхъ и дозволялъ себѣ Юліанъ отъ своихъ усиленныхъ государственныхъ занятій и трудовъ частнаго человѣка — это перемѣну дѣятельности³⁾ и очень рѣдкое посѣщеніе цирка по случаю какихъ нибудь особенныхъ торжествъ⁴⁾.

Благодаря такой изумительной, всесторонней дѣятельности, Юліанъ во время своего кратковременнаго, продолжавшагося всего только 18 мѣсяцевъ, царствованія (съ декабря 361 г. и до ноября 363), успѣлъ издать не мало правительственныхъ распоряженій, показывающихъ въ немъ опытнаго администратора и замѣчатель-

¹⁾ Gibbon. p. 688.

²⁾ Liban. Epitaph. p. 587.

³⁾ Τὶ μὲν ἀναπαύεσθαι τῶν διακόνων ἤν, αὐτοῦ δ' ἐπ' ἔργου ἀπ' ἔργου μεταπηδᾶν, говоритъ Ливаній. Epitaph. p. 580.

⁴⁾ Julian. Misopogon, p. 340.

наго государственнаго человѣка ¹⁾), и въ этомъ отношеніи, не смотря на кратковременность своего правленія, по справедливому замѣчанію Гфрѣрера, сдѣлать гораздо болѣе, нежели другіе римскіе государи въ теченіе всей своей жизни ²⁾). Въ тоже время, среди усиленной государственной дѣятельности, Юліанъ, какъ мы видѣли, умѣлъ находить время для своихъ научныхъ занятій и успѣлъ написать большую часть своихъ литературныхъ произведеній. Во всякомъ случаѣ онъ несомнѣнно владѣлъ богатыми административными способностями, которыя были имъ развиты при помощи образованія, полученнаго въ школахъ софистовъ и философовъ. Св. Григорій Богословъ называетъ его благоразумнѣйшимъ и наилучшимъ правителемъ государства ³⁾). Свои административные таланты Юліанъ достаточно обнаружилъ во время уже извѣстнаго намъ семилѣтняго управленія имъ Галліею, между тѣмъ какъ таланты храбраго и опытнаго полководца самымъ очевиднымъ образомъ проявилъ онъ на поляхъ битвъ, въ войнѣ съ германскими племенами, и во время персидскаго похода.

Первыя правительственныя распоряженія Юліана, по вступленіи его на императорскій престолъ, были обращены на улучшеніе экономическаго благосостоянія государства и финансовой части его, сильно разстроенныхъ въ предъидущее царствованіе. Въ этихъ видахъ онъ весьма значительно сократилъ всѣ государственные расходы, ввелъ повсюду самую строгую бережливость и отчетность и уничтожилъ придворную роскошь, особенно усилившуюся въ царствованіе его предшественника ⁴⁾). Не смотря на то, что самъ Констанцій велъ до-

¹⁾ Weber, p. 544.

²⁾ Gfrörer, Geschichte d. Christlichen Kirche. Stuttgart. 1841 г. p. 164.

³⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, сл. 1 облич. на цара Юліана, стр. 130.

⁴⁾ Amm. Marcell. XXII, 4.

вольно умѣренный образъ жизни, дворъ его отличался необыкновенною пышностію и великолѣпіемъ, такъ что, по свидѣтельству Ливанія, придворный штатъ этого императора заключалъ въ себѣ тысячу цирульниковъ, столько же поваровъ, а число низшихъ чиновниковъ могло быть сравниваемо только со множествомъ насѣкомыхъ лѣтняго жаркаго дня ¹⁾. По вступленіи своемъ въ Константинополь, Юліанъ немедленно же постарался сократить свой придворный штатъ и ввести въ содержаніе его самую строгую бережливость и отчетность. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ съ большою суровостію и несправедливостію, при увольненіи чиновниковъ рѣшительно не обращая вниманія на ихъ прежнія заслуги и вѣрность императорской фамиліи. Далѣе, новый императоръ отмѣнилъ нѣкоторые особенно тяжелые для народа налоги и подати ²⁾ и уменьшилъ поземельную повинность на пятую часть ея прежней стоимости ³⁾. Многочисленный штатъ шпіоновъ (*curiosi*), разбѣянныхъ по всѣмъ провинціямъ Римской имперіи, былъ теперь уничтоженъ и граждане вздохнули свободнѣе, будучи увѣрены въ своей безопасности и защитѣ закона ⁴⁾. Проникнутый глубокими симпатіями къ древности, Юліанъ оказывалъ уваженіе тѣмъ немногимъ остаткамъ старинныхъ республиканскихъ учрежденій, которые, какъ бы на перекоръ всесокрушающему духу времени, продолжали еще существовать при немъ, и поддерживалъ эти учрежденія, насколько существованіе ихъ было совмѣстно съ принципами монархизма ⁵⁾. Такъ онъ даровалъ сенату константинопольскому одинаковыя права и преимуще-

¹⁾ Liban. Epitaph. p. 565.

²⁾ Julian. Epist. XXXV pro Argivis, p. 407—411.

³⁾ Gfrörer, p. 164.

⁴⁾ Weber, p. 545.

⁵⁾ Amm. Marcell. XXII, 7.

ства съ римскимъ, отказываясь отъ употребленія титула Dominus, уважалъ особу и права консуловъ и считалъ за особую для себя честь отправлять ихъ должность, во время сенатскихъ совѣщаній давалъ каждому изъ сенаторовъ полную свободу открыто выражать свои мнѣнія по поводу тѣхъ или другихъ вопросовъ, служащихъ предметомъ для обсужденія, и проч. ¹⁾). Юліанъ издалъ также нѣсколько правительственныхъ распоряженій съ цѣлью возвратить права и возстановить прежнее значеніе древнихъ муниципальных учреждений и возбудить къ нимъ симпатіи и уваженіе со стороны жителей провинцій ²⁾).

Заботясь объ экономическомъ улучшеніи благосостоянія своего государства, вводя повсюду строгую бережливость, Юліанъ самъ старался подавать подданнымъ примѣръ въ этомъ отношеніи. Обстановка частной домашней жизни его была очень проста и незатѣйлива, вовсе не походила на обстановку всесильнаго властелина судебъ римскаго міра, а скорѣе напоминала аскета и философа, который и на императорскомъ тронѣ остался вѣренъ своему прежнему простому образу жизни въ школѣ и на поляхъ битвъ. Питая презрѣніе ко всякому проявленію пышности и роскоши, онъ обыкновенно носилъ самую простую одежду; столъ его состоялъ изъ немногихъ, притомъ исключительно растительныхъ блюдъ, спалъ онъ нерѣдко на голой землѣ ³⁾).

Но на ряду съ указанными достоинствами Юліана, какъ храбраго полководца, опытнаго администратора и частнаго человѣка, онъ имѣлъ не мало весьма важныхъ недостатковъ. Его любовь къ справедливости нерѣдко была приносима въ жертву самому очевидному

¹⁾ Liban. Orat. Parent. p. 320.

²⁾ Gibbon. p. 688.

³⁾ Julian. Misopogon p. 350. Amm. Marcell. XIV, 4.

пристрастію. Такъ, очищая придворныя мѣста отъ множества излишнихъ чиновниковъ, онъ, какъ мы видѣли, удалялъ ихъ безъ всякаго разбора, не обращая никакого вниманія на ихъ прежнія заслуги въ отношеніи къ государству и вѣрность императорской фамиліи. Съ особенною же силою нарушалась эта любовь къ справедливости въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о враждебныхъ въ глазахъ Юліана галилеянахъ (такъ онъ называлъ христіанъ)¹⁾, гдѣ, по выраженію Амміана Марцеллина, онъ былъ *interdum dissimilis sui*²⁾. Далѣе, слабую сторону въ характерѣ Юліана составляла его необыкновенная гордость и высокомеріе, проявлявшіяся во всѣхъ его словахъ и дѣйствіяхъ, особенно же въ составленномъ имъ сатирическомъ произведеніи «Цезари», гдѣ онъ чрезвычайно ѣдко и во многихъ случаяхъ весьма несправедливо осмѣиваетъ всѣхъ своихъ предшественниковъ на императорскомъ тронѣ³⁾. Суетность и тщеславіе, въ связи съ необыкновеннымъ искусствомъ лицемерить и притворяться, также составляли одинъ изъ весьма важныхъ недостатковъ въ характерѣ Юліана. Сокращая до послѣдней возможности издержки своего двора, изгоняя изъ него цѣлыя толпы поваровъ, пирульниковъ, церемоніймейстеровъ и различныхъ прислужниковъ, жившихъ на счетъ государства, новый императоръ въ то же самое время вмѣсто всей этой придворной толпы окружилъ себя множествомъ людей дру-

¹⁾ Твор. Гр. Бог. Слово 1 облич. на царя Юліана, стр. 130—132.

²⁾ Амт. Marcell. XXV, 4. Напрасно Ливаній въ своей надгробной рѣчи надъ Юліаномъ употребляетъ всѣ усилія безуспѣшно доказать, будто бы его герой всегда одинаково безпристрастно относился рѣшительно ко всѣмъ своимъ подданнымъ, не обращая никакого вниманія на различіе ихъ религіозныхъ убѣжденій. Liban. Epitaph. p. 564. Слѣдуя Ливанію, и Гиббонъ чуть не приходитъ въ восторгъ отъ судебного безпристрастія Юліана. p. 696—697.

³⁾ Julian. imp. opera omnia, ed. Spanheim. p. 307—336.

гаго рода, едва ли не болѣе вредныхъ, чѣмъ прежніе. Едва только онъ успѣлъ вступить въ столицу, какъ его дворъ наполнился цѣлою толпою философовъ, софистовъ, жрецовъ, мистиковъ, фигляровъ, шутовъ и скомороховъ¹⁾. Всѣ эти люди, не отличаясь добрыми нравственными качествами, только злоупотребляли до-вѣріемъ къ себѣ со стороны императора, который въ ихъ обществѣ нерѣдко забывалъ обязанности своего высокаго сана и подчинялся ихъ вліянію въ дѣлахъ государственныхъ. Ко всѣмъ этимъ людямъ Юліанъ питалъ самую безграничную любовь и уваженіе, доходившія нерѣдко до крайности²⁾. Такъ, когда однажды императору, во время сенатскихъ совѣщаній, доложено было, что въ столицу прибылъ уже извѣстный намъ философъ Максимъ, онъ немедленно же бросился къ своему другу на встрѣчу, обнималъ, цѣловалъ его и отъ радости проливалъ слезы, затѣмъ ввелъ его въ залу засѣданій сената и здѣсь, въ присутствіи высшихъ государственныхъ сановниковъ повторилъ трогательную сцену³⁾. Необыкновенная суетность и тщеславіе проглядывали въ самой простотѣ образа жизни Юліана, доходившей до презрѣнія всякихъ жизненныхъ удобствъ и отрицанія всякихъ приличій. Будучи заклятымъ врагомъ всякой роскоши и пышности, Юліанъ въ то же самое время удовлетворялъ своей суетности и тщеславію, нося грязный плащъ философа и не обращая рѣшительно никакого вниманія на свою тѣлесную чистоту и опрятность. Въ одномъ изъ своихъ сатирическихъ произведеній, извѣстномъ подъ именемъ Мисопогона, онъ весьма подробно и даже съ видимымъ удовольствіемъ и гордостію описываетъ свои длинные ногти, грязные,

¹⁾ Созом. Ц. И. V, стр. 113.

²⁾ Julian. Epist. L ad Iamblich. p. 417. XLIV, p. 425.

³⁾ Liban. Orat. Parent. p. 501. Amm. Marcell. XXII, 7.

никогда не мытыя руки, длинную растрепанную, никогда нечесанную бороду, наполненную паразитами¹⁾. Понятно, что при таких цинических крайностях Юліанъ не только не въ состояніи былъ возбуждать въ своихъ современникахъ удивленія простотою своей жизни, лишеніями и самоотверженіемъ, но встрѣчалъ съ ихъ стороны однѣ насмѣшки и остроты надъ своими странностями и нерѣдко подавалъ поводъ къ составленію противъ себя чрезвычайно ѣдкихъ сатирическихъ пасквилей²⁾.

При мягкости и кротости своего характера въ общемъ, Юліанъ во многихъ случаяхъ не былъ чуждъ проявленію жестокости не только по отношенію къ христіанамъ, чего казалось естественнымъ отъ него ожидать, какъ ихъ гонителя, но и ко всѣмъ своимъ подданнымъ безъ различія ихъ религіозныхъ убѣжденій³⁾. Въмѣсто того, чтобы, подобно другимъ монархамъ, начать свое правленіе объявленіемъ всеобщей амнистіи, Юліанъ подвергнулъ жестокимъ преслѣдованіямъ всѣхъ враговъ своего брата и своихъ собственныхъ. Для слѣдствія и суда надъ ними въ Халкидонѣ была наряжена особая коммисія, состоящая изъ шести важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ подъ предсѣдательствомъ префекта востока Саллюстія и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого императора⁴⁾. Коммисія дѣйствовала съ большою несправедливостію и рядомъ съ людьми, дѣйствительно заслуживающими наказаніе, въ родѣ главнаго министра Констанція — евиуха Евсевія, осуди-

¹⁾ Julian. Misopogon p. 338—339. Здѣсь въ особенности характеристичны слѣдующія выраженія: Αὐτὸς προσέειπε τὸν βασιλὺν τοιοῦτὸν πύγωνα.... ταῦτά τοι διατρέουσαν ἀνέχομαι τῶν φθιρῶν ὥσπερ ἐν λάχμῃ τῶν Σηριῶν.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Amm. Marcell. XXII, 3.

⁴⁾ Amm. Marcell. XXII, 3.

ла на смерть множество людей вовсе невинныхъ, изъ которыхъ особенно казнъ государственнаго казначея Урсула, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, возбуждала всеобщее сожалѣніе¹⁾ и всегда будетъ лежать тяжелымъ пятномъ на памяти Юліана. Гиббонъ, въ своей «Исторіи разрушенія и паденія западной римской имперіи» вообще сочувственно относящійся къ личности этого императора, сильно порицаетъ его за незаконныя и пристрастныя дѣйствія слѣдственной комиссіи, находившейся въ непосредственной отъ него зависимости²⁾.

Но, на ряду съ указанными слабыми сторонами въ характерѣ Юліана, одинъ изъ главныхъ недостатковъ его заключался въ отсутствіи практической жизненной мудрости, способной проникать въ духъ и потребности своего времени, и умѣнья принаравливаться къ современнымъ обстоятельствамъ. Это недостаточное знакомство съ жизнью и ея отношеніями въ значительной мѣрѣ проявилось у него въ самой реформѣ придворнаго штата и въ попыткѣ ввести въ придворную обстановку древнюю простоту нравовъ, — востокъ, какъ извѣстно любить, чтобы его властителей всегда окружалъ внѣшній блескъ власти и могущества, — но особенно рельефно обнаружился въ его превратномъ и ложномъ отношеніи къ религіозному вопросу своего времени, имѣвшему для него роковое значеніе. Проникнутый глубокою любовію къ старинѣ, ея преданіямъ и вѣрованіямъ, будучи увлеченъ ложнымъ убѣжденіемъ, что онъ самими богами предназначенъ къ возстановленію политеизма и возвращенію ему правъ государственной религіи, Юліанъ, рѣшился возстановить въ имперіи религіозный

¹⁾ Ursuli vero necem ipsa mihi videtur flesse justitia, imperatorem arguens — et ingratum, замѣчаетъ Амміанъ Марцеллинъ, XXII, 3.

²⁾ Gibbon p. 693.

порядокъ вещей, предшествовавшій Константину Великому, поставивъ осуществленіе этой мечты — задачею всей своей жизни и политической дѣятельности; но, при выполненіи этой задачи, упустилъ изъ вниманія, что старый религіозный порядокъ вещей, который онъ мечталъ возстановить, стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ духомъ и потребностями эпохи, болѣе благопріятствовавшей новой государственной религіи, нежели древнему культу съ его отжившими свой вѣкъ формами. Съ какимъ-то почти непонятнымъ ослѣпленіемъ онъ вступилъ въ упорную борьбу съ своимъ временемъ, до конца жизни прослѣдовалъ свою завѣтную мечту и только передъ самой своей смертью пришолъ къ справедливому, но горькому для себя убѣжденію, что дѣло, за которое онъ такъ горячо ратовалъ, совершенно неосуществимо ¹⁾).

¹⁾ Теодор. Ц. И. III, 25, стр. 230.

Отношеніе Юліана къ язычеству въ связи съ попыткою его внутренняго преобразованія на началахъ неоплатонизма и при посредствѣ идей и учрежденій христіанской церкви.

Среди усиленной политической дѣятельности Юліана, забота о восстановленіи политеизма въ древнемъ его величіи всегда стояла для него на первомъ планѣ, и онъ посвящалъ на осуществленіе своей завѣтной мечты въ этомъ отношеніи все свое время и лучшія свои силы. Юліанъ былъ проникнутъ, какъ мы уже видѣли, горячимъ убѣжденіемъ, что сами боги даровали ему власть и политическое значеніе съ тою цѣлью, чтобы онъ снова восстановилъ въ римской имперіи религіозный порядокъ вещей, предшествовавшій Константину Великому ¹⁾. Кромѣ этихъ чисто религіозныхъ побужденій, въ настоящемъ случаѣ онъ не могъ не руководствоваться и чисто политическими соображеніями. Организациа римскаго общественнаго и государственнаго строя была самымъ внутреннимъ и тѣснымъ образомъ соединена съ преданіями и вѣрованіями политеизма, какъ общенациональной государственной религіи, такъ что императоръ, бывшій вмѣстѣ верховнымъ политическимъ и религіознымъ главою своего государства, долженъ былъ поступать не иначе, какъ Юліанъ, если онъ считалъ за обязанность правителя

¹⁾ Julian. Orat. VII ad Heraclium, de cynica secta p. 204—240.

поддержаніе древнихъ государственныхъ вѣрованій и политическихъ учрежденій.

Далѣе, Юліанъ былъ проникнутъ глубокимъ убѣжденіемъ, что политическое существованіе римской имперіи, ея внутреннее благосостояніе и внѣшнее могущество тѣсно связаны съ государственнымъ культомъ, что съ ослабленіемъ и паденіемъ послѣдняго идетъ рука объ руку внутреннее разложеніе и упадокъ государственнаго организма. Внимательно всматриваясь въ историческія судьбы Рима, сравнивая состояніе римской имперіи въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ съ положеніемъ, въ которомъ она находилась при императорахъ язычникахъ — Траянѣ, Антонинѣ, Маркѣ Авреліѣ и другихъ, Юліанъ видѣлъ, что въ правленіе первыхъ состояніе государства значительно ухудшилось сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, что имперія все болѣе и болѣе клонилась къ своему упадку, между тѣмъ какъ при языческихъ правителяхъ она стояла на высотѣ своего внѣшняго могущества и внутренняго процвѣтанія ¹⁾. Нисколько не вдаваясь въ глубокое изслѣдованіе истинныхъ причинъ, подготовившихъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ разложеніе государственнаго организма Рима, Юліанъ ограничивался тѣмъ, что голословно обвинялъ въ этомъ упадкѣ христіанство, признанное его предшественниками государственною религіею римской имперіи, и въ возвращеніи древнему культу прежняго его значенія видѣлъ единственное средство доставить государству его прежній блескъ и политическое могущество ²⁾. Взглядъ, что христіан-

¹⁾ Julian. Caesares, p. 306—337, ed. Spanheim. Wiggers, Julian der Abtrünnige, ein Verfolger des Christenthums und ein Verfolger d. Christen. См. Zeitschrift für historische Theologie, 1837 г.

²⁾ Julian. Epist. VII ad Artab. p. 376. Сравни. Le Bas. Hist. rom. T. II, p. 416.

ство, признанное Константином Великимъ государственною религіею Рима, только содѣйствовало ослабленію римскаго могущества, и что языческій культъ, напротивъ, заключаетъ въ себѣ всѣ необходимыя условія для возстановленія прежняго блеска имперіи, проводится во многихъ литературныхъ произведеніяхъ Юліана. «Безуміе галилеянъ, говоритъ онъ въ седьмомъ письмѣ своемъ къ Артабію, все ниспровергло и погубило и только чрезъ благоволеніе боговъ всѣ мы спасены» ¹⁾. Тѣже самыя идеи проглядываютъ въ сатирическомъ произведеніи Юліана «Цезари», въ его письмѣ къ жителямъ Александріи ²⁾ и другихъ сочиненіяхъ. Наконецъ, съ міромъ политеизма, съ его завѣтными преданіями и вѣрованіями въ глазахъ Юліана были соединены самыя тѣснѣйшія узы всѣ великія произведенія античнаго генія, къ которымъ онъ питалъ самую безграничную любовь и какое-то благоговѣйное уваженіе ³⁾. Такимъ образомъ съ возстановленіемъ древняго культа, съ возвращеніемъ ему прежняго значенія Юліанъ соединялъ идею возстановленія всѣхъ гуманнхъ началъ, которыми такъ гордилась античная цивилизація и которыя, по его мнѣнію, стали приходить въ упадокъ вслѣдствіе утраты древнею религіею своихъ прежнихъ правъ.

Юліанъ сознавалъ всю важность дѣла, поставленнаго задачею его жизни и политической дѣятельности, и въ тоже время чувствовалъ необходимость для его выполненія поддержки со стороны современнаго ему языческаго общества. Такое содѣйствіе и поддержку онъ надѣялся встрѣтить особенно въ тѣхъ представителяхъ языческой

¹⁾ Julian. Epist. VII ad. Artab. p. 376. *Διὰ γὰρ τὴν Γαλιλαίων μωρίαν, ἐλίου θεῶν, ἅπαντα ἀνετρέψε, διὰ δὲ τὴν θεῶν εὐμένειαν σωζόμεθα πάντες.*

²⁾ Julian. Epist. LXI ad. Alexandr. p. 432—435.

³⁾ Julian. Epist. XLI ad. Alexandr. p. 432—435.

партии, которые, какъ мы уже видѣли, имѣли рѣшительное вліяніе на переѣзду въ душѣ его религіозныхъ убѣжденій¹⁾. Едва только Юліанъ успѣлъ вступить на императорскій престолъ, какъ дворъ его не замедлилъ наполниться софистами, жрецами философами и другими представителями языческой партіи, которыхъ онъ приглашалъ со всѣхъ сторонъ имперіи къ себѣ. Письма императора, относящіяся къ этому времени, содержатъ въ себѣ или приглашеніе кого нибудь изъ риторовъ и философовъ къ своему двору, или выражаютъ чувство скорби по причинѣ медленности ихъ прибытія. Такъ въ одномъ изъ нихъ, выражая сожалѣніе объ отсутствіи Ямвлиха, Юліанъ объясняетъ, что душа его вслѣдствіе этого покрыта киммерійскимъ мракомъ²⁾. Когда однажды отвѣтъ Ливанія на письмо императора запоздалъ на три дня, — этотъ періодъ времени показался послѣднему какъ бы цѣлымъ вѣкомъ. Первыми изъ философовъ и софистовъ удостоились быть приглашенными ко двору императорскому извѣстные уже намъ Хрисаной и Максимъ, имѣвшіе роковое вліяніе на отступничество Юліана и его переходъ къ язычеству. Максимъ весьма охотно принялъ приглашеніе и немедленно отправился въ дорогу. Его путь до самой столицы походилъ болѣе на триумфъ, нежели на путешествіе обыкновеннаго философа. Языческіе жители городовъ Малой Азіи и Греціи повсюду выходили къ нему на встрѣчу, произносили привѣтственные рѣчи и выражали всевозможные знаки уваженія императорскому любимцу³⁾. При вступленіи въ столицу, какъ мы уже видѣли, самъ императоръ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу, бросивъ всѣ государственныя занятія. принималъ

¹⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1. Слово 1 обличит. на царя Юліана стр. 195.

²⁾ Julian. Epist XXXIV p. 405—417.

³⁾ Eunap. Vitae Sophist. p. 476, 477.

его съ распростертыми объятіями и проливалъ радостныя слезы при видѣ своего стараго друга¹⁾. Максимъ не замедлилъ сдѣлаться въ скоромъ времени самымъ приближеннымъ совѣтникомъ Юліана, которому тотъ довѣрялъ всѣ свои завѣтные планы, и пріобрѣлъ надъ нимъ самое безграничное вліяніе. Письма Юліана, адресованныя къ Максиму, очевидно показываютъ, что онъ ни одного изъ своихъ друзей не любилъ такъ сильно и не былъ такъ искренно привязанъ, какъ къ этому философу²⁾. Императоръ сравниваетъ здѣсь свою любовь къ старому наставнику съ любовью Александра Великаго къ пѣснямъ Гомера и признается, что во время отсутствія своего друга онъ находитъ для себя единственную отраду и утѣшеніе въ чтеніи его писемъ³⁾. вмѣстѣ съ Прискомъ Максимъ безотлучно находился при особѣ императора до самой его смерти и сопровождалъ его во время персидскаго похода. Между тѣмъ какъ множество софистовъ и философовъ съ большими удовольствіемъ приняли приглашеніе Юліана и не замедлили явиться къ его двору, только Хрисаней и Ливаній составляли замѣчательное исключеніе въ этомъ отношеніи, хотя императоръ болѣе всего рассчитывалъ на ихъ поддержку и сочувствіе къ своему дѣлу. Первый изъ нихъ не явился въ столицу, будучи устрaшенъ неблагопріятными предзнаменованіями, второй отказался принять императорское приглашеніе неизвѣстно по какой причинѣ. Напрасно Юліанъ употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы убѣдить Хрисанея измѣнить своему намѣренію и явиться въ столицу, — всѣ онѣ оказывались напрасными и не въ состояніи были поколебать твердой рѣшимости философа.

¹⁾ Liban. Orat. Parent. p. 301. Ammian Marcell. XX, 7.

²⁾ Julian. Epist. XV ad. Maxim. Philosoph. p. 383; XVI p. 383—384; XXVIII, p. 414—416.

³⁾ Ibidem.

Отчаявшись видѣть возлѣ себя одного изъ лучшихъ и преданныхъ друзей своихъ, императоръ могъ находить для себя одно утѣшеніе, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что Хрисаней согласился принять на себя должность верховнаго жреца Лидіи и такимъ образомъ могъ оказывать содѣйствіе въ задуманномъ имъ возстановленіи древняго культа.

Юліанъ не щадилъ средствъ для того, чтобы приобрести себѣ расположеніе со стороны языческихъ софистовъ и философовъ, надѣляя ихъ доходами, почетными должностями и выражая къ нимъ другіе знаки своего благоволенія. Такъ онъ назначилъ Ѳемистія префектомъ Константинополя, Ливаній былъ облеченъ квестурою и другими высшими магистратурами¹⁾, Хрисаней получилъ титулъ верховнаго жреца Лидіи. Награждая своимъ довѣріемъ и уваженіемъ языческихъ софистовъ и философовъ и старыхъ друзей своихъ, бывшихъ усердными сторонниками языческой партіи, Юліанъ тѣмъ самымъ думалъ найти въ нихъ самую энергическую поддержку и содѣйствіе въ дѣлѣ задуманнаго имъ плана возстановленія политеизма. Обстоятельства не замедлили показать, какъ легко онъ ошибался въ своихъ расчетахъ, и ему въ самомъ непродолжительномъ времени пришлось испытать самое горькое разочарованіе въ этомъ отношеніи.

Заранѣ увѣренный въ счастливомъ исходѣ своего предпріятія, Юліанъ съ необычайною ревностію приступилъ къ осуществленію своей завѣтной мечты, употребляя для этого всѣ зависящія отъ него средства: какъ верховный политическій глава греко-римскаго міра, онъ издаетъ правительственныя распоряженія, клонившіяся къ возвращенію политеизму его прежняго значенія въ

¹⁾ Liban. Epist. 311.

смыслъ государственной религіи, въ званіи верховнаго первосвященника (*Pontifex maximus*), сосредоточивавшаго въ своихъ рукахъ высшій надзоръ за официальнымъ культомъ имперіи, онъ прилагаетъ съ своей стороны всѣ заботы о возстановленіи послѣдняго въ древнемъ его величіи, стараясь собственнымъ своимъ примѣромъ возбудить къ нему соревнованіе въ своихъ подданныхъ¹⁾, наконецъ, какъ философъ, онъ дѣлаетъ попытку преобразовать политеизмъ на новыхъ началахъ и сообщить такимъ образомъ новую жизнь одряхлѣвшимъ формамъ его существа.

Въ силу правительственныхъ распоряженій, изданныхъ Юліаномъ немедленно по вступленіи своемъ на императорскій престолъ, многіе языческіе храмы, пришедшіе въ запустѣніе и упадокъ, а также разрушенные въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ, особенно находившіеся въ Элевзисѣ и другихъ городахъ Греціи и Малой Азіи, были опять возстановлены въ прежнемъ своемъ видѣ и снабжены богатыми украшеніями; въ нихъ по прежнему стали совершаться жертвоприношенія въ честь языческихъ боговъ вмѣстѣ съ другими религіозными церемоніями и обрядами²⁾. Въ то же время не мало храмовъ, жертвенниковъ и алтарей было построено, по приказанію Юліана, вновь во всѣхъ предѣлахъ римской имперіи. «Религія, замѣчаетъ по этому поводу Ливаній, снова возвратилась изъ своего бѣгства, между тѣмъ какъ одни изъ храмовъ были возобновлены, а другіе выстроены вновь, и въ нихъ были внесены изображенія боговъ. Средства для этого доставлялись людьми, построившими себѣ изъ храмовъ и раз-

¹⁾ Amm. Marcell. XXII, 3; XXV, 4.

²⁾ Amm. Marcell. XXII, 5. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 257. Θεόδωρ. Ц. И. III, 5, стр. 202. Созом. V, III.

валинъ дома» ¹⁾). Въ самомъ Константинополѣ, со времени его обращенія въ столицу имперіи, не выдавшемъ въ своихъ стѣнахъ ни одного языческаго обряда, Юліанъ также построилъ множество языческихъ храмовъ, жертвенниковъ и алтарей, на которыхъ не замедлили явиться безчисленныя жертвы въ честь боговъ. «Нашъ божественный Августъ, говоритъ софистъ Гимерій въ своей рѣчи, обращенной къ константинопольскому населенію, не удовольствовался однимъ только украшеніемъ этого города великолѣпными зданіями, но первый разсѣялъ мракъ, мѣшавшій вамъ свободно поднимать руки ваши къ солнцу и устремлять ваши взоры къ небесамъ. Онъ построилъ множество храмовъ и алтарей и установилъ жертвоприношенія богамъ въ этомъ городѣ, до сихъ поръ не имѣвшемъ ихъ культа» ²⁾). Забота о возстановленіи запустѣлыхъ и разрушенныхъ языческихъ храмовъ, равно какъ и о постройкѣ новыхъ, подъ ближайшимъ наблюденіемъ самого императора, была поручена въ столицѣ особой комиссіи, а въ провинціяхъ возложена на тамошнихъ намѣстниковъ ³⁾). Въ глазахъ Юліана возстановленіе языческихъ храмовъ и алтарей представлялось занятіемъ священнымъ, и потому онъ думалъ допускать къ нему только людей вполне преданныхъ интересамъ древняго культа и притомъ достойнымъ въ нравственномъ отношеніи. Но, кажется, во многихъ случаяхъ подобное требованіе императора оставалось дѣйствительнымъ только на однихъ словахъ и очень часто люди, которымъ было поручено исполненіе императорской воли, далеко не отличались своею нравственною чистотою и безупречною. Впрочемъ всѣ

¹⁾ Liban. Orat. Parent. § 60.

²⁾ Orat. XVII, с. 9. Сравни. Orat. XV, р. 62, 63.

³⁾ Amm. Marcell. XXII, 5.

они дѣйствовали, при выполненіи возложеннаго на нихъ порученія, съ большою ревностію — одни руководствуясь чисто религіозными интересами, другіе съ цѣлью пріобрѣсти чрезъ это вѣрнѣйшимъ и удобнѣйшимъ образомъ благосклонность со стороны императора. Изображенія боговъ и другія принадлежности языческаго культа, вынесенныя изъ храмовъ въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ, были теперь снова возвращены на свои прежнія мѣста въ торжественныхъ процессіяхъ. По случаю возстановленія разрушенныхъ и запустѣвшихъ храмовъ, равно какъ и постройки новыхъ, были совершаемы торжественные праздники, на устройство которыхъ Юліанъ не щадилъ рѣшительно никакихъ издержекъ.

Возстановляя языческіе храмы изъ ихъ развалинъ, новый императоръ дѣйствовалъ не съ такою справедливостію, какъ Константинъ Великій при возстановленіи христіанскихъ церквей, разрушенныхъ во время діоклитіанова гоненія. Послѣдній возстановлялъ христіанскія церкви на собственный счетъ и давалъ должное вознагражденіе тѣмъ изъ язычниковъ, которые законнымъ образомъ были введены во владѣніе землями и другими имуществами, принадлежавшими христіанскимъ храмамъ. Напротивъ, Юліанъ требовалъ возстановленія языческихъ капищъ исключительно на средства тѣхъ изъ вѣрующихъ, которые сами разрушили ихъ въ царствованіе Константина Великаго и его сыновей или даже по слухамъ принимали участіе въ дѣлѣ такого разрушенія.

Въ тѣсной связи съ правительственными распоряженіями Юліана, имѣвшими цѣлью возстановленіе языческихъ храмовъ и алтарей, находились также мѣры его къ возвращенію прежняго государственнаго значенія языческимъ жрецамъ, въ которыхъ онъ видѣлъ однихъ изъ главныхъ дѣятелей при возстановленіи древняго

культы. Въ силу императорскихъ эдиктовъ языческіе жрецы и прочіе храмовые служители опять получили прежнія свои права, привиллегіи и доходы, необходимые для ихъ содержанія и на издержки при совершеніи религіозныхъ обрядовъ ¹⁾).

Наряду съ постройкою новыхъ языческихъ храмовъ, равно какъ съ возстановленіемъ старыхъ, пришедшихъ въ запустѣніе и упадокъ, а также разрушенныхъ въ правленіе первыхъ христіанскихъ императоровъ, Юліанъ въ тоже время прилагалъ не мало заботъ къ возстановленію оракуловъ, значительно оскудѣвшихъ въ его время своимъ количествомъ и притомъ потерявшихъ уже свой прежній авторитетъ въ глазахъ народной массы. Такъ самъ онъ, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, возстановилъ оракулъ Дафнійскаго Аполлона въ Антіохіи и приказалъ очистить тамъ кастальскій источникъ, заваленный каменьями и засыпанный землею по приказанію императора Адріана ²⁾), а его придворный медикъ Орибазій занимался возстановленіемъ дельфійскаго оракула ³⁾). Между тѣмъ какъ оракулы, находившіеся въ восточной половинѣ имперіи, привлекали къ себѣ заботливость со стороны императора, прилагавшаго не мало усилій къ ихъ возстановленію, оракулы запада далеко не пользовались его вниманіемъ въ этомъ отношеніи ⁴⁾). Причина такого замѣчательнаго явленія заключалась съ одной стороны вообще въ нерасположенности восточныхъ римскихъ императоровъ къ западу, а съ другой въ томъ что западные оракулы не пользовались такимъ авторитетомъ въ глазахъ язычниковъ, какъ оракулы Греціи

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 3, стр. 311.

²⁾ Amm. Marcell. XXII, 12.

³⁾ Julian. Epist. XVII ad Oribas. p. 384—386.

⁴⁾ Beugnot. t. 1. p. 205.

и Малой Азіи, и потому не могли рассчитывать на всеобщее уваженіе. Западные оракулы составляли исключительную собственность одного Рима и кредитъ ихъ не распространялся за предѣлы Италіи¹⁾.

Юліанъ питаль особенное уваженіе къ древнимъ общественнымъ формамъ и политическимъ учрежденіямъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на тѣсно связанныя съ древнимъ культомъ и образованіемъ. Паденіе ихъ въ его глазахъ представлялось неизбѣжнымъ результатомъ упадка древней религіи. Отсюда онъ прилагалъ съ своей стороны не мало усилій для того, чтобы опять поставить политеизмъ въ тѣсныя взаимныя отношенія съ государственными учрежденіями и снова возстановить ту связь, которая была порвана между ними со времени признанія христіанства господствующею религіею римской имперіи. Въ тоже время Юліанъ съ большою ревностію старался уничтожить все, что только могло напоминать о прежнемъ государственномъ значеніи христіанства, его связи съ общественными формами и политическими учрежденіями. Крестъ, украшавшій со временъ Константина Великаго государственныя регаліи, медали и монеты, по приказанію императора. былъ на нихъ уничтоженъ и замѣненъ прежними языческими символами и изображеніями языческихъ боговъ — Аполлона, Изиды, Озириса, Сераписа и другихъ. Той же самой участи не замедлило подвергнуться и знаменитое *Labarum*, въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ неразлучно сопутствовавшее римскимъ легіонамъ въ ихъ походахъ противъ непріятелей. «Юліанъ, замѣчаетъ св. Григорій Богословъ по поводу указаннаго распоряженія императора, возстаетъ противъ того великаго знаменія съ изображеніемъ креста, ко-

¹⁾ Ibidem. p. 209.

торое, будучи поднято вверхъ, предводительствовало воинствомъ, почиталось у римлянъ и дѣйствительно было облегченіемъ въ трудахъ, даже можно сказать царствовало надъ прочими знаменами, изъ которыхъ одни украшены изображеніями царей и распростертыми тканями съ различными цвѣтами и письменами, а другія, принимая въ себя вѣтеръ чрезъ страшныя пасти драконовъ, утвержденныхъ на верху копій, раздуваются по изгибамъ, испещреннымъ тканною чешуею, и представляютъ взорамъ пріятное и вмѣстѣ ужасное зрѣлище»¹⁾. На монетахъ и медаляхъ, сохранившихся до нашего времени изъ эпохи Юліана, императоръ изображается всегда съ быкомъ и жертвеннымъ алтаремъ возлѣ него²⁾.

Свои статуи, находящіяся на площадяхъ и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, Юліанъ приказывалъ окружать всегда изображеніями языческихъ боговъ, — особенно, какъ свидѣтельствуетъ Созоменъ, изваяніями Зевса, сходящаго съ неба и подающаго императору символы царскаго достоинства — корону и пурпуръ, равнымъ образомъ Марса, Гермеса и другихъ³⁾. Теперь всякій, проходящій мимо императорскихъ статуй и преклоняющійся предъ ними, по обычаю того времени, по необходимости, долженъ былъ оказывать также честь поставленнымъ рядомъ съ ними изображеніямъ языческихъ боговъ, подвергаясь въ противномъ случаѣ опасности быть обвиненнымъ въ непочтительности къ особѣ императора. «Съ римскими установленіями Юліанъ соединяетъ поклоненіе демонамъ, замѣчаетъ по этому поводу св. Григорій Богословъ. Посему на своихъ изображеніяхъ, рядомъ съ другими

¹⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1. слов. 1 обличит. на царя Юліана, стр. 123.

²⁾ Ducange, Familiae Bysantinae, p. 39.

³⁾ Созом. Ц. И. V, 17, стр. 352.

обыкновенными начертаніями написавъ демоновъ, предлагаетъ такія изображенія народу и городамъ, особенно начальникамъ областей, чтобы зло было вовсе неизбѣжно, чтобы всякій, воздающій честь императору, воздавалъ оную и идоламъ, или уклоняющійся отъ чествованія идоловъ казался оскорбителемъ чести императора, потому что поклоненіе воздавалось совокупное¹⁾). Кромѣ того, въ Египтѣ Юліанъ, по свидѣтельству Созомена, приказалъ возвратить въ храмъ Сераписа священныя знамена и древніе священныя знаки, тогда какъ по повелѣнію Константина Великаго все это было перенесено въ христіанскую церковь²⁾).

Во время раздачи денежныхъ наградъ воинамъ, особенно отличившимся своею храбростію и точностію въ исполненіи предписаній дисциплины, по приказанію императора, предъ нимъ всегда ставился жертвенникъ, на который всякій изъ легіонеровъ, удостоенный пожалованія соотвѣтствующею его заслугамъ наградой, долженъ былъ бросать нѣсколько зеренъ оиміама и такимъ образомъ невольно принимать участіе въ жертвоприношеніи языческимъ богамъ³⁾). Юліанъ убѣждалъ также постоянно своихъ солдатъ, чиновниковъ и простой народъ усердно посѣщать храмы боговъ и принимать участіе въ религіозныхъ церемоніяхъ и процессіяхъ. Въ то же время, въ силу правительственныхъ распоряженій императора, право на занятіе государственныхъ должностей было предоставлено исключительно людямъ, извѣстнымъ своею приверженностію къ древнему культу или по крайней мѣрѣ по своей внѣшности казавшимся усердными языч-

¹⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1. слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 135.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 3, стр. 314.

³⁾ Ibidem, стр. 353. Θεοδορ. Ц. И. III. 16—17, стр. 217—220.

никами ¹⁾. Мало того, самая заботливость о благосостояніи государства, со вступленіемъ на престолъ императора язычника, была поставлена въ зависимость отъ степени приверженности его населенія къ древнему культу. «Я готовъ помочь городу Пессинунту, говоритъ Юліанъ въ письмѣ своемъ къ Арзакію, верховному жрецу Галатіи, но только подѣ условіемъ, если жители его постараются снискать себѣ благоволеніе матери боговъ ²⁾. Если же они не сдѣлаютъ этого, въ такомъ случаѣ навлекутъ на себя мою немилость и я не окажу имъ содѣйствія, такъ какъ съ моимъ званіемъ правителя несогласно оказывать помощь врагамъ боговъ. Итакъ убѣди ихъ, если они хотятъ быть предметомъ моей заботливости, чтобы всѣ они совокупно и съ усердіемъ оказывали уваженіе культу матери боговъ» ³⁾.

Какъ верховный политическій и религіозный глава всего греко-римскаго міра, Юліанъ считалъ своею священною обязанностію заботиться о поддержаніи въ цѣлости всѣхъ существующихъ въ его время культовъ, такъ какъ всѣ они были тѣснымъ образомъ связаны съ государственными учрежденіями и общественными формами. Наконецъ, онъ очень хорошо сознавалъ, какую важную поддержку для язычества доставляла наука и литература древняго міра и потому употреблялъ всѣ зависящія средства къ тому, чтобы содѣйствовать развитію и процвѣтанію послѣднихъ. Въ этихъ соображеніяхъ на должности намѣстниковъ провинцій были назначаемы императоромъ по преимуществу люди образованные и имъ было вмѣнено въ непремѣнную обя-

¹⁾ Твор. Грнгр. Богосл. ч. 1. сл. 1 обличит. на царя Юліана, стр. 151. Julian. Epist. LII, p. 431; Сокр. Ц. И. III, 13, стр. 283. Феодор. Ц. И. III, 8, стр. 206.

²⁾ Цибелы или греч.-Рен. см. Julian. Orat. V ad deorum matrem, p. 158—180.

³⁾ Julian. Epist. XXIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 432.

занность заботиться о распространеніи просвѣщенія во ввѣренныхъ ихъ управленію областяхъ. Особенное удовольствіе находилъ для себя Юліанъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, при вступленіи въ какой либо городъ, префектъ встрѣчалъ его привѣтственною рѣчью, изъ которой было видно знакомство автора съ древнею литературою. Конечно, находилось не мало людей, которые пользовались заботливостью императора о народномъ просвѣщеніи и связанномъ съ нимъ религіозномъ обученіи исключительно для собственныхъ своихъ выгодъ и только обманывали Юліана однимъ наружнымъ принятіемъ философской мантии. Далѣе, съ цѣлью возвысить въ глазахъ общества значеніе врачебной науки. ниспосланной людямъ, по словамъ Юліана, самими богами ¹⁾, всѣ врачи были освобождены отъ личныхъ налоговъ и повинностей. Равнымъ образомъ, въ видахъ содѣйствія развитію музыкальнаго образованія въ государствѣ, въ Александріи, по приказанію Юліана, была основана особая музыкальная школа. Обучающіеся въ ней юноши получали себѣ содержаніе изъ государственной казны и, по окончаніи курса ученія, должны были прилагать свои таланты къ улучшенію языческаго богослуженія и къ приданію ему большей красоты и возвышенности ²⁾.

Такимъ образомъ, со вступленіемъ Юліана на императорскій престолъ взаимныя отношенія язычества и христіанства другъ къ другу существенно измѣнились. Политиизмъ не замедлилъ получить права и привилегіи officialнаго государственнаго культа, между тѣмъ какъ

¹⁾ Juliani lex de medicis. Artem medicam hominibus salutarem esse, usus ipse demonstrat. Quare eam e coelo delapsam non immerito philosophi praedicant. Etenim naturae nostrae infirmitas, et valetudinis offensiones, quae quotidie incidunt, per hanc corriguntur. См. Julian. imp. opera omnia ed. Spanheim. p. 398.

²⁾ Julian. Epist. LVI ad Ecdic. p. 442.

христіанство потеряло свое первенствующее значеніе въ этомъ отношеніи. Мѣсто христіанскаго общества, до сихъ поръ окружавшаго особу императора, заступило теперь языческое. Весь общественный и государственный строй не замедлил также преобразоваться на старый языческій ладъ.

Какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, такъ и въ дѣлѣ предпринятаго возстановленія политеизма, Юліанъ старался подавать примѣръ подданнымъ своею необычайною ревностію и усердіемъ. Подобно своимъ предшественникамъ, принявъ, по вступленіи на императорскій престолъ, титулъ верховнаго жреца (*Pontifex maximus*), какъ верховнаго почетнаго блюстителя и покровителя государственнаго культа имперіи, онъ не ограничивался тѣмъ, чтобы придавать этому званію одинъ формальный характеръ, какъ дѣлали предшествовавшіе императоры, но усвоилъ ему самое реальное значеніе. Обязанности, связанныя съ званіемъ верховнаго первосвященника, представлялись въ глазахъ его самыми благородными и священными, — онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на важнѣйшую принадлежность своей императорской власти и исполнялъ ихъ съ необычайною ревностію и усердіемъ. Чувствуя невозможность, какъ верховный религіозный глава своего государства, имѣть непосредственный надзоръ за языческимъ культомъ со всѣми его разнообразными развѣтвленіями на обширномъ пространствѣ римской имперіи, Юліанъ поручилъ ближайшее заведываніе религіозными дѣлами въ каждой провинціи особенно для того назначеннымъ верховнымъ жрецамъ, которые по своему авторитету и характеру своихъ обязанностей имѣли очень много сходнаго съ христіанскими епископами ¹⁾. Въ высшей степени береж-

¹⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429, 432; Epist. LXIII ad Theod. Pontif. p. 452, 454; Epist. XXI ad Calixen. p. 388.

ливый и расцетливый во всѣхъ другихъ случаяхъ, Юліанъ не щадишь рѣшительно никакихъ издержекъ на совершеніе торжественныхъ жертвоприношеній въ честь языческихъ боговъ, пышныя религіозныя церемоніи, вообще на приданіе древнему культу блестящей внѣшней обстановки и великолѣпія¹⁾. Значительныя денежныя суммы были употребляемы имъ на возстановленіе изъ развалинъ и запустѣнія древнихъ храмовъ и на постройку новыхъ, явившихся теперь въ большомъ числѣ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ греко-римскаго міра. При такихъ обстоятельствахъ въ правленіе императора, соблюдавшаго самую строгую бережливость во всѣхъ государственныхъ расходахъ, крайне скупаго и въ высшей степени нетребовательнаго въ своей частной домашней жизни, издержки на совершеніе общественнаго богослуженія, на религіозныя церемоніи и обряды, поглощали весьма значительную часть государственныхъ доходовъ²⁾. Множество самыхъ рѣдкихъ и дорогихъ птицъ привозилось изъ отдаленнѣйшихъ странъ для закланія ихъ на алтаряхъ въ честь боговъ, нерѣдко цѣлыя гекатомбы быковъ были приносимы Юліаномъ въ жертву за одинъ разъ³⁾. Такая неумѣренная ревность и расточительность императора въ дѣлѣ совершенія обрядовъ языческаго культа казалась странною и возбуждала не мало ироническихъ замѣчаній даже со стороны самихъ язычниковъ, видѣвшихъ въ религіозной ревности его проявленіе болѣе суевѣрія, нежели истиннаго благочестія⁴⁾. Весьма любопытна и характеристична въ этомъ

¹⁾ Amm. Marcell. XXII, 12.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem. Hostiarum sanguine plurimo aras, crebritate nimia perfundebat, tauros aliquoties immolando centenos, et innumeros varii pecoris greges, avesque candidas terra quaesitas et mari.

⁴⁾ Amm. Marcell. XXII, 4. Superstitiosus magis quam sacrorum legittimus observator.

отношеніи народная острота, явившаяся въ Антиохіи во время приготовленій Юліана къ персидскому походу, когда императоръ приносилъ въ жертву богамъ громадное количество быковъ и другихъ животныхъ съ цѣлью умиловитъ боговъ и приобрести ихъ благоволеніе и помощь въ предстоящей борьбѣ съ своими врагами. «Если императоръ возвратится побѣдителемъ изъ своего похода, говорилъ изумленный народъ, то всѣ быки будутъ истреблены на всемъ пространствѣ римской имперіи» ¹⁾.

Все свое время Юліанъ старался дѣлить на служеніе алтарю и государству ²⁾. Такъ какъ многосложныя государственныя занятія не позволяли императору ежедневно посѣщать храмы своей столицы, то, по его приказанію, всѣ сады, окружавшіе дворецъ, были превращены въ родъ пантеона и тамъ было поставлено множество алтарей въ честь различныхъ боговъ. Равнымъ образомъ всѣ императорскіе покои не замедлили наполниться изваяніями боговъ и богинь и посвященными имъ жертвенниками. Въ передней своего дворца Юліанъ поставилъ статую Фортуны, какъ покровительницы столицы, а во внутреннихъ покояхъ его приказалъ построить небольшой храмъ въ честь Геліуса, своего особаго защитника и покровителя ³⁾. Не смотря на глубоко уваженіе, питаемое ко всѣмъ греко-римскимъ богамъ, императоръ оказывалъ особенное благоговѣніе къ этому божеству, съ самаго дѣтства привлекавшему къ себѣ сильнѣйшія

¹⁾ Ibidem. Innumeras sine parcimonia pecudes mactans: ut aestimaretur, si revertisset de Parthis, boves jam defuturos.

²⁾ Liban. Orat. de ulcisc. Juliani nece § 22. Οὗτος γὰρ ἐστὶν ὁ μερίσας αὐτοῦ τὸν βίον εἰς τε τὰς ὑπὲρ τῶν ὅλων βουλάς, εἰς τε τὰς περὶ βωμῶν διατριβάς. Сравни. Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 298, гдѣ императоръ прямо причисляетъ себя къ жрецамъ и выражается «πρίπι ἡμῖν».

³⁾ Julian. Orat. IV in regem Solem, p. 130—158. Orat. VII ad Heraculum, de cynica secta, p. 204—240.

симпатіи съ его стороны¹⁾. Ежедневно Юліанъ съ необычайнымъ усердіемъ совершалъ жертвоприношенія въ своемъ саду въ честь различныхъ боговъ, имѣющихъ тамъ свои алтари. Всякое утро онъ привѣтствовалъ восходящее солнце жертвою быка, другой быкъ былъ закалаемъ немедленно же послѣ того, какъ солнце скрывалось за горизонтомъ. Въ то же время луна, звѣзды и ночные геніи точно также получали отъ него соотвѣтствующую имъ честь и уваженіе. Юліану были очень хорошо извѣстны всѣ языческіе праздники, совершаемые въ предѣлахъ тогдашняго греко-римскаго міра и время ихъ совершенія, онъ очень хорошо также зналъ всѣ національные и мѣстные религіозные обряды и обычаи. Изъ его вниманія не ускользали знаки почтенія, воздаваемые тѣмъ или другимъ богамъ,—онъ очень хорошо зналъ, предъ какимъ изъ нихъ должно падать ницъ, у котораго слѣдовало цѣловать ноги и воздавать другіе знаки религіознаго почтенія. Въ торжественные праздники Юліанъ аккуратно посѣщалъ храмы столицы и съ большою ревностію совершалъ въ нихъ жертвоприношенія въ честь того или другаго божества, которому они были посвящены, стараясь въ этихъ случаяхъ примѣромъ собственнаго усердія внушить жрецамъ и народу тотъ сильный энтузіазмъ къ древнему культу и ту необыкновенную точность въ исполненіи религіозныхъ обязанностей, которыми самъ онъ былъ проникнутъ.

При совершеніи торжественныхъ жертвоприношеній Юліанъ не гнушался, а напротивъ гордился самымъ внимательнымъ исполненіемъ такихъ обязанностей, которыя далеко не соотвѣтствовали его званію всесильнаго властелина судебъ греко-римскаго міра и скорѣе

¹⁾ Julian. Orat. IV in regem Solem, p. 130—158. Orat. VII ad Heraculum, de cynica secta, p. 204—240.

были свойственны низшимъ храмовымъ служителямъ. По свидѣтельству Ливанія, любимымъ занятіемъ императора, окруженнаго въ такихъ случаяхъ толпою жрецовъ, жрицъ и низшихъ храмовыхъ прислужниковъ, было носить дрова, зажигать и тушить огонь, убивать священнымъ ножомъ жертвенныхъ животныхъ ¹⁾). Изумленный народъ постоянно видѣлъ своего императора, окровавленными руками рывшагося во внутренностяхъ жертвенныхъ животныхъ, вынимавшаго оттуда сердце и печень и съ полнымъ искусствомъ настоящаго гаруспекса старающагося узнать по нимъ о ходѣ будущихъ предпріятій и волю боговъ ²⁾). Казалось не было ни одной жертвы, приносимой въ предѣлахъ римской имперіи, которая бы была неизвѣстна Юліану и которую бы онъ не успѣлъ совершить хоть однажды во время своего кратковременнаго царствованія. Среди сильныхъ дождевыхъ ливней нерѣдко можно было встрѣтить императора распростертымъ предъ изваяніями своихъ боговъ, между тѣмъ какъ окружавшій его народъ и жрецы искали себѣ защиты подъ портиками и колоннадами общественныхъ зданій. При посѣщеніи храмовъ и во время совершенія религіозныхъ процессій, по свидѣтельству Ливанія, никакой путь не казался ему далекимъ и никакой зной утомительнымъ ³⁾).

Въ своей религіозной ревности Юліанъ не ограничивался однимъ только внѣшнимъ возстановленіемъ древняго культа и возвращеніемъ ему прежняго государственнаго значенія. Для него было понятно, что

¹⁾ Julian. Epist. LXII, p. 343 Misopog. p. 346. Liban. Orat.. Parent. § 66 sqq. De ulcisc. Juliani necesse § 22. Orat. Consulat. ad Julian. p. 245—246.

²⁾ Ibidem. Amm. Marcell. XXII, 16. Твор. Григ. Бор. ч. 1. Слово 1 облич. на царя Юліана, стр. 116.

³⁾ Liban. Orat. Consulat. ad Julian. p. 245—246.

одинъ внѣшній культъ имѣетъ значеніе только для народной массы, поставляющей сущность религіи въ механическомъ соблюденіи однихъ обрядовыхъ формъ послѣдней, но не можетъ удовлетворять потребностямъ образованныхъ классовъ современнаго ему языческаго общества, какъ и всегда, вообще довольно скептически относившихся къ народной религіи. Самъ Юліанъ, не смотря на всю свою необычайную ревность и усердіе въ дѣлѣ возстановленія языческихъ обрядовъ и церемоній, не имѣлъ особенныхъ симпатій къ грубому вулгарному политеизму, господствовавшему среди народной массы, но скорѣе былъ жаркимъ почитателемъ и приверженцемъ политеизма, очищеннаго и одухотвореннаго неоплатониками. Подъ вліяніемъ своихъ неоплатоническихъ воззрѣній онъ не могъ не сознавать, что политеизмъ заключалъ въ себѣ не мало элѣментовъ, противныхъ здравому смыслу, способныхъ только возбуждать различныя недоумѣнія и сомнѣнія людей образованныхъ и навлекать нападенія со стороны христіанъ. Особенно мѣологическая сторона политеизма съ ея нелѣпыми баснями и сказками не могла не обращать на себя вниманія Юліана и заставляла глубоко призадуматься надъ устраненіемъ ея недостатковъ. Въ тоже время отъ взора императора не укрылось, что языческое ученіе о многихъ богахъ даетъ въ руки христіанъ самое сильное оружіе для нападеній на языческую теологію.

Выходя изъ указанныхъ соображеній, Юліанъ считалъ совершенно необходимымъ не столько возстановлять политеизмъ въ прежнемъ его видѣ и возвратитъ ему прежнее его значеніе, сколько преобразовать его на новыхъ началахъ, чтобы, сохранивши неприкосновенными его формы, освященныя древностію, возвести ихъ къ болѣе логическому значенію, очистить мѣологическую сторону политеизма отъ многихъ нелѣпостей и придать мѣамъ

болѣе возвышенный смыслъ при помощи аллегорическаго метода толкованія. Далѣе, онъ постарался употребить съ своей стороны всѣ усилія для того, чтобы преобразованному имъ политеизму придать характеръ универсальной религіи въ параллель и противовѣсъ христіанству, доказать законность и совершенную необходимость его существованія. Наконецъ, самая внѣшняя сторона языческаго культа не ускользнула изъ вниманія его реноватора, который въ свою очередь также пытался осмыслить и утвердить законность ея существованія на новыхъ началахъ. Такимъ образомъ Юліанъ является на тронѣ римскихъ цезарей не столько возстановителемъ древняго культа, сколько его реформаторомъ, создателемъ новой религіозной системы, которую онъ хотѣлъ сдѣлать нормою вѣры для всѣхъ обитателей греко - римскаго міра. Свои воззрѣнія, которыми Юліанъ руководствовался при реформѣ современнаго ему язычества, онъ старался проводить частію при посредствѣ собственныхъ своихъ сочиненій, произносимыхъ имъ нерѣдко публично по случаю какихъ нибудь особенныхъ праздниковъ ¹⁾, частію при помощи поученій, которыя, по его приказанію, языческіе жрецы обязаны были говорить къ народу въ храмахъ и въ которыхъ они должны были объяснять религіозно - нравственное значеніе мифовъ, равно какъ смыслъ языческихъ церемоній и обрядовъ ²⁾).

Политеизмъ Юліана не былъ простымъ натурализмомъ, какой встрѣчается въ теогоніяхъ Гезіода и Гомера, но представляетъ собою скорѣе неоплатонически-

¹⁾ Julian. Orat. IV in regem Solem, p. 130 — 158. Orat. V in deorum matrem, p. 158 — 180. Orat. VII ad Heraclium, de cynica secta, p. 204—240.

²⁾ Твор. Григ. Бог. ч. 1. Слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 165. Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348.

пантеистическій эклектизмъ, философски - космогоническую, физико-астрономическую систему, странную смѣсь поэзіи, философіи, суевѣрія и христіанскихъ элементовъ. Въ своей теологической системѣ Юліанъ пытается главнымъ образомъ отыскать высшее единство среди множества абстрактныхъ боговъ, геніевъ, героевъ и силъ природы, осмыслить и одухотворить мифологию посредствомъ соединенія ея съ восточными теософемами и нѣкоторыми христіанскими идеями. При ближайшемъ знакомствѣ съ этою системою нельзя не придти къ убѣжденію, что она образовалась подъ вліяніемъ стремленія поставить внутреннее откровеніе божества въ тѣсную связь съ древними религіозными преданіями, мифами и отечественнымъ культомъ и усвоить послѣднему животворный духъ первыхъ, а имъ въ свою очередь придать освященіе чрезъ глубокую древность, равно какъ характеръ универсальности для всѣхъ націй¹⁾.

Теологическія воззрѣнія Юліана могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ, на сколько можно судить о нихъ на основаніи сохранившихся до нашего времени отрывковъ полемико-религіознаго произведенія императора «противъ христіанъ» (*κατὰ τῶν χριστιανῶν*), и другихъ его сочиненій. Согласно съ неоплатониками, Юліанъ признаетъ существованіе въ мірѣ единого, все-совершеннаго вѣчнаго Отца и Царя всего міра и всѣхъ людей. Его можно назвать Верховнымъ Разумомъ, Благомъ, Первоосновою всякаго бытія, — онъ есть принципъ единства, красоты, совершенства и безконечнаго могущества для всего существующаго²⁾. Въ этомъ Верховномъ Божествѣ, по словамъ Юліана, не различается

¹⁾ Julian. Orat. IV in regem Solem, p. 139 — 158. Orat. V in deorum matrem, p. 158 — 180. Orat. VI adversos imperitos canes, p. 180.

²⁾ Julian. Orat. IV in regem Solem, p. 132.

бытіе, сила и дѣйствіе. Имѣя бытіе чрезъ себя самого и въ себѣ самомъ, не чувствуя ни недостатка, ни желанія, оно существуетъ и знаетъ себя вполнѣ, — оно любитъ себя въ полнотѣ этого бытія и хочетъ быть тѣмъ, что оно есть. Его воля дѣйствительна сама чрезъ себя, — она не встрѣчаетъ никакихъ препятствій, никакихъ ограниченій и потому не употребляетъ никакихъ усилий. Вся жизнь міра рядомъ эманаций истекаетъ изъ этого Верховнаго Божества, которое, будучи по самому существу своему божествомъ и жизнію, безпрестанно творитъ и обновляетъ міръ, даетъ ему субстанцію, форму, движеніе и жизнь. Но, истекая изъ Верховнаго Существа, какъ своего Первоисточника, все живое въ тоже самое время постоянно возвращается къ своему началу, потому что если бы Первосубстанція постоянно все изъ себя только производила, не поглощая опять произведеннаго, она необходимо уменьшилась бы и истопилась. Такимъ образомъ, весь видимый міръ, по словамъ Юліана, есть ничто, бытіемъ своимъ и всѣми формами этого бытія онъ держится исключительно на Первосуществѣ. Но такъ какъ въ природѣ нѣтъ пробѣловъ, но существуетъ самая строгая постепенность и послѣдовательность, равно какъ и внутренняя связь явленій между собою, то вліяніе Первобытія достигаетъ до чувственнаго міра только чрезъ рядъ посредствующихъ божествъ. При такихъ условіяхъ Верховное Божество какъ бы чрезъ размноженіе въ своемъ существѣ производитъ изъ себя божественную жизнь, первую ступень бытія, совершенно отрѣшонную отъ всего естественнаго и временнаго. Это первый классъ высшихъ боговъ, которымъ Юліанъ усволяетъ названіе θεοὶ νοητοὶ ¹⁾. За ними слѣдуютъ творящія, неограниченныя пространствомъ и временемъ, образующія и управляющія естественнымъ мі-

¹⁾ Julian. Orat. IV in regem Solem, p. 139.

ромъ божества — такъ называемые Юліаномъ θεοὶ ποιεοὶ¹⁾. Они дѣйствуютъ на матеріальный, подверженный вѣчному измѣненію міръ чрезъ свои вѣчные живые образы — небесныя свѣтила θεοὶ ἀισθητοί, отражающія и проявляющія ихъ дѣятельность въ чувственномъ мірѣ.

Замѣчательное явленіе въ религіозной системѣ Юліана представляетъ его теорія такъ называемыхъ національных боговъ (ἐθνάρχα καὶ πολιοῦχοι θεοί). Если въ большинствѣ случаевъ его религіозныя воззрѣнія находятся въ непосредственной зависимости отъ вліянія неоплатоническихъ и христіанскихъ идей, то въ своемъ объясненіи дѣйствительнаго бытія національных боговъ онъ является вполне самостоятельнымъ религіознымъ мыслителемъ. Национальнымъ богамъ, по словамъ Юліана, поручены Верховнымъ Существомъ въ управленіе отдѣльные народы и города и отъ нихъ по этому случаю находятся въ тѣсной зависимости свойства и особенности управляемыхъ имъ націй. «Мы признаемъ, говоритъ Юліанъ, бытіе общаго Царя всѣхъ, но рядомъ съ нимъ допускаемъ еще національных боговъ, изъ которыхъ каждый управляетъ своею особенною областію. Правда, творецъ міра есть общій Отецъ и Царь всего, но отдѣльные народы онъ отдалъ въ управленіе подчиненнымъ ему національнымъ и городскимъ богамъ, изъ которыхъ каждый управляетъ соотвѣтствующимъ образомъ данною ему областію. Между тѣмъ какъ въ общемъ Отцѣ все совершенно и едино, въ отдѣльныхъ божествахъ преобладаетъ та или другая сила, вслѣдствіе чего, напр., Аресъ управляетъ военными дѣлами народовъ, Аѳина завѣдуетъ военными совѣтами, Гермесъ распоряжается тѣмъ, что требуетъ болѣе хитрости, нежели ловкости и отважности»²⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Julian. ap. Cyrill. IV, 148. Οἱ κοινὸν μὲν ἔχειον ὑπολαμβάνοντες πάντων

Въ доказательство дѣйствительнаго существованія національныхъ боговъ Юліанъ ссылается на различіе свойствъ и особенностей народовъ и племенъ, которое, какъ онъ думаетъ, происходитъ ни отъ какихъ другихъ причинъ, какъ отъ природы управляющихъ ими боговъ, потому что всякая нація въ своемъ характерѣ неминуемо отражаетъ типичныя свойства и особенности послѣднихъ. «Отсюда, по словамъ Юліана, становится понятнымъ, почему кельты и германцы отличаются большою храбростію и смѣлостію, греки и римляне образованны и цивилизованны, предпочтительно предъ всѣми другими націями имѣютъ наклонность къ занятіямъ государственными дѣлами, въ то же время отличаются мужествомъ и воинственнымъ духомъ, почему египтяне осторожны и разсудительны, сирійцы не воинственны и изнѣжены, но при этомъ даровиты, подвижны и съ быстрою силою пониманія»¹⁾. Указанное разнообразіе въ характерѣ различныхъ народовъ, говоритъ Юліанъ, нельзя считать за нѣчто случайное, но скорѣе справедливо признавать за неизмѣнное, потому что иначе придется отрицать существованіе въ мірѣ управляющаго имъ Провидѣнія²⁾. Но если такое различіе имѣетъ свою опредѣленную причину, то она должна необходимо заключаться въ отдѣльныхъ богахъ, управляющихъ тѣмъ или другимъ на-

δεσπότην, ἐθνάρχας δὲ ἄλλους, οἱ τυγχάνουσι μὲν ὑπ' ἐκείνου, εἰσὶ δὲ ὡς περ ὑπαρχοὶ βασιλέως, ἕκαστος τὴν ἑαυτοῦ διαφερόντως ἐπανορθούμενος φροντίδα. Ibidem, p. 115. Οἱ γὰρ ἡμέτεροὶ φασὶ τὸν δημιουργὸν πάντων μὲν εἶναι κοινὸν πατέρα καὶ βασιλέα, νεμεῖσθαι δὲ τὰ λοιπὰ τῶν ἐθνῶν ὑπ' αὐτοῦ ἐθνάρχαις καὶ πολιούχοις θεοῖς, ὧν ἕκαστος ἐπιτροπεύει τὴν ἑαυτοῦ λῆξιν οἰκείως αὐτῷ. 'Επειδὴ γὰρ ἐν μὲν τῷ πατρὶ πάντα τέλεια καὶ ἦν πάντα, ἐν δὲ τοῖς μεριστοῖς ἄλλη παρ' ἄλλῳ κρατεῖ δύναμις. Ἀρῆς μὲν ἐπιτροπεύει τὰ πολεμικὰ τῶν ἐθνῶν, Ἀθηνᾶ δὲ τὰ μετὰ φρονήσεως πολεμικὰ. Ἑρμῆς δὲ τὰ συνετώτερα μᾶλλον ἢ τολμυρότερα, καὶ καὶ ἑκάστην οὐσίαν τῶν οἰκείων θεῶν ἐπεταὶ καὶ τὰ ἐπιτροπευόμενα παρὰ σφῶν ἐθνη.

¹⁾ Julian. ap. Cyrill. IV, p. 115—116.

²⁾ Ibidem. p. 115.

родомъ. Мало того, признаніе существованія многихъ національныхъ боговъ, по словамъ Юліана, при разнообразіи въ нравахъ и учрежденіяхъ народовъ объясняетъ откуда можетъ произойти такое различіе. «Если бы Верховное Существо, говоритъ онъ, не поставило надъ каждымъ народомъ особаго бога, генія или ангела, ему подчиненнаго и отъ него зависимаго, то откуда происходитъ различіе въ законахъ и обычаяхъ народовъ и какая другая причина могла произвести его»¹⁾? Самые законы, управляющіе народами, думаетъ Юліанъ, насколько не содѣйствуютъ развитію особенностей народнаго характера, но только служатъ выраженіемъ его различія и составлены примѣнительно свойствамъ и особенностямъ народовъ, зависящимъ отъ природы управляющихъ ими національныхъ боговъ. Народы, прилагающіе большую заботливость о развитіи своего образованія, говоритъ онъ, имѣютъ гуманные законы, между тѣмъ какъ націи, природныя свойства которыхъ не располагаютъ къ этому, владѣютъ законами суровыми и неумолимыми. Отсюда законодатели своими учрежденіями въ состояніи бываютъ произвести лишь немного измѣненій, не согласныхъ съ характеромъ народа и его обычаями²⁾.

Исключительно только отъ характера національныхъ божествъ, по словамъ Юліана, происходитъ различіе въ политическихъ, нравственныхъ и юридическихъ учрежденіяхъ народовъ³⁾. «Кто изъ грековъ и римлянъ, говоритъ онъ, не считаетъ за тяжкое преступленіе имѣть связь съ своею матерью, сестрою или дочерью, между тѣмъ какъ персы считаютъ все это совершенно

¹⁾ Ibidem. p. 137—138.

²⁾ Julian. ap. Cyrill. IV, p. 115. Οἱ νομοθέται μικρὰ ταῖς φύσεσι καὶ ταῖς ἀντιθεσίᾳ διὰ τῆς ἀγωγῆς προσέθεσαν.

³⁾ Ibidem.

дозволеннымъ. Долженъ ли я коснуться частныхъ, какъ любви германцевъ къ своей свободѣ и ихъ отвращенія къ рабству, смиреннаго и покорнаго существа сирійцевъ, персовъ, парянъ и другихъ восточныхъ народовъ, которые находятъ для себя удовольствіе въ деснотической формѣ правленія¹⁾? Равнымъ образомъ, между западными народами не легко можно встрѣтить людей, которые были бы способны къ занятію философіей, геометріею и другими науками, исключая очень немногихъ, хотя они давно уже находятся подъ властью римлянъ. Самые талантливые между ними занимались лишь немного свѣдѣній изъ діалектики и краснорѣчія, будучи не въ состояніи постигнуть въ совершенной степени ни одной изъ этихъ наукъ. Если бы Верховное Существо хотѣло привести всѣ народы въ одно великое цѣлое, то мы видѣли бы слѣды этого намѣренія въ твореніи — оно дало бы людямъ одинаковую природу и одинъ образъ жизни. Но наши языки различны, какъ рѣзко различаемся мы другъ отъ друга и по своему типу. Скины и германцы нисколько не похожи на эіюплянъ и ливійцевъ по своему типу и условіямъ физической жизни. Человѣкъ не въ состояніи измѣнить того, что однажды навсегда опредѣлено природою. Римская имперія заключаетъ въ себѣ множество народовъ съ самыми разнообразными характерами. Чтоже? Успѣли ли ея законодательство и администрація сгладить такое различіе?»²⁾ Изъ той идеи, что каждый народъ управляется особымъ національнымъ божествомъ, соотвѣтственно природѣ котораго онъ имѣетъ сообразные законы и политическія учрежденія, Юліанъ старается вывести святость древнихъ религіозныхъ учреж-

¹⁾ Ibidem. VI, p. 137—138.

²⁾ Julian. ap. Cyrill. IV, p. 131.

деній и традицій, такъ какъ всѣ онѣ обязаны самимъ происхожденіемъ богамъ. «Я избѣгаю, пишетъ онъ къ верховному жрецу провинціи Азіи — Θεόδору, нововведеній во всемъ, особенно же въ томъ, что имѣетъ отношеніе къ богамъ, и потому я думаю, что отечественные законы должны быть въ точности соблюдаемы, такъ какъ извѣстно, что они даны самими богами. Они не были бы прекрасны, если бы происходили только отъ людей»¹⁾).

Нельзя не видѣть, что изложенное ученіе Юліана о Верховномъ Существѣ и его отношеніи къ низшимъ божествамъ составляло любимый предметъ въ доктринѣ послѣдователей неоплатонической школы, но никто изъ нихъ не развивалъ его съ такимъ усердіемъ и не пытался доказать справедливость его такимъ образомъ, какъ Юліанъ. Особенно теорія послѣдняго о существованіи національныхъ боговъ, ихъ отношеніи къ Верховному Существу и управляемому ими міру должна заслуживать вниманіе со стороны изслѣдователя по своей оригинальности. Этой теоріи нельзя встрѣтить въ ученіи другихъ неоплатониковъ и она впервые придумана Юліаномъ для той цѣли, чтобы при посредствѣ ея объяснить и доказать не только возможность, но и положительную необходимость существованія многихъ боговъ.

Такимъ образомъ, по взгляду Юліана, распространяется божественная жизнь въ своемъ вѣчномъ процессѣ отъ высшихъ ступеней бытія до самыхъ низшихъ формъ его чрезъ посредствующіе члены. Кромѣ указанныхъ высшихъ божествъ, по словамъ Юліана, существуетъ еще множество низшихъ боговъ, героевъ, геніевъ, демоновъ и другихъ. Посредникомъ между всѣми ими и чув-

¹⁾ Julian. Epist. LXIII ad Theod. Pontif. Asiae, p. 452 — 454. Φεύγω τὴν καινοτομίαν ἐν ᾧ παντὶ μὲν, ὡς ἔπος εἰπεῖν, ἰδίᾳ δὲ ἐν τοῖς πρὸς τοὺς Θεοὺς οἰόμενος χρῆναι ἀν πατέροισι ἐξ ἀρχῆς φυλάττεσθαι νόμους, οὓς ὅτι μὲν ἴδωσαν οἱ Θεοὶ, φανερόν, οὐ γὰρ ἦσαν οὕτω καλοὶ, παρὰ ἀνθρώπων ἀπλῶς γινόμενοι.

ственнымъ міромъ съ одной стороны, и Верховнымъ Существомъ съ другой, въ религіозной системѣ Юліана занимаетъ богъ Геліосъ, который, какъ намъ уже извѣстно, пользовался весьма большимъ почетомъ и уваженіемъ императора, построившаго ему храмъ въ своемъ дворцѣ и ежедневно совершавшаго въ честь его жертвоприношенія. Въ своемъ гимнѣ, обращенномъ къ царю Геліосу ¹⁾, Юліанъ увѣряетъ, что еще съ самаго ранняго дѣтства солнечный свѣтъ привлекалъ къ себѣ въ сильнѣйшей степени его симпатіи, и что еще въ то время онъ уже чувствовалъ какое-то невольное влеченіе къ своему любимому божеству ²⁾. По словамъ Юліана, Геліосъ непосредственно рожденъ самимъ Верховнымъ Божествомъ и во всемъ подобенъ ему по своему существу ³⁾. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, адресованномъ къ жителямъ Александріи, Юліанъ называетъ Геліоса живымъ, одушевленнымъ и благодѣтельнымъ образомъ Верховнаго Отца ⁴⁾. Онъ также Верховный Отецъ и Царь всего міра и всѣхъ людей, первопричина, красота всякой жизни, центральный пунктъ всего универсума, въ которомъ соединяются и замыкаются всѣ силы и принципы какъ сверхчувственного, такъ и чувственного міра ⁵⁾. Свою дѣятельность въ послѣднемъ Геліосъ являетъ чрезъ видимое солнце, служащее отраженіемъ его существа.

Какъ посреднику между Верховнымъ Божествомъ и низшими богами, Юліанъ усваиваетъ Геліосу всѣ атри-

¹⁾ Julian. Orat. IV in regem Solem, p. 130—158.

²⁾ Ibidem. Ἐντέθηκα μοι θεινός ἐκ παιδῶν τῶν αὐτῶν τοῦ Θεοῦ πόθος καὶ πρὸς τὸ φῶς οὕτω δὴ τὸ αἰθέριον ἐκ παιδαρίου κομιδῇ τὴν διάνοιαν ἐξιστάμεν.

³⁾ Julian. Orat. IV in regem Solem, p. 132... κατὰ τὴν αὐτῇ μένουσα πρωτουργὸν οὐσίαν, μέσον ἐκ μέσων τῶν νοερῶν καὶ δημιουργικῶν αἰτιῶν ἥλιον Θεὸν μέγιστον ἀνέφηρην ἐξ ἑαυτοῦ πάντα ὅμοιον ἑαυτῷ.

⁴⁾ Julian. Epist. LI ad Alexandr. p. 434... τὸν μέγαν Ἥλιον τὸ ζῶν ἄγαλμα καὶ ἐμφύχον καὶ ἰνουν καὶ ἀγαθοεργὸν τοῦ νοητοῦ πατρὸς.

⁵⁾ Julian. Orat. IV in regem Solem, p. 132.

буты послѣднихъ, мало того выражаетъ даже мысль о полнѣйшемъ тождествѣ всѣхъ боговъ съ нимъ по своему существу. Отъ него не различаются ни Зевсъ, ни Аполлонъ ¹⁾, съ нимъ тождественъ Сераписъ, Прометей и другіе боги, наполняющіе небо ²⁾. Равнымъ образомъ, Аѳина-Паллада, по словамъ Юліана, рождается не изъ головы Зевса, но Геліоса, отъ котораго также происходитъ Асклепій, Афродита, музы, граціи и другія божества. Являясь въ нравственномъ отношеніи виновникомъ всякаго блага, въ политическомъ значеніи Геліосъ, въ глазахъ Юліана, представляется верховнымъ распорядителемъ судебъ римскаго народа. По его словамъ, Ромуль, боготворимый потомствомъ подъ именемъ Квирина, происходилъ не отъ одного Марса, но и отъ Геліоса, который, при содѣйствіи Аѳины, даровалъ душу сыну Реи Сильвіи. Далѣе Юліанъ поставляетъ въ связь къ культѣ Геліоса существованіе въ Римѣ института весталокъ, поддерживавшихъ священный огонь на очагѣ Весты, равно и тотъ фактъ, что римляне и египтяне считаютъ дни и годы соотвѣтственно движенію солнца. Наконецъ, въ культѣ Геліоса Юліанъ видитъ близкое родство съ служеніемъ Мѣры и находитъ здѣсь удобный пунктъ для взаимнаго соединенія греко-римскаго и оріентальнаго культовъ, такъ какъ оба они, по его словамъ, должны признавать Геліоса верховнымъ владыкою вселенной.

Нельзя не видѣть въ этомъ примиреніи попытку Юліана возбудить съ одной стороны въ грекахъ и римлянахъ, а съ другой въ восточныхъ народахъ мысль о родствѣ и единствѣ ихъ религіозныхъ системъ и о

¹⁾ Ibidem, p. 149. Ὑπὸ Αἰὸς — ὅσπερ ἐστὶν ὁ αὐτὸς Ἥλιος. — Ἀπόλλωνι, τῷ νομιζομένῳ μηδὲν Ἥλιου διαφέρειν.

²⁾ Ibidem, p. 157. Ὁ βασιλεὺς τῶν ὅλων Ἥλιος — τὸν οὐρανὸν σύμπαντα πληρώσας τοσοῦτον θεῶν, ὅπως αὐτὸς ἐν ἑαυτῷ νοερῶς ἔχει, περὶ αὐτὸν ἀμυριστως πληθυνομένον καὶ ἐνοειδῶς ᾧ τῷ συνηνωμένῳ.

слияніи ихъ культа въ одну общую міровую религію, которая могла бы удовлетворить потребностямъ всего человечества и вмѣстѣ съ тѣмъ служить противовѣсомъ универсальности христіанства. Той же самой цѣли — слиянія между собою греко-римскаго и оріентальнаго культовъ Юліанъ пытался достигнуть своимъ ученіемъ о матери боговъ¹⁾), которую греки и римляне почитали какъ Рею, а восточные народы подъ именемъ Цибелы. Юліанъ соединяетъ это женское божество брачными узами съ Геліосомъ вмѣсто Кроноса, котораго бы не приняли въ свой пантеонъ восточные народы, какъ пожирающаго собственныхъ дѣтей. Онъ видитъ въ ней общую мать всѣхъ боговъ и богинь и такимъ образомъ старается окончательно объединить между собою религіозныя вѣрованія народовъ востока и запада²⁾). Съ цѣлью расположить грековъ и римлянъ къ принятію культа чужеземной богини, Юліанъ ссылается на множество разныхъ знаменій и чудесъ, совершенныхъ этой богиней во время перенесенія статуи изъ Пессинунта въ Римъ въ эпоху 2-й пунической войны.

Послѣ Геліоса и Цибелы немаловажнымъ значеніемъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Юліана пользуется восточное божество — Миера, которому онъ оказывалъ большое уваженіе. Въ сатирическомъ произведеніи Юліана «Цезари» Гермесь говоритъ императору: «я доставилъ тебѣ понятіе о великомъ Миерѣ и потому ты долженъ содержать его заповѣди и вести себя такъ, чтобы во все продолженіе своей жизни ты находилъ въ немъ свою защиту и убѣжище»³⁾). Вслѣдствіе своихъ симпатій къ александрійской школѣ, Юліанъ относился также съ

¹⁾ Julian. Orat. V in deorum matrem. p. 158—180.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Julian. Caesares, p. 356.

большимъ уваженіемъ къ египетскимъ божествамъ. Большинство медалей и монетъ, дошедшихъ до насъ отъ этого императора, покрыты изображеніями Озириса и Изиды, Изиды и Горуса, Сераписа, Анубиса и другихъ египетскихъ божествъ. Сохранилась также до нашего времени медаль, выбитая въ царствованіе Юліана, на которой видно изображеніе Изиды, сидящей на колесницѣ, что обозначаетъ родъ почета, назначеннаго національнымъ богамъ Рима. Указанное изображеніе даетъ поводъ къ заключенію, что Юліанъ ставилъ Изиду въ число божествъ — верховныхъ правителей и покровителей государства. Извѣстно также, что свои клятвы, даваемые при различныхъ случаяхъ, Юліанъ произносилъ всегда именемъ Сераписа ¹⁾).

Пытаясь объединить въ своей религіозной системѣ вѣрованія востока и запада между собою въ тѣхъ видахъ, чтобы изъ всего этого создать одну общую религію для всего тогдашняго міра, Юліанъ въ этомъ случаѣ становится въ замѣчательныя отношенія къ іудейству. При всѣхъ своихъ нападеніяхъ на іудейство, не смотря на глубокое презрѣніе, питаемое къ евреямъ во всѣ времена со стороны язычниковъ, не смотря на то, что самъ Юліанъ находилъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не мало различныхъ несообразностей въ ветхозавѣтномъ откровеніи, онъ былъ проникнутъ большимъ уваженіемъ къ іудейскому Іеговѣ.

Стараясь включить іудейство въ свою универсальную религію, Юліанъ приводитъ довольно оригинальную мысль о сходствѣ и согласіи религіозныхъ учрежденій іудейства съ учрежденіями языческихъ религій. Такъ какъ религія іудеевъ отличалась древностію своего происхожденія и въ ней, подобно другимъ національнымъ религіямъ, былъ чув-

¹⁾ Julian Epist. VI, p. 376. Ὁμνῶμι δὲ τὸν μέγαν Σέραπιν.

ственный культъ, алтари и жертвы, то вслѣдствіе этого Юліанъ находилъ въ религіозныхъ учрежденіяхъ іудейства не мало сходнаго съ подобными же учрежденіями язычества. Въ одномъ изъ сохранившихся до нашего времени отрывкѣ своего полемико-религіознаго произведенія «противъ христіанъ» (*κατὰ τῶν χριστιανῶν*) Юліанъ объясняетъ взаимное сходство между собою обѣихъ религіозныхъ системъ тѣмъ, что іудеи ничѣмъ не различаются отъ язычниковъ, исключая того только, что они вѣруютъ въ Единого Бога, каковой догматъ, по его словамъ, свойственъ однимъ имъ исключительно, между тѣмъ какъ все прочее рѣшительно одинаково какъ у іудеевъ, такъ и у язычниковъ — жертвенники, алтари и священные обряды, которыми они рѣшительно не различаются другъ отъ друга ¹⁾. По воззрѣніямъ Юліана, іудейскій Іегова есть національное божество іудейскаго народа, которому дана въ управленіе Палестина, и потому онъ долженъ требовать къ себѣ одинаковое уваженіе какъ со стороны іудеевъ, такъ и со стороны язычниковъ, наравнѣ съ прочими національными богами. «Я одинъ изъ тѣхъ, говоритъ о себѣ Юліанъ, которые не боятся совершать вмѣстѣ съ іудеями ихъ праздники и почитать Бога Авраамова, Исаакова и Іакова. Они почитали Іегову, который былъ ко мнѣ милостивъ, равно какъ и къ тѣмъ, которые воздавали Ему одинаковое почтеніе съ Авраамомъ — Бога великаго и всемогущаго» ²⁾. Въ особенности обрядовый законъ іудейскій привлекалъ къ себѣ вниманіе Юліана стро-

¹⁾ Julian. ap. Cyrill. X, p. 306. Τοῖς ἑνεσιν ὁμολογοῦντας Ἰουδαίους, ἔξω τοῦ νομίζειν εἶνα θεὸν μόνον ἐπεὶ τὰ γε ἄλλα κοινὰ πως ἡμῖν ἐστί, ναοὶ τεμένη, θυσιαστήρια, ἀγνεῖαι, φυλάγματα τινα, περὶ ὧν ἡ τὸ παράπαν οὐδαμῶς ἡ μικρὰ διαφέρουσιν πρὸς ἀλλήλους.

²⁾ Julian. ap. Cyrill. IV, p. 148. Ἐσβεβάσθησάν γε θεόν, ὃς ἐμοὶ καὶ τοῖς αὐτὸν ὡς περ Ἀβραὰμ ἔσβε σεβόμενοις εὐμενὴς ἦν, μέγας τε ὧν πάνυ καὶ δυνάτης, ὑμῖν δὲ οὐδὲν προσήκων.

гостію своихъ постановленій и многочисленностію церемоній ¹⁾).

Но, пытаясь доказать оригинальную мысль о сходствѣ между собою религіозныхъ учрежденій язычества и іудейства, Юліанъ при этомъ случаѣ нерѣдко прибѣгаетъ за помощью къ различнымъ натяжкамъ и дозволяетъ себѣ не мало самыхъ нелѣпыхъ несообразностей. Такъ онъ ложно утверждаетъ, будто бы существовавшій у іудеевъ обрядъ обрѣзанія былъ заимствованъ ими у египтянъ и имѣлъ одинаковое значеніе какъ у послѣднихъ, такъ и у сирійцевъ и другихъ народовъ древняго востока. Далѣе, на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ ветхаго завѣта, гдѣ говорится о Богѣ во множественномъ числѣ (Быт. I, 1; II, 19; XI, 7), онъ стремится доказать существованіе въ іудейской религіи нѣкоторыхъ слѣдовъ многобожія, одинаковаго будто бы съ язычниками. Онъ также думаетъ найти сходство между еврейскимъ обрядомъ принесенія въ жертву козла отпущенія (Левитъ 15, 14) съ языческимъ культомъ боговъ, отвращающихъ зло (Diiis apotropaеis). Въ то же время изъ одного мѣста книги Бытія (Быт. XVI, 17), гдѣ Богъ повелѣваетъ Аврааму посмотреть на звѣзды и исчислить ихъ, общая дасть ему такое же многочисленное потомство, Юліанъ дѣлаетъ попытку вывести совершенно произвольное заключеніе, будто бы родоначальникъ іудейскаго народа, подобно язычникамъ, занимался астрологіею и отгадывалъ будущее по состоянію звѣзднаго неба ²⁾). Равнымъ образомъ, на основаніи словъ книги Бытія (Быт. XV, 9), которыми Господь Богъ подтверждаетъ справедливость своего обѣтованія, даннаго Аврааму, особаго рода клятвою, Юліанъ несправедливо

¹⁾ Julian. VII, p. 238. Τοῖς μὲν γὰρ Ἑβραίοις ἀκρηβῆ τὰ περί Ἀρρηκτικῶν ἐστὶ νομίμα καὶ τὰ σιβάσματα καὶ τὰ φυλάγματα μυρία, καὶ θεόμενα βίου καὶ προακρίσεως ἰερωτάτης.

²⁾ Julian. ap. Cyrill. IV, p. 148.

думаетъ, что патріархъ наравнѣ съ язычниками предугадывалъ будущее по внутренностямъ животныхъ¹⁾. За сходство религіозныхъ учреждений іудейства и язычества, по словамъ Юліана, ручается также общій обоимъ имъ обычай принесенія въ жертву животныхъ. Наконецъ, Юліанъ утверждаетъ, что весь нравственный законъ Моисеевъ, содержащійся въ десяти заповѣдяхъ, за исключеніемъ одной только второй и четвертой, соблюдался всѣми языческими народами и всѣ они полагали наказаніе за его нарушеніе²⁾.

Что касается до природы боговъ, то Юліанъ въ своихъ сочиненіяхъ не распространяется объ этомъ предметѣ подробно. Всѣ боги, говоритъ онъ, нематеріальны и вездѣсущи. Они могутъ дѣйствовать въ матеріальномъ мірѣ и въ тѣлахъ, но ничто не въ состояніи ограничить ихъ дѣятельность. Боги невидимые, принадлежащіе къ двумъ первымъ классамъ — *Θεοὶ νοῦτοι* и *Θεοὶ νοεροὶ* чужды всякихъ отношеній къ опредѣленнымъ тѣламъ. Боги чувственные или такъ называемые Юліаномъ *Θεοὶ αἰσθητοὶ*, одушевляютъ небесныя свѣтила, какъ свои образы, но не соединяются съ ними существенно.

Нельзя не видѣть, что въ изложенной религіозной системѣ Юліана Гомеръ и Гезіодъ едва ли бы узнали свой Олимпъ. Между тѣмъ какъ у этихъ писателей боги являются реальными существами, естественными, мѣстными и политическими основами своего понятія, проясненными до идеальной и даже индивидуальной чело-вѣчности, напротивъ, въ богахъ Юліана человѣческій идеалъ, какъ и индивидуальность ихъ совершенно разрушены и они представляются простыми идеями и естественными силами. Тогда какъ гомерическіе боги, не

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem V, p. 152.

смотря на свою фантастичность, всетаки представляются видимыми, чувственными существами, только пространственно удаленными отъ человѣческаго міра, въ религіозномъ сознаніи Юліана міръ боговъ и человѣческій міръ, міръ идей и міръ чувственныхъ явленій отдалены между собою какъ бы непроходимую пропастью и ихъ взаимное соотношеніе возможно только при содѣйствіи особыхъ посредствующихъ между богами и людьми существъ. Какъ Платонъ различаетъ отъ чувственныхъ, реальныхъ вещей ихъ идеи, точно также и Юліанъ различаетъ видимыхъ и невидимыхъ боговъ. Солнце, являющееся нашимъ глазамъ, по его словамъ, представляетъ собою отпечатокъ и отраженіе невидимаго и неявляющагося, въ себѣ самомъ и для себя существующаго Блага — Геліоса, равнымъ образомъ луна и другія небесныя свѣтила различаются отъ своихъ невидимыхъ первообразовъ ¹⁾. Далѣе, въ контрастъ гомерическому Олимпу, совмѣщавшему въ себѣ самостоятельныя, другъ отъ друга независимыя и даже враждебныя божественныя существа, міръ боговъ Юліана образуетъ изъ себя какъ бы монархію по образцу римской имперіи, съ своеобразнымъ провинціальнымъ управленіемъ чрезъ проконсуловъ и прокураторовъ. «Мы признаемъ, говоритъ Юліанъ, общаго Отца и Царя всего, но рядомъ съ нимъ національныхъ боговъ, которымъ, какъ бы намѣстникамъ царя, каждому поручена особая область для управленія» ²⁾. Наконецъ, въ контрастъ съ теогоніями Гомера и Гезіода, въ которыхъ боги являются съ строго очерченными и опредѣленными формами, въ религіозной си-

¹⁾ Julian. ap. Cyrill. II, p. 65. Θεοὺς ὀνομάζει Πλάτων τοὺς ἐμφανεῖς, ἥλιον καὶ σελήνην, ἄστρα καὶ οὐρανόν, ἀλλ' οὗτοι τῶν ἀφανῶν εἰσὶν εἰκόνες ὁ φαινόμενος τοῖς ὀφθαλμοῖς ἥλιος, τοῦ νοητοῦ καὶ μὴ φαινομένου, καὶ πάλιν, ἡ φαινόμενη τοῖς ὀφθαλμοῖς ἡμῶν σελήνη καὶ τῶν ἄστρον ἕκαστον εἰκόνες εἰσὶ τῶν νοητῶν.

²⁾ Julian. ap. Cyrill. IV, p. 115.

стемъ Юліана всѣ греко-римскія божества не только перемѣшаны въ страшномъ хаосѣ другъ съ другомъ, но и сливаются съ богами восточныхъ народовъ ¹⁾. Цѣль такого отождествленія понятна—Юліанъ думалъ посредствомъ него слить между собою религіозныя воззрѣнія грековъ и римлянъ съ вѣрованіями восточныхъ народовъ и образовать такимъ образомъ одну міровую религію.

Согласно съ своими неоплатоническими воззрѣніями, Юліанъ отрицаетъ ученіе о твореніи міра Верховнымъ Существомъ во времени и изъ ничего, и утверждаетъ, что оно свойственно исключительно только грубому антропоморфизму іудейства и христіанства ²⁾. Процессъ развитія божественной жизни и всего существующаго отъ самыхъ высшихъ ступеней его до предѣловъ всякаго бытія представлялся въ глазахъ его, какъ необходимый и вѣчный ³⁾. Въ тоже самое время онъ считалъ неприличнымъ переносить начало или нѣчто временное на вѣчныя дѣйствія боговъ. «Небезопасно, говоритъ онъ, даже въ мысли представить начинающееся твореніе міра, ибо Геліосъ безъ времени (*ἐν τῷ νῦν*) постоянно чрезъ свою божественную волю изъ невидимаго рождаетъ все видимое ⁴⁾. Этотъ міръ произошелъ отъ вѣчности безъ всякаго временнаго начала и будетъ существовать вѣчно ⁵⁾. Юліанъ видитъ особенность языческихъ мифовъ въ томъ, что они основанное въ вѣчныхъ законахъ вещей представляютъ какъ бы совершившимся въ опредѣленные періоды времени ⁶⁾. Для него казалось

¹⁾ Julian. Orat. IV in regem Solem, p. 136 — 158. Orat. V in deorum matrem, p. 158—180.

²⁾ Julian. ap. Cyrill. II, p. 63.

³⁾ Julian. Orat. IV in regem Solem, p. 130—158.

⁴⁾ Ibidem. p. 146.

⁵⁾ Julian. Orat. IV in regem Solem, p. 131.

⁶⁾ Julian. ap. Cyrill. II, p. 65.

суевѣрнымъ и грубымъ іудейское и христіанское ученіе о временномъ твореніи Богомъ всего существующаго изъ ничего и о томъ, что весь матеріальный міръ предназначенъ современемъ къ уничтоженію. Основаніе къ подобному заключенію онъ находитъ въ томъ, что причины всѣхъ вещей должны быть вѣчно основаны въ божественной природѣ ¹⁾. «Разнородныя дѣйствія, говоритъ Юліанъ, не могутъ происходить отъ одинаковыхъ причинъ. Правда, все существующее есть дѣло общаго Отца, но матеріальныя вещи суть созданія отдѣльныхъ боговъ и не могутъ имѣть свое начало въ одномъ и томъ же Творцѣ ²⁾. Самое различіе сотворенныхъ существъ между собою очевидно заставляетъ полагать, что Творецъ ихъ не одинъ и тотъ же, но что они составляютъ созданіе многихъ боговъ» ³⁾. Еслибы между небомъ и самыми незначительными животными, по словамъ Юліана, не было никакого различія, въ такомъ случаѣ Творецъ ихъ былъ бы одинъ и тотъ же, но такъ какъ между обоими существуетъ безконечное различіе, то каждое изъ этихъ твореній необходимо должно имѣть своего особаго виновника ⁴⁾. Твореніе міра изъ ничего непосредственно самимъ Верховнымъ Существомъ, утверждаетъ Юліанъ, противорѣчитъ представленію о величіи и могуществѣ Божіемъ, такъ какъ Верховному Существому, по ученію Платона, прилично творить однѣ только высшія божественныя сущности, а существа матеріальныя получаютъ свое начало отъ низшихъ подчиненныхъ божествъ. Равнымъ образомъ, подобное ученіе не согласно также и съ тѣмъ положеніемъ Платона, что

¹⁾ Julian. Orat. VI adversus imperitos canes, p. 185.

²⁾ Julian. ap. Cyrill. II, p. 65.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem.

все сотворенное Верховнымъ Божествомъ неразруσιμο и безсмертно ¹⁾).

Въ своемъ ученіи о природѣ человѣка Юліанъ держится воззрѣній, одинаковыхъ съ другими представителями неоплатонической школы. Съ одной, духовной стороны своего существа, человѣкъ, по его словамъ, принадлежитъ къ міру невидимому, между тѣмъ какъ своимъ тѣлеснымъ организмомъ онъ раздѣляетъ общую участь матеріальныхъ созданій. Душа человѣка божественна, создана непосредственно самимъ Верховнымъ Существомъ и соприкасается съ послѣднимъ всѣми сторонами своего духовнаго бытія, между тѣмъ какъ его тѣло есть созданіе низшихъ подчиненныхъ божествъ. Верховное Божество, по словамъ Юліана, при твореніи человѣка, обращаясь къ низшимъ богамъ, говоритъ имъ: «Я даю вамъ образъ этого существа (т. е. душу), — во всемъ прочемъ вы можете прилагать смертное къ безсмертному» ²⁾).

Выходя изъ такихъ воззрѣній, Юліанъ отвергаетъ ученіе о происхожденіи рода человѣческаго отъ одного общаго прародителя, не смотря на то, что слѣды такого ученія встрѣчаются въ религіозныхъ вѣрованіяхъ всѣхъ народовъ древности. Гораздо вѣроятнѣе, думаетъ онъ, допустить что различные боги, получивши души человѣческія отъ общаго Отца и Царя всего міра и всѣхъ людей, создали множество родоначальниковъ отдѣльныхъ націй ³⁾). Тѣло составляетъ для человѣка, по словамъ Юліана, нѣчто случайное и второстепенное, между тѣмъ какъ истинное существо его есть духъ, мудрость, однимъ словомъ богъ низшаго класса, обитающій въ верхней части нашего организма. Вмѣстѣ съ Яввли-

¹⁾ Julian. ap. Cyrill. II, p. 65.

²⁾ Ibidem, I, p. 6.

³⁾ Julian. Orat. Epistolaeve cujusdam, p. 292.

хомъ Юліанъ утверждаетъ, что человѣку прирождена идея о Богѣ и совѣчна его душѣ ¹⁾. Познаніе о духовномъ мірѣ человѣкъ пріобрѣтаетъ не посредствомъ разсудочныхъ процессовъ, но при помощи простаго непосредственнаго созерцанія. Самую высшую ступень религіознаго вѣдѣнія для человѣка, по словамъ Юліана, составляетъ теургія, при помощи которой онъ входитъ въ непосредственное общеніе съ самимъ божествомъ, достигая такого соединенія путемъ таинственныхъ дѣйствій, различныхъ церемоній и символовъ. Къ сожалѣнію, Юліанъ не развиваетъ своихъ идей въ этомъ отношеніи подробно, но ограничивается одними отрывочными замѣчаніями, дѣлаемыми имъ какъ бы мимоходомъ и случайно въ различныхъ мѣстахъ своихъ литературныхъ произведеній ²⁾. Не смотря на свою ревность въ дѣлѣ возстановленія языческихъ оракуловъ, онъ не могъ не проникнуться горькимъ убѣжденіемъ, что они уже отжили свой вѣкъ и что возвратитъ имъ прежній авторитетъ и значеніе дѣло едва ли осуществимое. Отсюда въ теургическихъ операціяхъ Юліанъ думалъ, подобно другимъ неоплатоникамъ, найти весьма удобное средство, при помощи котораго можно было бы входить въ непосредственное общеніе съ Божествомъ и узнавать его волю. «Божественное вдохновеніе, по словамъ его, является рѣдко и притомъ дается лишь немногимъ людямъ, такъ что не каждый изъ нихъ и не во всякое время можетъ сдѣлаться его участникомъ. Оно прекратилось у іудеевъ и не сохранилось до нашего времени у египтянъ. Самые оракулы, выходящіе изъ земли, исчезаютъ съ теченіемъ времени. Но человѣколюбивый отецъ Зевсъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы мы не были совершенно лишены

¹⁾ Julian. Orat. IV in regem Solem, p. 138.

²⁾ Julian. Orat. IV, V, VI.

общенія съ богами, дароваль намъ священныя искусства, при посредствѣ которыхъ мы могли бы имѣть достаточную помощь въ нашихъ нуждахъ»¹⁾. Эти священныя искусства частію суть гаданія по полету птицъ и по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, которыя императоръ старался снова сдѣлать популярными среди народной массы и совершалъ постоянно²⁾, частію теургическія операціи, при посредствѣ которыхъ онъ думалъ узнавать будущее и вызывать явленія самихъ боговъ³⁾. Душа человѣка, по словамъ Юліана, безсмертна, такъ какъ она создана непосредственно самимъ Верховнымъ Существомъ, и по разрушеніи тѣлеснаго организма входитъ въ непосредственное общеніе съ духовнымъ міромъ⁴⁾. Это безсмертіе состоитъ не столько въ продолженіи индивидуальнаго существованія души за гробомъ, сколько въ достиженіи истиннаго и самостоятельнаго бытія, возвышеннаго надъ всѣми измѣняющимися явленіями. «Коль скоро душа, говоритъ Юліанъ, освобождается отъ всякаго временнаго бытія, она не бываетъ болѣе подвержена никакому измѣненію формъ, но поднята на высшую степень бытія, въ чистый духовный

1) Julian ap. Cyrill. VI, p. 198. Τὸ γὰρ ἐκ θεῶν εἰς ἀνθρώπους ἀφικνούμενον πνεῦμα, σπανιάκις μὲν καὶ ἐν ὀλίγοις γίγνεται. Καὶ οὔτε πάντα ἀνδρα τοῦτου μετασχεῖν βάλειον, οὔτε ἐν παντί καιρῷ. Ταύτη τοι καὶ τὸ παρ' Ἑβραίοις ἐπέλειπεν, οὐκοῦν οὐδὲ παρ' Αἰγυπτίοις εἰς τοῦτο σώζεται. Φαίνεται δὲ καὶ τὰ αὐτοφυῆ χρηστέρια ταῖς τῶν χρόνων εἰκόνα περιόδοις. Ὁ δὲ φιλόανθρωπος ἡμῶν Ζεὺς ἐνοήσας, ὡς ἀν μὴ παντάπασι τῆς πρὸς τοὺς θεοὺς ἀποστερηθῶμεν κοινωνίας, δίδωκεν ἡμῖν διὰ τῶν ἱερῶν ἐπίσκηψιν. ὅφ' ἧς πρὸς τὰς χρῆας ἔξομεν τὴν ἀποχρώσαν βοήθειαν.

2) Amm. Marcell. XXII, 12. Augebatur autem caeremoniarum ritus immodice, cum impensarum amplitudine antehac inusitata et gravi: et quisque, cum impraepecte diceret, scientiam vaticinandi professus, iuxta imperitus ac docilis sine fine vel praestitutis ordinibus, oraculorum permittebantur scitari responsa et exstispicia, nonnunquam futura pendentia: oscinumque et auguriorum et omnium fides, si reperiri usquam posset, affectata varietate quaerebatur.

3) Liban. Orat. Parent. § 83. De ulcisc. Juliani nece. Справн. Ennap. Vitae sophistarum im Jamblichō, p. 15. Sq. et Boissnade.

4) Julian. ap. Cyrill. VI. Epist. LXIII ad Theod. Pontif. Asiae, p. 452.

міръ»¹⁾. «Богъ да возвыситъ душу мою по смерти, молился онъ, въ тихую свободу божественной жизни и да избавитъ ее отъ закона необходимости, которому подчинено все временное»²⁾. Въ своихъ сочиненіяхъ Юліанъ не излагаетъ подробно доказательствъ безсмертія чело-вѣческой души, но ограничивается однимъ краткимъ объясненіемъ, что истинность этого ученія непреложно утверждается самими богами, непосредственно сообщившими его людямъ. «Въ настоящемъ случаѣ, говоритъ онъ, мы не слѣдуемъ ни одному чело-вѣку, но только самимъ богамъ, которые хорошо знаютъ все это. Людямъ о такихъ предметахъ свойственно высказывать одни только предположенія, между тѣмъ какъ знаніе ихъ доступно исключительно однимъ богамъ»³⁾.

Задачу земной жизни чело-вѣка Юліанъ видитъ, подобно другимъ неоплатоникамъ, въ нравственномъ очищеніи. Небо — истинное отечество для людей, куда всѣ они должны стремиться. Средствомъ къ достиженію небснаго отечества служитъ аскетизмъ. «Наши желанія, говоритъ Юліанъ необузданны и стремятся ко многому, мудрость умиряетъ и заглушаетъ ихъ, подчиняетъ извѣстнымъ правиламъ. Эти правила упрощаютъ жизнь, изгоняютъ изъ нея капризы, любовь укрощаетъ аффекты, обращая всѣ стремленія нашего существа къ абсолютному единству»⁴⁾. Для поработенія нашего тѣла, обузданія его пожеланій и страстей, Юліанъ рекомендуетъ людямъ воздержаніе и употребленіе только извѣстнаго рода пищи⁵⁾. Здѣсь, какъ и во многихъ дру-

¹⁾ Julian. Orat. IV in regem Solem p. 136.

²⁾ Julian. Orat. IV in regem Solem p. 138.

³⁾ Julian. Epist. LXIII ad Theod. Pontif. Asiae, p. 452 — 454. *Ποθέμεθα δὲ τῶν μὲν ἀνθρώπων οὐδενί, τοῖς θεοῖς δὲ μόνον, οὗς δὴ καὶ μάλιστα ταῦτα εἰκὸς εἶδέναι μόνους, εἴ γε χρὴ καλεῖν εἰκὸς τὸ ἀναγκαιόν· ὡς τοῖς μὲν ἀνθρώποις ἀρμόζει περὶ τῶν τοιαύτων εἰκάζειν, ἐπίστασθαι δὲ αὐτὰ τοὺς θεοὺς ἀνάγκη.*

⁴⁾ Julian. Orat. VI, adversus imperitos canes, p. 187.

⁵⁾ Ibidem.

гихъ случаяхъ, самъ онъ старался служить примѣромъ для своихъ подданныхъ — питался исключительно растительною пищею, употреблялъ ее въ самомъ скромномъ и ограниченномъ количествѣ и нерѣдко воздерживался отъ извѣстной пищи въ честь боговъ — Пана, Гекаты, Изиды и др.¹⁾ Въ своихъ сочиненіяхъ онъ рекомендуетъ людямъ воздерживаться отъ употребленія въ пищу кореньевъ и плодовъ ползучихъ по землѣ растеній, которые, по его словамъ, будучи приняты нами въ желудокъ, дѣлаютъ насъ нечистыми²⁾. Листья же растеній онъ признаетъ чистыми и дозволяетъ употреблять ихъ въ пищу, такъ какъ они очищены солнечнымъ свѣтомъ. Запрещаетъ онъ также употребленіе въ пищу рыбы, по крайней мѣрѣ во время поста, и рекомендуетъ въ замѣнъ того употреблять въ пищу птицъ, такъ какъ онѣ летаютъ высоко въ воздухѣ³⁾. Кромѣ воздержанія отъ извѣстнаго рода пищи Юліанъ рекомендуетъ людямъ и другія средства, ведущія къ аскетизму и нравственному совершенствованію, подавая и здѣсь поощрительный примѣръ собственною личностію. Онъ изнурялъ свое тѣло частымъ ночнымъ бодрствованіемъ и неусыпными трудами⁴⁾ и велъ чрезвычайно строгій образъ жизни. Современные Юліану языческіе писатели прославляютъ его цѣломудріе, доставлявшее неопровержимое доказательство сильнаго вліянія на него идей христіанскаго аскетизма, сильно распространенныхъ среди тогдашняго общества. Ливаній въ своей надгробной рѣчи къ императору утверждаетъ, что послѣдній ни ранѣе своего вступленія въ бракъ, ни

¹⁾ Liban. Orat. Parent. § 83.

²⁾ Julian. Orat. VI, adversus imperitos canes, p. 183.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Liban. Epitaph. p. 546 — 580.

послѣ брака своего съ сестрою императора Констанція, Еленою, заключеннаго исключительно въ политическихъ соображеніяхъ, никогда не касался женщины¹⁾. Мамертинъ въ своемъ панегирикѣ²⁾ и Амміанъ Марцелли³⁾ подтверждаютъ это свидѣтельство Ливанія. Въ то же время молчаніе древнихъ христіанскихъ писателей не противорѣчитъ такому заключенію, иначе они едва ли бы стали скрывать нецѣломудренный образъ жизни Юліана.

Въ видахъ умерщвленія плоти и нравственнаго очищенія, императоръ, по свидѣтельству Ливанія, подвергалъ также себя нерѣдко жестокимъ бичеваніямъ съ цѣлюю посредствомъ всего этого придти въ связь съ духовнымъ міромъ⁴⁾. Дѣйствительно, онъ воображалъ, какъ утверждаетъ этотъ софистъ, что находится постоянно въ самомъ тѣсномъ общеніи съ богами и богинями, что послѣдніе спускаются на землю радоваться съ своимъ любимцемъ и что при этомъ случаѣ нерѣдко прерываютъ его сонъ прикосновеніемъ къ его рукъ или волосамъ⁵⁾. Онъ былъ убѣжденъ также, что владѣетъ столь близкимъ знаніемъ своихъ небесныхъ посѣтителей, что въ состояніи бываетъ различать голосъ Юпитера отъ голоса Минервы, форму Аполлона отъ образа Геркулеса⁶⁾. Юліанъ вѣрилъ въ явленія боговъ внѣшнія матеріальныя и въ этомъ оношеніи расходился съ воззрѣніями Плотина и Порфирія, по ученію которыхъ боги и демоны, входя въ общеніе съ душою человѣка, не обнаруживаютъ себя во внѣшнихъ признакахъ. На-

1) Ibidem.

2) *Panegyrici veteris* ed. W. Jaeger-Norimb. 1779, X. Mamertini pro consulatu gratiarum actio Juliano Augusto 2. 125.

3) *Ann. Marcell.* XXII, 5.

4) *Liban. Orat. Parent.* § 83.

5) *Liban. Orat. Parent.* § 83.

6) *Liban. Orat. Parent.* p. 309—310.

противъ, согласно съ идеями Ямвлиха, изложенными послѣднимъ въ приписываемомъ ему сочиненіи «о тайнахъ», онъ утверждаетъ, что боги могутъ являться людямъ въ опредѣленныхъ строго очерченныхъ образахъ. Хотя существо боговъ, по словамъ его, нематеріально, при всемъ томъ каждый изъ нихъ имѣетъ свой опредѣленный образъ, свою форму, свои внѣшніе признаки, по которымъ бы можно было отличать его отъ всѣхъ другихъ. Но самое важное средство для нравственнаго очищенія человѣка Юліанъ видитъ въ экстазѣ и теургіи. «Философы, говоритъ онъ, убѣждаютъ насъ подражать богамъ и это подражаніе должно заключаться въ ихъ созерцаніи»¹⁾. Очевидно, Юліанъ не могъ невольно не сознать превосходства христіанской морали предъ языческою и въ этомъ отношеніи старался возбудить въ современникахъ примѣръ для подражанія. Но въ тоже время онъ какъ истый неоплатоникъ, не могъ совершенно отрѣшиться отъ многихъ безобразныхъ явленій языческой практики, думая найти въ нихъ глубокій смыслъ и объяснить таинственное значеніе. Такъ напр. онъ оправдываетъ скопчество жрецовъ Цибелы, видя въ немъ символъ того, что мать боговъ ограничиваетъ творческую силу, не позволяя ей простирается въ безконечность²⁾.

Создавая для политеизма новую религіозную систему объединявшую въ себѣ всѣ вѣрованія народовъ востока и запада, Юліанъ въ тоже самое время старался о поддержаніи и сохраненіи уже отжившихъ свой вѣкъ формъ древняго культа. Въ этомъ отношеніи мифологическая сторона политеизма привлекала съ его стороны особенное вниманіе. Юліанъ не могъ не сознать, что языческая

¹⁾ Julian. ap. Cyrill. V, 178.

²⁾ Julian. Orat. V, in deorum matrem, p. 158—180.

миѳологія содержитъ въ себѣ не мало нелѣпаго и соблазнительнаго и тѣмъ самымъ только способна возбудить въ людяхъ образованныхъ сомнѣнія и въ тоже время подавать христіанамъ поводъ къ справедливымъ нападеніямъ. Онъ рѣшился очистить миѳологическую сторону политеизма отъ разныхъ нелѣпостей и несообразностей, осмыслить ее, и, сохранивши ея формы, освященныя древностію, вдохнуть въ нихъ новую жизнь и придать имъ высшее значеніе. Самое лучшее средство для этого Юліанъ видитъ въ аллегорическомъ методѣ толкованія миѳовъ, при помощи котораго весьма удобно, по его словамъ, извлечь изъ нихъ глубокія религіозныя истины, облеченныя въ символическія формы. Выходя изъ такихъ воззрѣній, Юліанъ въ своей религіозной системѣ отвергаетъ значеніе миѳологіи въ томъ видѣ, въ которомъ она изложена у поэтовъ, и называетъ ее ничѣмъ инымъ, какъ только сплетеніемъ басней¹⁾. Онъ открыто сознается, что греки измыслили не мало странныхъ и и нелѣпыхъ миѳологическихъ сказаній о своихъ богахъ, считая, на примѣръ, за чистѣйшую выдумку миѳъ о томъ, будто Сатурнъ пожиралъ собственныхъ своихъ дѣтей и затѣмъ снова извергалъ ихъ²⁾. Точно также Юліанъ отвергаетъ миѳъ о существованіи кровосмѣсительныхъ браковъ между богами, доказываетъ нелѣпость сказанія о томъ, будто бы Юпитеръ прижилъ съ собственною своею матерью дѣтей, что онъ имѣлъ женою свою дочь и, возлежавъ съ нею, отдалъ ее въ замужество за другаго³⁾. Особенно жестоко вооружается Юліанъ противъ нелѣпыхъ сказаній о богахъ, распространенныхъ баснописцами, преимущественно Эзопомъ, въ которомъ онъ

1) Julian. ap. Cyrill. II, p. 138.

2) Ibidem.

3) Ibidem.

видить низкаго раба не только по своей природѣ, но также по складу своихъ мыслей и убѣжденій ¹⁾).

Но, отвергая такимъ образомъ многія нелѣпыя сказанія о богахъ, Юліанъ въ тоже самое время старается употребить съ своей стороны всѣ усилія для того, чтобы доказать не только важность, но и необходимость миеовъ въ дѣлѣ религіи и придать имъ истинный смыслъ и значеніе. «Миеы, по его словамъ, имѣютъ своею цѣлю вводить нашъ духъ пріятнымъ и легкимъ путемъ въ тайны Верховнаго Существа, абсолютнаго единства и блага и готовить насъ къ познанію его и къ единенію съ нимъ ²⁾». Они излагаютъ высшее божественное ученіе въ символической формѣ, потому что непостижимое существо боговъ не позволяетъ являться въ настоящемъ, нескрытомъ своемъ видѣ. Родоначальники людей, проникавшіе, подъ непосредственнымъ руководствомъ самихъ боговъ, въ самую сущность вещей, скрыли высшія божественныя истины подъ формою странныхъ сказаній, представили въ вѣчныхъ законахъ вещей основанное какъ совершившееся во времени съ тою цѣлю, чтобы люди необразованные могли получать отъ этихъ сказаній пользу, дѣйствующую только чрезъ одинъ символъ, безъ всякаго отношенія къ разуму. Напротивъ, люди образованные, вслѣдствіе необычайности и противорѣчій въ миеологическихъ сказаніяхъ, должны находить для себя поводъ къ отысканію въ нихъ сокровеннаго высшаго смысла и къ изслѣдованію послѣдняго, такъ какъ безъ особеннаго усилія съ своей стороны человѣкъ не въ состояніи достигнуть знанія этихъ высшихъ истинъ ³⁾. Самыя противорѣчія, встрѣчающіяся въ миеологическихъ сказаніяхъ о богахъ, по мнѣнію Юліана, полезны и даже необходимы. Въ прямомъ естественномъ смыслѣ, гово-

¹⁾ Julian. Orat. VI ad Heraclium, de cynica secta, p. 214.

²⁾ Julian. Orat. VI ad Heraclium, de cynica secta, p. 214.

³⁾ Julian. Orat. VI ad Heraclium, de cynica secta, p. 210.

рить онъ, человѣкъ не можетъ найти для себя никакого удовлетворенія, но, встрѣчая въ мифахъ противорѣчія, онъ тѣмъ самымъ бываетъ побуждаемъ къ отысканію чего-то высшаго и сокровеннаго. Въ доказательство справедливости такой мысли Юліанъ приводитъ въ сравненіе мифъ о Гераклѣ и Діонисѣ. «Многіе, говоритъ онъ, неблагоразумные люди думали, что, подобно тому какъ Гераклъ былъ возведенъ своимъ отцомъ Зевсомъ на Олимпъ за свои геройскія доблести, точно также и Діонисъ, будучи человѣкомъ, принятъ въ число боговъ ради своей теософіи и магіи. Но Гераклъ, по древнимъ сказаніямъ, хотя съ самаго дѣтства и обнаруживалъ чрезвычайную божественную силу въ своемъ тѣлѣ и подчинялъ себѣ самые естественные законы, однако онъ извѣстнымъ образомъ всегда оставался въ границахъ человѣческой природы и давалъ ясно понимать извѣстное родство съ нею. Совершенно иначе было съ Діонисомъ. Всѣ отдѣльныя черты мифа о немъ противорѣчатъ представленію его человѣческой природы и человѣческаго происхожденія. Отсюда въ сказаніяхъ о немъ должно искать другой высшій смыслъ — здѣсь очевидно рѣчь идетъ о чистомъ богѣ и его эманации изъ высшаго абсолютнаго существа, его первомъ откровеніи и явленіи въ міръ»¹⁾. Въ своей рѣчи противъ циника Гераклія, посвященной спеціально защитѣ мифовъ и выясненію ихъ значенія въ религіозномъ отношеніи, Юліанъ представляетъ два главные аргумента въ пользу важности и законности существованія мифологическихъ сказаній о богахъ. Придерживаясь въ своемъ пониманіи мифовъ неоплатоническихъ воззрѣній, онъ находитъ важность и необходимость мифовъ прежде всего въ томъ, что не всѣ люди могутъ понимать чистую истину, возвыщенную

¹⁾ Julian. Orat. V ad Heraclium, p. 219 — 221.

богами о самих же богахъ, но только въ символической формѣ. Далѣе, такъ какъ все существующее любить и стремится къ подобному себѣ, то отсюда является очевидная необходимость, чтобы люди, говоря о богахъ, употребляли и особый языкъ, свойственный ихъ породѣ¹⁾. Миѳъ въ глазахъ Юліана представляетъ собою образное представленіе религіозно-нравственныхъ идей и воззрѣній на различные процессы и явленія природы. Въ нихъ подъ чувственными формами выражены религіозно-философскія истины, которыя въ чистомъ своемъ видѣ были бы слишкомъ возвышенны для пониманія народной массы и могли быть приняты ею лишь подъ одними чувственными образами²⁾.

При такомъ объясненіи, языческая миѳологія могла представляться въ довольно удовлетворительномъ видѣ, такъ какъ по нему выходило, что она содержала не однѣ только несообразности и нелѣпости, но и не чужда была глубокихъ и возвышенныхъ истинъ. Пытаясь осмыслить языческую миѳологію, показать законность ея существованія и необходимость значенія въ дѣлѣ религіи, Юліанъ въ примѣръ нравственно-религіознаго значенія миѳовъ въ рѣчи къ цинику Гераклію представляетъ свою собственную жизнь въ формѣ античнаго миѳологическаго сказанія. «Одинъ богатый человекъ, говоритъ онъ, имѣлъ для охраненія своихъ многочисленныхъ стадъ множество пастуховъ, изъ которыхъ одни были его рабами, а другіе наемниками. Презирая боговъ, онъ заботился только о своемъ обогащеніи всѣми способами, рѣшительно не обращая никакого вниманія на ихъ законность. Богачъ имѣлъ своихъ дѣтей и другихъ родственниковъ, но умеръ, не успѣвъ раздѣлить между

¹⁾ Julian. Orat. VI ad Heraclium, p. 218 — 221.

²⁾ Julian. Orat. VI ad Heraclium, p. 218 — 221.

ними наслѣдства. По смерти его не замедлили произойти ссоры, кровавыя распри и убійства между родственниками, среди которыхъ множество святилищъ боговъ были разрушены и разграблены, а на ихъ мѣстѣ построены гробницы (церкви на гробахъ мучениковъ). Тогда Зевсъ, сжалившись надъ злосчастною судьбою людей, среди кроваваго истребленія сыновьями богатаго человѣка своихъ родственниковъ, рѣшился сохранить жизнь одному изъ нихъ, еще дитяти, и отдалъ его подъ особенное покровительство Геліуса и Аѳины. Видя жестокія дѣяніе своихъ родственниковъ, юноша однажды рѣшился въ отчаяніи броситься въ пропасть, но покровительствующіе ему божества внезапно погрузили его въ глубокій сонъ. Очнувшись отъ него онъ, увидѣлъ себя сидящимъ на камнѣ въ уединенномъ мѣстѣ и сталъ обдумывать свое печальное положеніе. Тутъ является къ нему Гермесъ и уводитъ его на гору, поросшую дубами, лаврами, миртами и другими деревьями, гдѣ Геліосъ и Минерва, встрѣтившись съ нимъ, утѣшаютъ его и обѣщаютъ свое особенное покровительство. Затѣмъ, обласкавши мальчика, боги показываютъ ему съ высоты горы наслѣдство богатаго человѣка, расхищаемое слугами и пастухами одного изъ его родственниковъ (Констанція) и обѣщаютъ отдать ему указанное наслѣдство подъ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ, если онъ останется вѣренъ отечественнымъ богамъ и не будетъ слушаться лстивыхъ слугъ и вѣроломныхъ пастуховъ. «Помни, сказали юношѣ на прощаньи боги, что ты имѣешь безсмертную душу и божественныя свойства. Если ты будешь слѣдовать нашимъ совѣтамъ, то найдешь покровительство и защиту въ Верховномъ Существѣ и станешь наслаждаться его созерцаніемъ»!¹⁾

¹⁾ Julian. Orat. VII ad Heraclium, de cynica secta, p. 234—235.

Юліанъ употреблялъ не мало усилій для того, чтобы указанная воззрѣнія свои на мифологическую сторону политеизма сдѣлать доступными народной массѣ. Въ этихъ соображеніяхъ онъ вмѣнялъ языческимъ жрецамъ въ непремѣнную обязанность съ особыхъ каѳедръ, устроенныхъ по его приказанію въ храмахъ, говорить къ народу родъ поученій и въ нихъ, при помощи аллегорическаго метода, придавать болѣе возвышенный смыслъ тѣмъ или другимъ мифологическимъ сказаніямъ и выяснять ихъ значеніе въ дѣлѣ религіи¹⁾. Той же самой цѣли императоръ старался достигнуть и собственными своими сочиненіями, въ которыхъ онъ излагалъ воззрѣнія свои на мифологию и которыя, какъ напри-мѣръ, рѣчь къ цинику Гераклію²⁾ и рѣчь къ матери боговъ Цибелѣ³⁾, приносили были имъ публично съ цѣлью доставленія народу религіознаго обученія и нравственнаго назиданія.

Наряду съ мифологіей, самому внѣшнему культу политеизма Юліанъ пытался придать болѣе возвышенный смыслъ, доказать законность и необходимость его существованія и освободить его отъ тѣхъ справедливыхъ нареканій, которыя являлись не только со стороны христіанъ, но и многихъ изъ образованныхъ язычниковъ. Мы уже видѣли, что Юліанъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ читателей и исполнителей обрядовой стороны древняго культа. Всѣ роды жертвоприношеній, равно какъ и другихъ религіозныхъ обрядовъ и церемоній, онъ исполнялъ съ необычайною точностію, стараясь подавать въ этомъ отношеніи примѣръ своимъ подданнымъ и считалъ все это за суще-

¹⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 166. Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348.

²⁾ Julian. Orat. VII ad Heraclium, de cynica secta, p. 204 — 240.

³⁾ Julian. Orat. V in deorum matrem, p. 158 — 180.

ственную и необходимую принадлежность древняго культа. Но онъ, какъ истый неоплатоникъ, не удовлетворялся однимъ исключительно механическимъ исполненіемъ вѣѣшнихъ формъ религіи, но думалъ придать имъ высшій смыслъ и значеніе. Въ этомъ отношеніи поклоненіе идоламъ привлекало къ себѣ особенное вниманіе Юліана, и потому онъ съ своей стороны употреблялъ не мало усилій оправдать его, обосновать на новыхъ началахъ и сообщить ему своеобразное объясненіе. При этомъ случаѣ онъ повторяетъ тѣже самыя идеи, которыя еще ранѣе его были высказаны Ямвлихомъ. Изображенія боговъ, по словамъ Юліана, имѣютъ законное право на свое существованіе на томъ основаніи, что они суть видимые знаки присутствія Божества, поставленные для того, чтобы, внушая мысль о богахъ, тѣмъ самымъ отвращали людей отъ зла и направляли ихъ къ добру. Между знакомъ и означаемымъ въ идолахъ всегда есть тайное, въ существѣ обоихъ коренящееся отношеніе, и потому люди въ изображеніи боговъ могутъ видѣть символы ихъ свойствъ. Необходимость поклоненія идоламъ Юліанъ старается вывести изъ свойствъ чувственной природы человѣка. «Будучи тѣлесными существами, говорить онъ, мы имѣемъ нужду въ чувственномъ культѣ. Но такъ какъ боги удалены отъ насъ, то на землѣ и придуманы ихъ изображенія съ тою цѣлью, чтобы мы, оказывая уваженіе послѣднимъ, могли чрезъ это заслужить милости боговъ, подобно тому, какъ люди, почитающіе изображенія императоровъ, чрезъ это могутъ разсчитывать на благоволеніе съ ихъ стороны, хотя сами императоры и не имѣютъ нужды въ такомъ почитаніи¹⁾).

¹⁾ Julian. Fragment. orationis epistolaeve cujusdam, p. 293. Ἐπειδὴ ἡμῶν οὐκ ἐν σώματι σωματικὰς ἔδῃ ποιεῖσθαι τοῖς θεοῖς καὶ τὰς λατρείας, ἀσώματοι

Когда мы взираемъ на изображенія боговъ, то должны, конечно, видѣть при этомъ не дерево и камень, равно какъ и не должны думать, что мы видимъ самихъ боговъ, но только изображенія ихъ. Такъ объ изображеніяхъ императоровъ мы не говоримъ, что они камень, дерево и мѣдъ, равно и не представляемъ ихъ за самихъ императоровъ, но почитаемъ только какъ изображенія послѣднихъ. Кто любитъ императора, тотъ съ уваженіемъ взираетъ и на изображенія императора, кто любитъ сына, тотъ съ удовольствіемъ смотритъ и на изображенія сына, кто любитъ отца, тотъ охотно смотритъ на изображенія послѣдняго. Точно также, кто любитъ боговъ, тотъ съ уваженіемъ смотритъ и на изображенія ихъ, когда бываетъ проникнутъ благовѣніемъ предъ невидимыми, взирающими на него съ высоты богами» ¹⁾).

Нельзя не видѣть, что Юліанъ въ своей попыткѣ оправдать поклоненіе изображеніямъ боговъ, придать ему высшій смыслъ и значеніе, находился подъ сильнымъ вліяніемъ идей Ямвлиха, изложенныхъ послѣднимъ въ сочиненіи «объ идолахъ». Въ немъ этотъ философъ доказываетъ, что идолы, по народнымъ вѣрованіямъ, упавшіе съ неба, равно какъ и сдѣланные рукою человека и освященные посредствомъ различныхъ религиозныхъ церемоній, запечатлѣны божественнымъ характеромъ и потому должны составлять предметъ благо-

ὅτι εἰσιν αὐτοὶ πρῶτα μὲν ἔδειξαν ἡμῖν ἀγάλματα τὸ δεύτερον ἀπὸ τοῦ πρώτου τῶν θεῶν γένος, περὶ πάντα τὸν οὐρανὸν κύκλῳ περιφερόμενον. Δυναμένης δὲ οὐδὲ τούτοις ἀποδίδοσθαι τῆς θεραπείας σωματικῶς ἀπροσδεῖ ἡρ ἔστι φρεσὶ τρίτον ἐπὶ τῆς ἐξουρέσθαι γένος ἀγαλμάτων. Εἰς ὃ τὰς θεραπείας ἐκτελοῦντες, ἑαυτοῖς εὐμενεῖς τοὺς θεοὺς καταστήσομεν. Ὡσπερ γὰρ οἱ τῶν βασιλέων θεραπεύοντες εἰκόνας οὐδὲν δεομένων, ὅμως ἐφέλκονται τὴν εὐνοίαν εἰς ἑαυτοὺς οὕτω καὶ οἱ θεῶν θεραπεύοντες τὰ ἀγάλματα, δεομένων οὐδὲν τῶν θεῶν.

¹⁾ Ibidem. p. 294. Ἀφορῶντες οὖν εἰς τὰ τῶν θεῶν ἀγάλματα, μὴ τοι νομίζωμεν αὐτὰ λίθους εἶναι, μήτε ξύλα μηδὲ μὲν τοι τοὺς θεοὺς αὐτοὺς εἶναι ταῦτα. Καὶ γὰρ οὐδὲ τὰς βασιλικὰς εἰκόνας ξύλα, καὶ λίθον, καὶ χαλκὸν λέγομεν οὐ μὴν οὐδὲ

говѣйнаго поклоненія. Юліанъ вполне раздѣляетъ мнѣніе своего учителя въ этомъ отношеніи. Мало того, онъ глубоко вѣритъ даже во многія знаменія и чудеса, которыя будто бы совершали языческіе идолы. Такъ въ своей рѣчи, обращенной къ матери боговъ, Цибелѣ, онъ, на основаніи свидѣтельства Тита Ливія, доказываетъ возможность и дѣйствительность многихъ чудесъ, совершенныхъ изваяніемъ этой богини, при неревесеніи его изъ Пессинунта въ Римъ во время второй пунической войны¹⁾.

На ряду съ поклоненіемъ идоламъ, Юліанъ пытается также защитить необходимость жертвъ, также храмовъ, алтарей, священныхъ рощъ и другихъ принадлежностей древняго культа. «Храмы, алтари, поддержаніе священнаго огня и подобные символы, говоритъ онъ, наши отцы учредили, какъ знаки присутствія боговъ, съ тою цѣлью, чтобы мы чрезъ нихъ оказывали служеніе послѣднимъ»²⁾. Жертвоприношенія, совершаемыя въ храмахъ, по его словамъ, представляютъ собою выраженіе благоговѣнія и почтенія людей къ богамъ³⁾. Юліанъ старается доказать, что въ религіозныхъ обрядахъ и церемоніяхъ язычества заключается внутренняя живая сила, что они вовсе не вымыселъ или дѣло человѣческаго изобрѣтенія, но обязаны своимъ происхожденіемъ непосредственно самимъ богамъ. «Я избѣгаю нововведеній

αὐτοὺς τοὺς βασιλείας, ἀλλὰ εἰκόνας βασιλείων, ὅστις οὖν ἐστὶ βασιλεὺς, ἡδέως ὁρᾷ τὴν τοῦ βασιλείως εἰκόνα καὶ ὅστις ἐστὶ φιλόπαις, ἡδέως ὁρᾷ τὴν τοῦ παιδὸς καὶ ὅστις φιλοπάτωρ, τὴν τοῦ πατρὸς. Οὐκοῦν καὶ ὅστις φιλόθεος, ἡδέως εἰς τὰ τῶν θεῶν ἀγάλματα καὶ τὰς εἰκόνας ἀποβλέπων, σευόμενος ἅμα καὶ φράττων ἐξ ἀφανοῦς ὁρῶντας εἰς αὐτὸν τοὺς θεούς.

1) Julian. Orat. V. in deorum matrem, p. 177 — 180.

2) Julian. Fragment. orat. epistolaeve cujusd. p. 293. Ἀγάλματα γὰρ καὶ βωμοὺς, καὶ πυρὸς ἀσβέστου φυλακὴν, καὶ πάντα ἀπλῶς τὰ τοιαῦτα σύμβολα, οἱ πατέρες ἔθηκε τῆς παρουσίας τῶν θεῶν. Οὐχ ἵνα ἐκείνα θεοὺς νομίσωμεν· ἀλλ' ἵνα δι' αὐτῶν τοὺς θεοὺς τεραπεύσωμεν.

3) Ibidem.

во всемъ, писалъ онъ къ Θεодору, верховному жрецу провинціи Азіи, особенно въ томъ, что имѣеть отношеніе къ богамъ, и потому думаю, что отечественныя учрежденія должны быть въ точности соблюдаемы, такъ какъ извѣстно, что они даны самими богами. Они не были бы такъ прекрасны, если бы происходили только отъ людей» ¹⁾. Но, доказывая законность и совершенную необходимость существованія внѣшнихъ формъ религіи, Юліанъ въ тоже самое время рѣшительно утверждаетъ, что онѣ сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія, но вся сила ихъ зависитъ отъ чувства благоговѣнія, съ какимъ онѣ совершаются. «Истинный циникъ, говоритъ онъ, долженъ устремлять свои мысли исключительно къ самому себѣ и къ Божеству, не обращая никакого вниманія на обряды и человѣческія учрежденія ²⁾. Онъ учитъ болѣе дѣломъ, нежели словомъ, не употребляетъ никакихъ образовъ и мифовъ, ибо языкъ истины простъ ³⁾. Въ своемъ богопочтеніи циникъ обращаетъ свое вниманіе исключительно на одно только существенное — благочестивое расположеніе духа и учитъ, чтобы люди при отправленіи своего культа болѣе цѣнили благоговѣніе, нежели издержки. Безчисленныя жертвы не приносятъ пользы, если онѣ совершаются не отъ чистаго сердца ⁴⁾. Діогенъ не посѣщалъ храмовъ, не оказывалъ также уваженія алтарямъ и изваяніямъ боговъ и не приносилъ ни одной жертвы, потому что не имѣлъ средствъ купить ее. Для него казалось совершенно достаточнымъ почитать бо-

¹⁾ Julian. Epist. LXIII ad Theod. p. 432. Φεύγω τὴν καिनουργίαν ἐν ᾧ πασι μὲν, ὡς ἔπος εἰπεῖν, ἰδίᾳ δὲ ἐν τοῖς πρὸς τοὺς Θεοὺς, οἰόμενος χρῆναι ἂν πατριῶς ἐξ ἀρχῆς φυλάττεσθαι νόμους, οὓς ὅτι μὲν ἔδωσαν οἱ Θεοί, φανερόν, οὐ γὰρ ἦσαν οὕτω πολλοί, παρὰ ἀνθρώπων ἀπλῶς γενόμενοι.

²⁾ Julian. Orat. VII ad Heraclium, de cynica secta, p. 225.

³⁾ Julian. Orat. VII ad Heraclium, de cynica secta, p. 214.

⁴⁾ Ibidem. p. 213.

говъ въ своей душѣ, которую онъ и превратилъ въ ихъ святилище»¹⁾).

Преобразовывая религиозную систему политеизма, пытаясь осмыслить и одухотворить его мифологию и самымъ внѣшнимъ формамъ культа придать высшій смыслъ и значеніе, Юліанъ въ тоже время является апологетомъ язычества. Онъ употребляетъ всѣ зависящія средства доказать, что древній культъ имѣетъ неоспоримое превосходство предъ іудействомъ и христіанствомъ и потому необходимо долженъ служить универсальною религіею для всего человѣчества. Будучи проникнутъ глубокою вѣрою въ преданія и вѣрованія политеизма и постоянно ссылаясь на нихъ съ гордостію, Юліанъ въ своей апологии язычества не выставляетъ послѣдняго въ томъ самомъ видѣ, какъ оно отразилось въ народныхъ вѣрованіяхъ, но въ формахъ очищенныхъ и одухотворенныхъ идеями неоплатонической философіи. Онъ чуждается самаго имени политеизма, но усваиваетъ ему новое названіе геллинизма, заимствуя послѣднее изъ области литературы и притомъ не безъ особенной цѣли. Юліанъ стыдится быть апологетомъ культа, наполненнаго обрядами и преданіями, оскорбительными для нравственнаго чувства, и старается прикрыть все это, являясь защитникомъ не политеизма, но геллинизма, подъ которымъ онъ понимаетъ совокупность вѣрованій, учреждений, однимъ словомъ всего, чѣмъ только могла гордиться античная цивилизація²⁾). При всемъ томъ Юліанъ употребляетъ съ своей стороны всѣ усилія для того, чтобы сохранить въ защищаемомъ имъ язычествѣ все — и содержаніе и

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Св. Григорій Богословъ утверждаетъ, что такое усвоеніе сдѣлано Юліаномъ не по праву, но вслѣдствіе хитрости. См. Твор. Григ. Богосл. ч. 1. Слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 168.

самую внѣшнюю форму. Онъ отступаетъ отъ народныхъ вѣрованій и преданій лишь въ немногихъ случаяхъ, когда онѣ являлись до такой степени противорѣчащими здравому смыслу и оскорбительными для нравственнаго чувства, что отстаивать ихъ буквальное значеніе казалось въ его глазахъ дѣломъ совершенно невозможнымъ.

Защищая язычество отъ нападеній со стороны христіанъ, Юліанъ въ этомъ случаѣ останавливаетъ все свое вниманіе исключительно на ученіи язычниковъ о многихъ богахъ. Онъ чувствуетъ, что здѣсь больше всего можно ожидать возраженій противъ законности существованія политеизма и потому думаетъ отразить всѣ нападенія въ этомъ отношеніи своею оригинальною теоріею національныхъ боговъ, при помощи которой ему казалось весьма удобнымъ согласить между собою монотеизмъ и политеизмъ и въ тоже время доставить реальную почву для законнаго существованія многихъ языческихъ боговъ. Юліанъ утверждаетъ, что бытіе послѣднихъ совершенно необходимо, такъ какъ Верховному Существу, чуждому всякихъ непосредственныхъ отношеній къ міру, неприлично творить и управлять низшими созданіями. Для этого должны необходимо существовать особые національные боги, которымъ поручены особыя области и города въ управленіе и которые, будучи самостоятельными въ своей дѣятельности, въ тоже самое время находятся въ непосредственной зависимости отъ общаго Отца и Царя всего міра и всѣхъ людей ¹⁾. Отсюда вѣрованіе язычниковъ во многихъ боговъ, по словамъ Юліана, нисколько не противорѣчитъ здравому разуму и притомъ очевидно подтверждается положительными данными опыта, имѣя свое основаніе, какъ мы видѣли, въ различіи

¹⁾ Julian. ap. Cyrill. IV, p. 115. 148.

народныхъ характеровъ и ихъ національныхъ особенностей.

Питая сильнѣйшія симпатіи къ старинѣ, ея преданіямъ и учрежденіямъ, Юліанъ видитъ особенно важное значеніе язычества прежде всего въ томъ, что оно имѣетъ непосредственное происхожденіе отъ самихъ боговъ и такую же глубокую древность, какъ и исторія всего человѣчества. Въ то же время, стараясь показать несостоятельность христіанства, онъ приводитъ въ этомъ случаѣ какъ одинъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ то, что оно извѣстно на землѣ не болѣе трехъ сотъ лѣтъ¹⁾. Основу язычества Юліанъ видитъ въ непосредственномъ откровеніи Божества, которое, какъ живая сила, разлито въ окружающую насъ природѣ и которое сообщаетъ людямъ различныя благодѣянія. По взгляду Юліана, для человѣка не можетъ быть чернѣе той неблагодарности, которая проявляется въ отрицаніи бытія боговъ, дары которыхъ природа намъ ежедневно доставляетъ. «Развѣ вы не знаете, пишетъ онъ къ александрійцамъ, какія великія благодѣянія изливаются ежедневно богами и даются не однимъ только извѣстнымъ людямъ, одному какому нибудь народу, но всему существующему? Развѣ вы не имѣете глазъ видѣть свѣтъ, испускаемый Геліосомъ, развѣ вы не знаете, что отъ него происходитъ перемѣна лѣта и зимы,— все отъ него имѣетъ свое начало и жизнь, развѣ вы не замѣчаете, какъ много благъ доставляетъ вамъ луна, поставленная Геліосомъ какъ бы охранительницею вселенной? Не смотря на все это, вы осмѣливаетесь не поклоняться ни одному изъ этихъ

¹⁾ Ibidem. VI, p. 191. 'Ο δὲ Ἰησοῦς ἀναπείσας τὸ χειρίστον τῶν παρ' ἡμῖν ὀλίγων πρὸς τοῖς τριακοσίοις ἐνικοτοῖς ὀνομάζεται, ἐργασάμενος παρ' ὧν ἔξῃ χρόνον ἔργον οὐδὲν ἀκοῆς ἄξιον, εἰ μὴ τις οἶεται τοὺς πολλοὺς καὶ τυφλοὺς ἰάσασθαι καὶ δαίμονας ἐξορκίζειν ἐν Βηθσαϊδᾷ καὶ ἐν Βηθανίᾳ ταῖς κώμαις τῶν μεγίστων ἔργων εἶναι.

боговъ, между тѣмъ какъ вѣруете въ Іисуса, какъ Бога (Θεός λόγος), котораго ни вы, ни отцы ваши не видѣли. Вы не обращаете вниманія, какъ много древнихъ родовъ почитали и признавали за своего благодѣтеля великаго Геліоса, живаго, одушевленнаго и благодѣтельнаго образа своего отца! ¹⁾).

Являясь апологетомъ язычества, Юліанъ старается выставить на видъ главнымъ образомъ тѣ стороны его, которыми оно, по его взгляду, превосходитъ іудейство — политическое могущество и блестящее умственное развитіе грековъ и римлянъ, находившихся подъ непосредственнымъ руководствомъ и управленіемъ своихъ боговъ, ихъ мудрое законодательство, процвѣтаніе наукъ, искусствъ и проч. ²⁾). Внѣшнее могущество, говоритъ Юліанъ, составляетъ неотъемлемое свойство и достояніе однихъ исключительно языческихъ народовъ, между тѣмъ какъ политическая слабость и рабство свойственны однимъ только іудеямъ. «Что важнѣе, спрашиваетъ онъ послѣднихъ, пользоваться ли постоянно свободою и господствовать въ продолженіе цѣлыхъ двухъ тысячъ лѣтъ надъ большею частію моря и суши, или же находиться въ подчиненіи и быть рабами у чужеземцевъ?» ³⁾) Сравнивая славныя дѣянія Сампсона и Давида съ подвигами героевъ языческой древности, Юліанъ отдастъ предпочтеніе послѣднимъ предъ первыми. Язычники, говоритъ онъ, имѣютъ такихъ замѣчательныхъ полководцевъ, какъ Александръ Великій и Цезарь и многихъ другихъ, славные подвиги которыхъ давно уже пріобрѣли заслуженную извѣстность во всемъ мірѣ ⁴⁾). Языческій міръ, по сло-

¹⁾ Julian. Epist. LI ad Alexandr. p. 434. Τὸν μίγαν "Ηλιον τὸ ζῶν ἄγαλμα καὶ ἐμψυχον καὶ ἔννοον καὶ ἀγαθοεργὸν τοῦ νοητοῦ πατρός.

²⁾ Julian. ap. Cyrill. V, p. 177; VI, p. 198—200; VII, p. 222.

³⁾ Julian. ap. Cyrill VII, 1.

⁴⁾ Julian. ap. Cyrill. VII, p. 118. Ἐνὰ μοι κατὰ Ἀλέξανδρον δειξάτε στρατηγόν, ἔνα κατὰ Καίσαρα, παρὰ τοῖς Ἑβραίοις. οὐ γὰρ δεῖ παρ' ὑμῖν.

вамъ его, заключаетъ въ себѣ множество государствъ, которыя своимъ политическимъ могуществомъ, своими учрежденіями и внутреннимъ благосостояніемъ неизмѣримо превосходятъ народъ іудейскій. «На какія царства вы мнѣ укажете? говоритъ онъ іудеямъ. На царство персовъ, Эака, или Миноса критскаго, который, очистивши море, опустошаемое пиратами, покорилъ варваровъ до границъ Сиріи и Сициліи, распространилъ предѣлы государственной территоріи не только на острова, но и на всѣ морскія побережья и раздѣлилъ съ своимъ братомъ, Радамантомъ, обладаніе царствомъ и заботы о народахъ, которыми онъ управлялъ. Миносъ даровалъ своимъ подданнымъ законы, которые сдѣлали его другомъ самихъ боговъ, особенно Юпитера, а Радамантъ своимъ мудрымъ управленіемъ воздалъ дань справедливости¹⁾. Съ тою же цѣлію — показать политическое могущество языческаго Рима, Юліанъ подробно излагаетъ исторію дардановъ, описываетъ прибытіе Энея въ Италію и обстоятельства, сопровождавшія основаніе Вѣчнаго Города, излагаетъ религіозныя учрежденія Нумы и перечисляетъ благодѣянія, дарованныя Риму Юпитеромъ, упоминаетъ о различныхъ знаменіяхъ и чудесахъ, случившихся въ первые годы его политическаго существованія, напримѣръ о щитѣ, дарованномъ съ неба Юпитеромъ, и головѣ, найденной на capitoлийскомъ холмѣ²⁾).

Сравнивая политическія учрежденія и законы разныхъ народовъ древняго міра между собою, ихъ законодателей и вообще знаменитыхъ людей, Юліанъ старается и въ этомъ отношеніи отдать также преимущество предъ іудеями языческимъ націямъ, такъ какъ у нихъ все это есть непосредственный даръ боговъ. «Такъ

¹⁾ Ibidem. VI, 2.

²⁾ Ibidem.

Аполлонъ, по его словамъ, во всѣхъ частяхъ міра открылъ оракулы, даровалъ людямъ мудрость, украсилъ государства святилищами и гражданскими учрежденіями, при посредствѣ эллинскихъ колоній распространилъ во всѣхъ частяхъ свѣта образованіе и подготовилъ жившіе тамъ народы къ принятію господства римлянъ, которые не только родственны эллинамъ по своему происхожденію, но имѣютъ одинаковыя вѣрованія и религіозныя учрежденія съ послѣдними¹⁾). Государственное устройство, формы судебныя, правильное распредѣленіе налоговъ и податей и внутреннее процвѣтаніе государства не находятся ли въ жалкомъ состояніи у іудеевъ?»²⁾). Поставляя въ контрастъ знаменитымъ мужамъ еврейскаго народа греческихъ мудрецовъ и законодателей, Юліанъ неизмѣримо выше ставитъ достоинства и заслуги послѣднихъ сравнительно съ первыми. Такъ, проводя параллель между Сократомъ, Фокилидомъ и Теогнисомъ съ одной стороны, и Соломономъ съ другой, онъ отдаетъ преимущество нравственнымъ наставленіямъ первыхъ, не смотря на то, что они не имѣли такого всеобщаго значенія, какъ притчи Соломоновы. «Какъ можно сравнивать Соломона съ греками Фокилидомъ, Теогнисомъ и Сократомъ? говорить онъ. Если поставить въ параллель нравственныя наставленія послѣдняго съ притчами Соломона, то я вполне убѣжденъ, что сынъ Θεодора одержитъ верхъ надъ мудрѣйшимъ царемъ. Правда, могутъ сказать, что Соломонъ былъ воспитанъ въ культъ своего Бога, но что же отсюда слѣдуетъ? Развѣ онъ не почиталъ нашихъ боговъ, будучи обольщенъ своими женами, какъ самъ онъ рассказываетъ? О величіе добродѣтели, о сокровище мудрости! Соломонъ не могъ господство-

¹⁾ Julian. ap. Cyrill. VI, p. 153.

²⁾ Ibidem. VII, 2.

вать надъ своими страстями и только слѣдовалъ женскому разсужденію. Если онъ позволялъ обманывать себя женщинами, то на какомъ основаніи усвоится ему имя мудреца?»¹⁾

Наряду съ политическимъ могуществомъ языческихъ націй и ихъ внутреннимъ благосостояніемъ, Юліанъ съ особенною силою старается выставить наружу блестящее умственное развитіе Эллады и языческаго Рима, ихъ науки, искусства, данныя, по его словамъ, самими богами и находящіяся подъ ихъ непосредственнымъ покровительствомъ. При этомъ случаѣ для него казалось дѣломъ совершенной необходимости соединить подъ одно общее знамя всѣ славныя имена древнихъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ, которые, какъ онъ думалъ, въ своихъ произведеніяхъ старались проводить одну и ту же богооткровенную истину, хранившуюся въ язычествѣ, хотя, вслѣдствіе различія своихъ воззрѣній, доходили до познанія этой истины различными путями и притомъ нерѣдко впадали даже въ ошибки и заблужденія. «Никто, говоритъ онъ въ шестой своей рѣчи противъ невѣжественныхъ циниковъ, не раздѣляетъ нашу философію на множество частей или, лучше сказать, никто не дѣлаетъ нѣсколько философскихъ ученій изъ одного. Ибо какъ истина одна, и философія тоже одна. Познаніе одной и той же истины можно достигнуть различными путями, точно также какъ удобно придти различными путями въ Аѣны — водою и сухими путемъ, по главной дорогѣ и побочными путями. Посему пусть никто не обвиняетъ насъ (философовъ), если нѣкоторые изъ нашихъ сотоварищей, избравши особый путь для отысканія истины, впадаютъ въ заблужденіе»²⁾. Юліанъ сознается,

¹⁾ Julian. ap. Cyrill. VII, 3.

²⁾ Julian. Orat. VI adversus imperitos canes, p. 184.

что всѣ науки и искусства обязаны своимъ первоначальнымъ происхожденіемъ варварамъ, но утверждаетъ, что у послѣднихъ онѣ служили только исключительно для удовлетворенія однихъ потребностей жизни и находились въ изолированномъ положеніи въ отношеніи другъ къ другу, между тѣмъ какъ у грековъ онѣ были усовершенствованы, приведены въ тѣсную связь между собою и получили высшее значеніе ¹⁾. «Такъ знаніе небесныхъ явленій, говоритъ онъ, было усовершенствовано греками, хотя первыя наблюденія и были сдѣланы варварами въ Вавилонѣ. Геометрія, соединенная у египтянъ съ геодезією, въ Греціи въ самое короткое время сдѣлала неизмѣримый прогрессъ въ своемъ развитіи, какой только мы въ состояніи представить. У грековъ же была возведена на степень науки арифметика, первоначально изобрѣтенная финикійскими купцами; у нихъ же получили, наконецъ, свое окончательное развитіе музыка и гармонія ²⁾. Самый греческій языкъ, на которомъ написаны произведенія классической литературы, не имѣетъ себѣ ничего равнаго въ мірѣ, какъ по своему благозвучію и пріятности, такъ по своему значенію въ образовательномъ отношеніи» ³⁾. Всѣ науки и искусства, которыми такъ гордился античный міръ, въ глазахъ Юліана представляются непосредственнымъ даромъ языческихъ боговъ и потому должны составлять неотъемлемое достояніе однихъ только приверженцевъ древняго культа. «Боги, говоритъ онъ, были непосредственными учителями и руководителями Гомера, Гезіода, Демосѡена, Исократа, Лисія и другихъ писателей, изъ которыхъ одни посвящали, вслѣдствіе этого, свои произведенія кто Гермесу, кто музамъ, а кто другимъ божествамъ ⁴⁾.

¹⁾ Julian. ap. Cyrill. V, p. 198.

²⁾ Ibidem. V, p. 178.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem.

Эскулапъ излечиваетъ наше тѣло, музы съ Аполлономъ и Меркуріемъ научаютъ насъ, какъ боги краснорѣчія, Марсъ и Эніо предстоятъ намъ въ нашихъ битвахъ, Вулканъ управляетъ тѣмъ, что принадлежитъ къ области искусства, между тѣмъ какъ безматерная и дѣвственная Минерва руководитъ всѣми дѣлами подъ верховнымъ надзоромъ самого Зевса. Тоже самое мы встрѣтимъ, если обратимъ свое вниманіе на искусства, служащія нашимъ нуждамъ, равно какъ и тѣ, которыя возбуждаютъ подражаніе богамъ, какъ скульптура, живопись, экономія и медицина, которая, происходя отъ Эскулапа, простираетъ свои благодѣянія на всю землю и всѣхъ людей»¹⁾. Будучи рожденъ самимъ Зевсомъ, Эскулапъ, по словамъ Юліана, является въ образѣ человѣка на землѣ для того, чтобы безпрепятственно изливать свои цѣлительные дары на людей. Первоначально онъ является въ Эпидаврѣ и съ тѣхъ норъ постоянно распространяетъ свою услужливую руку помощи надъ всею землею. Онъ попеременно живетъ то въ Пергамѣ, то въ Іоніи, Великой Греціи, наконецъ обходитъ всѣ сухопутныя и морскія страны, повсюду излечивая людей, больныхъ тѣломъ и душою²⁾. Стараясь придать особенную важность и значеніе произведеніямъ древней классической литературы, бывшимъ, по взгляду Юліана, прямымъ дарованіемъ языческихъ боговъ, онъ сравниваетъ ихъ съ священными книгами христіанъ и находитъ гораздо выше послѣднихъ въ образовательномъ отношеніи. «Ваши писанія, говоритъ онъ, никого не могутъ сдѣлать хорошимъ или добродѣтельнымъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ, благодаря нашему образованію, люди становятся лучшими, если они не владѣютъ даже отъ природы хо-

¹⁾ Julian. ap. Cyrill. VII, 4.

²⁾ Ibidem. VI, 7.

рошими способностями. Но когда человекъ, имѣя природныя дарованія, обогащается еще чрезъ наше обученіе, то становится для людей какъ бы даромъ самихъ боговъ, въ немъ возжигается свѣтильникъ знанія, и онъ обращается или къ занятію государственными дѣлами, или къ войнѣ, или же объѣзжаетъ море и сушу, совершая миссію героя. Доказательства этого очевидны. Изберите кого либо изъ вашихъ дѣтей для изученія Писанія и если они, достигши зрѣлаго возраста, будутъ благороднѣе рабовъ, въ такомъ случаѣ можете считать меня за безумца и нечестивца»¹⁾.

Юліанъ является однимъ изъ послѣднихъ защитниковъ умиравшаго политеизма, который не столько старается опровергнуть возраженія противъ законности его существованія, сколько употребляетъ всѣ усилія главнымъ образомъ доказать его необходимость и превосходство предъ іудействомъ и христіанствомъ. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ положительный контрастъ съ послѣдующими аналогетами древняго культа, которые уже болѣе не указываютъ его славныхъ сторонъ сравнительно съ іудействомъ и христіанствомъ, но только просятъ о великодушной пощадѣ, дозволены незамѣтно сойти съ исторической сцены и умереть спокойно. Такъ Ѳемистій защищаетъ политеизмъ исключительно только во имя правъ на свободу убѣжденія, а Симмахъ добавляетъ къ этому еще указаніе на историческое значеніе древняго культа и, во имя этой одной заслуги, просить великодушно пощадить его памятники отъ разрушенія.

¹⁾ Julian. ap. Cyrill. VII, p. 229. Ἀτεχνῶς γίγνεται τῶν θεῶν τοῖς ἀνθρώποις δῶρον, ἥτοι φῶς ἀνάψας ἐπιστήμης, ἢ πολιτείας γένος, ἢ πολεμίους πολλοὺς τρεψάμενος, καὶ πολλὴν γῆν, πολλὴν δὲ ἐπελθὼν εὐχλασσαν, καὶ τοῦτω φανείς ἥρωϊκός. Ἐκ πάντων ὁμῶν ἐπιλεξιμένοι παῖδες ταῖς γραφαῖς ἐμμελετῆσαι παρασκευάσασθε καὶ φανῇ τῶν ἀνδραπόδων, εἰς ἄνδρα τελείωντα, σπουδαιότερα, ληρεῖν ἐμὲ καὶ μελαγχολᾶν νομίζετε.

Въ своей рѣчи, обращенной къ императору Валентиніану, Симмахъ олицетворяетъ Римъ и заставляетъ его говорить къ императору: «Великій Государь! уважь мои лѣта, дарованныя мнѣ благочестіемъ, и сохрани мнѣ культъ моихъ предковъ. Онъ весь міръ подчинилъ моимъ законамъ, его жертвы удалили Ганнибала отъ стѣнъ моихъ и галловъ отъ воротъ Капитолія. Ужели мнѣ суждено было прожить столь долгое время для того только, чтобы испытывать оскорбленія въ концѣ моего политическаго существованія!»¹⁾. Нельзя не видѣть, что Симмахъ въ своей рѣчи только умоляетъ объ одной пощадѣ древнему культу, вовсе не думаетъ, подобно Юліану, защищать законность и необходимость его существованія и чуждъ всякой претензіи доказывать его превосходство предъ христіанствомъ. Тѣже самыя идеи встрѣчаемъ мы и у Ливанія. «Въ дѣлѣ религіи, говоритъ этотъ софистъ, все должно быть предоставлено одному убѣжденію и ничего силѣ. Сами христіане не имѣютъ ли у себя прекраснаго закона, который рекомендуетъ имъ кротость и совѣтуетъ избѣгать принужденія въ дѣлѣ религіи?»²⁾.

Среди своей усиленной дѣятельности для возстановленія и преобразованія политеизма Юліанъ не могъ не видѣть, что современное ему языческое общество въ своей жизни имѣло весьма много важныхъ недостатковъ, которые могли подавать поводъ къ обвиненіямъ въ его внутренней слабости и несостоятельности. Главную причину упадка древняго культа Юліанъ видѣлъ въ недостаточной жизни языческихъ жрецовъ, въ недостаткѣ у нихъ авторитета и вліянія на жизнь общества, въ нравственной распущенности и равнодушіи послѣдняго къ своимъ отечественнымъ религіознымъ учрежденіямъ³⁾. При

¹⁾ Simmach. Epist. X, 54.

²⁾ Liban. Orat. pro templis, p. 54.

³⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429—432.

такихъ обстоятельствахъ ему казалась совершенно необходимой практическая реформа язычества, которую онъ пытался осуществить при посредствѣ заимствованія изъ христіанства и усвоенія язычеству нравственной строгости и чистоты христіанской жизни, равно какъ и другихъ учрежденій христіанской церкви. Съ помощію всего этого Юліанъ думалъ внести въ язычество новый духъ и жизнь, неизвѣстные ему до того времени, основать новую политеистическую церковь, которая бы въ выполненіи своей духовной миссіи была совершенно независима отъ государства и которая бы своимъ устройствомъ и жизнію своихъ членовъ въ состояніи была опровергать возраженія со стороны христіанъ ¹⁾).

Воззрѣнія, которыми Юліанъ руководствовался при осуществленіи практической реформы политеизма, изложены имъ въ письмѣ къ Арзакію, верховному жрецу Галатіи ²⁾), и Θεодору, верховному жрецу провинціи Азіи ³⁾), главнымъ же образомъ въ отрывкѣ письма императора къ одному языческому жрецу, неизвѣстному по имени ⁴⁾). Къ сожалѣнію послѣднее произведеніе сохранилось до нашего времени въ обезображенномъ видѣ, безъ начала и безъ конца. Судя по содержанію, оно представляетъ собою родъ инструкціи, составленной Юліаномъ языческимъ жрецамъ для руководства въ ихъ жизни и при отправленіи обязанностей своего служенія. На основаніи указанныхъ источниковъ, равно какъ и свидѣтельствъ св. Григорія Богослова ⁵⁾ и Созомена ⁶⁾), можно составить весьма вѣроятное заключеніе, что въ дѣлѣ практическаго

¹⁾ Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 289—305.

²⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429—432.

³⁾ Julian. Epist. LXIII ad Theod. Pontif. Asiae p. 452—454.

⁴⁾ Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 289—305.

⁵⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 164—167.

⁶⁾ Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348—351.

преобразованія язычества Юліанъ преслѣдовалъ главнымъ образомъ ту цѣль, чтобы усвоить языческому обществу нравственную строгость и чистоту жизни христіанъ, перенести въ древній культъ различныя учрежденія христіанской церкви и тѣмъ самымъ сообщить новую жизнь одряхлѣвшимъ формамъ его существа. Не смотря на свою глубокую ненависть, питаемую къ христіанству, Юліанъ тѣмъ не менѣе какъ бы невольно и самъ того не замѣчая, находился подъ сильнымъ вліяніемъ послѣдняго и во многихъ случаяхъ руководился его идеями и воззрѣніями, управлявшими тогдашнимъ міромъ. «Если геллинизмъ, писалъ Юліанъ къ верховному жрецу Галатіи, Арзакію, до сихъ поръ не достигъ еще желаемого успѣха, то виноваты въ томъ мы сами, его послѣдователи. Боги сдѣлали для насъ много хорошаго выше всякаго желанія и надежды. Да будетъ милостива къ словамъ нашимъ Адрастея! Нѣсколько прежде никто не смѣлъ и желать столь важной переменъ, происшедшей въ короткое время. Не думаешь ли, что довольно этого? Мы и не замѣчаемъ, что безбожіе (такъ Юліанъ называлъ христіанство) особенно возрастаетъ любовью къ странникамъ, заботливостію о гробахъ умершихъ и наружною святостію жизни. Я думаю, что и намъ по истинѣ надлежитъ исполнять все это. И быть такимъ надлежитъ не только тебѣ одному, но и всѣмъ жрецамъ Галатіи, которыхъ то стыдомъ, то убѣжденіемъ старайся сдѣлать добрыми. Если у іудеевъ никто не проситъ милостыни, а нечестивые галилеяне кромѣ своихъ питаютъ еще и нашихъ, то не постыдно ли, что свои отъ насъ не получаютъ помощи. Мы по безпечности срачимъ сами себя и еще болѣе роняемъ благоговѣніе къ богамъ»¹⁾. «Юліанъ видѣлъ, говоритъ св. Григорій

¹⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429—430. Ἐλληνισμὸς οὕτω πρᾶττη κατὰ λόγον ἡμῶν, ἐνεκὰ τε μετιόντων αὐτὸν τὰ γὰρ θεῶν λαμπρὰ καὶ

Богословъ, что наше ученіе величественно и по своимъ догматамъ, и по свидѣтельствамъ, даннымъ свыше видѣлъ, что это ученіе еще болѣе величественно и славно по преданіямъ и доселѣ сохраняемымъ правиламъ церковнаго благоустройства. Итакъ, чтобы и это не избѣгло его злоухищреній, что замышляетъ онъ и что дѣлаеть? Подражаетъ Рапсаку ассиріянину, военачальнику царя Сеннахирима. Ибо приготовлялся во всѣхъ городахъ завести училища, каѳедры, высшія и низшія мѣста для сидящихъ, чтенія и толкованія языческихъ ученій, относящихся и къ образованію нравовъ и къ таинствамъ, также образцы молитвъ, попеременно произносимыхъ то тѣми то другими, епитиміи согрѣшающимъ, сообразныя преступленію, чинъ приготовленій къ посвященію и самаго посвященія, и, словомъ все, что очевидно принадлежитъ къ нашему благочинію. Сверхъ сего думалъ онъ устроить гостиницы и страннопріимныя дома, убѣжища для любителей цѣломудрія, для дѣвъ, и обители для посвятившихъ себя размышленію; хотѣлъ подражать и нашему человеколюбію къ нуждающимся, чтобы оказывать имъ всякое пособіе и напутствовать ихъ одобрительными письмами, съ коими мы препровождаемъ бѣдныхъ отъ одного народа къ другому, чему онъ особенно удив-

μεγάλα, κρείττονα πάσης μὲν εὐχῆς, πάσης δὲ ἐλπίδος. Ὅπως δὲ ἔστω τοῖς λόγοις ἡμῶν Ἀδράστεια. Τίς γάρ ἐν ὀλίγῳ τοσαύτην καὶ τηλικαύτην μεταβολὴν ὀλίγῳ πρότερον ἐτόλμα; τί οὖν ἡμεῖς οἰόμεθα ταῦτα ἀρκεῖν, οὐδὲ ἀποβλέπομεν ὃ μάλιστα τὴν ἀθεοῦτητα συνηύξησεν, ἡ περὶ τοὺς ξένους φιλανθρωπία, καὶ ἡ περὶ τὰς ταφὰς τῶν νεκρῶν προμήθεια, καὶ ἡ πεπλασμένη σεμνότης κατὰ τὸν βίον; ὧν ἕκαστον οἴομαι χρῆναι παρ' ἡμῶν ἀληθῶς ἐπιτηδεύεσθαι· καὶ οὐκ ἀπόχρη τὸ σεμνὸν εἶναι τοιοῦτον. Ἀλλὰ πάντας ἀπαξ ἀπλῶς οἱ περὶ τὴν Γαλατίαν εἰσὶν ἱερεῖς, οὓς ἡ θυσώπησον, ἡ πεῖσον εἶναι σπουδαίους, ἡ τῆς ἱερατικῆς λειτουργίας ἀπόστησον.... Αἰσχρὸν γάρ εἴ τε μὲν Ἰουδαίων οὐδεὶς μεταίτεται· τρέφουσι δὲ οἱ δυσσεβεῖς Γαλιλαῖοι πρὸς τοὺς ἑαυτῶν καὶ τοὺς ἡμετέρους. Οἱ δὲ ἡμέτεροι τ' παρ' ἡμῶν ἐπικουρίας ἐνδεεῖς φαίνονται... Μὴ δὲ τὰ παρ' ἡμῶν ἀγαθὰ παραζηλοῦν ἄλλοις συγχαροῦντες, αὐτοὶ τῇ ῥαθυμίᾳ καταισχύνοιμεν, μᾶλλον δὲ καταπροδόμεθα τὴν εἰς τοὺς θεοὺς εὐλαβίαν.

лялся въ нашихъ установленіяхъ. Вотъ что замышлялъ этотъ новый догматовводитель и софистъ»¹⁾. «Предполагая, что христіанство укрѣпляется жизнію и поведеніемъ принадлежащихъ къ нему лицъ, говоритъ Созоменъ, Юліанъ задумалъ языческіе храмы повсюду украсить принадлежностями и чинностію въ-ры христіанской, а языческое ученіе возвысить кафедрами, предсѣданіями, преподавателями и чтецами языческихъ догматовъ и увѣщаній, установленіемъ молитвословій въ извѣстныя часы и дни, учрежденіемъ монастырей для ищущихъ любомудрія мужчинъ и женщинъ, гостинницами для странниковъ и убогихъ, и другими дѣлами челоуѣколюбія къ нищимъ. Подражая христіанскому преданію касательно произвольныхъ и непроизвольныхъ прегрѣшеній, онъ предписывалъ также соотвѣтственное грѣхамъ исправленіе себя посредствомъ покаянія. Не менѣе, говорятъ, соревновалъ онъ епископамъ въ сочиненіи посланій, которыми обмѣниваясь, они обыкновенно поручали другъ другу странниковъ, и съ которыми, откуда бы кто изъ нихъ ни пришелъ и къ кому бы ни присталъ, по этому свидѣтельству принимаемъ былъ какъ присный и возлюбленный. Вводя это, Юліанъ старался пріучить язычниковъ къ обычаямъ христіанскимъ»²⁾. По словамъ указаннаго историка, для многихъ представлялось страннымъ и совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ Юліанъ, не смотря на свою глубокую ненависть противъ христіанства, тѣмъ не менѣе дѣлалъ изъ него не мало заимствованій и усвоялъ ихъ язычеству. Съ цѣлію доказать дѣйствительность такого заимствования, Созоменъ приводитъ въ своей исторіи уже из-

¹⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 164—167.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348.

вѣстное намъ письмо Юліана къ Арзакію, верховному жрецу Галатіи, гдѣ императоръ излагаетъ планъ своей практической реформы язычества по образцу христіанства.

Согласно съ собственнымъ признаніемъ Юліана, равно какъ съ свидѣтельствами св. Григорія Богослова и Созомена, всѣ новѣйшіе изслѣдователи эпохи Юліана признають за несомнѣнный фактъ, что императоръ въ своей практической реформѣ политеизма находился подъ сильнымъ вліяніемъ христіанскихъ идей и старался цѣликомъ пересадить въ язычество многія изъ учрежденій христіанской церкви. Замѣчательное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ одинъ Беньо, который, выходя изъ того взгляда, что язычество не способно было ни къ какой реформѣ, отвергаетъ возможность всякой попытки къ его преобразованію Юліаномъ по образцу христіанской церкви. «Многіе изслѣдователи, говоритъ онъ, утверждаютъ, будто бы Юліанъ составилъ обширный планъ религіозныхъ реформъ, такъ что въ этомъ отношеніи можетъ быть справедливо названъ языческимъ Лютеромъ своего времени¹⁾, и добавляють, что онъ хотѣлъ преобразовать язычество по образцу христіанской доктрины и создать такимъ образомъ политеистическую церковь. Такое мнѣніе можетъ справедливо разсчитывать на вниманіе и опроверженіе со стороны изслѣдователя. На основаніи его можно заключать, будто бы язычество IV в. было доступно для реформы, но я полагаю, напротивъ, что ни одинъ язычникъ никогда, въ какую бы эпоху онъ ни жилъ, не могъ дойти до мысли произвести въ своей религіи то, что мы привыкли называть реформою²⁾. Правда,

¹⁾ Chataubriand, Etudes Hist. II, 107.

²⁾ Beugnot. Histoire de la destruction du paganisme en occident. Paris 1845, t. I, p. 199.

Юліанъ писалъ окружное посланіе къ жрецамъ съ цѣлю возбудить въ нихъ благочестіе, умѣренность и воздержаніе, хотя часто приводилъ имъ въ примѣръ поведение христіанскихъ священниковъ, но, очевидно это посланіе доказываетъ только одно, что служители языческаго культа были сильно испорчены и что Верховному жрецу необходимо было призвать ихъ къ жизни болѣе воздержной. Еще менѣе склонны мы думать, что Юліанъ хотѣлъ преобразовать язычество сообразно съ учрежденіями христіанской церкви, хотя объ этомъ свидѣлствуютъ Григорій Назіанзинъ и Созоменъ и хотя, согласно съ послѣдними, утверждаютъ всѣ новые изслѣдователи. Христіанство представлялось въ глазахъ Юліана религіею невѣждъ и безумцевъ. При такихъ воззрѣніяхъ, понятно, преобразовывать язычество по идеямъ христіанской доктрины значило бы только исказить и обезобразивать его. Никто менѣе его не былъ склоненъ къ эклектизму, — старый культъ представлялся въ его глазахъ вполне хорошимъ, новый — безусловно дурнымъ. Итакъ, какая же идея этого мнимаго подражанія могла занять мѣсто среди плановъ, приписываемыхъ историками Юліану? Не имѣя никакого проэкта реформы, этотъ государь старался только, какъ я уже замѣтилъ, свести на практическую почву добродѣтели языческихъ жрецовъ, которые, особенно на востокѣ, жили въ полномъ пренебреженіи со стороны языческаго общества. Его законодательныя постановленія, письма и увѣщанія служителямъ древняго культа продиктованы были государственною мудростію и производили благопріятное дѣйствіе среди язычниковъ. Христіанскіе учителя, съ цѣлю ослабить ихъ результаты, пустили въ ходъ мысль о заимствованіи и утверждали, что въ своемъ безсиліи возстановить древнія вѣрованія Юліанъ не нашелъ ничего лучшаго какъ только подкапываться подъ учреж-

денія христіанской церкви. Они утверждали даже, чтобы сдѣлать подражаніе болѣе полнымъ, будто Юліанъ устроилъ мужскіе и женскіе монастыри»¹⁾.... Нельзя не видѣть, что изложенный взглядъ Бенъо на характеръ практической реформы Юліаномъ язычества, отличаясь большою оригинальностью, въ тоже самое время стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ приведенными уже нами собственными воззрѣніями императора и ясными свидѣтельствами Созомена и св. Григорія Богослова. Несостоятельность его окажется еще болѣе очевидною при ближайшемъ знакомствѣ съ тѣми средствами, которыми Юліанъ старался осуществить задуманную имъ практическую реформу политеизма.

Юліанъ прежде всего обратилъ вниманіе на преобразование жреческаго сословія, которое далеко не удовлетворяло идеалу своего высокаго званія. Современные ему жрецы не имѣли никакой строго опредѣленной организации, которая бы соединяла ея членовъ единствомъ задачи ими преслѣдуемой, были холодны къ древнему культу, не отличались нравственною чистотою и строгостью своей жизни и потому не могли оказывать никакого вліянія на языческое общество въ этомъ отношеніи, подавая даже поводъ къ справедливымъ нареканіямъ на себя со стороны послѣдняго²⁾. Изъ собственныхъ сочиненій Юліана можно видѣть, что религіозный индеферентизмъ служителей древняго культа доходилъ до такой степени, что ихъ жены и дѣти открыто исповѣдывали себя христіанами, чѣмъ навлекали на себя сильное негодованіе императора. Въ извѣстномъ намъ уже письмѣ къ галатійскому жрецу Арзакію

¹⁾ Beugnot, t. I, p. 206.

²⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429—432. Fragment. Orat. Epistolaee cujusd. p. 289—305.

Юліанъ даетъ ему приказаніе немедленно и безъ всякаго снисхожденія извергать изъ своихъ должностей тѣхъ жрецовъ, которые одни только оказываютъ почтеніе отечественнымъ богамъ, между тѣмъ какъ ихъ жены, дѣти и рабы находятся въ сообществѣ съ галилеянами ¹⁾. Въ сохранившемся до нашего времени отрывкѣ жреческой инструкціи онъ строго требуетъ отъ кандидатовъ на жреческія должности, какъ условія первой важности, чтобы ихъ семейные и домочадцы имѣли искреннее почтеніе къ древнему культу подѣ страхомъ самаго строгаго наказанія²⁾. Такимъ образомъ Юліанъ, имѣвшій справедливыя основанія ожидать со стороны языческихъ жрецовъ самой главной поддержки въ дѣлѣ задуманнаго имъ возстановленія политеизма, не могъ не придти къ горькому убѣжденію, что языческое жречество далеко не способно оказывать ему помощь въ этомъ отношеніи. Въ тоже самое время отъ его взгляда не могло укрыться то важное значеніе, какое имѣла въ христіанской церкви іерархія, и то благотворное вліяніе, какое она оказывала на религіозно-нравственную жизнь вѣрующихъ. При такихъ обстоятельствахъ Юліанъ рѣшился преобразовать языческое жречество по образу христіанской іерархіи, сообщить ему нравственную силу и авторитетъ послѣдней и въ тоже время окружить его внѣшнимъ блескомъ и великолѣпіемъ мірской власти ³⁾. Въ этихъ видахъ онъ прежде всего постарался придать языческимъ жрецамъ внѣшнюю организацію по образцу христіанской іерархіи. До сихъ поръ служители древняго культа были изолированы другъ отъ друга и не имѣли никакого соотношенія между собою. Юліанъ ввелъ родъ іерархиче-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 292.

³⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429—432. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 282—305.

скихъ степеней въ языческомъ жречествѣ и установилъ строгую подчиненность между служителями культа, подчинивъ ихъ особенно для того назначеннымъ предстоятелямъ, по характеру своей должности во многомъ сходнымъ съ христіанскими епископами. Въ силу правительственныхъ распоряженій Юліана каждая провинція была поручена надзору особаго верховнаго жреца, вѣдѣнію котораго подлежалъ надзоръ надъ отправленіемъ культа и связанныхъ съ нимъ религіозныхъ обрядовъ во всей ввѣренной его управленію области, равно какъ и право суда надъ подчиненными ему жрецами. Такъ уже извѣстный намъ Хрисаной былъ назначенъ верховнымъ жрецомъ Лидіи, Арзакій получилъ должность верховнаго жреца Галатіи ¹⁾, нѣкто Θεодоръ, къ которому обращено LXIII письмо императора, получилъ такое же точно назначеніе въ провинціи Азіи ²⁾. Въ свою очередь и верховные провинціальныя жрецы были поставлены въ непосредственную зависимость отъ самого императора, какъ верховнаго духовнаго главы всего государства. Характеръ должности и важность обязанностей, съ нею соединенныхъ, даютъ намъ прямое право къ заключенію, что въ верховные жрецы провинцій были назначаемы Юліаномъ люди достойные, способные проникать въ планы его религіозной реформы и при томъ владѣющіе умѣньемъ и всѣми необходимыми средствами для ихъ выполненія. Дѣйствительно, нѣкоторые указанія въ собственныхъ сочиненіяхъ императора даютъ поводъ заключать, что должности верховныхъ жрецовъ въ провинціяхъ поручаемы были лицамъ особенно къ нему приближеннымъ, на содѣйствіе которыхъ въ дѣлѣ предпринятой имъ реформы онъ могъ вполнѣ разсчитывать.

¹⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429—431.

²⁾ Julian. Epist. LXIII ad Theod. p. 444.

Избираться жрецы, не мысли Юліана, должны изъ самыхъ лучшихъ членовъ общества, отличающихся нравственною чистотою, безукоризненностью своей жизни и благочестіемъ въ отношеніи къ богамъ ¹⁾. Будутъ ли кандидаты на жреческія должности владѣть богатствомъ или же будутъ бѣдны — безразлично, такъ какъ имущественное состояніе и общественное положеніе не должны служить препятствіемъ ко вступленію въ жречество всякому достойному человѣку ²⁾. Но, рекомендуя при избраніи жрецовъ обращать свое вниманіе исключительно на одно только нравственное достоинство избираемыхъ безъ различія ихъ званія и состоянія, при всемъ томъ императоръ долженъ былъ предпочтительно избирать для этого людей, принадлежавшихъ къ высшимъ образованнымъ классамъ языческаго общества, такъ какъ жрецы, по его взгляду, должны были служить органами политеизма, одухотвореннаго идеями неоплатонической философіи, и пользоваться послѣднею какъ опорой своего культа. Въ сохранившемся до насъ отрывкѣ жреческой инструкціи рекомендуется жрецамъ между прочимъ изученіе философіи, особенно тѣхъ системъ ея, которыя проповѣдуютъ ученіе о богахъ и Провидѣніи ³⁾. Кромѣ того, какъ мы увидимъ, Юліанъ смотрѣлъ на жрецовъ не только какъ на однихъ совершителей обрядовъ и религіозныхъ церемоній, но какъ на учителей и нравственныхъ воспитателей народа. Все это даетъ достаточныя основанія къ справедливому заключенію, что жреческія должности, по плану реформы Юліана, должны были занимать люди, принадлежавшіе преимущественно къ высшимъ классамъ языческаго обще-

¹⁾ Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 297.

²⁾ Ibidem p. 204—205.

³⁾ Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 293—295.

ства, владѣвшіе необходимыми для того образовательными средствами.

Стараясь придать жреческому сословію опредѣленную организацію и форму тѣсно сплоченной и замкнутой корпораціи, Юліанъ въ тоже самое время съ своей стороны употреблялъ всѣ средства для того, чтобы возвысить общественное положеніе жрецовъ и придать имъ большій авторитетъ въ глазахъ народной массы. «Пока жрецъ исполняетъ свою должность, говоритъ онъ, и за свои предосудительные поступки еще не заслуживаетъ быть низложеннымъ, на него должно смотрѣть какъ на самый прекрасный даръ боговъ и воздавать соотвѣтствующее уваженіе. Жрецы должны быть почитаемы какъ служители боговъ, потому что они своими молитвами и жертвами доставляютъ людямъ любовь и благоволеніе послѣднихъ. Будетъ ли жрецъ хорошъ или дуренъ, пока онъ не лишенъ своего званія, долженъ заслуживать любовь и уваженіе со стороны людей»¹⁾. Жреческая корпорація, по плану Юліановой реформы, должна занимать совершенно независимое положеніе въ государствѣ и ни въ чемъ не уступать въ своихъ правахъ предъ институтомъ государственныхъ чиновниковъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ можетъ пострадать ея авторитетъ въ глазахъ народа. Мало того, жрецы должны пользоваться въ глазахъ общества гораздо большимъ уваженіемъ, нежели государственные чиновники, хотя послѣдніе, какъ охранители закона, тоже въ своемъ родѣ исполняютъ жреческія обязанности²⁾. Жрецъ долженъ являться вполне самостоятельнымъ и независимымъ въ своихъ отношеніяхъ къ государственнымъ властямъ. Только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о покровительствѣ

¹⁾ Ibidem p. 296—297.

²⁾ Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 296.

бѣдныхъ и угнетенныхъ, ему необходимо бываетъ являться на форумѣ предъ намѣстникомъ провинціи, еще рѣже долженъ онъ отправляться къ нему по этому поводу на домъ¹⁾. Самымъ удобнымъ средствомъ для сношеній съ гражданскими властями Юліанъ рекомендуетъ жрецамъ письма. При вступленіи намѣстника провинціи въ городъ жрецу не прилично выходить къ нему на встрѣчу наравнѣ съ прочими гражданами, но гораздо удобнѣе дѣлать это въ преддверіи храма. При этомъ случаѣ намѣстника не должна окружать почетная стража, потому что какъ скоро начальникъ вступитъ въ храмовую ограду, онъ тотчасъ же становится частнымъ человекомъ. «Внутри храма, какъ тебѣ извѣстно, ты самъ начальникъ, замѣчаетъ Юліанъ въ письмѣ своемъ къ Арзакію, верховному жрецу Галатіи, этого требуетъ и божественный законъ»²⁾. Юліанъ съ большою строгостію подвергалъ наказаніямъ государственныхъ чиновниковъ, когда они были обвиняемы въ нарушеніи правъ жрецовъ и нанесеніи имъ оскорбленій, особенно при совершеніи послѣдними ихъ священныхъ обязанностей. Въ сохранившемся до насъ отрывкѣ LXIII письма Юліана къ неизвѣстному лицу, онъ, какъ Верховный первосвященникъ (*Pontifex maximus*) произноситъ отлученіе надъ однимъ чиновникомъ, оскорбившимъ жреца во время совершенія имъ службы при храмѣ. «Такъ какъ я, согласно отечественнымъ обычаямъ отправляю должность Верховнаго жреца, говоритъ здѣсь императоръ, то, въ силу данной мнѣ власти, отлучаю тебя въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отъ участія въ общественномъ богослуженіи. Если въ этотъ періодъ времени ты окажешь себя достойнымъ и верховный жрецъ провинціи донесетъ мнѣ

¹⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 430. Сравни. Epist. LXIII ad Theod. Pontif. p. 444.

²⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 430.

объ этомъ, тогда я обращусь вмѣстѣ съ тобою съ молитвою къ богамъ и вопрошу ихъ, можно ли будетъ принять тебя снова въ общеніе или же нѣтъ»¹⁾. Когда жрецъ дѣйствительно бываетъ уличаемъ въ преступленіи и подлежитъ за это отвѣтственности предъ закономъ, то свѣтскіе начальники не прежде могутъ подвергать его заслуженному наказанію, пока онъ не оставитъ храма и не лишенъ будетъ своего жреческаго званія²⁾.

Но, возвышая общественное положеніе жрецовъ, надѣляя ихъ различными правами и привилегіями, Юліанъ въ тоже самое время требовалъ отъ нихъ жизни, соотвѣтствующей ихъ высокому званію и самаго точнаго исполненія своихъ обязанностей. Идеаль языческаго жреца, изображенный Юліаномъ въ собственныхъ его сочиненіяхъ, представляется слишкомъ возвышеннымъ и никогда ранѣе его не былъ извѣстенъ языческому обществу. Отдѣльныя черты этого идеала даютъ очевидное свидѣтельство, какъ сильно Юліанъ подчинялся вліянію христіанскихъ идей въ предпринятой имъ практической реформѣ язычества. «Справедливо, говоритъ онъ, почитать жрецовъ, какъ слугителей Божіихъ, какъ лицъ посредствующихъ между богами и нами, которыя содѣйствуютъ тому, чтобы блага, нисходящія отъ боговъ, дарованы были намъ. Они совершаютъ за людей жертвоприношенія богамъ и приносятъ имъ молитвы»³⁾. Согласно съ такимъ высокимъ взглядомъ на званіе жреца, Юліанъ признаетъ даже въ недостойномъ слугителѣ боговъ объективную святость жречества. Жизнь жре-

¹⁾ Julian. Fragment. Epist. LXII, p. 450—452.

²⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 430. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 300.

³⁾ Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 296. Εὐλογον τοὺς ἱερείας τιμᾶν, ὡς λειτουργοὺς Θεῶν καὶ ὑπηρέτας καὶ διακονοῦντας ἡμῖν τὰ πρὸς τοὺς Θεοὺς. συνεπισχύνοντάς τῃ ἐκ Θεῶν εἰς ἡμᾶς τῶν ἀγαθῶν ὁδοῖ· προζύουσι γὰρ πάντων καὶ ὑπερέχοντα.

цовъ, какъ хранителей и совершителей культа, по взгляду императора, должна отличаться большею строгостію сравнительно съ жизнію простыхъ гражданъ. Юліанъ рекомендуетъ жрецу воздерживаться не только отъ неприличныхъ словъ и дѣйствій, но и уклоняться отъ общества, гдѣ онъ можетъ встрѣтить все это. Никакая неприличная шутка не должна сходить съ его губъ или касаться его уха ¹⁾. Ему слѣдуетъ воздерживаться отъ чтенія сатирическихъ произведеній, въ родѣ Архилоха и Гиппопакса, взамѣнъ которыхъ гораздо приличнѣе изучать философію Платона, Аристотеля, Зенона, Хризиппа и другихъ философовъ, учившихъ о богахъ и Providѣніи ²⁾. Болѣе всего убѣждаетъ Юліанъ жрецовъ внимательно изучать священные гимны, употреблявшіеся при богослуженіи и сочиненные, по его словамъ, самими богами. Большую часть своего времени жрецу прилично проводить въ молитвѣ и благочестивыхъ размысленіяхъ — молиться онъ обязанъ по крайней мѣрѣ утромъ и вечеромъ, такъ какъ недостойно служителя боговъ пренебрегать главными обязанностями своего званія — приносить молитвы богамъ за людей. Въ сохранившемся до нашего времени отрывкѣ жреческой инструкціи Юліанъ рассматриваетъ жизнь языческаго жреца съ двухъ сторонъ — служебную въ храмѣ и частную — внѣ его ³⁾. Во время отправленія очереди своего служенія при храмѣ (которая обыкновенно продолжалась около мѣсяца) жрецу рекомендуется въ точности соблюдать всѣ обряды и

¹⁾ Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. 300. Διόπερ χρη μάλιστα τῶν τῆς εὐσεβείας ἔργων ἀντέχεσθαι προσιώντας μὲν τοῖς θεοῖς μετ' εὐλαβείας αἰσχρὸν δὲ μήτε λέγοντας, μήτε ἀκούοντας· ἀγνέουσιν δὲ χρη τοὺς ἱερείας οὐκ ἔργων μόνον ἀκαθάρτων οὐδὲ ἀσελγῶν πράξεων, ἀλλὰ καὶ ῥημάτων καὶ ἀκραμάτων τοιούτων· Ἐξελატέα τοίνυν ἐστὶ ἡμῖν πάντα τὰ ἐπαχθῇ σκώμματα· πᾶσα δὲ ἀσελγῆς ὁμιλία.

²⁾ Ibidem p. 301.

³⁾ Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 301.

предписанія отечественнаго культа, ни разу не удаляться за предѣлы храмовой ограды, но предаваться исключительно молитвѣ и благочестивымъ размышленіямъ. При совершеніи религіозныхъ обрядовъ ему прилично облекаться въ роскошныя дорогія одежды, но внѣ храма онъ долженъ носить простое обыкновенное платье, чуждое всякой роскоши и украшеній. «Не малый грѣхъ дѣлаютъ жрецы въ отношеніи къ богамъ, замѣчаетъ Юліанъ въ отрывкѣ жреческой инструкціи, если они употребляютъ священныя одежды въ обыкновенной своей жизни и оскверняютъ ихъ, выставляя на показъ людямъ какъ нѣчто странное и необычайное»¹⁾. По окончаніи срока своего служенія при храмѣ, жрецъ, по словамъ Юліана, можетъ возвратиться къ обычнымъ своимъ занятіямъ, ходить на форумъ, видѣться здѣсь съ намѣстникомъ провинціи и съ людьми нуждающимися въ его помощи, посѣщать своихъ друзей, присутствовать на пиршествахъ, только не у всѣхъ безразлично, а у однихъ только людей лучшихъ и наиболѣе уважаемыхъ въ обществѣ и не позволять себѣ ихъ очень часто²⁾. Жрецу позволено присутствовать на военныхъ играхъ, посвященныхъ въ честь боговъ, но только бывать на тѣхъ, въ которыхъ женщины не являются ни въ качествѣ участвующихъ, ни въ качествѣ простыхъ зрительницъ³⁾. Напротивъ онъ долженъ держаться вдали отъ шумныхъ народныхъ удовольствій и увеселеній, не имѣющихъ отношенія къ религіи, въ родѣ травли дикихъ звѣрей, гладіаторскихъ битвъ и проч.⁴⁾. Юліанъ старался возвратить театръ къ первоначальной его чистотѣ, соотвѣтствующей служенію Діониса, и поставить

¹⁾ Ibidem p. 297.

²⁾ Ibidem p. 301.

³⁾ Ibidem p. 304.

⁴⁾ Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 297.

въ тѣсную связь съ культомъ. Но такъ какъ подобная попытка не могла осуществиться въ короткое время, то онъ рекомендуетъ жрецамъ воздерживаться отъ существующихъ въ его время театралныхъ зрѣлищъ. Ни одинъ актеръ, ни одинъ возница цирка, ни одинъ танцоръ, по его словамъ, не должны переступать чрезъ порогъ жреческаго жилища. Наконецъ, всякій жрецъ долженъ избѣгать посѣщенія гостинницъ и не заниматься никакими безчестными ремеслами¹⁾. За нерадивое исполненіе обязанностей своего званія жрецъ долженъ подвергаться соотвѣтствующему взысканію. Самое обыкновенное наказаніе для него составляетъ въ этомъ отношеніи отлученіе отъ совершенія службы при храмѣ на извѣстный срокъ времени²⁾. Болѣе важныя преступленія неминуемо влекутъ на виновнаго лишеніе должности.

Юліанъ старался поставить древнюю религію въ самую тѣсную связь съ интеллектуальнымъ и нравственнымъ развитіемъ народа и соединить съ общественнымъ богослуженіемъ религіозное обученіе. Языческіе жрецы въ глазахъ общества до сихъ поръ были исключительно одними совершителями обрядовъ и церемоній культа и не оказывали на народъ никакого нравственнаго вліянія. По духу Юліановой реформы они должны быть не только служителями культа и совершителями его обрядовъ и церемоній, но вмѣстѣ съ тѣмъ учителями и руководителями народа въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Эта идея религіознаго обученія, заимствованная Юліаномъ цѣликомъ изъ христіанской церкви была совершенно чужда язычеству и неизвѣстна ему до того времени. Въ видахъ доставленія народу религіознаго обученія Юліанъ старался придать языческому богослу-

¹⁾ Ibidem p. 301. *H τέχνης τινὸς καὶ ἐργασίας αἰσχρᾶς καὶ ἐπονείδιστου.

²⁾ Ibidem.

женію дидактическій элементъ и установить, какъ необходимую принадлежность его, проповѣдь, образецъ которой онъ очевидно пытался пересадить въ язычество изъ христіанской практики. По взгляду императора, языческіе храмы не должны предназначаться исключительно для совершенія въ нихъ обрядовъ и церемоній культа, но въ тоже самое время служить какъ бы школою, гдѣ народъ можетъ получать религіозное обученіе и слушать нравственно-назидательныя наставленія¹⁾. Съ этою цѣлію во всѣхъ языческихъ храмахъ, по приказанію императора, были устроены особыя кафедры, съ которыхъ жрецы и другія особо для того предназначенныя лица, облеченныя въ пурпуръ и съ вѣнками на головахъ, обязаны были читать отрывки изъ поэтовъ и философовъ, сопровождая свои чтенія аллегорическимъ толкованіемъ мифовъ и объясненіемъ значенія языческихъ мистерій и религіозныхъ обрядовъ²⁾. Св. Григорій Богословъ въ слѣдующемъ видѣ описываетъ картину этихъ новыхъ языческихъ богослужебныхъ собраний, которыя по идеѣ Юліановой реформы должны были служить школою религіознаго просвѣщенія для народа и средствомъ проведенія въ языческое общество началъ преобразованнаго и одухотвореннаго политеизма. «Представимъ себѣ, говоритъ св. отецъ, великолѣпное позорище, или не знаю, какъ иначе велятъ оии называть домъ свой. Пусть глашатаи созываютъ слушателей, пусть сходится народъ, пусть первыя мѣста займутъ или тѣ, которые отличаются сѣдиною старости и отмѣннымъ

¹⁾ Твор. Григ. Бог. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 166. Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 16. Διανοεῖτο πανταχῇ τοὺς ἑλληνικοὺς ναοὺς τῇ παρασκευῇ καὶ τῇ τάξει τῆς χριστιανῶν ἐρησκειᾶς διακοσμεῖν. Βῆμασί τε καὶ προεδρίαις, καὶ ἑλληνικῶν δομῶν καὶ παραινέσεων διδασκάλοις τε καὶ ἀναγνώσταις. Сравни. Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 116.

образомъ жизни, или люди знаменитые по роду, по славѣ и по хитросплетенной мудрости земной, въ которой болѣе прелести, чѣмъ истиннаго благочестія. Мы отдадимъ имъ это преимущество. Что же будутъ они дѣлать послѣ сего¹⁾? Пусть сами запишутъ своихъ предсѣдателей, пусть украшаютъ ихъ пурпуровыя одежды, ленты и разноцвѣтныя прекрасныя вѣнки, такъ какъ я часто замѣчалъ, что они заботливо пекутся о величавой наружности и о томъ, какъ бы стать выше простолюдиновъ: какъ будто все общеупотребительное и обыкновенное достойно презрѣнія, а что показываетъ надменность и не можетъ принадлежать многимъ, то и должно внушать довѣріе. Что же дальше? Конечно ты представишь имъ толковниковъ пророчаній, коихъ вы называете божественными, разгнешь книги богословскія и нравственныя. Какія же и чьи, скажи пожалуй? Хорошо имъ пропѣть Гезіодову теогонію и разглагольствовать объ описанныхъ тамъ браняхъ и крамолахъ, о титанахъ и гигантахъ, столько страшныхъ по имени и по дѣламъ. Молніеносные боги и выброшенные на гигантовъ острова, стрѣлы и вѣстѣ гробы мятежникамъ, отвратительныя исчадія и преждевременныя порожденія гигантовъ, гидры, химеры, церберы, горгоны, словомъ множество всякаго зла²⁾ — вотъ предметы, которые можно предложить слушателямъ изъ Гезіода! Теперь пусть предстанетъ съ своею цитрою Орфей, пусть прозвучать въ честь Зевса тѣ великія и чудныя слова и мысли, въ коихъ выражается его богословіе. Но гдѣ ты помѣстишь Гомера, этого великаго комико-трагическаго пѣвца боговъ? Пусть все это предложать чуднымъ слушателямъ богословія,

¹⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 167.

²⁾ Ibidem стр. 168.

затѣмъ пусть придумаютъ на это аллегоріи и чудовищныя толкованія, — и поученіе, удалясь отъ своего предмета, понесется въ пучины, или на стремнины умозрѣнія, не имѣющаго никакой опоры»¹⁾).

Обращая такимъ образомъ языческіе храмы какъ бы въ школы, гдѣ должно было происходить объясненіе догматовъ политеизма и толкованіе мифологической стороны народной религіи, Юліанъ въ тоже время старался устранить тѣ безпорядки, которые съ теченіемъ времени вкрались въ практику древняго культа, и придать языческому богослуженію внѣшній блескъ и великолѣпіе. Языческое богослуженіе совершалось до сихъ поръ жрецами безъ всякаго благоговѣнія и порядка. Въ немъ не было соблюдаемо никакого однообразія въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ и священныхъ дѣйствій. Наряду съ религіозными гимнами здѣсь нерѣдко можно было встрѣтить звуки пѣсней довольно соблазнительнаго содержанія, далеко не гармонирующихъ съ святостью мѣста, гдѣ они произносились. Юліанъ употреблялъ не мало усилій для того, чтобы ввести однообразіе въ языческое богослуженіе, удаляя изъ него все неприличное и непристойное, только оскорбляющее религіозное чувство. Съ цѣлію возвысить значеніе храмовъ въ глазахъ языческаго общества, какъ мѣстопребываніе боговъ, и внушить благоговѣйныя чувства къ обрядамъ, въ нихъ совершаемымъ, императоръ старался выставить на видъ язычникамъ, что всѣ люди бываютъ тамъ равны предъ богами и что тамъ однимъ только послѣднимъ необходимо воздавать уваженіе²⁾). «Изъ почетной стражи никто не долженъ входить внутрь храма впереди жрецовъ, а

¹⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 169.

²⁾ Julian. Orat. Epistolaeque ejusd. p. 298.

позади кому угодно, писалъ Юліанъ къ Арзакію, ибо всякій, едва только переступить пороги святилища, какъ тотчасъ становится частнымъ человѣкомъ. Внутри, какъ тебѣ извѣстно, ты самъ начальникъ — этого требуетъ божественный законъ»¹⁾).

Желая ввести порядокъ и тишину во время совершенія языческаго богослуженія, императоръ старался самъ подавать здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, примѣръ въ этомъ отношеніи. Онъ настойчиво требовалъ, чтобы во время посѣщенія имъ храмовъ молящійся тамъ народъ не приходилъ въ волненіе, не прерывалъ своего молитвеннаго настроенія, но только обращалъ свои взоры къ богамъ²⁾). Подобное требованіе казалось тѣмъ болѣе умѣстнымъ и вмѣстѣ необходимымъ, что многіе языческіе подданные императора посѣщали храмы боговъ съ единственною цѣлю быть замѣченными послѣднимъ и обратить такимъ образомъ на себя его благосклонное вниманіе. Кромѣ того языческое богослуженіе, торжественно совершаемое, при непосредственномъ участіи самого Юліана, съ небывалою до того времени пышностью и великолѣпіемъ, представлялось въ глазахъ народа чрезвычайно интереснымъ и невиданнымъ до того времени зрѣлищемъ, вслѣдствіе чего на первыхъ порахъ многочисленныя народныя массы со всѣхъ сторонъ стекались въ языческіе храмы съ единственною цѣлю видѣть необычайную ревность императора въ совершеніи отечественнаго культа и при этомъ случаѣ постоянно привѣтствовали послѣдняго оглушительными рукоплесканіями и громкими восклицаніями³⁾). Юліанъ въ самомъ скоромъ времени не могъ

¹⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 430. Справн. Созом. V, 16, стр. 348.

²⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 431. Epist. LXII, p. 450—452.

³⁾ Julian. Epist. XI, p. 380. Misopogon p. 346.

не замѣтить, что такія выраженія одобренія имѣютъ непосредственное отношеніе исключительно къ его личности, только нарушаютъ тишину и спокойствіе въ храмѣ въ время богослуженія и служатъ лишь выраженіемъ холодности и невниманія къ богамъ. Въ видахъ предупрежденія такихъ безпорядковъ на будущее время и съ цѣлью показать народу, что въ храмѣ предъ лицомъ боговъ даже самъ императоръ теряетъ все свое земное величіе и становится простымъ частнымъ человѣкомъ, Юліанъ, во время пребыванія своего въ Константинополѣ, не замедлилъ издать по этому поводу особый эдиктъ, обращенный къ жителямъ столицы. «Если я неожиданно явлюсь въ театръ, говорилъ онъ здѣсь, то вы можете привѣтствовать меня своими рукоплесканіями, но когда я неожиданно прихожу въ храмъ, то вы должны сохранять тишину и посвящать ваше благоговѣніе исключительно однимъ богамъ. Впрочемъ послѣдніе едва ли имѣютъ нужду въ вашихъ похвалахъ»¹⁾. Тѣже самыя увѣщанія были повторены Юліаномъ жителямъ Антіохіи, которые, въ первое время пребыванія его въ ихъ городѣ, стекались многочисленными толпами въ языческіе храмы съ цѣлю видѣть необычайную ревность своего императора къ древнему культу и привѣтствовали его также громкими криками одобренія²⁾. Въ видахъ улучшенія языческаго богослуженія и сообщенія ему большаго блеска и великолѣпія Юліанъ старался ввести въ него, какъ необходимый элементъ, молитвы и пѣснопѣнія по образцу христіанской церкви³⁾, снаб-

¹⁾ Julian. Epist. XI, p. 380. Сравни. Muratori Anecdota graeca. Patav. 1709, p. 332, ed. Heyler. p. 134. Εἰ μὲν εἰς τὸ θέατρον λαθῶν εἰσῆλθον, εὐφημεῖτε, εἰ δὲ εἰς τὰ ἱερά, τὴν ἡσυχίαν ἄγετε καὶ μετενέγκετε ὑμῶν τὰς εὐφημίας εἰς τοὺς θεοὺς. Μᾶλλον δὲ οἱ θεοὶ τῶν εὐφημιῶν οὐ χρήσουσιν.

²⁾ Julian. Misopogon. p 346.

³⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 165—166. Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348.

жалъ языческіе храмы хорами пѣвчихъ и музыкантами, для приготовленія которыхъ, какъ намъ уже извѣстно, по его приказанію, была основана особая школа въ Александріи¹⁾. Съ цѣлю ввести въ языческій культъ пѣніе, по образцу христіанской церкви, онъ, какъ мы уже видѣли, въ отрывкѣ жреческой инструкціи рекомендуетъ языческимъ жрецамъ изучать наизусть священные гимны, сложенные въ честь боговъ при непосредственномъ участіи послѣднихъ²⁾.

Особенныя усилія Юліанъ прилагалъ къ тому, чтобы заимствовать изъ христіанства и пересадить въ язычество духъ любви къ ближнимъ и благотворительности къ послѣднимъ. Язычники, по его мысли, должны были оказывать заботливость о погребеніи умершихъ, гостепріимство въ отношеніи къ чужестранцамъ и благотворительность ко всѣмъ бѣднымъ и нуждающимся, при помощи которыхъ, какъ онъ думалъ, христіане заслуживали благоволеніе со стороны народной массы и привлекали къ себѣ множество прозелитовъ. «Мы и не замѣчаемъ, писалъ онъ къ Арзакію, что безбожіе (такъ Юліанъ называлъ обыкновенно христіанство) особенно возрастаетъ любовью къ странникамъ, заботливостію о гробахъ умершихъ и наружною святостію жизни. Я думаю, что намъ по истинѣ надобно исполнять все это. Если изъ іудеевъ никто не проситъ милостыни, если и нечестивые галилеяне (этимъ именемъ Юліанъ называлъ христіанъ), кромѣ своихъ, питаютъ еще и нашихъ, то не постыдно ли, что наши, какъ видно, не получаютъ отъ насъ помощи. Мы отъ безопасности сраммъ себя и еще болѣе роняемъ благоговѣніе къ богамъ»³⁾. Убѣждая

¹⁾ Julian. Epist. LVI ad Ecdic. p. 442.

²⁾ Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusdam p., 300.

³⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 431.

язычниковъ подражать христіанамъ въ совершеніи дѣлъ благотворительности, Юліанъ въ тоже самое время старается поставить на видъ, что эта добродѣтель была извѣстна съ раннихъ поръ языческому міру и въ доказательство справедливости такой мысли ссылается на стихъ Гомера, гдѣ говорится, что всѣ бѣдные и чужестранцы находятъ подлѣ особеннымъ покровительствомъ Зевса — ξένιος. «Мы называемъ, говоритъ онъ въ сохранившемся до нашего времени отрывкѣ жреческой инструкціи, Зевса гостепріимнымъ, а между тѣмъ сами поступаемъ хуже самихъ скиѳовъ» ¹⁾. Въ видахъ болѣе удобнаго совершенія дѣлъ благотворительности, по приказанію Юліана, во многихъ городахъ и мѣстечкахъ римской имперіи были устроены благотворительныя заведенія для пріюта больныхъ, бѣдныхъ и сиротъ и страннопріимные дома, гдѣ путешественники и чужестранцы могли находить для себя удобное пристанище и необходимое содержаніе ²⁾. Доступъ во всѣ эти благотворительныя заведенія, по мысли императора, долженъ былъ свободно открываться рѣшительно для всѣхъ людей безъ различія ихъ національности и религіи. «Въ каждомъ городѣ устрой побольше страннопріимныхъ домовъ, писалъ Юліанъ къ Арзакію, чтобы пришельцы не только изъ нашего отечества, но и изъ другихъ странъ, когда понадобятся имъ деньги, пользовались нашимъ челоуѣколюбіемъ» ³⁾. Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ дѣлѣ благотворительности, Юліанъ старался подавать примѣръ своимъ подданнымъ, отпуская для совершенія дѣлъ благотворительности и на содержаніе благотворительныхъ заведеній весьма значительныя денежныя суммы изъ го-

¹⁾ Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 291: ξένιον ὀνομάζομεν Δία, καὶ γινώμεθα τῶν Σκυθῶν κακοξενώτεροι.

²⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. p. 430. Твор. Грнпг. Бог. ч. 1, слово 1 облич. на царя Юліана, стр. 165—166. Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348.

³⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 431.

сударственной казны. Такъ изъ упомянутаго письма Юліана къ Арзакію, верховному жрецу Галатіи, видно, что на содержаніе жрецовъ и благотворительныхъ заведеній этой провинціи отпущено было императоромъ изъ государственной казны тридцать тысячъ мѣръ пшеницы и шестьдесятъ тысячъ мѣръ вина. Въ тоже время Юліанъ побуждалъ жрецовъ, чтобы они употребляли всѣ зависящія средства убѣждать народъ къ совершенію дѣлъ благотворительности и къ пожертвованіямъ на содержаніе благотворительныхъ заведеній. «Я уже приказалъ ежегодно раздавать во всей Галатіи тридцать тысячъ мѣръ хлѣба и шестьдесятъ тысячъ семяна вина, пишетъ онъ къ Арзакію. Убѣждай язычниковъ, чтобы и они приносили съ своей стороны что либо для такого служенія и чтобы языческія деревни отдавали богамъ начатки своихъ плодовъ. Дѣлай ихъ привычными къ подобнымъ благодѣяніямъ, внушая имъ, что это издревле было у насъ въ обычаѣ» ¹⁾. Въ стремленіи Юліана возбудить въ язычникахъ чувство любви къ ближнимъ и ревность къ дѣламъ благотворительности нельзя не видѣть желанія императора посредствомъ раздачи денежныхъ пособій и устроенія пріютовъ для людей бѣдныхъ и нуждающихся пріобрѣсти прозелитовъ язычеству.

Далѣе, съ цѣлію возвышенія нравственной жизни языческаго общества, Юліанъ, по свидѣтельству св. Григорія Богослова и Созомена, въ различныхъ мѣстахъ своего государства учредилъ монастыри мужскіе и женскіе по образцу христіанскихъ, гдѣ бы люди, обрекшіе себя на безбрачную жизнь и на служеніе богамъ, могли съ большимъ удобствомъ предаваться созерцательной

¹⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 430.

жизни и проводить время въ благочестивомъ уединеніи ¹⁾. Указанный фактъ наглядно показываетъ, какъ духъ современнаго Юліану общества имѣлъ сильное стремленіе къ монашеской жизни и какъ самъ Юліанъ невольно подчинялся его вліянію. По свидѣтельству тѣхъ же писателей, Юліанъ заимствовалъ изъ практики христіанской церкви того времени и ввелъ въ язычество родъ покаянія, при которомъ было въ употребленіи разрѣшеніе отъ грѣховъ и родъ эпигиміи, отличавшейся отъ употребляемой въ христіанской церкви того времени только тѣмъ, что она была гораздо слабѣе и снисходительнѣе послѣдней ²⁾. По своему званію Верховнаго жреца (*Pontifex maximus*) Юліанъ нерѣдко подвергалъ церковному отлученію людей, погрѣшавшихъ чѣмъ либо въ религіозномъ отношеніи. До насъ сохранился отрывокъ письма императора къ одному знатному чиновнику, неизвѣстному по имени, который нанесъ оскорбленіе жрецу при совершеніи послѣднимъ служебныхъ обязанностей. Какъ Верховный жрецъ (*Pontifex maximus*), Юліанъ дѣлаетъ виновному строгій выговоръ, отлучаетъ его на трехмѣсячный срокъ отъ участія въ общественномъ богослуженіи и объявляетъ, что если по истеченіи этого времени верховный жрецъ провинціи дастъ одобрительное свидѣтельство о его поведеніи, онъ обратится съ молитвою къ богамъ и испроситъ у нихъ дозволенія снова допустить его къ участію въ священныхъ обрядахъ ³⁾. При этомъ случаѣ Юліанъ напоминаетъ чиновнику, что, по древнимъ обычаямъ, люди, совершившіе

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348. Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 облич. на царя Юліана, стр. 165.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Julian. Epist. LXII, p. 451. Ἐγὼ τοίνυν ἐπειδὴ πέρ εἰμι κατὰ μὲν τὰ πάτρια μέγας ἀρχιερεὺς, ἔλαχον δὲ νῦν καὶ τοῦ Διδυμαίου προφητεύειν, ἀπαγορεύω σοι τρεῖς περιόδους ἀσλήνης μὴ τοι τῶν εἰς ἱερεῖα μηδὲν ἐνοχλεῖν. х. т. л.

подобное преступленіе, должны быть подвергаемы проклятію, но что онъ не одобряетъ такой строгости и не видитъ, чтобы боги поступали когда нибудь такимъ образомъ ¹⁾. Наконецъ, Юліанъ заимствовалъ изъ христіанской церкви и ввелъ въ практику язычества такъ называемыя удостовѣрительныя и общительныя грамоты (γράμματα τετυπομένα, κοινωνικά, εἰρηνικά, Epistolae formatae, communicatoriae), «обмѣниваясь которыми, христіанскіе епископы, по словамъ Созомена, обыкновенно поручали другъ другу странниковъ, и съ которыми откуда бы кто изъ нихъ не пришелъ, и къ кому бы не присталъ, по этому свидѣтельству былъ принимаемъ, какъ присный и возлюбленный» ²⁾.

Естественно было ожидать, что описанная необычайная ревность Юліана, какъ верховнаго политическаго и религіознаго главы своего государства и какъ философа, въ дѣлѣ возстановленія и преобразованія политеизма должна была встрѣтить сочувствіе языческаго общества и рассчитывать на успѣхъ. Мы уже имѣли случай видѣть, что греко-римскій политеизмъ, утративши, съ объявленіемъ христіанства господствующую религію въ римской имперіи, права и привилегіи оффиціального государственнаго культа, продолжалъ еще сохранять въ себѣ не мало признаковъ жизни, повидимому на столько значительныхъ, что при благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ могъ вступить въ послѣднюю борьбу за свое существованіе съ новыми религіозными порядками. Намъ также извѣстно, что въ правленіе первыхъ христіанскихъ императоровъ существовала довольно значительная языческая партія, поставившая завѣтную своею цѣлію возведеніе политеизма на тронъ и возвра-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348.

щеніе древнему культу его прежняго государственнаго значенія. Юліанъ является орудіемъ въ рукахъ этой партіи, воспитавшей его въ своихъ завѣтныхъ идеяхъ, возбудившей въ немъ сильнѣйшій энтузіазмъ къ политеизму и твердую рѣшимость посвятить на восстановленіе его всѣ свои политическія и нравственныя силы. Отсюда вступленіе Юліана на императорскій престолъ казалось должно было служить какъ бы новою эрою въ исторіи греко-римскаго политеизма, такъ какъ императоръ располагалъ всѣми необходимыми средствами въ дѣлѣ восстановленія древняго культа въ прежнемъ его видѣ.

Дѣйствительно, необычайная ревность Юліана въ этомъ отношеніи на первыхъ порахъ имѣла нѣкоторый успѣхъ. Благодаря ей, политеизмъ въ самомъ непродолжительномъ времени опять возвратилъ себѣ права и привилегіи официальнаго государственнаго культа, утраченныя имъ со времени объявленія христіанства господствующею религіею въ римской имперіи. Запустѣлые и разрушенныя языческіе храмы и алтари были снова восстановлены изъ своихъ развалинъ, въ тоже самое время рядомъ съ ними не замедлило явиться не мало новыхъ, построенныхъ по приказанію императора. Въ нихъ стало совершаться языческое богослуженіе, религіозныя обряды и церемоніи съ гораздо большимъ великолѣпіемъ и пышностію сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ. Жрецамъ и прочимъ служителямъ языческаго культа опять были возвращены ихъ прежнія права и привилегіи. На кафедрахъ риторомъ, софистовъ и философовъ снова раздались рѣчи въ честь языческихъ боговъ. Большая часть государственныхъ чиновниковъ, войска и простаго народа наперерывъ другъ передъ другомъ старались отличиться своимъ усердіемъ къ древнему культу. Весь общественный и государственный строй имперіи со всѣми его разнооб-

разными отправлениями опять былъ приведенъ въ тѣсную связь съ древними вѣрованіями и религіозными учрежденіями и принялъ старый языческій характеръ. «Въ каждой части свѣта, восклицаетъ Ливаній въ одной изъ своихъ рѣчей, пылающіе алтари, безчисленное множество жертвенныхъ животныхъ, дѣлая облака еиміама, торжественныя процессіи жрецовъ, жрицъ и прорицателей повсюду возвѣщали тріумфъ древней религіи. Сладостные звуки священныхъ гимновъ снова раздались съ горныхъ возвышенностей и одинъ и тотъ же быкъ служилъ для жертвы въ честь боговъ и для трапезы ихъ радостныхъ почитателей» ¹⁾). Возстановляя языческіе храмы и алтари, дѣлая распоряженія о постройкѣ рядомъ съ ними новыхъ и возвращая политеизму его прежнія права и привилегіи, Юліанъ въ тоже самое время старался пріобрѣсти для него прозелитовъ среди своихъ христіанскихъ подданныхъ. Попытка его въ этомъ дѣлѣ на первыхъ порахъ имѣла нѣкоторый успѣхъ. По извѣстіямъ, сообщаемымъ Руфиномъ ²⁾), значительная часть народа, а по свидѣтельству св. Григорія Богослова ³⁾ и признанію самого Юліана ⁴⁾), большая часть войска, благодаря различнымъ средствамъ, употребляемымъ императоромъ въ дѣлѣ религіозной пропаганды, не замедлили обратиться къ древнему культу.

Казалось естественнымъ ожидать, что какъ скоро Юліанъ, вступивши на императорскій престолъ, объявитъ себя приверженцемъ древняго культа, его примѣръ найдетъ для себя подражаніе многихъ изъ его подданныхъ, которые въ царствованіе христіанскихъ

¹⁾ Liban. Orat. Parent. p. 287—288.

²⁾ Rufin. H. E. X. 32.

³⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обичит. на царя Юліана, стр. 135—138.

⁴⁾ Julian. Epist. XXXVIII ad Maxim. p. 415.

императоровъ изъ-за корыстныхъ расчетовъ сдѣлались по наружности христіанами. Всемогущая воля верховнаго главы греко-римскаго міра могла рассчитывать встрѣтить не мало людей, для которыхъ она служила нерушимымъ закономъ въ дѣлѣ религіи, между тѣмъ какъ искренность религіозныхъ убѣжденій при этомъ случаѣ отступала на задній планъ. Полученіе высшихъ должностей въ государственной іерархіи, различныя права и привиллегіи, дарованныя теперь язычникамъ, естественно не могли не привлечь къ древнему культу достаточное число прозелитовъ. Подобно тому, какъ въ правленіе первыхъ христіанскихъ императоровъ обращалось въ христіанство не мало людей, руководствуясь при этомъ случаѣ исключительно одними своекорыстными расчетами и соображеніями безъ всякаго внутренняго убѣжденія, такъ было и теперь при вступленіи на престолъ императора-язычника. Цѣлыя толпы честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ людей ради земныхъ выгодъ, по свидѣтельству св. Астерія, епископа города Амасіи въ Понтѣ, промѣнивали свои религіозныя убѣжденія «какъ одежду»¹⁾. «Какое множество людей, побуждаемыхъ одними мірскими выгодами отвратились отъ церкви и прибѣгли къ алтарямъ боговъ! говоритъ св. отецъ въ одномъ изъ своихъ словъ, дошедшихъ до нашего времени. Какое множество чрезъ приманку должностей дозволили склонить себя къ отпаденію! Обезчещенные и обремененные проклятіемъ бродятъ они теперь вокругъ городовъ, на нихъ указываютъ пальцами какъ на несчастныхъ, которые измѣнили Христу ради нѣсколькихъ сребренниковъ»²⁾. Всѣ эти люди при Константинѣ Великомъ оказывали ревность къ православію, въ царствованіе

1) Ὁσπερ ἱμάτιον ταχέως τὴν θρησκείαν μεταμφέουσιντο.

2) Aster. Sermo de avaritia. In Combesis. Collect. Graec. lat. Parisiis. 1848. t. I, p. 56.

Констанція были усердными приверженцами аріанскихъ заблужденій, въ правленіе Юліана ревностными язычниками, при Валентѣ снова послѣдователями аріанской ереси, наконецъ, въ царствованіе Θεодосія Великаго опять православными. Замѣчательный примѣръ постоянной перемѣны своихъ религіозныхъ убѣжденій изъ-за угодливости императорскому двору и ради своекорыстныхъ расчетовъ и соображеній представляетъ собою уже извѣстный наставникъ Юліана — софистъ Экиволій, бывший при Констанціѣ усерднымъ аріаниномъ, со вступленіемъ на императорскій престолъ своего ученика сдѣлавшійся ревностнымъ язычникомъ и жестокимъ врагомъ христіанъ, наконецъ, по смерти Юліана, употреблявшій всѣ усилія для возвращенія снова въ общеніе съ церковію. Очевидно, какъ христіанство, такъ и политеизмъ не могъ извлечь для себя пользы изъ многочисленныхъ прозелитовъ, обращающихся къ нему ради однихъ внѣшнихъ выгодъ. Самъ Юліанъ сознавалъ, что обращеніе многихъ христіанъ къ древнему культу было далеко не искреннее, такъ какъ оно являлось не результатомъ чистаго религіознаго убѣжденія, но только слѣдствіемъ однихъ своекорыстныхъ расчетовъ и соображеній ¹⁾. Тѣже самыя убѣжденія раздѣляли и жаркій панегиристъ императора, извѣстный уже намъ софистъ Ливаній. «Будь ревностенъ къ богамъ, писалъ онъ къ антіохійскому префекту Александру, и, насколько имѣешь возможность, увеличивай число ихъ почитателей. Но не удивляйся, если найдутся и такіе, которые, принеши жертву богамъ, въ скоромъ времени стануть раскаяваться въ томъ, что они совершили. Среди народа они тебѣ повинуются, но по возвращеніи домой, подъ вліяніемъ слезъ и просьбъ своихъ женъ, быстро мѣняютъ свои убѣжденія» ²⁾).

¹⁾ Julian. Epist. IV Aristomen. Philosopho p. 375.

²⁾ Liban. Epist. 1057.

Таковы были результаты необычайной ревности Юліана въ дѣлѣ возстановленія древняго культа, купленные столь дорогою цѣною. При всѣхъ своихъ усиліяхъ императору удалось только возратить политеизму его прежнее государственное значеніе, а его приверженцамъ ихъ прежнія права и преимущества. Далѣе этого не могла идти реакція, произведенная Юліаномъ. Сами представители языческой партіи, возведшіе его на императорскій тронъ, какъ мы уже видѣли, въ своихъ завѣтныхъ мечтахъ въ дѣлѣ возстановленія древняго культа не простирались далѣе возвращенія ему одного внѣшняго значенія, а себѣ правъ и привилегій приверженцевъ государственной религіи. Но не такъ думалъ Юліанъ. Онъ заботился, какъ намъ уже извѣстно, не столько о возстановленіи древнихъ формъ политеизма и возвращеніи имъ прежняго значенія, сколько о преобразованіи ихъ, о томъ, чтобы сообщить имъ новую жизнь и силу и доставить такимъ образомъ не столько политическое преобладаніе надъ новыми религіозными порядками, сколько нравственное превосходство надъ ними. Въ этомъ заключалась главная его ошибка. Нѣкоторые признаки жизни, замѣчаемые въ греко-римскомъ политеизмѣ послѣ утраты имъ государственнаго значенія въ римской имперіи, Юліанъ ошибочно понялъ какъ задатки будущаго развитія, нисколько не подозревая, что они были не болѣе, какъ только результатами предсмертной агоніи. Воспитанный въ школахъ софистовъ и философовъ, Юліанъ узналъ здѣсь греко-римскій политеизмъ не въ настоящемъ его видѣ, не въ современномъ ему положеніи, но въ той блестящей внѣшней формѣ, въ которой онъ является въ произведеніяхъ античнаго генія. Результатомъ такого, такъ сказать, школьнаго знакомства съ политеизмомъ, чуждаго всякой реальной основы, было то, что императоръ горько ошибался въ своихъ

взглядахъ на современное ему язычество. Политеизмъ представлялся въ его глазахъ въ томъ блестящемъ видѣ, въ какомъ онъ являлся въ произведеніяхъ классическихъ писателей древности, полнымъ жизненныхъ силъ и вліянія на общество. Между тѣмъ современное Юліану язычество на самомъ дѣлѣ являлось далеко не въ такомъ блестящемъ видѣ, въ какомъ представлялъ его императоръ. Не смотря на нѣкоторые проблески жизни, бывшіе результатомъ предсмертной агоніи, оно все ближе и ближе клонилось къ окончательному упадку, не столько вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сколько въ силу своей внутренней несостоятельности. Современный Юліану политеизмъ не имѣлъ жизненныхъ силъ, достаточныхъ для того, чтобы вести успѣшную борьбу съ новыми религіозными порядками и неминуемо долженъ былъ сойти съ исторической сцены, уступивъ свое мѣсто христіанству, величественныя идеи котораго въ то время уже заправляли всѣмъ міромъ и вліянію которыхъ невольно подчинялся самъ Юліанъ. При такихъ обстоятельствахъ возстановленіе давно отжившихъ свой вѣкъ началъ и крутой поворотъ исторіи опять назадъ къ ея прошлому оказывался дѣломъ чрезвычайно труднымъ и неосуществимымъ. Все это могло совершиться только въ головѣ людей, подобно Юліану, мало знакомыхъ съ жизнію, ея требованіями и не владѣвшихъ способностію понимать духъ своего времени. Въ своемъ стремленіи преобразовать современное себѣ греко-римское общество на старый ладъ, призвать къ жизни устарѣвшія религіозныя формы, Юліанъ впадалъ въ непростительную ошибку, мечтая возстановить то, что уже болѣе неспособно было ни къ какому возрожденію.

При всемъ томъ въ началѣ своего царствованія Юліанъ позволялъ себѣ слишкомъ много обманываться на счетъ своихъ успѣховъ въ задуманномъ имъ дѣлѣ воз-

становленія политеизма. Окруженный языческими риториками, софистами и философами, онъ предавался пріятнымъ мечтамъ о славномъ будущемъ, имѣющемъ наступить для политеизма въ самомъ непродолжительномъ времени. Но ему скоро пришлось горько разочароваться въ своихъ завѣтныхъ ожиданіяхъ. Большинство языческаго общества осталось холодно къ своимъ богамъ и древнему культу, уже не имѣвшему прежняго вліянія на умы и сердца своихъ приверженцевъ. На первыхъ порахъ Юліанъ могъ имѣть справедливое основаніе встрѣтить сопротивленіе въ осуществленіи своихъ завѣтныхъ плановъ только въ одномъ христіанскомъ обществѣ, но ему очень скоро пришлось убѣдиться, что и сами язычники остаются равнодушными къ предпринятому имъ дѣлу возстановленія древняго культа. «Если геллинизмъ, съ горькимъ упрекомъ замѣчаетъ императоръ въ своемъ письмѣ къ верховному жрецу Галатіи, Арзакію, до сихъ поръ не дѣлаетъ такихъ успѣховъ, какіе бы слѣдовало отъ него ожидать, въ этомъ виноваты мы, его послѣдователи.... Мы отъ безпечности сраимъ себя и еще болѣе роняемъ благоговѣніе къ богамъ»¹⁾. Въ сирійскомъ городѣ Беритѣ, во время похода своего на персовъ, Юліанъ вздумалъ говорить рѣчь къ народному собранію, предметомъ которой служило увѣщаніе къ ревностному служенію богамъ. «Всѣ присутствующіе хвалили мою рѣчь, замѣчаетъ по этому поводу императоръ въ письмѣ своемъ къ Ливанію, но весьма немногіе убѣдились ею. Даже большинство людей, повидимому до сего времени усердно преданныхъ геллинизму, не замедлили явиться тѣмъ, чѣмъ они были

¹⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429—431. Ἑλληνισμός οὐκ ἔστι πρᾶγμα κατὰ λόγον ἡμῶν, ἐνεκὰ τε μετιόντων αὐτῶν... Μὴ δὲ τὰ παρ' ἡμῶν ἀγαθὰ παραζηλοῦν ἄλλας συγγωροῦντες, αὐτοὶ τῇ ῥαθυμίᾳ κατασχύνομεν, μᾶλλον δὲ καταπροδόμεθα τὴν εἰς τοὺς θεοὺς εὐλάβειαν.

на самомъ дѣлѣ и потерять всякую благопристойность и всякій стыдъ»¹⁾. «Заклинаю тебя гостепріимнымъ Юпитеромъ, писалъ Юліанъ къ философу Аристомену, поспѣши придти ко мнѣ скорѣе и среди каппадокійцевъ покажи себя истиннымъ грекомъ. Здѣсь многіе отказываются приносить жертвы, а изъ тѣхъ, которые приносятъ ихъ, найдутся немногіе, дѣлающіе это отъ души, и притомъ къ несчастію люди самые необразованные»²⁾. Въ LXIII письмѣ своемъ къ верховному жрецу Азіи, Θεодору, императоръ точно также выражаетъ свое глубокое негодованіе на равнодушіе къ древнему культу его послѣдователей, выражавшихъ свое усердіе къ нему исключительно только изъ-за желанія угодить императору. «Я очень сожалью, говоритъ онъ здѣсь, что культъ боговъ находится въ большомъ пренебреженіи. Напротивъ приверженцы безбожной секты (этимъ именемъ Юліанъ называлъ христіанъ) такъ ревностны къ своей вѣрѣ, что готовы за нее претерпѣть всевозможныя лишенія, голодъ, даже самую смерть, для того только, чтобы не ѣсть свиного мяса и не касаться удушливости. Но мы остаемся равнодушными къ своимъ богамъ и доходимъ въ этомъ случаѣ до того, что сами забываемъ отечественные законы и не знаемъ того, что въ нихъ находится»³⁾. Раздраженіе и гнѣвъ Юліана на холодность и равнодушіе языческаго общества къ своей религіи довольно рельефно обнаружили при слѣдующемъ замѣчательномъ случаѣ. Въ Кесаріи, главномъ городѣ Каппадокіи, христіане разрушили языческій храмъ,

¹⁾ Julian. Epist. XXVII Liban. Sophist. et Questor. p. 299—402.

²⁾ Julian. Epist. IV Aristomen. Philosoph. p. 375. "Εντοχῇ οὖν ἡμῖν περὶ τὰ τοιαῦτα πρὸς Διὸς ξενίου δεῖξον ἡμῖν ἄνδρα ἐν Καππαδοκίαις καθαρῶς ἑλλήνα. τίως γὰρ τοὺς μὲν οὐ βουλομένους, ὀλίγους δὲ τινὰς εἰδόντας μὲν, οὐκ εἰδότες δὲ δοῦν ὁρῶ.

³⁾ Julian. Epist. LXIII ad Theod. Pontif. Asiae p. 453.

не встрѣтивъ при этомъ случаѣ ни малѣйшаго сопротивленія въ языческихъ жителяхъ города. Узнавъ объ этомъ, императоръ пришелъ въ страшное негодованіе и не замедлилъ разразиться самыми горькими упреками противъ язычниковъ за то, что они не поспѣшили на помощь своимъ богамъ и не пожертвовали за нихъ своею жизнію ¹⁾.

Языческое общество, удовольствовавшись возвращеніемъ политеизму внѣшняго блеска и государственнаго значенія, оставалось холоднымъ и нечувствительнымъ къ энтузіазму Юліана въ дѣлѣ возстановленія древняго культа и возвышенія его внутренняго значенія. На первыхъ порахъ языческіе храмы были исправно посѣщаемы народомъ, войскомъ и государственными чиновниками, частію изъ-за желанія угодить императору, частію просто изъ любопытства видѣть его небывалую религіозную ревность, равно какъ великолѣпіе и блескъ языческаго богослуженія и религіозныхъ церемоній, давно уже несовершенство сѣ такою пышностію. Но въ скоромъ времени все это вошло въ свою обычную колею и языческое общество, не имѣя истинной религіозной ревности, бросило посѣщать храмы своихъ боговъ и религіозныя церемоніи. Въ самые торжественные праздники, посвященные тѣмъ или другимъ божествамъ, Юліанъ не встрѣчалъ ни жертвъ, ни либацій, ни толпы народа ²⁾. Его нерѣдко можно было видѣть закалающимъ собственною рукою жертвенныхъ животныхъ и участвующимъ въ торжественныхъ религіозныхъ процессіяхъ лишь въ сопровожденіи немногихъ старыхъ женщинъ ³⁾. Но этого мало. Необычайная ревность Юліана въ дѣлѣ возстановленія древняго культа не только не находила подражанія въ

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 4, стр. 317.

²⁾ Julian. Misopog. p. 362.

³⁾ Neander. T. III, S. 101.

язычникахъ, но нерѣдко встрѣчала со стороны послѣднихъ ироническія замѣчанія ¹⁾). Для язычниковъ казалось смѣшнымъ, что императоръ съ удивительнымъ благоговѣніемъ, точностію и усердіемъ исполняетъ всѣ обязанности жрецовъ и низшихъ храмовыхъ прислужниковъ, окровавленными руками роется во внутренностяхъ жертвенныхъ животныхъ и съ ловкостію настоящаго гаруспекса читаетъ по нимъ будущее ²⁾). Они желали видѣть въ своемъ властелинѣ лишь одного формальнаго почетнаго покровителя ихъ культа, верховнаго хранителя ихъ законовъ и священныхъ обычаевъ. Такое отношеніе языческаго греко-римскаго общества къ своему послѣднему императору — язычнику, съ необычайною ревностію совершавшему жертвоприношенія въ честь боговъ, наглядно показываетъ степень упадка, въ которой находился современный Юліану политеизмъ, такъ какъ даже, повидимому, среди самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ и въ виду опасности, угрожавшей новыми религіозными порядками, язычники не считали для себя необходимымъ соединиться вокругъ своихъ алтарей и дать отпоръ торжеству новыхъ религіозныхъ идей.

Юліанъ не замедлилъ встрѣтить полнѣйшее равнодушіе и холодность къ своему дѣлу даже въ тѣхъ самыхъ людяхъ, отъ которыхъ болѣе всего долженъ былъ ожидать поддержки при выполненіи своихъ завѣтныхъ плановъ. Представители языческой партіи, окружавшіе императора, и еще ранѣе вступленія его на престолъ мечтавшіе возстановить въ имперіи религіозный порядокъ дѣлъ, предшествовавшій Константину Великому, теперь, когда наступило благопріятное для того время, удовольствовались однимъ только возвращеніемъ поли-

¹⁾ Amm. Marcell. XXII, 12.

²⁾ Ibidem.

теизму правъ государственнаго культа и соединенными съ нимъ привилегіями его послѣдователей. Такимъ образомъ Юліанъ и современное ему языческое общество далеко расходились во взглядахъ другъ на друга и не понимали себя взаимно. Окружавшая императора среда представляла положительный контрастъ съ нимъ и холодно относилась къ его завѣтнымъ идеямъ и воззрѣніямъ, а между тѣмъ онъ въ дѣлѣ возстановленія политеизма естественно долженъ былъ болѣе всего рассчитывать на содѣйствіе съ ихъ стороны. Большая часть представителей языческой партіи, жившихъ при дворѣ Юліана, по признанію самихъ языческихъ писателей, далеко не отличалась нравственною чистотою и безукоризненностію своей жизни, такъ какъ придворная обстановка оказывала на нихъ самое деморализующее вліяніе въ этомъ отношеніи. Здѣсь можно было встрѣтить множество шарлатановъ, продажныхъ женщинъ и вакханокъ, выдававшихъ себя за вдохновенныхъ жрицъ ¹⁾. Праздная роскошная жизнь, исполненная удовольствіями, составляла завѣтную цѣль для большинства представителей языческой партіи, окружавшей Юліана. Извѣстный уже намъ философъ Максимъ, имѣвшій роковое вліяніе на перемѣну религіозныхъ убѣжденій въ душѣ императора и пользовавшійся теперь безграничнымъ надъ нимъ вліяніемъ, подавалъ другимъ соблазнительный примѣръ въ этомъ отношеніи. Онъ до такой степени полюбилъ придворную жизнь, что никогда уже болѣе не разставался съ нею въ царствованіе своего ученика. Онъ постоянно носилъ дорогія роскошныя одежды, окружалъ себя великолѣпною пышною обстановкою, въ обращеніи съ другими представителями языческой партіи сдѣлался необыкновенно надменнымъ

¹⁾ Eunap. vit. Sophist. p. 476.

²⁾ Ibidem.

и гордымъ, такъ что доступъ къ его особѣ сталъ крайне затруднительнымъ. Прочіе языческіе риторы, софисты и философы, окружавшіе императора, не замедлили послѣдовать соблазнительному примѣру его любимца. Подобно Максиму, они преданы были исключительно однимъ только корыстолюбивымъ и честолюбивымъ интересамъ, требовали себѣ только почестей и денегъ и оказывали полнѣйшее равнодушіе къ осуществленію завѣтныхъ плановъ императора.

При ближайшемъ знакомствѣ съ современнымъ языческимъ обществомъ, послѣднее теперь явилось въ глазахъ Юліана далеко не въ томъ привлекательномъ видѣ, въ какомъ представлялось оно ранѣе—въ эпоху первой его молодости и первоначальныхъ сношеній съ представителями языческой партіи въ Малой Азіи. При такихъ обстоятельствахъ, строгій и суровый образъ жизни императора естественно не могъ производить на окружающую его среду благопріятнаго впечатлѣнія, а только способствовалъ возбужденію въ ней чувства недовольства своимъ настоящимъ положеніемъ. Риторы, софисты и философы, жившіе при дворѣ Юліана, въ своихъ честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ требованіяхъ рѣшительно не хотѣли знать никакихъ предѣловъ и никакой умѣренности ¹⁾. Не смотря на различныя почетныя должности и званія, равно какъ и богатые денежные подарки, даваемые Юліаномъ своимъ друзьямъ, эти послѣдніе не замедлили поднять громкія жалобы на скупость и холодность къ нимъ императора, открыто заявляя, что жестоко ошиблись въ своихъ расчетахъ, что Юліанъ много обѣщалъ имъ, приглашая къ своему двору, но въ тоже время далеко не исполнилъ данныхъ обѣщаній ²⁾. Мы уже ви-

¹⁾ Julian. Orat. VI adversus imperitos canes p. 180—204.

²⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр.

дѣли, что Юліанъ былъ чрезвычайно разсчитливъ и бережливъ, а теперь ему приходилось расточать государственную собственность на удовлетвореніе алчности своихъ друзей, незнавшихъ никакихъ предѣловъ и умѣренности въ своихъ требованіяхъ. Самая щедрость императора въ этомъ отношеніи, обнаруженная имъ на первыхъ порахъ, только еще болѣе усиливала требовательность его друзей ¹⁾. При такихъ обстоятельствахъ ему приходилось теперь нерѣдко отказывать въ удовлетвореніи желаній окружавшихъ его представителей языческой партіи и тѣмъ самымъ возбуждать въ нихъ сильнѣйшее неудовольствіе къ себѣ и нерасположеніе къ своему дѣлу ²⁾ — неудовольствіе, раздѣляемое даже самыми лучшими друзьями императора, отъ которыхъ менѣе всего можно было ожидать этого. Самъ Ливаній, жаркій панегиристъ Юліана, горько жаловался на него за безучастное отношеніе и скупость къ своимъ друзьямъ. «Не думаю, чтобы ты исключилъ меня изъ числа твоихъ друзей, писалъ онъ къ императору, хотя я одинъ только до сихъ поръ отъ тебя ничего не получилъ. Причина такого отношенія ко мнѣ понятна. Ты желаешь, чтобы во всѣхъ городахъ твоей имперіи процвѣтало краснорѣчіе, которымъ образованные люди преимущественно

195—196. „Многихъ изъ своихъ сверстниковъ и знакомыхъ, особенно по азійскимъ училищамъ, замѣчаетъ св. отецъ, Юліанъ приглашалъ настоятельно къ себѣ, какъ бы замѣреваясь совершить дѣла дивныя, и окрылялъ надеждами, припоминая свои обѣщанія. Когда же они являлись, оказывалось, что это одна хитрая уловка и обольщеніе глазъ. Однихъ проводилъ онъ тѣмъ, другихъ инымъ. Нѣкоторыхъ даже дружески приглашалъ къ столу, вмѣсто всякой другой приманки, величалъ товарищами, подавалъ имъ чащу, шутилъ съ ними, но отпускалъ отъ себя ни съ чѣмъ, такъ что они не знали, кого болѣе винить, его ли въ обманѣ, или самихъ себя въ легковѣріи“.

¹⁾ Julian. Orat. VI adversus imperitos canes, p. 180—204.

²⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 2 обличит. на царя Юліана, стр. 194—195.

отличаются отъ варваровъ. Итакъ ты имѣешь основаніе бояться, чтобы я, сдѣлавшись человѣкомъ богатымъ, не оставилъ своего искусства и потому считаешь необходимымъ держать меня въ бѣдности, чтобы я не покидалъ моихъ занятій. Только такимъ образомъ и могу я объяснить твое поведеніе. Несомнѣнно, что ты въ видахъ общественной пользы не даешь мнѣ никакой награды и потому желаешь, чтобы за недостаткомъ денегъ я былъ богатъ даромъ слова¹⁾. Особенно бѣдная циническая обстановка частной домашней жизни Юліана, презиравшаго рѣшительно всѣ жизненныя удобства и доходившаго въ этомъ случаѣ до отрицанія всякихъ приличій, была далеко не по душѣ его друзьямъ, особенно любившимъ чувственныя удовольствія. Представители языческой партіи, жившіе во дворцѣ Юліана, становясь во враждебныя отношенія къ его строгимъ воззрѣніямъ на жизнь, заботились главнымъ образомъ только о томъ, чтобы пріобрѣсти себѣ подобающее значеніе, какъ приверженцы государственнаго культа, и видѣли необходимость возстановленія послѣдняго исключительно къ выгодѣ его сторонниковъ.

Напрасно Юліанъ старался употреблять всѣ усилія для улучшенія и возвышенія нравственнаго состоянія окружавшаго его языческаго общества, съ этою цѣлю писалъ сочиненія, специально направленные къ тому, чтобы доказать ничтожество и нустоту матеріальныхъ благъ предъ духовными²⁾, прибѣгалъ даже въ этомъ случаѣ къ крутымъ энергическимъ мѣрамъ — все оказывалось бесполезнымъ. Окружавшее Юліана языческое общество на-

¹⁾ Liban. Epist. 371.

²⁾ Julian. Orat. V, in deorum matrem, p. 158—180. Orat. VI adversus imperitis canes, p. 180—201. Orat. VII ad Heraclium, de cynica secta, p. 204—240.

столько пало въ нравственномъ отношеніи, что всѣ попытки, дѣлаемыя императоромъ для его исправленія, оказывались совершенно напрасными. Юліанъ не только не находилъ никакого сочувствія и помощи своему дѣлу въ окружавшихъ его представителяхъ языческой партіи, но и наталкивался нерѣдко на прямое противодѣйствіе. Ему приходилось встрѣчать очевидное неуваженіе и посмѣяніе тѣхъ самыхъ языческихъ обрядовъ и религіозныхъ церемоній, которыя онъ пытался возстановить въ прежнемъ ихъ видѣ и къ которымъ оказывалъ самое искреннее благоговѣніе. Изъ сохранившейся до нашего времени одной рѣчи Юліана можно видѣть, что императоръ однажды былъ вынужденъ вступить въ открытую энергическую полемику съ жившимъ при его дворѣ софистомъ Геракліемъ, который въ своихъ урокахъ, читанныхъ имъ публично, доказывалъ несостоятельность всей міеологической стороны политеизма и подвергалъ самой ѣдкой и беспощадной критикѣ міеологическія сказанія язычниковъ о своихъ богахъ¹⁾. Такимъ образомъ Юліанъ при выполненіи своихъ завѣтныхъ плановъ долженъ былъ чувствовать совершенное одиночество и не только не находилъ содѣйствія своему дѣлу въ окружающихъ его друзьяхъ, но встрѣчалъ даже противодѣйствіе съ ихъ стороны.

Бережливостію Юліана были недовольны не одни только риторы, софисты и философы, жившіе при его дворѣ, но также окружавшіе его государственные чиновники²⁾. На первыхъ порахъ имъ казались весьма пріятными почести и награды, равно какъ и полученіе различныхъ должностей, соединяемое съ привязанностію къ древнему культу, но они въ скоромъ времени не за-

¹⁾ Julian. Orat. VII ad Heraclium, de cynica secta, p. 204—240.

²⁾ Ibidem.

медлили разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Не смотря на всю щедрость и благоволеніе къ нимъ Юліана, въ нихъ такъ же, какъ и въ другихъ представителяхъ языческой партіи, не замедлило въ сильнѣйшей степени возбуждаться чувство недовольства, удовлетворить которому императоръ, при всемъ своемъ желаніи, былъ не въ состояніи ¹⁾). Что касается до народной массы, то на первыхъ порахъ она большими толпами собиралась въ языческіе храмы, чтобы видѣть тамъ небывалую до тѣхъ поръ торжественность при совершеніи богослуженія и необычайную ревность императора, принимавшаго въ немъ непосредственное участіе. Но скоро народъ привыкъ ко всему этому и сталъ смотрѣть какъ на нѣчто обыкновенное. Мало того, привыкши видѣть всюду своего верховнаго властелина во всемъ блескѣ и великолѣпіи земной власти, онъ началъ явно осмѣивать необычайную простоту жизни Юліана и осуждать самую его религіозную ревность ²⁾). Ведя строгую жизнь, исполненную всякихъ лишеній и доходящую даже до отрицанія всякихъ приличій, Юліанъ, какъ намъ уже извѣстно, въ очень рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ позволялъ себѣ посѣщеніе цирка и театра ³⁾), чѣмъ онъ липалъ себя одного изъ весьма могущественныхъ средствъ, которымъ язычество держалось среди народной массы. Мы уже видѣли, какую важную роль играли зрѣлища театра и цирка для народной толпы и какую тѣсную и непосредственную связь имѣли они съ вѣрованіями и преданіями политеизма. Юліанъ не умѣлъ воспользо-ваться этимъ средствомъ для пріобрѣтенія себѣ популярности и поддержанія древнихъ вѣрованій, тѣсно свя-

¹⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 2 обличит. на царя Юліана, стр. 194—195.

²⁾ Julian. Misopog. p. 357. Amm. Marcell. XXII, 12.

³⁾ Julian. Misopog. p. 349—352.

занныхъ съ національными греко-римскими играми и зрѣлищами. Взамѣнъ всего этого онъ употреблялъ всѣ усилія привлечь вниманіе народа къ торжественнымъ жертвоприноженіямъ, пышнымъ религіознымъ процессіямъ и церемоніямъ. Но и тутъ постигали его неудачи и разочарованіе. Народной толпѣ въ скоромъ времени прискучили однообразные обряды, процессіи и пышныя религіозныя церемоніи, которыя были далеко неспособны возбудить ея инстинкты въ такой степени, какъ театральныя зрѣлища, битвы гладіаторовъ и травля дикихъ звѣрей.

Нравственная строгость жизни, вводимая Юліаномъ въ среду современнаго ему языческаго общества, возбуждала одно неудовольствіе и духъ сопротивленія послѣдняго. Само языческое жречество, на помощь и содѣйствіе котораго императоръ имѣлъ болѣе всего основаній рассчитывать при осуществленіи своихъ завѣтныхъ плановъ въ дѣлѣ возстановленія и преобразованія политеизма, оказывало прямое несочувствіе его реформаторскимъ идеямъ. Для возбужденія содѣйствія языческихъ жрецовъ къ дѣлу своей реформы Юліанъ вынужденъ былъ верѣдко прибѣгать къ крутымъ энергическимъ мѣрамъ и подвергать ослушниковъ своей воли строгимъ наказаніямъ¹⁾. Но всѣ эти репрессивныя средства мало оказывали помощи дѣлу и только способны были возбуждать неудовольствіе и раздраженіе противъ императора со стороны жреческаго сословія.

Особенно рельефно проявился разладъ между Юліаномъ и современнымъ ему языческимъ обществомъ въ Антіохіи, гдѣ императоръ имѣлъ случай наглядно убѣдиться въ полнѣйшей холодности и равнодушіи язычниковъ къ древ-

¹⁾ Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve ejusd. p. 288—305. Epist. LXIII ad Theod. Pontif. Asiae, p. 452—454. Epist. XLIX ad Arsac Pontif. Galat. p. 429—432.

нему культу и въ совершенной безуспѣшности предпринятаго имъ дѣла возстановленія политеизма. Здѣсь языческое общество открыто заявило предъ всемъ тогдашнимъ міромъ, что не имѣетъ никакой солидарности съ реноваторомъ своей религіи и оставило его совершенно одинокомъ въ своей религіозной дѣятельности¹⁾. Юліанъ прибылъ въ Антиохію лѣтомъ 362 г. и пробылъ зиму слѣдующаго 363 г. Дѣлая здѣсь необходимыя приготовленія къ предстоящему походу противъ персовъ, императоръ не забывалъ при этомъ случаѣ и своихъ плановъ касательно возстановленія политеизма. Антиохія въ то время по своей многолюдности, богатству и весьма значительнымъ торговымъ операціямъ, считалась однимъ изъ значительныхъ городовъ востока, гдѣ сосредоточивались органы администраціи и судопроизводства для всѣхъ азіатскихъ провинцій имперіи. При такихъ обстоятельствахъ Юліанъ придавалъ ей особенно важное значеніе въ дѣлѣ возстановленія политеизма, такъ какъ отсюда преобразованное имъ язычество могло распространиться по всѣмъ окрестнымъ странамъ. Но всѣ усилія его остались тщетными и ему здѣсь пришлось окончательно разойтись съ окружающимъ его языческимъ обществомъ.

Съ особенною силою проявилась холодность антиохійцевъ къ древнему культу по случаю ежегодно совершаемаго въ ихъ городѣ праздника въ честь Дафнійскаго Аполлона. Дафна составляла предмѣстье Антиохіи, расположенное въ получасовомъ разстояніи отъ города, отличавшееся необыкновенною красотою и пріятностію своего мѣстоположенія. По описанію, сохраненному Созоменомъ, знаменитое антиохійское предмѣстье «было украшено большою рощею кипарисовъ, между которыми встрѣчалось много и другихъ деревь, а подъ

¹⁾ Julian. Misopog. p. 357.

деревами земля, смотря по времени года, произращавшая разнаго рода цвѣты. Это мѣсто повсюду облегалось болѣе какъ бы сводомъ, чѣмъ тѣнью; густота вѣтвей и листьевъ не позволяла проникать туда лучамъ солнечнымъ ¹⁾. Не менѣе пріятности и усладительности доставляли ему также обиліе и красота водъ ²⁾, благорастворенность воздуха и тихое вѣяніе вѣтровъ. Тамъ, по баснословнымъ разсказамъ дѣтей Греціи, дочь рѣки Ладоны, Дафна, убѣжавшая изъ Аркадіи отъ Аполлона, превращена была въ соименное себѣ дерево ³⁾. Но Аполлонъ и тутъ не оставилъ ее: онъ увѣнчивался вѣтвями своей возлюбленной, обнималъ это дерево и болѣе всего любимое свое мѣсто почтилъ долговременнымъ пребываніемъ. При такомъ мифологическомъ значеніи предмѣстія Дафны, люди скромные почитали за стыдъ ходить туда, ибо положеніе и свойство того мѣста влекло къ наслажденіямъ, а любовное содержаніе басни, при малѣйшемъ случаѣ, усугубляло страсть развратныхъ юношей. Извиняясь баснословнымъ разсказомъ, они сильно разжигались, бестыдно отваживались на дѣла срамныя и, будучи чужды скромности сами, не любили встрѣчать тамъ и скромныхъ людей ⁴⁾. Въ память мнимаго превращенія любимой нимфы Аполлона, въ Дафнѣ былъ построенъ великолѣпный храмъ, особенно славившійся на всемъ востокѣ прекрасною статуею этого бога, державшаго въ своихъ рукахъ лиру и золотую чашу, художественностію своей отдѣлки ничѣмъ не уступавшею знаменитому изваянію Зевса Олимпійскаго работы Фидія ⁵⁾.

¹⁾ Созом. Ц. И. V, стр. 19, 358.

²⁾ Сравни. Амт. Marcell. XXII, 12, 13. Θεοδωρ. Ц. И. III, 10, 11, стр. 208—210.

³⁾ Δάφνη—Лавръ.

⁴⁾ Созом. Ц. И. V, 19, ст. 359.

⁵⁾ Ibidem. Сравни. Дамаскина сказаніе о св. Артеміѣ, гл. 52, стр. 483. См. Евагріи Ц. И. р. перев. Спб. 1853.

Строителемъ храма былъ, какъ говорило преданіе, сирійскій царь Селевкъ, отецъ Антіоха, отъ котораго городъ получилъ свое названіе. Кромѣ пріятности и красоты своего мѣстоположенія, великолѣпнаго храма и стоящихъ въ немъ изображеній Аполлона и любимой его нимфы, описанная мѣстность въ глазахъ антiохійскихъ язычниковъ пользовалась еще большимъ уваженіемъ потому, что тамъ, какъ они думали, текла пророчесвенная вода кастальскаго источника, вмѣстѣ съ названіемъ имѣвшая силу источника Дельфійскаго¹⁾. Народная молва гласила, будто бы императоръ Адріанъ, въ бытность свою еще частнымъ человѣкомъ, получилъ при посредствѣ этого источника предсказаніе о своемъ будущемъ политическомъ возвышеніи и восшествіи на тронъ. Погрузивъ священную вѣтвь Дафны въ воду кастальскаго источника, онъ получилъ, какъ гласило преданіе, знаніе будущаго, прочитавъ свою судьбу на листьяхъ погруженной вѣтви. Сдѣлавшись императоромъ, Адріанъ приказалъ завалить кастальскій источникъ громадными каменьями и засыпать его землею въ тѣхъ видахъ, чтобы кто нибудь другой, при его посредствѣ, не могъ получить одинаковое предсказаніе²⁾. Культъ Аполлона, совершаемый ежегодно въ Дафнійскомъ предмѣстьѣ, отличался необыкновенною пышностію и великолѣпіемъ и сопровождался самыми соблазнительными оргіями. На этотъ праздникъ стекались громадныя толпы народа не только изъ одной Антіохіи, но изъ самыхъ отдаленныхъ ея окрестностей и предавались здѣсь самому необузданному разгулу. Съ распространеніемъ христіанства въ Антіохіи значеніе Дафны измѣнилось для ея жителей. Развратный культъ Апол-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 19, стр. 360.

лона мало по малу вышелъ изъ употребленія и не встрѣчалъ уже болѣе усердныхъ поклонниковъ, какъ было ранѣе. Цезарь Галль въ періодъ своего кратковременнаго управленія востокомъ приказалъ запереть Дафнійскій храмъ и неподалеку отъ него построилъ церковь въ честь св. мученика Вавилы¹⁾, пострадавшаго за Христа въ царствованіе императора Нумеріана²⁾, и перенесъ въ нее останки этого святителя.

По прибытіи въ Антиохію, Юліанъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія праздника Аполлона, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій совершаемаго съ необыкновенною пышностію и великолѣпіемъ³⁾. Можно себѣ представить, каково было его изумленіе и разочарованіе, когда на этотъ праздникъ не явился ни одинъ изъ жителей многочисленнаго и богатаго города, исключая одного стараго жреца, принесшаго съ собою въ жертву Аполлону гуся. Въ своемъ сатирическомъ произведеніи, извѣстномъ подъ именемъ Мисопогона, Юліанъ чрезвычайно краснорѣчиво описываетъ необыкновенную холодность и безучастіе антиохійцевъ къ празднику своего прежде столь уважаемаго бога и тѣ горькія чувства разочарованія, которыя самъ онъ испыталъ при этомъ случаѣ. «Въ десятомъ мѣсяцѣ года совершается въ Антиохіи древнее празднество въ честь Аполлона, говоритъ здѣсь Юліанъ, на которое весь городъ и его окрестности должны были собраться въ Дафну. Я оставляю храмъ Юпитера Казіуса и спѣшу въ городское предмѣстье, заранѣе ожидая быть свидѣтелемъ торжества, къ которому способны были антиохійцы. Въ моемъ воображеніи представлялось множество жертвъ, либацій и благовоній, торжественныя процессіи молодыхъ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Филосторгій Ц. И. VII, 8.

³⁾ Julian. Misopog. p. 361—362.

дѣвъ и юношей, облеченныхъ въ бѣлыя одежды — символъ сердечной чистоты и непорочности. Но все это оказалось внезапно какъ бы пріятнымъ сновидѣніемъ. Я вхожу въ храмъ и не вижу здѣсь никого изъ присутствующихъ, не встрѣчаю ни одной жертвы, ни одной лепешки, ни зерна оиміама. Въ изумленіи я думалъ, что всѣ приготовленія сдѣланы внѣ храма и что народъ ожидаетъ только моего приказанія, какъ Верховнаго жреца, для вступленія въ храмъ. Въ такомъ убѣжденіи я спрашиваю явившагося ко мнѣ жреца, какіе дары намѣренъ городъ принести Аполлону въ настоящій торжественный день. «Ничего!» отвѣчалъ мнѣ жрецъ. «Вотъ одинъ гусь, да и того я самъ принесъ изъ своего дома, городъ же не сдѣлалъ никакихъ приношеній»¹⁾. Жрецъ началъ совершать жертвоприношеніе въ честь Аполлона, но у него не оказалось при этомъ случаѣ ни одного помощника, кромѣ собственнаго сына, стыдившагося помогать своему отцу и при самомъ началѣ жертвоприношенія незамедлившаго исчезнуть изъ храма²⁾. За нѣсколько времени предъ тѣмъ онъ тайно отъ своихъ родителей перешелъ въ христіанство и, не смотря на всѣ угрозы и наказанія со стороны послѣднихъ, ни за что не соглашался возвратиться къ отправленію своей прежней должности при храмѣ. Чрезвычайно изумленный и огорченный такою холодностію и безучастіемъ антиохійцевъ къ своему уважаемому божеству, Юліанъ не замедлилъ сдѣлать по этому случаю сильный выговоръ антиохійскому сенату. «Постыдно, говорилъ онъ, что вашъ столь многочисленный и богатый городъ гораздо менѣе заботится о своихъ богахъ, нежели какая нибудь незначительная деревня въ отдаленныхъ странахъ Понта.

¹⁾ Julian. Misopog. p. 361—362.

²⁾ Julian. Misopogon, p. 364. Θεόδωρ. Π. ΙΙ. ΙΙΙ, 14, стр. 213—214.

Владѣя гораздо богатѣйшими общественными имуществами, вы не приносите въ жертву отечественному богу ни одной птицы на праздникѣ, совершаемомъ ежегодно, послѣ того уже когда боги разсѣяли тѣмъ безбожія (такъ Юліанъ называлъ христіанство). Каждый изъ васъ не щадитъ никакихъ издержекъ на свои праздники и проводитъ ихъ въ необыкновенной радости и веселіи, между тѣмъ какъ не приносить ни одной жертвы за благоденствіе себя и цѣлаго города. Только одинъ жрецъ дѣлаетъ это, который, по моему мнѣнію, долженъ получать часть отъ вашихъ жертвъ и относить ее въ домъ свой. Каждый изъ васъ дозволяетъ жѣнѣ своей все тащить къ галилеянамъ, которые на ваши средства питаютъ множество бѣдныхъ и доставляютъ чрезъ это доказательство своего безбожія. Мало того, не воздавая богамъ никакого почтенія, вы думаете, что тѣмъ самымъ не дѣлаете ничего неприличнаго¹⁾.

Не смотря на такую замѣчательную холодность и равнодушіе антиохійцевъ къ древнему культу, Юліанъ нисколько не терялъ надежды возстановить у нихъ политеизмъ въ прежнемъ его видѣ. При этомъ случаѣ онъ вовсе не подозрѣвалъ, что антиохійцы менѣе всего способны сочувствовать осуществленію его завѣтныхъ плановъ. Большая часть ихъ были христіане²⁾, а меньшинство, составлявшее изъ себя язычниковъ, было настолько слабо въ своей привязанности къ древнему культу, что, по свидѣтельству Ливанія, во всей Антиохіи можно было встрѣтить лишь немного старожилонъ, сохранившихъ воспоминаніе о древнихъ обрядахъ и праздникахъ³⁾. Антиохійцы съ давнихъ поръ пользова-

¹⁾ Ibidem, p. 363.

²⁾ Schröck, Christliche Kirchengeschichte. T. VI, p. 330.

³⁾ Liban. Orat. X, de vita sua, p. 81.

лись извѣстностію на всемъ востокѣ легкостію своихъ нравовъ, страстію къ нарядамъ, необузданною расточительностію и увлеченіемъ безнравственными зрѣлищами, за что они навлекли на себя справедливыя нареканія со стороны старшаго Катона, а впослѣдствіи времени энергическія обличенія св. Златоуста¹⁾). Не смотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, Юліанъ, не обладавшій, какъ намъ уже извѣстно, практическою жизненною мудростію, знаніемъ духа и потребностей своего времени и умѣнья приноравливаться къ нимъ, рѣшился возстановить въ Антиохіи преобразованное имъ язычество со множествомъ различныхъ церемоній и обрядовъ, со всѣми его строгими аскетическими предписаніями, стоявшими въ прямомъ противорѣчій съ изнѣженною и роскошною жизнію антиохійцевъ. По приказанію императора, храмъ Аполлона дафнійскаго былъ снова возстановленъ въ прежнемъ своемъ видѣ и украшенъ великолѣпными колоннадами (Peristylum), а кастальскій источникъ очищенъ отъ камней и земли, которыми онъ былъ заваленъ со временъ императора Адріана. Въ то же самое время и другіе языческіе храмы и алтари, находящіеся въ Антиохіи и ея окрестностяхъ, запустѣвшіе или разрушенныя, были снова возстановлены изъ своихъ развалинъ и въ нихъ по прежнему начали совершаться жертвоприношенія въ честь языческихъ боговъ²⁾). Но такая необычайная ревность императора въ дѣлѣ возстановленія имъ древняго культа въ Антиохіи не имѣла рѣшительно ни-

¹⁾ См. Бесѣды къ антиохійскому народу.

²⁾ Amm. Marcell. XXII, 12: Augebantur caeremoniarum ritus immodice cum impensarum amplitudine antehac inusitata et gravi. Тотъ же писатель рассказываетъ, что вслѣдствіе безчисленнаго множества жертвоприношеній, совершаемыхъ императоромъ, и соединенныхъ съ ними празднествъ, въ Антиохіи среди солдатъ распространилось въ сильнѣйшей степени распутство. Οὐδὲν οὐτω χαλεπὸν, οὐδὲ δύσβατον, ὅ μὴ λεῖον εἶδεναι νεῶν ἔχον ἢ πρότερον γε ἐσχρηός. Liban. Monodia in Julian., p. 513.

какого значенія для осуществленія его завѣтныхъ плановъ. Правда, на первыхъ порахъ многочисленныя толпы народа со всѣхъ сторонъ стекались въ языческіе храмы, но онѣ дѣлали это не изъ чувства религіозной ревности, а просто изъ-за желанія быть свидѣтелями пышныхъ религіозныхъ церемоній и процессій и видѣть необычайное усердіе своего государя къ культу древнихъ боговъ, не гнушавшагося, а еще считавшаго для себя за особенное удовольствіе исполнять при этомъ случаѣ обязанности низшихъ храмовыхъ прислужниковъ. Не мало было и такихъ между антioxійцами, которые являлись въ храмы съ единственною цѣлію заслужить чрезъ это благосклонность со стороны императора ¹⁾. Въ скоромъ времени народъ совершенно бросилъ ходить въ храмы своихъ боговъ и посѣщать религіозныя церемоніи и празднества, не находя въ нихъ для себя болѣе ничего особенно привлекательнаго. Но этого мало. Необычайная ревность Юліана въ дѣлѣ возстановленія древняго культа и его стремленіе ввести нравственную строгость жизни въ среду антioxійскаго общества не только не встрѣчала никакого сочувствія со стороны антioxійскихъ язычниковъ, но и возбуждала въ нихъ сильное неудовольствіе и подавала поводъ къ ироническимъ замѣчаніямъ. При видѣ безчисленнаго множества жертвенныхъ животныхъ, ежедневно закалаемыхъ на алтаряхъ боговъ, изумленные антioxійцы не стѣснялись громко говорить, что если императоръ возвратится побѣдителемъ изъ своего предстоящаго похода противъ персовъ, то всѣ быки будутъ истреблены на всемъ пространствѣ римской имперіи ²⁾.

Явившаяся такимъ образомъ холодность между рено-

¹⁾ Liban. Orat. X, de vita sua, p. 82. Julian. Misopogon, p. 344.

²⁾ Amm. Marcell. XXII, 12.

ваторомъ древняго культа и его языческими подданными въ Антиохіи не замедлила въ скоромъ времени произвести окончательный разладъ между ними¹⁾. Поводомъ къ этому замѣчательному событію послужили главнымъ образомъ неудачныя мѣры, принятыя Юліаномъ для устраненія голода, постигшаго Антиохію. Скопленіе въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ многочисленной арміи, предназначенной къ походу противъ персовъ, весьма значительно подняло цѣну на всѣ жизненные продукты. Какъ и всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, народъ не замедлилъ свалить всю вину въ поднявшейся дороговизнѣ исключительно на однихъ хлѣбныхъ торговцевъ. «Житницы полны, кричали антиохійцы, а торговцы только пользуются случаемъ для того, чтобы продавать хлѣбъ какъ можно дороже!»²⁾. Съ цѣлю устраненія наступившей дороговизны Юліанъ пригласилъ къ себѣ хлѣбныхъ торговцевъ вмѣстѣ съ богатыми земледѣльцами и настойчиво убѣждалъ ихъ понизить цѣны на жизненные припасы. Тѣ дали обѣщаніе исполнить волю императора, но не могли сдѣлать этого въ скоромъ времени, такъ какъ причина возвышенія цѣнъ на жизненные продукты заключалась главнымъ образомъ не въ нихъ, а въ недостаткѣ подвозовъ изъ окрестныхъ странъ³⁾. Между тѣмъ цѣны на всѣ сѣбствныя припасы продолжали возрастать въ страшныхъ размѣрахъ и производили сильнѣйшее неудовольствіе противъ императора въ антиохійскомъ населеніи. Тогда Юліанъ, оскорбившись на торговцевъ за неисполненіе даннаго ими обѣщанія, порѣшилъ, что можетъ обойтись безъ ихъ содѣйствія для устраненія наступившей дороговизны. Въ этихъ видахъ онъ приказалъ

¹⁾ Julian. Misopogon. p. 371—372. Сокр. Ц. И. III, 17, стр. 292.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

выдавать бѣднымъ жителямъ города хлѣбъ даромъ изъ государственной казны, назначилъ опредѣленную таксу на всѣ жизненные припасы и строго воспретилъ продавать ихъ выше узаконенной нормы¹⁾. Напрасно антиохійскій сенатъ дѣлалъ Юліану энергическія представленія, доказывая несостоятельность всѣхъ этихъ мѣръ для прекращенія наступившей дороговизны, а жившій въ то время въ Антиохіи софистъ Ливаній истощалъ съ своей стороны всѣ усилія и пускалъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить императора отменить сдѣланное распоряженіе — Юліанъ остался непреклоненъ²⁾. Но ему въ самомъ непродолжительномъ времени пришлось горько разочароваться въ непрактичности принятыхъ имъ мѣръ для пониженія цѣнъ на жизненные продукты. Хлѣбныхъ запасовъ, выдаваемыхъ народу изъ общественныхъ магазиновъ, хватило всего лишь на нѣсколько дней. Въ то же время хлѣбные торговцы, стѣсняемые опредѣленною цѣною, наложенною на всѣ сѣстные припасы, и будучи при такихъ условіяхъ не въ состояніи выдерживать конкуренцію съ правительствомъ, прекратили свои торговые операціи и разбѣжались³⁾. Ихъ примѣру не замедлили послѣдовать земледѣльцы, подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ опасеній переставшіе возить на рынокъ продукты своихъ полей⁴⁾. Напрасно Юліанъ прибѣгалъ къ репрессивнымъ мѣрамъ, чтобы побудить какъ хлѣбныхъ торговцевъ, такъ и земледѣльцевъ продолжать свои операціи; — всѣ эти мѣры остались безъ послѣдствій. При такихъ обстоятельствахъ искусственное изобиліе въ сѣстныхъ припасахъ, наступившее вслѣдствіе даровой раздачи хлѣба изъ общественныхъ магазиновъ, внезапно превра-

¹⁾ Сокр. Ц. И. III, 17, стр. 292. Созом. Ц. И. V, 19, стр. 357—358.

²⁾ Liban. Orat. X, de vita sua, p. 43. Amm. Marcell. XXII, 14. Сокр. Ц. И. III, 17, стр. 293.

³⁾ Сокр. Ц. И. III, 17, стр. 292. Созом. Ц. И. V, 19, стр. 558.

⁴⁾ Сокр. Ц. И. III, стр. 292. Созом. Ц. И. V, 19 стр. 358.

тилось въ крайнее оскудѣніе и въ городѣ не замедлить открыться настоящій голодъ со всѣми его ужасными послѣдствіями. Вся вина въ наступившемъ страшномъ бѣдствіи обрушилась въ глазахъ народа исключительно на голову одного Юліана ¹⁾). Дѣйствительно, въ настоящемъ случаѣ императоръ сильно ошибался въ практичности принятыхъ имъ мѣръ къ устраненію наступившей дороговизны жизненныхъ продуктовъ. Если онъ думалъ серьезно воспрепятствовать возвышенію цѣнъ на съѣстные припасы, то долженъ былъ бы прежде всего озаботиться увеличеніемъ подвозовъ изъ сосѣднихъ съ Антіохіею мѣстностей Малой Азіи и Египта и этимъ средствомъ сбавить поднявшуюся дороговизну на всѣ жизненные продукты ²⁾). Но онъ былъ вполне убѣжденъ въ правильности своихъ дѣйствій и обвинялъ самихъ антiохійцевъ въ неблагородномъ отношеніи къ своимъ распоряженіямъ, весьма полезнымъ и благотѣльнымъ, по его взгляду, для ихъ города ³⁾).

Неудачныя мѣры Юліана въ дѣлѣ устраненія возникшей дороговизны въ связи съ его необычайною ревностью къ возстановленію въ Антіохіи преобразованнаго имъ политеизма и введеніемъ среди антiохійцевъ строгой нравственной дисциплины, стоявшей въ контрастѣ съ ихъ роскошною жизнію и преданностію чувственнымъ удовольствіямъ, возбудили противъ императора сильнѣйшее раздраженіе со стороны антiохійскаго населенія, какъ языческаго такъ и христіанскаго. Свою злобу и ненависть противъ Юліана антiохійцы старались теперь выместить при помощи самыхъ ѣдкихъ и язвительныхъ насмѣшекъ, не дѣлая ему рѣшительно никакой пощады въ этомъ отношеніи и

¹⁾ Сокр. Ц. И. III, 17, стр. 292.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Julian. Misopogon. p., 357. Сокр. Ц. И. 17, стр. 293.

стараясь отыскать всѣ дѣйствительныя или только мнимыя странности и недостатки, какъ въ самой наружности императора, такъ и въ его характерѣ¹⁾. Суровый образъ жизни Юліана, доходившаго до отрицанія всѣхъ жизненныхъ удобствъ и презрѣнія всякихъ приличій, его непривлекательная фигура и необычайная ревность въ дѣлѣ совершенія обрядовъ древняго культа подверглись теперь безпощадному осмѣянію²⁾. Самыя изображенія императора на медаляхъ и монетахъ съ быкомъ и жертвеннымъ алтаремъ служили предметомъ для ѣдкихъ замѣчаній со стороны антїохійскаго населенія. Антїохійцы насмѣшливо говорили, что въ царствованіе Юліана лежащимъ навзничъ быкомъ разрушенъ будетъ міръ³⁾. Недовольствуясь насмѣшками и ироническими замѣчаніями, дѣлаемыми Юліану въ глаза, антїохійцы не замедлили составить противъ него множество пасквилей, наполненныхъ самыми злостными нападеніями на его ревностную привязаность къ древнему культу, его циническую внѣшность, особенно на длинную, никогда не мытую, нечесанную, наполненную паразитами бороду⁴⁾. Антїохійцы осмѣивали его здѣсь, какъ маленькаго человека, который носитъ на показъ свою козлиную бороду и громко кричитъ, подобно гомерическимъ титанамъ Отусу и Ефіальтусу, называли также обезьяною, жертвеннымъ мясникомъ и другими позорными именами. Но этого казалось еще мало и антїохійскіе язычники въ своемъ раздраженіи противъ императора шли все далѣе и далѣе. Они не стѣснились даже открыто заявить Юліану, что имъ гораздо лучше и пріятнѣе жилось въ царство-

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 19, стр. 358. Сокр. Ц. И. III. 17. стр. 292—293. Julian. Misopogon. p. 337—372.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Сокр. Ц. И. III, 17, стр. 293. Созом. Ц. И. V, 19, стр. 358.

⁴⁾ Ibidem стр. 292. Julian. Misopog. p. 338—339.

ваніе его христіанскихъ предшественниковъ, нежели въ правленіе императора язычника¹⁾).

Нельзя не видѣть, что въ этомъ признаніи антиохійскихъ язычниковъ выразился окончательный разладъ между Юліаномъ и современнымъ ему языческимъ обществомъ и ихъ взаимное непониманіе другъ друга. Дальше такого явнаго неуваженія и презрѣнія къ своему послѣднему императору и его завѣтнымъ планамъ идти языческому обществу казалось было некуда. Раздраженный злостными нападкамии ѣдкими насмѣшками какъ языческаго, такъ и христіанскаго населенія Антиохіи и желая отомстить ему тою же самою монетою, Юліанъ не замедлилъ написать противъ антиохійцевъ особую сатиру, извѣстную подъ именемъ Мисопогона²⁾, въ которой онъ излилъ всю свою ненависть противъ языческихъ и христіанскихъ жителей Антиохіи, осмѣивая ихъ роскошь, необузданную преданность чувственнымъ удовольствіямъ, легкость нравовъ и холодность къ древней религіи отцовъ. Здѣсь императоръ не только перечисляетъ всѣ бранныя рѣчи, направленные противъ него со стороны враговъ, но присоединяетъ даже не мало подробностей, представляющихъ его личность еще въ болѣе неприглядномъ и невыгодномъ свѣтѣ.

Расходясь такимъ образомъ съ языческимъ обществомъ востока, Юліанъ въ тоже самое время не встрѣчалъ поддержки своему дѣлу со стороны западныхъ язычниковъ. При осуществленіи своихъ плановъ онъ оставилъ безъ всякаго вниманія Римъ и Италію, между тѣмъ какъ здѣсь, повидимому, и долженъ былъ болѣе всего разсчитывать на успѣхъ своего предпріятія. Для Вѣч-

¹⁾ Julian. Misopog. p. 357.

²⁾ Отъ *μισος* и *πώγων*, -- ненавистникъ бороды, т. е. бородатыхъ философовъ.

наго Города, со временъ перенесенія императорской резиденціи въ Константинополь, не могъ болѣе нравиться ни одинъ восточный монархъ, въ которомъ онъ естественно видѣлъ челоѣка совершенно чуждаго и даже враждебнаго своимъ завѣтнымъ интересамъ. По своему рожденію, воспитанію, образованію и природнымъ наклонностямъ Юліанъ былъ истымъ грекомъ и въ этомъ отношеніи представлялъ полнѣйшій контрастъ съ своими предшественниками на тронѣ, рожденными въ предѣлахъ Италіи¹⁾. Подобно своему дядѣ, Константину Великому, онъ не любилъ ни Рима, ни Италіи и потому не рассчитывалъ на ихъ поддержку въ предпринятомъ имъ дѣлѣ возстановленія политезма. Юліанъ не понималъ, что римскій сенатъ и аристократія имѣли гораздо болѣе значенія для поддержанія древняго культа, нежели софисты Аѣинъ и Малой Азіи. Нельзя объяснить этого презрѣнія иначе, какъ только воспитаніемъ Юліана, совершеннымъ за предѣлами римской цивилизаціи. Юліанъ не видѣлъ ничего за предѣлами страны, которая съ давняго времени не имѣла никакого значенія въ области политическихъ интересовъ. Тамъ онъ помѣстилъ хранилище своихъ привязанностей и всѣхъ своихъ надеждъ. Аѣины составляли для него столицу греко-римскаго міра, между тѣмъ какъ Римъ и Константинополь всегда стояли у него на заднемъ планѣ. Юліанъ судилъ о славѣ и могуществѣ городовъ исключительно только по числу риторовъ, философовъ и софистовъ, которыми они владѣли. Оттого Греція, владѣвшая гораздо большимъ количествомъ этихъ людей, нежели Италія, необходимо должна была стоять въ глазахъ императора гораздо выше послѣдней. Римъ для Юліана былъ не болѣе какъ греческая колонія. «Константинополь —

¹⁾ Amm. Marcell. XXII, 9.

мое отечество, писалъ онъ къ александрійцамъ, и я принадлежу ему гораздо болѣе, нежели Констанцій. Тотъ любилъ его какъ свою сестру, а я его люблю какъ свою мать. Константинополь видѣлъ мое рожденіе, онъ заботился о моемъ дѣтствѣ и потому я не долженъ оказывать къ нему неблагодарности»¹⁾). Юліанъ думалъ, что лучше всего можетъ поласкать самолюбіе италійцевъ, говоря имъ: «вы греки по вашему происхожденію и потому должны сохранить въ своихъ чувствахъ и въ своемъ поведеніи этотъ славный знакъ благородства»²⁾). Императоръ забылъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ римской аристократіи, какое дѣятельное участіе принимала она въ его политическомъ возвышеніи. Интрига двора, ловко задуманная, заставила провозгласить его цезаремъ не въ Никомидіи, не въ Антіохіи, еще менѣе въ Аѳинахъ, но въ Миланѣ. Назначенный правителемъ Галліи, Юліанъ былъ сопровождаемъ туда исключительно италійскими легіонерами и его свиту составляли полководцы, главнымъ образомъ принадлежавшіе, по своему происхожденію, западнымъ провинціямъ имперіи. Западные легіоны вмѣстѣ съ своими полководцами всегда оставались самыми вѣрными приверженцами Юліана во всѣхъ его походахъ отъ границъ Германіи и до предѣловъ Персіи, они доставили ему, наконецъ, императорскую корону и обладаніе надъ всѣмъ греко-римскимъ міромъ. Такія великія услуги часто забываются тѣми, которые получаютъ ихъ, но никогда тѣми, которые оказываютъ ихъ. Что же дѣлаетъ Юліанъ съ цѣлію отблагодарить римскую аристократію за всѣ великія услуги, которыя она ему оказала въ дѣлѣ возвышенія его политическаго значенія? Онъ неосторожно отдался полету идей, совер-

¹⁾ Julian. Epist. LI ad Alexandr. p. 432—435.

²⁾ Ibidem. Epist. X popul. Aldexanr. p. 378—380.

шенно чуждымъ римлянамъ, и жестоко посмѣялся такимъ образомъ надъ послѣдними, какъ будто онъ не зналъ, что этотъ народъ ставитъ божественнаго основателя своего города гораздо выше тѣхъ иноземныхъ божествъ, которые были приведены въ рабство изъ Греціи. Возбуждая удивленіе, даже ироническія замѣчанія своею необычайною ревностію въ дѣлѣ возстановленія язычества на востокъ въ тамошнихъ язычниковъ, Юліанъ въ тоже самое время ни разу не доставилъ римлянамъ удовольствія видѣть себя приносящимъ жертвы богамъ въ ихъ Капитоліѣ. При такихъ условіяхъ въ исторіи римскаго язычества царствованіе Юліана осталось совершенно безслѣднымъ. Правда, множество статуй, поставленныхъ на западѣ въ честь этого императора, могутъ, повидимому, доказывать противное, однако неоспоримо извѣстно, что римская аристократія, отзываясь всегда съ холодностію, хотя и безъ ненависти, о Константинѣ Великомъ, съ удовольствіемъ о Констанціѣ, который будучи христіаниномъ, тѣмъ не менѣе свидѣтельствовалъ уваженіе Вѣчному Городу, о царствованіи Юліана не сохранила рѣшительно никакихъ воспоминаній ¹⁾).

Встрѣчая повсюду среди восточныхъ язычниковъ необыкновенную холодность и равнодушіе къ своему дѣлу и не находя для себя поддержки въ языческомъ обществѣ запада, Юліанъ тѣмъ не менѣе не отчаявался въ успѣхѣхъ своего предпріятія. Неудачи и препятствія нисколько не ослабляли его энергіи, а еще болѣе усиливали его ревность въ осуществленіи своихъ завѣтныхъ плановъ. Всѣ надежды свои онъ возлагалъ на предпринятую имъ реформу языческаго культа, при помощи которой онъ думалъ преобразовать языческое общество

¹⁾ Beugnot, Histoire de la destruction du paganisme en Occident. T. 1, p. 218.

на новыхъ началахъ и влить въ него такой же сильный энтузіазмъ къ древней религіи, которымъ былъ самъ проникнутъ. Но при осуществленіи своихъ преобразовательныхъ плановъ онъ жестоко ошибался, нисколько не сознавая, что язычество уже болѣе неспособно было къ обновленію своихъ устарѣвшихъ формъ и къ своему дальнѣйшему существованію. Преобразовать какую либо религію — значить снова возводить ее къ первоначальному состоянію, къ тѣмъ догматическимъ и нравственнымъ предписаніямъ, которыя даны ей при самомъ ея происхожденіи. Достаточно одного этого простаго положенія, чтобы понять, что есть религіи, доступныя реформѣ, и есть неспособныя принять ее. Чтобы возвести извѣстную религію къ ея первоначальнымъ основаніямъ, необходимо, чтобы эти послѣднія были въ точности опредѣлены. Посмотримъ теперь, могло ли все это произойти съ религіей грековъ и римлянъ. Эти народы никогда не имѣли точныхъ религіозныхъ символовъ. Смотрѣть на произведенія Гомера и Гезіода, какъ на религіозные символы, — значило бы не знать характера этихъ произведеній греческаго генія и допускать, наконецъ, анахронизмъ, потому что Гомеръ только собралъ и утвердилъ, если угодно, религіозныя вѣрованія, но не создалъ ихъ. Первоначальная обоготворенная исторія и общественныя празднества — вотъ два элемента, создавшіе греко-римскій политеизмъ. Можно очень много и долго разсуждать о чистомъ и глубокомъ смыслѣ и значеніи античныхъ мифовъ, но нигдѣ и никогда нельзя найти религіознаго символа, который бы создалъ греко-римскій политеизмъ и который бы въ извѣстную эпоху былъ признаваемъ всѣми послѣдователями этой религіи. Итакъ, въ чемъ же должна была заключаться миссія реформатора геллинизма? Доказать, что историческія традиціи во многихъ случаяхъ были вымышлены,

обязать своихъ согражданъ отбросить тѣ изъ нихъ, которыя были ложны и сохранить только тѣ, достовѣрность которыхъ не была заподозрѣна, — это была работа ученаго, точнаго и отчетливаго историка, но не реформатора. Оставалась только церемоніальная практика, которую можно было сдѣлать менѣе противною законамъ нравственности, менѣе враждебною стыдливости и менѣе смѣшною въ своихъ подробностяхъ. Безъ сомнѣнія, не мало труда у грековъ и римлянъ было употреблено на это, но очевидно, какое слабое значеніе имѣла дѣятельность реформатора, если бы она ограничивалась только одними церемоніями, обычаями и общественными празднествами. Римскій сенатъ издавна пробовалъ эту реформу церемоній, упраздняя нѣкоторую часть религіозной практики, противной добрымъ нравственнымъ правиламъ, и усиливался перенести благочестіе народа къ алтарямъ національныхъ боговъ. Не смотря на всю его заботливость, культъ римлянъ не сдѣлался лучше, потому что злоупотребленія и пороки, дѣлавшіе изъ религіозныхъ церемоній гнусный обманъ, лишь только были воспрещаемы съ одной стороны, какъ немедленно же появлялись съ другой. Имѣла ли мѣсто реформа въ томъ случаѣ, когда были уничтожены вакханаліи? Луперкаліи и Флораліи не продолжали ли оскорблять общественную нравственность? При такихъ условіяхъ являлась очевидная необходимость отказаться отъ всякой реформы, къ которой политеизмъ рѣшительно не былъ способенъ.

Юліанъ не понималъ ясно, что греческій натурализмъ, какъ религія чувствъ, и восточный идеализмъ, какъ дѣло самаго отвлеченнаго созерцанія, несоединимы между собою и что отъ неестественнаго сочетанія этихъ двухъ противоположностей для политеизма, какъ народной религіи, нельзя было ничего ожидать,

кромѣ еще бѣльшаго ослабленія. Онъ не сознавалъ также, что символы народной религіи не представляютъ собою мертвой матеріи, способной выражать всякую идею, что они имѣютъ для народа свой опредѣленный смыслъ и что произвольное толкованіе ихъ, приходя въ противорѣчіе съ народными вѣрованіями, не могло не оказывать на народную религію разрушительнаго вліянія. Благодаря своей реформѣ, Юліанъ создалъ такую политеистическую систему, въ которой народъ не узнавалъ своей прежней религіи, своихъ прежнихъ боговъ, а люди образованные видѣли тѣхъ же идоловъ народного суевѣрія, только облеченныхъ въ болѣе благовидныя формы. Древній символизмъ народной религіи былъ чрезвычайно многосложенъ и запутанъ. Думая внести въ него, при помощи своей реформы, нѣкоторый порядокъ и связь, Юліанъ самъ нерѣдко запутывался въ лабиринтъ безчисленнаго множество мифовъ. Въ тоже время съ цѣлю осмыслить народную мифологію и придать ей болѣе высшее значеніе, онъ позволялъ себѣ многое перемѣнять въ ней, не мало относить въ область басней, чистаго вымысла и лжи. Такъ онъ, какъ мы уже имѣли случай видѣть, признавалъ за чистый вымыселъ все, что народная религія говорила о пожираніи богами собственныхъ своихъ дѣтей, о прелюбодѣйствѣ, воровствѣ небожителей и проч. Попытка Юліана преобразовать политеизмъ только могла принести вредъ послѣднему, все болѣе и болѣе роняя авторитетъ его въ глазахъ народной массы. Что могъ въ самомъ дѣлѣ подумать теперь народъ о своей религіи, когда самъ реноваторъ древняго культа какъ бы стыдился тѣхъ самыхъ вѣрованій, неприкосновенность которыхъ онъ взялся поддерживать? Стараясь дать языческому обществу новую религіозную систему, Юліанъ ошибался въ томъ отношеніи, что придалъ ей характеръ метафизической отвлеченности, ясно

не сознавая, что народная религія выигрываетъ очень мало вслѣдствіе присоединенія къ грубому политеизму философскихъ тонкостей и умозрѣній. Извѣстно, что все утонченное, до чего надобно доходить путемъ многосложныхъ толкованій, не можетъ не возбуждать множества недоумѣній и сомнѣній со стороны человѣка. Видя, что самъ реноваторъ древняго культа употребляетъ не мало усилій для того, чтобы осмыслить и одухотворить многія стороны политеизма, что онъ нерѣдко измѣняетъ ихъ смыслъ, представляющійся съ перваго взгляда, народъ необходимо долженъ былъ приходить къ убѣжденію, что его вѣрованія, взятые въ непосредственномъ своемъ видѣ, прямо нелѣпы. Какъ ни представлялось съ перваго взгляда утонченнымъ аллегорическое объясненіе мифологической стороны народной религіи, оно не могло оказывать помощи дѣлу язычества, такъ какъ въ самомъ существѣ своемъ оказывалось ложнымъ. Для народа имѣлъ значеніе исключительно одинъ только прямой буквальный историческій смыслъ мифовъ и онъ никогда не задавался мыслию наводить на нихъ аллегорическія толкованія.

Наконецъ, аллегорическое объясненіе, даваемое Юліаномъ мифологической сторонѣ политеизма, въ глазахъ народа очевидно противорѣчило тѣмъ свидѣтельствамъ, которыя сами боги давали о себѣ въ оракулахъ. Здѣсь они ясно говорили о своемъ рожденіи, родителяхъ и другихъ событіяхъ своей жизни, а все это очевидно показывало, что они — конкретныя существа, а не безличныя силы природы, какими представлялись въ религіозномъ сознаніи Юліана. Если бы даже Юліану удалось узаконить символическое значеніе мифологической стороны политеизма, то и въ такомъ случаѣ язычество все-таки являлось ничѣмъ инымъ, какъ только грубымъ идолопоклонствомъ со всѣми его недостатками и несообразностями. «Всѣ языческія басни, справедливо замѣчаетъ

св. Григорій Богословъ, такъ умно и такъ разнообразно сложенные и выходящія изъ всякаго порядка, можетъ ли ктонибудь, сколько бы онъ ни былъ у васъ возвышенъ и великъ и даже равенъ самому Зевсу по премудрости, ввести въ предѣлы благоприличія, какія бы ни придумывалъ онъ умозрѣнія, самыя заоблачныя и превышающія мѣру нашего благоразумія¹⁾? Что изъ этого выйдетъ, какія будутъ слѣдствія такого ученія? Ты будешь пустословить и иносказаніями прикрывать свои бѣдствія или другіе вымыслы, но никто не будетъ тебѣ вѣрить. Скорѣе убѣждаются тѣмъ, что видятъ. Такова умозрительная часть языческаго любуудрія! Такъ далека она отъ предполагаемыхъ ими цѣлей, что скорѣе все прочее можно связать между собою, скорѣе можно соединить раздѣленное самымъ большимъ пространствомъ, чѣмъ сочетать и привести въ согласіе ихъ вымыслы, или подумать, чтобы и смыслъ басенъ и оболочка ихъ были дѣломъ одного и того же учителя²⁾.

Политеизмъ ничего не могъ выиграть отъ аллегорическаго толкованія и въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ и теперь, не смотря на всѣ усилія Юліана придать мѣологической сторонѣ древняго культа болѣе возвышенный смыслъ и значеніе, соблазнительные и безнравственные образы оставались въ немъ по прежнему. Св. Григорій Богословъ рельефно выставляетъ наружу эти свойства языческихъ аллегорій. «Что сказать о нравственной части любуудрія язычниковъ? восклицаетъ св. отецъ. Откуда и съ чего начать имъ и какія употребить побужденія, чтобы научить слушателей добродѣтели и посредствомъ своихъ увѣщаній сдѣлать ихъ лучшими»³⁾? Объяснивши

¹⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана. стр. 171.

²⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 173.

³⁾ Ibidem.

зачѣмъ, что язычники, не смотря на всѣ усилія своихъ учителей, не могутъ извлечь изъ своихъ сказаній о бѣгахъ ничего, кромѣ подражанія убійствамъ, грабежу, неуваженію къ родителямъ, обьяденію и другимъ порокамъ, а вовсе не добродѣтели, св. Григорій Богословъ добавляетъ: «зачѣмъ всѣ эти извороты? Если вы хотите передать мнѣ вещи хорошія, называйте ихъ мнѣ настоящимъ ихъ именемъ, а желая научить истинѣ, не заставляйте меня идти путемъ заблужденія. Эти соблазнительные миѳы, въ которыхъ вамъ угодно видѣть столько глубины, истинны они или ложны? Если они истинны, то что же у васъ за боги и какъ вы думаете возвыситъ нравственно народъ, представляя ему такіе примѣры? Если же они ложны, то зачѣмъ вести насъ къ добру путемъ соблазна? Зачѣмъ учить пороку, имѣя въ виду заставить насъ полюбить истину? Не таковы наши аллегоріи. Тогда какъ у васъ образъ остается нечистъ, у насъ и образъ и изображаемое имъ равно святы и назидательны»¹⁾). Своею попыткою преобразовать политизмъ на новыхъ началахъ Юліанъ только доказалъ полнѣйшее безсиліе и неспособность послѣдняго къ дальнѣйшему существованію въ настоящемъ его видѣ.

Язычество, какъ мы уже видѣли, имѣло сильную поддержку для своего существованія въ интересахъ, которыми оно само оказывало сильное покровительство. Кромѣ науки и литературы древняго міра, страсти народа къ играмъ и зрѣлищамъ, оно крѣпко держалось, особенно на западѣ, благодаря привязанности аристократіи къ національнымъ обычаямъ и политическимъ учрежденіямъ, тѣсно связаннымъ съ древними преданіями и вѣрованіями. Каждая область, каждый городъ старались сохранять свои обряды, какъ драгоцѣнные остатки своей

¹⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 171.

національності. Но и эти опоры язычества съ теченіемъ времени, по мѣрѣ постепеннаго разложенія государственнаго организма, стали приходить въ упадокъ. Съ ослабленіемъ патріотическихъ воспоминаній и патріотическихъ чувствъ теряли свой смыслъ и первоначальное значеніе и тѣсно связанныя съ ними религіозныя учрежденія язычества. Всѣ мѣстные обряды и церемоніи теперь не имѣли уже другой привлекательности, кромѣ старой привычки, которая скоро теряетъ жизненную силу. При томъ же Юліанъ въ предпринятомъ имъ дѣлѣ возстановленія политеизма, какъ мы видѣли, не имѣлъ для себя опоры на западѣ, а между тѣмъ тамъ язычество и было особенно сильно, благодаря своей непосредственной связи съ общественными и государственными учрежденіями и національными традиціями.

Что касается, наконецъ, до стремленія Юліана заимствовать изъ христіанства и перенести въ язычество нѣкоторыя учрежденія христіанской церкви съ цѣлю возвышенія нравственной стороны жизни современнаго ему языческаго греко-римскаго общества, то и отсюда политеизмъ не могъ извлечь для себя особенной пользы. Стараясь осуществить практическую реформу язычества посредствомъ перенесенія въ него идей и учрежденій христіанской церкви, Юліанъ впадалъ, самъ того не замѣчая, въ грубую ошибку. Онъ унускалъ совершенно изъ вниманія ту простую общеизвѣстную истину, что нельзя произвольно усвоить одной религіи тѣ качества, которыя составляютъ существенныя и неотъемлемыя свойства высшихъ началъ другой. «Справедливо, утверждаетъ св. Григорій Богословъ, христіанскіе законы и обычаи однимъ только христіанамъ и свойственны, такъ что никому другому, кто только захотѣлъ бы подражать намъ, невозможно перенять ихъ оттого, что они утвердились не человѣческими соображеніями, но силою Бо-

жією и долговременнымъ постоянствомъ¹⁾. Юліанъ нисколько не чувствовалъ, что всякое заимствованіе чуждыхъ язычеству элементовъ и всякое напряженіе внутреннихъ силъ послѣдняго можетъ только ускорить приближающійся конецъ его. Всѣ старанія императора пересадить на почву язычества идеи и учрежденія христіанской церкви остались тщетными и только усвоили ему за такое подражаніе справедливое названіе обезьяны христіанства²⁾. Всѣми этими попытками Юліанъ показаль только внутреннюю несостоятельность язычества и превосходство надъ нимъ христіанства. Если бы планъ Юліана перенести въ язычество учрежденія христіанской церкви исполнился, то императоръ всетаки не достигъ бы своей цѣли. Сколько бы политеизмъ ни подражалъ христіанству, сколько бы ни перенималъ его учреждений и идей, онъ никогда бы не получилъ внутренней силы и жизненности послѣдняго. Политеизмъ открыто заявилъ свою внутреннюю несостоятельность и неспособность къ своему обновленію. Всѣ средства были употреблены Юліаномъ для возстановленія язычества и всѣ они оказались безплодными и безсильными вдохнуть жизнь въ отжившія свой вѣкъ формы его существа. Юліанъ жестоко ошибался въ природѣ греко-римскаго политеизма и придавалъ ему слишкомъ много значенія. Отъ язычества, презиравшаго аскетическое отреченіе отъ чувственныхъ удовольствій и предпочитающаго всему блага чувственнаго міра, онъ вздумалъ требовать христіанской воздержности, отреченія отъ собственной воли и подчиненія строгимъ нравственнымъ законамъ, которые,

¹⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 166.

²⁾ Ibidem. «Разсказываютъ, замѣчаетъ св. Григорій Богословъ, что и обезьяны подражаютъ такимъ движеніямъ, которыя предъ глазами ихъ дѣлаетъ человекъ, чтобъ обмануть ихъ; но этимъ самымъ ихъ и ловятъ, такъ какъ подражаніе ихъ не можетъ дойти до нашей смысленности».

казалось, навсегда изгоняли изъ человѣческой жизни всякое радостное чувство. Всѣ эти требованія стояли въ прямомъ противорѣчїи съ основными принципами греко-римскаго политеизма, дававшего полную волю проявленію чувственныхъ наклонностей и страстей. Многіе языческіе храмы, церемонїи и религіозные праздники прямо были посвящены служенію порокамъ и разврату. Самъ Юліанъ, не смотря на свой цѣломудренный образъ жизни, по своему званію Верховнаго Первосвященника, не могъ не покровительствовать различнымъ культамъ, посвященнымъ разврату. Народъ нерѣдко видѣлъ своего императора на праздникахъ въ честь нецѣломудренной Венеры, окруженнымъ развратными жрицами и участвующимъ вмѣстѣ съ ними въ религіозныхъ церемонїяхъ, посвященныхъ въ честь этой богини. «Нельзя не видѣть, справедливо замѣчаетъ Шаффъ, что вся попытка Юліана возстановить язычество чрезъ заимствованіе въ него изъ христіанства совершенно чуждыхъ для него элементовъ была совершенно бесполезна и безплодна. Она казалась равносильною гальванизировать мертвый трупъ, прививать свѣжія вѣтви къ мертвому стволу, сѣять доброе сѣмя на каменистую почву, или вливать новое вино въ ветхіе мѣхи, при чемъ мѣхи разрывались и вино проливалось» ¹⁾). «Язычество было и осталось трупомъ, утверждаетъ Кельнеръ; всѣ попытки къ его оживленію оказывались совершенно напрасными, особенно когда онѣ стояли въ очевидномъ противорѣчїи съ духомъ язычества и его исторіею» ²⁾). По взгляду Штрауса, «попытку Юліана примѣнить къ древнему

¹⁾ Schaff, Geschichte der alten Kirche. Leipz. 1869, II. Abtheil. p. 478.

²⁾ Kellner, Hellenismus und Christenthum oder die geistige Reaction des antiken Heidenthums gegen das Christenthum. Mit besonderer Rücksicht auf die christenfeindliche Literatur des classischen Alterthums so wie auch der Gegenwart. Köln 1866, стр. 274.

культу учрежденія новаго религіознаго общества (христіанскаго), которыя ему казались достойными подражанія и способными приобрѣсти себѣ послѣдователей, слѣдуетъ считать дѣломъ похвальнымъ. Но въ то же время нельзя не видѣть, что преобразованное Юліаномъ язычество представляло собою клочья стараго платья съ новыми заплатами, чрезъ что дыра должна была сдѣлаться еще больше» ¹⁾).

¹⁾ Strauss, *Der Romantiker auf dem Throne der Cäsaren, oder Julian der Abtrünnige*. Mannheim 1847, стр. 35.

Отношеніе Юліана къ христіанству въ связи съ правительственными мѣрами императора, направленными къ его ослабленію.

Употребляя всѣ свои политическія и нравственныя силы на возстановленіе въ прежнемъ видѣ давно отжившихъ свой вѣкъ началъ греко-римскаго политеизма, Юліанъ въ тоже самое время не щадишь никакихъ средствъ для того, чтобы всѣми доступными ему путями содѣйствовать ослабленію христіанства. Политеизмъ, въ глазахъ императора, до тѣхъ поръ не могъ упрочить своего существованія, пока не будетъ совершенно уничтоженъ новый религіозный порядокъ вещей, установленный Константиномъ Великимъ. Юліанъ вступилъ въ борьбу противъ христіанства съ должною осторожностію и предусмотрительностію, чтобы не подать ни малѣйшаго повода къ обвиненію себя въ открытомъ кровавомъ гоненіи на церковь. Онъ дѣйствовалъ на первыхъ порахъ такъ хитро, что рѣшительно нельзя было подозрѣвать его во враждебныхъ отношеніяхъ къ вѣрующимъ. Само христіанское общество, при вступленіи Юліана на императорскій престолъ, относилось довольно снисходительно къ его вѣроотступничеству и нисколько не предвидѣло угрожавшей съ его стороны опасности. Царствованіе императора Констанція, обильное ересями и догматическими спорами, естественно представлялось ненавистнымъ въ глазахъ истинно вѣрующихъ. Жестокія

гоненія и притѣсненія, испытываемыя православными въ правленіе этого государя, не могли не возбуждать въ послѣднихъ справедливаго убѣжденія, что языческій правитель будетъ гораздо менѣе вредить чистотѣ ихъ религіозныхъ вѣрованій, нежели императоръ христіанинъ, но въ тоже время еретикъ, какимъ представлялся въ глазахъ ихъ Констанцій. Для нихъ казалось гораздо безопаснѣе жить подъ властью языческаго монарха, нежели императора аріанина, постоянно проявлявшаго въ самыхъ широкихъ размѣрахъ свой деспотизмъ въ дѣлахъ церковныхъ. Открытое гоненіе языческаго правительства въ глазахъ православныхъ преставлялось гораздо менѣе вреднымъ и опаснымъ правотѣ ихъ вѣрованій, нежели хитрое посягательство на чистоту ихъ религіозныхъ убѣжденій, какое въ теченіи долгаго времени пускало противъ нихъ въ ходъ аріанское правительство. Отсюда понятно, почему православные, будучи утомлены тяжкими гоненіями и притѣсненіями императора Констанція, на первыхъ порахъ довольно равнодушно смотрѣли на отступничество отъ церкви его преемника. Они имѣли справедливое основаніе рассчитывать, что императоръ-язычникъ оставитъ ихъ въ покоѣ. не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла церкви и представитъ возможность залечить раны, нанесенныя аріанскими смутами.

Такимъ образомъ со вступленіемъ Юліана на императорскій престолъ для христіанскаго общества. казалось, наступили новыя лучшія времена, когда вѣрующіе могли свободно насладиться внутреннимъ миромъ и спокойствіемъ, ненарушаемыми уже болѣе деспотическимъ вмѣшательствомъ свѣтской власти во внутреннія дѣла церкви. Дѣйствительно, на первыхъ порахъ Юліанъ относился къ своимъ христіанскимъ подданнымъ довольно снисходительно и повидимому щадилъ неприкосновенность ихъ религіозныхъ убѣжденій. Духъ нетер-

пимости и фанатизма, казалось, былъ вовсе не въ его характерѣ. Гордясь своимъ философскимъ образованіемъ, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался выражать вѣрующимъ мысль, что не имѣетъ ни малѣйшаго желанія насиловать свободы ихъ религіозныхъ убѣжденій, тѣмъ болѣе воздвигать открытое кровавое гоненіе по примѣру своихъ языческихъ предшественниковъ на императорскомъ тронѣ. «Клянусь богами! писалъ Юліанъ къ Артабію, я не хочу, чтобы галилеяне (такъ Юліанъ называлъ христіанъ) были убиваемы, несправедливо обижаемы или терпѣли жестокое обращеніе безъ всякой причины» ¹⁾. Въ своихъ многочисленныхъ эдиктахъ, письмахъ и другихъ сочиненіяхъ, постоянно объявляя полнѣйшую религіозную терпимость ко всѣмъ своимъ подданнымъ, императоръ на каждомъ почти шагу высказываетъ одно только глубокое сожалѣніе о заблужденіяхъ галилеянъ и желаетъ вразумлять ихъ наученіемъ, а не наказаніемъ. «Эти люди, говорилъ онъ, отзываясь о своихъ христіанскихъ подданныхъ, — отчасти благочестивы, потому что поклоняются всемогущему Правителю видимаго міра, котораго и мы почитаемъ только подъ другими именами. Все ихъ заблужденіе заключается въ томъ, что они не хотятъ признавать другихъ боговъ и думаютъ съ варварскимъ упрямствомъ, будто истинный Богъ извѣстенъ только имъ однимъ» ²⁾. «Тѣлесныя болѣзни, по словамъ Юліана, можно излечивать при помощи искусныхъ операцій, но заблужденія о природѣ боговъ нельзя уничтожить ни огнемъ ни желѣзомъ. Что пользы въ томъ, если рука будетъ приносить жертву, между тѣмъ какъ душа станетъ осуждать руку. Она только станетъ обвинять руку въ слабости

¹⁾ Julian. Epist. VII ad Artab., p. 376.

²⁾ Julian. Epist. I.XIII ad Theod. Pontif. Asiae, p. 453.

и попрежнему будетъ тайно благоговѣть предъ тѣмъ, что она до того времени почитала явно. Это будетъ только маска на лицѣ, а не истинная переменна образа мыслей. И что же изъ этого выходить? Люди павшіе вскорѣ потомъ раскаяваются, а тѣ, которые гибнутъ за свои убѣжденія, почитаются какъ боги¹⁾. «Мы не допускаемъ, чтобы кто нибудь насильственнымъ образомъ былъ привлекаемъ къ алтарямъ боговъ, писалъ императоръ къ жителямъ г. Бостры въ Аравіи, и объявляемъ, что всякій, желающій принять участіе въ нашихъ жертвоприношеніяхъ и либаціяхъ, долженъ предварительно принести очистительную жертву и умилоствовать боговъ. Мы далеки отъ мысли допускать къ нашимъ жертвамъ кого либо изъ нечестивыхъ, пока онъ не освятитъ душу свою молитвами, а тѣло очистительными обрядами²⁾»).

На основаніи приведенныхъ собственныхъ признаній Юліана можно вывести повидимому справедливое заключеніе, что отношенія его къ христіанству повидимому должны были отличаться довольно миролюбивымъ и гуманнымъ характеромъ. Императоръ, судя по его собственнымъ словамъ, не только не думалъ воздвигать на церковь открытаго кроваваго гоненія, но, напротивъ, смотрѣлъ на вѣрующихъ довольно снисходительно и съ участіемъ относился къ ихъ мнимымъ заблужденіямъ. Но не такимъ былъ Юліанъ на самомъ дѣлѣ, какимъ онъ представлялся въ своихъ правительственныхъ эдиктахъ и частной перепискѣ. Въ характерѣ императора было одно свойство, которое казалось преобладающимъ надъ всѣми другими силами его души — искусство лицемерить и притворяться и въ своей внѣшности показывать себя далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ внутрен-

¹⁾ Liban. Epitaph., p. 580.

²⁾ Julian. Epist. LXII ad Bostr., p. 435.

нимъ образомъ. Выдавая себя повсюду — чуть не за друга христіанъ и выражая только одно глубокое сожалѣніе объ ихъ заблужденіяхъ, Юліанъ въ душѣ своей былъ однимъ изъ самыхъ заклятыхъ враговъ христіанства, какихъ только знаетъ исторія. Кротость и снисходительность его къ своимъ христіанскимъ подданнымъ, обнаруженная на первыхъ порахъ по вступленіи на императорскій престолъ, далеко не служила выраженіемъ гуманнаго отношенія къ послѣднимъ, — была неискреннею и притворною и притомъ обусловливалась исключительно одними тонкими расчетами и соображеніями императора. Опытъ предшествовавшихъ трехвѣковыхъ гоненій на церковь, покрывшихъ ея исповѣдниковъ неувядаемою славою, наглядно показывалъ Юліану, что крутыя насильственныя мѣры, употребляемыя его языческими предшественниками противъ вѣрующихъ, не могутъ принести никакой пользы язычеству и что онѣ только способствуютъ еще большему усиленію христіанства. Для него казалось очевиднымъ, что кровь мученикомъ, жертвующихъ своею жизнію за святость и чистоту своихъ религіозныхъ убѣжденій, только служить сѣменемъ новыхъ христіанъ, по выраженію св. Златоуста¹⁾. Теперь эти насильственные средства представлялись въ глазахъ Юліана еще болѣе безсильными и несостоятельными, такъ какъ вѣрующіе должны были становиться болѣе мужественными при воспоминаніи о тѣхъ жестокихъ гоненіяхъ, которыя они отразили съ непоколебимою твердостью. Выходя изъ такихъ возрѣній, раздѣляемыхъ вмѣстѣ съ Юліаномъ многими изъ лучшихъ представителей современнаго ему языческаго общества, въ родѣ Ливанія, Саллюстія, Хрисанеія и др., онъ старался по возможности лишать вѣрующихъ вѣнцевъ мученичества

¹⁾ Св. Златоустъ, Слово въ память священномученика Вавилы. Т. I, стр. 213 по рус. перев. Спб. 1864 г.

и не доставлять такимъ образомъ въ ихъ руки могучее противъ себя оружіе¹⁾. Юліанъ ясно видѣлъ, справедливо замѣчаетъ св. Златоустъ, что какъ скоро онъ рѣшится на кровавое гоненіе, то всѣ вѣрующіе тотчасъ же положить души свои за Христа²⁾. «Онъ не хотѣлъ уступить имя мучениковъ борцамъ истины, замѣчаетъ блж. Θεодоритъ, которое такъ неблагоразумно позволяли имъ брать»³⁾. Далѣе Юліану казалось очевиднымъ, что современное ему христіанское общество было настолько сильно и многочисленно, что насильственные мѣры, направленные къ стѣсненію его правъ и свободы въ дѣлѣ религіи, легко могли сдѣлаться опасными для государства въ политическомъ отношеніи. Наконецъ Юліанъ желалъ избѣгать кровавыхъ преслѣдованій вѣрующихъ, прикрываясь маскою своей мнимой философской терпимости и изъ стремленія казаться добрымъ и любимымъ правителемъ. Его страшило имя тирана, даваемое христіанами многимъ изъ его предшественниковъ на императорскомъ тронѣ за жестокія и насильственные гоненія, воздвигаемыя ими на ихъ единовѣрцевъ.

Выражая такимъ образомъ желаніе избѣгать по возможности кровавыхъ гоненій на церковь, бесполезныхъ для язычества и притомъ недостойныхъ императора-философа, Юліанъ не замедлилъ избрать для борьбы противъ христіанства другія средства, неупотреблявшіяся до сего времени, болѣе хитрыя и опасныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ прикрытыя видомъ законности. «Онъ видѣлъ, справедливо замѣчаетъ св. Григорій Богословъ, что вести съ нами борьбу открыто и объявить себя прямо предводителемъ нечестія⁴⁾ не только слишкомъ дерзко и безраз-

¹⁾ Julian. *Fragm. Orat. epistolaeve cujusdam*, p. 288.

²⁾ Св. Златоустъ. Слово въ память священномученика Вавилы, стр. 213, по русск. перев.

³⁾ Θεодор. Ц. И. III, 1, стр. 115.

⁴⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 118.

судно, но и совершенно противно цѣли. Ибо принужденіе сдѣлало бы насъ болѣе непоколебимыми и готовыми противопоставить насилію ревность къ благочестію: ибо души мужественныя, когда хотятъ принудить ихъ къ чему силою, обыкновенно бываютъ непреклонны и подобны пламени, которое тѣмъ сильнѣе разгорается чѣмъ болѣе его раздуваютъ. Это не только онъ находилъ по своимъ умозаключеніямъ, но могъ знать и по предшествовавшимъ гоненіямъ, которыми христіанство болѣе прославлено, нежели ослаблено: потому что гоненія укрѣпляютъ душу въ благочестіи и въ опасностяхъ душа закаливается, какъ раскаленное желѣзо въ водѣ. Если же дѣйствовать оружіемъ лукавства, рассуждалъ Юліанъ, и принужденію доставить видъ убѣжденія, прикрывъ насиліе ласками, какъ уду приманкою, то въ такой борьбѣ будетъ мудрость и сила. Сверхъ сего онъ завидовалъ и чести мученической, какой удостоиваются подвижники, и посему умышляетъ дѣйствовать принужденіемъ, не показывая вида принужденія, а насъ заставить страдать и не имѣть той чести, что страдаемъ за Христа¹⁾. Онъ не такъ смѣло, какъ прочіе гонители, вводитъ нечестіе и хочетъ поступать съ нами не только не какъ царь, но даже и не какъ мучитель, который бы могъ похвалиться²⁾, что принудилъ вселенную принять свой нечестивый законъ и подавилъ ученіе, одержавшее верхъ надъ всѣми ученіями, но, какъ рабъ, робко составляетъ ковы противъ благочестія и къ гоненію присоединяетъ нѣкоторыя двусмысленныя умствованія³⁾. Всякая власть дѣйствуетъ убѣжденіемъ или принужденіемъ — и онъ послѣднее, какъ менѣе человѣколюбивое, предоставилъ

¹⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 118.

²⁾ Ibidem, стр. 120.

³⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 121.

народу и городамъ, которые въ дерзости особенно не удержимы, по неразсудительности и неосмотрительному стремленію ко всему; впрочемъ и на это далъ не всенародное повелѣніе, но какъ бы неписанный законъ, обнаруживъ свою волю тѣмъ, что не останавливалъ народныхъ волненій. А первое, какъ болѣе кроткое и достойное царя, т. е. убѣжденіе, предоставилъ себѣ. Однако же и это не совершенно онъ соблюлъ. Какъ несвойственно леопарду оставить свою пестроту, еѳіопу — черноту, огню — силу жечь, лукавому человѣкоубійцѣ искони — человѣконенавидѣніе, такъ и онъ не могъ оставить злобы, съ какою устремился противъ насъ. Но какъ говорятъ о хамелеонѣ, что онъ удобно перемѣняетъ свой видъ и принимаетъ на себя всѣ цвѣта, кромѣ бѣлаго, такъ и онъ для христіанъ явился всѣмъ, кромѣ кротости. И человѣколюбіе его было безчеловѣчно; его убѣжденіе насильственно, благосклонность служила изволеніемъ жестокости, дабы видно было, что онъ по праву употребляетъ насиліе, не умѣвъ подѣйствовать убѣжденіемъ. Это видно изъ того, что убѣжденіе его продолжалось малое время; и по большей части вскорѣ слѣдовало принужденіе, чтобы мы были пойманы, какъ въ звѣринной ловлѣ, или сѣтями, или преслѣдованіемъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ непремѣнно достались въ его руки» ¹⁾).

При такомъ характерѣ отношенія Юліана къ христіанству онъ является однимъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ его на тронѣ римскихъ императоровъ, какихъ только знаетъ исторія. «Относительно убійствъ и придумыванія тѣлесныхъ казней онъ, по справедливому замѣчанію Созомена, былъ гораздо умѣреннѣе прежнихъ гонителей церкви, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ — жесточе ихъ» ²⁾). Его коварныя и хитрыя мѣры, направ-

¹⁾ Ibidem, стр. 122.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 5, стр. 320.

ленные ко вреду церкви, во многих случаях прикрываемы маскою вѣротерпимости, очевиднаго доброжелательства и пользы для вѣрующихъ, были для послѣдней гораздо опаснѣе открытыхъ кровавыхъ гоненій, воздвигаемыхъ предшествовавшими Юліану языческими императорами. Эту опасность ясно сознавало современное Юліану христіанское общество, какъ видно изъ тѣхъ позорныхъ отзывовъ и именъ, какія оно давало императору. Христіанскіе современники его утверждали, что онъ превзошелъ своею злобою и нечестіемъ самыхъ жесточайшихъ и опаснѣйшихъ гонителей церкви, Діоклитіана, Деція, Максиміана и др., называли его «нечестивѣйшимъ и безбожнѣйшимъ изъ людей»¹⁾ «общимъ всѣхъ кровопійцею»²⁾ «идоліаномъ», «богоотступникомъ»³⁾ и др. поносными именами. Св. Григорій Богословъ, излагая мѣры Юліана, направленныя къ ослабленію и подавленію христіанства, справедливо называетъ его «великимъ умомъ, замышлявшимъ много неправды»⁴⁾. Хотя императоръ не издавалъ явныхъ распоряженій истреблять вѣрующихъ огнемъ и мечемъ, по примѣру многихъ своихъ языческихъ предшественниковъ на тронѣ, хотя и старался прикрывать себя маскою вѣротерпимости, тѣмъ не менѣе онъ не упускалъ никакого случая нанести вредъ ненавистой въ глазахъ его религіи. Къ достиженію этой цѣли исключительно были направлены всѣ его стремленія и въ этомъ дѣлѣ императоръ-философъ не пренебрегалъ никакими средствами, считая ихъ вполне дозволенными и законными. Опасаясь въ своей внѣшности казаться жестокимъ и несправедливымъ правителемъ, въ тоже самое время видя невозможность подавить хри-

¹⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 107.

²⁾ Ibidem, стр. 106.

³⁾ Ibidem, стр. 133.

⁴⁾ Ibidem, стр. 132.

стіанство насиліємъ, Юліанъ напругалъ всѣ силы своего ума къ отысканію сколько нибудь благовидныхъ средствъ, содѣйствующихъ ослабленію послѣдняго. Борьба Юліана противъ христіанства не отличается одинаковымъ характеромъ, но имѣетъ ступени въ своемъ развитіи. Императоръ не въ состояніи былъ остаться навсегда вѣренъ извѣстнымъ уже намъ воззрѣніямъ на характеръ своихъ отношеній къ церкви и потому постепенно переходилъ отъ объявленія полной вѣротерпимости къ преслѣдованію и наконецъ къ кровавому гоненію на вѣрующихъ. «Онъ до времени владѣлъ собою, какъ справедливо замѣчаетъ св. Григорій Богословъ, держался своего злоухищреннаго правила и вредилъ намъ только однимъ обольщеніемъ, когда же неудержимый гнѣвъ переступилъ мѣру, тогда онъ не въ состояніи былъ скрывать своей злонамѣренности и возсталъ открытымъ гоненіемъ на благочестивый и божественный нашъ сонмъ»¹⁾).

Вскорѣ по вступленіи своемъ на императорскій престолъ Юліанъ издалъ эдиктъ, которымъ онъ объявлялъ всѣмъ христіанскимъ и языческимъ подданнымъ имперіи свободу отправления ихъ культа²⁾. Въ силу этого эдикта чтители древнихъ боговъ, какъ и исповѣдники Христа, православные и еретики, получили одинаковыя права на свободу своихъ религіозныхъ убѣжденій, и даже самимъ іудеямъ было дозволено возвратиться въ свое отечество и возстановить національное святилище. Въ то же время множество христіанскихъ епископовъ, какъ православныхъ, такъ и еретиковъ, вмѣстѣ съ прочими клириками изгнанныхъ въ предыдущее царствованіе, были

¹⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 139.

²⁾ Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 259. Созом. Ц. И. V, 5, стр. 326. Julian. Epist. I. II ad Bostr., p. 435. Θεοδωρ. Ц. И. III, 4, стр. 199.

возвращены из ссылки. Теперь получили себѣ свободу св. Аѳанасій, Иларій, Люциферъ, Евсевій и многіе другіе, лишенные Констанціемъ своихъ кафедръ за непоколебимую ревность дѣлу православія¹⁾. «Я думаю, писалъ Юліанъ къ жителямъ г. Бостры въ Аравіи, что предстоятели галилеянъ будутъ ко мнѣ болѣе благодарны, нежели къ моему предшественнику. Въ правленіе его многіе изъ нихъ были изгнаны, подверглись преслѣдованію и конфискаціи имущества, истреблены цѣлыя толпы такъ называемыхъ еретиковъ, вслѣдствіе чего въ Самосатѣ, Кизикѣ, Пафлагоніи, Вифиніи, Галатіи и во многихъ другихъ мѣстностяхъ цѣлыя деревни были опустошены и разрушены до основанія. Но въ мое царствованіе мы видимъ обратное явленіе. Изгнанники получили себѣ право снова возвратиться, а тѣ, у которыхъ отнято было имущество, опять получаютъ потерянное»²⁾.

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей эпохи Юліана съ большимъ сочувствіемъ относятся къ указанному закону императора, провозглашавшему по ихъ взгляду принципы религіозной свободы и вѣротерпимости, дотолѣ неизвѣстные міру. Такъ извѣстный англійскій историкъ Гиббонъ приходитъ въ восторгъ отъ него и утверждаетъ, что Юліанъ указаннымъ эдиктомъ удивилъ весь міръ своею необычайною гуманностью и вѣротерпимостію. «Подъ вліяніемъ опасенія, какъ бы не возмутить покой еще неупроченнаго государства, говоритъ этотъ изслѣдователь, Юліанъ удивилъ міръ эдиктомъ, достойнымъ его, какъ государственнаго человѣка и какъ философа. Благодаря ему, императоръ распространилъ на всѣхъ обитателей римскаго міра благодѣянія безграничной и равной вѣротерпимости, и единственное зло, которое

¹⁾ Θεοδωρ. Π. Ι. ΙΙΙ, 4, стр. 200.

²⁾ Julian. Epist. LII ad Bostr., p. 435.

чрезъ изданіе этого эдикта причинено было христіанамъ, заключалось въ томъ, что у нихъ отнималось право безнаказанно мучить своихъ согражданъ, которыхъ они клеймили ненавистнымъ и позорнымъ именемъ идолопоклонниковъ и еретиковъ¹⁾. Но если внимательнѣе вникнуть въ смыслъ настоящаго распоряженія Юліана и оцѣнить его практическое значеніе, то окажется очевиднымъ, что подъ маскою вѣротерпимости въ немъ скрывалось крайне пристрастное отношеніе императора къ своимъ христіанскимъ подданнымъ и что оно было направлено исключительно ко вреду послѣднихъ. Проповѣдуемая Юліаномъ вѣротерпимость въ существѣ своемъ не имѣла чистаго нравственнаго источника, не основывалось на признаніи за всѣми его подданными права свободно слѣдовать своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, но вытекала единственно изъ его въ высшей степени коварныхъ расчетовъ и соображеній. Объявляя свободу всѣмъ религіознымъ партіямъ, на которыя были раздѣлены вѣрующіе того времени, Юліанъ, по свидѣтельству древнихъ церковныхъ историковъ и признанію самихъ языческихъ писателей, утѣшалъ себя надеждою, что христіане съ большимъ ожесточеніемъ противъ прежняго будутъ продолжать свои религіозныя распри и такимъ образомъ, сами того не замѣчая, станутъ содѣйствовать ослабленію церкви²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ свой эдиктъ вѣротерпимости онъ рассчитывалъ достигнуть для себя еще другой весьма важнѣйшей выгоды: онъ очень хорошо понималъ, что христіане, раздѣленные между со-

¹⁾ Gibbon. Geschichte d. Verfalles u. Unterganges Rom. Reichs, p. 771.

²⁾ Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 259. Созом. Ц. И. V, 5, стр. 321. Феод. Ц. И. III, 4. «Юліанъ думалъ, что имя Христа будетъ уничтожено совершенно съ земли, говоритъ бл. Августинъ, если онъ лишитъ единенія церковь, отъ которой отступилъ, и внесетъ раздоры и несогласія въ ея область». August. Epist. 166.

бою духомъ партій, не въ состояніи будутъ соединиться для единодушнаго отпора противъ него въ замышленной имъ борьбѣ съ церковью. Въ этихъ видахъ императоръ, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, нерѣдко приглашалъ къ себѣ во дворецъ представителей различныхъ христіанскихъ партій подъ видомъ ихъ примиренія, а на самомъ дѣлѣ для большаго возбужденія ихъ вражды¹⁾. Наконецъ, по свидѣтельству Созомена, изданіемъ своего эдикта терпимости Юліанъ имѣлъ въ виду «между прочимъ подвергнуть порицанію память Констанція, въ надеждѣ возбудить противъ, него даже умершаго, ненависть во всей имперіи, угождая язычникамъ, какъ единомышленникамъ, а терпѣвшимъ отъ него христіанамъ показывая состраданіе, какъ обиженнымъ»²⁾).

Эдиктъ Юліана, объявлявшій всѣмъ, какъ языческимъ, такъ и христіанскимъ подданнымъ императора, свободу отправленія ихъ культа и возвращавшій изъ ссылки христіанскихъ епископовъ, изгнанныхъ императоромъ Констанціемъ, былъ изложенъ въ двусмысленныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, такъ что могъ быть понимасмъ двояко, — или въ смыслѣ только дозволенія возвратиться въ свое отечество, или же въ значеніи возстановленія въ прежнихъ должностяхъ и званіяхъ. Нельзя не видѣть, что императоръ намѣренно выразился неопредѣленно въ тѣхъ видахъ, чтобы удержать за со-

¹⁾ Amm. Marcell. XXII, 5. Ut que dispositorum roboraret effectum, dissidentes Christianorum antistites cum plebe discissa in palatium intro-missos monebat civilis, ut discordiis consopitis quisque nullo vetante religioni suae serviret intrepidus. Quod agebat ideo abstinete, ut dissensiones augente licentia, non timeret unanimantem postea plebem: nullas infestas hominibus bestias, ut sunt sibi ferales plerique christianorum, expertus. Saepeque dictitabat, Audite me, quem Alamanni audierunt et Franci: imitari putans Marci principis veteris dictum. Sed parum advertit, hoc ab eo nimium discrepare.....

²⁾ Созом. Ц. И. V, 5, стр. 321. Сравн. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 259.

бою свободу дѣйствій по отношенію къ тѣмъ епископамъ, вліяніе которыхъ оказалось бы сильнымъ противовѣсомъ для выполненія его коварныхъ замысловъ. Такъ Юліанъ не замедлил воспользоваться указанною неопредѣленностію, дозволивъ себѣ большую несправедливость въ отношеніи къ св. Аѳанасію, архіепископу александрійскому, навлекшему на себя его ожесточенную ненависть своею необычайною ревностію на пользу православія. Какъ далека былъ на самомъ дѣлѣ указанный эдиктъ отъ провозглашенія одинаковой религіозной свободы и вѣротерпимости для всѣхъ христіанскихъ подданныхъ императора, очевидно показываетъ крайне пристрастное отношеніе его къ представителямъ различныхъ еретическихъ обществъ и расколовъ, существовавшихъ въ то время. Дѣлая всевозможныя насилія и притѣсненія православнымъ епископамъ, Юліанъ напротивъ оказывалъ свою особенную благосклонность предстоятелямъ аріанъ, новатіанъ, донатистовъ и другихъ еретическихъ обществъ своего времени. Такъ онъ не удовлетворился однимъ возвращеніемъ извѣстнаго уже намъ аріанскаго пресвитера Аэція вмѣстѣ съ прочими духовными лицами, отправленнымъ въ ссылку въ предыдущее царствованіе, но отправилъ къ нему ласковое письмо, съ приглашеніемъ немедленно явиться къ себѣ во дворецъ, и подарилъ ему богатое помѣстье на островѣ Лесбосѣ. «Всѣхъ галилеянъ, изгнанныхъ Констанціемъ, я возвратилъ изъ ссылки,— писалъ Юліанъ въ своемъ письмѣ къ Аэцію,— что же касается до тебя, то я не только освобождаю отъ заточенія, но, вспоминая наше прежнее знакомство, прошу къ себѣ. Для этого приготовлена общественная подвода, которая и привезетъ тебя до моего дворца»¹⁾).

¹⁾ Julian. Epist. XXXI, Aëtio episcopo, p. 404. Сравни. Созом. II. И. V, 5, стр. 321.

Юліанъ возвратилъ также изъ ссылки льстивымъ письмомъ Фотина, лишеннаго кафедръ за свои заблужденія. Трудно сказать, какую особенную услугу оказали этотъ человекъ императору. Безъ сомнѣнія Юліанъ находилъ вполне сообразнымъ съ своими планами привлечь къ себѣ еретика, выдумавшаго лжеученіе и произведшаго не мало волненій въ церкви. Въ письмѣ, адресованномъ къ Фотину по случаю возвращенія его изъ ссылки, императоръ съ большимъ раздраженіемъ упоминаетъ о Діодорѣ, благочестивомъ мужѣ въ Антиохіи, который вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ друзей, по имени Флавіаномъ, во время аріанскихъ смутъ удержалъ православную паству Антиохіи отъ всѣхъ соблазновъ, щедро расточаемыхъ ея врагами. Юліанъ постоянно вмѣшивался въ споры православныхъ съ еретиками и всегда принималъ въ этихъ случаяхъ сторону послѣднихъ. Такъ, когда однажды возникли сильные раздоры въ Кизикѣ между жившими въ этомъ городѣ новатіанами и тамошнимъ православнымъ епископомъ Елевзіемъ, онъ не замедлил воспользоваться этимъ случаемъ и отправилъ епископа въ изгнаніе со всѣмъ его клиромъ, оправдывая свой насильственный поступокъ тѣмъ, будто бы Елевзій подстрекалъ народъ къ возмущенію¹⁾. Изгнаннымъ донатистскимъ епископамъ Юліанъ не только возвратилъ свободу ихъ вѣроисповѣданія, отнятую въ силу правительственныхъ распоряженій императора Констанція, но и отдалъ имъ во владѣніе всѣ ихъ церкви, отнятыя въ предыдущее царствованіе. Поощряемые покровительствомъ императорской власти, донатисты не замедлили открыть кровавыя гоненія противъ православныхъ. Они изгоняли православныхъ изъ церквей, разрушали алтари и нагло издѣвались надъ святынями, составлявшими

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 15, стр. 345.

предметъ благоговѣйнаго поклоненія православныхъ. Въ случаѣ сопротивленія, встрѣчаемаго со стороны послѣднихъ, донатисты нерѣдко обращались за содѣйствіемъ къ гражданскимъ властямъ и при помощи вооруженной силы старались отомстить имъ за тѣ притѣсненія, которыя они испытывали отъ нихъ въ царствованіе Константина Великаго и его сыновей ¹⁾.

Оказывая покровительство различнымъ еретическимъ и раскольническимъ обществамъ и ихъ представителямъ, Юліанъ въ то же время весьма строго поступалъ съ православными епископами, въ которыхъ онъ видѣлъ однихъ обольстителей и виновниковъ народныхъ возмущеній ²⁾. Въ этомъ случаѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія его отношенія къ св. Аѳанасію александрійскому, мужественному борцу за православіе въ борьбѣ съ аріанскою ересью, и къ Титу, епископу города Бостры въ Аравіи. Въ силу императорскаго эдикта, дозволявшаго возвращеніе изъ ссылки христіанскимъ епископамъ, изгнаннымъ Констанціемъ, св. Аѳанасій возвратился въ Александрію и, по смерти тамошняго епископа Георгія, въ силу единодушнаго желанія православнаго населенія Александріи, снова занялъ святительскій престолъ ³⁾. Съ необычайною ревностію мужественный защитникъ православія не замедлил заняться возстановленіемъ нарушеннаго мира и единенія между церквами. По его настоянію въ Александріи въ скоромъ времени былъ созванъ соборъ изъ православныхъ епископовъ Египта, на которомъ были составлены правила, облегчавшія аріанамъ возвращеніе въ лоно православной церкви ⁴⁾. Въ то же время св. Аѳанасій съ большимъ усердіемъ занимался обращеніемъ язычниковъ

¹⁾ Opt. Mill. II, p. 54. VI, p. 94, 95, 98.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 15, стр. 345.

³⁾ Сокр. Ц. И. III, 4, стр. 266. Θεοδωρ. Ц. И. III, 4, стр. 200.

⁴⁾ Сокр. Ц. И. III, 7, стр. 267.

къ христiанству и ему удалось крестить множество ново-обращенныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько знатныхъ женщинъ ¹⁾). Успѣхи его въ этомъ случаѣ были настолько значительны, что возбудили серьезныя опасенія во многихъ ревнителяхъ древняго культа, которые громко заявляли, что «если Аѳанасій будетъ оставаться епископомъ, то всѣхъ язычниковъ привлечетъ въ свое общество» ²⁾). Такая, въ высшей степени благотворная и полезная дѣятельность александрійскаго святителя на пользу православiя не могла не возбудить противъ него въ сильнѣйшей степени гнѣвъ и раздраженіе Юліана. Возвращая изъ ссылки христiанскихъ епископовъ, императоръ, какъ мы видѣли, надѣялся усилить еще въ большей степени внутреннія смуты среди христiанскаго общества, а теперь ему приходилось убѣждаться, что, благодаря ревности св. Аѳанасія, раздоры между православными и еретиками не только не усиливаются, но еще ослабѣваютъ въ значительной степени. Въ сильномъ гнѣвѣ на александрійскаго святителя Юліанъ приказалъ ему оставить каѳедру и удалиться изъ города, оправдывая свой несправедливый приказъ тѣмъ, что Аѳанасій самовольно занялъ святительскій престолъ вопреки императорскому эдикту, которымъ будто бы дозволялось изгнаннымъ Констанціемъ епископамъ только возвращеніе въ свое отечество, но не возстановленіе въ прежнихъ своихъ должностяхъ и званіяхъ ³⁾). «Изгнаннымъ въ царствованіе Констанція галилеянамъ мы дозволили возвратиться въ ихъ отечество, а не завладѣть попрежнему своими церквями, говорилъ Юліанъ въ своемъ эдиктѣ, адресованномъ къ жителямъ Александріи. Но я слышалъ,

¹⁾ Julian. Epist. X, p. 370.

²⁾ Феодор. Ц. И. III, 9, стр. 207.

³⁾ Julian. Epist. XXVI ad Alexandr., p. 498—499.

что Аѳанасій въ своей дерзости зашелъ такъ далеко, что завладѣлъ у васъ опять такъ называемымъ епископскимъ сѣдалищемъ и этимъ причинилъ непріятность александрійскому народу, почитающему своихъ боговъ. Посему я приказываю ему немедленно удалиться изъ города въ тотъ самый день, когда будетъ полученъ настоящий эдиктъ мой. Если же Аѳанасій попрежнему будетъ оставаться въ городѣ, то ему предстоитъ подвергнуться еще болѣе тяжелому наказанію»¹⁾). Въ то же время императоръ писалъ къ Екдикію, префекту Египта. «Клянусь Сераписомъ! если до 1-го сентября ненавистный богамъ Аѳанасій не будетъ изгнанъ изъ Египта: то чиновники, служащіе подъ твоимъ начальствомъ, будутъ подвергнуты штрафу. Тебѣ извѣстно, что я не скоро осуждаю, но прощаю еще медленнѣе. Мнѣ весьма непріятно, что чрезъ этого человѣка всѣ боги находятся въ презрѣніи и изъ всѣхъ твоихъ дѣйствій для меня ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ изгнаніе изъ Египта Аѳанасія, — этого безпокойнаго человѣка, осмѣливагося въ мое царствованіе совратить въ нечестіе многихъ знатныхъ эллинскихъ женщинъ»²⁾).

Узнавъ объ императорскомъ приказѣ, лишившемъ св. Аѳанасія епископской каѳедры и осуждавшемъ его на изгнаніе, православное населеніе Александріи было чрезвычайно огорчено, однако не теряло надежды удержать у себя любимаго святителя и немедленно же рѣшилось ходатайствовать предъ императоромъ объ отмѣнѣ такого суроваго и несправедливаго приговора. Неизвѣстно, отправили ли александрійскіе вѣрующіе свое ходатайство письменно или же съ особою депутаціею. Какъ бы то ни было, Юліанъ остался непреклоннымъ и отвѣчалъ

¹⁾ Ibidem, p. 499.

²⁾ Julian. Epist. ad Ecdic, p.

рѣшительнымъ отказомъ на просьбу александрійцевъ. Въ новомъ своемъ эдиктѣ, отправленномъ къ нимъ по этому случаю, императоръ дѣлаетъ сильный упрекъ въ томъ, что они оставили поклоненіе вѣчнымъ богамъ и обратились въ христіанство. «Если бы вашъ городъ былъ основанъ кѣмъ либо изъ этихъ нечестивыхъ людей (т. е. христіанъ), ведущихъ презрѣнный образъ жизни и держащихся неизвѣстныхъ догматовъ, писалъ онъ здѣсь, то и въ такомъ случаѣ вы не имѣли бы никакого права беспокоить меня своею просьбою. Но вы — потомки Александра, любимцы Сераписа и Изиды, осыпанные благодѣяніями боговъ. Я стыжусь при одной мысли, что среди васъ встрѣчаются люди, носящіе имя галилеянъ»¹⁾. Переходя затѣмъ къ личности св. Аѳанасія, Юліанъ отзывается о немъ въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ, недостойныхъ его, какъ философа и какъ императора, даетъ ему насмѣшливыя прозванія и увѣряетъ, что нѣтъ на свѣтѣ ни одного человѣка ничтожнѣе и невзрачнѣе его по своей внѣшности²⁾. По свидѣтельству блаж. Θεодорита, раздраженный ходатайствомъ александрійцевъ за своего святителя, Юліанъ лишилъ его покровительства законовъ и отдалъ приказъ умертвить³⁾. Но св. Аѳанасій успѣлъ скрыться и жилъ въ неизвѣстности въ Александріи до тѣхъ поръ пока не прекратилось гоненіе, воздвигнутое Юліаномъ на церковь Божию⁴⁾. При этомъ случаѣ, прощаясь съ своими приближенными, онъ, по замѣчанію Созомена, сказалъ имъ слѣдующія знаменательныя слова: «удалимся, друзья, на короткое время; это только облачко, — оно скоро пройдетъ»⁵⁾.

¹⁾ Julian. Epist. LI ad Alexandr., p. 433.

²⁾ Julian. Epist. VI. Μηδὲ ἀνὴρ, ἀλλ' ἄν ἀνθρώπιος ἐυτελής. Сравни. Θεοδ. Ц. И. III, 4, стр. 207. Сокр. Ц. И. III, 14, стр. 285.

³⁾ Θεοδ. Ц. И. III, 9, стр. 207.

⁴⁾ Созом. Ц. И. III, 14, стр. 285.

⁵⁾ Созом. Ц. И. V, 14, стр. 285.

Точно также неблагоклонно относился Юліанъ и къ другимъ православнымъ епископамъ, особенно къ тѣмъ изъ нихъ, которые отличались своею ревностію къ вѣрѣ и пользовались уваженіемъ своихъ пасомыхъ. Такихъ епископовъ онъ старался обвинять въ смутахъ и употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы какимъ бы то ни было способомъ уронить ихъ авторитетъ въ глазахъ вѣрующихъ. Замѣчательны въ этомъ случаѣ его отношенія къ Титу, епископу города Бостры въ Аравіи. Христіанское населеніе этого города своею численностію равнялось язычникамъ и потому императоръ имѣлъ серьезныя основанія опасаться, какъ бы между ними не произошло столкновенія не въ пользу послѣднихъ. Съ цѣлію предупредить вражду двухъ партій между собою, Юліанъ написалъ къ Титу письмо, въ которомъ предостерегалъ этого епископа, что если народъ возмутится, то вся отвѣтственность въ этомъ возмущеніи падетъ исключительно на него¹). На это Титъ отвѣчалъ императору, что, «хотя вѣрующіе по своей многочисленности дѣйствительно и могли бы напасть на язычниковъ, но, руководимые его увѣщаніями, живутъ спокойно и совершенно не думаютъ о возмущеніи»²). Юліанъ не замедлилъ придать такому отвѣту превратное толкованіе и оклеветать епископа въ глазахъ бострянъ въ особо изданномъ по этому поводу эдиктѣ на имя послѣднихъ. Въ началѣ его императоръ жалуется на неблагодарность къ нему христіанскихъ епископовъ, которыхъ онъ возвратилъ изъ ссылки и которые тѣмъ не менѣе не помнятъ его благодѣянія и только производятъ смуты и волненія въ государствѣ. Обращаясь затѣмъ къ христіанскимъ жителямъ города Бостры, онъ объясняетъ имъ, будто Титъ

¹) Созом. Ц. И. V, 16.

²) Созом. Ц. И. V, 15, стр. 345.

въ своемъ письмѣ къ нему извѣщаль, что они сами по себѣ склонны къ возмущенію противъ язычниковъ и что только благодаря исключительно увѣщаніямъ своего епископа продолжаютъ оставаться спокойными¹⁾. Очевидно, замыслы Юліана въ настоящемъ случаѣ клонились къ тому, чтобы своею недостойною клеветою противъ Тита вооружить бострянъ противъ своего епископа и лишить его святительской кафедры. Неизвѣстно, какія послѣдствія имѣлъ указанный эдиктъ Юліана для Тита. Мы встрѣчаемъ этого епископа среди отцевъ на соборѣ антїохійскомъ, бывшемъ въ правленіе императора Іовіана въ концѣ 363 года подъ предсѣдательствомъ Мелетія²⁾. Точно также неблагоклонно Юліанъ относился и къ другимъ отцамъ и учителямъ церкви своего времени: Василию Великому, св. Григорію Богослову, Аполлинарію лаодикійскому, въ которыхъ онъ видѣлъ мужественныхъ борцовъ за православіе и самыхъ опасныхъ противниковъ при осуществленіи своей завѣтной мечты касательно возстановленія политеизма и подавленія христіанства.

Прикрываясь маскою вѣротерпимости, Юліанъ наравнѣ съ разнаго рода еретиками оказывалъ очевидное покровительство іудеямъ, думая этимъ путемъ наряду съ своею благосклонностію различнымъ еретическимъ обществамъ нанести вредъ церкви. Мы уже имѣли случай видѣть, что онъ довольно благосклонно относился къ религіи Іеговы, уважая ее за древность и особенно за то, что въ ней существовалъ чувственный культъ, обряды и кровавыя жертвы. Далѣе онъ относился къ іудеямъ гораздо снисходительнѣе, нежели къ христіанамъ, потому

¹⁾ Julian. Epist. II ad Bostr., p. 435. Срав. Созом. Ц. И. V, 15, стр. 345.

²⁾ Сокр. Ц. И. III, 25, стр. 315.

что они представлялись въ его глазахъ менѣе опасными послѣднихъ. Подавленная, разсѣянная по всему міру и повсюду презираемая нація, религія которой съ явленіемъ христіанства въ міръ утратила свое значеніе и потеряла большое число своихъ послѣдователей, не могла конечно причинить язычеству такого вреда, какъ христіанство, величественныя идеи котораго управляли всѣмъ тогдашнимъ міромъ и отъ невольнаго вліянія которыхъ не былъ свободенъ самъ Юліанъ. Разнаго рода насилія и притѣсненія, испытываемыя іудеями отъ римскаго правительства со временъ разрушенія св. города, особенно въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ ¹⁾, точно также не могли не возбуждать въ душѣ Юліана чувства сожалѣнія къ гонимой и преслѣдуемой націи. Но главнымъ образомъ сильныя симпатіи императора къ сынамъ Израиля сложились подъ вліяніемъ чувства закланной ненависти послѣднихъ къ христіанству. Ожесточенная непріязнь и раздраженіе іудеевъ къ всему носящему христіанское имя, особенно послѣ притѣсненій, испытанныхъ ими въ правленіе первыхъ христіанскихъ императоровъ, были настолько сильны, что не могли не возбуждать въ душѣ Юліана надежды воспользоваться этою ненавистію для ослабленія христіанства. Насколько сильно и ожесточенно было раздраженіе іудеевъ противъ вѣрующихъ, въ этомъ Юліанъ могъ наглядно убѣдиться когда они въ сообществѣ съ язычниками чуть не предъ его глазами жгли христіанскія церкви въ Александріи, Дамаскѣ и другихъ городахъ ²⁾. До насъ сохранилось посланіе Юліана въ формѣ письма, вскорѣ по вступленіи его на императорскій престолъ отправленное къ іудей-

¹⁾ Cod. Theod. I. XVI, t. 9. l. 2, t. 8, l. 6 и 7; Созом. Ц. И. III, 17; Сокр. Ц. И. III, 33.

²⁾ Ambros. Epist. XVII, p. 213, ed. Parisi, 1603, fol.

ской общинѣ, находившейся въ разсѣяніи ¹⁾. Правда, подлинность этого письма въ прежнее время многими изслѣдователями подвергалась сомнѣнію, но это несправедливо, такъ какъ все содержаніе его вполне согласно съ воззрѣніями Юліана и съ современнымъ состояніемъ іудеевъ. Созоменъ въ своей исторіи приводитъ упомянутое письмо какъ подлинный документъ ²⁾. Въ немъ императоръ выражаетъ чувство сожалѣнія къ несчастіямъ и притѣсненіямъ, испытаннымъ іудеями въ правленіе первыхъ христіанскихъ императоровъ, восхваляетъ ихъ твердость въ вѣрѣ, обѣщаетъ имъ свою защиту и покровительство и выражаетъ надежду, по возвращеніи изъ персидскаго похода, принести вмѣстѣ съ ними жертву Іеговѣ въ Іерусалимѣ. Наконецъ, въ силу указаннаго эдикта Юліанъ освободилъ іудеевъ отъ всѣхъ притѣснительныхъ налоговъ и пошлинъ, которыми они были обременены въ правленіе первыхъ христіанскихъ императоровъ.

Но этимъ еще не ограничились его благодѣянія къ народу іудейскому и онъ не замедлилъ въ непродолжительномъ времени дать имъ дозволеніе возвратиться въ свое отечество и снова возстановить изъ развалинъ разрушенный храмъ іерусалимскій. Древніе церковные историки и языческіе писатели не одинаково говорятъ о цѣляхъ, которыя были преслѣдуемы Юліаномъ при этомъ случаѣ. Самъ императоръ въ одномъ изъ своихъ писемъ, дошедшихъ до нашего времени, утверждаетъ, что онъ хотѣлъ возстановить храмъ іерусалимскій въ честь того Бога, которому онъ былъ посвященъ ³⁾. По свидѣтельству Амміана Марцеллина, возстановленіе іерусалимскаго храма было предпринято Юліаномъ съ тою

¹⁾ Julian. Epist. XXV ad Judeor. nationi, p. 396—397.

²⁾ Созом. II. II. V, 22, стр. 368.

³⁾ Julian. Eragm. Orat. Epistolaeve cujusd, p. 288.

цѣлю, чтобы построеніемъ этого величественнаго зданія увѣковѣчить память свою въ потомствѣ ¹⁾). Одни изъ христіанскихъ писателей, какъ напр. Златоустъ и Созоменъ ²⁾, утверждаютъ, что, возстановляя іерусалимскій храмъ, императоръ имѣлъ въ виду доставить іудеямъ возможность совершать въ немъ жертвоприношенія и такимъ образомъ мало по малу пріучить ихъ къ идолопоклонству. По свидѣтельству другихъ, напр. бл. Θεодорита и Филосторгія ³⁾, побужденіемъ къ возстановленію іерусалимскаго храма со стороны Юліана было желаніе опровергнуть пророчество Іисуса Христа касательно вѣчнаго запустѣнія Іерусалима и національнаго іудейскаго святилища. Повидимому, свидѣтельство самого Юліана должно имѣть для насъ полную несомнѣнность, какъ человѣка лучше всѣхъ имѣющаго возможность знать мотивы собственныхъ дѣйствій. Но въ настоящемъ случаѣ, намъ едва ли возможно довѣряться его собственному признанію. Какъ всякій человѣкъ, дѣйствующій подъ вліяніемъ своихъ страстей, онъ въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству не отличался прямотою и откровенностію, а всегда старался маскировать истинный образъ своихъ мыслей; вслѣдствіе чего естественно не могъ высказать истинныя причины, побудившія его къ возстановленію іерусалимскаго храма, такъ какъ его предпріятіе имѣло неожиданный и притомъ позорный для него исходъ. Что касается до свидѣтельства Амміана Марцеллина, утверждающаго, будто побужденіемъ къ возстановленію іерусалимскаго храма Юліаномъ было желаніе

¹⁾ Amm. Marcell. XXIII, 1.... diligentiam tamen ubique dividens, imperiique sui memoriam magnitudine operum gestiens propagare, ambitiosum quondam apud Hierosolimam templum, quod post multa et interneciva certamina, obsidente Wespasiano, posteaque Tito, aegre est expugnatum, instaurare sumptibus cohabitabat immodicis.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 22, стр. 367.

³⁾ Θεοδορ. Ц. И. V, 20, стр. 223. Philostorg. H. E. VII, 9.

оставить потомству славный памятникъ своего царствованія, то нельзя не видѣть съ перваго взгляда всей односторонности и невѣроятности такого свидѣтельства. Имѣя въ виду ужь извѣстную намъ необыкновенную бережливость и крайнюю разсчетливость Юліана, едва ли возможно допустить, чтобъ онъ изъ подобныхъ побужденій рѣшился приняться за такое предпріятіе, которое требовало громадныхъ издержекъ съ его стороны. Если даже допустить, что онъ дѣйствительно рѣшился увѣковѣчить такимъ образомъ память свою въ потомствѣ, то и въ такомъ случаѣ отъ него естественнѣе всего можно было ожидать сооруженія храма въ честь какого нибудь изъ любимыхъ имъ языческихъ божествъ, нежели возстановленіе храма іудейскаго Іеговы. Наконецъ, намѣреніе Юліана возстановить храмъ іерусалимскій нельзя объяснять исключительно изъ того побужденія, будто бы онъ думалъ этимъ средствомъ пріобрѣсти среди іудеевъ прозелитовъ язычеству, какъ утверждаетъ Созоменъ ¹⁾. Юліану очень хорошо было извѣстно непреодолимое отвращеніе іудеевъ отъ идолопоклонства и вообще отъ всего языческаго и потому онъ едва ли могъ обращать особенное вниманіе на іудеевъ съ цѣлію пріобрѣсти среди нихъ прозелитовъ язычеству, особенно когда онъ употребилъ всѣ свои нравственныя и политическія силы на борьбу противъ ненавистнаго въ глазахъ его христіанства. Гораздо большею вѣроятностію и основательностію, сравнительно съ указанными объясненіями причинъ, побудившихъ Юліана къ возстановленію національно-іудейскаго святилища, отличается свидѣтельство бл. Теодорита, который утверждаетъ, что главнымъ побужденіемъ для Юліана въ этомъ случаѣ служило исключительно его желаніе опровергнуть и унижить пророче-

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 22, стр. 367

ство Ісуса Христа о разрушеніи и вѣчномъ запустѣніи св. города и храма и отнять у вѣрующихъ одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ истинности ихъ религіи. Развалины и запустѣніе, въ которомъ долгое время находилось національно-іудейское святилище, равно какъ и вся историческая судьба іудейскаго народа со времени разрушенія послѣдняго служили однимъ изъ очевидныхъ доказательствъ божественнаго достоинства христіанства. Отсюда возстановленіе Юліаномъ іерусалимскаго храма и національно-іудейскаго богослуженія клонилось къ тому, чтобы показать несостоятельность пророчествъ Ісуса Христа, привести вѣрующихъ въ смущеніе, а іудеямъ придать новыя силы и мужество для борьбы съ христіанами и осмѣянію послѣднихъ.

Юліанъ не только дозволилъ іудеямъ возвратиться въ свой св. городъ и возстановить храмъ въ прежнемъ его блескѣ и великолѣпії съ національно-іудейскимъ богослуженіемъ, но и отпустилъ для этого изъ государственной казны значительныя денежныя суммы¹⁾. Завѣдываніе всѣми строительными работами при сооруженіи новаго зданія, по распоряженію императора, было поручено одному изъ его приближенныхъ друзей, по имени Алипію, облеченному по этому случаю чрезвычайными полномочіями²⁾. По свидѣтельству Гиббона, основанному на словахъ Амміана и признаніи самого Юліана, Алипій является одною изъ замѣчательныхъ личностей, которыми весьма богата разсматриваемая эпоха. Съ талантами храбраго полководца и опытнаго администратора, обнаруженными во время управленія Британіею, онъ соединялъ особен-

¹⁾ Amm. Marcell. XXII, 1: instaurare sumptibus cogitabat immodicis. Θεод. Ц. И. III, 20, стр. 223.

²⁾ Amm. Marcell. XXIII, 1: negotiumque maturandum Alypio dederat Antiochensi, qui olim Britannias curaverat pro praefectis.

ную любовь къ изученію классической литературы и въ своихъ произведеніяхъ старался подражать одамъ Сафо¹⁾. До насъ сохранились два письма Юліана, обращенныя къ Алипію и исполненныя чувствъ самой нѣжной дружбы и уваженія²⁾. Желаніе возстановить во всемъ блескѣ и великолѣпіи свое разрушенное національное святилище во всѣ времена составляло господствующую страсть въ душѣ сыновъ Израиля и потому они спѣшили воспользоваться благопріятными обстоятельствами для осуществленія своей завѣтной мечты. Ободренные благосклонностію и покровительствомъ государственной власти, іудеи многочисленными толпами не замедлили устремиться въ св. городъ своихъ отцевъ, посѣщеніе котораго имъ было строго воспрещено со временъ императора Адріана, и съ фанатическою ревностію приступили къ великому религіозно-національному дѣлу въ полной надеждѣ увидѣть скорое наступленіе Мессіанскаго царства и исполненіе всѣхъ пророчествъ и обѣтованій. Древніе церковные историки въ чрезвычайно живыхъ чертахъ изображаютъ необычайное воодушевленіе и ревность, съ какою іудеи принялись за осуществленіе своего завѣтнаго плана. Сыны Израиля соперничали другъ съ другомъ въ щедрости пожертвованій на такое великое національно-религіозное предпріятіе. По свидѣтельству бл. Θεодорита, многіе изъ нихъ продавали свои золотые и серебряные сосуды и отдавали вырученныя деньги на расходы по постройкѣ храма, или же передѣлывали въ лопаты и заступы, не находя болѣе металла столь драгоцѣннаго, который былъ бы приличенъ для сооруженія дома Іеговы³⁾. Мужчинамъ соревновали женщины, не щадившія ни своихъ нѣжныхъ рукъ, ни дорогихъ одеждъ

¹⁾ Gibbon, Geschichte d. Verfalles u. Untergang. d. Röm. Reichs, p. 720.

²⁾ Julian. Epist. XXIX и XXX, p. 402—404.

³⁾ Θεодор. Ц. И. III, 20, стр. 223. Созом. Ц. И. 22, стр. 368.

для ношенія камней и земли, необходимыхъ при сооруженіи храмоваго зданія. Наравнѣ съ іудеями и многіе изъ язычниковъ принимали дѣятельное участіе въ работахъ, поступая такимъ образомъ конечно не изъ чувства расположенности къ сынамъ Израиля, а единственно изъ ненависти къ христіанамъ ¹⁾). Одушевленные надеждами на счастливый успѣхъ своего предпріятія и видя для себя въ лицѣ Юліана новаго Кира, іудеи гордо поднимали свою голову и въ высшей степени дерзко и надменно стали обходиться съ іерусалимскими христіанами. Послѣдніе сначала пришли было въ сильнѣйшее смущеніе, но затѣмъ, вслѣдствіе настойчивыхъ убѣжденій своего епископа, св. Кирилла, успокоились, въ полной надеждѣ, что Промыслъ не допуститъ исполниться нечестивому предпріятію іудеевъ и сохранить нерушимою достовѣрность пророчествъ касательно вѣчнаго запустѣнія Іерусалима и храма ²⁾).

Надежды іерусалимскихъ вѣрующихъ не замедлили исполниться въ самомъ непродолжительномъ времени. Ни могущество и всесильное покровительство языческаго императора, ни фанатичная ревность сыновъ Израиля не въ силахъ были возстановить дѣло, разрушенное божественнымъ приговоромъ. Какъ скоро площадь, на которой стоялъ древній храмъ, была очищена отъ мусора и камней, были выкопаны рвы и работники готовились выводить фундаментъ для новаго зданія. не замедлили явиться непреодолимые препятствія къ продолженію постройки храма. Выкопанная земля обратно осыпалась большими массами въ только что выведенные рвы и мѣшала работать. Въ тоже время сильнѣйшая буря развѣяла строительные матеріалы, приготовленные іудеями для сооруженія своего святи-

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 22, стр. 368.

²⁾ Сокр. Ц. И. III, 20, стр. 297. Rufin. Н. Е. III, с. 38.

лица ¹⁾). Всѣ эти препятствія однако не въ состояніи были ослабить фанатичную ревность іудеевъ и они съ новою энергіею продолжали начатое дѣло, какъ внезапно произошло сильное землетрясеніе и вырывавшіеся изъ земли огненные клубы стали опалять рабочихъ и истреблять всѣ строительные матеріалы ²⁾). Не смотря на очевидную опасность, угрожавшую работникамъ страшнымъ подземнымъ огнемъ, сыны Израиля въ своей необычайной ревности и тутъ не хотѣли прекратить начатыхъ работъ. Подобравши трупы своихъ обожженныхъ и изувѣченныхъ соотечественниковъ, они нѣсколько разъ съ свѣжими силами принимались за работу и снова вырывавшееся изъ земли съ страшною силою пламя истребляло цѣлыя массы упрямыхъ работниковъ ³⁾). Въ то же самое время знаменіе креста на небѣ, на всѣхъ окружающихъ предметахъ и одеждахъ работниковъ, какъ іудеевъ такъ и язычниковъ, занимавшихся сооруженіемъ храма, очевидно показывало неблаговоленіе Божіе нечестивому предпріятію и полнѣйшее торжество христіанства надъ коварными кознями и злоухищреніями его ожесточенныхъ враговъ ⁴⁾). Всѣ эти необычайныя знаменія, безпрерывно повторяющіяся, наконецъ сломили удивительное упрямство и ревность іудеевъ къ возстановленію своего національнаго святилища и они въ ужасѣ бросили начатое предпріятіе.

Подлинность и чудесный характеръ описываемаго не-

¹⁾ Θεόδωρ. Π. Ι. ΙΙΙ, 20, стр. 224. Τвор. Γρηγορ. Богосл. ч. 1, слово 2 обличит. на царя Юліана, стр. 181. Св. Златоуст. слово 5 противъ іудеевъ, стр. 572, русск. перев. т. III. Спб. 1850 г.

²⁾ Св. Златоуст. слово 5 противъ іудеевъ, стр. 572. Τвор. Γρηγ. Бог. ч. 1, слово 2 обличит. на царя Юліана, стр. 181. Созом. Ц. И. V, 22, стр. 369. Amm. Marcell. XXII, 1. Θεόδωρ. Π. Ι. ΙΙΙ, 20, стр. 224.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Θεόδωρ. Π. Ι. ΙΙΙ, 20, стр. 224. Rufin. Н. Е. I, 38. 39. Сокр. Ц. И. III, 20. Созом. Ц. И. V, 22.

обычайнаго событія не подлежатъ никакому сомнѣнію. Въ исторіи едва ли найдется много фактовъ, достовѣрность которыхъ утверждалась бы на такихъ прочныхъ основаніяхъ. Подлинность описаннаго событія очевидно доказана ясными и опредѣленными свидѣтельствами древнихъ какъ христіанскихъ, такъ равно языческихъ и іудейскихъ писателей. Свидѣтельства первыхъ настолько многочисленны, что очевиднѣйшимъ образомъ показываютъ, до какой степени указанное событіе было общеизвѣстнымъ и несомнѣннымъ. О немъ оставили подробныя свидѣтельства св. Григорій Богословъ, св. Златоустъ, св. Амвросій Медиоланскій, Сократъ, Созоменъ, Руфинъ, бл. Теодоритъ и Филосторгій. Не мало также свѣдѣній сообщаютъ о немъ Теофанъ, Орозій, Зонаръ, Кедринъ и др. Всѣ они передаютъ рассказъ объ этомъ событіи опредѣленно, безъ всякаго колебанія, не обнаруживая ни малѣйшаго сомнѣнія въ его подлинности. Св. Григорій Богословъ, приступая, во 2 своемъ обличительномъ словѣ противъ Юліана, къ описанію обстоятельствъ, сопровождавшихъ неудачную попытку этого государя возстановить храмъ іерусалимскій, въ томъ самомъ году, когда она случилась, замѣчаетъ предварительно: «я начну съ извѣстнаго всѣмъ чуда, которому вѣрятъ сами безбожники»¹⁾. Св. Златоустъ въ своемъ словѣ противъ іудеевъ и язычниковъ, обращая рѣчь къ народу, говоритъ: «свидѣтели этого чудеснаго разрушенія предпріятія Юліана всѣ мы, ибо оно случилось на нашихъ глазахъ. Идите въ Іерусалимъ и вы увидите тамъ однѣ только развалины»²⁾. Св. Амвросій Медиоланскій замѣчаетъ въ письмѣ къ императору Θεодосію:

¹⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 2 обличит. на царя Юліана, стр. 181.

²⁾ Злат. слово V противъ іудеевъ, стр. 574.

«развѣ ты не знаешь, что когда императоръ Юліанъ повелѣлъ возстановить іерусалимскій храмъ, работники были поражены небеснымъ огнемъ»¹⁾. Время происхожденія упомянутого письма со всею вѣроятностію можно отнести къ 388 году, т. е. спустя 25 лѣтъ послѣ совершенія описаннаго событія. «Этому вѣрять и объ этомъ рассказываютъ всѣ въ одинъ голосъ: сомнѣнія не обнаруживаетъ никто», утверждаетъ Созоменъ. «Кому же кажется невѣроятнымъ, того пусть увѣрять люди слышавшіе отъ самовидцевъ и еще живущіе, пусть увѣрять іудеи и язычники, оставившіе свою работу неоконченною, или которой, лучше сказать, они и начать не могли»²⁾.

Между языческими историками, описавшими фактъ неудачнаго возстановленія іудеями національнаго святилища въ царствованіе Юліана, Амміанъ Марцеллинъ долженъ заслуживать особеннаго вниманія по своей правдивости и безпристрастію. Описывая въ XXIII главѣ своей исторіи обстоятельства, сопровождавшія возстановленіе іерусалимскаго храма, онъ говоритъ прямо, что непредвидѣнныя и необычныя препятствія принудили іудеевъ прекратить работы по сооруженію своего національнаго святилища. «Когда Алипій, замѣчаетъ онъ, при содѣйствіи областного правителя со всѣмъ усердіемъ приступилъ къ дѣлу, тогда страшные огненные клубы, непрерывно вырывавшіеся изъ земли, гдѣ положено было основаніе храма, неоднократно опаляли работниковъ и сдѣлали самое мѣсто неприступнымъ, что и заставило прекратить начатое дѣло»³⁾. Свидѣтельство

¹⁾ Ambros. T. II, Epist. IV, стр. 946, edit. Benedict.

²⁾ Созом. II. V, 20, стр. 370.

³⁾ Amm. Marcell. XXIII, 1: Cum itaque rei idem fortiter instaret Alypius, juvaretque provinciae rector, metuendi globi flammarum prope fundamenta crebris adsultibus erumpentes, fecere locum exustis aliquoties operantibus inaccessum: hocque modo elemento destinatus repellente, cessavit inceptum.

Амміана должно имѣть въ глазахъ нашихъ тѣмъ большую важность, если обратить вниманіе, что онъ былъ современникомъ описываемаго событія и при всемъ своемъ безпристрастіи питалъ безграничное уваженіе къ Юліану, какъ къ герою и великому человѣку и потому ему не легко было внести въ свою исторію разсказъ о такомъ важномъ событіи въ царствованіе императора, которое бросало темное пятно на его память, если бы такое событіе не было извѣстно до очевидности. Кромѣ того извѣстно, что Амміанъ читалъ свою исторію въ Римѣ публично предъ большимъ собраніемъ съ цѣлію исправить недостатки своего литературнаго труда. Самъ Юліанъ въ одномъ изъ своихъ писемъ ясно намекаетъ на фактъ неудачной попытки возстановленія іерусалимскаго храма, совершившагося въ его царствованіе. «Что скажутъ іудеи о своемъ храмѣ? говоритъ онъ. Я не хочу упрекать ихъ въ несчастіи, потому что я самъ думалъ возстановить этотъ храмъ, но только хочу показать, что нѣтъ ничего твердаго въ рукахъ человѣческихъ»¹⁾). Если другіе языческіе писатели не упоминаютъ объ этомъ событіи, то причина ихъ молчанія весьма естественна и понятна, такъ какъ фактъ неудачной попытки предпріятія Юліана служилъ для язычниковъ большимъ позоромъ. Наконецъ, сами іудейскіе писатели упоминаютъ о неудачной попыткѣ Юліана возстановить храмъ іерусалимскій. «Во дни Шаинала, замѣчаетъ раввинъ Гедаліахъ бенъ Исаія, жившій въ V вѣкѣ, было великое землетрясеніе во вселенной, разрушившее храмъ, который іудеи возстановляли съ великими издержками по повелѣнію царя Юліана. Въ этотъ день небесный огонь упалъ на матеріалы и истребилъ большое число іудеевъ»²⁾).

1) Julian. Orat. Epistolaeve cujusdam. p. 288.

2) Demonstr. Evangeliques par Migne. vol. XVIII, p. 844.

Что же касается, наконецъ, до частныхъ описаннаго нами событій, сообщаемыхъ древними писателями, то справедливость требуетъ замѣтить, что хотя между свидѣтельствами ихъ и есть повидимому нѣкоторыя разногласія, но они по существу своему такъ незначительны, что нисколько не бросаютъ и тѣни сомнѣнія на истинность самаго событія. Одни изъ древнихъ писателей сообщаютъ болѣе краткія свѣдѣнія касательно извѣстнаго намъ факта, другіе болѣе подробныя и обстоятельныя. Происхожденіе всѣхъ такихъ разностей вполнѣ естественно и понятно. Отъ іудейскихъ и языческихъ писателей конечно нельзя требовать, чтобъ они говорили о явленіи крестнаго знаменія на небѣ и одеждахъ работниковъ. Понятно также, что св. Амвросій Медиоланскій не могъ сообщить всѣхъ подробностей касательно упомянутаго событія въ письмѣ своемъ къ императору Θεодосію, равно какъ и св. Златоустъ, сообразно съ характеромъ своихъ бесѣдъ, считалъ необходимымъ только лишь стороною коснуться описаннаго факта. Понятно, наконецъ, что св. Григорій Богословъ, какъ современникъ Юліана и притомъ какъ человекъ, рѣшившійся обстоятельно изобразить предъ судомъ потомства всѣ нечестивыя дѣйствія послѣдняго, направленные ко вреду церкви, въ своихъ «обличительныхъ словахъ» имѣлъ случай въ подробности описать обстоятельства, сопровождавшія неудачную попытку Юліана, не опасаясь заслужить упрекъ въ пристрастіи со стороны своихъ многочисленныхъ слушателей. Послѣдующіе церковные писатели въ большинствѣ случаевъ передаютъ тѣже самыя извѣстія, какъ и св. Григорій Богословъ, хотя не въ такомъ порядкѣ и не въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, что придаетъ особую важность ихъ свидѣтельствамъ. Все это очевидно свидѣтельствуется, что указанные писатели не слѣдовали буквально другъ

другу и не подражали рабски св. Григорію Богослову и что описанное ими событіе было извѣстно съ различными подробностями въ различныхъ мѣстностяхъ.

Что касается до новѣйшихъ изслѣдователей эпохи Юліана, то большинство ихъ, во главѣ съ Неандеромъ, Шреккомъ, Герике, Варбуртономъ, Робертсономъ и др., подобно древнимъ писателямъ, признають подлинность и чудесный характеръ факта неудачной попытки іудеевъ въ царствованіе Юліана возстановить свое національное святилище. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ Гиббонъ, Михелисъ, Лярднеръ, Гизлеръ, Гизо и др., которые пытаются объяснить указанный фактъ чисто естественнымъ образомъ и не хотятъ придать ему никакого провиденціального значенія. Вся ихъ аргументація главнымъ образомъ основывается на томъ, что соединенныя усилія Юліана и іудеевъ потерпѣли неудачу вслѣдствіе одного изъ землетрясеній, которыя въ тѣ времена очень часто случались на востокѣ, а ничуть не отъ дѣйствія особой сверхъестественной силы. Правда, землетрясенія принадлежать къ естественнымъ явленіямъ и могутъ происходить по простымъ законамъ природы, но кто не хочетъ отказываться отъ вѣры въ божественное Провидѣніе, управляющее міромъ, тотъ не можетъ допустить, чтобы однѣ слѣпныя неразумныя силы природы рѣшали такое дѣло, отъ котораго зависитъ честь цѣлаго нравственнаго міра, цѣлой религіи. Далѣе извѣстно, что никогда, ни прежде, ни послѣ, въ Палестинѣ не было явленій, подобныхъ тому, которое случилось при возстановленіи храма Юліаномъ. Если бы указанное событіе было естественнымъ, ужели очевидцы и свидѣтели не могли отличить его? Такія подземныя изверженія никогда не бываютъ продолжительны. Едва ли бы изступленные іудеи и язычники отказались отъ своего предпри-

ятія потому только, что при этомъ случаѣ произошло одно простое землетрясеніе и изверженіе пламени изъ земли. Едва ли бы то же допустилъ Юліанъ. Онъ постарался бы непремѣнно показать, что неудача зависѣла совершенно отъ случайныхъ причинъ, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ, какое торжество доставила эта неудача въ руки вѣрующихъ. Если общій характеръ событія носить на себѣ несомнѣнную печать сверхъестественнаго чудеснаго явленія, то, разсматриваемое въ подробностяхъ, оно не можетъ быть объяснено ни изъ какихъ законовъ природы, никакими натянутыми толкованіями.

Мы уже видѣли, что со времени вступленія Юліана на императорскій престолъ, христіанство не замедлило потерять свое прежнее значеніе въ смыслѣ государственной религіи ¹⁾, а это конечно не могло не повліять на его внѣшнее униженіе, которое особенно тяжело было видѣть вѣрующимъ. Лишившись покровительства и благосклонности государственной власти, церковь потеряла и всѣ права и привилегіи, дарованныя ей въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ. Такъ, въ силу правительственныхъ распоряженій Юліана, у церкви были отняты городскія и общественныя имущества, подаренныя ей Константиномъ Великимъ и его сыновьями ²⁾, равнымъ образомъ

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 3, стр. 313.

²⁾ Cod. Theod. l. XV, t. I, l. 8. Oportuit, Praetoria Judicum, et domos judicarias, publico juri adque usui vindicari: sed quia salubris nostra dispositio dilata est nunc saltem tradatur effectui. P. P. IV Non. Decembr. Antiochiae, Mamertino et Nevitta Coss. (362). Ibidem, l. 9. Comperimus, super Ergasteria publica, quae ad jus pertinent Civitatis, plerosque sibi domos extruxisse: Praecipimus ergo, eas in concusso jure quae aedificaverunt, possidere. P. P. IV Non. Decembr. Antiochiae, Mamertino et Nevitta Coss. Ibidem l. X. Quicumque, cujuslibet Ordinis, Dignitatis, ali-quod opus publicum, quoquo genere obscura interpretatione meruerit, fructu talis beneficii, sine aliqua dubitatione, privetur: Non solum enim

языческіе храмы, съ теченіемъ времени перешедшіе во владѣніе вѣрующихъ, снова были возвращены прежнимъ ихъ владѣльцамъ. Тѣ изъ храмовъ, которые пришли въ запустѣніе или были разрушены отчасти по распоряженію христіанскихъ императоровъ, частію вслѣдствіе ревности частныхъ лицъ, вѣрующіе обязаны были возстановливать на свои собственные средства и возвращать имущества храмовъ, съ теченіемъ времени перешедшихъ во владѣніе церкви, или сдѣлавшихся достояніемъ частной собственности ¹⁾). По приказанію императора, у церкви отнимались также деньги, приношенія и священные сосуды, пожертвованные Константиномъ Великимъ и его сыновьями, равно какъ и ихъ благочестивыми подданными ²⁾). Возвращая языческимъ жрецамъ права и преимущества служителей оффиціального культа, Юліанъ всѣми зависящими отъ него средствами старался унижить христіанское духовенство и уравнивать его въ правахъ съ низшими классами населенія государства. Сознавая всю важность и значеніе клира и его вліяніе на нравственную жизнь вѣрующихъ, онъ питалъ ожесточенную ненависть и отвращеніе къ его членамъ, представляя ихъ виновниками народныхъ возмущеній и всѣхъ своихъ неудачъ въ борьбѣ противъ христіанства ³⁾). Отсюда понятно его стремленіе всѣми способами ослабить значеніе христіанскаго духовенства, парализовать его пастырскую дѣятельность и унижить значеніе среди вѣрующихъ. Благодаря эдиктамъ Юліана, клиръ былъ лишенъ хлѣбныхъ дачъ, получаемыхъ имъ

revocamus quod factum est, verum etiam in futurum cavemus, ne qua fraude temptetur. Dat. VII. id Decembr. Advil. Mamertino et Nevitta Coss. (362).

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 5, стр. 325.

²⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 140. Созом. Ц. И. V, 5, стр. 325.

³⁾ Созом. Ц. И. V, 15, стр. 345.

до сихъ поръ изъ государственной казны вслѣдствіе правительственныхъ распоряженій первыхъ христіанскихъ императоровъ, — потерялъ судебную власть во многихъ дѣлахъ и право полученія въ наслѣдство имущества по духовному завѣщанію¹⁾. Въ то же время епископы вмѣстѣ съ прочими клириками лишены были права пользоваться общественными подводами и привлечены къ выполненію куріальныхъ обязанностей, отъ которыхъ они были освобождены распоряженіями Константина Великаго и его сыновей²⁾. Съ цѣлію придать характеръ благовидности своему послѣднему распоряженію, Юліанъ въ то же самое время распространилъ указанное требованіе на лицъ сенаторскаго званія, до сихъ поръ свободныхъ отъ исполненія куріальныхъ обязанностей.

Наравнѣ съ клириками и прочіе вѣрующіе въ силу правительственныхъ распоряженій Юліана потеряли права и привиллегіи, которыми они до сихъ поръ пользовались наравнѣ съ языческими подданными императора. Язычникамъ теперь отдано было преимущество при занятіи государственныхъ должностей³⁾, а по сви-

¹⁾ Созом. II. II. V, 3, стр. 314. Θεод. II. II. III, 6, стр. 203.

²⁾ Cod. Theod. I. XII, t. I, l. 50. Decuriones, qui ut christiani declinant munia, revocentur. Et ab auri atque argenti praestatione, quod negotiatoribus indicitur, Curiae immunes sint: nisi forte Decurionem aliquid mercari constiterit ita, ut Ordines civitarum ex hujusmodi reliquis farcinarum (ut jam diximus) amoveantur. Et quoniam ad Potentium domus confugisse quosdam relatum est Curiales, ut tam faeda perfugia prohibeantur, multam statuimus, ut per singula capita singulas solidas dependat, qui receptis multae nomine inferat: Nam si servus inscio domino susceperit, capite punietur, et ingenuus qui invito patrono hoc fecerit, deporrabitur. Cod. Theod. XIII, t. I, l. 4. Decuriones, qui ut christiani declinant munia, revocentur. Et ab auri atque argenti praestatione, quod Negotiatoribus indicitur, Curiae immunes sint: Nisi forte Decurionem aliquid mercari constiterit: ita ut Ordines civitatum ex hujus modi reliquis farcinarum (ut jam diximus) amoveantur. P. P. III id Mart. Constantinop. Mamertino et Nevitta Coss. (362). Сравни. Julian. Epist. ad. Bysant., p. 380.

³⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 105. Созом. II. II. V, 18, стр. 255.

дѣтельству св. Григорія Богослова и Созомена предоставлено на то даже исключительное право. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ св. отца, подобныя преимущества были предоставлены отступникамъ отъ церкви. «Одно было право на полученіе начальства—отступничество», замѣчаетъ онъ ¹⁾. При вступленіи Юліана на императорскій престолъ большинство государственныхъ чиновниковъ были христіане и потому императору казалось крайне неудобнымъ и даже опаснымъ безъ всякаго уважительнаго повода отрѣшати ихъ отъ занимаемыхъ ими должностей въ государственной администраціи. Тогда Юліанъ придумалъ очень хитрую и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно коварную причину, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ устранить всѣхъ христіанъ отъ занимаемыхъ ими государственныхъ должностей. По словамъ императора, эти должности должны быть предоставлены исключительно людямъ благочестивымъ, т. е. ревностнымъ язычникамъ, и что на занятіе ихъ не должны рассчитывать враги боговъ, т. е. христіане. «Правда я не хочу, чтобы галилеяне (такъ Юліанъ называлъ христіанъ) были убиваемы, несправедливо обижаемы или терпѣли жестокое обращеніе безъ всякой причины, однако держусь того взгляда, чтобы чтителямъ боговъ было отдаваемо преимущество. Безуміе галилеянъ все испровергло и только чрезъ благоволеніе боговъ всѣ мы спасены. Посему мы обязаны почитать боговъ, а равно и тѣхъ, которые имъ поклоняются, будутъ ли то отдѣльныя лица или цѣлые города» ²⁾. Впрочемъ Юліанъ не остановился и на этомъ, чтобы оправдать свой несправедливый приказъ, отдающій въ руки язычниковъ

¹⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 105.

²⁾ Julian. Epist. VII ad Artab., p. 376.

исключительное право на занятіе государственныхъ должностей, но старался поставить на видъ вѣрующимъ, будто самъ Божественный законъ ихъ воспрещаетъ носить мечъ и подвергать казни преступниковъ ¹⁾).

Кромѣ устраненія отъ занятія государственныхъ должностей вѣрующіе терпѣли и другія притѣсненія отъ государственной власти. Такъ они были обложены тяжкими и обременительными налогами и повинностями, которыхъ не платили языческіе подданные императора. «На тѣхъ, которые не хотѣли приносить жертвы, говоритъ Сократъ, налагалъ Юліанъ денежную пеню — и взысканіе съ истинныхъ христіанъ совершаемо было съ особенною настойчивостію, потому что каждый вносилъ деньги примѣнительно къ своему состоянію» ²⁾). Равнымъ образомъ судебные трибуналы нерѣдко оказывали большую несправедливость при разбирательствѣ жалобъ, приносимыхъ въ нихъ вѣрующими, причемъ судьи дозволяли себѣ отпускать самые язвительные сарказмы на счетъ послѣднихъ ³⁾). Въ этомъ случаѣ поощрительный примѣръ подавалъ имъ самъ императоръ. Когда эдесскіе христіане чрезъ софиста Экиволія обратились къ Юліану съ жалобой по поводу отобранія у нихъ церковныхъ имуществъ, составлявшихъ въ прежнія времена городскую собственность, онъ отвѣчалъ съ саркастическою усмѣшкою, что вѣрующіе не должны утруждать его своими жалобами, а что имъ напротивъ слѣдуетъ быть благодарными къ нему, такъ какъ его распоряженіе содѣйствуетъ облегченію имъ доступа въ царство небесное, затрудняемаго богатствами. «Я всегда желалъ добра галилеянамъ, и никогда не позволялъ, чтобы ихъ на-

¹⁾ Сокр. Ц. И. III, 13, стр. 283.

²⁾ Ibidem, стр. 284.

³⁾ Созом. Ц. И. V, 18, стр. 255.

сильственнымъ образомъ влекли въ храмы боговъ, писалъ Юліанъ по этому случаю. Но аріане, владѣющіе большими богатствами, напали на послѣдователей Валентина и дозволили себѣ поступки, нетерпимые ни въ одномъ благоустроенномъ обществѣ. И такъ какъ ихъ странный законъ указываетъ путь, ведущій въ царство небесное, то вслѣдствіе этого я и желаю оказать имъ помощь идти по этому пути. Я приказалъ отнять у нихъ церковныя имущества и присоединить ихъ къ моимъ, чтобы, возвратясь къ спасительной бѣдности, они достигли удобнѣе ожидающей ихъ небесной награды»¹⁾. Мало того,— во многихъ случаяхъ судебныя трибуналы прямо отказывались принимать къ себѣ для разбирательства жалобы вѣрующихъ на жестокости и притѣсненія языческой черни, саркастически мотивируя законность такого образа дѣйствій ссылкой на извѣстные слова Спасителя въ евангеліи: «кто ударить тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую, и кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай и верхнюю одежду»²⁾. Самая гражданская безопасность и защита населенія отъ внѣшнихъ враговъ имперіи ставилась теперь въ непосредственную зависимость отъ исповѣданія имъ той или другой религіи.

¹⁾ Julian. Epist. XLIII, p. 424. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей эпохи Юліана — Мюкке, не смотря на все свое очевидное пристрастіе къ императору, сильно порицаетъ образъ его дѣйствій по отношенію къ жителямъ Эдессы. «Такое строгое и несправедливое наказаніе, едва ли имѣющее право на оправданіе, замѣчаетъ онъ, наполняетъ нашу душу отвращеніемъ, тѣмъ болѣе, что въ императорскомъ указѣ оно сопровождается саркастическою ссылкой на евангеліе Маттея (19, 24) и др. мѣста св. Писанія, въ которыхъ прославляется бѣдность, какъ средство для достиженія блаженства. Такія несправедливыя нападки на христіанскую религію недостойны властителя и не должны принадлежать къ постановленіямъ, имѣющимъ законодательную силу». Мюкке, Flavius Claudius Julianus. Nach den Quellen. I — II. Abtheil. Gotha 1867—1869, p. 78.

²⁾ Мѡ. V, 39 и 40.

Такъ Юліанъ отказывалъ въ помощи тѣмъ городамъ, жители которыхъ оставались вѣрными своимъ христіанскимъ убѣжденіямъ и, несмотря на всѣ усилія императорской власти, не подавали ни малѣйшей надежды къ принятію политеизма¹⁾. По собственному признанію императора, всякій другъ Зевса былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его другомъ, а всякій врагъ отца боговъ его собственный врагъ²⁾.

Нельзя не видѣть, что всѣ эти мѣры и распоряженія Юліана ставили его христіанскихъ подданныхъ въ такое положеніе, что они или должны были отрекаться отъ чистоты своихъ религіозныхъ убѣжденій, или же лишаться самыхъ существенныхъ правъ гражданства, въ родѣ покровительства законовъ. Такое заключеніе вполнѣ согласно съ свидѣтельствомъ св. Григорія Богослова, по словамъ котораго «замыслы Юліана состояли въ томъ, чтобы лишить христіанъ всѣхъ правъ и запретить для нихъ всѣ собранія, всѣ площади, всѣ общественныя празднества и даже самыя судилища: ибо, по его мнѣнію, не должно пользоваться всѣмъ этимъ тому, кто не захочетъ возжигать оиміама на стоящихъ тамъ жертвенникахъ и не заплатить такъ дорого за права столь общія³⁾. О законы, законодатели и цари! Какъ Творецъ съ одинаковымъ человеколюбіемъ, для всѣхъ общимъ и неоскуднымъ, даетъ всѣмъ наслаждаться и красотою неба, и свѣтомъ солнечнымъ, и разліаніемъ воздуха, такъ и всѣмъ свободнымъ людямъ одинаковое и равное предоставляетъ право пользоваться

¹⁾ Julian. Epist. XLIX ad Arsac., p. 431.

²⁾ Liban. Orat. Parent. § 59. Φίλον μὲν ἄγων τὸν Διὶ φίλον, ἐχθρὸν δὲ τὸν ἐκείνῳ. μᾶλλον δὲ φίλον μὲν τὸν ἐκείνῳ φίλον, ἐχθρὸν δὲ οὐ πάντα τὸν οὕτω Διὶ φίλον ὅστις γὰρ ὥστε τῷ χρόνῳ καταθήσειν, οὐκ ἀπήλαυσε, κατεπάδων δὲ ἐνῆγε, καὶ τὴν πρῶτην τε ἀναινομένους, περὶ βομῶς ὕστερον χαριζόμενος ἔδειξε.

³⁾ Julian. Epist. LI ad Alexandr. Caesares, p. 321. Julian. ap. Cyrill. II, p. 43.

покровительствомъ законовъ. А онъ замышляетъ отнять у христіанъ такое право, чтобы они, претерпѣвая и насильственные притѣсненія, и отнятіе имуществъ и всякую другую важную или неважную обиду, возбраненную законами, не могли получить законнаго удовлетворенія на судѣ»¹⁾).

Наравнѣ съ указаннымъ, чисто внѣшнимъ, такъ сказать юридическимъ униженіемъ христіанства и отнятіемъ у него правъ и привилегій оффиціальной государственной религіи, Юліанъ старался унижить его въ нравственномъ отношеніи. Онъ употребилъ не мало времени и труда для придумыванія самыхъ злостныхъ насмѣшекъ и язвительныхъ укоризнъ противъ божественной религіи Христа и его исповѣдниковъ, съ цѣлію сдѣлать ихъ презрѣнными и поруганными въ глазахъ языческаго населенія имперіи. Онъ старался при всякомъ удобномъ случаѣ унижить въ глазахъ языческаго общества Божественное Лице Основателя христіанства²⁾ и представить проповѣданное Имъ спасительное ученіе не имѣющимъ ничего божественнаго въ своемъ происхожденіи³⁾, но только составленнымъ изъ дурныхъ элементовъ іудейства и язычества⁴⁾. Онъ называлъ христіанство безуміемъ и глупостію (ἀπόνοια, μορία) и осмѣивалъ какъ жалкую религію, не имѣющую у себя другихъ послѣдователей, кромѣ однихъ людей необразованныхъ, рабовъ и рабынь⁵⁾. Христіане представлялись въ его

1) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 151.

2) Ibidem, стр. 152.

3) Julian. ap. Cyrill. II, p. 39.

4) Julian. ap. Cyrill. II, p. 43.... ἀπ' ἀμφοῖν δὲ τὰς παραπεπηγῶς τοῖς ἔθνεσιν ὥσπερ τινας κῆρας δρεπόμενοι, τὴν ἀθεότητα μὲν ἐκ τῆς Ἰουδαϊκῆς ραδιουργίας φαῦλον δὲ καὶ ἐπισεισμιόνον βίον ἐκ τῆς παρ' ἡμῶν ραθυμίας καὶ χυδαιότητος τοῦτο τὴν ἀρίστην θεοσέβειαν ὀνομάζεσθαι ἡθέλησαν.

5) Julian. ap. Cyrill. VI, p. 206..... ἡγάπων γε εἰ θεραπαίνας ἐξαπατήσουσι καὶ δοῦλους, καὶ διὰ τούτων τὰς γυναῖκας, ἀνδρας τε, οἷους Κορνήλιος καὶ Σύριος.....

глазахъ возмутителями общественнаго порядка и спокойствія, отступниками отъ живыхъ вѣчныхъ боговъ ¹⁾, которые, вмѣсто поклоненія послѣднимъ, почитаютъ мертваго Іудея, какъ Бога, кромѣ него почитаютъ другихъ мертвецовъ ²⁾ и воздаютъ поклоненіе крестному древу ³⁾. Очень хорошо понимая, что вѣрующіе гордились носить имя своего Искупителя, Юліанъ какъ въ своихъ правительственныхъ распоряженіяхъ, такъ и въ частной своей перепискѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ всегда усвоилъ имъ насмѣшливое названіе нечестивыхъ и безбожныхъ галилеянъ (*ἀσεβεῖς, δυνστευεῖς, ἄθεοι Γαλιλαῖοι*). Послѣдняя жалкая недостойная насмѣшка Юліана надъ своими христіанскими подданными, по свидѣтельству св. Григорія Богослова, болѣе всего возбуждала справедливое негодованіе послѣднихъ. «Особенно дѣтскою, неосновательною и недостойною не только царя, но и всякаго сколько нибудь разсудительнаго человѣка, говоритъ св. отецъ, была мысль Юліана, будто бы за перемѣною имени послѣдуетъ перемѣна въ нашемъ расположеніи, или будто бы намъ отъ этой перемѣны будетъ стыдно ⁴⁾, какъ будто бы обвиненнымъ въ чемъ-то гнусномъ. И онъ даетъ намъ новое наименованіе, самъ называетъ насъ и узаконяетъ намъ именоваться, вмѣсто

¹⁾ Julian. Epist. I.I ad Alaxandr. p. 433.

²⁾ Julian. ap. Cyrill. X, p. 335. ἀλλὰ τοῦτο μὲν τὸ κακὸν ἔλαβεν παρὰ Ἰωάννου τὴν ἀρχήν. ὅσα δὲ ὑμεῖς ἐξῆς προσευρήκατε, πολλοὺς ἐπεισάγοντες τῷ πάλαϊ νεκρῷ τοὺς προσφάτους νεκρούς, τί ἂν πρὸς ἀξίαν βδελύξητε; πάντα ἐκκληρώσατε τάφων καὶ μνημάτων, καίτοι οὐκ εἶρηται παρ' ὑμῶν οὐδαμοῦ τοῖς τάφοις προσκυλίνδειται καὶ περιέπειν αὐτούς.

³⁾ Julian. ap. Cyrill. VI p. 194: εἶτα, ὡς δυστυχεῖς ἄνθρωποι, σωζομένου τοῦ παρ' ἡμῶν ὅπλου Διοπετοῦς, ὁ κατέπεμψεν ὁ μέγας Ζεὺς, ἥτοι πατήρ Ἀρης, ἐνέχυρον διδοὺς οὐ λόγον, ἔργον δὲ, ὅτι τῆς πόλεως ἡμῶν εἰς τὸ διηνεκές προσκίπτει προσκυνεῖν ἀφέντες καὶ σεύεσθαι, τὸ τοῦ σταβροῦ προσκυνεῖτε ξύλον, εἰκόνας αὐτοῦ σκιαγραφοῦντες ἐν τῷ μετώπῳ καὶ πρὸ τῶν οἰκημάτων ἐγγραφόντες.

⁴⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 131.

христіанъ, галилеянами. Подлинно имя, отъ Христа заимствованное, славно и досточестно и онъ умыслилъ насъ лишитъ сего наименованія или по сей причинѣ или потому, что страшился силы имени, подобно демонамъ, и замѣнилъ оное другимъ, неупотребительнымъ и неизвѣстнымъ¹⁾. Свои язвительныя насмѣшки надъ христіанами Юліанъ позволялъ себѣ очень часто и при всякомъ удобномъ случаѣ. Само собою понятно, что такое публичное презрѣніе и посмѣяніе императора надъ своими христіанскими подданными въ глазахъ послѣднихъ казалось самою жестокою обидою и оскорбленіемъ.

Лишая вѣрующихъ правъ и привилегій, которыми они пользовались, какъ члены благоустроеннаго общества, дѣлая ихъ униженными и презрѣнными въ глазахъ своихъ языческихъ подданныхъ, Юліанъ тѣмъ самымъ какъ бы незамѣтно вооружалъ противъ нихъ послѣднихъ. Кромѣ того и въ другихъ причинахъ къ возмущенію язычниковъ противъ христіанъ недостатка не было, такъ что Юліану стоило только не обращать вниманія на проявленія народной ненависти противъ христіанъ, чтобы дать полную возможность открыться противъ нихъ кровавому гоненію со стороны фанатичной народной массы. Особенно правительственныя распоряженія императора, въ силу которыхъ вѣрующіе были обязаны возвратитъ городскія имущества²⁾, отошедшія въ пользу церкви въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ, и возстановлять на свой счетъ разрушенныя и запустѣвшія языческія капища, очень часто подавали поводъ языческой черни къ кровавымъ насиліямъ противъ христіанъ. Естественнo было ожидать, что практическое примѣненіе этихъ распоряженій долж-

¹⁾ Ibidem, стр. 132.

²⁾ Cod. Theod. XV, t. I, l. 8. 9. 10.

но было вызвать непреодолимые препятствия и произвести большія смуты внутри имперіи. Множество общественныхъ зданій съ теченіемъ времени превратились въ христіанскія церкви, той же участи подверглось не мало и языческихъ храмовъ. Отсюда понятно, что требованіе императорской власти отобрать все это и возвратить въ руки языческаго общества казалось жестокимъ оскорбленіемъ въ глазахъ вѣрующихъ и возбуждало въ нихъ справедливое негодованіе. Далѣе, мы имѣли случай видѣть, что въ царствованіе Константина Великаго и его сыновей не мало языческихъ храмовъ было разрушено или закрыто, а ихъ имущества перешли во владѣніе христіанскихъ церквей. Теперь по смыслу императорскихъ эдиктовъ, казалось совершенно необходимымъ ограбить многіе христіанскіе храмы, чтобы возвратить всѣ эти предметы ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Въ то же время возможность воспользоваться легкимъ и удобнымъ случаемъ для обогащенія и слѣпой религіозный фанатизмъ нерѣдко служили для язычниковъ самымъ сильнѣйшимъ побужденіемъ разрушать христіанскіе храмы и расхищать частное имущество вѣрующихъ, приобрѣтенное собственнымъ ихъ трудомъ.

При такихъ обстоятельствахъ, вскорѣ по вступленіи Юліана на императорскій престолъ, не замедлили произойти кровавыя столкновенія между языческимъ и христіанскимъ населеніемъ имперіи. «Какъ скоро нечестіе Юліана сдѣлалось явнымъ, замѣчаетъ бл. Θεодоритъ, города наполнились смятеніями. Преданные заблужденію идолопоклонства снова обрадовались, растворили идольскія капища и начали совершать свои нечестивыя и достойныя забвенія таинства, возжгли жертвенный огонь и заразили воздухъ куреніемъ и дымомъ, а землю осквернили кровью жертвъ. Будучи приводимы въ изступленіе демонами, которымъ служили, они неистовство-

нали, бѣгали по площадямъ, какъ помѣшанные, преслѣдовали христіанъ проклятiями и насмѣшками, направляли противъ нихъ всѣ роды ругательствъ и наглостей, между тѣмъ какъ чтители благочестiя, не имѣя силы сносить ихъ богохульство, сами отвѣчали имъ поруганiями и обличенiями ихъ заблужденiй ¹⁾. Негодуя на это и ограждая свою дерзость благоволенiемъ державнаго, дѣятели нечестiя наносили христіанамъ нестерпимые побои ²⁾. Св. Григорій Богословъ, описывая неистовства языческой черни надъ христіанами въ царствованіе Юліана, упоминаетъ «о разграбленіи церковныхъ вкладовъ и денегъ, столько же по жадности къ корысти, сколько и по нечестію, о расхищеніи священныхъ сосудовъ и ихъ поруганіи скверными руками; о священноначальникахъ и ихъ подчиненныхъ, которые за нихъ были влачима и истязуемы, о покрытыхъ кровію столпахъ, которые обвиняли и опоясывали они руками во время своего бичеванiя, о стрѣлкахъ, которые, превосходя свирѣпостію и ревностію давшаго имъ повелѣніе, бѣгали по селенiямъ и городамъ, чтобы покорить насъ какъ будто бы персовъ, скифовъ и другихъ варваровъ» ³⁾.

Возмущеніе фанатичной языческой черни не замедлило въ самомъ скоромъ времени обнаружиться въ г. Геліополісѣ, въ Келесириі между Ливаномъ и Антиливаномъ. Здѣсь, какъ намъ уже извѣстно, издавна существовалъ храмъ Венеры съ развратнымъ культомъ этой богини, оказывавшимъ весьма гибельное вліяніе на общественную нравственность ⁴⁾. Въ видахъ противодѣйствiя разврату, распространявшемуся изъ этого храма, онъ былъ закрытъ

¹⁾ Θεοδωρ. Π. Ι. ΙΙΙ, 6, стр. 202.

²⁾ Ibidem, стр. 202—206.

³⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 140.

⁴⁾ Евсевій — жизнь Константина, ΙΙΙ, 58, стр. 213—215.

по приказанію Константина Великаго и мѣсто его заступила вновь выстроенная христіанская церковь. Но жители города, не смотря на всю ревность христіанскихъ проповѣдниковъ, остались вѣрными развратному культу своей любимой богини и съ упорствомъ отвергали проповѣдуемое имъ евангельское ученіе. Едва только въ Геліополисѣ было получено извѣстное намъ распоряженіе Юліана касательно возстановленія разрушенныхъ и запустѣвшихъ языческихъ храмовъ и возвращенія прежнимъ владѣльцамъ общественныхъ имуществъ, отобранныхъ въ пользу церкви эдиктами Константина Великаго и его сыновей, какъ языческое населеніе этого города не замедлило придти въ сильнѣйшее волненіе и дозволило себѣ неслыханныя, самыя возмутительныя насилія надъ вѣрующими. Языческая чернь напала на христіанскую церковь, схватила тамъ діакона Кирилла, извѣстнаго разрушеніемъ идоловъ въ царствованіе Констанція ¹⁾, предала его самымъ жесточайшимъ мученіямъ и въ заключеніе позорнымъ образомъ умертвила ²⁾. По свидѣтельству Созомена, той же самой участи подверглось множество благочестивыхъ дѣвственницъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу. «Жители Геліополиса, говоритъ этотъ историкъ, — трудно и повѣрить, если бы рассказывали не современники событія, — брали посвященныхъ Богу дѣвъ, которыхъ обыкновенно нельзя было видѣть народу, и принуждали ихъ стоять безъ одежды публично и быть позорищемъ и предметомъ для поношенія всѣхъ желающихъ. Насмѣявшись надъ ними такимъ образомъ, сколько кому хотѣлось, они потомъ снимали съ нихъ кожу и, разсѣкши тѣла ихъ на части, приманивали свиней пожирать ихъ внутренности, а для сего утробу ихъ

¹⁾ Θεοδωρ. Ц. И. III, 7, стр. 204.

²⁾ Ibidem.

покрывали свойственною этимъ животнымъ пищею, чтобы не могли отличать одного отъ другаго и, стремясь къ обычной себѣ пищѣ, онѣ терзали вмѣстѣ и человѣческую плоть. Догадываюсь, что къ такой жестокости противъ посвященныхъ Богу дѣвъ вызвало жителей Геліополиса отмѣненіе стариннаго ихъ обычая выдавать тамошнихъ дѣвъ для растлѣнія всякому приходящему, прежде чѣмъ онѣ вступали въ бракъ съ женихами»¹⁾).

Не меньшія жестокости отъ фанатичной языческой толпы приходилось терпѣть христіанскимъ обитателямъ города Ареѳузы, въ Сиріи, при подошвѣ Ливана. Языческое населеніе этого города въ сильнѣйшей степени было возбуждено противъ тамошняго епископа Марка за то, что онъ, по свидѣтельству св. Григорія Богослова и Созомена, при императорѣ Констанціѣ разрушилъ одно обширное и весьма уважаемое языческое капище и многихъ язычниковъ обратилъ ко Христу²⁾). Со вступленіемъ Юліана на императорскій престолъ и съ объявленіемъ имъ извѣстнаго уже эдикта касательно возвращенія городскихъ имуществъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ и возстановленія разрушенныхъ языческихъ храмовъ на счетъ вѣрующихъ, ареѳузскіе язычники не замедлили воспользоваться благоприятными обстоятельствами для того, чтобы жестоко отомстить ревностному христіанскому епископу своего города. Ссылаясь на императорскій эдиктъ, они обратились теперь къ св. Марку съ рѣшительнымъ требованіемъ, чтобы онъ или самъ возстановилъ изъ развалинъ разрушенное имъ языческое святилище, или по крайней мѣрѣ далъ деньги на его возстановленіе³⁾). Святитель

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 10, стр. 352.

²⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 142. Созом. Ц. И. V, 10, стр. 333.

³⁾ Созом. Ц. И. V, 10, стр. 331.

отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ на требованія языческой черни и остался непоколебимымъ въ своемъ намѣреніи даже и въ томъ случаѣ, когда язычники, желая одержать надъ нимъ одинъ видъ побѣды, постоянно уменьшали требуемую отъ него денежную сумму, необходимую на постройку разрушеннаго имъ капища, и довели послѣднюю до ничтожества ¹⁾. Видя противъ себя усиливающееся враждебное движеніе фанатичной языческой черни, св. Маркъ рѣшился было спасти свою жизнь бѣгствомъ, слѣдуя извѣстной заповѣди Спасителя, повелѣвающей уклоняться отъ гонителей ²⁾, но вскорѣ узнавъ, что этимъ самымъ онъ повергаетъ въ большую опасность многихъ изъ своей паствы, немедленно возвратился въ городъ и добровольно отдалъ себя въ руки разъяренныхъ язычниковъ ³⁾, съ удивительнымъ мужествомъ и терпѣніемъ переноса жесточайшія пытки и мученія, которымъ не замедлила подвергнуть его фанатичная языческая чернь. «Какихъ здѣсь не было ужасовъ! замѣчаетъ св. Григорій Богословъ, описывая страданія престарѣлаго святителя, какихъ не придумано жестокостей! Каждый прибавлялъ что нибудь довершенія зла. Самое возвращеніе Марка привело въ сильное раздраженіе язычниковъ, которые почитали такое возвращеніе болѣе презрѣніемъ къ себѣ, нежели его мужествомъ въ перенесеніи опасностей» ⁴⁾. Среди жесточайшихъ побоевъ, обидъ и оскорбленій язычники повели св. Марка чрезъ весь городъ въ сопровожденіи языче-

¹⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 145.

²⁾ Мѣ. X, 23.

³⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 145. Созом. Ц. И. V, 10, стр. 333. Феодор. Ц. И. III, 7, стр. 205.

⁴⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 143.

скаго населенія Ареѳузы. Тутъ были, по словамъ св. Григорія Богослова, всѣ языческіе жители города—мужчины и женщины, юноши и старцы, люди отправлявшіе городскія должности и украшенные почестями. Всѣ они усиливались превзойти другъ друга наглостію противъ старца, всѣ считали дѣломъ благочестія нанести ему какъ можно болѣе зла и побѣдить престарѣлаго подвижника, боровшагося съ цѣлымъ городомъ, влекли его по улицамъ, сталкивали въ нечистыя ямы, тащили за волосы, сѣкли, били и покрывали ранами всѣ его члены, такъ что не осталось ни одной части тѣла, надъ которою бы не наругались и которой бы не терзали нечестивцы. Дѣти поднимали вверхъ тѣло доблестнаго страдальца на желѣзныхъ остріяхъ, какъ игрушку, бросали его другъ въ друга и перехватывали, уши рѣзали тонкими и крѣпкими нитками ¹⁾. Когда же все тѣло святителя покрывлось ранами, Ареѳузцы намазали его медомъ и рыбьимъ жиромъ и, положивъ въ корзину, повѣсили на дерево среди страшнаго зноя сирійскаго солнца ²⁾, чтобы предоставить его такимъ образомъ въ жертву пчеламъ и осамъ. Но и среди такихъ жесточайшихъ страданій доблестный святитель остался непоколебимымъ и наотрѣзъ отказался исполнить требованія языческой черни, противныя чистотѣ его христіанскихъ убѣжденій. Напротивъ, находясь въ такомъ мучительномъ положеніи, св. Маркъ имѣлъ еще мужество произнести слѣдующія знаменательныя слова, обращаясь къ своимъ мучителямъ: «это прекрасное предзнаменованіе, что я вижу себя на высотѣ, а васъ внизу, на землѣ. Я высокъ, вы же какъ видно, низки и ходите по землѣ,

¹⁾ Ibidem, стр. 144.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 10, стр. 334. Оеодор. Ц. И. III, 7, стр. 205. Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 144.

изъ этого можно заключить, что послѣ будетъ со мною и съ вами» ¹⁾. «Такъ онъ много возвышался духомъ надъ тѣми, которые его держали, восклицаетъ по этому случаю св. Григорій Богословъ. Такъ далеку былъ отъ скорби, что какъ будто присутствовалъ при страданіяхъ другаго, и не бѣдствіемъ, а торжествомъ считалъ происходившее съ нимъ. И кто бы не тронулся всѣмъ симъ, имѣя хоть нѣсколько человѣколюбія и состраданія!» ²⁾. Описывая жестокія мученія, совершаемыя надъ доблестнымъ ареоузскимъ епископомъ разъяренною языческою чернью, бл. Теодоритъ замѣчаетъ: «нужно имѣть возвышенное краснорѣчіе Эхила или Софокла для того, чтобы достойно изобразить страданія этого святителя» ³⁾. Сами язычники не одобряли такихъ возмутительныхъ насилій фанатичной толпы надъ св. Маркомъ и считали ихъ совершенно бесполезными для дѣла язычества. «Берегись, писалъ Ливаній къ одному антїохійскому судѣ — Велею, чтобы не сдѣлать намъ многихъ мучениковъ въ родѣ Марка ареоузскаго. Послѣ того, какъ онъ висѣлъ на воздухѣ, подвергался бичеваніямъ, вырыванію бороды и мужественно переносилъ эти страданія, — всѣ почитаютъ его теперь за Бога, и гдѣ онъ является, всѣ соревнуютъ, чтобы принять его къ себѣ. Когда узналъ объ этомъ императоръ, то какъ онъ ни огорчался разрушеніемъ храма, совершеннымъ Маркомъ, при всемъ томъ не дозволилъ его умертвить. Посему сохраненіе Марка въ живыхъ должно служить для насъ закономъ» ⁴⁾. Самъ префектъ востока Саллюстій — язычникъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, былъ недо-

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 10, стр. 334. Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 144.

²⁾ Ibidem, стр. 144.

³⁾ Теодор. Ц. И. III, 7, стр. 206.

⁴⁾ Liban. Epist. 731.

воленъ возмутительными насиліями, которымъ св. Маркъ подвергался отъ руки разъяренной языческой черни, и потому считалъ своимъ долгомъ ходотайствовать предъ императоромъ за доблестнаго святителя. «Мы должны краснѣть, что показали себя ниже христіанъ, такъ какъ не въ состояніи были преодолѣть упорства одного старца, заставивъ его испытать всѣ роды мученій, — писалъ онъ въ своемъ донесеніи императору по поводу ареоузскихъ событій. Самое достиженіе цѣли не доставило бы намъ большой силы, но верхъ стыда и униженія уступить и признать себя побѣжденными однимъ старцемъ»¹⁾. Юліанъ уважилъ доводы Саллюстія и сохранилъ жизнь доблестному исповѣднику. Но вмѣсто того, чтобы прославлять императора за такую кротость, потомство можетъ только обвинять его въ черной неблагодарности къ св. Марку, такъ какъ, по свидѣтельству св. Григорія Богослова, Юліанъ былъ обязанъ ему сохраненіемъ своей жизни во время кровавой рѣзни, истребившей всю почти фамилію Константина Великаго²⁾.

Точно такія же возмутительныя насилія и притѣсненія

¹⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 146. Созом. Ц. И. V, 10.

²⁾ «Маркъ былъ однимъ изъ тѣхъ, говоритъ св. Григорій Богословъ, которые тайно удалились и тѣмъ спасли жизнь нечестивца (т. е. Юліана), тогда какъ весь родъ его подвергался опасности погибнуть. Можетъ быть онъ (св. Маркъ) потерпѣлъ достойно всѣ эти муки, да еще и большихъ страданій былъ достоинъ за то одно, что самъ не зная, сохранилъ такое зло для всей вселенной». (Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 144). Тильмонтъ выражаетъ удивленіе, на какомъ основаніи св. Григорій Богословъ и бл. Феодоритъ причисляютъ Марка къ лику святыхъ и не обращаютъ вниманія на его полуаріанскія убѣжденія (Tellemont. Memoir. Eccles. t. VII, p. 1309). Но указанный историкъ упускаетъ изъ виду, что, со вступленіемъ Юліана на императорскій престолъ и съ открытіемъ имъ гоненія на вѣрующихъ, многіе аріанскіе епископы въ виду опасности, угрожавшей церкви Христовой, отказались отъ своихъ заблужденій. Тоже самое вмѣстѣ съ прочими сдѣлалъ и св. Маркъ, хотя въ молодости онъ былъ усерднымъ аріаниномъ и составилъ даже аріанское исповѣданіе вѣры, изданное въ Сиріумѣ.

надъ вѣрующими дозволяли себѣ дѣлать александрійскіе язычники. Тамошняя языческая чернь была сильно возбуждена противъ аріанскаго епископа города, Георгія, который, будучи усерднымъ приверженцемъ аріанской ереси, приобрѣлъ себѣ извѣстность сильными гоненіями на православныхъ¹⁾ и разрушеніемъ многихъ языческихъ капищъ въ царствованіе императора Констанція. Гнѣвъ и раздраженіе языческой черни противъ Георгія достигли крайней степени, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ, найдя въ одной древней пещерѣ, въ которой язычники издавна совершали таинственный культъ Митры, множество изваяній языческихъ боговъ, человѣческихъ череповъ и различныхъ орудій, употреблявшихся при посвященіяхъ, выставилъ все это напоказъ и публичное посмѣяніе народу²⁾. Затѣмъ свою месть, язычники ожидали только наступленія благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы жестоко отплатить александрійскому епископу за его ревность къ разрушенію языческихъ храмовъ и посмѣяніе ихъ священныхъ предметовъ. При такомъ положеніи дѣлъ едва только стало извѣстнымъ въ Александріи вступленіе Юліана на императорскій престолъ, какъ языческая чернь не замедлила произвести открытое возмущеніе противъ христіанскаго населенія города и совершить надъ вѣрующими самыя возмутительныя насилія. «Александрійскіе язычники, по словамъ Сократа, воспламенившись гнѣвомъ, схватили, какое случилось, оружіе и напавъ на христіанъ, умертвили многихъ изъ нихъ различнымъ образомъ. Однихъ они убили мечами, другихъ кольями или камнями, иныхъ удавили веревками, нѣкоторыхъ распяли, употребивъ этотъ родъ смерти для

¹⁾ Амміанъ Марцеллинъ, характеризуя личность Георгія, замѣчаетъ о немъ: *professiones suae ablutus, quae nihil nisi justam suadet et bene.* Амт. Marcell. XXII, 11.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 7, стр. 325.

посмѣянія надъ крестомъ, и многимъ нанесли смертельныя раны. При этомъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, они не щадили и ближайшихъ родственниковъ, — другъ поражалъ друга, братъ брата, родители дѣтей — всѣ стремились къ убійству¹⁾. Самого Георгія разъяренная языческая чернь вытащила насильственнымъ образомъ изъ церкви, гдѣ онъ искалъ себѣ спасенія, посадила на верблюда, съ торжествомъ возила его по улицамъ города, подвергая при этомъ случаѣ самымъ жестокимъ мученіямъ и злостному посмѣянію и въ заключеніе подвергла мучительной смерти. Но и этимъ ожесточенная ненависть и месть къ Георгію разсвирѣпѣвшей языческой толпы еще не была удовлетворена и онъ, уже будучи мертвымъ, долгое время продолжалъ служить предметомъ для поруганія. Наконецъ, трупъ его былъ вывезенъ на берегъ моря и преданъ здѣсь торжественному сожженію, а пепель его развѣянъ по вѣтру²⁾. По объясненію Амміана Марцеллина, александрійскіе язычники поступили такимъ образомъ изъ опасенія, чтобы христіане не завладѣли тѣломъ епископа, какъ они дѣлали вообще съ останками мучениковъ³⁾. Вмѣстѣ съ Георгіемъ потерпѣли мученическую смерть отъ руки разъяренной языческой черни два знатныхъ александрійскихъ чиновника, по имени Драконтій и Діодоръ, обвиненные также въ разрушеніи языческихъ капищъ въ царствованіе императора Констанція⁴⁾.

¹⁾ Сокр. Ц. И. III, 2, стр. 262. Срав. Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на цагя Юліана, стр. 140.

²⁾ Amm. Marcell. XXII, 11. Philostorg. H. E. VII, 2.

³⁾ Amm. Marcell. XXII, 11..... cineres projecit in mare, id metuens, ut clamabat, ne collectis supremis; aedes illis extruerentur, ut reliquis, qui deviare a religione compulsi, pertulere cruciabiles poenas, ad usque gloriosam mortem intemerata fide progressi, et nunc martyres appellantur. Сравн. Epiph. Haereses XXXVI, c. 1.

⁴⁾ Amm. Marcell. XXII, 1...Cumque eo Dracontius monetae praeposi-

Неменьшія насилія и жестокости приходилось испытывать отъ язычниковъ христіанскимъ жителямъ города Газы. Едва только Юліанъ успѣлъ вступить на императорскій престолъ, какъ разъяренная языческая чернь напала на христіанское населеніе города и стала совершать надъ нимъ самыя возмутительныя насилія. При этомъ случаѣ народная ярость обрушилась съ особенною силою на трехъ братьевъ: Евсевія, Неставу и Зенону, получившихъ извѣстность своею ревностію къ церкви и разрушеніемъ языческихъ капищъ¹⁾ въ царствованіе Констанція. Они были сначала заключены въ темницу, но вскорѣ потомъ выведены оттуда и умерщвлены самымъ мучительнымъ образомъ. По словамъ Созомена ихъ влачили по землѣ то навзничъ, то лицомъ къ низу и ударили о землю, а кому вздумалось, били — кто камнями, кто палками, кто чѣмъ случилось. Сами женщины не уступали мужьямъ въ неистовой ярости противъ мучениковъ — выходили изъ-за становъ и колоди ихъ веретенами, между тѣмъ какъ харчевники на площади то схватывали съ очаговъ котлы горячей воды и выливали ее на мучениковъ, то пронзали ихъ вертелами. Наконецъ, растерзавши и разбивъ ихъ головы до такой степени, что падалъ мозгъ на землю, они вывезли ихъ за городъ, куда обыкновенно бросались трупы животныхъ, и, разведши огонь, сожгли тѣла, а оставшіяся и не истребленныя огнемъ кости перемѣшали съ разбросанными тамъ костями верблюдовъ и ословъ, такъ чтобы нельзя было отыскать ихъ²⁾.

tus et Diodorus quidam veluti Comes injectis per cruria funibus simul exanimati sunt: quod aram in moneta, quam regebat, recens locatam evertit: alter, quod, dum aedificandae praeesse tecclesiae, cirros puerorum licentius detondebat, id quodque ad deorum cultum existimans pertinere. Quo non contenta multitudo immanis dilaniata cadavera peremptorum camelis imposita vexit ad littus.

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 9, стр. 328.

²⁾ Ibidem, стр. 328—329.

Отъ жестокостей и насилій разъяренной языческой черни не въ состояніи были укрыться даже пустынники, жившіе въ уединеніи. Язычники нерѣдко проникали въ ихъ тихія убѣжища, и предавали огню и расхищенію все попадавшееся имъ въ руки. Скудное имущество отшельниковъ служило предметомъ разграбленія, а сами они подвергались мучительнымъ истязаніямъ. Подвергая вѣрующихъ самымъ жестокимъ и возмутительнымъ насиліямъ и жестокостямъ, языческая чернь въ тоже время съ яростію устремлялась на христіанскія церкви, насильственнымъ образомъ отнимала ихъ и превращала въ языческіе храмы, выбрасывала изъ нихъ останки мучениковъ, и нагло кощунствовала надъ священными предметами, столь дорогими христіанскому чувству. Такъ въ мѣстечкѣ Епифаніи возмутившаяся толпа язычниковъ напала на христіанскую церковь, насильственно отняла ее у вѣрующихъ и обратила въ языческое капище. Тамошній епископъ Евстаѣй не въ силахъ былъ перенести такое наглое поруганіе христіанской святыни и внезапно скончался¹⁾. Тѣже самыя явленія происходили въ городѣ Емесѣ, гдѣ фанатичная языческая чернь, ворвавшись въ христіанскую церковь, выбросила оттуда мощи св. мучениковъ и торжественно поставила статую Діониса на алтарѣ²⁾. Въ палестинскомъ городѣ Панадѣ, получившемъ отъ Ирода названіе Кесаріи Филипповой, язычники разрушили изображеніе І. Христа, поставленное, по преданію³⁾, кровоточивою женщиною на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она получила исцѣленіе отъ своей долговременной и тяжелой болѣзни⁴⁾, и замѣнили его бюстомъ

¹⁾ Chronic. Alexandr. an. 363, p. 547.

²⁾ Оеодор. Ц. И. III, 7, стр. 204. Julian. Misopogon, p. 90. Chronic. Alexandr. an. 362, p. 547.

³⁾ Евсев. Ц. И. VII, 18.

⁴⁾ Мѡ. 9, 20—22; Марк. 5, 25—34; Лук. 8, 48—49.

императора¹⁾. При этомъ случаѣ разъяренная языческая толпа, по словамъ Дамаскина, такъ неистовствовала и произносила такія богохульства и нелѣпости на Господа нашего Іисуса Христа, какія не слыханы были никогда и ни однимъ человѣкомъ²⁾. Въ городѣ Сенастіи, древней Самаріи, язычниками была разрушена гробница Іоанна Крестителя, на поклоненіе которой стекалось со всѣхъ сторонъ множество богомольцевъ, причемъ останки его подверглись наглому осмѣянію, были сожжены и самый прахъ развѣянъ по воздуху³⁾. Язычники въ своихъ неистовствахъ противъ христіанъ нерѣдко соединялись вмѣстѣ съ іудеями и находили въ нихъ самую энергичную поддержку. Извѣстно, что іудеи вмѣстѣ съ языческимъ населеніемъ Александріи и Дамаска жгли тамошнія христіанскія церкви и подвергали ихъ самому кощунственному расхищенію.

Естественно ожидать, что всѣ эти жестокости и насилия, совершавшіяся надъ вѣрующими со стороны языческой толпы, должны были возбуждать самое справедливое негодованіе современнаго Юліану христіанства. «Посмотрите на прошедшее! восклицаетъ св. Григорій Богословъ, обращая рѣчь свою къ язычникамъ отъ лица своихъ христіанскихъ современниковъ. Были времена и нашего могущества и вашего и оно переходило попеременно то въ тѣ, то въ другія руки. Какія же напасти терпѣли вы отъ христіанъ, подобныя тѣмъ, кои такъ часто терпятъ отъ васъ вѣрующіе? Лишали ли мы васъ какихъ либо правъ? Вооружали ли противъ кого не-

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 21, стр. 364—365. Philostorg. Н. Е. VII.

²⁾ Дамаск. сказаніе о св. мученикѣ Артеміѣ, с. 57.

³⁾ Созом. Ц. И. V, 21. Θεод. Ц. И. III, 7, стр. 204. Philostorg. Ц. И. VII, 3, 4. Rufin. Н. Е. II, 28. Дамаск. Сказаніе о св. муч. Артеміѣ, гл. 57. Sym. Metaphrast. in vita s. Artemii c. XXXIII, см. у Migne *Cursus complet. vet. patrum*, t. 115.

истовую чернь? Возбуждали ли противъ кого начальниковъ, которые бы поступали строже, нежели какъ имъ предписано? Подвергли ли кого опасности жизни? Отняли ли у кого власть и почести, принадлежащія мужамъ отличнымъ? Словомъ, нанесли ли кому такія обиды, на которыя вы такъ часто отваживались, или которыми угрожали намъ? Безъ сомнѣнія сами вы того не скажете, вы, которые ставите намъ въ вину нашу кротость и челоуѣколюбіе» ¹⁾). Само языческое общество въ лицѣ многихъ лучшихъ своихъ представителей не только не одобряло, но даже открыто порицало неистовства, которыя дозволяла себѣ языческая чернь надъ христианами, считая ихъ совершенно бесполезными для дѣла язычества. Намъ уже извѣстенъ взглядъ Саллюстія, приходившаго въ справедливое негодованіе при видѣ жестокихъ истязаній, которыя дозволяла себѣ дѣлать разъяренная языческая толпа надъ св. Маркомъ Ареуэскимъ. Тѣже самыя воззрѣнія раздѣлялъ съ нимъ извѣстный софистъ Ливаній. «Тебѣ извѣстно, писалъ онъ къ антійскому жрецу Гезихію, что я не меньше тебя сочувствую возстановленію храмовъ боговъ, но въ тоже время не вижу необходимости ломать для этой цѣли другія зданія и такимъ образомъ одною рукою разрушать то, что созидаетъ другою. Императоръ законно требуетъ, чтобы всякій, владѣющій нашими священными предметами, возвратилъ ихъ, но тѣ, которые не имѣютъ ихъ, не должны быть обижаемы. Очевидно, что совершающіе такія насилія подъ предлогомъ ревности къ богамъ думаютъ только исключительно объ одномъ своемъ обогащеніи на счетъ другихъ» ²⁾). Въ другомъ сво-

¹⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 134.

²⁾ Liban. Epist. 638 и 639.

емъ писемъ къ тому же самому Гезихію Ливаній продолжаетъ разсуждать въ точно такомъ же тонѣ. «Если христіане думаютъ о богахъ иначе, нежели ты, говоритъ онъ здѣсь, въ такомъ случаѣ это заблужденіе приносить вредъ исключительно имъ однимъ и не должно служить причиною къ ихъ преслѣдованію. Такіе поступки, полагаютъ нѣкоторые, будто бы угодны богамъ, но такъ думать, значитъ ясно не понимать истиннаго почитанія боговъ. Если виновный бѣденъ и не можетъ заплатить, то какая польза мучить его?»¹⁾. Руководствуясь такими довольно гуманными воззрѣніями, Ливаній употреблялъ не мало усилій для того, чтобы спасти отъ истязаній одного антiохійскаго христіанина, по имени Оріона. «Освободи его, писалъ софистъ къ судѣ Велею, прежде нежели сдѣлаешь святымъ. Оріонъ объявляетъ, что ничего не укралъ у боговъ, но если бы даже и укралъ, то въ настоящее время не имѣетъ ничего, а ты хочешь найти въ его кожѣ золотой рудникъ. Клянусь Юпитеромъ, пощади его, или, если онъ долженъ подлежать взысканію, то пусть оно будетъ совершено безъ мученій»²⁾. Наконецъ съ такою же ревностію Ливаній ходатайствовалъ за другаго христіанина, по имени Евсевія. «Оправдай Евсевія, писалъ онъ къ антiохійскому префекту Александру. Въ случаѣ же, не пожелаешь его отпустить, то иди, если посмѣешь, и возьми его у меня, такъ какъ онъ находится въ моемъ домѣ. Но въ то же время, клянусь богами, я не считалъ бы себя большимъ трусомъ, какъ допустивши тебя сдѣлать это»³⁾.

Къ сожалѣнію, такіа гуманныя убѣжденія лучшихъ представителей современнаго Юліану языческаго общества

¹⁾ Liban. Epist. 731.

²⁾ Liban. Epist. 1037.

³⁾ Liban. Epist. 1157.

и ихъ благоразумные совѣты не оказывали никакого благотворнаго вліянія на пылавшую ожесточенною ненавистью къ вѣрующимъ фанатичную языческую чернь, которая всегда находила если не явное, то тайное потворство въ императорѣ. Отношенія Юліана къ описаннымъ народнымъ возмущеніямъ противъ христіанъ отличались въ высшей степени пристрастнымъ характеромъ. Когда языческая чернь дозволяла себѣ самыя жестокия и возмутительныя насилія надъ вѣрующими, императоръ смотрѣлъ на это съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, и если публично не всегда считалъ удобнымъ и умѣстнымъ выражать свою радость по случаю народныхъ возмущеній противъ христіанъ, за то въ тайнѣ былъ очень доволенъ ими. «Безбожный царь, справедливо замѣчаетъ бл. Θεодоритъ, вмѣсто того, чтобы заботиться о спокойствіи своихъ подданныхъ, только еще болѣе разжигалъ борьбу въ народѣ и какъ бы не замѣчалъ обидъ, наносимыхъ людьми дерзкими людямъ кроткимъ»¹⁾. Юліанъ очень снисходительно отнесся къ извѣстнымъ уже намъ возмутительнымъ насиліямъ и притѣсненіямъ александрійскихъ язычниковъ, совершенныхъ ими надъ Георгіемъ и другими вѣрующими. Сначала императоръ показалъ видъ, что хочетъ поступить съ виновниками возмущенія по всей строгости законовъ, но затѣмъ ограничился однимъ легкимъ выговоромъ²⁾. Въ эдиктѣ, изданномъ по этому случаю къ жителямъ Александріи, онъ показываетъ очевидное пристрастіе и одобреніе насиліямъ и жестокостямъ, которымъ тамошніе язычники подвергали вѣрующихъ. Упреки, дѣлаемые имъ здѣсь языческому населенію Александріи, перемѣшаны съ выраженіями любви и внимательности.

¹⁾ Θεοδορ. Π. Ι. ΙΙΙ, 6, стр. 203.

²⁾ Созом. Π. Ι. V, 7, стр. 326.

Правда, Юліанъ упрекаетъ здѣсь александрійцевъ за то, что они нарушили законы справедливости и челоуѣколюбія, безъ суда и изслѣдованія предавъ жестокой казни Георгія и другихъ вѣрующихъ. «Разгнѣвавшись на Георгія, говоритъ онъ, обращая рѣчь свою къ александрійцамъ, вы осквернили священный городъ, тогда какъ виновнаго слѣдовало бы подвергнуть приговору судьей и въ такомъ случаѣ не было бы ни убійства, ни беззаконія, но соблюдена была бы совершенная справедливость, которая сохранила бы васъ вполнѣ невинными, наказала бы совершившаго непростительно нечестивое дѣло и образумила бы всѣхъ прочихъ, выражавшихъ богамъ презрѣніе, вмѣняющихъ ни во что столь великіе города и столь славные народы и такую жестокость въ отношеніи къ нимъ считающихъ шуткою своей власти»¹⁾. Но въ тоже самое время Юліанъ намѣренно старается выставить на видъ александрійцамъ жестокія насилія и притѣсненія, долгое время испытываемыя ими отъ Георгія. «Скажите мнѣ ради Сераписа, говорилъ онъ къ нимъ въ своемъ эдиктѣ, за какія обиды возненавидѣли вы Георгія? За то, что онъ вооружилъ противъ васъ блаженной памяти Констанція, потомъ ввелъ войско въ священный городъ, вслѣдствіе чего царь Египта (тогдашній правитель этой области Артемій) занялъ святѣйшее капище боговъ и похитилъ оттуда изображенія, священныя приношенія и украшенія, а противъ васъ, когда вы, справедливо негодуя, хотѣли отомстить за своего бога, осмѣлился несправедливо, беззаконно и нечестиво послать вооруженныхъ воиновъ. Но можетъ быть онъ берегъ самъ себя, и опасался болѣе Георгія, нежели Констанція, между тѣмъ какъ

¹⁾ Julian. Epist. LI ad Alexandr., p. 43. Созом. Ц. И. V, 7, стр. 326. Сокр. Ц. И. III, 3, стр. 262.

прежде поступалъ съ вами не тирански, а весьма умѣренно и благородно»¹⁾).

Юліанъ заботился не столько о наказаніи александрійцевъ за ихъ возмущеніе противъ вѣрующихъ, сколько старался спасти отъ расхищенія богатую библіотеку Георгія и потому не замедлилъ отправить строгій приказъ александрійскому префекту Екдикію принять всѣ необходимыя мѣры къ ея сохраненію, не дѣлая при этомъ случая никакого различія между языческими и христіанскими сочиненіями, но заботясь одинаково о спасеніи какъ тѣхъ, такъ и другихъ. «Ты доставишь мнѣ весьма большое удовольствіе, если сохранишь всѣ книги Георгія, писалъ Юліанъ къ префекту. Онъ имѣлъ много сочиненій по философіи, краснорѣчію и объ ученіи галилеянъ. Хотя я и желалъ бы, чтобы эти послѣднія были уничтожены, но изъ опасенія, какъ бы однѣ книги не были перемѣшаны съ другими, ты долженъ собрать ихъ всѣ и сохранить съ большимъ вниманіемъ. Если же узнаешь, что нѣкоторыя изъ книгъ утрачены, то постарайся отыскать похитителей, подъ клятвою допрашивай рабовъ и употребляй всѣ средства, которыя найдешь для того необходимыми. Я знаю книги Георгія, если не всѣ, то многія изъ нихъ, которыя во время пребыванія моего въ Каппадокіи бралъ у него для списыванія и возвратилъ обратно»²⁾. Екдикій кажется довольно небрежно отнесся къ возложенному на него порученію, вслѣдствіе чего императоръ чрезъ нѣсколько времени долженъ былъ дать новый приказъ философу Порфирію отыскать книжныя богатства Георгія и сохранить ихъ отъ расхищенія.

¹⁾ Сокр. Ц. И. III, 3, стр. 263—264. Трудно представить послѣ всего этого, въ какомъ основаніи одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей эпохи Юліана — Мюкке смотритъ на указанный эдиктъ, какъ на документъ замѣчательной любви императора къ справедливости. Мюкке F. C. Julianus. Nach den Quellen I—II. Abtheil. Gotha 1867—1869, стр. 216.

²⁾ Julian. Epist. XXXVI, p. 377 и 411.

«Библіотека Георгія богата и велика, пишетъ къ нему Юліанъ, наполнена произведеніями всѣхъ родовъ философовъ и историковъ, встрѣчаются также въ ней богатые и разнообразныя трактаты объ ученіи галилеянъ. Посему я и поручаю тебѣ отыскать ее и переслать ко мнѣ въ Антиохію»¹⁾). Можно полагать, что Юліанъ въ своемъ настойчивомъ стремленіи сохранить отъ расхищенія бібліотеку Георгія, кромѣ своей извѣстной любознательности, былъ побуждаемъ еще другими мотивами. Вѣроятно, онъ хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для уничтоженія произведеній христіанскихъ писателей, находящихся въ бібліотекѣ Георгія, — преслѣдуя въ этомъ случаѣ свою завѣтную мечту содѣйствовать всѣми доступными средствами ослабленію церкви.

Относясь съ большою снисходительностію, даже съ нѣкотораго рода тайнымъ потворствомъ къ насиліямъ и жестокостямъ, совершаемымъ языческою чернію надъ вѣрующими, Юліанъ въ тоже самое время нерѣдко подвергалъ суровымъ наказаніямъ тѣхъ начальниковъ провинцій, которые принимали энергическія мѣры къ подавленію народныхъ волненій. Такъ онъ едва не осудилъ на смертную казнь префекта города Газы за то, что онъ, прекративши насилія языческой черни, совершаемыя надъ вѣрующими, многихъ изъ язычниковъ, виновныхъ въ возмущеніи, подвергнулъ наказанію. Смертный приговоръ впрочемъ былъ замѣненъ заключеніемъ въ тюрьму²⁾). Оправдывая строгость осужденія провинившагося начальника, Юліанъ замѣтилъ по этому случаю иронически: «что за бѣда, если одна рука языческая

¹⁾ Julian. Epist. XXXVI ad Porph. philosoph., p. 411

²⁾ Созом. Ц. И. V, 9, стр. 330. Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 148.

умертвила десять галилеянъ»¹⁾. При такихъ обстоятельствахъ казалось вполне естественнымъ, что префекты городовъ и начальники провинцій, зная истинный образъ мыслей императора, не только не принимали никакихъ мѣръ къ подавленію возмущеній языческой черни противъ вѣрующихъ, но еще поощряли насильственные дѣйствія ея въ отношеніи къ послѣднимъ. «Начальники областей, справедливо замѣчаетъ Сократъ, считая наклонность императора къ язычеству благопріятнымъ случаемъ для собственныхъ выгодъ, дѣлали христіанамъ гораздо больше зла, нежели слѣдовало»²⁾. Немного встрѣчалось такихъ гуманныхъ и благородныхъ начальниковъ, какъ Саллюстій и префектъ города Газы, но большинство изъ нихъ, избиравшіеся преимущественно изъ людей, усердно преданныхъ дѣлу язычества являлись въ союзѣ съ языческою чернію жестокими гонителями вѣрующихъ.

Изложенные факты ясно показываютъ крайне пристрастный характеръ отношеній Юліана къ языческой черни въ тѣхъ случаяхъ, когда она позволяла себѣ жестокія и возмутительныя насилія надъ вѣрующими. Эти же факты въ ясномъ свѣтѣ представляютъ всю ложность и неосновательность сужденій нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей эпохи Юліана, въ родѣ Бенъо и Неандера, утверждающихъ, что если въ царствованіе Юліана въ нѣкоторыхъ областяхъ имперіи язычники и позволяли себѣ насилія надъ христіанами, препятствовали свободному отправленію ихъ культа и превращали христіанскія церкви въ святилища языческихъ боговъ,

1) Твор. Григор. Богосл. ч. 1. слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 148. Созоменъ передаетъ слова Юліана нѣсколько иначе: «стоило ли брать язычниковъ подъ стражу за то, что они не многимъ галилеянамъ отомстили за многія оскорбленія, причиненныя имъ самимъ и богамъ ихъ?» Созом. Ц. И. V, 9, стр. 130.

2) Сокр. Ц. И. III, 14, стр. 286.

то такіа дѣйствія ихъ не могли встрѣчать рѣшительно никакого одобренія въ глазахъ императора¹⁾.

Во то время какъ фанатичная языческая чернь дозволяла себѣ совершать открыто самыя жестокія и возмутительныя насилія надъ вѣрующими, встрѣчая въ данномъ случаѣ тайное потворство со стороны императора, самъ Юліанъ придумывалъ болѣе тонкія и хитрыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, благовидныя средства для подавленія ненавистой въ глазахъ его религіи. Мы имѣемъ въ виду мѣры императора, направленныя къ тому, чтобы лишить вѣрующихъ средствъ получать научное образованіе, — возбуждавшія всеобщее негодованіе какъ древнихъ писателей, христіанскихъ и языческихъ, такъ и новѣйшихъ изслѣдователей эпохи Юліана. Намъ уже извѣстно, какое важное значеніе придавалъ Юліанъ той тѣсной и неразрывной связи, которая существовала между древнею религіею и классическою литературою, и потому не могъ не употреблять всѣхъ зависящихъ отъ него средствъ сдѣлать послѣднюю исключительнымъ достояніемъ однихъ приверженцевъ политеизма. Между тѣмъ вѣрующіе смотрѣли на произведенія античнаго генія, какъ на общее достояніе всего человѣчества²⁾ и заботливо старались получать классическое образованіе частію подъ руководствомъ собственныхъ наставниковъ, частію путешествуя для этой цѣли по городамъ Малой Азіи и Греціи и слушая уроки знаменитыхъ языческихъ риторовъ и софистовъ. Изученіе произведеній классической литературы, получаемое христіанскими юношами въ собственныхъ своихъ школахъ, нерѣдко сопровождалось выясненіемъ религіозныхъ заблужденій и разобла-

¹⁾ Beugnot. Histoire de la destruction du paganisme en Occident. T. I, p. 189.

²⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 158.

ченієм несостоятельности языческихъ вѣрованій. При такихъ условіяхъ школы христіанскихъ риторовъ и софистовъ, естественно, являлись самыми удобными разсадниками религіознаго образованія для христіанскаго юношества, вмѣстѣ съ тѣмъ доставляя въ руки своихъ питомцевъ надежное средство для борьбы съ язычествомъ орудіемъ его собственной учености. Въ то же время изъ столкновень со многими знаменитыми отцами и учителями церкви своего времени — свв. Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ, Аванасіемъ Александрійскимъ, Аполлинаріемъ Лаодикійскимъ и другими — Юліанъ не могъ не выводить заключенія, что среди христіанскаго общества находилось не мало очень ученыхъ и образованныхъ личностей, которыя въ состояніи были вести борьбу съ язычествомъ не только средствами, доставляемыми имъ силою вѣры, но и орудіемъ языческой діалектики. «Юліана не мало огорчала образованность Аполлинарія Сирскаго, замѣчаетъ Созоменъ, обладавшаго различными познаніями и науками, также каппадокіянъ Василія и Григорія, которые превосходили тогда всѣхъ риторовъ и весьма многихъ знаменитыхъ мужей, изъ коихъ одни держались опредѣленій никейскихъ, а другіе происходили изъ секты аріанской»¹⁾. Императоръ немедленно же по вступленіи своемъ на престолъ²⁾ рѣшилъ лишить вѣрующихъ средствъ получать научно-классическое образованіе въ духѣ ихъ религіозныхъ убѣжденій, отнять у нихъ возможность чрезъ выясненіе ложности языческихъ заблужденій пріобрѣтать себѣ прозелитовъ и въ то же время повергнуть ихъ въ состояніе умственнаго невѣ-

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 18, стр. 356—357.

²⁾ Св. Григорій Богословъ въ первомъ своемъ обличительномъ словѣ на царя Юліана ясно замѣчаетъ, что эдиктъ Юліана, воспрещающій христіанскимъ наставникамъ преподаваніе въ школахъ, былъ изданъ ἐν ἀρχῇ τῆς ἐκκλησιαστικῆς βασιλείας.

жества и лишить уваженія людей образованныхъ. «Насъ колятъ нашими же собственными стилями, т. е. ведутъ противъ насъ войну, вооружившись произведеніями нашихъ же писателей», говорилъ обыкновенно Юліанъ¹⁾. Словесныя науки и греческая образованность (τὸ ἑλληνιστεῖν) наши, такъ какъ намъ же принадлежитъ и чествованіе боговъ, а вашъ (т. е. христіанъ) удѣлъ — необразованность и грубость, такъ какъ у васъ вся мудрость состоитъ въ одномъ только «вѣруй»²⁾.

Юліанъ приступилъ къ выполненію своего плана съ большою предусмотрительностію и хитрою осторожностію, стараясь прикрыть благовидною маскою истинный смыслъ своихъ распоряженій. Прежде всего двумя своими эдиктами³⁾ онъ предоставилъ куріямъ большихъ городовъ исключительное право утверждать въ должности наставниковъ подъ непосредственнымъ надзоромъ императорской власти и дозволилъ преподаваніе только лицамъ, непосредственно назначеннымъ самимъ правительствомъ. «Необходимо, говорилъ здѣсь Юліанъ, чтобы наставники и воспитатели юношества отличались прежде всего добрыми нравами, а затѣмъ уже краснорѣчіемъ. Такъ какъ я самъ лично не могу присутствовать въ каждомъ городѣ, то

¹⁾ Теодор. Ц. И. III, 8, стр. 206.

²⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 156—157.

³⁾ Cod. Theod. I. XIII, t. 3, l. 4. Ratio aequitatis exposcit, ut veterum privilegia Principum circa vos conseamus esse firmanda. Proinde nostrae Mansuetudinis sanctione subnixi secuti a molestiis munerum omnium publicorum reliquum tempus aetatis jugiter agitabitis. Dat. IV. ib. Maii, Constp. Mamertino et Nevitta. Coss. (362). Cod. Theod. XIII, t. 3, l. 5. Magistros studiorum doctoresque, excellere oportet moribus primum deinde facundia: Sed, quia singulis Civitatibus adesse ipse non possum, jubeo, quisque docere vult, non repente nec temere prosiliat ad hoc munus, sed judicio Ordinis probatus decretum Curialium mereatur, optimorum conspirante consensu: hoc enim decretum ad me tractandum referetur, ut altiare quodam honore nostro judicio studiis civitatum accedat. Dat. XV. Kalendo Jul. Acc. IV Kalend. August. Spoletio, Mamertina et Nevitta Coss. (362).

и повелѣваю, чтобы всякій, желающій обучать юношество, не вдругъ занималъ свою должность, но предварительно былъ рекомендуемъ начальствомъ и получалъ свидѣтельство отъ магистрата. Такое свидѣтельство должно быть доставлено мнѣ, послѣ чего уже, съ нашего согласія, онъ можетъ получить должность учителя въ городѣ». Нельзя не видѣть, что указанные эдикты представляютъ первую попытку Юліана подчинить государственному контролю воспитаніе юношества и сдѣлать его особенною отраслью государственной администраціи. Правда, въ нихъ не было еще и рѣчи о различіи между христіанскими и языческими наставниками, но легко можно заключать изъ ихъ содержанія, что, предоставивши право избранія и утвержденія учителей исключительно городскимъ куріямъ, императоръ тѣмъ самымъ хотѣлъ устранить христіанскихъ наставниковъ отъ преподаванія въ школахъ, утверждая въ должностяхъ только тѣхъ изъ нихъ, которые были извѣстны своею враждою къ христіанству и усердны къ дѣлу язычества. Въ скоромъ времени, впрочемъ, не довѣряя и городскимъ куріямъ, Юліанъ не замедлилъ издать новый приказъ, въ силу котораго занятіе должностей наставниковъ и право преподаванія въ школахъ прямо было предоставлены исключительно въ руки однихъ язычниковъ, и христіанскіе наставники принуждены были оставить свои каѳедры ¹⁾. «Всѣ желающіе заниматься образованіемъ юношества,

¹⁾ Упомянутое распоряженіе Юліана сохранилось до нашего времени въ XLII письмѣ императора, по изданію Спангейма, которое во всѣхъ извѣстныхъ кодексахъ помѣщается безъ всякаго надписанія и имѣетъ скорѣе форму эдикта, потому что рѣчь въ немъ обращена не къ одному, а ко многимъ лицамъ. Судя по содержанію, можно догадываться, что оно адресовано къ обществу христіанскихъ наставниковъ. Наша догадка имѣетъ тѣмъ большую вѣроятность, что мы уже имѣли случай встрѣчать подобное письмо императора къ обществу врачей.

говорить здѣсь Юліанъ, должны быть безукоризненной нравственности и не внушать мнѣній, противныхъ народнымъ вѣрованіямъ. Что же я вижу на дѣлѣ? Гомеръ, Гезіодъ, Демосеенъ, Геродотъ, Фукидидъ, Исократъ и Лисій признавали боговъ виновниками всѣхъ знаній и смотрѣли на себя, какъ на людей посвященныхъ Гермесу и музамъ, а между тѣмъ люди, объясняющіе произведенія великихъ писателей, только оскорбляютъ боговъ, которыхъ почитали послѣдніе. Такимъ людямъ я предлагаю на выборъ одно изъ двухъ — или не преподавать того, что они не уважаютъ, или же соглашаться и не обличать предъ слушателями Гомера, Гезіода и другихъ въ нечестіи и заблужденіи. Кто думаетъ, что тѣ мужи заблуждались въ важнѣйшихъ предметахъ, тотъ можетъ идти въ храмы галилеянъ и объяснять тамъ Матѳея и Луку. Вотъ законъ, установленный мною на счетъ наставниковъ и воспитателей. Что касается до юношей, то имъ пусть не будетъ воспрещено заниматься науками»¹⁾. Развивая въ своемъ полемическомъ произведеніи «противъ христіанъ» тѣ же самыя идеи, Юліанъ обращается тамъ съ такою рѣчью къ вѣрующимъ: «если вамъ апостоль Павелъ воспретилъ касаться мяса жертвенныхъ животныхъ, то почему онъ не воспретилъ изучать эллинскую литературу, чтобы не оскорблять чрезъ то совѣсть ближняго»²⁾?

¹⁾ Julian. Epist. XLII, p. 422—424.

²⁾ Julian. ap. Cyrill. VII, p. 229: Τοῦ χάριν ὑμεῖς τῶν παρ' ἑλλήσι παρεδίετε μαθημάτων, εἰπερ αὐτάρκης ὑμῖν, ἐστὶν ἡ τῶν ὑμετέρων γραφῶν ἀνάγνωσις; καίτοι κρείττον ἐκείνων εἴρηγει τοὺς ἀνθρώπους, ἢ τῆς τῶν ἱεροδιδάκτων ἐδωδῆς. Εἰ μὲν γὰρ ἐκείνης, καὶ ὁ Παῦλος λέγει, βλάπτεται μὲν οὐδὲν ὁ προσφερόμενος ἡ δὲ συνειδήσις τοῦ βλέποντος ἀδελφοῦ σκανδαλιθεῖν ἂν καὶ ὑμεῖς. ὦ σοφώτατοι... φάναι! διὰ δὲ τῶν μαθημάτων τούτων, ἀπέστη τῆς ἀθεότητος πᾶν ὅτι περ παρ' ὑμῖν ἡ φύσις ἤνεγκε γενναῖον. οὕτω οὖν ὑπῆρξεν εὐφωκίας καὶ μικρὸν μῦθρον τοῦτο τάχιστα συνέβη τῆς παρ' ὑμῖν ἀθεότητος ἀποστήναι. βέλτιον οὖν εἴρηγει μαθημάτων ἢ τῶν ἱερῶν τοὺς ἀνθρώπους. κ. τ. λ.

Таковы были благовидныя основанія, при посредствѣ которыхъ Юліанъ старался замаскировать свой злой умыселъ лишить вѣрующихъ возможности изучать произведенія древней литературы подъ руководствомъ собственныхъ наставниковъ. Нельзя не видѣть, что указанная мѣры клонились къ тому, чтобы вѣрующіе, потерявши право имѣть собственные школы и своихъ наставниковъ, вынуждены были отправлять своихъ дѣтей для полученія образованія исключительно къ языческимъ риторамъ и софистамъ, которые, какъ и слѣдовало ожидать, изъ собственной ревности и угодливости къ императору стали бы употреблять свои уроки, какъ средство религіозной пропаганды для пріобрѣтенія прозелитовъ политеизму. Злой умыселъ свой Юліанъ надѣялся осуществить даже и въ томъ случаѣ, когда христіане изъ опасенія за чистоту религіозныхъ убѣжденій своихъ дѣтей стали бы опасаться отправлять ихъ въ языческія школы. Въ такомъ случаѣ вѣрующіе необходимо должны были погрузиться въ состояніе невѣжества и такимъ образомъ съ одной стороны потерять средство вести борьбу съ язычествомъ орудіемъ собственной его учености, съ другой лишиться уваженія въ глазахъ людей образованныхъ.

Большинство новѣйшихъ изслѣдователей эпохи Юліана, основываясь на свидѣтельствахъ древнихъ церковныхъ историковъ, всѣ почти, за немногими исключеніями, утверждаютъ, будто императоръ указанными правительственными распоряженіями не только устранилъ христіанскихъ наставниковъ отъ преподаванія въ школахъ, но прямо и совершенно воспретилъ христіанамъ получать научно-классическое образованіе. Дѣйствительно, съ перваго взгляда свидѣтельства древнихъ церковныхъ писателей повидимому даютъ нѣкоторое право на такое заключеніе. По словамъ св. Григорія Богослова «Юліанъ

запрещалъ христіанамъ образовываться въ словѣ»¹⁾, а Созоменъ рѣшительно утверждаетъ, что «онъ дѣтямъ христіанъ запрещалъ учиться у эллинскихъ поэтовъ и писателей и ходить въ ихъ школы»²⁾. По словамъ Сократа «императоръ предписалъ закономъ христіанамъ не получать образованія, чтобы, изощривши свой языкъ, они не могли противостоять діалектикамъ языческимъ»³⁾, а по свидѣтельству блаженнаго Θεодорита «запретилъ дѣтямъ галилеянъ учиться поэзій, риторикѣ и философій»⁴⁾. Тоже самое утверждаетъ Руфинъ въ своей церковной исторіи⁵⁾ и блаженный Августинъ⁶⁾. Но при болѣе глубокомъ взглядѣ на дѣло нельзя не придти къ тому убѣжденію, что указанные церковные писатели обращаютъ свое вниманіе главнымъ образомъ на результатъ правительственныхъ распоряженій Юліана, а не на буквальную передачу ихъ содержанія. Юліанъ былъ далекъ отъ мысли совершенно воспрепятствовать христіанскому юношеству посѣщеніе школъ языческихъ раторовъ и софистовъ съ цѣлю полученія тамъ научно-классическаго образованія. Напротивъ, онъ всѣми зависящими отъ него средствами долженъ былъ покровительствовать такому посѣщенію, въ надеждѣ, что дѣти христіанскихъ родителей, воспитываясь подъ надзоромъ и руководствомъ языческихъ наставниковъ, вмѣстѣ съ изученіемъ древней литературы будутъ знакомиться съ вѣрованіями политеизма, тѣсно съ нею связанными. Такъ, въ упомянутомъ эдиктѣ, устранявшемъ христіанскихъ наставниковъ отъ преподаванія въ школахъ, Юліанъ ясно и рѣшительно заяв-

¹⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 155.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 18.

³⁾ Сокр. Ц. И. III, 12, стр. 282.

⁴⁾ Θεодор. Ц. И. III, 8.

⁵⁾ Rufin. H. E. I, 32.

⁶⁾ Aug. C. D. XVIII, 52... An ipse (Julianus) non est ecclesiam persecutus, qui christianos liberales litteras docere ac discere vetuit?

ляетъ, что даетъ дозволеніе юношамъ заниматься науками¹⁾. Ту же самую мысль подтверждаютъ Аммианъ Марцеллинъ²⁾, блаженный Іеронимъ³⁾, Орозій⁴⁾ и другіе.

Указанные эдикты были приведены въ исполненіе съ необычайною точностію и притомъ въ самое непродолжительное время. Всѣ христіанскія школы въ Греціи, М. Азии и Египтѣ были закрыты⁵⁾, при чемъ, во время прощанія наставниковъ съ своими учениками, нерѣдко происходили чрезвычайно трогательныя сцены. Въ то время изъ христіанскихъ наставниковъ особенно славилась два знаменитыхъ риторъ: Прогересій въ Аѳинахъ⁶⁾ и Викторинъ въ Римѣ⁷⁾. Послѣдній находился уже въ преклонныхъ лѣтахъ и не задолго предъ тѣмъ только что принялъ христіанство. Онъ славился между своими современниками основательнымъ знакомствомъ съ философіею и перевелъ нѣсколько произведеній платониковъ на латинскій языкъ, чѣмъ оказалъ весьма значительную услугу западу для знакомства съ платонизмомъ. Болѣе 40 лѣтъ Викторинъ съ большимъ успѣхомъ занимался въ Римѣ преподаваніемъ древней литературы и красно-

1) Julian. Epist. XLII, p. 424. 'Ο βουλούμενος γὰρ τῶν νέων φοιτᾶν οὐκ ἀποκλείσται. οὐδὲ γὰρ οὐδὲ εὐλογον ἀγνοοῦντας ἔτι τοὺς παῖδας ἐφ' ὃ, τι τρέπωνται τε βέλτιστης ἀποκλείειν ὁδοῦ, φόβῳ δὲ καὶ ἀκοντας ἄξουν ἐπὶ τὰ πάτρια. Καίτοι δίκαιον ἦν, ὥσπερ τοὺς φροντίζοντας, οὕτω καὶ τοὺτους ἀκοντας ἰάσθαι. πλὴν ἀλλὰ συγγνώμην ὑπάρχειν ἅπασί τε τοιαύτης νόσου. καὶ γὰρ οἶμαι, διδάσκειν, ἀλλ' οὐχὶ κολάζειν χρὴ τοὺς ἀνοήτους. Сравни. Julian. ap. Cyrill. VII.

2) Amm. Marcell. XXII, 10..... Illud autem erat inclemens, obruendum perenni silentio, quod arcebat docere magistros rhetoricos et grammaticos, ritus christiani cultores. Ibidem XXV, 4... Namque et jura condidit non molesta, absolute quaedam jubentia fieri vel arcentia, praeter pauca. Interque erat illud inclemens, quod docere vetuit magistros rhetoricos et grammaticos christianos, ni transissent ad numinum cultum.

3) Euseb. Chronic. p. 99.

4) Oros. VII, 30.

5) Oros. VII, 30. Sicut a majoribus nostris compertum habemus, omnes ubique propemodum officium quam fidem deserere maluerunt.

6) Eunap. vit. Prohaeres. T. I. p. 92.

7) Liban. Epist. 1522.

рѣчія. Большинство знатнѣйшихъ жителей Вѣчнаго Города были его учениками и относились къ нему съ безграничнымъ уваженіемъ. Свое почтеніе къ любимому и уважаемому наставнику они выразили постановкою въ честь его статуи на одной изъ городскихъ площадей¹⁾. Когда въ Римѣ стали извѣстны эдикты Юліана, воспрещавшіе христіанскимъ наставникамъ преподаваніе въ школахъ, Викторинъ немедленно оставилъ свою каѳедру послѣ трогательнаго прощанія съ своими слушателями²⁾. Не меньшею славою пользовался въ то время между христіанскими наставниками и Прогересій аѳинскій, занимавшій болѣе 20 лѣтъ съ честью каѳедру въ городѣ музъ. Онъ привлекалъ къ себѣ уроками многочисленныя толпы слушателей, стекавшихся къ нему со всѣхъ сторонъ тогдашняго міра. Самъ Юліанъ во время пребыванія въ Аѳинахъ слушалъ уроки этого софиста и, не смотря на всю ненависть къ своимъ христіанскимъ учителямъ, сохранилъ о немъ доброе воспоминаніе³⁾. Въ одномъ изъ сохранившихся до нашего времени писемъ къ Прогересію императоръ сравниваетъ его краснорѣчіе съ полною рѣкою, выходящею изъ своего русла и наводняющею окрестныя поля а его самого — съ Перикломъ, соединявшимъ въ себѣ славу великаго государственнаго человѣка съ славою оратора блестящихъ временъ Аѳинъ⁴⁾. Изъ уваженія къ своему бывшему наставнику Юліанъ сдѣлалъ для Прогересія исключеніе и вопреки своему распоряженію дозволилъ ему по прежнему продолжать свое преподаваніе. Но онъ, не смотря на все это, отказался отъ такой чести и оставилъ школу, трогательно распрощавшись съ своими учениками.

¹⁾ Aug. confes. VII, 2, 5.

²⁾ Aug. confes. VII, 2, 5.

³⁾ Сокр. Ц. И. IV, 26. Созом. Ц. И. VI, 17.

⁴⁾ Julian. Epist. II, p. 373—374.

Ни одно изъ распоряженій Юліана въ глазахъ его христіанскихъ современниковъ не было рассчитано такъ тонко и не могло принести столько вреда церкви, какъ его хитрыя мѣры, направленные къ отнятію у христіанъ средствъ къ полученію научно-классическаго образованія. Правда, среди вѣрующихъ того времени встрѣчались люди, сочувственно относившіеся къ упомянутому распоряженію: — къ нимъ принадлежали незначительные числомъ послѣдователи Тертулліана и Татіана, видѣвшіе въ классической учености исключительно одно только злое начало и главный источникъ всѣхъ ересей и заблужденій, нарушавшихъ миръ и волновавшихъ церковь Христову. Но большинство вѣрующихъ не раздѣляли такихъ воззрѣній и видѣли въ распоряженіи Юліана самую величайшую опасность для христіанства въ его борьбѣ съ язычествомъ. Краснорѣчивымъ выразителемъ общаго справедливаго негодованія христіанскаго общества противъ мѣръ императора служить св. Григорій Богословъ. «Я долженъ обратить мое слово къ словеснымъ наукамъ», говоритъ онъ, — «надобно постараться защитить ихъ по возможности. Много сдѣлалъ богоотступникъ тяжкихъ несправедливостей, за которыя онъ достоинъ ненависти, но если въ чемъ, то кажется особенно въ этомъ онъ нарушалъ законы. Да раздѣлять со мною мое негодованіе всѣ любители словесности, занимающіеся ею, какъ своимъ дѣломъ, къ числу которыхъ и я не откажусь принадлежать¹⁾. Итакъ, скажи намъ, легкомысленнѣйшій и ненасытнѣйшій изъ всѣхъ, откуда пришло тебѣ на мысль запретить христіанамъ изученіе словесности? Это была уже не простая угроза, а законъ. Что за причина такого запрещенія? «Словесныя науки и греческая образованность (τὸ ἑλληνίζειν)

¹⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 155.

наши, говорить Юліанъ, подобно тому, какъ намъ же принадлежитъ и чествованіе боговъ, а вашъ удѣлъ необразованность и грубость¹⁾, такъ какъ у васъ вся образованность состоитъ въ одномъ «вѣруй». Но чѣмъ лучше пифагорейское «самъ сказалъ» христіанскаго «вѣруй»? И чѣмъ доказать, что словесныя науки принадлежатъ исключительно вамъ язычникамъ?²⁾ Гдѣ и у какихъ жрецовъ предписана греческая образованность подобно тому, какъ предписано, что и какимъ демонамъ приписать въ жертву?³⁾ Но кому же изъ боговъ или демоновъ посвящена греческая образованность? Да если бы это и было такъ, все же однако не видно изъ сего, что она должна принадлежать однимъ только язычникамъ, или что общее достояніе есть исключительная собственность какого нибудь изъ вашихъ боговъ, или демоновъ; подобно какъ и другіе предметы не перестаютъ быть общими отъ того, что у васъ установлено приносить ихъ въ жертву богамъ. Если же ты сего не скажешь, а назовешь вашею собственностію греческій языкъ, и потому будешь насъ устранять отъ него, какъ отъ отеческаго наслѣдства, ни мало намъ не принадлежащаго, то отсюда не видно, какъ можешь ты связывать это съ почитаніемъ демоновъ. Ибо изъ того, что у однихъ и тѣхъ же людей и языкъ и вѣрованія греческія, еще не слѣдуетъ, чтобы языкъ принадлежалъ къ вѣрованію и чтобы посему справедливо было лишать насъ употребленія сего языка. Такое умозаключеніе найдутъ неправильнымъ и ваши учителя логики⁴⁾. И могутъ ли язычники утверждать, что греческая образованность есть ихъ исключительная принадлежность,

1) Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 155.

2) Ibidem, стр. 157.

3) Ibidem, стр. 158.

4) Ibidem, стр. 159.

ихъ, такъ сказать, собственность? И языкъ и всякое искусство или полезное учрежденіе, какое бы ты себѣ не представилъ, принадлежать не однимъ изобрѣтателямъ, а всѣмъ ими пользующимся. Высочайшій Художникъ и Зиждитель, Слово, хотя избралъ различныхъ изобрѣтателей различныхъ полезныхъ учреждений и искусствъ, но все предложилъ всѣмъ, кто хочетъ, дабы соединить насъ узами взаимнаго общенія и человеколюбія и украсить жизнь нашу кротостію ¹⁾. Какъ же ты говоришь, что греческая образованность ваша? Не финикіянамъ ли принадлежать письмена, или, какъ думаютъ другіе, не египтянамъ ли, или еще не евреямъ ли, которые и ихъ превосходятъ мудростію? Тебѣ ли принадлежитъ аттическое краснорѣчіе? А наука чиселъ, мѣры, вѣса, искусство устроить полки и воевать — чье это? Не евбеянь ли! И такъ что же? Если египтяне и финикіяне, евреи и, наконецъ, жители острова Евбеи, по твоему, будутъ присвоить себѣ все это, какъ собственность, что намъ тогда дѣлать? Чѣмъ будемъ защищаться противъ нихъ, будучи уловлены собственными законами? Не приведется ли намъ лишиться всего этого, и подобно галкѣ въ чужихъ перьяхъ, видѣть, какъ у насъ оборвутъ ихъ, и мы останемся голыми и безобразными. Что сказать о прочемъ? Если ты гордишься оружіемъ, то отъ кого, храбрый воинъ, у тебя оружіе? Не отъ циклоповъ ли, отъ которыхъ ведетъ свое начало искусство ковать? Если представляется тебѣ важною багряница, сдѣлавшая тебя мудрецомъ и установителемъ такихъ законовъ ²⁾, то не долженъ ли ты отдать ее тирянамъ? Что еще сказать о земледѣліи и кораблестроеніи, которыхъ мо-

¹⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 161.

²⁾ Ibidem, стр. 162.

гутъ насъ лишить аѳиняне? Угодно ли тебѣ, чтобъ я, оставивъ прочее, обратился къ главному предмету твоего безумія? То самое, чтобы посвящаться и посвящать въ таинства и служить богамъ, откуда перешло къ тебѣ? Не отъ еракіянъ ли? А жертвоприношенія не отъ халдеевъ ли или кипрянъ? Астрономія не вавилонянамъ ли принадлежитъ? Геометрія не египтянамъ ли? Магія не персамъ ли? Гаданіе по снамъ — отъ кого, какъ не отъ телмисянъ ¹⁾? Птицегаданіе отъ кого, какъ не отъ фригіянъ, которые прежде другихъ стали замѣчать полетъ и движеніе птицъ? Откуда у тебя всѣ частныя принадлежности богопочтенія? Не каждая ли отъ одного какого нибудь частнаго народа? ²⁾ Итакъ что же? Послѣ того какъ все отдашь первымъ изобрѣтателямъ, не должно ли допустить, что у тебя не остается ничего своего, кромѣ злобы и твоего богоотступничества, истиннѣ новаго? ³⁾

Справедливое негодованіе св. Григорія по поводу лишенія Юліаномъ вѣрующихъ средствъ полученія научно-классическаго образованія раздѣляютъ рѣшительно всѣ древніе церковные историки и языческіе писатели. Такъ Амміанъ Марцеллинъ, не смотря на все свое глубокое уваженіе къ своему герою, тѣмъ не менѣе дважды сильно упрекаетъ его за изданіе закона, запрещавашаго христіанскимъ риторамъ и грамматикамъ преподаваніе въ школахъ, и называетъ его жестокимъ и несправедливымъ ⁴⁾. Точно также съ сильнымъ порицаніемъ относятся

¹⁾ Телмисъ — древній городъ въ Ликии.

²⁾ Ibidem, стр. 163.

³⁾ Ibidem, стр. 164.

⁴⁾ Amm. Marcell. XXII, 10.... Post multa enim etiam jura quaedam correxit in melius, ambagibus circumcisis indicantia liquide, quid juberent fieri vel vetarent. Illud autem erat inclemens, obruendum perenni silentio, quod arcebat docere magistros rhetoricos et grammaticos, ritus christiani cultores. Ibidem XXV, 4.... Verum tamen cum haec essent, aestimari poterat, ut apse ijebat, vetus illa Iustitia, quam offensam vitiis hominum Ara-

къ указанному распоряженію Юліана большинство новѣйшихъ изслѣдователей его эпохи. Такъ, извѣстный англійскій писатель Гиббонъ въ своей исторіи паденія и разрушенія римской имперіи замѣчаетъ: «самымъ суровымъ, несправедливымъ, заслуживающимъ должное порицаніе былъ законъ Юліана, воспрещавшій христіанскимъ наставникамъ преподаваніе риторики и грамматики»¹⁾. Замѣчательное исключеніе въ данномъ случаѣ между новѣйшими изслѣдователями эпохи Юліана составляетъ Ульманъ. По мнѣнію этого ученаго, законъ Юліана, лишившій христіанскихъ наставниковъ права преподаванія въ школахъ, долженъ находить для себя естественное оправданіе въ характерѣ религіозно-философскихъ воззрѣній Юліана. «Этотъ императоръ, говоритъ онъ, смотрѣлъ на произведенія древней классической литературы, какъ на религіозные документы, и потому въ правѣ былъ запрещать объясненіе ихъ послѣдователямъ чуждаго и притомъ враждебнаго политеизму культа. Въ этомъ случаѣ онъ поступалъ, руководствуясь тѣми же самыми принципами, въ силу которыхъ мы не можемъ дозволить объясненіе для нашего юношества религіозныхъ символовъ инновѣрцамъ»²⁾.

На ряду съ указанными распоряженіями Юліана шла рука объ руку мѣра его, направленная къ усиленію языческой пропаганды среди вѣрующихъ и къ приобрѣтенію новыхъ прозелитовъ политеизму. Хотя онъ при всякомъ удобномъ случаѣ повторялъ, что не имѣетъ ни

tus extollit in caelum, eo imperante redisse rursus ad terras, ni quaedam ad arbitrium agens, interdum ostunderet se dissimilem sui. Namque et jura condidit non molesta, absolute quaedam jubentia fieri vel arcentia, praeter pauca. Inter quae erat illud inclemens, quod docere vetuit magistros rhetoricos et grammaticos christianos, ni transissent ad numinum cultum.

¹⁾ Giebbon, ctp. 724.

²⁾ Ulmann, Gregor von Nazianz der Theologe. Darmstadt 1825, ctp. 89.

малѣйшаго желанія насильственными мѣрами привлечь кого либо изъ вѣрующихъ къ алтарямъ боговъ, и добавлялъ, что, если кто изъ нихъ думаетъ обратиться отъ своихъ мнимыхъ заблужденій, то предварительно долженъ умоливать боговъ и очистить себя жертвоприношеніями и молитвами¹⁾, тѣмъ не менѣе не пренебрегалъ рѣшительно никакими средствами религіозной пропаганды и употреблялъ не мало недостойныхъ мѣръ и хитрыхъ уловокъ для оболъщенія. Такъ, намъ уже извѣстно, что съ этою между прочимъ цѣлю Юліанъ приказывалъ окружать свои бюсты, стоящіе на городскихъ площадяхъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ, изваяніями языческихъ боговъ, въ надеждѣ, что вѣрующіе, воздавая должную честь императорскимъ изображеніямъ, въ тоже самое время станутъ воздавать поклоненіе окружающимъ ихъ идоламъ. «Такого обмана и сѣтей нечестія, столь хитро разставленныхъ, по свидѣтельству св. Григорія Богослова, избѣгли не многіе, которые были богобоязненнѣе и проникательнѣе другихъ, но они и были наказаны за свою проникательность подъ предлогомъ, что оскорбили честь императора; въ дѣйствительности же пострадали за истиннаго Царя²⁾ и за благочестіе. Люди же простые и неразсудительные по большей части были уловлены и имъ можетъ быть самое невѣдѣніе послужить извиненіемъ, какъ вовлеченнымъ въ нечестіе хитростію»³⁾).

Легко было ожидать, что Юліанъ гораздо болѣе можетъ пріобрѣсти успѣха въ дѣлѣ пропаганды среди своего войска, которое безгранично уважало его, какъ и всегда уважаетъ полководцевъ, водившихъ своихъ

¹⁾ Julian. Epist. LII ad Bostr., p. 435.

²⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 135.

³⁾ Ibidem, стр. 136.

солдатъ постоянно по пути побѣдъ, и которое притомъ служило лучшею опорою его власти и могущества. «Юліанъ склоняетъ на свою сторону войско», замѣчаетъ св. Григорій Богословъ, «которое почитаетъ особенно удобопреклоннымъ, потому что военные люди то обольщаются почестями, то увлекаются по простотѣ и не знаютъ другаго закона, кромѣ царской воли»¹⁾. Въ случаѣ обращенія всей арміи къ вѣрѣ въ древнихъ боговъ Юліану можно было рассчитывать съ ея помощію побѣдить всѣ препятствія въ дѣлѣ осуществленія своихъ завѣтныхъ плановъ и даже прибѣгнуть при этомъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Отсюда понятнымъ становится особенное стараніе императора пріобрѣсти себѣ побольше прозелитовъ среди войска. Всего проще казалось ему покупать отступничество своихъ солдатъ вѣсомъ золота. Самъ панегиристъ Юліана, Ливаній, сознается, что его любимый герой нерѣдко употреблялъ на это весьма значительныя денежныя суммы. Въ тоже время, съ цѣлію пріученія своихъ легіонеровъ къ соблюденію обрядовъ языческаго культа, Юліанъ употреблялъ слѣдующее средство, отъ котораго надѣялся получить весьма значительные результаты. У римлянъ издавна существовалъ обычай, въ силу котораго въ день рожденія императора, равно какъ и въ другихъ случаяхъ, послѣдній раздавалъ подарки своимъ солдатамъ, особенно отличившимся своею храбростію и точнымъ исполненіемъ требованій военной дисциплины. Юліанъ не замедлил воспользоваться этимъ случаемъ для осуществленія своихъ плановъ относительно возстановленія политеизма. Въ день раздачи наградъ онъ всегда являлся къ солдатамъ окруженный государственными регаліями, среди которыхъ на первомъ планѣ были помѣ-

¹⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 123.

щены изображенія языческихъ боговъ, и, по древнему обычаю, приказывалъ ставить предъ собою жертвенникъ, наполненный угольями и ѳиміамомъ. Когда легіонеры одинъ за другимъ приближались къ императору за полученіемъ изъ рукъ его почетной награды, чиновники, окружавшіе тронъ, предварительно требовали отъ нихъ, чтобы они бросили на уголья нѣсколько зеренъ ѳиміама и отдали честь государственнымъ регаліямъ. Съ перваго взгляда можно думать, что указаннымъ распоряженіемъ Юліанъ хотѣлъ только возстановить древній обычай, вышедшій изъ употребленія въ правленіе первыхъ христіанскихъ императоровъ. Но при болѣе внимательномъ изслѣдованіи обстоятельствъ этого дѣла нельзя не придти къ справедливому заключенію, что здѣсь скрывался чрезвычайно тонкій и злой умыселъ. «Цѣлое воинство, замѣчаетъ по этому случаю св. Григорій Богословъ, предавалось однимъ злоухищреніямъ. Покорители вселенной падали отъ малаго огня, отъ куска золота, отъ небольшого куренія, и большая часть не чувствовали своего пораженія, что было всего горестнѣе. Каждый приступалъ съ надеждою пріобрѣтенія, но, пріобрѣтая, терялъ самого себя: поклонялся десницѣ царя и не думалъ, что поклоняется своему убійцѣ. Какія тысячи персовъ, стрѣлковъ и пращниковъ, какіе закованные въ желѣзо и ниоткуда неуязвимые воины, какія стѣнобитныя орудія успѣли бы въ томъ, что совершенно было одною рукою, въ одно время гнуснымъ умысломъ!»¹⁾. Требованіе чиновниковъ, чтобы легіонеры прежде полученія почетной награды изъ рукъ императора бросали нѣсколько зеренъ ѳиміама на стоящій предъ нимъ жертвенникъ, производило чрезвычайно разнообразное дѣйствіе на послѣд-

¹⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 137.

нихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, прельщаясь полученіемъ богатыхъ и почетныхъ наградъ изъ рукъ самого Юліана, безъ всякаго колебанія измѣняли своимъ религіознымъ убѣжденіямъ и отрекались такимъ образомъ отъ Христа. Для такихъ людей было рѣшительно безразлично какъ въ предыдущее царствованіе изъ угоды императору принимать христіанство, такъ точно теперь сдѣлаться по-прежнему язычниками. Но не мало было и такихъ, которые ради чистоты и святости своихъ религіозныхъ убѣжденій, рѣшались жертвовать всѣми земными расчетами. Съ такими людьми Юліанъ поступалъ чрезвычайно жестоко и нерѣдко осуждалъ ихъ на смертную казнь, оправдывая строгость своего приговора тѣмъ, будто бы они, не исполняя требованія чиновниковъ, тѣмъ самымъ становились нарушителями предписаній военной дисциплины. Наконецъ, встрѣчалось не мало и такихъ, которые смотрѣли на приказаніе императорскихъ чиновниковъ, какъ на обычное выполненіе требованій приличія и уваженія къ государственнымъ регаліямъ и не придавали ему рѣшительно никакого религіознаго значенія. Такимъ людямъ приходилось конечно очень скоро горько раскаиваться въ своей ошибкѣ.

Рядомъ съ указанными мѣрами для той же цѣли Юліанъ употреблялъ и другія, одинаковыя съ ними по характеру. Мы уже знаемъ, что онъ постоянно совершалъ богатыя жертвоприношенія въ честь боговъ и нерѣдко закалывалъ при этомъ случаѣ гекатомбы¹⁾. Для легіонеровъ, принимавшихъ участіе въ этихъ жертвоприношеніяхъ, послѣ ихъ совершенія, по приказанію императора, всегда устраивались богатыя пиршества, носившія часто религіозный характеръ и служившія для солдатъ, особенно среди галльскихъ легіоновъ, весьма соблазнительною

¹⁾ Julian. Epist. XXXIII, p. 415.

приманкою къ обрядамъ языческаго культа. Ревность Юліана въ дѣлѣ религіозной пропаганды среди войска была на столько сильна, что онъ, не смотря на всѣ свои усилія поддержать среди арміи строгій духъ древней римской дисциплины, въ этомъ случаѣ, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, нерѣдко измѣнялъ своему правилу, дозволяя солдатамъ, участвовавшимъ въ жертвенныхъ пиршествахъ, предаваться самому необузданному разгулу ¹⁾. Въ видахъ религіозной пропаганды Юліанъ нерѣдко вступалъ также въ диспуты съ образованными людьми изъ вѣрующихъ, стараясь склонить ихъ къ отреченію отъ вѣры и переходу въ язычество доводами своей хитрой и искусной діалектики. Такъ извѣстно, что онъ подобнымъ средствомъ пытался убѣдить къ отступничеству отъ Христа Кесарія, брата св. Григорія Богослова, занимавшаго у него должность придворнаго врача. Но Кесарій, воспитанный въ той же самой школѣ, гдѣ получилъ образованіе самъ императоръ, безъ особеннаго труда опровергалъ всѣ хитрые доводы и возраженія послѣдняго и отвѣчалъ съ достоинствомъ: «я христіанинъ и хочу навсегда остаться имъ!» ²⁾.

Всѣми указанными средствами, по свидѣтельству св. Григорія Богослова, Юліану удалось привлечь на сторону политеизма значительное количество своихъ солдатъ ³⁾, а по словамъ самого Юліана, большую часть

¹⁾ Amm. Marcell. XXII, 12. Hostiarum tamen sanguine plurimo aras crebritate nimia perfundebat, tauros aliquoties immolando centenos, et innumeros varii pecoris greges, avesque candidas terra quacesitas et mari: adeo ut in dies paene singulas milites carnis distentiore sagina victinantes incultius, potusque aviditate corrupti, humeris inpositi transeuntium, per plateas ex publicis aedibus, ubi vindicandis potius, quam concedendis conviviis indulgebant, ad sua diversoria portarentur: Petulantes ante omnes et Celtae, quorum ea tempestate confidentia creverat ultra modum.

²⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 147.

³⁾ Ibidem, стр. 123.

войска. «Извѣщаю тебя съ радостію», писалъ онъ изъ Галліи къ извѣстному намъ философу Максиму, «что мы получили многочисленные и очевидные знаки покровительства боговъ, которымъ поклоняемся теперь безъ страха и открыто. Большинство окружающаго насъ войска раздѣляетъ наши убѣжденія¹⁾. Мы совершаемъ жертвоприношенія публично и приносимъ богамъ цѣлыя гекатомбы въ благодарность за ихъ благодѣянія»²⁾. Довольно легко и скоро удалось Юліану привести въ исполненіе свое намѣреніе въ галльскихъ легіонахъ, которые изъ чувства привязанности и уваженія къ своему любимому вождю охотно принимали его религію; но гораздо труднѣе было сдѣлать тоже самое въ восточныхъ легіонахъ, привыкшихъ въ правленіе христіанскихъ императоровъ сражаться подъ христіанскими знаменами. Насколько всѣ эти многочисленные прозелиты могли принести пользы дѣлу политеизма, говоритъ уже тотъ фактъ, что они мѣняли свои религіозныя убѣжденія, по справедливому выраженію Астерія, епископа амасійскаго, «какъ одежду». «Юліанъ привлекъ къ себѣ тѣхъ, кого онъ нашелъ испорченными и больными» говоритъ св. Григорій Богословъ, — «кто и въ это время и прежде раболѣпствовалъ обстоятельствамъ, и изъ этой части однихъ поработилъ себѣ дѣйствительно, другихъ только надѣялся поработить»³⁾.

Таковы были мѣры Юліана для борьбы съ церковію. Если обратить вниманіе на характеръ ихъ и необычайную энергію Юліана, съ которою онѣ были приводимы въ исполненіе, то отъ нихъ весьма естественно было ожи-

¹⁾ Julian. Epist. XXXVIII, p. 415. Καὶ τὸ πλῆθος τοῦ συγκαταλέγοντος μοι στρατοπέδου θεοσεβῆς ἐστίν.

²⁾ Julian. Epist. XXXVIII, p. 415.

³⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 123.

дать очень большого вреда для вѣрующихъ, тѣмъ болѣе, что церковь, какъ намъ уже извѣстно, при вступленіи Юліана на императорскій престолъ была повидимому вовсе не подготовлена къ поднятому противъ нея гоненію. Раздираемая аріанскими смутами и внутренними нестроеніями, она имѣла настоящую нужду во внутреннемъ спокойствіи, а вмѣсто того была застигнута совершенно въ располхъ и вынуждена вступить въ отчаянную борьбу съ старыми религіозными порядками. Но Промыслъ хранилъ ее и она вышла изъ этой борьбы побѣдительницею. Всѣ хитрыя и недостойныя какъ человѣка, такъ и императора уловки Юліана, употребляемыя имъ въ видахъ ослабленія церкви, въ большинствѣ случаевъ не достигали своей цѣли и только служили къ пользѣ послѣдней. Гонимая и преслѣдуемая со стороны государственной власти и фанатичной языческой черни, она продолжала прочно жить своею внутреннею жизнію. Мы уже видѣли, что ожесточенная вражда религіозныхъ партій въ царствованіе Констанція была поддерживаема главнымъ образомъ вмѣшательствомъ въ нее государственной власти. Теперь, когда такого вмѣшательства болѣе не существовало, церковь одними своими внутренними чисто духовными средствами очень легко и удобно могла возстановить внутри себя миръ и торжествовать надъ заблужденіями. Мужественные защитники и борцы за православіе, возвратившись изъ ссылки, куда они были отправлены въ царствованіе Констанція, съ необычайною ревностію старались повсюду распространять духъ истинной вѣры и благочестія и залечивать раны, нанесенныя церкви въ царствованіе императора-аріанина. Въ то же время вопреки ожиданіямъ Юліана и въ виду общей опасности, угрожавшей церкви, мало по малу ослабѣвали религіозные споры, волновавшіе церковь, и аріане начали присоединяться

къ православнымъ для совокупной борьбы противъ общаго врага. Самая измѣна христіанству и переходъ къ язычеству многихъ изъ вѣрующихъ не приносили существеннаго вреда церкви, но только содѣйствовали освобожденію послѣдней отъ множества недостойныхъ членовъ, бывшихъ христіанами только по имени, а не вслѣдствіе искренности религіозныхъ убѣжденій. Притомъ не мало изъ вѣрующихъ, совратившихся въ язычество вслѣдствіе различныхъ уловокъ, употребляемыхъ Юліаномъ въ видахъ религіозной пропаганды, раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, снова просили о принятіи ихъ въ общеніе съ церковію ¹⁾. Не подготовленная къ упорной борьбѣ съ опаснымъ врагомъ и застигнутая повидимому совершенно въ расплохъ, церковь однако спокойно и мужественно отражала всѣ хитрыя и коварныя нападенія своего врага, будучи твердо увѣрена въ заступничествѣ своего Божественнаго Основателя. Цѣлые сонмы св. мучениковъ не замедлили запечатлѣть кровію твердость свою въ вѣрѣ и погибли частью вслѣдствіе возмущеній языческой черни, частью отъ руки самого Юліана ²⁾.

Вѣрующіе нисколько не страшились открыто протестовать противъ коварныхъ и насильственныхъ мѣръ, употребляемыхъ Юліаномъ для борьбы съ церковію. Престарѣлый епископъ Назіанза Григорій (отецъ св.

¹⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на цаля Юліана, стр. 138 — 139.

²⁾ Кромѣ уже извѣстныхъ намъ мучениковъ и тѣхъ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, въ царствованіе Юліана пострадали за Христа мученической смертію еще слѣдующія лица: св. Василій, пресвитеръ анкирскій въ Галатіи (Созом. Ц. И. V, 11, стр. 336) Дорофей, епископъ тирскій (Bollandi, acta sanctorum jun. t. I, p. 434), Тимоѳей и Патрикій, епископы прусскіе (Le-Quien, Oriens Christianus, I, 615, 616), врачъ Юліанъ, наконецъ Мануилъ, Савелій, Измаилъ — персидскіе христіане, явившіеся къ Юліану въ качествѣ пословъ отъ своего государя и потерпѣвшіе отъ императора мученическую смерть въ Халкидонѣ, и др.

Григорія Богослова) устанавливаетъ въ своей церкви публичныя молитвы за спасеніе вѣрующихъ отъ коварныхъ замысловъ императора, какъ безбожника и гонителя¹⁾. Когда же къ нему въ городъ явился императорскій чиновникъ въ сопровожденіи вооруженной свиты и хотѣлъ христіанскую церковь обратить въ языческое капище, доблестный святитель, по словамъ св. Григорія Богослова, «воспламенилъ всѣхъ гнѣвомъ противъ него и ревностію о храмѣ»²⁾ и на отрѣзъ отказался исполнить требованіе чиновника. Народъ, благодаря настойчивымъ убѣжденіямъ своего святителя, пришелъ въ такое сильное негодованіе, узнавъ о намѣреніи чиновника отобрать у него храмъ, что «если бы начальникъ, говоритъ св. Григорій Богословъ, не согласился уступить епископу, то былъ бы растоптанъ ногами»³⁾. Престарѣлый и уже слѣпой Марій, епископъ халкидонскій, въ храмѣ Фортуны въ Константинополѣ, торжественно обличаетъ Юліана въ нечестіи, называя его нечестивымъ отступникомъ и безбожникомъ⁴⁾. Въ молодости онъ былъ усерднымъ приверженцемъ аріанскихъ заблужденій и однимъ изъ ожесточенныхъ враговъ св. Аѳанасія, но теперь раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ и возвратился въ лоно истинной церкви. Юліанъ спокойно выслушалъ смѣлое обличеніе мужественнаго святителя и только насмѣшливо замѣтилъ ему: «самъ Богъ Галилеянинъ не исцѣлитъ тебя!»⁵⁾. На это Марій смѣло отвѣчалъ императору: «благодарю Бога, что онъ лишилъ меня зрѣнія и не далъ видѣть лице того, кто впасть въ такое нечестіе!»⁶⁾. Не въ состояніи будучи

¹⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. II, слово 18, стр. 132 — 133.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Сокр. Ц. И. III, 12, стр. 282. Созом. Ц. И. V, 4, стр. 318.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Ibidem.

ничего возразить на такой энергичный упрекъ, Юліанъ дозволилъ мужественному епископу свободно удалиться изъ храма. Такія же сильныя обличенія Юліана въ нечестіи и коварномъ намѣреніи его ослабить христіанство позволяли дѣлать себѣ и другіе изъ вѣрующихъ. Исторія сохранила имена двухъ изъ нихъ — пафлагонянина Гемелла и Порфирія ¹⁾, потерпѣвшихъ отъ Юліана мученическую смерть. Въ то самое время, когда Юліанъ не щадилъ никакихъ средствъ и пренебрегалъ всѣми требованіями справедливости для того, чтобы возстановить разрушенныя и запустѣвшія языческія капища, кесарійская курія почти предъ глазами императора издаетъ распоряженіе разрушить языческій храмъ Фортуны ²⁾. Такимъ поступкомъ Юліанъ приведенъ былъ въ страшное раздраженіе. Въ минуту сильнаго гнѣва онъ рѣшился было осудить на смерть всѣхъ жителей Кесаріи, а самый городъ обратить въ пепелъ, но вскорѣ потомъ измѣнилъ своему рѣшенію и удовольствовался осужденіемъ на мученическую смерть одного только члена кесарійской куріи, по имени Евпсихія, принимавшаго дѣятельное и непосредственное участіе въ разрушеніи храма ³⁾. Имущества христіанскихъ церквей, по приказанію Юліана, были отобраны въ государственную казну, всѣ клирики отданы въ военную службу, многіе изъ христіанскихъ обитателей Кесаріи отправлены въ изгнаніе, а всѣ прочіе обложены тяжкими и обременительными подагами ⁴⁾.

Тѣже самыя явленія повторялись и въ другихъ мѣстностяхъ, хотя тамъ языческіе храмы нерѣдко подвергались разрушенію не по распоряженію общественныхъ

¹⁾ Прол. сент. 15 и дек. 10.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 4, стр. 316.

³⁾ Созом. Ц. И. V, 11, стр. 336 — 337.

⁴⁾ Созом. Ц. И. V, 4, стр. 316 — 317.

властей, но вслѣдствіе ревности частныхъ лицъ. Такъ, когда во фригійскомъ городѣ Мирѣ, по свидѣтельству Созомена, тамошній префектъ возстановилъ языческій храмъ и очистилъ его отъ накопившихся временемъ нечистотъ, трое изъ христіанскихъ жителей города, по имени Македоній, Θεодуль и Татіанъ, ночью вошли въ него, сокрушили находящихся въ немъ идоловъ и затѣмъ добровольно отдали себя въ руки разъяренной черни ¹⁾). За это они были подвергнуты жесточайшимъ мученіямъ и въ заключеніе положены на раскаленные сковороды. Въ такомъ ужасномъ положеніи мученики не теряли однако мужества и только говорили присутствовавшему при этомъ случаѣ префекту: «если ты желаешь вкуснаго мяса, Амахій, то поверни насъ къ огню на другой бокъ, чтобы полуизжаренные мы не показались непріятными на твой вкусъ!» ²⁾). Среди самаго войска мѣры Юліана нерѣдко возбуждали сильнѣйшее негодованіе и протесты. Св. Григорій Богословъ чрезвычайно картинно описываетъ, какое тяжелое впечатлѣніе произвела въ первый разъ на христіанскихъ легіонеровъ извѣстная намъ коварная уловка Юліана при раздачѣ наградъ. Обольщенные воины, получившіе послѣднія и бросившіе при этомъ случаѣ еиміамъ на языческій жертвенникъ, по возвращеніи домой немедленно сѣли за столъ и, когда по обычаю стали осѣнять кубки крестнымъ знаменіемъ и произносить имя Христа, языческіе сотоварищи стали осмѣивать ихъ и спрашивать, какъ они рѣшаются произносить имя Того, отъ Кого только что торжественно отреклись чрезъ воскуреніе жертвеннаго еиміама. Тогда многіе воины, участвовавшіе въ исполненіи языческаго обряда поняли всю важность совершеннаго ими проступка. Представленіе, что они сдѣ-

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 11, стр. 335.

²⁾ Ibidem.

лались жертвою хитраго и наглаго обмана и отреклись отъ Христа, сами того не зная, произвело на нихъ самое потрясающее впечатлѣніе. Они немедленно же въ ужасѣ выскочили изъ-за стола и огласили воздухъ громкими рыданіями, со слезами на глазахъ призывая Бога и людей въ свидѣтели, что они согрѣшили по одному невѣдѣнію, что только одна рука, а не сердце ихъ совершила языческое жертвоприношеніе. Вслѣдъ за тѣмъ среди громкихъ воплей они побѣжали къ императорскому дворцу, бросили полученное ими золото къ ногамъ Юліана и требовали себѣ наказанія: Юліанъ не замедлилъ произнести надъ ними смертный приговоръ, стараясь оправдать его строгость тѣмъ, что наказываетъ ихъ не за религіозныя убѣжденія, а просто какъ возмутителей противъ правительства. Но необычайное мужество мучениковъ, твердо рѣшившихся пожертвовать своею жизнію за Христа, побудило его замѣнить смертный приговоръ ссылкой въ отдаленныя провинціи имперіи ¹⁾.

Намѣреніе Юліана обращать къ язычеству войско встрѣтило сильное сопротивленіе среди многихъ христіанскихъ военачальниковъ, которые рѣшились лучше пожертвовать за вѣру своими мѣстами, нежели подвергнуться хитрому обольщенію. Между ними своею твердостью въ вѣрѣ пріобрѣли особенную извѣстность Іоавіанъ, Валентиніанъ и Валентъ, главные начальники императорской стражи тѣлохранителей, бывшіе впослѣдствіи времени преемниками Юліана на императорскомъ тронѣ ²⁾. За непоколебимость своихъ религіозныхъ убѣжденій они были лишены своихъ должностей и отправлены въ ссылку въ дальнія области имперіи. Одинъ Іо-

¹⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 137—139. Сравни. Созом. Ц. И. V, 17, стр. 347. Θεод. Ц. И. III, 16, 17.

²⁾ Сокр. Ц. И. III, 13.

віанъ, благодаря своимъ особеннымъ заслугамъ, былъ въ скоромъ времени возстановленъ въ своей должности и сопровождалъ императора въ персидскомъ походѣ. Валентиніанъ навлекъ на себя негодованіе Юліана по слѣдующему поводу. Въ качествѣ главнаго начальника стражи тѣлохранителей онъ однажды сопровождалъ императора въ храмъ Фортуны въ Константинополѣ. При входѣ въ капище языческій жрецъ окропилъ его платье священной водою, которою обыкновенно окроплялись всѣ входящіе въ ограду святилища для ихъ очищенія. Въ пылу благочестивой ревности Валентиніанъ, не смотря на присутствіе императора, ударилъ жреца и упрекнулъ его за то, что онъ вмѣсто очищенія только осквернилъ его ¹⁾).

Вѣрующіе старались также по мѣрѣ возможности ослабить вредныя дѣйствія распоряженій Юліана, отдававшихъ все воспитаніе юношества исключительно въ руки языческихъ наставниковъ и лишавшихъ такимъ образомъ христіанскихъ юношей средствъ получать научно-классическое образованіе въ духѣ ихъ религіи. Особенно пріобрѣли себѣ извѣстность на этомъ поприщѣ Аполлинарій старшій, пресвитеръ города Лаодикіи въ Сиріи, и сынъ его Аполлинарій младшій, бывшій впослѣдствіи времени епископомъ лаодикійскимъ и основателемъ извѣстной, названной по его имени, ереси. Они составили множество сочиненій, назначенныхъ къ тому, чтобы замѣнить для христіанскихъ юношей сочиненія классическихъ писателей, которыя они не могли уже болѣе изучать подъ руководствомъ собственныхъ наставниковъ. По свидѣтельству Сократа ²⁾), Аполлинарій старшій переложилъ въ стихи такъ называемымъ героическимъ мет-

¹⁾ Теофор. Ц. И. III, 16. Сокр. Ц. И. III, 13.

²⁾ Сокр. Ц. И. III, 16.

ромъ Пятокиижіе Моисея, а по Созомену¹⁾, всю ветхозавѣтную исторію до временъ Саула. Все произведеніе раздѣлялось на 24 части, изъ которыхъ каждая была обозначена особою буквою греческаго алфавита. Заимствуя матеріалъ для своихъ литературныхъ произведеній главнымъ образомъ изъ свящ. Писанія и преданія, Аполлинарій во внѣшней формѣ ихъ старался подражать пѣснямъ Гомера, комедіямъ Менандра, трагедіямъ Еврипида и гимнамъ Пиндара²⁾. Въ то же время онъ старался дать христіанскому юношеству произведенія къ прозаической формѣ и въ этихъ видахъ изложилъ Дѣянія и апостольскія посланія на манеръ діалоговъ Платона³⁾. По словамъ Созомена, литературныя произведенія Аполлинарія, составленныя имъ въ подражаніе и по образу классическихъ твореній языческихъ писателей, не только не уступали по своему достоинству послѣднимъ, но даже значительно превосходили ихъ. «Заимствуя изъ божественныхъ писаній предметы для всего такъ называемаго круга наукъ, говоритъ этотъ историкъ, Аполлинарій въ короткое время произвелъ равночисленные и равносильные образцы по роду, выраженію, характеру и плану, похожіе на знаменитыя творенія эллиновъ. Если бы люди не увлекались древностію и не предпочитали того, къ чему они привыкли, труды Аполлинарія изучали бы наравнѣ съ древними и тѣмъ болѣе дивились бы дарованіямъ этого мужа, что каждый изъ древнихъ писателей зани-

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 16, стр. 288.

²⁾ Сокр. Ц. И. III, 16, стр. 288.

³⁾ Изъ произведеній обоихъ Аполлинаріевъ до нашего времени сохранились слѣдующія: 1) *Metaphrasis psalmorum*, напеч. въ прибавленіи къ библіотекѣ отцевъ. Отдѣльное изданіе его греч. текста было напечатано въ Парижѣ. въ 1580 г.; 2) Трагедія *Christus patiens*, обыкновенно приписываемая св. Григорію Богослову и помѣщаемая въ изданіи его сочиненій; наконецъ, нѣсколько отрывковъ, помѣщенныхъ in *catenis Patrum*, in *Job*, in *Psalms*, in *Matthaeum*, *Lucam* и проч. Jull. Cave, Vol. I, pag. 176 и 203.

мался однимъ родомъ твореній, а онъ обнялъ всѣ и въ своихъ сочиненіяхъ, сколько требовала нужда, отпечатлѣлъ достоинства каждаго¹⁾).

Во время извѣстнаго уже намъ пребыванія Юліана въ Антиохіи христіанское общество особенно открыто и рѣшительно выразило протестъ противъ хитрой и коварной политики императора. Мы уже знаемъ, что, живя въ Антиохіи, Юліанъ съ большимъ усердіемъ занимался возстановленіемъ кастальскаго источника и оракула Дафнійскаго Аполлона. Но оракуль упорно молчалъ и на всѣ вопросы императора, дѣлаемые по поводу предстоящаго похода въ Персію, не давалъ рѣшительно никакого отвѣта. По объясненію жрецовъ, упорное молчаніе Аполлона происходило вслѣдствіе близкаго сосѣдства христіанскихъ мертвецовъ, погребенныхъ возлѣ его храма²⁾. Юліанъ объяснилъ такой отвѣтъ примѣнительно къ мощамъ священномученика Вавилы, которыя, какъ мы уже знаемъ, были перенесены Цезаремъ Галломъ въ Дафну и положены тамъ въ христіанскую церковь, и немедленно же приказалъ вѣрующимъ удалить ихъ обратно на прежнее ихъ мѣсто въ городѣ. Тогда христіане въ торжественной процессіи, въ которой приняли участіе множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей, явившихся не только изъ Антиохіи, но и изъ всѣхъ окрестныхъ селеній, понесли мощи святителя въ городъ, отстоящій отъ предмѣстья на сорокъ стадій, оглашая воздухъ громкимъ пѣніемъ псалмовъ, изображавшихъ суетность идолослуженія и величіе истиннаго Бога³⁾. Такою смѣлою ма-

¹⁾ Созом. Ц. И. V, 18, стр. 356 — 357. Сравни. Сокр. Ц. И. III, 11, стр. 288.

²⁾ Аммианъ Марцеллинъ видитъ ближайшій поводъ къ удаленію мертвецовъ въ желаніи Юліана совершить очистительный обрядъ по примѣру аеигдѣй, поступившихъ такимъ же точно образомъ на островѣ Делосѣ....
ac statim circumhumata corpora statuit exinde transferri eo ritu, quo Athenienses insulam purgaverant Delon. Amm. Marcell. XXII, 12.

³⁾ Ис. 96, 7. Созом. Ц. И. V, 19.

нифестаціею антїохійскіе христїане открыто заявили своему языческому императору негодованіе и протестъ противъ оскорбленія своей святыни. Видя себя вмѣстѣ съ богами жестоко осмѣяннымъ, Юліанъ не выдержалъ своего философскаго спокойствія, какое онъ обыкновенно умѣлъ сохранять въ другихъ подобныхъ случаяхъ, отдалъ приказъ антїохійскому префекту Саллюстію отыскать зачинщиковъ манифестаціи и подвергнуть ихъ строгому наказанію. Послѣдній, хотя и былъ язычникомъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, однако, будучи противникомъ употребленія жестокихъ и насильственныхъ средствъ противъ христїанъ, какъ недостигавшихъ своей цѣли, съ большою неохотою исполнилъ возложенное на него порученіе. Правда, онъ приказалъ заключить въ тюрьму многихъ изъ вѣрующихъ, но только противъ одного юноши, по имени Θεодора, употребилъ пытки. Θεодоръ остался непоколебимымъ и при всѣхъ ужасныхъ мученіяхъ которыми былъ подвергнутъ, повторялъ псалмы, которые за нѣсколько времени предъ тѣмъ пѣлъ вмѣстѣ съ прочими вѣрующими, участвовавшими въ процессіи¹⁾. Пораженный необычайнымъ мужествомъ юноши и притомъ убѣжденный въ бесполезности мученій христїанъ для язычества, Саллюстій сдѣлалъ настойчивыя представленія Юліану въ пользу освобожденія вѣрующихъ, заключенныхъ въ тюрьму за участіе въ манифестаціи, и требовалъ прекращенія начатаго судебного преслѣдованія. Императоръ, наконецъ, счелъ доводы его уважительными и приказалъ всѣхъ отпустить на свободу²⁾.

Послѣ того Юліанъ думалъ найти себѣ утѣшеніе и успокоить себя отъ оскорбленій, нанесенныхъ ему вѣ-

¹⁾ Rufin. H. E. II, 38.

²⁾ Созом. Ц. И. V, 20, стр. 363 — 364.

рующими, совершеніемъ великолѣпнаго праздника въ честь Аполлона по случаю возобновленія храма этого божества въ Дафнѣ. Но и этому желанію его не суждено было исполниться. Наканунѣ того дня, въ который Юліанъ намѣревался съ величайшею торжественностію отправлять праздникъ, 22 октября 362 года, великолѣпный храмъ погибъ въ пламени. Статуя Аполлона была уничтожена огнемъ и отъ величественнаго зданія ничего не осталось, кромѣ голыхъ стѣнъ и развалинъ. Причина пожара осталась въ точности неизвѣстна. По мнѣнію антиохійскихъ христіанъ храмъ былъ уничтоженъ небеснымъ огнемъ въ наказаніе Юліана за поруганіе мощей священномученика Вавилы. Амміанъ Марцеллинъ полагаетъ, что величественное зданіе Аполлонова храма сгорѣло вслѣдствіе неосторожности философа Асклепіада, явившагося въ Антиохію для свиданія съ императоромъ ¹⁾. Въ ночь, предшествовавшую пожару, Асклепіадъ оставилъ предъ изваяніемъ Аполлона съ зажженною свѣчею небольшую статую Венеры Ураніи (*Dea coelestis*), которую имѣлъ обыкновеніе всегда по-

¹⁾ *Amm. Marcell. XXII, 13.... Eodem tempore die XI calend. Novembrium amplissimum Daphnaei Apollinis fanum, quod Epiphanes Antiochus rex ille condidit iracundus et saevus, et simulacrum in eo Olympiaci Jovis imitamenti aequiparans magnitudinem, subita vi flammarum exustum est. Quo tam atroci casu repente consumpto, ad id usque imperatorem ita provexit, ut quaestiones agitari juberet solito acriores, et majorem ecclesiam Antiochiae claudi. Suspiciabatur enim, id christianos egisse stimulatos invidia, quod idem templum inviti videbant ambitioso circumdari peristylis. Ferebatur autem licet rumore levissimo, hac ex causa conflagrasse delubrum, quod Asclepiades philosophus, cujus in actibus Magnentii meminimus, cum visendi gratia Juliani peregre ad id suburbanum venisset, deae Coelestis argenteum, breve figmentum, quocumque ibat, secum solutus efferre, ante pedes statuit simulacri sublimes, accensisque cereis ex usu cessit: unde medietate noctis emensa, cum nec adesse quisquam potuit nec juvare, volitantes scintillae adhaesere materiis vetustissimis, ignesque aridis nutrimentis erecti, omne, quidquid contingi potuit, licet ardua discretum celsitudine, concremarunt.*

сить съ собою во всѣхъ своихъ путешествіяхъ. Но самъ императоръ приписывалъ истребленіе величественнаго зданія Аполлонова храма умышленному поджогу антиохійскихъ христіанъ¹⁾ и потому назначилъ особую слѣдственную комиссію для отысканія виновныхъ подъ предсѣдательствомъ своего дяди, Юліана. Хотя судебное изслѣдованіе не доставило рѣшительно никакихъ данныхъ къ обвиненію антиохійскихъ христіанъ, тѣмъ не менѣе подозрительность къ нимъ Юліана не была удовлетворена и онъ не замедлилъ обвинить антиохійскій сенатъ въ недостаточности мѣръ, принятыхъ имъ къ отысканію виновныхъ²⁾. При такомъ положеніи дѣлъ христіанское населеніе Антиохіи имѣло справедливое основаніе ожидать отъ императора всевозможныхъ насилій и жестокостей. Опасенія эти не замедлили исполниться въ самомъ непродолжительномъ времени. По приказанію императора, его дядя Юліанъ вмѣстѣ съ двумя придворными чиновниками, Феликсомъ и Елпидіемъ, заперли великую антиохійскую церковь³⁾, а все ея имущество отписали въ государственную казну, при чемъ исполнители императорской воли позволяли себѣ не мало самыхъ злыхъ и кощунственныхъ насильствъ надъ христіанскими святынями⁴⁾. При этомъ случаѣ одинъ изъ пресвитеровъ, по имени Θεодоритъ, старавшійся спасти отъ расхищенія сосуды и другія принадлежности бого-

1) Julian. Misopog. p. 361. Amm. Marcell. XXII, 13.

2) Julian. Misopog. p. 361.

3) Θεод. Ц. И. III, 20, стр. 211. Amm. Marcell. XXII, 13.... Quo tam atroci casu repente consumpto, ad id usque imperatorem ira provexit, ut quaestiones agitari juberet solito acriores, et majorem Ecclesiam Antiochiae claudi.

4) Θεοδ. Ц. И. III, 12. «Посмотри, какими сосудами пользовался Сынъ Маріи!» говорилъ между прочимъ Юліанъ Феликсу, указывая на золотые и серебряные сосуды, подаренные въ церковь императорами Константиномъ Великимъ и Констанціемъ.

служенія, былъ преданъ жесточайшимъ пыткамъ и въ заключеніе обезглавленъ ¹⁾).

Необычайная твердость мученика произвела потрясающее впечатлѣніе на дядю императора, и онъ вслѣдствіе этого внезапно былъ пораженъ смертельною болѣзнію, въ которой всѣ видѣли кару Божию за святотатственное расхищеніе церковныхъ сокровищъ ²⁾). Но этимъ насилія Юліана надъ антiохійскими христіанами еще не кончились. По приказанію его, языческій алтарь былъ поставленъ при истокѣ ручья, протекавшаго по улицамъ города и снабжавшаго водою его населеніе, а всѣ съѣстные припасы, продаваемые на рынкѣ, окропляемы идоложертвенною кровію. Въ тоже время Юліанъ старался побуждать многихъ антiохійскихъ вѣрующихъ къ отступничеству силою убѣжденія. Исторія сохранила намъ имена трехъ мучениковъ, которые, не смотря на всѣ хитрыя и коварныя увѣщанія Юліана, остались твердыми въ вѣрѣ и запечатлѣли чистоту своихъ религіозныхъ убѣжденій смертію. Это были два антiохійскихъ пресвитера — Евгеній и Макарій и префектъ Египта Артемій. Первые изъ нихъ съ замѣчательнымъ искусствомъ опровергли всѣ діалектическіе доводы Юліана, направленные въ защиту язычества, и мужественно отстаивали правоту своихъ христіанскихъ вѣрованій. Раздраженный ихъ необычайною стойкостію и мужествомъ, Юліанъ подвергнулъ обоихъ пресвитеровъ жестокому бичеванію и затѣмъ отправилъ ихъ въ заточеніе въ одно пустынное мѣстечко въ Аравіи, гдѣ они не замедлили погибнуть отъ испытанныхъ ими страшныхъ лишеній ³⁾). Св. Артемій возбудилъ противъ себя сильную ненависть въ Юліанѣ благодаря своей ревно-

¹⁾ Philostorg. Н. Е. VII, 12. Θεοδωρ. Ц. И. III, 13, стр. 212.

²⁾ Θεοδωρ. Ц. И. III, 13, стр. 212. Philostorg. Н. Е. VII, 12.

³⁾ Дамаск. сказаніе о св. мученикѣ Артеміѣ гл. 25 — 34; 38 — 39.

сти къ дѣлу церкви разрушеніемъ языческихъ идоловъ въ царствованіе императора Констанція¹⁾ и открытымъ протестомъ противъ насилій, совершаемыхъ надъ вѣрующими фанатичною народною толпою. Юліанъ истощилъ всѣ средства убѣжденія, чтобы поколебать твердость его въ вѣрѣ и убѣдить къ отпаденію отъ христіанства и, наконецъ, потерявъ всякую надежду, осудилъ его на мученическую смерть²⁾. Въ сильномъ гнѣвѣ и раздраженіи на христіанское населеніе Антіохіи императоръ старался выместить свою злобу также на вѣрующихъ, живущихъ въ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ этимъ городомъ. Такъ онъ писалъ къ префекту Каріи, чтобы тотъ сжегъ и разрушилъ христіанскія церкви, находившіяся въ этой мѣстности и построенныя на гробницахъ мучениковъ³⁾, а въ своемъ посланіи, обращенномъ къ жителямъ Сиріи, съ особенною похвалою отзывался о тѣхъ изъ нихъ, которые по первому его приказанію устремились на христіанскіе храмы и разрушили ихъ⁴⁾. При этомъ случаѣ онъ самъ сознавался, что въ своихъ дѣйствіяхъ противъ враговъ боговъ зашелъ гораздо далѣе, нежели желалъ⁵⁾. Местъ Юліана къ антiохійскимъ христіанамъ однако не была удовлетворена и всѣми этими насильственными дѣйствіями. Отправляясь въ походъ противъ персовъ, онъ назначилъ начальникомъ надъ судебною частью въ Сиріи одного изъ своихъ придворныхъ чиновниковъ, по имени Александра, человѣка въ высшей степени суроваго, несправедливаго и склоннаго ко всякимъ жестокостямъ. По признанію самого Юліана, Александръ былъ недостойнъ занятія такого важнаго

¹⁾ Amm. Marcell. XXII, 11.... Tunc et Artemius ex Duce Aegypti, Alexandrinis urgentibus atrocium criminum mole supplicio capitali multatus est. Сравни. Θεοδ. Ц. И. III, 18.

²⁾ Дамаскинъ, сказаніе о св. Артеміѣ, гл. 40—50; 58—67.

³⁾ Созом. Ц. И. V, 20, стр. 361.

⁴⁾ Julian. Misopog. p. 361.

⁵⁾ Ibidem.

поста въ государственномъ судопроизводствѣ, но упорные антiохійцы достойны были такого судьи³⁾. Зная истинный образъ мыслей своего государя, Александръ не мало употреблялъ недостойныхъ и насильственныхъ средствъ для того, чтобы склонить христiанское населенiе Антiохiи къ переходу въ язычество. Насилiя и жестокости, совершаемыя имъ при этомъ случаѣ, были настолько возмутительны, что возбуждали справедливое негодованiе даже лучшихъ представителей современнаго Юлиану языческаго общества. Такъ по поводу этихъ жестокостей дѣлалъ ему энергическiя представленiя жившiй въ то время въ Антiохiи софистъ Ливанiй¹⁾.

Всѣ такiя насилiя и жестокости надъ христiанскимъ населенiемъ Антiохiи и ея окрестностей возбуждали въ антiохiйскомъ народѣ сильнѣйшее негодованiе противъ императора. Юлианъ нигдѣ не находилъ свободнаго угла, гдѣ бы открыто не слышались обличительныя рѣчи, направленныя противъ его личности, и не раздавались гимны, воспѣвавшiе суетность идолослуженiя. Особенно отличалась своими энергическими обличенiями одна престарѣлая женщина, по имени Публiя, въ завѣдыванiи которой находились антiохiйскiя діакониссы. Всякiй разъ, когда императоръ проходилъ мимо ея жилища, она вмѣстѣ съ другими діакониссами громко воспѣвала псалмы, прославляющiе величiе и славу христiанскаго Бога и вмѣстѣ съ тѣмъ обличавшiе суетность идолопоклонства²⁾. Самые общеупотребительныя христiанскiе обряды, въ родѣ погребенiя умершихъ, совершаемые при соблюденiи извѣстной торжественности, стали служить

³⁾ Amm. Marcell. XXIII, 2.... Ipse autem Antiochiam egretus, Helipoliten quemdam Alexandrum Syriacae jurisdictioni praecepit, turbulentum et saevum, dicebatque, non illum meruisse; sed Antiochensibus avaris et contumeliosis huiusmodi iudicem convenire.

¹⁾ Liban. Epits. 1057.

²⁾ Псал. LXXII, 1; CXIII, 16.

теперь антiохійскимъ вѣрующимъ удобнымъ предметомъ для того, чтобы выставить на видъ императору свою необычайную ревность къ вѣрѣ. Дѣло дошло до того, что Юліанъ особымъ эдиктомъ воспретилъ антiохійскимъ христіанамъ совершеніе погребенія своихъ умершихъ днемъ съ соблюденіемъ извѣстной торжественности¹⁾. По поводу приказанія Юліана окроплять идоложертвенною кровію всѣ сѣстные припасы на рынкахъ, два воина изъ арміи его громко жаловались среди своихъ товарищей, что императоръ принуждаетъ ихъ насильно вкушать идоложертвенное и громко осуждали за притѣсненія, дѣлаемая въ этомъ случаѣ. «Будучи воспитаны въ благочестіи, государь, и повинуюсь всехвальнымъ христіанскимъ законамъ, даннымъ Константиномъ и его дѣтьми, говорили они, мы сѣтуемъ нынѣ, когда видимъ, что все осквернено, что всякая пища и всякое питье заражены ненавистными веществами идоложертвенными. И дома мы плакали объ этомъ, и теперь рыдаемъ въ твоёмъ присутствіи. Подлинно, изъ царскихъ твоихъ дѣлъ это одно невыносимо!»²⁾. Юліанъ пришелъ въ сильный гнѣвъ отъ такого энергическаго обличенія и немедленно же приказалъ предать обоихъ христіанъ ужаснѣйшимъ мукамъ, среди которыхъ они и испустили свой духъ. Опасаясь, какъ бы они не пріобрѣли среди своихъ единовѣрцевъ славу мучениковъ, онъ постарался разгласить, что тотъ и другой воинъ наказаны такъ жестоко не за свои религіозныя убѣжденія, а за оскорбленіе особы императора.

При такихъ обстоятельствахъ Юліанъ долженъ былъ бы, казалось, скоро убѣдиться въ томъ, что всѣ его мѣры къ ослабленію христіанства, не смотря на всю

¹⁾ Cod. Theod. I. IX, t. 17, l. 5. Quis enim dies est bene auspicatus a funere, aut quomodo ad deos et templa venietur?..

²⁾ Θεοδορ. Ц. И. III, стр. 216—217.

ихъ хитрость и коварство, далеко не достигаютъ своей цѣли и, напротивъ, еще приводятъ къ противоположнымъ результатамъ. Но онъ былъ слишкомъ ослѣпленъ и слишкомъ упрямъ въ своихъ стремленіяхъ, чтобы остановиться предъ такою неудачею. Видя, что всѣ до сихъ поръ употребленныя средства противъ христіанства только еще въ большей степени возбуждаютъ реакцію со стороны послѣдняго, онъ началъ склоняться къ употребленію для ослабленія церкви другихъ болѣе крутыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, отъ которыхъ доселѣ старался воздерживаться, задумалъ открыть противъ вѣрующихъ кровавое гоненіе, подобное гоненіямъ своихъ предшественниковъ на императорскомъ тронѣ — Декія и Діоклетіана. Обстоятельства времени пока не особенно благоприятствовали немедленному приведенію въ исполненіе такого умысла. Политическое положеніе императора во время пребыванія его въ Антиохіи казалось сильно поколебленнымъ, благодаря открытому разладу, происшедшему между нимъ и языческимъ обществомъ и вслѣдствіе столкновенія его съ христіанскими подданными. Видя свой авторитетъ значительно подорваннымъ, онъ рѣшился отложить задуманное открытое, кровавое гоненіе на церковь до своего возвращенія изъ предстоящаго похода на Персію, отъ котораго ожидалъ для себя весьма богатыхъ результатовъ. Въ случаѣ благополучнаго возвращенія изъ этого похода съ побѣдою онъ могъ снова возстановить свой авторитетъ, найти крѣпкую опору въ войскѣ и приступить снова къ осуществленію своихъ плановъ противъ христіанской церкви съ полною увѣренностію и силою, нисколько не опасаясь противодѣйствія христіанъ. Обстоятельства не замедлили однако показать въ самомъ непродолжительномъ времени, какъ далеки были мечты Юліана отъ своего исполненія.

Литературная полемика Юліана противъ христіанства въ связи съ изслѣдованіемъ сохранившихся до нашего времени его сочиненій.

По своимъ блестящимъ природнымъ дарованіямъ, основательному классическому образованію, обширному знакомству съ древней литературой, философіей и св. Писаніемъ, Юліанъ безспорно принадлежалъ къ числу образованныхъ людей своего времени и былъ однимъ изъ плодovitыхъ писателей своей эпохи. Онъ писалъ очень много, притомъ чрезвычайно быстро и легко, не смотря на лежавшее на немъ бремя государственныхъ заботъ и другія занятія, отвлекавшія его отъ литературной дѣятельности. По собственному признанію императора, онъ въ теченіе одной ночи составлялъ иногда цѣлыя рѣчи, весьма обширныя по своему объему и разнообразныя по своему содержанію ¹⁾. Литературныя произведенія Юліана, писанныя при различныхъ случаяхъ и по различнымъ побужденіямъ, отличающіяся весьма разнообразнымъ содержаніемъ, не всѣ имѣютъ прямое отношеніе къ его борьбѣ противъ христіанства. Но чтобы получить вѣрное и отчетливое представленіе объ этомъ императорѣ, какъ литературномъ противникѣ

¹⁾ Julian. Orat. V in deorum matrem, p. 179. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 260. Напр. рѣчь къ матеря боговъ—Цибелѣ и противъ невѣжественныхъ циниковъ (Julian. imp. Opera omnia, ed. Spanheim, p. 158—204).

вѣрующихъ, необходимо внимательно разсмотрѣть всѣ его сочиненія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ излагаетъ свои завѣтные планы въ дѣлѣ возстановленія политеизма и борьбы противъ христіанства, и если не прямо, то косвенно нерѣдко дѣлаетъ нападенія на ненавистную въ глазахъ его религію.

Сохранившіяся до нашего времени сочиненія Юліана весьма удобно могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе восемь отдѣловъ: 1) панегирики; 2) сочиненія мистико-теологическаго характера; 3) сочиненія философскія; 4) апологію къ сенату и народу аѳинскому; 5) сатирическія произведенія; 6) полемико-религіозное сочиненіе противъ христіанъ; 7) письма; наконецъ 8) поэтическіе отрывки.

Первое полное изданіе греческаго текста сочиненій Юліана съ латинскимъ переводомъ и комментаріями въ первый разъ было напечатано Петромъ Мартини и Карломъ Кантоклярусомъ въ Парижѣ въ 1577 и 1583 годахъ. Второе полное изданіе тѣхъ же сочиненій вышло въ 1630 году въ Парижѣ подъ редакціей Діонисія Петавія, который обратилъ особенное вниманіе на критику текста и очищеніе его отъ множества неточностей и искаженій. Третье полное изданіе всѣхъ литературныхъ произведеній Юліана принадлежитъ Езекиілю Спангейму и вышло въ Лейпцигѣ въ 1696 г. Въ основу его положенъ текстъ Петавія съ указаніями варіацій, встрѣчавшихся въ извѣстныхъ въ то время рукописяхъ. Многія изъ сочиненій Юліана въ разное время были переведены на нѣмецкій, французскій, англійскій, даже на испанскій языки. Особенно замѣчательное явленіе въ этомъ случаѣ представляетъ Германія, гдѣ не мало ученыхъ посвящали и посвящаютъ свои труды внимательному изученію текста литературныхъ произведеній императора и очи-

щенію его отъ примѣсей и искаженій. Мало того, въ германскихъ школахъ нѣкоторыя изъ сочиненій Юліана, напр. его «Цезари» и «Мисопогонъ», служатъ предметомъ изученія съ классическими авторами. Не мало также вниманія на изученіе ихъ обращаютъ англичане и французы, доказательствомъ чего служатъ два перевода ихъ, сдѣланные въ послѣднее время Турлетомъ и Тальботомъ¹⁾. Кромѣ указанныхъ общихъ изданій всѣхъ литературныхъ произведеній Юліана существуетъ еще не мало специальныхъ изданій каждаго изъ нихъ особо, которыя будутъ указаны впослѣдствіи.

1) Панегирики.

Первое мѣсто между сочиненіями Юліана въ изданіи Спангейма занимаютъ три его панегирика²⁾, изъ которыхъ два первые написаны въ честь Констанція, а послѣдній прославляетъ добродѣтели Евсевія, супруги императора, покровительницы и защитницы Юліана³⁾. При самомъ бѣгломъ и поверхностномъ знакомствѣ съ этими панегириками нельзя не замѣтить въ ихъ авторѣ даровитаго ученика Ливавія, въ совершенствѣ усвоившаго всѣ риторическіе приемы, выработанные со временъ Аристотеля

1) Tourlet, Oeuvres complètes de l'empereur Julien, traduites pour la première fois du grec en français, accompagnées d'arguments et de notes, et précédées d'un abrégé historique et critique de sa vie, par. R. Tourlet, membre de plusieurs académies et sociétés savantes. Paris 1821 г. Talbot, Oeuvres de l'Empereur Julien. Paris 1863.

2) Julian. imper. opera omnia, ed. Ezech. Spanheimi Lipsiae 1696 г. p. 1—130. Dan Petav. Ἰουλιανου Αὐτοκράτορος λόγοι γ. Juliani imp. orationes III panegyricae, ab eo, quum adhuc Christianus eset, scriptae. Paris 1614 г. Dan Wittenbach et S. H. Schoepfes, Juliani imperatoris in Constantii laudem oratio, graece et latinae cum animadversionibus Dan Wittenbachii. Lipsiae. 1802.

3) Amm. Marcell. XV, 8, 17.

до Теона, Автонія и Менадра). Вниманіе читателя здѣсь постоянно приковывается натянутыми антитезами, равномернымъ построеніемъ фразъ и симметричнымъ расположеніемъ періодовъ. Замѣчательные ораторскіе таланты Юліана хвалитъ Ливаній³⁾, а Сократъ утверждаетъ даже, что онъ былъ единственнымъ изъ императоровъ, который со временъ Юлія Цезаря произносилъ рѣчи свои предъ сенатомъ⁴⁾. Но такое мнѣніе едва ли справедливо, такъ какъ извѣстно, что всѣ предшественники Нерона и многіе изъ его преемниковъ владѣли ораторскими талантами и произносили рѣчи въ сенатѣ.

Первый панегирикъ Юліана, обращенный къ императору Констанцію (Ἐυχώμιον πρὸς τὸν Αὐτοκράτορα Κωνσταντίον λόγος α, — In Constantii imperatoris laudem, oratio I)⁴⁾, по своему характеру принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые у грековъ были извѣстны подъ именемъ βασιλικοὶ λόγοι и, судя по содержанію, былъ говоренъ предъ императоромъ въ 355 году въ Миланѣ по случаю назначенія оратора цезаремъ Галліи и женитьбы его на сестрѣ Констанція⁵⁾. Во вступленіи его Юліанъ указываетъ на трудность составленія похвальныхъ рѣчей и объясняетъ, что конечною цѣлію ихъ должно быть прославленіе добродѣтелей тѣхъ лицъ, къ которымъ онѣ обращены. Далѣе онъ описываетъ славныя дѣянія предковъ Констанція, начиная съ Клавдія II, побѣдителя готовъ, особенно долго останавливается на личности Константина Великаго, подробно описываетъ его счастливыя войны съ внутренними и внѣшними врагами и выражаетъ мысль, что этотъ государь за благодѣянія, оказанныя имъ своимъ

1) Talbot. Oeuvres completes de l'empereur Julien, Paris 1863 г. p. 12.

2) Liban. Orat. Parent. p. 300, 301.

3) Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 260.

4) p. 1 -49, ed. Spanheim.

5) Amm. Marcell. XV, 18; XVII, 18.

подданнымъ, заслуживаетъ божескихъ почестей. Кромѣ возвышенія Византіи на степень столицы имперіи и украшенія этого города, ораторъ ставитъ въ особую заслугу Константину его заботливость о благосостояніи Аѳинъ и сообщаетъ при этомъ случаѣ не мало такихъ фактовъ, которые нисколько не заставляютъ сомнѣваться, что составленіе настоящей похвальной рѣчи произошло спустя немного времени по возвращеніи Юліана изъ этого города въ Миланъ. Переходя къ личности самого Констанція, Юліанъ прославляетъ его доблести въ контрастъ съ доблестями Константина Великаго, находитъ его болѣе благосклоннымъ къ своимъ подданнымъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ стоящимъ гораздо выше своего отца. При этомъ случаѣ нельзя не замѣтить за-таенной злобы Юліана къ своему дядѣ, который казался ему особенно ненавистнымъ объявленіемъ христіанства господствующею религіею въ римской имперіи. При описаніи восшествія Констанція на императорскій престолъ, ораторъ еще разъ находитъ случай высказать тайное отвращеніе къ памяти Константина ироническимъ замѣчаніемъ, что Божество даровало ему блаженный конецъ, намекая этимъ на таинство св. крещенія, совершенное надъ нимъ, какъ извѣстно, незадолго предъ смертью. Описывая походы Констанція противъ внѣшнихъ враговъ, ораторъ нескрываетъ неудачъ, которыя потерпѣлъ императоръ въ борьбѣ съ ними, взамѣнъ чего особенно подробно и обстоятельно прославляетъ его подвиги въ войнѣ съ нарушителями спокойствія внутри государства — Магненціемъ и Ветраніономъ.

Второй панегирикъ Юліана, обращенный къ императору Констанцію (*Ἰουλιάνου περὶ τῶν τοῦ Αὐτοκράτορος πράξεων λόγος β.* — *Juliani imp. de Constantii imperatoris rebus gestis, oratio II*) ¹⁾, излагаетъ тотъ же самый предметъ.

¹⁾ p. 49—102, ed. Spanheim.

какъ и первый, и представляетъ собою не болѣе какъ только его переработку, очевиднымъ доказательствомъ чего служатъ часто встрѣчающіяся здѣсь повторенія. Въ разсматриваемомъ панегирикѣ ораторъ ведетъ рѣчь въ тѣсномъ соотношеніи съ мѣстами Гомеровою Илиады, дѣлая при этомъ случаѣ весьма меткія сближенія и сопоставленія съ современными ему обстоятельствами. Подвиги и добродѣтели Констанція изображаются здѣсь съ гораздо большими подробностями, нежели въ предшествовавшемъ панегирикѣ, что показываетъ въ авторѣ весьма опытнаго человѣка, пережившаго и перечувствовавшего тѣ явленія, о которыхъ онъ ведетъ рѣчь. Хотя въ разсматриваемомъ панегирикѣ два раза встрѣчаются обращенія оратора къ Констанцію, при всемъ томъ съ большою вѣроятностію можно полагать, что онъ не былъ говоренъ въ присутствіи императора, но служилъ только дополненіемъ и продолженіемъ перваго панегирика, такъ какъ послѣ пребыванія своего въ Миланѣ въ 355 г. Юліанъ не видѣлъ болѣе своего двоюроднаго брата. Время составленія разсматриваемаго панегирика со всею вѣроятностію можно отнести къ веснѣ 357 года. Во всякомъ случаѣ онъ не могъ быть написанъ ранѣе 356 года, такъ какъ ораторъ въ немъ утверждаетъ, что видѣлъ Рейнъ и знаетъ германцевъ по личнымъ своимъ впечатлѣніямъ, а не только по слухамъ¹⁾. Наконецъ, фраза: ὅρων σε ἡμῖν ἰδίᾳ τιμᾶσθαι, καὶ γέρα ἄλλα ἐπ' ἄλλοις παρὰσχεύοντα²⁾ даетъ право намъ относить составленіе разсматриваемой рѣчи къ тому времени, когда Юліанъ принялъ главное начальство надъ войсками, расположенными въ Галліи, что случилось не ранѣе конца зимы 357 г. Есть

¹⁾ Julian. Orat. II, de Constantii rebus gestis p. 56: οὐκ ἀκοῇ μόνῃ ἀλλ' αὐτῇ περὶ τοῦτο ἐκμαθὼν οἶδα.

²⁾ Julian Orat. II, de Constantii rebus gestis, p. 50.

также нѣкоторыя основанія думать, что разсматриваемый панегирикъ былъ написанъ въ Константинополѣ и преданъ гласности съ цѣлію оправдать образъ дѣйствій его автора къ своему предшественнику, примирить приверженцевъ умершаго императора съ его преемникомъ и перенести на него тѣже самыя симпатіи, которыя они оказывали Констанцію. Справедливость высказаннаго предположенія подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть разсматриваемаго панегирика посвящена изложенію правительственныхъ правилъ, представляющихъ собою нѣчто въ родѣ политической программы, которой намѣренъ былъ слѣдовать новый императоръ въ дѣлахъ государственнаго управленія.

Въ историческомъ отношеніи оба первые панегирика Юліана къ императору Констанцію заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны изслѣдователя, такъ какъ проливаютъ не мало свѣта на многія событія того времени. Историкъ и археологъ могутъ найти здѣсь не мало весьма важныхъ матеріаловъ, которыхъ они не встрѣтятъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Особенно разсказъ оратора о сраженіи при Мурсѣ¹⁾, защитѣ Низибиса²⁾ и взятіи Аквилеи³⁾ представляетъ собою много интересныхъ подробностей, весьма важныхъ при изученіи древней поліоркетики.

Между тѣмъ какъ оба первые панегирики Юліана къ императору Констанцію съ внѣшней стороны отличаются крайнею натянутостію и напыщенностію въ выраженіяхъ и содержащіяся въ нихъ похвалы высказываются не искренно и противъ убѣжденія, похвальная рѣчь его,

¹⁾ Ibidem, p. 58.

²⁾ Ibidem, p. 63.

³⁾ Ibidem, p. 72: τῇ πόλει δὲ πέρις, ὡς φασιν, οἰκισμένη δεξιὰς ἐκ Διὸς ἰπτάμενος τὴν αὐτοῦ φήμην παρῖσταται.

обращенная къ императрицѣ Евсевіи (Ἐυχώμιον πρὸς τὴν βασιλισσαν Εὐσεβίαν λόγος γ. — Juliani imp. epistolum imperatricis Eusebiae, oratio III)¹⁾, проникнута необыкновенною простотою, искренностію и задушевностію и служить изліяніемъ чувствъ благодарности оратора къ своей благодѣтельницѣ, которой онъ былъ обязанъ всѣмъ своимъ существованіемъ. Въ своей апологіи къ сенату и народу афинскому Юліанъ нѣсколько разъ упоминаетъ объ императрицѣ Евсевіи въ выраженіяхъ сердечной глубокой благодарности, какъ о личности, принимавшей самое живѣйшее участіе въ его судьбѣ. «Я едва остался въ живыхъ, говоритъ онъ здѣсь, послѣ семимѣсячнаго заключенія подъ стражею. Если бы боги, желающіе меня спасти, въ то время не послали мнѣ благородную и добрую Евсевію, я не избѣжалъ бы рукъ императора. Она оказала мнѣ безчисленныя благодѣянія, которыхъ никто отъ нея не могъ и ожидать, приняла меня подъ свою защиту и уничтожила лживыя клеветы, на меня возводимыя»²⁾). Зосимъ представляетъ Евсевію женщиною очень образованною, притомъ владѣющею весьма благороднымъ и мягкимъ сердцемъ. По свидѣтельству Амміана Марцеллина, она своею тѣлесною красотою и нравственною чистотою превосходила всѣхъ женщинъ своего времени и пользовалась всеобщими симпатіями. Прославляя добродѣтели Евсевіи, Юліанъ дѣлаетъ сопоставленіе ея съ славными и знаменитыми женщинами древности, особенно съ Пенелопею, въ которой онъ, согласно съ своими національно-эллиническими воззрѣніями, видѣлъ идеальное воплощеніе всѣхъ женскихъ добродѣтелей, подробно и обстоятельно говоритъ о происхожденіи ея изъ консулярской фамиліи³⁾ и ея бракъ съ

¹⁾ p. 103—130, ed. Spanheimi. См. изд. Петавія 1614 г.

²⁾ Julian. Epist. ad. S. P. Q. Atheniens. p. 273.

³⁾ Julian. Orat. III, imp. Euseb., p. 107. Θυγάτηρ γάρ ἐστιν ἀνδρός ἀξίου

императоромъ ¹⁾). Вообще весь тонъ разсматриваемаго панегирика проникнутъ желаніемъ оратора излить чувства самой глубокой искренней благодарности къ своей спасительницѣ и покровительницѣ. Въ контрастъ двумъ первымъ похвальнымъ рѣчамъ, обращеннымъ къ императору Констанцію, неподдѣльность чувства, необыкновенная естественность и простота составляютъ характерныя особенности этого панегирика.

Спангеймъ помѣщаетъ похвальную рѣчь Юліана къ Евсевіи вслѣдъ за вторымъ панегирикомъ къ императору Констанцію и относитъ къ 357 году время ея составленія, на основаніи свидѣтельства Амміана Марцеллина ²⁾).

2) Мистико-теологическія сочиненія.

Отдѣлъ мистико-теологическихъ сочиненій Юліана составляютъ «Гимнъ къ царю Геліосу» и «Рѣчь къ матери боговъ» — Цибелѣ. Оба эти произведенія важны для знакомства съ неоплатоническими идеями, при помощи которыхъ Юліанъ пытался построить систему мистической философіи, которую и думалъ сдѣлать національно-эллинскою религіею и реставрированнымъ политеизмомъ. Они занимательны для насъ въ двоякомъ отношеніи — съ одной стороны, благодаря заключающимся въ нихъ свѣдѣніямъ касательно теологіи современнаго Юліану политеизма, а съ другой — вслѣдствіе того, что написаны самимъ верховнымъ представителемъ языческаго культа, а это не можетъ не придавать имъ большаго авторитета.

νομισθέντος τῇ ἐπώνυμον τοῦ ἔτους ἀρχὴν πάλαι μὲν ἰσχυρὰν καὶ βασιλείαν ἀτεχνῶς νομιζομένην μεταβαλοῦσαν δὲ διὰ τοῦς οὐκ ὀρθῶς χρηζόμενους τῇ δυνάμει τὸ ἴδιον, κ. τ. λ.

¹⁾ Ibidem, p. 109.

²⁾ Amm. Marcell. XXI, 6.

Гимнъ къ царю Геліосу (Ιουλιάνου Καίσαρος εἰς τὸν βασιλέα Ἥλιον πρὸς Σαλλούστιον, λόγος δ, — Juliani imp. in regem Solem ad Sallistium, oratio IV)¹⁾, судя по его содержанию, былъ написанъ въ одинъ изъ праздниковъ, совершаемыхъ въ честь этого божества, въ декабрѣ 362 г. Мы уже имѣли случай видѣть, что Юліанъ смотрѣлъ на себя какъ на человѣка, стоящаго подѣ особеннымъ покровительствомъ бога солнца, чѣмъ легко и объясняются причины, побудившія императора написать гимнъ въ честь этого божества. Въ началѣ этого гимна Юліанъ утверждаетъ, что съ самаго ранняго дѣтства онъ оказывалъ особенныя симпатіи къ лучамъ Геліоса и счень часто въ ночное время устремлялъ свое вниманіе на созерцаніе божественной красоты его. «По этой причинѣ, замѣчаетъ онъ, меня считали за астролога, хотя я не видѣлъ и не читалъ ни одного астрологическаго сочиненія. Повсюду распространенный небесный свѣтъ возбуждалъ во мнѣ стремленіе къ созерцанію, такъ что я самъ могъ замѣчать и изслѣдовать круговращенія солнца, не будучи наученъ этому ни однимъ философомъ»²⁾). Объяснивши такимъ образомъ мотивы, побудившіе составить гимнъ въ честь Геліоса, Юліанъ описываетъ природу этого божества, его всемогущество и изображаетъ благодѣянія, изливаемые имъ на весь міръ и на все существующее.

Нельзя не замѣтить, что рассматриваемый панегирикъ императора «къ царю Геліосу» чрезвычайно труденъ для пониманія, какъ по мистичности своего содержанія, такъ и вслѣдствіе крайней испорченности текста.

¹⁾ р. 130—158 ed. Spanheim. Особое изданіе греческаго текста этого гимна было напечатано Маринеріусомъ въ Мадридѣ въ 1625 г. Нѣкоторые изъ вѣтъйшихъ изслѣдователей, какъ напр. Лябасти, подвергаютъ подозрѣнію подлинность указаннаго гимна, но большинство ученыхъ во главѣ съ Петавіемъ и Спангеймомъ защищаютъ ее.

²⁾ Juliani imp. opera, ed Spanheim. р. 137.

Рѣчь Юліана къ матери боговъ (Ιουλιάνου Αὐτοκράτορος εἰς τὴν μητέρα τῶν θεῶν, λόγος ε, — Juliani imp. in matrem deorum, oratio V) ¹⁾, которую греки и римляне почитали какъ Рею, а восточные народы подѣ именемъ Цибелы, провикнута тѣмъ же мистическимъ характеромъ, какъ и гимнъ въ честь Геліуса и въ этомъ отношеніи представляетъ поразительный контрастъ съ древними народными теогоніями, отличавшимися вообще большою простотою. Это оригинальное произведеніе служить нагляднымъ примѣромъ тщетныхъ усилій, къ которымъ прибѣгалъ Юліанъ въ дѣлѣ внутренняго преобразованія политеизма и представляетъ поразительный образецъ той вольности, съ какою онъ старался объяснять языческіе символы. Въ началѣ рѣчи императоръ выставляетъ на видъ слушателямъ, что еще Порфірій писалъ о томъ же самомъ предметѣ, но что онъ не читалъ его сочиненій и потому не знаетъ, будутъ ли изложенныя имъ объясненія согласны съ толкованіями указаннаго философа. Далѣе, послѣ длиннаго разсужденія о Первосубстанціи, произведшей форму и матерію, и объ идеяхъ, служащихъ прототипомъ видимыхъ предметовъ, Юліанъ переходитъ къ объясненію міаа о Цибелѣ ²⁾, довольно произвольному и натянутому, при чемъ хотя и опирается главнымъ образомъ на ученіе Аристотеля и Платона, но предпочитаетъ имъ авторитетъ божественныхъ оракуловъ ³⁾. Въ заключеніи онъ считаетъ нужнымъ предупредить слушателей, что написалъ разсматриваемую рѣчь безъ всякаго приготовленія въ нѣсколько часовъ, и оканчиваетъ свои разсужденія молитвою къ богамъ ⁴⁾. Вообще

¹⁾ p. 158—180, ed. Spanheim. Отдѣльное изданіе этой рѣчи съ подробными комментаріями вышло въ Лондонѣ въ 1793.

²⁾ Julian. Orat. III, in deorum matrem, p. 161. Τὸν Γάλλον δὲ ἐγὼ ταῦτον καὶ τ' Ἄγτιν, αὐτὸς ἀκούσας ἱπποῶν, κ. τ. λ.

³⁾ Ibidem, p. 162. Μᾶλλον δὲ καὶ ταῦτα ταῖς ἐκ θεῶν δεδομέναις προφητείαις.

⁴⁾ Ibidem, p. 180. Здѣсь заслуживаетъ вниманія слѣдующее мѣсто мо-

въ рѣчи Юліана къ матери боговъ можно встрѣтить не мало подробностей о современномъ ему состояніи языческаго культа, которыхъ нельзя встрѣтить въ произведеніяхъ другихъ писателей его эпохи.

Что касается до времени составленія рѣчи къ матери боговъ, то оно по всей вѣроятности совпадаетъ съ пребываніемъ Юліана, 27 марта 362 года, въ Каллиникѣ, во Фригіи, куда онъ отправился на поклоненіе капищу этой богини.

3) Сочиненія философскія.

Къ сочиненіямъ Юліана философскаго характера принадлежатъ: «Рѣчь противъ невѣжественныхъ циниковъ», «Рѣчь къ цинику Гераклію», «Утѣшеніе по случаю отъѣзда Саллюстія», «Письмо къ Θεμισтію» и «Отрывокъ посланія къ Понтифексу».

Рѣчь Юліана противъ невѣжественныхъ циниковъ (Ιουλιανου Αὐτοκράτορος εἰς τοὺς ἀπαιδετούς κυνας λόγος ε, — Juliani imp. adversus imperitos canes, hoc est cynicos, oratio VI)¹⁾, судя по ея содержанію, была написана въ одну ночь вблизи Босфора въ первые мѣсяцы 362 года. Юліанъ излагаетъ здѣсь панегирикъ Діогену и Анти-сѣену и въ контрастъ имъ рисуетъ типъ современныхъ циниковъ, проводившихъ жизнь въ необыкновенной нѣгѣ и роскоши. Поводомъ къ составленію разсматриваемой рѣчи послужило слѣдующее обстоятельство. Намъ уже извѣстно, что Юліанъ велъ чрезвычайно простой и умѣренный образъ жизни и въ этомъ случаѣ нерѣдко дохо-

Литвы: Δίδου πᾶσι μὲν ἀνθρώποις εὐδαιμονίαν ἥς, τὸ κεφάλαιον ἡ τῶν θεῶν γνώσις ἐστὶ, κοινῇ δὲ τῷ Ῥωμαίων δῆμῳ μάλιστα μὲν ἀποτρίψασθαι τῆς ἀδεότητος τὴν κηλίδα... (δίδου ἔμοι) καὶ τὸ τοῦ βίου πέρας ἄλυκόν τε καὶ εὐδαίμον μετὰ τῆς ἀγαθῆς ἐλπίδος τῆς ἐπὶ τῇ παρ' ὑμᾶς πορείᾳ!

¹⁾ p. 181—201, ed. Spanheim.

диль до отрицанія всякихъ приличій и жизненныхъ удобствъ. Все это не могло не подавать повода людямъ, желавшимъ пріобрѣсти благосклонность императора, подражать ему и въ своей внѣшности показываться усердными приверженцами Діогена. На ихъ взглядъ довольно легко было сдѣлаться циникомъ,—стоило только имѣть котомку, палку и бѣдный плащъ. Но такая хитрая уловка не могла обмануть проницательности Юліана. Онъ не замедлилъ обличить корыстные расчеты этихъ ложныхъ мудрецовъ, рѣшилъ представить въ контрастъ имъ жизнь и дѣятельность Діогена и доказать имъ ихъ полнѣйшее незнаніе основныхъ принциповъ своего наставника. Отсюда вся разсматриваемая рѣчь имѣетъ своею цѣлю восхвалить естественную философію и прославить память извѣстнаго ученика Антисѣена. Изложеніе системы цинической школы представлено здѣсь съ большимъ умѣньемъ, апологія Діогену написана съ замѣчательнымъ талантомъ и увлекательностію. При этомъ случаѣ Юліанъ воспроизводитъ всѣ подробности изъ жизни и дѣятельности Діогена,—хвалитъ его дѣйствія самыя смѣшныя и странныя, постоянно ведя рѣчь съ большимъ вододушевленіемъ, убѣдительною и увлекательною. «Свобода, говоритъ онъ, есть первое высшее благо и условіе всякаго другаго. Чтобы быть свободнымъ, нужно прежде всего уничтожить гидру страстей (πολυκέφαλον θηρίον), которая возстаетъ противъ божественнаго духа, въ насъ обитающаго, и тогда только можно пренебрегать мнѣніемъ. Цѣль цинизма—счастіе, состоящее въ жизни, сообразной съ природою. Послушаемъ Протагора: «природа, учитъ онъ, наградила своими дарами всѣхъ животныхъ. Что касается до человѣка, то она дала ему разумъ, о которомъ мы собственно и должны прилагать всѣ наши заботы. Діогенъ постоянно упражнялъ свое тѣло и изнурялъ его, дабы оно не было для души при-

чиною какого нибудь смятенія и предоставлялъ послѣдней высшую власть надъ тѣломъ. Вслѣдствіе сего, не владѣя ни однимъ оболомъ, не имѣя даже куска хлѣба, который составлялъ счастіе для Епикура, онъ самъ себя признавалъ счастливейшимъ изъ людей—онъ былъ свободенъ! Умѣренность циниковъ—вещь благоразумная. Это не тунеядцы, отъ которыхъ появляется тираннія ¹⁾. Такъ говорилъ Діогенъ и своимъ воздержаніемъ обуздывалъ людей. Но, прибавляетъ Юліанъ, въ наши дни уже нельзя найти философскихъ школъ въ цвѣтущемъ положеніи. Правда, встрѣчаются послѣдователи Пифагора, Платона и Аристотеля, но ихъ называютъ не болѣе какъ одними обманщиками, исполненными тщеславія, софистами и развратителями ²⁾. Между тѣмъ истинные циники служатъ предметомъ насмѣшекъ и сожалѣнія. Да и много ли настоящихъ циниковъ? Другіе только притворяются, чтобы втайнѣ привольно наслаждаться удовольствіями, утонченною роскошью и предаваться изнѣженности» ³⁾.

Обличая такимъ образомъ современныхъ себѣ циниковъ за то, что они далеко уклонились отъ принциповъ, проповѣданныхъ Діогеномъ, Юліанъ въ тоже самое время утверждаетъ, что они распущенностію своей жизни согласуются съ галилеянами. Такое сравненіе христіанъ съ циниками не въ первый разъ встрѣчается у Юліана и явилось очень рано. Такъ напр. еще Лукіанъ Самосатскій изображаетъ въ своемъ Перегринѣ типъ подобнаго циника, будто бы встрѣтившаго у вѣрующихъ очень благосклонный пріемъ.

Поводомъ къ составленію рѣчи Юліана «къ цинику

1) Julian. Orat. V adversus impesitos canes, p. 198, οὐ γὰρ ἐκ τῶν μισοφάγων οἱ τύραννοι ἀλλ' ἐκ θαίπνουτων πολυτέλως.

2) Ibidem, p. 197: οἱ Πυθαγόρου καὶ Πλάτωνος καὶ Ἀριστοτέλους χορευταὶ γυνήσιοι, γόητες εἶναι λέγονται καὶ σοφισταὶ καὶ τετυρωμένοι, καὶ φαρμακεῖς.

3) Ibidem.

Гераклію» (Ἰουλιάνου Αὐτοκράτορος πρὸς Ἡράκλειον κυνικόν περὶ τοῦ, πῶς κυνιστέον, λόγος ζ, — Juliani imp. ad Heraclium cynicum, de cynica secta. oratio VII)¹⁾, какъ видно изъ содержанія, послужило то обстоятельство, что одинъ изъ послѣдователей цинической школы — Гераклій въ публичныхъ урокахъ непочтительно отзывается о богахъ и рассказывалъ о нихъ соблазнительныя басни и сказки, чѣмъ и навлекъ на себя негодованіе императора. Отсюда главный предметъ ея заключается въ защитѣ міеовъ политеизма и выясненія истиннаго значенія міеογραφіи въ религіозномъ отношеніи. Въ тоже время Юліанъ, пользуясь случаемъ, устремляетъ всѣ свои усилія на то, чтобы осмѣять и обезчестить ложныхъ циниковъ. Онъ сравниваетъ послѣднихъ съ разбойниками, подстерегающими и грабящими путешественниковъ въ мѣстахъ уединенныхъ и на морскихъ берегахъ. Въ этомъ случаѣ императоръ предпочитаетъ имъ даже тѣхъ, которыхъ христіане, по его словамъ, называютъ «отреченными» (ἀποτακτιστάς) и которые, отказавшись отъ ничтожныхъ благъ, тотчасъ же получаютъ въ награду за свое отреченіе подарки, почести и уваженіе²⁾). Подобно имъ и ложные циники оставляютъ свое отечество и являются ко двору и въ армию, куда галилеяне проникаютъ по крайней мѣрѣ не иначе, какъ съ согласія государя. Они причиняютъ безпокойство императору, который не желаетъ ихъ терпѣть и видѣть, они только безчестятъ философію, которая проповѣдуетъ познаніе истины и самообладаніе.

Обращаясь затѣмъ къ главному предмету своей рѣчи — изложенію ученія о міеахъ и выясненію значенія міеογραφіи въ религіозномъ отношеніи, Юліанъ

¹⁾ p. 204—239 ed. Spanh. Сокр. II. II. III. 23.

²⁾ Julian. Orat. VII ad Heraclium, de cynica secta p. 204. Τούτων οἱ πλείους μικρὰ προέμενοι, πολλὰ πάνυ, μᾶλλον δὲ τὰ πάντα πανταχόθεν συγκαμίζουσι καὶ προσῆν, εἴμαι, τὸ τιμᾶσθαι καὶ δοροδορεῖσθαι καὶ ἀρεκπεύεσθαι.

утверждаетъ, что міеологическія сказанія можно употреблять только въ теологіи и въ нравственномъ приложеніи къ частнымъ лицамъ. Теологія, по его словамъ, занимается посвященіями и мистеріями. Истина въ такомъ случаѣ можетъ выражаться подъ покровомъ символа. Платонъ и Ямвлихъ излагали міеы съ цѣлю побудить людей съ помощію боговъ къ отысканію въ нихъ высшаго таинственнаго смысла и къ приготовленію внутренняго единенія души съ Единымъ и Благомъ. Міеы нравственнаго характера имѣютъ приложеніе къ тѣмъ лицамъ, у кого умъ лишенъ мудрости и зрѣлости. Такого рода міеы можно употреблять только съ крайнею разборчивостью.

Пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы осмѣивать христіанство и изливать свою ненависть на челоѣка, возведшаго Божественную религію на тронъ римскихъ цезарей, Юліанъ въ разсматриваемой рѣчи рассказываетъ въ формѣ античнаго міеа исторію своего дѣтства и юности, при чемъ особенно неодобрительно отзывается о личности Константина Великаго.

«Утѣшеніе по случаю отъѣзда Саллюстія» (Ἰουλιανου Αὐτοκράτορος ἐπὶ τῇ ἐξόδῳ Σαλουστιίου παραμυθητικὸς, λόγος η, — Juliani imp. in discessum Salustii consolatoria, oratio VIII)¹⁾ посвящено одному изъ приближенныхъ друзей Юліана, знакомому со всѣми сокровенными его замыслами и со всѣми его тайными планами. Долго скрываемое подъ лицемѣрною маскою вѣроотступничество императора точно также не могло укрыться отъ проникательнаго взора его друга. Во время пребыванія Юліана въ Галліи Саллюстій былъ правою рукою во всѣхъ дѣйствіяхъ цезаря, еще неопытнаго въ военномъ дѣлѣ и административныхъ занятіяхъ, и всегда подавалъ ему добрые совѣты, которымъ тотъ безпреко-

¹⁾ p. 240—252 ed. Spanheim.

словно слѣдовалъ. Отсюда понятно, что приближенные Констанція всѣ счастливые успѣхи Юліана въ борьбѣ съ германскими и галльскими народами объясняли исключительно, какъ дѣло его приближеннаго друга, и съ цѣлію повредить успѣхамъ цезаря убѣдили императора Констанція въ 361 г. отозвать Саллюстія изъ Галліи и сдѣлать намѣстникомъ Иллиріи и Θракіи. Впрочемъ разлука эта была кратковременна, такъ что уже въ слѣдующемъ году, когда Юліанъ съ оружіемъ въ рукахъ долженъ былъ добывать себѣ императорскую корону, Саллюстій получилъ должность намѣстника Галліи, Испаніи и Британіи съ тѣми же правами и полномочіями, которыми пользовался самъ Юліанъ. Старинная привязанность, тѣсно связывавшая между собою обоихъ друзей, продолжала существовать и въ то время, когда Юліанъ сдѣлался императоромъ, доказательствомъ чего служить отправленіе ими обоими должности консула въ 363 году.

Разсматриваемое «Утѣшеніе по случаю отъѣзда Саллюстія» составлено Юліаномъ приблизительно въ концѣ 357 года и по своему содержанію имѣетъ очень много сходнаго съ извѣстнымъ произведеніемъ Цицерона «De amicitia». Оно посвящено главнымъ образомъ изложенію философскаго ученія о дружбѣ и выраженію тѣхъ чувствъ, которыя волновали Юліана при прощаньи съ своимъ другомъ. Авторъ сравниваетъ здѣсь свои отношенія къ Саллюстію съ отношеніями Лелія къ Цицерону и Перикла къ Анаксагору.

Письмо Юліана къ Θεμιστίю (Ἰουλιάνου Αὐτοκράτορος Θεμιστίῳ φιλοσόφῳ, — Juliani imp. ad Themistium philosophum)¹⁾ по своему содержанію имѣетъ весьма много сходнаго съ письмомъ Цицерона къ Лукцію, въ которомъ ораторъ проситъ его изложить исторію своего

¹⁾ p. 253—267 ed. Spanheim.

консульства. Оно написано изъ Нессуса въ ноябрѣ или декабрѣ 361 года. Языческій философъ и риторъ Θεμιστій, къ которому адресовано рассматриваемое посланіе, представляетъ собою личность во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательную въ вѣкѣ Юліана. Хотя онъ не былъ христіаниномъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, но, не смотря на то, пользовался одинаковымъ уваженіемъ со стороны какъ языческихъ, такъ православныхъ и аріанскихъ императоровъ. Долгое время онъ жилъ при дворѣ Констанція, въ 355 году былъ назначенъ римскимъ сенаторомъ, а въ 362 Юліанъ сдѣлалъ его префектомъ Константинополя. При Іовіанѣ, Валентѣ и Граціанѣ Θεμιστій точно также пользовался не меньшимъ уваженіемъ. Въ 384 году императоръ Θεодосій во второй разъ назначилъ его префектомъ Константинополя. Θεμιστій извѣстенъ по рѣчамъ, сохранившимся до нашего времени, и перепискѣ его съ Ливаніемъ. Въ письмѣ 1241 Ливаній поздравляетъ его со вступленіемъ въ римскій сенатъ, въ 438 и 464 письмахъ привѣтствуетъ съ полученіемъ должности префекта Константинополя и съ почестями, которыми онъ былъ удостоенъ отъ своего государя ¹⁾).

Рассматриваемое письмо Юліана къ Θεμισтію по всей вѣроятности представляетъ собою отвѣтъ на письмо, въ которомъ философъ давалъ совѣты молодому императору при вступленіи его на престолъ. Изображая трудности и опасности обладанія верховною властію, Юліанъ излагаетъ здѣсь исповѣданіе политической вѣры предъ лицомъ тѣхъ, которыми онъ долженъ управлять. Императоръ обстоятельно указываетъ обязанности истиннаго монарха, изображаетъ М. Аврелія и Александра Великаго какъ идеальныхъ истинныхъ

¹⁾ Liban. Epist. 464, p. 34: τιμὰί τε ὅτι σοῦ μέζους ἢ πρότερον γένοιτο, τραπεύς τε κοινῶν πλείων ἀγούσα τὴν οἰκίωτάτα.

государей, и увѣряетъ, что надѣется осуществить въ своей жизни правительственные принципы, которыми руководились послѣдніе. При всемъ томъ обязанности государя представляются въ глазахъ Юліана на столько трудными, что онъ, по собственному признанію, готовъ отказаться отъ званія верховнаго руководителя судебъ римскаго міра и предаться мирнымъ занятіямъ философіею. Платонъ и Аристотель, наставники его молодости, еще болѣе усиливаютъ такое недовѣріе и представленіе о трудности его новаго положенія, изображая ему сверхъестественными добродѣтели, которыя должны быть у того, кто хочетъ управлять людьми¹⁾.

Отрывокъ посланія Юліана къ Понтифексу (Ἀποσπασμάτων λόγου τινός ἢ ἐπιστολῆς Ἰουλιανῶν τοῦ Αυτοκράτορος, — Fragmentum orationis epistolaeve cujusdam Juliani imper.)²⁾ написанъ въ 363 году незадолго до выступленія императора въ персидскій походъ³⁾. Онъ представляетъ собою остатокъ инструкции, которой императоръ опредѣлялъ образъ жизни языческихъ жрецовъ и правила, которыми они должны были руководствоваться при исполненіи своихъ обязанностей, и по внѣшней своей формѣ имѣетъ характеръ всенароднаго циркуляра, обращеннаго императоромъ ко всемъ жрецамъ языческаго міра. Какъ въ письмѣ къ Θεμιστίῳ Юліанъ подробно излагаетъ обязанности истиннаго монарха, такъ здѣсь онъ изображаетъ идеаль истиннаго жреца, намъ уже извѣстный.

Въ заключеніи посланія Юліанъ безъ всякаго повода не упускаетъ случая сдѣлать злостную выходку противъ іудейскихъ пророковъ и безбожныхъ галилеянъ, обманывающихъ, по его словамъ, несвѣдущихъ людей⁴⁾.

¹⁾ Julian. Epist. ad Themist. philosoph. p. 260: βασιλεὺς φαίνεται δεῖσθαι φύσεως δαιμονιώτερως.

²⁾ p. 288—305 ed. Spanheim.

³⁾ Сравни Julian. Epist. XLIX къ Арзакію и LXII къ Θεοδору. Нельзя не замѣтить весьма значительной аналогіи между этими тремя письмами.

⁴⁾ Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 296.

4) Апологія къ сенату и народу аѳинскому.

Апологетическій трудъ Юліана представляетъ собою его «письмо къ сенату и народу аѳинскому» (Ἰουλιάνου Αὐτοκράτορος Ἀθηναίων τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ,—Juliani imp. ad S. P. Q. Atheniensem) ¹⁾. Оно написано изъ Нессуса въ 361 году и представляетъ собою одно изъ замѣчательныхъ произведеній Юліана, имѣющее особенный интересъ въ историческомъ отношеніи. Намъ уже извѣстна тѣсная дружба, заключенная Юліаномъ съ аѳинянами во время пребыванія его въ ихъ городѣ. Вскорѣ потомъ провозгласивши себя императоромъ и вступивши въ борьбу съ Констанціемъ изъ-за обладанія имперією, Юліанъ среди такихъ критическихъ обстоятельствъ считалъ себя нравственно обязаннымъ напомнить сенату и народу аѳинскому свои прежнія симпатіи и оправдать въ ихъ глазахъ образъ своихъ дѣйствій въ отношеніи къ императору. Онъ избираетъ въ посредники между собою и Констанціемъ народъ и сенатъ аѳинскій, которыхъ созываетъ какъ огромный ареопагъ для выслушанія и рѣшенія спорнаго дѣла своего съ императоромъ. Онъ въ самыхъ подробныхъ и обстоятельныхъ чертахъ рассказываетъ имъ исторію своей жизни, краснорѣчиво описываетъ всѣ непріятности, горести и невзгоды, которыя испыталъ съ самаго ранняго дѣтства отъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, всѣ моральныя потрясенія, которымъ подвергался до того момента, когда извѣстное заступничество Евсевія отвратило опасность, готовую разразиться надъ его головою. Свою дѣятельность въ Галліи Юліанъ изображаетъ въ довольно сжатомъ видѣ.

¹⁾ p. 268—287 ed. Spanheim.

что впрочемъ не мѣшаетъ ему указать свои наиболѣе выдающіеся подвиги противъ внѣшнихъ враговъ. Такъ онъ заявляетъ, что три раза переходилъ чрезъ Рейнь и взялъ въ плѣнъ 30,000 непріятелей. Принятіе императорской короны въ Лютеціи Юліанъ объясняетъ необходимостію подчиниться волѣ солдатъ и отрицаетъ всякое участіе съ своей стороны въ этомъ дѣлѣ. Онъ заявляетъ даже рѣшительно, что долгое время отказывался принять корону и согласился на это только вслѣдствіе крайней необходимости, опасаясь насилія со стороны солдатъ. Въ бунтѣ, поднятомъ легіонами противъ Констанція въ Лютеціи, виноватъ, по его словамъ, не онъ, но самъ императоръ, возбудившій къ себѣ ненависть легіоновъ вѣроломнымъ образомъ своихъ дѣйствій, отзывая любимыхъ ихъ начальниковъ, лишая ихъ провіанта и пр. Сваливая всю вину въ совершившемся государственномъ переворотѣ исключительно на самого Констанція, Юліанъ далѣе объясняетъ, что всѣ его попытки къ примиренію съ нимъ остаются безуспѣшными и что потому всю отвѣтственность въ предстоящей распрѣ онъ сваливаетъ такимъ образомъ на императора, рѣшившись защищать свою честь всѣми средствами, которыя только могутъ понравится богамъ.

Особеннаго вниманія съ нашей стороны заслуживаютъ тѣ мѣста изъ разсматриваемой апологіи. гдѣ Юліанъ въ яркихъ чертахъ описываетъ дворъ Констанція, сознается въ нѣкоторыхъ своихъ слабостяхъ, особенно въ своемъ притворствѣ къ своему брату и христіанству и описываетъ процессъ своего перехода въ язычество. При этомъ случаѣ онъ является однимъ изъ самыхъ усердныхъ чтителей древнихъ боговъ, которымъ исключительно приписываетъ всѣ свои успѣхи и отъ которыхъ надѣется получить дѣятельную помощь въ предстоящей борьбѣ своей противъ Констанція.

5) Сатирическія произведенія.

Отдѣлъ сатирическихъ произведеній Юліана составляютъ «Цезари» (Ἰουλιανῶν Αντοκράτορος Καίσαρες, — Juliani imp. Caesares) и Мисопогонъ (Μισόπωρον — Misopogon vel Antiochensis) ¹⁾.

«Цезари» представляютъ собою небольшую драму въ трехъ актахъ, сюжетомъ которой служить судъ

¹⁾ Изданіе греческаго текста «Цезарей» съ латинскимъ переводомъ явилось въ первый разъ подъ редакціей Карла Кантокляруса въ Парижѣ въ 1577 году, гдѣ вышло и второе ихъ изданіе въ 1783 году. Далѣе въ томъ же видѣ «Цезари» были изданы Евнеемъ (Eupaeus) въ 1613 и 1632 годахъ въ Лейденѣ. Латинскій и французскій переводы той же сатиры были напечатаны въ Парижѣ въ 1728 г. Езекилемъ Спангеймомъ. Вновь исправленный, снабженный обстоятельными комментаріями и оттисками императорскихъ монетъ, греческій текстъ «Цезарей» былъ изданъ Михаиломъ Геузингеромъ въ Готѣ, въ 1736 году. Полное заглавіе этого изданія слѣдующее: Juliani imper. Caesares cum integris adnotationibus aliquot doctorum virorum et selectis Ezech. Spanheimii interpretatione item latina et gallica, additis imperatorum nummis ex instituto et Bibliotheca Chr. Sigism. Liebe. Recensuit Michael Heusinger. Gothae 1736 г. Тоже самое изданіе съ нѣмецкимъ переводомъ Т. I. Лазіуса по рецензіи Геузингера съ его предисловіемъ и указаніемъ важнѣйшихъ изданій и рукоисей вышло въ 1785 году въ Эрлангенѣ подъ заглавіемъ: Juliani imperatoris Caesaris ex recensione et cum adnotationibus Theoph. Christoph. Harles. Erlangae 1785 г. Итальянскій переводъ «Цезарей» изданъ Францемъ Цанети въ Тревизо (Franz Zanetti, Treviso) въ 1764 г. а французскій съ біографіей Юліана напечатанъ въ Парижѣ въ 1590 г., Бонавентурою Гранжиромъ, Оомою Гайонсомъ, въ Лейденѣ въ 1670 году, Ез. Спангеймомъ въ Гейдельбергѣ въ 1660, въ Парижѣ въ 1683 и, наконецъ, въ Амстердамѣ въ 1728 году. На англійскій языкъ «Цезари» переведены были подъ редакціей Дункоба, изданы въ Лондонѣ въ 1684 году въ общемъ изданіи сочиненій Юліана. Нѣмецкій переводъ этой сатиры, какъ мы уже видѣли, былъ изданъ Т. I. Лазіусомъ въ Гrefсвальдѣ въ 1770 г., кромѣ того неизвѣстнымъ авторомъ въ Гамбургѣ 1663—1668 г. и Георгомъ Христіаномъ Лоттеромъ (Georg. Christ. Lotter) въ его Schriften d. Deutsch. Gesellschaft II). Кромѣ общаго изданія литературныхъ произведеній императора, «Цезари» нерѣдко встрѣчаются изданными отдѣльно, переведенными на разныя европейскіе языки и комментированными. У насъ имѣлось подъ руками учебное изданіе этой сатиры Кауера и Озіандера, назначенное къ употребленію въ германскихъ школахъ наравнѣ съ сочиненіями извѣстныхъ представителей классической древности.

надъ предшественниками Юліана на тронѣ. Всѣ императоры преемственно являются здѣсь проходящими предъ собраніемъ боговъ, сопровождаемые сатирическими замѣчаніями Силена, играющаго роль шутливой критики. При этомъ случаѣ авторъ чрезвычайно тонко и искусно подмѣчаетъ всѣ типичныя свойства и особенности характера тѣхъ лицъ, которыя онъ выводитъ въ своей сатирѣ. Предъ глазами читателя являются всемогущіе владыки древняго міра и рѣшители его судебъ со всѣми своими добродѣтелями и пороками, представляя собою длинную процессію тѣней, выведенныхъ предъ трибуналъ потомства.

Отсюда нельзя не видѣть, что цѣль, которую Юліанъ преслѣдовалъ при составленіи «Цезарей», состояла въ томъ, чтобы съ помощію этой сатиры написать ѣдкую критику на своихъ предшественниковъ и по мѣрѣ возможности представить ихъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Но рядомъ съ указанною цѣлію Юліанъ руководствовался при составленіи своей сатиры другими побужденіями—онъ старался изобразить въ ряду своихъ предшественниковъ на тронѣ императорскомъ въ самомъ смѣшномъ видѣ личность дяди своего, Константина Великаго и осмѣять религію, которую тотъ сдѣлалъ господствующею въ Римской имперіи. Время составленія «Цезарей» со всею вѣроятностію совпадаетъ со вторымъ годомъ правленія Юліана, когда онъ проводилъ зиму въ Антіохіи. Самое содержаніе сатиры даетъ поводъ предполагать, что Констанція во время ея составленія не было уже въ живыхъ и что Юліанъ носилъ титулъ императора. Мысль написать критику на своихъ предшественниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать извѣстными міру свои собственные правительственные планы легко могла зародиться въ душѣ Юліана, человѣка научно образованнаго и притомъ очень хорошо знакомаго съ исторіею Рима. Кромѣ того, между про-

изведеніями греческой и римской литературы было довольно предшествовавшихъ трудовъ въ этомъ родѣ, которые могли служить для него образцами. Лукіанъ Самосатскій, извѣстный сатирикъ и остроумный критикъ пороковъ своего времени, въ одномъ изъ діалоговъ, извѣстномъ подь именемъ «собраніе боговъ», еще ранѣе изложилъ тѣже мысли, которыя развилъ Юліанъ въ своихъ «Цезаряхъ»¹⁾. Даже въ самой внѣшней формѣ изложенія Юліанъ могъ пользоваться произведеніемъ Лукіана, какъ образцомъ. Кромѣ того, содержаніе «Цезарей» показываетъ, что ихъ авторъ пользовался извѣстною сатирою Сенеки, написанною имъ на обоготвореніе императора Клавдія,

«Цезарей» Юліана не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ его произведеніемъ, явившимся одновременно, имѣвшимъ подобное же содержаніе и носившимъ названіе «Кроній» (Κρονία). Такъ какъ особое сочиненіе императора, упоминаемое имъ подь этимъ послѣднимъ названіемъ, не дошло до насъ и такъ какъ въ самомъ началѣ разсматриваемой сатиры упоминается о праздникѣ въ честь Сатурна, то отсюда у нѣкоторыхъ изслѣдователей явилось предположеніе, что подь обоими произведеніями разумѣется одно и то же сочиненіе. Несправедливость такого предположенія можетъ быть обнаружена однимъ мѣстомъ изъ письма Юліана къ Саллюстію²⁾, гдѣ говорится, что подь «Кроніями» онъ понималъ особое сочиненіе, написанное на Сатурналіяхъ, излагающее описаніе самаго праздника и его исторію. Вообще между литературными произведеніями Юліана нельзя не замѣтить нѣкотораго рода параллелизма, вслѣдствіе чего довольно часто случается, что два сочиненія излагаютъ

¹⁾ Deor. Concil. c. II, 14, 15.

²⁾ Julian. Epist. II, p. 157.

предметы, чрезвычайно сродные по своей формѣ и содержанию, какъ напр. оба первые панегирики къ императору Констанцію, рѣчи противъ циниковъ, панегирикъ къ императрицѣ Евсевіи, гимнъ въ честь Геліоса и рѣчь къ матери боговъ — Цибелѣ. Не безъ основанія можно поэтому полагать, что и такой важный предметъ, какой представляли Юліану Сатурналии, былъ изложенъ имъ тоже въ двухъ различныхъ сочиненіяхъ.

Содержаніе «Цезарей» проникнуто столь яснымъ драматическимъ характеромъ, что ихъ безъ всякаго затрудненія можно раздѣлить на акты и сцены, начинаемая прологомъ и оканчиваемая эпилогомъ. Во вступленіи Юліанъ объясняетъ, что онъ былъ вызванъ къ составленію своего сатирическаго произведенія праздникомъ Сатурналий, который, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ праздниковъ языческаго культа. Принадлежа по своему происхожденію еще къ эпохѣ, предшествовавшей римскому владычеству въ Италіи, этотъ праздникъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ обрядовъ продолжалъ свое существованіе даже во времена христіанскія. Въ императорскій періодъ, когда многіе изъ обрядовъ и обычаевъ древности начали совершенно забываться и выходить изъ употребленія, Сатурналии пріобрѣтали себѣ все большій и большій кругъ послѣдователей. Основною чертою и характерною особенностью этого праздника была рѣзвая веселость, которая сообразно съ состояніемъ и умственнымъ развитіемъ лицъ, въ немъ участвующихъ, принимала чрезвычайно разнообразныя характерныя оттѣнки. Люди образованные забавляли себя здѣсь разнаго рода софистическими шутками ¹⁾, гастрономы услаждали свой изощренный вкусъ самыми изысканными кушаньями и

¹⁾ См. Gell. Noctes Attici XVIII, 2.

напитками, рабы вступали въ свободныя отношенія къ своимъ господамъ, на что послѣдніе не имѣли права на нихъ жаловаться. Но Юліанъ вмѣсто всякой остроты, на которую онъ будто бы былъ не способенъ, по случаю праздника рассказываетъ басню о пиршествѣ боговъ, которая, по своему легкому тону, совершенно гармонируетъ съ веселымъ настроеніемъ Сатурналій. Онъ основываетъ свой рассказъ на культѣ цезарей у римлянъ, который самъ по себѣ былъ вполнѣ способенъ къ возбужденію сатирической настроенности духа.

«Цезари» начинаются описаніемъ пира, который Ромуль, причисленный къ лику небожителей подъ именемъ Квирина, даетъ на небѣ въ честь боговъ и боготворимыхъ императоровъ. Для первыхъ пиршество приготовлено въ верхней части неба на Олимпѣ, между тѣмъ какъ обоготворенные цезари располагаются подъ луною въ высшей сферѣ воздуха. Четыре блестящихъ лежа устроены для небожителей, — ложе Сатурна сдѣлано изъ прекраснаго чернаго дерева, сѣдалище Зевса свѣтлѣе серебра и чище золота. Рядомъ съ ними сидятъ на своихъ креслахъ Гера возлѣ Зевса и Рея рядомъ съ Кроносомъ ¹⁾. Для прочихъ боговъ приготовлены также лежа сообразно съ ихъ честью и достоинствомъ, при чемъ никто изъ нихъ не спорить, но каждый спокойно занимаетъ свое мѣсто. Только одинъ Силенъ, воспитатель Діониса, постоянно пьяный старикъ, осмѣливается нарушить порядокъ и присаживается къ своему ученику, который особенно любилъ его за веселость и шутки ²⁾. Въ придворномъ штатѣ олимпійцевъ Силенъ играетъ ту же роль, какую въ средніе вѣка

¹⁾ p. 307 ed. Spanheim, p. 3—9 ed. Harles, p. 1—2 ed. Heusinger.

²⁾ Julian. imper. Opera, ed. Spanheim, p. 308; p. 10—11 ed. Harles; p. 3 ed. Heusinger.

играли придворные шуты, позволявшіе себѣ безнаказанно дѣлать надъ всѣми присутствующими остроты и подвергать ихъ самой безпощадной критикѣ. Послѣ приготовления стола и для императоровъ, послѣдніе начинаютъ входить и занимать свои мѣста. Боги смотрятъ на нихъ сверху, а Силенъ надѣляетъ каждого изъ нихъ сатирическими замѣчаніями. Его остроты представляютъ мѣткую характеристику слабыхъ сторонъ императоровъ — полубоговъ, во многихъ случаяхъ согласную съ свидѣтельствами историковъ императорской эпохи. Императоры, запятнанные судомъ исторіи, немедленно изгоняются и низвергаются въ тартаръ.

Первымъ является на сцену Юлій Цезарь. Силенъ предостерегаетъ Зевса предъ его честолюбіемъ, и увѣряетъ, что даже самого трона царя боговъ недостаточно для удовлетворенія его страсти къ господству. «Берегись, говоритъ онъ, какъ бы этотъ человѣкъ по страсти къ господству не лишилъ тебя власти, потому что онъ великъ и прекрасенъ и притомъ же головою очень похожъ на меня!»¹⁾ Въ то время, какъ Силенъ продолжаетъ еще шутить надъ Цезаремъ, является Августъ²⁾, который, подобно Хамелеону, постоянно мѣняетъ свой цвѣтъ. Лицо его то блѣдно, то покрывается румянцемъ, то принимаетъ сердитое и угрюмое, то ласковое и пріятное выраженіе, маскируется нѣжностію Афродиты и улыбкою грацій³⁾. Такъ какъ и Августъ не можетъ избѣжать насмѣшекъ и колкостей Силена, то Аполлонъ⁴⁾ бе-

¹⁾ Сравни. Plut. Jul. Caes. c. II. Julian. imp. op., ed. Spanheim., p. 308; p. 11—13 ed. Harles; p. 4 ed. Heusinger. Sweton in Jul. Caes. c. XXIX, 76; Dio Cassius XLIV, Илиада Гом. XXI, 108; Одиссея I, 301.

²⁾ ed. Heusinger. p. 4.

³⁾ Сравни. Sweton in Octav. I. XXIX.

⁴⁾ Августъ построилъ въ честь этого бога храмы на Палатинскомъ холмѣ въ Римѣ и въ Акціумѣ и почиталъ его вообще своимъ особеннымъ покровителемъ. См. Sweton XXIX, 94.

реть его подъ свою защиту и передаетъ Зенону ¹⁾. Затѣмъ выступаетъ на сцену Тиберій ²⁾ съ суровымъ и мрачнымъ видомъ, выражающимъ благоразуміе и воинскія доблести ³⁾. Но когда онъ повертывается для того, чтобы сѣсть, на его спинѣ открываются слѣды его распутства и жестокости — рубцы на кожѣ ⁴⁾, полосы отъ чесанія кожи, остатки тяжкихъ ранъ, родъ проказы и лишаевъ. Встрѣченный цѣлымъ залпомъ ѣдкихъ замѣчаній Силена, Тиберій немедленно высылается изъ собранія императоровъ и, по приказанію боговъ, отправляется на Капреру, чтобы въ уединеніи этого островка изнурять себя печалью и мучить своихъ рыбаковъ ⁵⁾.

Мы не станемъ излагать подробно характеристики являющихся императоровъ, какъ они представляются у Юліана, но замѣтимъ еще разъ, что эти характеристики во многихъ случаяхъ вполнѣ согласны съ свидѣтельствами древнихъ писателей и показываютъ въ авторѣ большое знакомство съ исторіей Рима императорской эпохи. Съ тѣмъ же искусствомъ, съ какимъ Юліанъ изобразилъ безграничное честолюбіе перваго Цезаря, необыкновенное лицемѣріе Августа и распутство Тиберія, онъ описываетъ безумную жестокость Калигулы, ничтожную слабость Клавдія, смѣшныя убранства и гнусныя злодѣянія Нерона. Неумолимый, какъ Немезида, онъ обличаетъ безстыдные пороки Виндекса, Гальбы, Оттона и Вителлія, осуждаетъ скупость Веспасіана и Антонина, амурныя преступленія Тита, безславную лю-

¹⁾ Зенонъ — основатель стоической школы. Аѳинагоръ и Арей — его послѣдователи были учителями Августа. См. Sweton c. LXXXIV.

²⁾ ed. Heusinger. p. 4.

³⁾ Сравни. Tacit. Ann. IV, 1. Welley II, 97 ff. Sweton in Tib. IX, 7 ff.

⁴⁾ Сравни. описаніе у Плутарха состоянія душъ въ подземномъ мірѣ, подвергнутыхъ мести божества (Plut. IX) и Лукіана — Харонъ c. XXIV, 28.

⁵⁾ Julian. imp. op.; ed Spanheim. p. 309; p. 11—17 ed. Harles, p. 4—5 ed. Heusinger. Сравни. Sweton c. XLIX. Tacit. Ann. IV, 67.

бовъ ¹⁾ Траяна и Адриана ²⁾), упрекать М. Аврелія въ излишней уступчивости своей женѣ и своему сыну ³⁾), А. Севера за его слабость къ своей матери, жадной до денегъ и могущества. Жестокость Домиціана, Коммода и Каракаллы возбуждаютъ въ немъ справедливый ужасъ и отвращеніе, равнымъ образомъ онъ сильно бичуетъ излишнюю строгость Септимія Севера ⁴⁾ и Авреліана, жестокость Проба ⁵⁾. Исключеніе онъ дѣлаетъ лишь для Клавдія II ⁶⁾, родоначальника своей фамилии, и Діоклитіана ⁷⁾, давшаго на нѣкоторое время прочную организацію римской имперіи.

Наконецъ, выступаетъ на сцену Константинъ Великій въ сопровожденіи своихъ сыновей — Константина, Констанція и Констанса. Онъ долгое время остается въ нерѣшимости прежде чѣмъ войти въ собраніе императоровъ ⁸⁾, да и получивши доступъ, не удостоивается никакого вниманія ни со стороны императоровъ, ни со стороны Силена, который также не дѣлаетъ на счетъ его никакого замѣчанія. Нельзя думать, чтобы намѣренное молчаніе Силена служило особенною честью для Константина и его сыновей, особенно если принять во вниманіе, что Тигъ, Траянъ, Антонинъ Пій, даже М. Аврелій — идеаль, которому Юліанъ старался всегда подражать, не избѣжали остроумныхъ замѣчаній этого шутника въ придворномъ штатѣ олимпійцевъ.

¹⁾ p. 27 ed. Harles.

²⁾ p. 23 ed. Harles.

³⁾ p. 25 ed. Harles, 8 ed. Heusinger. О Траянѣ, Адрианѣ и Авреліѣ у Heusinger. p. 7.

⁴⁾ ed. Harles p. 29. Spanheim. p. 313

⁵⁾ p. 314 ed. Spanheim.; 8—9 p. ed. Heusinger.

⁶⁾ ed. Harles p. 27; p. 8 ed. Heusinger.

⁷⁾ ed. Spanheim. p. 315; ed. Harles p. 31—32; p. 10 ed. Heusinger.

⁸⁾ ed. Spanheim. p. 315; Harles p. 35; p. 11 ed. Heusinger. Намекъ на колеблющееся поведеніе Константина, которое онъ долгое время обнаруживалъ въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству и язычеству, между тѣмъ какъ только въ концѣ своей жизни рѣшился принять св. крещеніе.

Очевидно Константинъ и его сыновья допущены въ собраніе императоровъ съ тою единственною цѣлю, чтобы играть самую жалкую роль, которая не выпадала на долю ни одного изъ присутствующихъ цезарей.

Теперь начинается второй актъ комедіи, не совсѣмъ удачно связанный съ первымъ. Собравшіеся императоры за исключеніемъ Тиберія, Калигулы, Нерона, Вителлія, Геліогабала, Максиміана, Максенція, Лицинія и другихъ, изгнанныхъ изъ собранія и низвергнутыхъ въ тартаръ, расположились на своихъ мѣстахъ въ ожиданіи начала пиршества. Къ нимъ присоединяются Геркулесъ и Александръ Великій ¹⁾. При появленіи Македонскаго героя Силенъ, обратившись къ Ромулу, замѣчаетъ: «смотри, чтобы всѣ твои потомки не оказались ниже этого грека!» «Клянусь Зевсомъ, отвѣчаетъ Квиринъ, что найдутся многіе, которые не уступятъ ему. Правда, мои потомки проникнуты такимъ удивленіемъ къ его подвигамъ, что его одного между всѣми чужеземными героями называютъ великимъ, однако они этимъ не думаютъ считать его выше своихъ полководцевъ. Справедливо или не справедливо мое мнѣніе, должно показать состязаніе героевъ. Побѣдителю на немъ обѣщается участіе въ пиршествѣ боговъ!» ²⁾. Впрочемъ не всѣ цезари удостоиваются чести принять участіе въ состязаніи. Къ нему допускаются только самые знаменитые изъ нихъ — Юлій Цезарь, Августъ, Траянъ и М. Аврелій ³⁾. между тѣмъ какъ большинство ихъ фигурируетъ на сценѣ только въ качествѣ нѣмыхъ личностей. Что касается до Константина Великаго, то онъ хотя и допускается на состязаніе, но это дѣлается съ цѣлю под-

¹⁾ ed. Spanheim. p. 316; ed. Harles p. 37; p. 11 ed. Heusinger.

²⁾ p. 38—39 ed. Harles; p. 12—14, ed. Heusinger.

³⁾ p. 317 ed. Spanheim; p. 39 ed. Harles.

вергнуть его осмѣянію и представить въ жалкомъ видѣ его дѣятельность въ контрастѣ съ подвигами состязавшихся героевъ. «Когда М. Аврелій, говоритъ Юліанъ, занялъ свое мѣсто внутри священной ограды, то Діонисъ замѣтилъ: «теперь слѣдуетъ пригласить сюда еще друга удовольствія (Константина)»! «Но онъ не осмѣлится войти, отвѣчалъ Зевсъ, если не станетъ подражать намъ. Онъ долженъ остаться въ притворѣ и тамъ подвергнуться испытанію. Если угодно, мы покажемъ вамъ человѣка, который не воинственъ, но очень преданъ распутству и роскоши»! Константина послѣ этого уводятъ къ дверямъ ¹⁾).

Теперь состязатели начинаютъ бросать жребій, кому изъ нихъ начинать восхвалять свои геройскіе подвиги, и жребій падаетъ на долю Юлія Цезаря, какъ постоянного баловня счастья²⁾). Второе мѣсто по жребію достается Александру, затѣмъ жребій слѣдуетъ хронологическому порядку героевъ. Юлій Цезарь начинаетъ восхвалять свои подвиги и ставить въ параллель съ подвигами Александра, находя ихъ даже гораздо выше послѣднихъ. «Родившись въ славномъ и могущественномъ государствѣ, говоритъ онъ, я не только превзошелъ своими доблестями современниковъ, но и людей всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Я вполне убѣжденъ, что никто изъ моихъ согражданъ не осмѣлится спорить со мною о первенствѣ, если же рѣшится сдѣлать это Александръ, то какіе изъ подвиговъ моихъ онъ можетъ сопоставить съ своими? Развѣ онъ не видѣлъ моихъ трофеевъ, пріобрѣтенныхъ въ борьбѣ съ Помпеемъ? Притомъ кто былъ болѣе опаснымъ полководцемъ — Помпей или Дарій?» Далѣе Цезарь описываетъ свои побѣдоносные походы противъ герман-

¹⁾ Ed. Harles p. 41.

²⁾ p. 319 ed. Spanheim: ed. Harles. p. 47.

скихъ и галльскихъ народовъ и свои заботы, клонившіяся къ водворенію порядка и спокойствія внутри государства ¹⁾. «Если угодно вести сужденіе по числу битвъ, продолжаетъ онъ, то я имѣю въ три раза больше, нежели хвастливыя извѣстія приписываютъ Александру, если же масштабомъ должно служить количество завоеванныхъ городовъ, то и въ этомъ случаѣ я долженъ имѣть первенство предъ хвастливымъ македоняниномъ, такъ какъ большинство ихъ я покорилъ не въ одной только Азіи, но и въ Европѣ. Если хотите сравнить расположеніе духа того и другаго послѣ побѣды, то увидите, что я прощалъ даже моихъ враговъ, между тѣмъ какъ онъ не щадилъ собственныхъ своихъ друзей» ²⁾. Въ заключеніе Цезарь проситъ боговъ признать за нимъ первенство и требуетъ у нихъ заслуженную награду за свои подвиги ³⁾.

Не успѣлъ еще Цезарь окончить своей рѣчи, какъ выступаетъ на сцену Александръ и, съ трудомъ подавляя въ себѣ гнѣвъ, начинаетъ описывать свои подвиги. «О Зевсъ и вы боги! говоритъ онъ, какъ долго я долженъ сносить безстыдную дерзость этого чловѣка? Въ своемъ самохвальствѣ и порицаніи меня онъ не находитъ никакого предѣла. Было бы гораздо разумнѣе осудить насъ обоихъ, такъ какъ въ извѣстномъ случаѣ наши отношенія къ согражданамъ являются достойными порицанія одинаковымъ образомъ ⁴⁾. Еще хуже то, что онъ мои дѣла порицалъ, между тѣмъ, какъ самъ являлся подражателемъ ихъ» ⁵⁾. Далѣе Александръ унижаетъ Помпея, подробно доказывая, что всѣ

¹⁾ Ed. Spanheim. p. 320; ed. Harles p. 49—51; ed. Heusinger. p. 15—16.

²⁾ p. 321 Spanheim.; p. 53 ed. Harles; p. 16—17 ed. Heusinger.

³⁾ ed. Spanheim. p. 320; p. 55 ed. Harles.

⁴⁾ Намекъ на то, что Александръ сражался противъ грековъ, родсвеннаго македонянамъ народа, а Цезарь противъ своихъ согражданъ.

⁵⁾ См. Plut. in Caes. 11.

подвиги, обыкновенно приписываемые этому человеку. совершены другими лицами и ни во что таким образом не ставить побѣду, одержанную надъ нимъ Цезаремъ, вслѣдствіе его оплошности и отсутствія военнаго таланта. «Что касается до моего похода на персовъ, продолжаетъ онъ, то я шелъ противъ нихъ во имя справедливой мести, а вступалъ въ войну съ греками не съ намѣреніемъ вредить имъ, но только ослабить еиванцевъ, хотѣвшихъ воспрепятствовать моему походу въ Персію ¹⁾. Между тѣмъ ты велъ войны съ галлами и германцами съ тою цѣлю, чтобы пріобрѣсти средства для борьбы съ собственнымъ своимъ отечествомъ. Можетъ ли быть что либо отвратительнѣе и хуже такого образа дѣйствій? Если же ты считаешь маловажнымъ побѣдить персовъ, то скажи мнѣ, отчего вы не можете послѣ 300 лѣтней упорной борьбы одержать верхъ надъ незначительною страной, лежащею по ту сторону Тигра и подчиненною Персамъ? ²⁾. Но кромѣ Персовъ я побѣдилъ еще индійцевъ, и совершилъ такіе подвиги, что память о нихъ, хотя надлежащимъ образомъ и не прославленная историками, останется со мною бессмертна подобно памяти о дѣяніяхъ побѣдоноснаго Геркулеса, подвигамъ котораго, какъ своего предка, я всегда старался подражать. Если я и былъ иногда жестокъ, то противъ такихъ людей, которые меня оскорбляли, поступали со мной безчестно и неприлично. При томъ же во всѣхъ этихъ случаяхъ я всегда раскаявался въ своихъ проступкахъ ³⁾. Если же, наконецъ, я неумолимо наказывалъ тѣхъ, которые какъ будто бы поставляли себѣ за честь дѣйствовать противъ

¹⁾ Ed. Heusinger p. 18; ed. Spanheim. p. 323; ed. Harles p. 61.

²⁾ Ed. Spanheim. p. 324; p. 63 ed. Harles; p. 19 ed. Heusinger.

³⁾ Намекъ на отношенія къ Клиты. Plut. Vit. Alex. 50 ff. Arrian. IV, 8 ff., VII, 29.

меня непріязненно и оскорблять, то я думаю, что дѣлать это вполне справедливо» ¹⁾. Въ заключеніе Александръ требуетъ у боговъ награды предпочтительно предъ Цезаремъ, ссылаясь на то, что онъ имѣетъ гораздо большее право на нее, сравнительно съ послѣднимъ ²⁾.

Послѣ того слѣдуетъ состязаніе между Августомъ и Траяномъ. Первый подробно описываетъ свои счастливыя войны противъ внѣшнихъ непріятелей, перечисляетъ свои заслуги въ дѣлѣ водворенія порядка и спокойствія внутри государства, изображаетъ свою дѣятельность, какъ администратора и законодателя, и въ заключеніе требуетъ себѣ первенства предпочтительно предъ упомянутыми выше героями ³⁾. Траянъ началъ свою рѣчь тѣмъ, что сталъ извиняться своею старостію и кратковременнымъ царствованіемъ. Но когда Силенъ возразилъ на это, что время его правленія продолжалось цѣлыхъ 20 лѣтъ, а царствованіе Александра всего 12, то онъ началъ послѣ того описывать свои походы противъ персовъ и гѣтовъ и хвалить свою любовь къ собственнымъ подданнымъ. Послѣ того, какъ Траянъ окончилъ рѣчь, боги выразили похвалу его необыкновенной честности, справедливости и любви къ человечеству ⁴⁾.

Наконецъ являются М. Аврелій и Константинъ Великій. Рѣчь, сказанная первымъ предъ собраніемъ боговъ, особенно замѣчательна и представляетъ собою не мало характерныхъ особенностей. «О Зевсъ и вы боги! воскликнулъ Маркъ Аврелій. Я не нахожу нужнымъ много говорить и спорить! Еслибъ вы не зна-

¹⁾ Намекъ на отношенія къ Каллисѣну и Филоту, сыну Парменіона. Сравни. Plut. IV, 8, Arrian. IV, 10, стр. 324; ed. Spanheim. p. 324.

²⁾ ed. Spanheim. p. 324; ed. Harles p. 65; p. 20 ed. Heusinger.

³⁾ 65—69 p. ed. Harles; 22 p. ed. Heusinger.

⁴⁾ Julian. op., ed. Spanheim. p. 327—328; p. 71—73 ed. Harles; p. 23—24 ed. Heusinger.

ли моихъ подвиговъ, то прилично было бы о нихъ рассказывать. Но такъ какъ они вамъ уже извѣстны и такъ какъ вообще отъ васъ ничто не сокрыто, то опредѣлите сами по моимъ заслугамъ мою награду!»¹⁾ Тогда боги, по словамъ Юліана, единогласно порѣшили, что Маркъ—человѣкъ вполне достойный уваженія и мудрый по преимуществу, такъ какъ онъ умѣетъ различать, гдѣ прилично говорить и гдѣ слѣдуетъ молчать²⁾. Чрезвычайно умѣренный, мудрый и благоговѣйный отвѣтъ, влагаемый Юліаномъ въ уста М. Аврелія, ясно показываетъ его пристрастіе къ личности послѣдняго.

Вслѣдъ за М. Авреліемъ является на сцену и Константинъ Великій. Нельзя не замѣтить съ перваго раза усиленнаго старанія автора «Цезарей» представить личность этого государя въ самомъ смѣшномъ видѣ. Онъ, по словамъ Юліана, сначала выступилъ съ большою увѣренностію, но когда обратилъ взоръ свой на славныя дѣянія другихъ, то замѣтилъ, что его собственные подвиги сравнительно съ ихъ дѣяніями были слишкомъ ничтожны. Онъ могъ похвалиться только тѣмъ, что побѣдилъ двухъ тирановъ, изъ которыхъ одинъ былъ невѣжественъ и развратенъ³⁾, а другой престарѣлый и слабый человѣкъ, — оба ненавидимые и людьми и богами. Его военныя предпріятія противъ варваровъ, говоритъ Юліанъ, казались смѣшными, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ былъ будто бы платить дань⁴⁾, между тѣмъ, какъ самъ пре-

¹⁾ Эти слова вполне согласны съ его признаніемъ въ размышленіи «къ самому себѣ». Julian. op., ed. Spanheim. p. 328; ed. Harles p. 24, ed. Heusinger.

²⁾ Julian. op., ed. Spanheim. p. 328; ed. Harles p. 73; p. 24 ed. Heusinger.

³⁾ Аврелій Викторъ (Hist. Eccl. XLI) упрекаетъ въ этомъ недостаткѣ Максенція. (См. также Евсев. Жизнь Константина, II, 15; Zonaras XIII, 1; Oros. VII, 21), а Лицинія порицаетъ за скупость, корыстолюбіе и жестокость.

⁴⁾ Фактъ совершенно невѣроятный, не встрѣчаемый ни у одного изъ

давался распутной жизни ¹⁾. Тогда Константинъ сталъ въ почтительномъ отдаленіи отъ боговъ и устремилъ свой взоръ на луну, уже нисколько не думая одержать верхъ въ состязаніи героев ²⁾. Луна, какъ извѣстно, служила у язычниковъ божествомъ любви, была особенно чтима и призываема влюбленными женщинами, а мужчины обыкновенно приносили ей жертвы, будучи одѣты въ женскія платья. Такимъ образомъ приведенныя слова Юліана клонятся къ тому, чтобы представить Константина, какъ изнѣженнаго, женоподобнаго и потому достойнаго сожалѣнія человѣка. Несмотря однако на такую несправедливую и нелестную для своего дяди аттестацію, Юліанъ всетаки позволяетъ ему говорить въ свою защиту и представить нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ ему также повидимому можно было домогаться полученія первенства на состязаніи. «Я заслуживаю предпочтенія предъ македоняниномъ, говорилъ Константинъ, потому что сражался противъ римлянъ ³⁾, а не противъ азіатскихъ варваровъ. Предъ Цезаремъ и Октавіаномъ я имѣю преимущество въ томъ, что не сражался, подобно имъ, противъ честныхъ и благородныхъ согражданъ, но только преслѣдовалъ самыхъ злыхъ и вѣроломныхъ тирановъ. Предъ Траяномъ я справедливо долженъ заслуживать предпочтеніе съ одной стороны по причинѣ своихъ геройскихъ подвиговъ противъ тирановъ, а съ другой потому, что я вторично завоевалъ Дакію, которую онъ въ первый разъ покорилъ, такъ

древнихъ писателей. Слова Юліана развѣ можно объяснить въ томъ только смыслѣ, что Константинъ имѣлъ у себя на жаловань наемныя войска.

¹⁾ Нельзя не видѣть намекъ на ночныя богослужебныя собранія христіанъ во времена гоненій.

²⁾ Spanheim. 329; p. 75 ed. Harles, p. 25 ed. Heusinger.

³⁾ Сравни. Zosim. II, 15. Въ войнѣ противъ Максенція Константинъ имѣлъ дѣло главнымъ образомъ съ римскими отрядами.

какъ обратное завоеваніе этой страны было гораздо труднѣе перваго ея покоренія. Что же касается до Марка Аврелія, то онъ уже самымъ своимъ молчаніемъ предоставилъ мнѣ всѣ преимущества!»¹⁾ — Не успѣлъ еще Константинъ кончить своей рѣчи, какъ Силень постарался унизить его подвиги ѣдкою остроотою, что всѣ они очень похожи на бѣдныя тепличныя растенія которыя просуществовавъ немного, увядаютъ и засыхаютъ²⁾. Послѣ того, говоритъ Юліанъ, Константинъ покраспѣлъ, такъ какъ понялъ, что его дѣятельность была совершенно подобна жизни указанныхъ растеній³⁾. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что авторъ «Цезарей» этими словами хочетъ объяснить, что всѣ усилія Константина сдѣлать христіанство господствующею религіею въ римской имперіи должны остаться тщетными.

Далѣе слѣдуетъ третій и послѣдній актъ комедіи, связанный съ предыдущимъ болѣе удачно, нежели два первые между собою. Хотя всѣ герои, принимавшіе участіе въ состязаніи, успѣли высказаться въ пользу своего первенства, однако вопросъ этотъ казался богамъ еще не совершенно оконченнымъ. Одни голые факты еще ничего не говорили въ пользу того или другаго изъ соперниковъ и потому боги, по словамъ Юліана, порѣшили испытать героевъ по части нравственныхъ мотивовъ, которыми каждый изъ нихъ руководствовался въ своей жизни и дѣятельности. Они поручили это дѣло Гермесу и приказали ему спросить сначала Александра, что въ своей жизни онъ считалъ за высшее благо, какими побужденіями руководился при подвигахъ, которые совершилъ, и при несчастіяхъ, которыя испыталъ.

1) Ed. Spanheim. p. 329; p. 75—77 ed. Harles.

2) Ibidem, ed. Spanheim.; p. 77 ed. Harles; p. 25 ed. Heusinger.

3) p. 329 ed. Spanheim; p. 77 ed. Harles; p. 25 ed. Heusinger.

Герой признается, что его завѣтною цѣлю въ жизни было «всѣхъ побѣдить»¹⁾.

При новомъ испытаніи героевъ Силень по прежнему принимаетъ самое главнѣйшее участіе. Благодаря знанію людей и своей особенной ловкости, онъ продолжаетъ, какъ и прежде, дѣлать надъ героями остроумныя замѣчанія, заставляя въ концѣ концовъ каждого изъ нихъ сознаться въ своихъ слабостяхъ и недостаткахъ. Такъ, македонскому герою онъ ставитъ въ упрекъ то, что при желаніи всѣхъ побѣдить, онъ самъ былъ побѣжденъ своими низкими страстями. Цезарь на вопросъ Гермеса, какую цѣль онъ старался преслѣдовать въ своей жизни, отвѣчаетъ: «быть первымъ между моими согражданами»²⁾. Октавіанъ Августъ объявилъ, что цѣлю его жизни — «было искусство хорошо управлять государствомъ»³⁾. Траянъ сказался въ пользу того же самого правила, которому слѣдовалъ Александръ, съ тою только разницею, что онъ стремился къ осуществленію его съ большею разсудительностію и умѣренностію⁴⁾.

Вся слѣдующая сцена посвящена исключительно прославленію М. Аврелія и униженію Константина. Первый обстоятельно доказываетъ, что цѣлю его жизни было «подраженіе богамъ»⁵⁾. Отвѣтъ его показался на столько разсудительнымъ и основательнымъ, что боги остались имъ вполне довольны, самъ Силень принужденъ замолчать и прекратить на время свои остроты, чтобы съ новыми силами сдѣлать нападеніе на Константина. «А ты что считалъ за лучшее въ своей жизни?» спрашиваетъ его Гермесь. «Много

¹⁾ р. 331 ed. Spanheim.; ed. Harles p. 83; p. 27 ed. Heusinger.

²⁾ р. 331 ed. Spanheim; ed. Harles p. 83; p. 27 ed. Heusinger.

³⁾ р. 332 ed. Spanheim.; ed. Harles p. 85—87; p. 28 ed. Heusinger.

⁴⁾ р. 333 ed. Spanheim.; ed. Harles p. 87.

⁵⁾ р. 334—337 ed. Spanheim.; 87—99 — Harles; p. 29—32 ed. Heusinger.

пріобрѣтать и много раздавать, отвѣчаетъ онъ, чтобы удовлетворить собственному желанію и требованіямъ друзей»¹⁾ Тогда Силень, громко усмѣхнувшись, восклицаетъ: «ты хотѣлъ сдѣлаться мѣнялою, а забылъ, что велъ жизнь повара и дѣлателя искусственныхъ волосъ!»²⁾ На это давно уже указываетъ твой головной уборъ, а теперь твое признаніе служить очевиднымъ упрекомъ противъ тебя!»³⁾

Наконецъ наступаетъ послѣдняя сцена. Водворяется глубокая тишина. Боги, по словамъ Юліана, тайно отбираютъ голоса для присужденія первенства тому или другому герою, причемъ Маркъ Аврелій получаетъ большинство ихъ. Послѣ того Зевсъ приказываетъ Гермесу прочесть слѣдующее рѣшеніе: «Мужи, сопедшіеся на настоящее состязаніе! Знайте, что наши законы и судебныя постановленія повелѣваютъ, чтобы не только побѣдитель торжествовалъ, но чтобы также и побѣжденный не сѣтовалъ. Итакъ, идите подъ нокровительство боговъ, кому куда угодно! Отнынѣ вы должны жить здѣсь и пусть каждый изъ васъ избересть здѣсь бога-покровителя!»⁴⁾}] Послѣ такого объявленія Александръ немедленно поспѣшилъ къ Геркулесу, Октавіанъ къ Аноллону, Маркъ Аврелій примкнулъ къ Зевсу и Кроносу. Цезарь долгое время бѣгалъ въ нерѣшимости, пока не подозвали его къ себѣ Марсъ и Венера, Траянъ послѣдовалъ за Александромъ. Одинъ только Константинъ долгое время не находилъ между богами себѣ покровителя, пока, наконецъ, не увидѣлъ вблизи себя боги-

¹⁾ p. 337 ed. Spanheim.; p. 93 ed. Harles.

²⁾ Этотъ упрекъ Юліана относится главнымъ образомъ къ учрежденію Константиномъ Великимъ новаго придворнаго штата, соединеннаго съ значительными издержками. Сравни. А. Wict. Извѣд. 41.

³⁾ p. 334—337 ed. Spanheim., ed. Harles p. 95.

⁴⁾ ed. Heusinger. p. 31; ed. Harles p. 95. Jul. imp. op., ed. Spanheim. p. 335.

ню роскоши (τρυφή) и не поспѣшилъ къ ней. Та приняла его по словамъ Юліана, очень ласково и, одѣвши въ пестрыя женскія платья, повела далѣе къ богинѣ сладострастія (ἡσυχία). Тутъ встрѣтилъ онъ своего сына (υἱόν, по изданію Спангейма, Ιησοῦν — по изданію Канто-кляруса), который извѣщалъ всѣмъ: «кто оболъститель, убійца, кто обремененъ долгами и преступленіями, тотъ пусть спокойно идетъ ко мнѣ, и я сдѣлаю его чистымъ, омывъ водою. Когда онъ вторично впадетъ въ тоже самое преступленіе, то я снова возвращу ему чистоту, если только онъ станетъ себя бить въ грудь и ударять въ голову!» ¹⁾ Нельзя не видѣть, что этими словами, очень сходными съ выраженіями Цельса, Юліанъ кощунствуетъ надъ всѣмъ христіанскимъ ученіемъ вообще и надъ таинствомъ св. крещенія и покаянія въ особенности. При всемъ томъ писатели, особенно благосклонно относящіеся къ Юліану, пытаются объяснить приведенное мѣсто въ совершенно иномъ смыслѣ, нежели тотъ, который мы указали. Такъ Спангеймъ подъ словомъ υἱόν понимаетъ императора Констанція, а Блетеръ ²⁾ Криспа, — сыновей Константина Великаго. Очевидно оба эти толкованія натянуты, прямо противорѣчатъ связи рѣчи и намѣренію Юліана.

Въ заключеніе всего Константинъ вмѣстѣ съ своими сыновьями попадаетъ, по словамъ Юліана, въ руки злыхъ фурій, пока Зевсъ ради добродѣтелей его предковъ не сжалился надъ ихъ злосчастною участью. Христіанскіе

¹⁾ Julian. Caesares ed. Joh. Mich. Heusinger. p. 31: ἵνα καὶ τὸν υἱὸν εὐρώων ἀναστρέφόμενον καὶ προσχηρεύοντα πάντιν, ὅστις φθόρευς, ὅστις μικρὸς, ὅστις ἐναγῆς καὶ βδελυρὸς ἴτω θαρρόων ἀποφανῶ γὰρ αὐτὸν τουτῷ τῷ ὕδατι λούσας, αὐτίκα καθαρόν καὶ πάλιν ἑνοχὸς τοῖς αὐτοῖς γένηται, δώσω τὸ στηθεὺς πληξάντι, καὶ τῇν κεφαλὴν πατόξαντι, καθαρῶ γενέσθαι, (ὁ δὲ) σφόδρα ἄτμενος ἐνέτοχεν αὐτῇ συνεξαγαγὼν τοῖς τῶν θεῶν ἀγορᾶς τοῖς παῖδας κ. τ. λ.

²⁾ Bleterie, Vie de l'empereur Julien Reims 1810 p. 267.

императоры на тронѣ цезарей представлялись въ глазахъ отступника аномаліей, ихъ мѣсто должно быть скорѣе въ тартарѣ, нежели въ роскошныхъ палатахъ императорскаго дворца. Чѣмъ болѣе важнымъ представлялся въ глазахъ вѣрующихъ переходъ Константина Великаго въ христіанство, тѣмъ съ большею ревностію старался Юліанъ отыскать темныя черты въ характерѣ этого императора. Три его сына въ глазахъ отступника не принадлежатъ даже къ числу цезарей и только pozorятъ ихъ имя.

Стремленіе Юліана подвергнуть въ разсматриваемой сатирѣ самому безпощадному суду всѣхъ своихъ предшественниковъ на тронѣ и злостно осмѣять личности христіанскихъ императоровъ всегда возбуждало справедливое негодованіе древнихъ историковъ и изслѣдователей новаго времени. Особенное вниманіе съ нашей стороны заслуживаетъ въ настоящемъ случаѣ безпристрастное и справедливое сужденіе Сократа. «Возрастая все болѣе и болѣе тщеславіемъ, Юліанъ, говорить этотъ историкъ, въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Цезари» осмѣялъ всѣхъ бывшихъ прежде него императоровъ. Изгнать поваровъ и цирюльниковъ было по крайней мѣрѣ свойственно философу, если не царю, но порицать и осмѣивать другихъ не прилично ни философу, ни царю, потому что тотъ и другой выше всякой брани и клеветы»¹⁾.

Другимъ сатирическимъ произведеніемъ вышедшимъ изъ подъ пера Юліана, былъ Мисопогонъ (*Ἰουλιανου τοῦ Αὐτοκράτορος Μισοπῶγον, ἢ Ἀντιοχείας*, — *Misopogon vel Antiochensis*) т. е. ненавистникъ бороды или Антиохіецъ²⁾.

¹⁾ Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 260.

²⁾ Кромѣ общаго изданія сочиненій Юліана подъ редакціею Спангейма, гдѣ Мисопонъ занимаетъ стр. 337—371, эта сатира имѣетъ еще нѣсколько отдѣльных изданій. Такъ, греческій текстъ ея съ латинскимъ переводомъ былъ изданъ отдѣльно въ Парижѣ въ 1566 г. Петромъ Мартини подъ за-

Время составленія его совпадаетъ съ послѣднимъ мѣсяцемъ пребыванія Юліана въ Антиохіи. Хотя эта сатира по своей основной мысли не направлена прямо противъ христіанства и вѣрующихъ, но обращена ко всему антиохійскому населенію безъ различія его религіозныхъ убѣжденій, при всемъ томъ въ ней очень часто встрѣчаются ненавистныя нападенія на религію галилеянъ, дѣлаемая какъ бы мимоходомъ и притомъ совершенно случайно.

Ближайшій поводъ къ составленію Юліаномъ Мисопогона намъ уже извѣстенъ. Что касается до внѣшней его формы, то въ этомъ случаѣ онъ является какъ бы самообвиненіемъ, причемъ императоръ описываетъ свои хорошія свойства какъ недостатки и открыто сознается въ нихъ, представляя дурныя свойства антиохійцевъ какъ добродѣтели, подражать которымъ онъ однако не въ состояніи, такъ какъ сдѣлался уже очень старъ. Понятно, что подъ этимъ кажушимся порицаніемъ собственной своей личности скрывается самое гордое самохвальство и самая злая иронія надъ недостатками и пороками антиохійскаго населенія.

Въ началѣ Мисопогона Юліанъ высказываетъ мысль, что выражать месть посредствомъ насмѣшекъ не принято, писать же злостную сатиру противъ своихъ враговъ воспрещено закономъ, вслѣдствіе чего онъ намѣренъ написать сатиру на самого себя, что не воспрещается никакими постановленіями. Императоръ сознается, что первый недостатокъ его заключается въ томъ, что онъ хотя отъ природы созданъ не безъ прелестей и красоты, однако на свою внѣшность мало обращаетъ вниманія, свободно дозволяетъ расти своей козлиной бородѣ и не обращаетъ на нее никакого вниманія, если бы даже

водились въ ней паразиты. Описывая далѣе свой суровый образъ жизни, Юліанъ заявляетъ, что сдѣлался страшнымъ врагомъ всякаго рода зрѣлищъ, имѣетъ пристрастіе къ грубой пищѣ, презираетъ всѣ удовольствія пренебрегаетъ всѣми жизненными удобствами, утверждая, что не можетъ отвыкнуть отъ того, къ чему привыкъ съ самаго ранняго дѣтства, — суровости, закаленности и простому образу жизни, сдѣлавшимся для него какъ бы второю природою. Онъ говоритъ, что внушая суровостію свой жизни воинственнымъ галламъ и германцамъ невольный страхъ и ужасъ, въ такомъ образованномъ и изнѣженномъ городѣ, какъ Антиохія, не можетъ рассчитывать ни на какую честь. Антиохійцы во всемъ представляютъ ему рѣшительный контрастъ, будучи изысканны и роскошны въ одеждѣ, невоздержны и неумѣренны въ своихъ удовольствіяхъ и ни къ чему болѣе не привязаны, какъ только къ однимъ играмъ и театральнымъ зрѣлищамъ. Они не имѣютъ никакого расположенія къ предметамъ, которые ему были особенно дороги, — не занимаются поэзіею ¹⁾, не любятъ философіи, которая научаетъ добродѣтели, умѣренности и мудрости, и потому естественно не могутъ быть его друзьями ²⁾. Далѣе Юліанъ описываетъ свою религіозную ревность и усердіе при совершеніи жертвоприношеній, и въ контрастъ ей выставляетъ чрезвычайную холодность антиохійцевъ къ языческому культу, ихъ неблагоговѣйное стояніе въ храмахъ во время богослуженія и нерадѣніе въ совершеніи жертвоприношеній, выразившееся особенно рельефно на извѣстномъ праздникѣ въ честь Аполлона Дафнійскаго. При этомъ случаѣ онъ дѣлаетъ косвенные нападки на вѣрующихъ и исповѣдуемую ими религію ³⁾.

¹⁾ Julian. Misopogon. стр. 351.

²⁾ Julian. Misopogon. стр. 355.

³⁾ Ibidem, p. 360—361.

Не слѣдуетъ забывать, что большинство жителей Антиохіи были христіане и потому всѣ обвиненія и остроты отступника противъ антиохійскаго населенія непосредственно касались также христіанъ. Особенно Юліанъ упрекаетъ христіанскихъ женщинъ Антиохіи въ томъ, что онѣ съ помощію денегъ и имущества своихъ мужей совершаютъ дѣла милосердія и благотворительности среди людей бѣдныхъ и нуждающихся, такимъ образомъ содѣйствуя усиленію въ городѣ христіанской пропаганды, и считаетъ ихъ главными виновницами упадка политеизма въ этомъ городѣ и нравственной распущенности его жителей. Императоръ утверждаетъ, что отъ нихъ юношество возрастаетъ въ своеволіи и распущенности, не научается уваженію къ старѣйшимъ лицамъ и послушанію къ начальству. Онѣ привлекаютъ его къ религіознымъ упражненіямъ посредствомъ сладострастія, которое такъ свойственно юношамъ и прилично скорѣе животнымъ, чѣмъ людямъ ¹⁾). Упрекъ Юліана, будто бы въ нравственной распущенности антиохійцевъ виновна главнымъ образомъ христіанская религія, ими исповѣдуемая, основанъ очевидно на самомъ грубомъ заблужденіи. Справедливо, что антиохійское населеніе по своему характеру отличалось большою склонностію къ веселой и беззаботной жизни, которую не въ состояніи было ослабить даже распространившееся среди его христіанство. Но никакъ нельзя допустить, чтобы своею нравственною распущенностію жители Антиохіи обязаны были принятому ими новому ученію. Юліанъ впадаетъ здѣсь въ очевидное противорѣчіе, выпутаться изъ котораго онъ не въ состояніи, не смотря на всѣ приводимые имъ софизмы ²⁾). Передавая между прочимъ рассказъ Плутарха о приѣмѣ, ока-

¹⁾ Ibidem, p. 365—368.

²⁾ Julian. Misopogon. p. 357.

занномъ антiохійцами Катону младшему, онъ выводитъ отсюда заключеніе, что антiохійское населеніе издавна отличалось своею нравственною распущенностію. Отсюда само собою понятно, что если уже при Катонѣ за 400 лѣтъ до разсматриваемаго времени антiохійцы были чрезвычайно распущены въ нравственномъ отношеніи, то въ этомъ нисколько не виновато христіанство, которое, несмотря на всѣ свои усилія, не могло улучшить ихъ нравовъ.

Кромѣ обвиненій въ распущенной и изнѣженной жизни, Юліанъ дѣлаетъ въ своемъ Мисопогонѣ и другіе язвительные упреки христіанскому населенію Антіохіи. При этомъ случаѣ онъ особенно сильно кощунствуетъ надъ нѣкоторыми приводимыми имъ мѣстами изъ Новаго Завета, напр. Мѡ. 11, 19—28; Марк. 16, 16, Лук. 7, 34; 15, 2; Дѣян. 2. 38; 22, 16; 1 Кор. 5, 17; 6, 9—11.

6) Полемико-религіозное произведеніе «противъ христіанъ» (κατὰ τῶν χριστιανῶν).

Кромѣ «Цезарей» и «Мисопогона», касающихся христіанства только стороною, косвенно и какъ бы мимоходомъ, и самыя нападенія которыхъ являются въ формѣ голословныхъ сатирическихъ замѣчаній, до насъ сохранилось отъ Юліана полемико-религіозное произведеніе, извѣстное подъ именемъ «книги противъ христіанъ» (κατὰ τῶν χριστιανῶν), специально направленное въ опроверженіе Божественной религіи Христа. Оно не дошло до насъ во всей его цѣлости, но только въ открывкахъ у св. Кирилла, архіепископа Александрійскаго и блаженнаго Θεодорита ¹⁾.

¹⁾ Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κυρίλλου Ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας; ὑπὲρ τῆς τῶν χριστιανῶν εὐαγγελίας Ἀρρητικίας, πρὸς τὰ τοῦ ἐν ἁγίοις Ἰουλιανοῦ, ed. Spanheim. Lipsiae 1696, p. 361. Отрывки изъ полемическаго сочиненія Юліана, изъ-

Для осуществленія своей цѣли опровергнуть христіанство въ его догматахъ, законахъ и учрежденіяхъ Юліанъ владѣлъ всѣми необходимыми средствами, которыми не располагалъ до него ни одинъ изъ литературныхъ противниковъ христіанства и защитниковъ умиравшаго политеизма. Основательное и глубокое знаніе языческой философіи, міеологіи и исторіи онъ соединялъ съ знакомствомъ съ догматами христіанскаго вѣроученія и Св. Писаніемъ, откуда онъ съ замѣчательнымъ искусствомъ заимствовалъ не мало мѣстъ для своего полемическаго произведенія. Такимъ образомъ Юліанъ казался тѣмъ болѣе опаснымъ литературнымъ врагомъ христіанства, что могъ вести борьбу съ нимъ на его же собственной почвѣ и его же собственнымъ оружіемъ, а не отдѣлываться одними голословными обвиненіями вѣрующихъ въ разнаго рода тайныхъ преступленіяхъ, которыя до сихъ поръ возводили на нихъ язычники и вся ложность которыхъ теперь, при ближайшемъ знакомствѣ съ христіанами, казалась слишкомъ очевидною. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что его полемика нерѣдко страдаетъ повтореніемъ тѣхъ самыхъ возраженій противъ христіанства, которыя давно уже были опровергнуты Оригеномъ, Евсевіемъ и другими апологетами. При всемъ томъ полемическое произведеніе отступника содержитъ въ себѣ не мало новаго и оригинальнаго, чего нельзя встрѣтить въ произведеніяхъ противниковъ церкви предшествовавшаго времени. Въ этомъ случаѣ особенное значеніе имѣетъ его уже извѣстное намъ оригинальное объясненіе дѣйствительнаго бытія національ-

влеченные изъ указаннаго труда св. Кирилла, изданы въ греческомъ текстѣ съ французскимъ переводомъ маркизомъ Даржаномъ въ его изданіи: *Deffense du paganisme par l'empereur Julien en Grec et en Français, avec des dissertation et des Notes pour servir d'eclaircissement au texte et pour en refuter les erreurs.* Berlin 1664. Второе изданіе вышло въ 1768 г. въ Парижѣ и, наконецъ, третье въ 1769 г. тамъ же.

ныхъ божествъ, дарованныхъ Верховнымъ Существомъ отдѣльнымъ народамъ для ихъ управленія. Не меньшею оригинальностію отличается также его мысль о солидарности между собою религіозныхъ учрежденій язычества и іудейства.

Разсматриваемое въ цѣломъ своемъ составѣ, полемическое сочиненіе Юліана «противъ христіанъ» представляетъ собою какъ бы нѣкоторую систематическую параллель между христіанствомъ и язычествомъ, такъ что здѣсь защита политеизма идетъ рука объ руку съ нападеніями на христіанство, что собственно и придаетъ своеобразный характеръ полемикѣ Юліана сравнительно съ полемикою предшествовавшихъ ему апологетовъ язычества. Эти послѣдніе, ясно сознавая все ничтожество и несостоятельность отжившихъ вѣрованій политеизма, когда вступали въ литературную борьбу съ христіанствомъ, не задавались цѣлію защищать язычество, а только руководимые сильною ненавистью къ христіанству, пытались отыскивать въ немъ предметы, достойные на ихъ взглядъ посмѣянія и осужденія. Напротивъ, Юліанъ проникнутъ глубокою, неподдѣльною вѣрою въ догматы политеизма, приводитъ ихъ почти на каждомъ шагѣ и старается всюду выступать во всеоружіи ихъ противъ нечестія безбожной секты галилеянъ, какъ называлъ онъ христіанъ. Другая характерная особенность полемики Юліана заключается въ томъ, что онъ не отрицаетъ прямо ни исторической достовѣрности, ни дѣйствительности источниковъ христіанскаго вѣроученія, но старается опровергнуть божественное происхожденіе христіанской религіи, представить чисто человѣческимъ изобрѣтеніемъ ея ученіе, законы, учрежденія и выставить такимъ образомъ христіанство религіей низшей іудейства и язычества. Онъ смотритъ на христіанство не болѣе, какъ только на религіозную секту,

которая произошла отъ іудейства и съ теченіемъ времени не только отступила отъ послѣдняго, но не осталась даже вѣрною самой себѣ. Она заимствовала себѣ, по его словамъ, изъ іудейства и язычества одни только дурные элементы — отъ іудеевъ невѣріе въ боговъ, а отъ грековъ свойственный имъ распутный образъ жизни ¹⁾. Составивъ себѣ такого рода ложное представленіе о христіанствѣ, какъ продуктъ іудейства и язычества, Юліанъ въ разсматриваемомъ полемическомъ сочиненіи старается слить его съ обѣими религіозными системами. При нападеніи на различные догматы христіанства, онъ пытается подорвать истинность ихъ тѣмъ, что съ одной стороны указываетъ мнимыя противорѣчія ихъ между собою, а съ другой отысканіемъ противорѣчій въ свидѣтельствахъ, приводимыхъ въ ихъ защиту изъ новозавѣтныхъ и ветхозавѣтныхъ писателей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти мнимыя противорѣчія въ глазахъ Юліана представлялись слишкомъ ничтожными и несостоятельными, онъ пытается самымъ согласіемъ Ветхаго и Новаго завѣта между собою привести христіанъ къ іудейству, а затѣмъ уже къ язычеству. При помощи такого метода, онъ смѣло вступаетъ въ область Св. Писанія, пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы открыть въ немъ кажушіяся противорѣчія и неточности, беретъ мѣста отрывочно и безъ всякой связи и употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы объяснить ихъ въ свою пользу, извратить смыслъ и придать своеобразное объясненіе. Отсюда понятно, что всякому апологету христіанства, принявшему на себя трудъ опроверженія разсматриваемаго полемическаго тру-

¹⁾ Julian ap. Cyrill. 11. VII, p. 43: ἀπ' αὐποῦν δὲ τὰς παραπεπηγύας, τοῖς ἔθνεσιν ὡσπερ τινὰς κήρας, θρεπόμενοι, τὴν ἀθεότητά μιν ἐκ τῆς Ἰουδαϊκῆς ραδιουργίας, φαῦλον δὲ καὶ ἐπισσευμένον βίον ἐκ τῆς παρ' ἡμῖν ραθυμίας καὶ χυδαιότητος, τοῦτο τῇν ἀρίστην θεοσίβειαν ὀνομάζεσθαι ἡθίλησαν.

да отступника, предстояла задача просто излагать православное вѣрованіе церкви и обличать злонамѣренное искаженіе имъ той или другой христіанской истины. Какъ въ своихъ нападеніяхъ на христіанство, такъ и въ защищеніи геллинизма, Юліанъ повсюду старается дѣйствовать при помощи софистики, которая служить ему самымъ лучшимъ средствомъ для того, чтобы запутать своими софизмами людей не особенно сильныхъ въ знаніи церковныхъ догматовъ и учреждений. Называя Юліана «догматовводителемъ и софистомъ», св. Григорій Богословъ этими словами чрезвычайно мѣтко характеризуетъ направленіе всей полемики его противъ христіанства ¹⁾.

Полемическое сочиненіе Юліана не сохранилось до нашего времени во всей его цѣлости, будучи неокончено за внезапную смертію автора въ персидскомъ походѣ. Юліанъ началъ писать его въ длинныя зимнія ночи, проведенныя въ Антиохіи, окруженный множествомъ философовъ и можетъ быть даже не безъ ихъ содѣйствія и продолжалъ во время персидскаго похода среди битвъ и ожесточенныхъ схватокъ съ непріателемъ ²⁾. Разсматриваемый полемиическій трудъ императора, по свидѣтельству св. Кирилла Александрійскаго, состоялъ изъ трехъ ³⁾, а по извѣстію сохраненному блаженнымъ Іеронимомъ, изъ семи книгъ ⁴⁾. При недостаткѣ другихъ историческихъ свидѣтельствъ рѣшить эти разнорѣчивыя показанія довольно трудно. Если мы не допустимъ, что полемиическое сочиненіе Юліана въ различныхъ рукописяхъ было раздѣляемо различнымъ образомъ, въ такомъ

¹⁾ Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 164—167.

²⁾ Liban Epist. XIV, p. 580.

³⁾ Julian ap. Cyrill. I, p. 3.

⁴⁾ Hier. Epist. ad Magn. IV, 2, p. 655.

случаѣ слѣдуетъ отдать предпочтеніе свидѣтельству св. Кирилла, такъ какъ онъ, ведя литературную борьбу съ отступникомъ, необходимо долженъ былъ быть болѣе другихъ знакомъ съ его полемическимъ произведеніемъ. Уже во времена Сократа оно считалось весьма большою библіографическою рѣдкостію ¹⁾). Причина такого явленія весьма понятна. Въ глазахъ вѣрующихъ полемическій трудъ отступника представлялся самымъ безбожнымъ и нечестивымъ произведеніемъ и потому предавался съ ихъ стороны самому беспощадному истребленію, между тѣмъ, какъ язычество все болѣе и болѣе приходило въ упадокъ и его представители мало по малу утрачивали сочувствіе къ своей религіи и къ сочиненіямъ, ее защищавшимъ. Вслѣдствіе утраты подлиннаго сочиненія Юліана, мы только благодаря св. Кириллу, архіепископу Александрійскому, писавшему противъ него опроверженіе подъ заглавіемъ: «объ истинной религіи христіанской противъ безбожнаго Юліана», можемъ отчасти ознакомиться съ характеромъ тѣхъ нападеній противъ христіанства, которыя изложены въ этомъ произведеніи. Въ свою очередь и обширный полемическій трудъ св. Кирилла противъ Юліана не дошелъ до насъ въ полномъ своемъ видѣ, такъ что отъ 19 книгъ, изъ которыхъ онъ состоялъ, сохранились только десять, между тѣмъ какъ остальные девять совершенно утратились. При всемъ томъ произведеніе св. Кирилла имѣетъ для насъ весьма большую важность въ томъ отношеніи, что хотя оно и не знакомитъ со всѣми возраженіями Юліана, однако представляетъ главнѣйшія изъ нихъ въ извлеченіи подлинными словами отступника. Кромѣ св. Кирилла одинъ отрывокъ изъ разсматрива-

¹⁾ Сокр. Ц. И. III, 23.

емаго полемическаго сочиненія Юліана сохранилъ Сократъ въ своей церковной исторіи ¹⁾).

Юліанъ начинаетъ свои нападенія на христіанство съ Ветхаго Завѣта. Не смотря на извѣстныя уже намъ сильныя симпатіи императора къ религіи Іеговы, онъ тѣмъ не менѣе старается отыскать множество несообразностей въ Ветхозавѣтномъ Откровеніи, противныхъ его неоплатоническимъ воззрѣніямъ. Такъ, утверждая согласно съ послѣдними, что міръ образованъ Богомъ изъ готовой матеріи и что только высшія духовныя существа созданы непосредственно Верховнымъ Существомъ, между тѣмъ, какъ низшія матеріальныя созданія и самое тѣло человѣческое образованы были низшими богами, Юліанъ находитъ ученіе Моисея о твореніи всего Богомъ несообразнымъ и недостаточнымъ сравнительно съ ученіемъ греческихъ мудрецовъ ²⁾). Онъ несправедливо ставитъ въ вину Бытописателю, будто онъ ни слова не говоритъ о твореніи бездны, тьмы и воды, между тѣмъ, какъ сказавши, что свѣтъ произошелъ по повелѣнію Божію, долженъ былъ упомянуть тоже самое и объ этихъ предметахъ. Далѣе онъ дѣлаетъ упрекъ Моисею въ томъ, что тотъ ничего не упоминаетъ о твореніи ангеловъ и изъ всего этого выводитъ несправедливое заключеніе, будто Богъ Моисея не есть Творецъ безтѣлесныхъ вещей, но только устроитель готовой матеріи. Что касается до выраженія Бытописателя «земля была невидима и не устроена», то оно по словамъ Юліана, вполне свойственно человѣку, который предполагаетъ матерію уже существующею, а Бога почитаетъ только, какъ организатора ея ³⁾). Моисей ничего не упо-

¹⁾ Сокр. Ц. И. III, 28.

²⁾ Julian ap. Cyrill. II, 49, 65.

³⁾ Julian ap. Cyrill. I, 6, p. 49.

минаетъ о томъ, что случилось выше міра, говорить Юліанъ, ничего не сообщаетъ о природѣ ангеловъ, но упоминаетъ только очень часто, что они служители Божіи. Сотворены ли они, или не сотворены, созданы ли они чрезъ другаго кого, или чрезъ Бога, исключительно ли они служители Божіи, или же отправляютъ другія какія либо должности, онъ не сообщаетъ ничего опредѣленнаго въ этомъ отношеніи ¹⁾. Далѣе, Юліанъ ставитъ въ вину Бытописателю, что онъ ничего не упоминаетъ ни о происхожденіи, ни о созданіи Св. Духа, но ограничивается однимъ простымъ замѣчаніемъ, что Духъ Божій носился надъ водами ²⁾.

Представляя такимъ образомъ Бога Моисеева Творцомъ исключительно только однихъ матеріальныхъ вещей и отрицая съ Его стороны всякое участіе въ твореніи духовныхъ существъ, Юліанъ порицаетъ сказаніе Бытописателя о твореніи человѣка. Разсказъ Моисея о созданіи Адама однимъ только Верховнымъ Божествомъ онъ считаетъ несправедливымъ на томъ основаніи, что, по его понятію, Верховному Существу должно принадлежать твореніе одной только души, между тѣмъ, какъ созданіе всего прочаго должно быть поручено низшимъ, подчиненнымъ ему богамъ ³⁾. Ученіе Моисея о происхожденіи зла также представляется въ глазахъ Юліана несообразнымъ ⁴⁾. Всѣ его нападенія при этомъ случаѣ показываютъ, какъ трудно было язычникамъ представить грѣхъ и зло, какъ свободное дѣло человѣка, а не какъ что либо необходимое по своей природѣ. Если признать справедливымъ сказаніе Моисея о грѣхопаде-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Julian ap. Cyrill. p. 96. Πρὸς τοὺτοις δὲ οὐδὲ περὶ γενέσεως ἢ περὶ ποιήσεως τοῦ πνεύματος εἰπεῖν ἐτόλμησεν, ἀλλὰ μόνον καὶ πνεῦμα Θεοῦ ἐπεφύετο ἐπάνω τοῦ ὕδατος, πότερον δὲ ἀγένητόν ἐστιν ἢ γέγονεν, οὐδὲν διασαφεῖ.

³⁾ Julian ap. Cyrill. I, 6.

⁴⁾ Julian ap. Cyrill. III p. 80—86.

нии прародителей, говорить Юліанъ, въ такомъ случаѣ нужно будетъ допустить, будто Богъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Онъ создалъ жену съ тою цѣлію, чтобы она служила помощницею своего мужа, а между тѣмъ она сдѣлалась виновницею происхожденія зла въ мірѣ и всѣхъ несчастій для себя, своего мужа и всего потомства¹⁾. Далѣе разсказъ Бытописателя о грѣхопадении, по словамъ Юліана, находится будто бы въ противорѣчій съ мыслию о благодати и правосудіи Божиѣмъ. представляя Бога лишившимъ человѣка самаго величайшаго изъ его даровъ — мудрости и безжалостно изгнавшаго изъ рая за стремленіе пріобрѣсти это драгоценное для себя сокровище. «Что касается до змѣя, говорящаго съ Евою, то мы спросимъ, продолжаетъ Юліанъ, какой языкъ служилъ имъ въ этомъ случаѣ — человѣческій или какой либо другой? Чѣмъ все это отличается отъ вымысловъ Грековъ?²⁾ Можетъ ли быть существо болѣе неразумное, какъ то, которое не въ состояніи различать добро отъ зла? Очевидно безъ этого люди навсегда оставались бы неразумными и не умѣли бы слѣдовать добру и избѣгать зла. Богъ воспретилъ человѣку вкушеніе отъ того, что составляетъ источникъ разума и способность самую благородную въ человѣкѣ»³⁾. Такимъ образомъ змій искуситель въ глазахъ Юліана

¹⁾ Ibidem, III, p. 75. Τούτοις παράβαλλε τὴν Ἰουδαϊκὴν διδασκαλίαν, καὶ τὸν φυτευόμενον ὑπὸ τοῦ Θεοῦ παράδεισον, καὶ τὸν ὑπ' αὐτοῦ πλαττόμενον, Ἀδὰμ, εἴτα τὴν γενομένην αὐτῷ γυναῖκα. λέγει δὲ ὁ Θεός. οὐ καλὸν εἶναι τ' ἄνθρωπον μόνον, ποιήσομεν αὐτῷ βοηθὸν κατ' αὐτόν. πρὸς οὐδὲν μὲν αὐτῷ τ' ὅλων βοηθήσασαν, ἐξαπατήσασαν δὲ καὶ γενομένην παραιτίαν αὐτῷ τε ἔκεινῳ, καὶ αὐτῇ οὐτ' πεσεῖν ἔξω τ' οὕτε παραδείσου τρυφῆς. Ταῦτα δὲ ἐστὶ μυθώδη παντελῶς. Ἐπεὶ πῶς εὐλογον ἀγνοεῖν τε Θεόν, ὅτι τὸ γεγόμενον ὑπ' αὐτοῦ πρὸς βοήθειαν, οὐ πρὸς καλοῦ μᾶλλον, πρὸς κακοῦ τῷ λαβόντι γενήσεται κ. τ. λ.

²⁾ Julian. ap. Cyrill. III, p. 86. Τὸν γὰρ ὅτιν τὸν πρὸς τὴν Εὐὰν διαλεγόμενον, ποδαπῇ τινι φήσομεν. χρῆσθαι διαλέκτῳ; ἔρα ἀνθρωπεῖα; καὶ τί διαφέρει τῶν παρὰ τοῖς Ἑλλήσι πεπλασμένων μύθων τὰ τοιαῦτα κ. τ. λ.

³⁾ Ibidem.

является скорѣе благодѣтелемъ, нежели врагомъ рода человѣческаго. Очевидно императоръ при этомъ случаѣ упускаетъ изъ вниманія, что въ разсказѣ Бытописателя о грѣхопаденіи нашихъ прародителей рѣчь идетъ не о теоретическомъ познаніи добра и зла. Въ немъ человѣкъ никогда не могъ имѣть недостатка, какъ существо, созданное разумнымъ, но добро и зло не были еще ему извѣстны чрезъ собственный опытъ. До грѣхопаденія люди имѣли чистое познаніе о добрѣ и злѣ, подобно тому, какъ здоровый человѣкъ можетъ имѣть понятіе о болѣзни, еще не испытавъ ее самъ. Послѣ же грѣхопаденія люди могли узнать зло, какъ всякій изъ насъ узнаетъ болѣзнь, которою былъ самъ одержимъ.

Выставляя на видъ мнимую несостоятельность Ветхозавѣтнаго ученія о происхожденіи зла въ мірѣ, Юліанъ подвергаетъ критикѣ разсказъ Бытописателя о столпотвореніи вавилонскомъ и смѣшеніи языковъ. По словамъ его, этотъ разсказъ не можетъ разсчитывать на историческую достовѣрность на томъ простомъ основаніи, что имѣетъ будто бы очень много сходнаго съ мифами Гомера объ Отусѣ и Ефіальтусѣ — дѣтяхъ Нептуна и Иигеніи, великанахъ, громоздившихъ одну гору на другую съ тою цѣлю, чтобы подняться на небо ¹⁾. Юліанъ при этомъ случаѣ выражаетъ удивленіе, почему христіане, принимая за вполне достовѣрный разсказъ Моисея о столпотвореніи и смѣшеніи языковъ, не имѣютъ никакого довѣрія и отвергаютъ, какъ совершенно вымышленный, разсказъ Гомера о подвигахъ упомянутыхъ великановъ ²⁾. Если даже допустить, утверждаетъ онъ, что люди нѣкогда говорили однимъ словомъ и однимъ языкомъ, то всетаки невозможно, чтобы соединенными усиліями они были въ состояніи построить

¹⁾ Hom. Odyss. XI, 307; Julian. ap. Cyrill. IV, 3.

²⁾ Julian ap. Cyrill. IV, 3.

городъ и башню, простиравшіеся до самыхъ небесъ, собравши кирпичи со всей земли ¹⁾). Равнымъ образомъ, по мнѣнію Юліана, неразумно вѣрить, будто Богъ могъ устрашиться предпріятія людей, если они единодушно, унотребляя одинъ языкъ, могли проложить себѣ путь къ небу, — также что онъ по этой причинѣ вынужденъ спуститься на землю и произвести смѣшеніе языковъ, какъ будто бы не могъ сдѣлать того же самаго, находясь на небѣ ²⁾). Юліанъ ставитъ въ вину Моисею, что онъ говоритъ только объ одномъ происхожденіи языковъ, но нисколько не упоминаетъ о происхожденіи національныхъ нравовъ, законовъ, обычаевъ и политическихъ учрежденій, между тѣмъ, какъ въ нравственныхъ, юридическихъ и политическихъ воззрѣніяхъ народовъ, по его словамъ, заключается гораздо большее различіе, нежели въ языкахъ.

Юліанъ думаетъ найти и другія мнимыя несообразности въ ветхозавѣтномъ откровеніи. Такъ, по его словамъ, Моисей несправедливо учитъ о своемъ Іеговѣ, какъ Верховномъ Существѣ, Творцѣ и Промыслителѣ всего міра и всѣхъ людей. Іегова представляется въ глазахъ его не болѣе, какъ только національнымъ Божествомъ іудейскаго народа, въ удѣлъ которому была назначена Верховнымъ Существомъ Палестина, какъ наслѣдственная область ³⁾). Юліанъ находитъ неприличнымъ и несправедливымъ, что Іегова во многихъ мѣстахъ Ветхаго Завѣта воспрещаетъ почитаніе другихъ боговъ, кромѣ себя одного ⁴⁾). По его взгляду, всякое существо, принимаемое за національное Божество, не имѣетъ никакого права воспрещать почитаніе другихъ боговъ, которые могутъ

¹⁾ Julian ap. Cyrill. IV, 3.

²⁾ Ibidem, VI, 4.

³⁾ Julian ap. Cyrill. III, 89, 99, 107.

⁴⁾ Ibidem.

стоять даже выше его. Отсюда онъ видитъ въ такомъ запрещеніи или зависть, или ревность, или, наконецъ, безсиліе іудейскаго Іеговы воспрепятствовать введенію культа другихъ боговъ ¹⁾. Далѣе въ глазахъ Юліана представляются неприличными гнѣвъ и жажда мести, приписываемыя Моисеемъ іудейскому Іеговѣ. Въ подтвержденіе справедливости послѣдней мысли, онъ приводитъ фактъ наказанія Богомъ преступниковъ, обольщенныхъ моавитянками, причемъ Іегова истребилъ множество Израильтянъ и хотѣлъ даже уничтожить весь народъ. Отсюда Юліанъ выводитъ такого рода заключеніе: «философы совѣтуютъ намъ подражать богамъ и это подражаніе заключается въ ихъ созерцаніи. Въ чемъ же состоитъ подражаніе Божеству у Евреевъ? въ гнѣвѣ, возбужденіи страстей и ревности» ²⁾.

Отдавая должную дань уваженія обрядовому закону Моисея и восхваляя іудеевъ за точное исполненіе его, а христіанъ порицая за нарушеніе, Юліанъ въ тоже время старается унизить значеніе нравственнаго закона Ветхаго Завѣта. По его словамъ, этотъ законъ будто бы не содержитъ въ себѣ ничего особенно важнаго и новаго, что было бы неизвѣстно языческимъ націямъ. «Какой народъ, говоритъ онъ, не считаетъ для себя обязательнымъ соблюдать всѣ заповѣди десятословія, кромѣ «не поклоняйся инымъ богамъ и чти день субботній!» ³⁾.

Самыми важными и самыми язвительными представляются тѣ мѣста разсматриваемаго сочиненія Юліана, гдѣ онъ дѣлаетъ нападенія собственно противъ христіанства. Послѣднее въ глазахъ его было ничѣмъ инымъ, какъ смѣшеніемъ іудейства и язычества, и притомъ

¹⁾ Ibidem, V, p. 155.

²⁾ Julian ap. Cyrill. V, p. 171. Τίς δὲ ἢ παρ' Ἑβραίοις τοῦ Θεοῦ μίμησις; ὀργή, καὶ θυμὸς, καὶ ζήλος ἄγριος, κ. τ. λ.

³⁾ Ibidem.

смѣшеніемъ однихъ только худшихъ элементовъ той и другой религіи. Оно совмѣщаетъ въ себѣ, по его словамъ, іудейское легкомысленное презрѣніе къ богамъ и склонность къ порокамъ языческаго общества. «Христіане, говоритъ онъ, ложно утверждаютъ, будто бы ихъ религія есть продолженіе религіи еврейской, такъ какъ уклоненіе ихъ отъ исполненія предписаній обрядоваго закона Моисеева служитъ очевиднымъ признакомъ отпаденія отъ вѣры своихъ отцовъ»¹⁾. Въ силу такихъ соображеній Юліанъ на каждомъ шагѣ обвиняетъ христіанъ въ вѣроотступничествѣ. «По какой причинѣ, говоритъ онъ, вы не остались при ученіи евреевъ и не сохранили закона, даннаго имъ самимъ Богомъ, но, оставивши отеческія учрежденія, удалились отъ нихъ гораздо далѣе, нежели отъ насъ? Что евреи имѣютъ у себя добраго, вы не приняли, именно, ихъ строгій законъ и многочисленныя предписанія относительно культа и священныхъ обрядовъ, способствующихъ святой и богоугодной жизни. Ихъ Законодатель повелѣлъ воздавать поклоненіе только Единому Богу, и еще къ этому прибавилъ запрещеніе почитать чужихъ боговъ, но порочные и дерзкіе потомки ихъ, съ тою цѣлю, чтобы отнять у народа все его благочестіе, изъ запрещенія поклоняться всѣмъ богамъ вывели заключеніе, что ихъ должно проклинять. Вотъ все, что вы заимствовали отъ іудеевъ, между тѣмъ какъ во всемъ прочемъ ничего не имѣете общаго съ ними. Изъ нововведеній евреевъ вы заимствовали одно презрѣніе боговъ, чтимыхъ у другихъ народовъ, а въ нашемъ культѣ отвергли всякое благоговѣйное служеніе существамъ высшимъ и обряды, любимые нашими отцами, ничего не удержавъ, кромѣ позволенія ѣсть все, какъ траву»²⁾.

¹⁾ Julian ap. Cyrill. IX, p. 35.

²⁾ Julian ap. Cyrill. IX, p. 36.

Далѣ Юліанъ обличаетъ христіанъ въ томъ, что они, оставивши законъ Моисеевъ, не соблюдаютъ постановлений его касательно жертвоприношеній, молитвъ, различія чистыхъ и нечистыхъ животныхъ и усвояютъ себѣ лишь одно безразличное отношеніе ко всѣмъ этимъ предметамъ. «Почему вы, говоритъ онъ, отпавши отъ насъ, не сохранили закона іудейскаго и не остались вѣрными предписаніямъ Моисея? Между тѣмъ какъ вы не соблюдаете всѣхъ обрядовъ, по обычаю іудеевъ, они до сего времени приносятъ жертвы свои втайнѣ и вкушаютъ отъ нихъ, приносятъ молитвы предъ жертвою и отдають законную дань въ пользу своихъ священниковъ, хотя не имѣютъ ни храма ни жертвенниковъ, ни святилища ¹⁾. Отчего вы въ образѣ жизни не подражаете чистотѣ іудеевъ, не различаете, по примѣру ихъ, употребленія мяса чистаго отъ нечистаго и утверждаете, что можно ѣсть все безъ различія? Вы ссылаетесь въ этомъ случаѣ на Ап. Петра, который говоритъ, что Богъ очистилъ; то не должно называть нечистымъ. Но гдѣ у васъ доказательство на то, что прежде считавшееся Богомъ нечистымъ теперь вдругъ сдѣлалось чистымъ?» Юліанъ ставитъ также въ вину христіанамъ, что они не соблюдаютъ обрѣзанія, предписаннаго въ законѣ Моисеевомъ. «Почему вы не соблюдаете обрѣзанія, говоритъ онъ, утверждая, будто Ап. Павелъ проповѣдывалъ обрѣзаніе сердца, а не плоти? Богъ даетъ плотское обрѣзаніе Аврааму, какъ залогъ (Быт. XVII, 10 — 11) своего завѣта, да и самъ Христосъ учитъ соблюдать этотъ обрядъ, когда говоритъ, что пришелъ исполнить законъ и пророковъ, но не разрушить ихъ ²⁾. Юліанъ обвиняетъ христіанъ также въ несоблюденіи субботы, въ томъ, что они не за-

¹⁾ Julian ap. Cyrill. VIII, 3.

²⁾ Julian ap. Cyrill. X, 7.

калають пасхальнаго агнца по примѣру іудеевъ и не вкушаютъ опрѣсноки ¹⁾). Вѣрующіе, по словамъ Юліана, несправедливо оправдываютъ свое отступленіе отъ іудейства тѣмъ, будто бы законъ Моисеевъ былъ лишь законъ сѣновный, прообразовательный и данъ лишь только на время, чтобы уступить свое мѣсто новому закону, дарованному Христомъ. «Іегова, говоритъ онъ, далъ свой законъ народу израильскому чрезъ Моисея на вѣчное время и самъ Іисусъ Христосъ приходилъ не разрушить законъ, но исполнить». Въ доказательство справедливости такой мысли онъ ссылается на Моисея, который называетъ свой законъ вѣчнымъ, неизмѣннымъ и угрожаетъ строгимъ наказаніемъ его нарушителямъ. (Втор. II, 2; XXII, 27; Исх. XII, 14;—15) ²⁾).

Юліану казалось недостаточнымъ предпочтеніе, какое онъ оказывалъ іудейству сравнительно съ христіанствомъ, признавая послѣднее только отступничествомъ отъ перваго. Онъ старается отыскивать всевозможные способы унизить Божественную религію Христа и представить ее въ самомъ жалкомъ и невыгодномъ свѣтѣ. Онъ называетъ ее безуміемъ, обманомъ, изобрѣтеннымъ людьми и пытается представить религіей бѣдною, лишенною всякихъ внѣшнихъ преимуществъ и внѣшняго блеска, которымъ, по его взгляду, такъ славилось язычество. ³⁾ Бѣдность религіи христіанской онъ думаетъ

¹⁾ Julian ap. Cyrill. IX, 8.

²⁾ Julian ap. Cyrill. IX, p. 319. Ἀλλὰ τί ταῦτα ἐγὼ μακρολογῶ λεγόμενα παρ' αὐτῶν, ἐξ ἵν' ἰδεῖν εἴ τινα ἰχὺν ἔχει; λέγουσι γὰρ τὸν Θεὸν ἐπὶ τῷ προτέρῳ νόμῳ ζεῖναι τὸν δευτέρῳ. Ἐκεῖνον μὲν γὰρ γενέσθαι πρὸς καιρὸν προηγεγραμμένον χρόνους ὠρισμένοις, ὕστερον δὲ τοῦτον ἀναφανῆναι διὰ τοῦ Μωσέως χρόνῳ τε καὶ τόπῳ προηγεγράφαι. Τοῦτο ὅτι ψευδῶς λέγουσιν, ἀποδείξω σαφῶς, ἐκ μὲν τοῦ Μωσέως οὐδένα μόνως, ἀλλὰ μυρίας παρεχόμενος μαρτυρίας, ὅπου τὸν νόμον αἰώνιον φησὶν. ἀκούετε δὲ νῦν ἀπὸ τῆς ἐξόδου καὶ ἔσται ἡ ἡμέρα αὕτη ὑμῖν μνημόσυνον, καὶ ἐορτάσατε αὐτὴν ἐορτὴν Κυρίῳ εἰς τὰς γενεὰς ὑμῶν. νόμιμον αἰώνιον ἐορτάσατε αὐτήν. ἐπὶ τῇ ἡμέρᾳ αἴζημα εἶδεναι. ἀπὸ δὲ τῆς πρώτης ἀφανιεῖτε ζῦμον ἐτμῶν οἰκιῶν ἡμῶν.

³⁾ Ibidem VI, p. 213.

доказать, изъ личности ея Основателя. характера Его ученія и, наконецъ, изъ тѣхъ несчастій, которыя должны были испытывать ея послѣдователи.

Отсутствіе земнаго величія въ явленіи Іисуса Христа въ міръ было сильнѣйшимъ соблазномъ для Юліана, какъ и для другихъ противниковъ христіанства. Ему казалось страннымъ и непонятнымъ, какимъ образомъ Божественный Основатель христіанской религіи не имѣлъ внѣшняго могущества. Поэтому онъ смотрѣлъ на Іисуса Христа, какъ на простаго подданнаго римскаго императора, Который не оказалъ никакихъ особенныхъ услугъ своимъ соотечественникамъ, не былъ признанъ даже своими родственниками и претерпѣлъ позорную смерть на крестѣ ¹⁾. Во время своей земной жизни Іисусъ Христосъ, по словамъ Юліана, будто бы никому не былъ извѣстенъ, не совершилъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ того только, что исцѣлялъ слѣпыхъ, хромыхъ и бѣсноватыхъ въ городахъ Вифсаиды и Вифаніи, имѣлъ своими послѣдователями лишь нѣсколько бѣдныхъ людей и сталъ извѣстенъ только спустя 300 лѣтъ послѣ своей смерти ²⁾. Въ глазахъ Юліана Онъ, по своему достоинству, гораздо ниже Моисея, ко-

¹⁾ Julian ap. Cyrill. VI, p. 213. 'Ο παρ' ὑμῖν χυριττόμενος Ἰησοῦς, εἰς τὴν τῶν Καίσαρος ὑπηρεσίαν, εἰ δὲ ἀπίστευτε, μικρὸν ὑστερον ἀποδείξω μᾶλλον ἢδη λεγέτω. πατέρ μὲν τοι αὐτὸν ἀπογράψασθαι μετὰ τοῦ πατρὸς καὶ τῆς μητρὸς ἐπὶ Κυρηνίου. ἀλλὰ γενόμενός τινων ἀγαθῶν αἴτιος κατέστη τοῖς ἑαυτοῦ συγγενέσιν; οὐ γὰρ ἡδέλησαν λησὶν ὑπακοῦσαι αὐτῷ. τί δέ, ὁ σκληροκάριδος καὶ λιδοτράχηλος ἐκεῖνος; λαὸς, πῶς ὑπακοῦσαι τοῦ Μωσέως; Ἰησοῦς δέ, ὁ τοῖς πνεύμασιν ἐπιτάττων, καὶ βαδίζων ἐπὶ τῆς θαλάσσης, καὶ τὰ δαιμόνια ἐξελαύνων, ὡς ὑμεῖς θέλετε, τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν ἀπεργασάμενος. Οὐδὲ δὴ ταῦτα τετόλμηκέ τις εἰπεῖν περὶ αὐτοῦ τῶν μαθητῶν, εἰ μὴ μόνος Ἰωάννης, οὐδὲ αὐτὸς σαφῶς; οὐδὲ τρανῶς ἀλλ' εἰρηκέναι συγγκαχωρήσω οὐκ ἡθύνато τῆς προαιρέσεως ἐπὶ σωτηρίᾳ τῶν ἑαυτοῦ φίλων καὶ συγγενῶν μεταστῆσαι.

²⁾ Julian ap. Cyrill. VI, p. 191. 'Ο δὲ Ἰησοῦς ἀναπεύσας τὸ χεῖριστόν τε παρ' ὑμῖν ὀλίγους πρὸς τοῖς τρικατοῖς ἐνικατοῖς ὀνομάζεται, ἐργασάμενος παρ' ὃν ἐξῆς χρόνον ἐργον οὐδὲν ἀκοῆς ἄξιον, εἰ μὴ τις οἶεται τοὺς κυλλοὺς καὶ τυφλοὺς ἰάσασθαι, καὶ δαιμονίωντας ἐφορκεῖεν Βηθσαῖδα καὶ ἐν Βηθανίᾳ ταῖς κόμαις τε μεγίστων ἐργῶν εἶναι.

торый привлекъ на свою сторону весь народъ іудейскій, между тѣмъ, какъ Божественный Основатель христіанства могъ избрать лишь нѣсколько учениковъ изъ среды бѣдныхъ и неученыхъ людей и не былъ въ состояніи привлечь на свою сторону даже собственныхъ родственниковъ. Юліанъ старается унизить значеніе его чудесъ, не видя въ нихъ ничего особенно замѣчательнаго. Этого мало, онъ утверждаетъ, что ученіе о Божествѣ Иисуса Христа стоитъ въ противорѣчій съ очевидными свидѣтельствами Вѣтхаго Завета, гдѣ проповѣдуются только почитаніе Единого Бога и строго воспрещается служеніе богамъ другимъ. «Правда, говоритъ онъ, Моисей упоминаетъ о нѣсколькихъ Сынахъ Божіихъ и называетъ ихъ не людьми, но ангелами. Если бы онъ зналъ Слово Единороднаго Сына Божія, то развѣ не сдѣлалъ бы имя Его извѣстнымъ? Онъ ясно учитъ, что Іегова есть Богъ Единый, имѣющій нѣсколькихъ Сынѡвъ, которымъ Онъ и отдалъ въ управленіе народы, но никогда и нигдѣ не упоминаетъ о Словѣ Божіемъ¹⁾. По словамъ Юліана, ученіе о Божественномъ достоинствѣ Основателя христіанства будто бы неизвѣстно было даже апостоламъ и что только впервые оно было проповѣдано Іоанномъ въ его евангеліи²⁾. Ни ап. Павелъ, ни Евангелисты Матѡей, Маркъ и Лука не осмѣливались называть Иисуса Христа Бо-

¹⁾ Julian. ap. Cyrill. IX, I.

²⁾ Ibidem, X, p. 327: Οὕτω δὲ ἐστὶ δυστυχεῖς, ὥστε οὐδὲ τοῖς ὑπὸ τῶν Ἀποστόλων ὑμῖν παραδεδομένοις ἐκμεμενῆκατε, καὶ ταῦτα δὲ ἐπὶ τῷ χεῖρον καὶ δυσσεύεστερον. ὑπὸ τῶν ἐπιγενομένων ἐξεργάσθη. τὸν γοῦν Ἰησοῦν οὔτε Παῦλος ἐτόλμησεν εἰπεῖν Θεόν, οὔτε Ματθαῖος, οὔτε Λουκᾶς, οὔτε Μάρκος, ἀλλ' ὁ Χριστὸς Ἰωάννης, αἰζόμενος ἤδη πολὺ πλῆθος ἐαλωκὸς ἐν πολλαῖς τῶν ἐλληνίδων καὶ Ἰταλιωτίδων. πολλῶν ὑπὸ ταύτης τῆς νόσου, ἀκούων δὲ οἶμαι, καὶ τὰ μνῆματα Πέτρου καὶ Παύλου λάθρα μὲν, ἀκούων δὲ ὅπως αὐτὰ θεραπευόμενα πρῶτος ἐτόλμησεν εἰπεῖν. Μικρὰ δὲ εἰπὼν περὶ Ἰωάννου τοῦ βαπτιστοῦ, πάλιν ἐπανάγων ἐπὶ τὸν ὑπ' αὐτοῦ κηρυττόμενον λόγον. καὶ ὁ λόγος, φησὶ, σὰρξ ἐγένετο, καὶ ἐσκήνωσεν ἐν ἡμῖν. τὸ δὲ ὅπως λέγειν αἰχυνόμενος οὐδαμοῦ δὲ αὐτὸν οὔτε Ἰησοῦν, οὔτε Χριστόν, ἄχρις οὐ Θεόν καὶ λόγον

гомъ, — говоритъ Юліанъ, — одинъ только благочестивый Іоаннъ первый рѣшилъ сдѣлать это послѣ того, какъ замѣтилъ, что великое множество людей въ городахъ Италіи и Греціи сдѣлались послѣдователями Христа и услышалъ, что гробы Петра и Павла начали служить предметомъ благоговѣйнаго поклоненія ¹⁾.

Въ тѣхъ же видахъ подорвать всякій божественный авторитетъ въ лицѣ Основателя христіанства, Юліанъ подвергаетъ несправедливому критическому разбору ветхозавѣтныя пророчества объ Іисусѣ Христѣ, какъ Мессіи и Сынѣ Божіемъ. Въ этомъ случаѣ его вниманіе останавливается прежде всего на извѣстномъ предсказаніи Моисея о Пророкѣ, подобномъ ему, Котораго нѣкогда Господь Богъ воздвигнетъ народу израильскому (Втор. XVIII, 26). Здѣсь, по словамъ Юліана, рѣчь будто бы идетъ не о сынѣ Маріи, такъ какъ Моисей говоритъ, что Пророкъ, Котораго нѣкогда воздвигнетъ Господь Богъ Израилю, будетъ подобенъ ему самому, но не Богу, и произойдетъ, подобно ему, отъ людей, а не отъ Бога ²⁾. Точно также и пророчество Іакова о не оскудѣніи Князя отъ Іуды и Вождя отъ чреслъ его Юліанъ понимаетъ не вѣрно, отрицая въ немъ безъ всякаго основанія мессіанское значеніе и относя его буквально къ царству Давида, окончившемуся правленіемъ Седекіи.

Подвергнувъ далѣе критикѣ извѣстное предсказаніе Моисея о возсіяніи Звѣзды отъ Іакова и происхожденіи Человѣка отъ Израила, онъ приходитъ къ тому заключенію, что это предсказаніе относится только къ Давиду и

ἀποκλειῖ, κλέπτων δὲ ὡσπερ ἡμεῖς καὶ λάθρα τὰς ἀκοὰς ἡμῶν, Ἰωάννην φησὶ τὸν βαπτιστὴν ὑπὲρ Χριστοῦ Ἰησοῦ ταύτην ἐκτίθεσθαι τὴν μαρτυρίαν ὅτι ἄρα οὗτός ἐστι ὁν χρὴ πεπιστευμέναι Θεὸν εἶναι λόγον.

¹⁾ Julian. ap. Cyrill. X, p. 327.

²⁾ Julian. ap. Cyrill. VIII.

его преемникамъ ¹⁾ и не имѣтъ ни какого мессіанскаго значенія. Равнымъ образомъ, разбирая пророчество Исаіи о рожденіи Эммануила отъ Дѣвы, онъ несправедливо утверждаетъ, будто послѣдняя была замужнею женщиною и что предъ тѣмъ, какъ сдѣлаться ей матерью, она возлежала съ своимъ мужемъ ²⁾. Юліанъ тщетно пытается доказать, будто бы ни въ этомъ ни въ другихъ подобныхъ мѣстахъ Св. Писанія Ветхаго Завета нигдѣ не говорится объ Иисусѣ Христѣ, какъ Мессіи и Сынѣ Божіемъ ³⁾. Мало того, по его словамъ, даже самыя Новозавѣтныя Писанія очень рѣдко и притомъ неопредѣленно содержатъ ученіе объ Иисусѣ Христѣ, какъ о сынѣ Божіемъ.

Дозволяя себѣ весьма несправедливыя и язвительныя нападки на Божественное лицо Основателя христіанства, Юліанъ, какъ мы уже имѣли случай видѣть, не щадитъ также и лица Пресвятой Дѣвы Маріи. Онъ не въ состояніи понять тайны воплощенія отъ Нея Сына Божія и для него въ высшей степени кажется страннымъ и неосновательнымъ то благоговѣнное уваженіе и почитаніе, какимъ Она пользуется среди вѣрующихъ ⁴⁾.

Дѣлая язвительныя нападенія на учениковъ христовыхъ, Юліанъ съ необычайною злостію старается унижить личность ап. Павла. Послѣдній представляется ему обманщикомъ и гоетомъ, который съ цѣлію при-

1) Julian. ap. Cyrill. VIII, 253—254.

2) Julian. ap. Cyrill. VIII p. 254 — 259.

3) Ibidem, p. 261.

4) Ibidem, p. 276. Θεοτόκον δὲ ὑμεῖς οὐ παύετε Μαρίαν καλοῦντας, ἣ μὴ ποῦ λήδιτον ἐκ τῆς Παρθένου γενόμενον υἱὸν Θεοῦ μονογενῆ καὶ προσότοπον πάσης κτίσεως. Ἀλλ' εἰ Θεὸς ἐκ Θεοῦ καὶ ἡμᾶς ὁ λόγος ἐστὶ καὶ τῆς οὐσίας ἐξέλι τοῦ Πατρὸς Θεοτόκου ὑμεῖς ἀνθ' οὗτου τὴν Παρθένον εἶναι φατέ; πῶς δὲ ἀντίκοι Θεὸν ἀνδρῶπος οὐσα καὶ ὑμᾶς.

влекъ къ себѣ, какъ іудеевъ, такъ и язычниковъ, мѣнялъ свое ученіе, примѣняясь къ обстоятельствамъ, какъ полипы къ камнямъ, нерѣдко впадая при этомъ въ противорѣчіе съ Ветхимъ Завѣтомъ, съ ученіемъ Христа и съ своимъ собственнымъ. Онъ то увѣряетъ, что іудеи составляютъ исключительное наслѣдіе Іеговы, то утверждаетъ, что еллина суть также Его часть, то, наконецъ, говоритъ, что Богъ не только есть Богъ іудеевъ, но и язычниковъ ¹⁾).

Важнѣйшіе догматы и учрежденія христіанской церкви тоже не избѣжали язвительныхъ на паденій Юліана. Такъ, онъ осмѣиваетъ таинство Св. Крещенія, которое, по его словамъ, обязано своимъ установленіемъ необходимости омывать дурные элементы, заимствованные христіанствомъ изъ язычества и іудейства. Онъ указываетъ на мнимую несообразность установленія этого таинства, которое по его словамъ, не излечиваетъ совершенно ни проказы, ни подагры, ни лишаевъ, ни ломоты въ суставахъ, ни диссентеріи, ни водяной болѣзни, ни костоѣды, ни всякой тѣлесной слабости, но подаетъ исцѣленіе однимъ только прелюбодѣямъ и грабителямъ ²⁾).

Съ неменьшею язвительностію нападаетъ Юліанъ на вѣрующихъ за благоговѣйное почитаніе Святыхъ и ихъ останковъ, называя за это христіанство презрѣнною рели-

¹⁾ Julian. ap. Cyrill. III, p. 100, 106... ἀλλὰ καὶ τῶν πάντας πανταχοῦ τοὺς πῶποτε γόητας καὶ ἀπατεῶνας ὑπερβαλλόμενον Παῦλον. πρὸς τὰς τύχας γὰρ, ὡς περ οἱ πολυπόδες πρὸς τὰς πέτρας, ἀλλάττει τὰ περὶ Θεοῦ δόγματα, ποτὲ μὲν Ἰουδαίους, μόνον τὴν τοῦ Θεοῦ κληρονομίαν εἶναι διατεινόμενος, ποτὲ τοὺς Ἕλληνας ἀναπειθῶν, αὐτῷ προστίθεσθαι λέγων, μὴ Ἰουδαίων μόνον ὁ Θεός, ἀλλὰ καὶ ἔθνων.

²⁾ Julian. ap. Cyrill. VII, p. 245.... Καὶ τοῦ μὲν λεπροῦ τὴν λίπραν οὐκ ἀφαιρεῖται τὸ βράπτισμα, οὐδὲ λευχῆνας, οὐδὲ ἀλφούς, οὐτε ἀκροχορδῶνας, οὐδὲ ποδάγραν, οὐδὲ δυσεντερίαν. οὐχ ὕδρον, οὐ παρωνυχίαν οὐ μικρὸν, οὐ μέγα τε τοῦ σώματος ἀμαρτημάτων, μοιχείας δὲ, καὶ ἀρπαγὰς, καὶ πατρὸς ἀπλῶς τῆς ψυχῆς παρανομίας ἐξελεῖ. Сравни. Julian. Caesares, p. 336.

гією мертвыхъ и гробовъ¹⁾, и несправедливо осмѣливается утверждать, будто бы почитаніе останковъ св. мучениковъ изобрѣтено христіанами произвольно²⁾. Наконецъ, онъ упрекаетъ христіанъ за почитаніе знаменія св. креста³⁾.— Нападая съ ожесточеніемъ на лица и учрежденія христіанской церкви, стараясь отыскать всякій удобный случай для того, чтобы какъ нибудь нанести вредъ христіанству, Юліанъ дѣлаетъ при этомъ исключеніе для одной только нравственной стороны жизни вѣрующихъ и не позволяетъ ни какого упрека въ этомъ отношеніи. Въ высшей степени добродѣтельная и благочестивая жизнь христіанъ, ихъ любовь къ ближнимъ и щедрая благотворительность ко всѣмъ бѣднымъ и несчастнымъ возбуждали, какъ мы уже видѣли, въ сильнѣйшей степени удивленіе и соревнованіе въ душѣ самого Юліана.

Вообще нельзя не замѣтить, что все разсматриваемое полемическое произведеніе Юліана проникнуто крайнимъ презрѣніемъ ко всему, что только носитъ христіанское имя. Повсюду въ немъ Юліанъ не иначе называетъ вѣрующихъ, какъ позорнымъ именемъ Галилеянъ, людей безумныхъ, безбожныхъ и т. п. Характеризуя вѣрующихъ предшествующаго времени, какъ

1) Julian. ap. Cyrill. VI, p. 194. Ἄρα ἀξίως ἂν τις συνετωτέρους ὑμῶν μισήσαιεν, ἢ τοὺς ἀφρονεστέρους ἐλεήσειεν, οἳ κατακόλουθουντες ὑμῖν εἰς τοῦτο ἡλθον ὁλέθρου, ὥστε τοὺς αἰώνιους ἀφέντες θεοὺς, ἐπὶ τῶν Ἰουδαίων μεταβῆναι νεκρῶν.

2) Ibidem, X, p. 335. Ἀλλὰ τοῦτο μὲν τὸ κακὸν ἔλαβεν παρὰ Ἰωάννου τὴν ἀρχήν. ὅσα δὲ ὑμεῖς ἐξῆς προσευρήκατε πολλοὺς ἐπεισάγοντες τῷ πάλαι νεκρῷ τοὺς προσφῶτους νεκροὺς, τίς ἂν πρὸς ἀξίαν βδελύξεται; πάντα ἐπληρώσατε τάφων καὶ μνημάτων, καίτοι οὐκ εἴρηται παρ' ὑμῖν οὐδαμοῦ τοῖς τάφοις προσκυλεῖσθαι καὶ περιέπειν αὐτούς. Εἰς τοῦτο δὲ προεληλύθατε μοχθηρίας, ὥστε οἶσθαι δεῖν ὑπὲρ τοῦτου μηδὲ τῶν γε Ἰησοῦ οὔτε Ναζωραίου ῥημάτων ἀκοῦειν.

3) Ibidem, VI, p. 194. Εἴτα, ὦ δυστυχεῖς ἄνθρωποι, σωζομένου τοῦ παρ' ἡμῖν ὅπλου Διοπετοῦς, δὲ κατέπεψεν ὁ μέγας Ζεὺς, ἥτοι πατήρ Ἀρης, ἐνέχυρον διδοὺς οὐ λόγον, ἔργον δὲ, ὅτι τῆς πόλεως ἡμῶν εἰς τὸ διηνεκές προσασπίσει προσκυνεῖν ἀφέντες καὶ εἰβεσθαι, τὸ τοῦ σταυροῦ προσκυνεῖτε ξύλον, εἰκόνας αὐτοῦ σκιαγραφοῦντες ἐν τῷ μετώπῳ καὶ πρὸ τῶν οἰκημάτων ἐγγράφοντες.

людей крайне жалкихъ, ничтожныхъ и презрѣнныхъ, онъ обвиняетъ современныхъ себѣ христіанъ въ грубомъ невѣжествѣ, слѣпомъ суевѣріи и фанатизмѣ ¹⁾. Хотя онъ при всякомъ удобномъ случаѣ и любилъ выставлять на видъ свою философскую терпимость и любовь къ строгой справедливости, но въ разсматриваемомъ произведеніи онъ наглядно даетъ понять, какъ далекъ былъ отъ дѣйствительнаго обладанія этими свойствами. Увлекаясь крайнею злобою къ христіанству, онъ становится совершенно слѣпымъ къ добрымъ свойствамъ своихъ противниковъ, находитъ въ нихъ одно только дурное и не хочетъ признать ихъ ни въ чемъ правыми.

Полемическій трудъ Юліана, не смотря на все безсиліе и несостоятельность своихъ нападеній, представлялся весьма опаснымъ оружіемъ въ рукахъ язычниковъ, такъ какъ въ немъ собраны были всѣ существовавшія до того времени возраженія противъ христіанства, притомъ же онъ давалъ возможность вести борьбу съ послѣднимъ его же собственнымъ оружіемъ и на его же собственной почвѣ. Съ другой стороны, по свидѣтельству св. Кирилла, архіепископа Александрійскаго, это сочиненіе возбуждало сильнѣйшій соблазнъ между самими вѣрующими. «Обладая большимъ даромъ краснорѣчія, говоритъ св. Отецъ, Юліанъ изошриль свой языкъ противъ Спасителя всѣхъ и написалъ три книги въ опроверженіе Св. Евангелій и истинной религіи христіанской. Чрезъ это многіе легкомысленные и склонные къ отпаденію изъ вѣрующихъ удобно впадаютъ въ его сѣти и становятся пріятною добычею демоновъ. Иногда, впрочемъ, приходятъ въ смущеніе и утвержденные въ вѣрѣ, такъ какъ полагаютъ, будто Юліанъ знаетъ Св. Писаніе, приводя изъ него много мѣстъ, хотя

¹⁾ Julian. ap. Cyrill. VI, p. 201.

на самомъ дѣлѣ онъ самъ не знаетъ, что говорить» ¹⁾. Все это очень рано для многихъ христіанскихъ писателей служило побужденіемъ къ составленію опроверженій на полемическое произведеніе Юліана. Первый сдѣлалъ попытку въ этомъ родѣ, по свидѣтельству Созомена, Аполлинарій Сирскій. Св. Григорій Богословъ въ своихъ «обличительныхъ словахъ на царя Юліана» въ общихъ чертахъ также опровергаетъ при случаѣ многія изъ возраженій Отступника, хотя въ точности неизвѣстно, почему св. Отецъ не писалъ спеціальнаго на него опроверженія. Причину этого можно объяснить вѣроятнымъ предположеніемъ, что полемическій трудъ Юліана въ Каппадокіи не обращалъ на себя особеннаго вниманія со стороны вѣрующихъ и былъ распространенъ гораздо менѣе, нежели въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Александріи ²⁾. Въ V в. являются опроверженія разсматриваемаго сочиненія — Филиппа, пресвитера Сидскаго въ Памфіліи ³⁾, Θεодора Монсуетскаго и блаженнаго Θεодорита. Къ сожалѣнію отъ всѣхъ этихъ произведеній не сохранилось до насъ ни одного отрывка и потому намъ извѣстны они только по имени. Мы имѣемъ только обширный апологетическій трудъ св. Кирилла, архіепископа Александрійскаго, спеціально направленный въ опроверженіе Юліана. Побужденіемъ къ написанію его для св. Отца служила съ одной стороны честь христіанской науки, а съ другой заботливость о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ. Число язычниковъ во времена св. Кирилла было еще довольно значительно. Въ Александріи, его мѣстопробываніи, продолжалъ существовать храмъ Сатурна и

¹⁾ Св. Кириллъ въ предисловіи къ своимъ десяти книгамъ противъ Юліана.

²⁾ *Gregori Theologi vulgo Nazianzeni opera, quae extant. rec. S. P. Migne. Paris 1857.*

³⁾ Сокр. Ц. И. VII, 27.

привлекалъ въ свои стѣны множество богомольцевъ. Встрѣчалось еще въ живыхъ не мало языческихъ философовъ и ученыхъ, ревностно преданныхъ дѣлу политеизма. При такихъ обстоятельствахъ взаимныя отношенія между язычествомъ и христіанствомъ продолжали сохранять враждебный характеръ и язычники въ своихъ нападеніяхъ на христіанство могли имѣть тѣмъ большій успѣхъ, что въ полемическомъ произведеніи Юліана находили весьма пригодный матеріалъ для борьбы съ своими противниками.

Изъ предисловія св. Кирилла къ его труду видно, что авторъ посвятилъ его императору Θεодосію II (408—451). Время происхожденія его можно относить со всею вѣроятностію къ 433 году. То обстоятельство, что св. Кириллъ отправлялъ свое апологетическое твореніе противъ Юліана къ Іоанну Антіохійскому съ просьбою представить его на разсмотрѣніе извѣстныхъ въ то время учителей востока, показываетъ, что св. Отецъ составилъ его послѣ примиренія своего съ восточными епископами, послѣдовавшаго въ 432 году ¹⁾. Писать опроверженіе на Юліана было дѣломъ не легкимъ и казалось возможнымъ не для всякаго изъ образованныхъ вѣрующихъ. Обширное знакомство съ Св. Писаніемъ, богатый даръ остроумія и основательное философское образованіе должны были служить существеннымъ и необходимымъ условіемъ для всякаго, кто только рѣшался вступить въ литературную борьбу съ Юліаномъ. Св. Кириллъ является человѣкомъ, удовлетворяющимъ этимъ условіямъ, и потому въ контрастъ судебно-оправдательнымъ трудамъ христіанскихъ апологетовъ эпохи гоненій, полемическое произведеніе его отличается по преимуществу строго ученымъ теоретическимъ характеромъ, что съ особенною очевидностію открывается какъ

¹⁾ Tillemont. Memoir. Eccles. t. XIV, p. 771. Cellier. t. XIII, p. 344.

въ опроверженіи возраженій Юліана, такъ и въ защитѣ христіанства отъ нападеній одного изъ опаснѣйшихъ его враговъ, гдѣ св. Отецъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за возраженіями своего противника и не оставляетъ ни одного изъ его нападеній безъ надлежащаго отвѣта и опроверженія. Въ доказательство справедливости своихъ мыслей онъ дѣлаетъ множество выдержекъ изъ языческихъ историковъ, поэтовъ и философовъ, приводитъ мѣста изъ Абидена, Александра Полигистора, Евполема и другихъ писателей, труды которыхъ въ полномъ видѣ не сохранились до настоящаго времени, дѣлаетъ цитаты изъ поэта Динарха, воспѣвавшаго подвиги Діониса, мифологическое произведеніе котораго точно также утрачено. Кромѣ того св. Отецъ приводитъ цѣлыя извлеченія изъ Орфея, Гезіода, Емпедокла, Пиндара, Софокла. Еврипида и другихъ, цитуетъ нерѣдко Платона, Ксенофана, Ксенофонта и Плутарха, изъ неоплатониковъ приводитъ мѣста изъ Аменія, Порфирія, герметическихъ книгъ и проч. Все это онъ дѣлаетъ съ тою цѣлю, чтобы поражать своего противника не только ясными и очевидными свидѣтельствами Св. Писанія, не имѣвшими для послѣдняго особенно важнаго значенія, но и аргументами, заимствованными изъ тѣхъ же самыхъ поэтовъ и философовъ, которые въ глазахъ Юліана пользовались большимъ уваженіемъ. На каждомъ шагу обличая своего противника въ злонамѣренномъ искаженіи Богооткровенной истины, св. Кириллъ постоянно выставляетъ ему на видъ Божественный планъ Домостроительства Божія касательно спасенія рода человѣческаго, съ точки зрѣнія котораго многія находимыя имъ кажушіяся противорѣчія въ Писаніяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта легко объясняются сами собою. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Юліанъ при своихъ нападеніяхъ на христіанство пользуется средствами, заимствованными изъ греческой философіи и

древней классической литературы, равно какъ языческихъ вѣрованій, учрежденій и обычаевъ, св. Кириллъ смѣло вступаетъ въ эту область и поражаетъ съ большимъ успѣхомъ своего врага его же собственнымъ оружіемъ и на той же самой почвѣ, гдѣ онъ считалъ себя наиболѣе сильнымъ. При разборѣ возраженій Юліана и его нападеній противъ Новаго Завѣта отвѣты св. отца заключаются главнымъ образомъ въ раскрытіи православнаго вѣроученія и въ точномъ указаніи смысла тѣхъ мѣстъ Новозавѣтныхъ Писаній, которыми злоупотребляетъ его противникъ посредствомъ превратнаго толкованія. Св. Кириллъ между прочимъ съ большимъ успѣхомъ доказываетъ, что греко-римскій политеизмъ рѣшительно не способенъ къ своему дальнѣйшему существованію въ исторіи, не заключаетъ въ себѣ никакихъ зародышей будущаго развитія. что онъ ложенъ и несостоятеленъ въ самомъ существѣ своемъ. Онъ съ особенною настойчивостью опровергаетъ также ложное умствованіе Юліана, будто въ мифологическихъ сказаніяхъ и религіозныхъ обрядахъ язычества подъ символическими изображеніями скрывается высшій таинственный смыслъ и значеніе.—

Съ внѣшней стороны апологетическій трудъ св. Кирилла чуждъ систематическаго изложенія, вслѣдствіе чего въ немъ нерѣдко встрѣчаются повторенія однихъ и тѣхъ же мыслей, изложенъ въ діалектической формѣ и потому носитъ на себѣ характеръ диспута. Онъ справедливо заслуживаетъ особеннаго вниманія изслѣдователя по чрезвычайному богатству и разнообразію своего содержанія и замѣчательной глубинѣ изложенныхъ въ немъ воззрѣній на сущность христіанскаго вѣроученія. Св. Отецъ нерѣдко раскрываетъ здѣсь такіе вопросы, рѣшенія которыхъ не касались предшествовавшіе ему христіанскіе апологеты, съ особенною обстоятельностью и полнотою излагая ученіе о лицѣ Божественнаго Осно-

вателя Христіанства и взаимномъ отношеніи Ветхаго и Новаго Завѣта между собою.

Къ сожалѣнію трудъ св. Кирилла не дошолъ до нашего времени въ полномъ видѣ. Сохранились только десять книгъ его, между тѣмъ какъ у древнихъ церковныхъ писателей встрѣчаются нерѣдко отрывки изъ 13, 14, 15, 18 и 19 книгъ. Въ томъ видѣ, въ которомъ мы имѣемъ его въ настоящее время, онъ касается лишь одной первой части полемическаго произведенія Юліана и ничего не говоритъ о двухъ послѣднихъ его книгахъ. Въ своемъ полемическомъ сочиненіи Юліанъ нерѣдко даетъ обѣщаніе разсуждать объ извѣстныхъ предметахъ во второй книгѣ, но такихъ разсужденій нельзя встрѣтить въ апологетическомъ трудѣ св. Кирилла. Такъ напр. Юліанъ неоднократно обѣщается разсуждать подробно и обстоятельно о чудесахъ Иисуса Христа и подлинности Евангелій, между тѣмъ какъ опроверженій всѣхъ этихъ возраженій не встрѣчается у св. Кирилла. Наконецъ, Сократъ въ своей церковной исторіи цитуетъ одно мѣсто изъ полемическаго сочиненія Юліана, котораго точно также нѣтъ у св. Отца ¹⁾).

При всей ожесточенной ненависти противъ христіанства и рьяномъ стремленіи вредить ему всѣми доступными средствами, Юліанъ тѣмъ не менѣе служитъ невольнымъ свидѣтелемъ подлинности многихъ весьма важныхъ фактовъ евангельской исторіи. Онъ допускаетъ, что Божественный Основатель христіанства родился въ правленіе Октавіана Августа, въ то время, когда Квириній собиралъ дань въ Іудеѣ, что христіанство первоначально распространилось и утвердилось при императорахъ Тиберіѣ и Клавдіѣ. Онъ свидѣтельствуетъ также о подлинности и достовѣрности четырехъ Еван-

¹⁾ Сокр. Ц. и. III, 23.

гелій и Дѣяній Апостольскихъ, очень часто приводитъ изъ нихъ мѣста и выдаетъ за несомнѣнные, достовѣрные повѣствованія объ Иисусѣ Христѣ и Его ученикахъ. Равнымъ образомъ Юліанъ признаетъ подлинными посланія св. ап. Павла къ Римлянамъ, Коринѣянамъ и Галатамъ и приводитъ изъ нихъ нѣсколько цитатъ. Онъ не отвергаетъ подлинности чудесъ, совершенныхъ Иисусомъ Христомъ во время Его земнаго служенія роду человѣческому, и самъ свидѣтельствуетъ, что Спаситель дѣйствительно подавалъ исцѣленіе слѣпымъ, хромымъ и бѣсноватымъ въ городахъ Вифаніи и Вифсаиды, укрощалъ бурю и ходилъ по морскимъ волнамъ. Правда, онъ старается унизить значеніе этихъ чудесъ, но всѣ его попытки въ этомъ родѣ остаются совершенно безуспѣшными. Онъ также умышленно старается уменьшить число послѣдователей Иисуса Христа, увѣровавшихъ въ Него на первыхъ порахъ, какъ въ Бога, и въ тоже время невольно долженъ признаться, что множество людей въ Греціи и Италіи обратились въ христіанство прежде, нежели Іоаннъ написалъ свое Евангеліе. Ему хочется унизить нравственное и общественное положеніе первенствующихъ христіанъ, но онъ находится вынужденнымъ сознаться, что кромѣ рабовъ и рабынь увѣровали въ Иисуса Христа — римскій сотникъ Кесарій, Корнилій и Сергій Павелъ, проконсулъ Сиріи. Такимъ образомъ онъ самъ невольно представляетъ свидѣтельства въ пользу многихъ извѣстныхъ фактовъ евангельской исторіи.

7) Письма.

Письма Юліана заслуживаютъ справедливаго вниманія изслѣдователя его эпохи, какъ по своему содержанію, такъ и по своему значенію въ смыслѣ историческаго матеріала ¹⁾. Количество сохранившихся до нашего вре-

¹⁾ Кромѣ общаго изданія сочиненій Юліана, письма его въ первый

мени всѣхъ писемъ его, по изданію Спангейма, простирается до 65, а въ изданіи Гейлера помѣщено ихъ 85. Во всякомъ случаѣ съ большою вѣроятностію можно полагать, что число ихъ первоначально было гораздо значительнѣе и что не всѣ онѣ сохранились до нашего времени. Переписка Юліана представляетъ собою довольно богатый интересъ, такъ какъ происходила при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ и душевныхъ состояніяхъ автора, и такъ какъ въ ней, вслѣдствіе того, что не всѣ письма предназначались для публичнаго обнародованія, послѣдній излагалъ свободно самыя сокровенныя тайны своей внутренней жизни. Письма императора проливаютъ не мало свѣта какъ на личный характеръ его и образъ дѣйствій, такъ и на многія событія его эпохи, въ которыхъ онъ принималъ непосредственное участіе. Большая часть ихъ составлена авторомъ спѣшно, безъ особой внимательности, но нѣкоторыя изъ нихъ отдѣланы съ большою тщательностію, напр. письма, адресованныя къ Ямвлиху ²⁾, Аэцію ³⁾, Ливанію ⁴⁾, философу Максиму ⁵⁾ и другимъ лицамъ. Сохранившіяся до насъ письма Юліана не всѣ имѣютъ одинаковый объемъ и отличаются самымъ разнообразнымъ содержаніемъ.

разъ были изданы особо. II. Мартини вмѣстѣ съ Цезарями и Мисопогономъ въ Парижѣ въ 1566 году. Лучшее изданіе ихъ принадлежитъ Гейлеру и вышло въ Майнцѣ въ 1828 году подъ заглавіемъ: *Juliani imperatoris quae feruntur epistolae. Accedunt ejusdem fragmenta breviora cum poematibus nec non Galli Caesaris ad Julianum fratrem epistola. Graece et latine. Ad fidem librorum manuscriptorum aequae ac typis excusorum recensuit, latinam versionem emendavit, cum priorum editorum, tum suis observationibus illustravit indicesque adjecit Henricus Heyler. Moguntiae 1828.*

²⁾ Julian. Epist. XXXIV, p. 405—407; LX, p. 446—448; LXI, p. 448—450; XL, p. 416—420; LIII, p. 438—439, ed. Spanheim.

³⁾ Julian. Epist. XXXI, p. 404.

⁴⁾ Julian. Epist. XXVII, p. 399—402.

⁵⁾ Julian. Epist. X, p. 378—379; XV, p. 383; XVI, p. 393; XXIV, p. 405—407.

Одни изъ нихъ, какъ напр. письма къ философу Максиму, Ямвлиху, Серапіону ¹⁾, къ Арзакію ²⁾ и другимъ состоятъ изъ нѣсколькихъ страницъ, между тѣмъ какъ другія, въ родѣ напр. письма къ софисту Лукіану ³⁾ и къ Аэцію, которымъ императоръ приглашаетъ послѣдняго къ себѣ во дворецъ, заключаютъ въ себѣ лишь нѣсколько строкъ. Слогъ писемъ Юліана отличается изяществомъ и красотою своего изложенія. Нѣкоторые изъ писемъ изложены особыми знаками, смыслъ которыхъ для изслѣдователя остается до сихъ поръ совершенно непонятнымъ. Есть нѣкоторые основанія думать, что они были адресованы къ тайнымъ друзьямъ и приверженцамъ императора и потому изложены особыми условными знаками. Что касается до содержанія сохранившейся до нашего времени переписки Юліана, то оно, какъ мы уже замѣтили, отличается весьма большимъ разнообразіемъ. Одни изъ писемъ содержатъ различныя правительственныя распоряженія и потому имѣютъ значеніе при изученіи Юліана, какъ политическаго главы государства, другія обращены къ философамъ, софистамъ и вообще приближеннымъ друзьямъ императора, съ которыми онъ находился въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ. Письма послѣдняго рода имѣютъ весьма большое значеніе для знакомства съ характеромъ образованности и литературными направленіями разсматриваемой эпохи. Содержаніемъ писемъ, адресованныхъ къ софистамъ и философамъ, служатъ обыкновенно пріятныя воспоминанія, сохранившіяся въ душѣ Юліана изъ того времени, когда онъ получалъ обученіе въ ихъ школахъ, или же просто лестъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы заслужить съ ихъ

¹⁾ Julian. Epist. XXIV, p. 390—396 ed. Spanheim.; p. 32—44 ed. Heyler.

²⁾ Julian. Epist. XLIX, p. 430—431 ed. Spanheim.; p. 89—93 ed. Heyler.

³⁾ Julian. Epist. XXXII, p. 404 ed. Spanheim.; p. 53 ed. Heyler.

сторонѣ похвалы и одобреніе, — слабость нерѣдко свойственная императору.

Для насъ имѣютъ значеніе тѣ письма Юліана, въ которыхъ онъ прямо или косвенно ведетъ литературную борьбу противъ христіанства. Какъ вообще во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, такъ и въ письмахъ онъ не упускаетъ ни одного удобнаго случая для того, чтобы не сдѣлать нападенія на ненавистную ему религію и ея послѣдователей. Сюда можно причислить прежде всего письма его къ Александрійцамъ (Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Ἰουλιανὸς, μέγιστος, σέβαστος, Ἀλεξανδρέων τῷ δήμῳ, — Imperator Caesar Julianus, Maximus, Augustus, populo Alexandrino) ¹⁾. Оно адресовано къ языческому населенію Александріи, по поводу извѣстнаго убійства имъ Георгія, аріанскаго епископа этого города. Несмотря на всѣ усилія, Юліанъ оказывается здѣсь не въ силахъ сдержать своего гнѣва и ожесточенной ненависти къ вѣрующимъ, хотя и старается прикрыть враждебныя отношенія къ послѣднимъ маскою благонамѣренности. Время составленія настоящаго письма со всею вѣроятностію можно относить къ 362 году.

Точно такимъ же характеромъ отличается письмо Юліана къ жителямъ г. Бостры, въ Аравіи (Ἰουλιανὸς Βοστρηνοῖς, — Julianus Bostrenis) ²⁾. Будучи обращено, какъ мы уже знаемъ, главнымъ образомъ противъ Тита, епископа этого города, оно вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ не мало враждебныхъ нападеній противъ вѣрующихъ и исповѣдуемой ими религіи. Въ началѣ письма Юліанъ выражаетъ удивленіе, почему Галилеяне не хотятъ оказать ему никакой благодарности за его снисходительное и гуманное обращеніе съ ними и при этомъ случаѣ

¹⁾ Julian. Epist. X, p. 378—380 ed. Spanheim.; p. 13—16 ed. Heyler.

²⁾ Julian. Epist. I. II, p. 435—438 ed. Spanheim.; p. 98—103 ed. Heyler.
Нап. 1 августа 362 года.

старается порисоваться принципами своей пресловутой вѣротерпимости. Далѣе, онъ обвиняетъ христіанскихъ епископовъ и клириковъ въ томъ, будто они только возмущаютъ народъ противъ правительства и поддерживаютъ среди населенія недовольство послѣднимъ. Обращаясь затѣмъ непосредственно къ Бострынамъ, Юліанъ возводитъ гнусную клевету на ихъ епископа Тита, намъ уже извѣстную, и требуетъ немедленнаго изгнанія его изъ города. Замѣчательно, что рассматриваемое письмо къ Бострынамъ заключаетъ въ себѣ единственное мѣсто въ сочиненіяхъ Юліана, гдѣ онъ называетъ христіанъ ихъ настоящимъ именемъ, между тѣмъ какъ повсюду усваиваетъ имъ названіе Галилеянъ, нечестивцевъ и безбожниковъ.

Одинаковымъ содержаніемъ съ письмомъ Юліана къ Бострынамъ отличаются эдикты его противъ св. Аѳанасія, архіепископа Александрійскаго. Правда, они имѣютъ непосредственное отношеніе къ личности этого святителя и ревностнаго борца за православіе, при всемъ томъ въ нихъ не мало встрѣчается мѣстъ, проникнутыхъ духомъ крайняго раздраженія и самой ожесточенной ненависти противъ христіанства. Въ первомъ изъ указанныхъ эдиктовъ ('Αλεξανδρεῦσι διάταγμα, — Edictum ad Alexandrinus) ¹⁾ изложенъ императорскій приказъ касательно лишенія св. Аѳанасія alexандрійской епископской кафедры за его будто бы самовольное занятіе ея вопреки эдикту Юліана, дозволившему alexандрійскому святителю только возвращеніе въ свое отечество, не вступленіе въ свои прежнія святительскія права. Во второмъ эдиктѣ противъ св. Аѳанасія ('Ιουλιανὸς Ἀλεξανδρεῦσιν, — Julianus Alexandrinis) ²⁾ Юліанъ не только еще разъ съ большою настойчивостію повелѣ-

¹⁾ Julian. Epist. XXVI, p. 398—399 ed. Spanheim.; p. 243—279 ed. Heyler.

²⁾ Julian. Epist. LI, p. 432—435 ed. Spanheim.; p. 94—98 ed. Heyler. Написано въ томъ же самомъ году, когда и первый.

ваетъ ему немедленно удалиться изъ Египта, но и угрожаетъ за послушаніе лишеніемъ жизни. Пользуясь случаемъ, императоръ увѣщаетъ въ немъ языческое населеніе Александріи къ ревности языческому культу.

Сюда же слѣдуетъ отнести посланіе Юліана къ іудейскому народу, жившему въ разбѣяніи (*Ἰουλιανὸς Ἰουδαίων τῶ κοινῷ*, *Julianus Iudaeorum nationi*) ¹⁾. Въ немъ онъ выражаетъ солидарность религіозныхъ вѣрованій язычества съ ученіемъ іудеевъ и даетъ имъ позволеніе возвратиться въ свое отечество для возстановленія своего національнаго святилища.

Въ ряду писемъ Юліана, враждебно относящихся къ христіанству, особенный интересъ заслуживаетъ также письмо XLII безъ обозначенія лица, въ которомъ оно адресовано ²⁾. Оно имѣетъ для насъ особенное значеніе въ томъ отношеніи, что содержитъ извѣстное запрещеніе христіанскимъ наставникамъ преподаванія классической литературы въ школахъ, нашедшее себѣ энергическое опроверженіе со стороны св. Амвросія Медиоланскаго ³⁾, блаженнаго Августина ⁴⁾ и св. Григорія Богослова ⁵⁾.

Тѣмъ же явно враждебнымъ характеромъ къ вѣрующимъ проникнуто письмо императора къ софисту Эквиولیю (*Ἰουλιανὸς Ἐκτιβόλω*, — *Julianus Nesebolo*) ⁶⁾, написанное по поводу ходатайства его о возвращеніи церковныхъ имуществъ эдесскихъ христіанъ, отобранныхъ по приказанію Юліана.

Наконецъ, къ рассматриваемой категоріи писемъ Юліана слѣдуетъ причислить письма его къ Арзакію, верховному

¹⁾ Julian. Epist. XXV, p. 397—398 ed. Spanheim.; p. 41—43 ed. Heyler.

²⁾ Julian. Epist. XLII, p. 422—424 ed. Spanheim.; p. 78—82 ed. Heyler.
Сравн. Сокр. Ц. И. III, 12; Θεοδωρ. Ц. И. III, 18.

³⁾ Ambros. Contra Symmach. 1.

⁴⁾ August. Confession. VIII, 5.

⁵⁾ Твор. Григор. Бог. ч. 1, слово 1 облич. на цара Юліана 155—164.

⁶⁾ Julian. Epist. XLIII, p. 424 ed. Spanheim.; p. 82—83 ed. Heyler.

жрецу Галатіи, нѣкому Артабію, неизвѣстному по своей профессіи, и Θεодору, верховному жрецу провинціи Азіи.

Первое изъ нихъ (Ἀρσακίῳ Ἀρχιερεῖ Γαλατίας, ἐπιστολῇ Ἰουλιάνου βασιλέως, — Juliani imperatoris epistola ad Arsacium Pontificem Galatiae scripta) ¹⁾ представляетъ собою очевидное доказательство внутренней несостоятельности современнаго Юліану политеизма, его способности къ дальнѣйшему существованію и безсилія въ борьбѣ съ христіанствомъ. Въ то же время оно наглядно изображаетъ неудачную попытку Юліана пересадить на почву язычества многія изъ идей и учрежденій христіанской церкви, посредствомъ которыхъ онъ надѣялся вдохнуть новую жизнь въ одряхлѣвшія и отжившія свой вѣкъ формы политеизма. При всемъ томъ, отдавая въ настоящемъ письмѣ должную дань уваженія христіанамъ за ихъ любовь къ ближнимъ и состраданіе ко всѣмъ бѣднымъ и нуждающимся, Юліанъ несправедливо утверждаетъ, будто всѣ эти добрыя качества его противниковъ исходятъ изъ нечистыхъ нравственныхъ мотивовъ.

Въ письмѣ къ Артабію (Ἀρταβίῳ, Artabio) ²⁾. Императоръ проводитъ мысль, что не слѣдуетъ употреблять насильственныхъ мѣръ противъ галилеянъ, ни предавать ихъ смерти ради религіозныхъ заблужденій. Благодѣтельные боги, по словамъ его, спасли отъ гибели государство, которому галилейское нечестіе угрожало конечнымъ паденіемъ. Во всякомъ случаѣ галилеянамъ должно предпочитать людей благочестивыхъ, т. е. язычниковъ, хотя и не слѣдуетъ поднимать противъ нихъ открытаго кроваваго гоненія.

Въ письмѣ, адресованномъ къ Θεодору (Ἰουλιάνος Καῖσαρ Θεοδώρῳ Ἀρχιερεῖ, — Julianus Caesar Theodoro Pon-

¹⁾ Julian. Epist. XLIX, p. 429—432 ed. Spanhiem.; p. 82—93 ed. Heyler.

²⁾ Julian. Epist. VII, p. 376 ed. Spanheim.; p. 10, ed. Heyler.

tifici) ¹⁾, императоръ, назначая послѣдняго верховнымъ распорядителемъ культа въ провинціи Азіи, при этомъ случаѣ даетъ нѣсколько совѣтовъ и наставленій касательно его поведенія и исполненія служебныхъ обязанностей. Гуманность, мудрость и уваженіе къ древнимъ священнымъ обрядамъ, говоритъ здѣсь Юліанъ, составляютъ первое и главное достоинство служителя боговъ. Далѣе императоръ выражаетъ надежду и увѣренность, что Θεодоръ, получивши назначеніе быть верховнымъ распорядителемъ культа во ввѣренной ему провинціи, положить конецъ плачевному нерадѣнію язычниковъ въ дѣлѣ ихъ религіи. При этомъ случаѣ онъ упрекаетъ своихъ языческихъ подданныхъ, почему они въ образѣ своей жизни не подражаютъ галилеянамъ, которые горячо преданы своимъ вѣрованіямъ и которые изъ-за нихъ готовы идти, не колеблясь, на самую смерть. Притомъ же галилеяне, говоритъ онъ, не чужды вообще чувства благочестія, ибо они поклоняются Богу всемогущему, управляющему видимымъ міромъ, Котораго и язычники призываютъ только подъ другими именами ²⁾. Все заблужденіе галилеянъ, по словамъ его, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что они не признаютъ существованія другихъ боговъ. Къ сожалѣнію конецъ этого чрезвычайно любопытнаго письма не сохранился до нашего времени.

8) Поэтическіе отрывки.

Заключеніе Юліановыхъ сочиненій представляетъ собою нѣсколько поэтическихъ отрывковъ, которые впро-

¹⁾ Julian. Epist. LXIII, p. 452—454 ed. Spanheim.: p. 130—133 ed. Heyler.

²⁾ Julian. Epist. LXIII, ad Theod. Pontif. Asiae. p. 454 ed. Spanheim. п 167 ed. Heyler. Ἀλλ' οὕτοι μὲν ἐν μέρει θεοσεβεῖς ὄντες, ἐπεὶ περ ὃν τιμῶσιν ἀλλ' ἀλειψῶς ὄντα θυναντώτα ὅν καὶ ἀγαθώτατον, ὃς ἐπιτροπεύει τὸν αἰσθητὸν κόσμον, ὃν περ εὖ οἶδα ὅτι καὶ ἡμεῖς ἄλλαις θεραπεύομεν ὀνόμασιν κ. τ. λ.

чемъ по своей безсвязности и раздробленности едва ли могутъ заслуживать особеннаго вниманія изслѣдователя и притомъ незначительны по своему объему ¹⁾. Правда, Юліанъ вообще уважалъ поэзію и любилъ заниматься ею въ свободные часы, зналъ наизусть Гомера и важнѣйшіе отрывки изъ трагиковъ, былъ знакомъ основательно съ лирическими поэтами, но не былъ рожденъ поэтомъ. При такихъ условіяхъ его поэтическія произведенія, если бы они и сохранились въ цѣлости до нашего времени, едва ли могли имѣть важное значеніе для изслѣдователя. Изъ уцѣлѣвшихъ поэтическихъ отрывковъ нѣкоторый интересъ могутъ имѣть эпиграммы, замѣчательныя какъ по содержащимся въ нихъ остроумамъ, такъ и тѣмъ, что онѣ были составлены среди важныхъ политическихъ событій и наглядно свидѣлствуютъ о постоянномъ присутствіи духа въ императорѣ среди самыхъ критическихъ обстоятельствъ. Эти эпиграммы были набросаны авторомъ среди шума и безпокойствъ лагерной жизни, можетъ быть даже послѣ блестящей побѣды, одержанной надъ германцами.

Изложенный очеркъ литературныхъ произведеній Юліана былъ бы недостаточно полонъ, если бы мы не упомянули о тѣхъ произведеніяхъ его, которыя не дошли до нашего времени даже въ отрывкахъ. Такъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Ямвлиху Юліанъ упоминаетъ о составленіи имъ нѣкоторыхъ рѣчей по приказанію императора Констанція, не дошедшихъ до настоящаго времени. Равнымъ образомъ не дошло до насъ посланіе Юліана къ Сенату Константинопольскому, которое, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, было написано съ тою цѣлію, чтобы оправдать образъ дѣйствій его въ отношеніи къ Констанцію. Есть основаніе думать,

¹⁾ S. H. Heyler. *Juliani imp. Epistolae*. Moguntiae 1828. Справ. Talbot и Tourlet.

что онъ оставилъ послѣ себя немало и другихъ литературныхъ произведеній, неизвѣстныхъ намъ даже по имени. Такъ, по свидѣтельству Свиды, онъ писалъ сочиненіе о происхожденіи зла въ мірѣ и трактатъ о геометрическихъ фигурахъ. Фабрицій цитуетъ похвальное слово императора къ солнцу, отличное отъ извѣстнаго уже намъ гимна въ честь Геліоса, и приводитъ отрывокъ изъ сочиненія его, извѣстнаго подъ именемъ Кроній, которое не должно смѣшивать съ «Цезарями». Тотъ же писатель утверждаетъ, что Юліанъ оставилъ послѣ себя трактатъ «о трехъ фигурахъ» и сочиненіе о военномъ искусствѣ. По словамъ Зосима, императоръ писалъ комментарій объ осадѣ Низибиса, тоже не дошедшій до нашего времени. Наконецъ, Амміанъ Марцеллинъ упоминаетъ, что Юліанъ составлялъ записки о своихъ походахъ въ Галліи и Германіи, утрата которыхъ имѣетъ тѣмъ большую важность, что современники считали ихъ по литературному и историческому достоинству нисколько не уступающими извѣстнымъ комментаріямъ Цезаря о галльской войнѣ. Наконецъ, съ увѣренностію можно полагать, что многія изъ писемъ Юліана тоже не дошли до настоящаго времени.

Сочиненія Юліана имѣютъ въ глазахъ изслѣдователя его эпохи большое значеніе какъ въ историческомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи. Они могутъ служить важнымъ источникомъ при изученіи эпохи, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ. Въ нихъ содержится богатый матеріалъ для знакомства какъ съ политическими событіями, въ которыхъ императоръ принималъ непосредственное участіе, такъ и при изученіи внутренней исторіи его времени, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ они одни только въ состояніи пролить нѣкоторый свѣтъ на отношенія Юліана къ Констанцію, равно какъ и на другія событія. Въ своихъ литературныхъ

произведеніяхъ Юліанъ сообщаетъ не мало свѣдѣній, которыхъ не касаются другіе современные ему писатели. Въ нихъ проглядываетъ глубокое знаніе классической древности и основательное знакомство съ философіей и исторіею. Самый слогъ ихъ показываетъ довольно удачное подраженіе древнимъ классическимъ писателямъ и отличается вообще большимъ изяществомъ и чистотою отдѣлки.

Политическая дѣятельность Юліана со времени окончательнаго разрыва его съ языческимъ и христіанскимъ обществомъ въ Антіохіи.

Описанная нами политическая и литературная борьба Юліана противъ христіанства въ связи съ попыткою его влить новую жизнь въ одряхлѣвшія формы политеизма окончилась полнѣйшею неудачею. Персидскій походъ, предпринятый императоромъ, имѣлъ для него и его дѣла роковое значеніе и окончательно разрушилъ всѣ его планы, направленные ко вреду церкви. Мы видѣли, что послѣ войны съ Персіей онъ намѣревался приступить къ болѣе крупнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ противъ христіанства ¹⁾. Среди христіанскаго общества распространились грозные слухи, что съ возвращеніемъ императора изъ похода противъ Персовъ вѣрующіе будутъ лишены послѣднихъ правъ, которыми до сихъ поръ продолжали еще пользоваться, всѣ христіанскіе храмы будутъ превращены въ языческія капища, что вмѣсто изображенія Христа въ нихъ будетъ поставлено изваяніе Венеры и проч. Рассказывали также, что въ Іерусалимѣ будетъ устроенъ тогда циркъ изъ матеріаловъ, которые были приготовлены для возстановленія національнаго іудейскаго святилища, и здѣсь

¹⁾ Тв. Гр. Бог. ч. I, сл. 2. Сокр. Ц. И. III. Созом. Ц. И. V, 3. Θεод. Ц. И. III.

множество христіанскихъ епископовъ, пресвитеровъ и монаховъ вмѣстѣ съ прочими вѣрующими будутъ отданы на сѣдѣніе дикимъ звѣрямъ. «Мы были жертвами, обреченными демонамъ, замѣчаетъ по этому поводу св. Григорій Богословъ, и Божіе наслѣдіе, царское священство, предназначалось быть цѣною побѣды» ¹⁾). По случаю задуманнаго похода все христіанское населеніе имперіи, по свидѣтельству церковныхъ историковъ, было обложено особою обременительною податью, отъ уплаты которой были свободны языческіе поданные императора.

Послѣ зимняго пребыванія въ Антіохіи, Юліанъ, весною 363 года, во главѣ 65 тысячной арміи выступилъ въ походъ, для котораго онъ располагалъ большими средствами, и въ которомъ обнаружилъ не мало талантовъ храбраго и опытнаго полководца. При всякомъ удобномъ случаѣ на пути императоръ повелѣвалъ возобновить давно забытые языческіе праздники и обряды и возстановлять запустѣвшія полуразрушенныя капища. Ему въ скоромъ времени безпрепятственно удалось перейти Ефратъ и послѣ незначительныхъ схватокъ съ непріателемъ овладѣть многими укрѣпленными пунктами въ Месопотаміи. Будучи ободренъ первыми успѣхами, одержанными надъ непріятельской арміей, Юліанъ неосторожно углубился въ пустыню, гдѣ его войско поставлено было въ безвыходное положеніе, принуждено было терпѣть голодъ и жажду, подвергаясь въ тоже время постояннымъ нападеніямъ персидскихъ всадниковъ. Въ скоромъ времени въ одной изъ ожесточенныхъ схватокъ съ послѣдними императоръ неожиданно получилъ смертельную рану, отъ которой вскорѣ потомъ и умеръ 27 іюня 363 года ²⁾). Послѣднія минуты своей

¹⁾ Твор. Григор. Бог. ч. 1, слово 2 обличит. на царя Юліана стр. 187.

²⁾ Amm. Marcell. XXV, 3.... Quos cum Julianus cavendi immemor diffluisse trepidos, elatis vociferando manibus aperte demonstrans, irasque sequentium excitans, ardenter effunderet semet in pugnam, clamabant hinc in-

жизни онъ провелъ, по свидѣтельству языческихъ историковъ, въ гордомъ спокойствіи, съ достоинствомъ стоическаго философа, среди бесѣдъ съ окружающими его друзьями о безсмертіи и блаженствѣ души за гробомъ ¹⁾, а по христіанскимъ извѣстіямъ, испустилъ послѣдній вздохъ съ безнадежнымъ восклицаніемъ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» ²⁾. Древніе церковные историки сообщаютъ еще нѣкоторые подробности объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ смерть Юліана, напр. будто бы онъ, умирая, поднялъ къ небу руку, наполненную кровью, взятою изъ собственной раны, что онъ предъ смертію проклиналъ языческихъ боговъ и проч. Прощальная рѣчь Юліана къ друзьямъ, влагаемая ему въ уста Амміаномъ Марцеллиномъ, очень характеристична и сильно бьетъ на эффектъ. Она нѣсколько напоминаетъ предсмертныя минуты Сократа, но безъ естественной простоты оригинала, съ сильною примѣсью суетнаго самодовольства и стремленія къ театральному эффекту ³⁾.

de candidati, quos desjecerat terror ut fugientium molem tamquam ruinam, male compositi culminis declinaret: et incertum subita equestris hasta, cute brachii ejus praestricta, costis perfossis haesit in ima jecoris fibra. Epota gelida aqua, quam petiit, medio noctis horrore vita facilius est absolutus, anno aetatis altero et tricesimo. Eutrop. X, 16. Hostili mann. Orosius VII, 30: obvio quodam hostium equite conto ictus interiit. Sosom. VI, 1, p. 636. "Α παραδραμὼν τις ἰκπεύς ἔφερε ἐπὶ τὸν βασιλέα τὸ δόρυ.

¹⁾ Amm. Marcell. XXV, 3.

²⁾ Созом. Ц. И. VI, 2 стр. 376; Θεοδор. Ц. И. III, 26, стр. 230; Philostorg. Н. Е. VII, 15.

³⁾ Amm. Marcell. XXV, 3.... Quae dum ita aguntur Julianus in tabernaculo jacens circumstantes allocutus est demissos et tristes: «Advenit, o Socii, nunc abeundi tempus e vita impendio tempestivum, quam reposcenti naturae, ut debitor bonae fidei, redditurus exsulto: non ut quidam opinantur, ad afflictus, et moerens: philosophorum sententia generali perdoc-tus, quantum corpore sit beatior animus, et contemplans, quoties conditio melior a deteriore secernitur, laetandum esse potius, quam dolendum. Illud quoque advertens, quod etiam dii caelestes, quibusdam piissimis mortem tamquam summum proemium persolverunt. Munus autem id mihi delatum optime scio, ne difficultatibus succumberem arduis, neve me proji-

Трупъ императора, согласно его предсмертному желанію, былъ отвезенъ для погребенія въ Тарсъ, гдѣ въ послѣдствіи времени, по приказанію императора Іовіана, былъ построенъ памятникъ съ простою надписью, гласившею, что подъ нимъ погребенъ храбрый воинъ и добрый правитель, но ничего не говорившей о его религіозныхъ убѣжденіяхъ ¹⁾.

ciam unquam aut prosternam: expertus, quod dolores omnes, ut insultant ignavis ita persistentibus cedunt. Nec me gestorum poenitet, aut gravis flagitii recordatio stringit vel cum in umbram et angulos amandaret, vel post principatum susceptum, quem tanquam a cognatione coelitum defluentem, immaculatum (ut existimo) conservavi et civilia moderatius regens, et examinatis rationibus bella inferens et repellens: tametsi prosperitas simul utilitasque consultorum non ubique concordent, quoniam coeptorum eventus superae sibi vindicant potestates. Reputans autem, justi esse finem imperii, obedientium commodum et salutem, ad tranquilliora semper ut nostis, propensior, fui, licentiam omnem actibus meis exterminans, rerum corruptricem et morum: gaudensque, adeo sciens, quod ubicunque me velut imperiosa parens consideratis periculis objecit republica, steti fundatus, turbines calcare fortuitorum adsuefactus. Nec fateri pudebit, interituum me ferro dudum didici fide fatidica praecinente. Ideoque sempiternum veneror numen, quod non claudestinis insidiis, nec longa morborum asperitate, vel damnatorum fine decedo: sed in medio cursu florentium gloriarum hunc merui clarum e mundo digressum. Aeque enim judicio juxta timidus est et ignavus, qui cum non oportet, mori desiderat: et qui refugiat, cum sit opportunum. Hactenus loqui vigore virium labente sufficiat. Super imperatore vero creando caute reticeo nec per imprudentiam dignum praeterream; aut nominatum quem habilem reor, anteposito forsitan alio in discrimen ultimum trudam. Ut alumens autem reipublicae frugi, opto bonum post me reperiri rectorem!

¹⁾ Амміанъ Марцеллинъ (XXV, 10) замѣчаетъ, что Іовіанъ въ бытность свою въ Тарсѣ exornari sepulchrum statuit Juliani in pomoerio situm itineris, quod ad Tauri montis angustias ducit: cujus suprema et cineres si qui tunc juste consuleret, non Cydnus videre deberet quamvis gratissimus amnis et liquidus: sed ad perpetuandam gloriam recte factorum praeterlabere Tiberis intersecans urbem aeternam, divorumque veterum monumenta praestringens.

З а к л ю ч е н і е.

Извѣстіе о смерти Юліана съ необычайною быстрою распространилось по всей имперіи. Многіе изъ подвижниковъ въ Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ утверждали, что имъ въ видѣніяхъ заранѣе была открыта внезапная смерть ожесточеннаго врага христіанства ¹⁾. Другіе, по словамъ св. Григорія Богослова, свидѣтельствовали, будто таинственные голоса, слышанные въ воздухѣ, заранѣе возвѣстили имъ объ этомъ событіи ²⁾. На первыхъ порахъ языческое населеніе имперіи не хотѣло вѣрить смерти своего послѣдняго императора и побивало камнями тѣхъ изъ вѣрующихъ, которые рѣшались сообщить имъ такую непріятную вѣсть. Совершенно иное чувствовали вѣрующіе. Они воспѣвали хвалебные гимны Богу, избавившему ихъ отъ столь ожесточеннаго и опаснаго врага, и возносили Ему благодарственные молитвы за свое спасеніе ³⁾.

Такъ окончилъ свою жизнь и политическую дѣятельность одинъ изъ послѣднихъ представителей греко-римскаго политеизма и самыхъ энергическихъ борцовъ за его существованіе въ борьбѣ съ новыми религіозными порядками. Всѣ его усилія въ дѣлѣ возстановленія язычества и ослабленія христіанства остались безплодными

¹⁾ Созом. Ц. И. VI, 2; Θεοδωρ. Ц. И. III, 25. Сравни. Tillemont. Hist. des Empereurs t. IV, p. 549.

²⁾ Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 облич. на царя Юліана стр. 185—194.

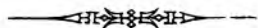
³⁾ Θεοδωρ. Ц. И. III, 28.

и не сохранили послѣ себя никакого слѣда въ исторіи. Онъ напрасно старался возратить древнему культу его прежнее значеніе и доставить ему торжество надъ новыми религіозными идеями и учрежденіями, равнымъ образомъ тщетны были его усилія вдохнуть въ политеизмъ новую живую силу. Попытка Юліана не только возстановить язычество въ древнемъ его величіи, но и доставить ему нравственное преобладаніе надъ христіанствомъ была лишь пустою, неосуществимою мечтою. Въ тоже время всѣ мѣры императора, направленные ко вреду церкви и ея членовъ, встрѣчая мужественное противодѣйствіе со стороны послѣднихъ, остались совершенно безплодными. Отъ нихъ язычество не выиграло рѣшительно ничего для усиленія своего внутренняго значенія и для достиженія себѣ внѣшняго преобладанія.

Будучи одаренъ отъ природы богатыми дарованіями какъ человѣка, такъ и государственнаго мужа, Юліанъ страдалъ весьма существеннымъ недостаткомъ, о которомъ мы уже знаемъ, — непониманіемъ духа и потребностей своего времени, болѣе благопріятствовавшаго христіанству, нежели язычеству. Проникнутый глубокими симпатіями къ старинѣ, ея преданіямъ и вѣрованіямъ, онъ не обращалъ вниманія на свое настоящее, неудержимо стремился къ прошлому, пытаясь призвать его къ жизни, которая давно уже отлетѣла. Поставивъ за вѣтную цѣлю своей жизни и политической дѣятельности возстановленіе давно отжившихъ свой вѣкъ религіозныхъ началъ и крутой поворотъ исторіи назадъ, Юліанъ упустилъ изъ вниманія, что какъ современное ему языческое общество, такъ и самый политеизмъ, взятый въ цѣломъ существѣ своемъ, совершенно неспособны были къ тому, чтобы содѣйствовать выполненію его плановъ. Онъ не понималъ новаго міра, открывавшагося для него въ хри-

стіанствѣ и измѣнилъ послѣднему, не обращая никакого вниманія на то, что великія идеи христіанства управляли всѣмъ тогдашнимъ міромъ. Отсюда вмѣсто ожидаемыхъ блестящихъ результатовъ отъ своего предпріятія, Юліанъ повсюду встрѣчалъ самое горькое разочарованіе. Окончательно разойдясь съ окружающимъ его языческимъ обществомъ и въ тоже время возбудивъ къ себѣ сильнѣйшее недовольство съ стороны своихъ христіанскихъ подданныхъ, онъ сошелъ съ исторической сцены съ горькимъ убѣжденіемъ, что дѣло, поставленное имъ завѣтною цѣлю и задачею жизни и политической дѣятельности, совершенно невыполнимо и неосуществимо, не смотря на то, что этому дѣлу посвящены были имъ всѣ его политическія и нравственныя силы. Ему суждено было оставить историческую сцену заклеяннымъ позорнымъ именемъ отступника и строгій приговоръ исторіи будетъ на вѣки тяготѣть надъ его памятью.

Со смертію Юліана окончилось созданное имъ кратковременное исключительно внѣшнее политическое преобладаніе политеизма надъ христіанствомъ. Въ лицѣ его греко - римское язычество торжественно засвидѣтельствовало свою подлѣйшую несостоятельность, неспособность къ своему обновленію и къ торжеству надъ новыми религіозными порядками. Заявивъ въ царствованіе послѣдняго императора язычника претензію на возвращеніе себѣ прежняго могущества, политеизмъ со смертію его, въ силу своей внутренней несостоятельности, падаетъ все глубже и глубже и проситъ только себѣ у христіанскаго правительства позволенія безъ особенно крутыхъ переворотовъ сойти окончательно съ исторической сцены и умереть спокойною смертію.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе ко 2-му изданію.....	IV
----------------------------------	----

Введеніе.

Обзоръ и критическая оцѣнка первоисточниковъ и важнѣйшихъ пособій при изученіи личности Юліана и его времени. — Христіанскіе источники. Св. Григорій Богословъ и Св. Кириллъ, архіепископъ Александрійскій. Древніе церковные историки. Сократъ Сохоменъ. Бл. Ѳеодоритъ. Филосторгій. Руфинъ. Кодексъ Ѳеодосія. <i>Notitia dignitatum</i> . — Языческіе источники. Литературныя произведенія Юліана, какъ источникъ при изученіи его эпохи. Амміанъ Марцеллинъ. Ливаній. Зосимъ и др.....	3
Критическій обзоръ трудовъ новѣйшихъ изслѣдователей эпохи Юліана. Готфридъ Арнольдъ. Шрекъ. А. Брольи. Бенъо. Кельнеръ. Неандеръ. А. Блетерн. Ауэръ. Мюкке. Штраусъ и др.....	19

I.

Внѣшнее и внутреннее состояніе христіанской церкви и язычества предъ вступленіемъ Юліана въ борьбу противъ христіанства.

Аріанскіе споры. Императоръ Констанцій и его вмѣшательство во внутреннія дѣла церкви. Гоненія православныхъ отъ аріанъ. Вредное вліяніе аріанскихъ смутъ на внутреннюю жизнь христіанскаго общества. Другія нестроенія, испытываемыя церковію въ правленіе сыновей Константина Великаго.....	29
Внѣшнее состояніе язычества въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ. Характеръ отношеній Константина Великаго къ древнему культу. Эдикты его сыновей касательно внѣшняго государственнаго положенія политеизма. Внутреннее состояніе язычества того времени. Языческая наука и литература, какъ опоры умиравшаго политеизма. Неоплатонизмъ и его значеніе въ дѣлѣ со-	

храненія и поддержанія древнихъ религіозныхъ вѣрованій. Суевѣрія и предрасудки, народныя зрѣлища и театры, какъ опоры уна-
давнаго язычества. Тѣсная связь политеизма съ общественными
и государственными учрежденіями греко-римскаго міра..... 41

Языческая партія, мечтавшая о восстановленіи религіознаго
порядка вещей, предшествовавшаго Константину Великому, и о воз-
вращеніи древнему культу его прежняго значенія въ смыслѣ офи-
ціальной государственной религіи римской имперіи. Характеристика
главныхъ ея представителей..... 74

II.

Юліанъ и его политическая дѣятельность до окончательнаго разрыва съ языческимъ и христіанскимъ обществомъ въ Ан- тіохіи.

Родственные связи Юліана съ фамиліей Константина Великаго.
Кровавое истребленіе его родственниковъ возмущившимися солда-
тами по наущенію Констанція. Характеръ первоначальнаго воспи-
танія Юліана подъ руководствомъ Евсевія Никомидійскаго, внука
Мардонія, Никокла, софиста Эживолія и другихъ. Пребываніе его
въ Макеллѣ, Константинополѣ и Никомидіи. Знакомство съ Лива-
віемъ и другими представителями языческой партіи въ Малой Азій,
приверженцами неоплатонизма. Философъ Максимъ и его вліяніе
на перелѣту религіозныхъ убѣжденій въ душѣ Юліана въ связи
съ причинами, подготовившими отпаденіе послѣдняго отъ христіан-
ства. Стремленіе Юліана скрыть истинный образъ своихъ религіоз-
ныхъ мыслей. Его лицемеріе и притворство..... 76

Вывозъ Юліана къ императорскому двору въ Миланъ и заклю-
ченіе подъ стражу. Ходатайство императрицы Евсевіи о его осво-
божденіи и дозволеніи отпавиться въ Аѳины. Городъ Музъ, какъ
центръ умственной жизни того времени. Вступленіе Юліана въ тай-
ныя сношенія съ тамошнею языческою партіею. Посвященіе въ ми-
стеріи. Тѣсная дружба, заключенная имъ съ аѳинскими язычниками 101

Возвращеніе Юліана въ Миланъ и назначеніе правителемъ Гал-
ліи. Затруднительность положенія новаго цезаря. Выѣздъ состоя-
ніе Галліи предъ назначеніемъ Юліана наместникамъ этой страны.
Набѣги франковъ и аллемановъ. Внутренняя безурядица, какъ ре-
зультатъ неблагоустройства управленія вѣдѣвшихъ Констанція.
Характеръ отношеній императора къ своему новому цезарю. По-
литическая дѣятельность Юліана во время управленія Галліею (355—
362). Его удачныя войны съ германцами и франками. Мѣры Юліана
въ дѣлѣ улучшенія внутренняго благосостоянія ввѣренной его управ-

ленію провинцій. Возстановленіе разрушенныхъ городовъ, мѣстечекъ и деревень. Уменьшеніе податей и налоговъ. Защита населенія отъ насилій и вымогательствъ императорскихъ чиновниковъ. Заботы касательно возстановленія уваженія къ законамъ и проч. 110

Разрывъ Юліана съ императоромъ. Возмущеніе арміи въ Лютеціи (Парижѣ) и провозглашеніе Юліана августомъ. Взглядъ на этотъ фактъ большинства изслѣдователей разсматриваемой эпохи и его несостоятельность. Междоусобная война Юліана противъ императора Констанція и ея религіозный характеръ. Открытое объявленіе Юліана о своемъ отреченіи отъ христіанства и формальный переходъ на сторону язычества. Тавроболіумъ 118

Смерть императора Констанція. Вступленіе Юліана на императорскій престолъ. Характеръ политической дѣятельности новаго государя. Мѣры Юліана къ улучшенію экономическаго благосостоянія государства и финансовой части его. Сокращеніе государственныхъ расходовъ въ связи съ введеніемъ строгой бережливости и отчетности въ финансовомъ управленіи государства. Сокращеніе придворнаго штата. Суровость и несправедливость новаго императора, обнаруженная при этомъ случаѣ. Уменьшеніе податей и налоговъ. Уничтоженіе института шпионовъ. Уваженіе, оказываемое Юліаномъ остаткамъ древнихъ республиканскихъ учрежденій. 126

Характеристика Юліана, какъ человѣка и какъ политическаго дѣятеля. Его недостатки. Отсутствіе въ немъ справедливости. Необыкновенная гордость, высокомѣріе, суетность, тщеславіе, лицемеріе и притворство, какъ преобладающія особенности его характера. Обстановка частной домашней жизни Юліана. Его циническое отрицаніе жизненныхъ удобствъ и всякихъ приличій. Его жестокость. Халкидонская слѣдственная коммиссія и ея несправедливыя дѣйствія. Отсутствіе въ Юліанѣ практической жизненной мудрости и умѣнья приравниваться къ современнымъ требованіямъ и обстоятельствамъ, особенно обнаружившееся въ крайне превратномъ и должномъ отношеніи его къ религіозному вопросу своего времени. 130

III.

Отношеніе Юліана къ язычеству въ связи съ попыткою его внутренняго преобразованія на началахъ неоплатонизма и при посредствѣ идей и учрежденій христіанской церкви.

Представители языческой партіи, окружавшіе Юліана. Мѣры императора касательно возстановленія запустѣвшихъ и разрушенныхъ языческихъ храмовъ и сооруженія новыхъ. Возвращеніе прежняго государственнаго значенія языческимъ жрецамъ, какъ представителямъ officialнаго культа имперіи. Заботы императора о

возстановленіи языческихъ оракуловъ. Стремленіе его снова поставить политеизмъ въ тѣсную связь и взаимодействие съ общественными и государственными учреждениями Рима. Возвращеніе язычеству правъ и привилегій официальной государственной религіи. Заботливость императора о сохраненіи въ цѣлости и поддержаніи существующихъ въ его время культовъ, кромѣ христіанскаго. Покровительство Юліана наукѣ и литературѣ съ цѣлю доставить этимъ путемъ опору язычеству въ его борьбѣ съ новыми религіозными порядками. Необыкновенная щедрость Юліана въ дѣлѣ возстановленія древняго культа и неутомимая ревность въ совершеніи языческихъ религіозныхъ обрядовъ.....

136

Попытка Юліана къ преобразованію устарѣвшихъ формъ политеизма на новыхъ началахъ и къ созданію при посредствѣ ихъ универсальной религіозной системы. Теологическія воззрѣнія императора. Ученіе его о Первосубстанціи. Національные боги и ихъ отношеніе къ Верховному Существу. Дѣйствительность и необходимость бытія національныхъ боговъ. Низшіе боги, герои, гении, демоны и проч. Геліусъ и матеръ боговъ — Цибела и значеніе этихъ божествъ въ религіозной системѣ Юліана. Солидарность религіозныхъ учрежденій іудейства съ учреждениями языческихъ религій, по взгляду Юліана. Мѣсто іудейскаго Іеговы въ теологической системѣ императора. Его воззрѣнія на природу боговъ, твореніе міра и природу человѣка. Его ученіе о познаніи и теургіи, какъ средствъ для общенія между богами и людьми. Аскетизмъ, какъ путь для достиженія небеснаго отечества.....

155

Стремленіе Юліана преобразовать міеологическую сторону политеизма при посредствѣ аллегорическаго метода толкованія. Значеніе міеовъ въ дѣлѣ религіи, по взгляду императора, ихъ важность и необходимость. Попытка Юліана осмыслить внѣшній культъ язычества. Его стараніе оправдать поклоненіе идоламъ и придать ему высшее духовное значеніе въ связи съ попыткой защитить законность существованія и необходимость языческихъ жертвоприношеній, храмовъ, алтарей, священныхъ роцъ и другихъ принадлежностей древняго культа. Взглядъ Юліана на религіозные обряды и церемоніи язычества, какъ на обязанныя своимъ происхожденіемъ непосредственно самимъ богамъ.....

181

Юліанъ, какъ апологетъ язычества. Его воззрѣнія на мнимое превосходство языческихъ религій предъ іудействомъ и христіанствомъ. Основа политеизма — непосредственное откровеніе божества въ природѣ. Политическое могущество и блестящее умственное развитіе языческихъ націй, ихъ законодательство, процвѣтаніе наукъ и искусствъ какъ доказательство, по взгляду Юліана, превосходства политеизма предъ іудействомъ и христіанствомъ.....

192

Практическая реформа политеизма. Перенесеніе на его почву нѣкоторыхъ идей и учрежденій христіанской церкви. Планъ императора касательно преобразованія жреческаго сословія по образцу христіанской іерархіи. Идеаль языческаго жреца по воззрѣніямъ Юліана. Заботы императора придать языческимъ храмамъ харак-

теръ школъ для доставленія религіозно-нравственнаго образованія народу. Его мѣры къ устраниенію различныхъ безпорядковъ и приданію языческому богослуженію внѣшняго блескаго и великолѣпія. Стремленіе Юліана пересадить на почву язычества духъ христіанской любви и благотворительности въ связи съ заботами объ улучшеніи нравственной жизни языческаго общества. Учрежденіе языческихъ мужскихъ и женскихъ монастырей. Введеніе эпитимій, удостовѣрительныхъ и общительныхъ грамотъ (*ὑπαδικτά τετοπομένα, κληρονομά, ἐπιστολά*, — *epistolae formatae, communicatoriae*) и проч.... 202

Результаты дѣятельности Юліана, какъ верховнаго политическаго и религіознаго главы государства въ дѣлѣ возстановленія и преобразованія политеизма. Неудачи и несостоятельность всѣхъ его плановъ въ этомъ отношеніи. Холодность и равнодушіе языческаго общества. Недовольство противъ Юліана окружавшихъ его представителей языческой партіи и народной массы. Открытый разрывъ императора съ современнымъ ему языческимъ обществомъ, особенно рѣзко выразившійся въ Антиохіи. Разладъ его съ западными язычниками..... 228

Несостоятельность попытки Юліана къ внутреннему преобразованію политеизма. Неспособность греко-римскаго язычества къ обновленію своихъ устарѣвшихъ формъ и къ своему дальнѣйшему существованію въ исторіи. Несостоятельность попытки императора заимствовать изъ христіанства и перенести въ язычество нѣкоторыя идеи и учрежденія христіанской церкви..... 261

IV.

Отношеніе Юліана къ христіанству въ связи съ правительственными мѣрами императора, направленными къ его ослабленію.

Характеръ отношеній Юліана къ христіанству въ первое время по вступленіи на императорскій престолъ. Провозглашеніе принципа религіозной свободы и вѣротерпимости. Особенная благосклонность Юліана къ представителямъ различныхъ еретическихъ обществъ его времени. Гоненіе, поднятое имъ противъ православныхъ епископовъ — св. Афанасія, архіепископа Александрійскаго, Тита, епископа города Бостры въ Аравіи, и другихъ. Покровительство Юліана иудеямъ. Неудачная попытка сыновъ Израиля къ возстановленію своего національнаго святилища въ Іерусалимѣ. Подлинность и историческій характеръ указаннаго событія..... 272

Правительственныя распоряженія Юліана касательно лишенія христіанства правъ и привилегій государственной религіи. Внѣш-

нее юридическое униженіе христіанства. Онятіе у церкви город-
скихъ и общественныхъ имуществъ, подаренныхъ ей Константиномъ
Великимъ и его сыновьями, денежныхъ приношеній, священныхъ
сосудовъ и проч. Лишеніе клира правъ и привилегій, дарованныхъ
ему въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ. Потеря
вѣрующими правъ и преимуществъ, которыми они до сихъ поръ
пользовались наравнѣ съ языческимъ населеніемъ имперіи. Нрав-
ственное униженіе Юліаномъ христіанства и его послѣдователей.. 306

Возмущеніе языческой черни противъ вѣрующихъ, какъ необхо-
димый результатъ указанныхъ отношеній Юліана къ христіанству.
Насилія фанатичной языческой толпы, совершаемыя надъ христіа-
нами въ Геліополисѣ въ Келесиріи. Мученики, пострадавшіе за
Христа при этомъ случаѣ. Ненстоства язычниковъ противъ св.
Марка Ареузскаго. Возстаніе язычниковъ Александріи противъ
христіанскаго населенія этого города. Георгій, Драконтій и Діо-
доръ. Народныя волненія противъ христіанскихъ жителей города
Газы. Жестокости и насилія, испытываемыя отъ языческой черни
христіанскими пустынноиками..... 315

Справедливое негодованіе современнаго Юліану христіанскаго
общества противъ насилій, совершаемыхъ надъ вѣрующими языче-
скою толпою. Взглядъ на эти насилія лучшихъ изъ язычниковъ
того времени — Саллюстія и Ливанія. Крайне пристрастный харак-
теръ отношеній Юліана къ народнымъ возмущеніямъ противъ хри-
стіанъ. Отношенія къ нимъ префектовъ городовъ и начальниковъ
провинцій..... 328

Правительственные мѣры Юліана, направленные къ лишенію
вѣрующихъ средствъ полученія научно-классическаго образованія
въ духѣ ихъ религіи. Характеръ императорскихъ эдиктовъ, изда-
нныхъ по этому поводу. Взглядъ на ихъ значеніе большинства но-
вѣйшихъ изслѣдователей эпохи Юліана и его несостоятельность.
Слѣдствіе императорскихъ эдиктовъ, воспрещавшихъ христіанскимъ
наставникамъ преподаваніе въ школахъ. Св. Григорій Богословъ,
какъ выразитель общаго негодованія современнаго Юліану хри-
стіанскаго общества..... 336

Усилія Юліана въ дѣлѣ приобрѣтенія политеизма прозелитовъ
среди вѣрующихъ. Характеръ средствъ, употребляемыхъ для этого
императоромъ..... 349

Результатъ всѣхъ указанныхъ мѣръ Юліана, направленныхъ
къ ослабленію христіанства. Открытые протесты противъ нихъ
христіанскаго общества. Попытка вѣрующихъ ослабить вредныя
дѣйствія императорскихъ эдиктовъ, отдававшихъ общественное во-
спитаніе юношества исключительно въ руки однихъ языческихъ
наставниковъ. Выраженіе вѣрующими въ Антиохіи открытаго про-
теста противъ хитрой и коварной политики Юліана въ отношеніи
къ церкви..... 355

V.

Литературная полемика Юліана противъ христіанства въ связи съ изслѣдованіемъ сохранившихся до нашего времени его сочиненій.

СТРАН.

Юліанъ какъ писатель. Общая характеристика его литературныхъ произведеній.....	373
Подробное изслѣдованіе каждаго изъ нихъ въ частности. 1) Панагирики — императору Констанцію и императрицѣ Евсевіи.....	375
2) Мистико-теологическія сочиненія — гимны къ царю Геліосу и рѣчь къ матери боговъ — Цибелѣ.....	381
3) Сочиненія философскія — рѣчь противъ невѣжественныхъ циниковъ, рѣчь къ цинику Гераклію, утѣшеніе по случаю отъѣзда Саллюстія, письмо къ Фемистію и отрывокъ посланія къ Понтифексу.	384
4) Апологія къ сенату и народу аѳинскому.....	392
5) Сатирическія произведенія — Цезари и Мисопогонъ.....	394
6) Полемико-религіозное сочиненіе «противъ христіанъ» (κατὰ τοὺς χριστιανούς).....	417
7) Письма.....	444
8) Поэтическія отрывки.....	451

VI.

Политическая дѣятельность Юліана со времени окончательнаго разрыва его съ языческимъ и христіанскимъ обществомъ въ Антіохіи.

Война Юліана съ Персією. Религіозный характеръ предстоящаго похода. Опасенія вѣрующихъ. Вторженіе Юліана въ предѣлы Персіи. Его смерть.....	455
Заключеніе.....	459